Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт российской истории Российской академии наук

На правах рукописи

Курицын Сергей Владимирович

ФЕНОМЕН БРАТАНИЯ НА ЮГО-ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ В 1917 г. (по материалам российских архивов)

Специальность 5.6.1. – Отечественная история

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук
Базанов Сергей Николаевич

Москва, 2021

Оглавление

Введение……..……....4

Глава 1. Политическая ситуация на юго-западе России в 1917 г.…….68

1.1. Общий обзор деятельности Центральной Рады……..69

1.2. Общий ход украинизации частей русской армии……...85

Глава 2. Развитие братания на Юго-Западном фронте:

от массовости к спаду (март – август 1917 г.) ……..…97

2.1. Характер и специфика братания …….……...104

2.2. Явления, сопряжённые с братанием …….....163

2.3. Мероприятия командования и солдатских комитетов,

направленные на борьбу с братанием….. ……175

Глава 3. Эволюция братания на Юго-Западном фронте

в период большевизации солдатских комитетов

(сентябрь – конец октября 1917 г.)……....198

3.1. Особенности братания…….…..…….....200

3.2. Попытки командования, комиссаров и солдатских комитетов

противодействовать братанию…….. .....…….....235

Глава 4. Качественное изменение братания на Юго-Западном фронте

в послеоктябрьский период (ноябрь 1917 г. – январь 1918 г.)……..254

4.1. Характер братания в новых условиях ...…….……....260

4.2. Борьба большевистских ревкомов и большевизированных

солдатских комитетов со стихийным братанием и их усилия

по приданию ему организованного характера …….284

Заключение…….……....303

Список источников и литературы…….....312

Приложения

Приложение № 1. Боевое расписание армий Юго-Западного фронта

(1 марта – 13 декабря 1917 г.)…….……..…….……336

Приложение № 2. Боевое расписание войск Четверного союза,

противостоящих армиям русского Юго-Западного фронта
(15 февраля – 1 ноября 1917 г.)……. 395
Приложение № 3. Фотодокументы и открытки……...460
Список сокращений……..466

Введение

В 2017 году исполнился век событиям Великой Российской революции, оказавшей огромное влияние на ход истории не только нашего Отечества, но и всего мира. Масштабная трансформация, которой подверглась Россия в 1917 г., не могла не затронуть и её вооружённые силы, в которых в то время находилось около 9 млн человек. Следует также отметить, что столь глубокие изменения в жизни страны и армии происходили на фоне продолжавшейся Первой мировой войны. Именно вопрос о дальнейшем участии России в войне стал одним из самых важных в период пребывания у власти Временного правительства, и наиболее остро он стоял в действующей армии. Больше того, вопрос о войне и мире в значительной мере стал причиной конфликтов в армейской среде, вылившись в ряд антивоенных выступлений в войсках. Наиболее яркой их формой стало братание военнослужащих противоборствующих армий. Согласно общепринятому определению, под братанием понимается форма протеста солдат воюющих стран против войны, выражающаяся во встречах на нейтральной полосе на основе взаимного отказа от боевых действий[1].

Стоит сказать, что вооружённые силы в 1917 г., процессы, происходившие в них, неоднократно становились объектом внимания историков. Однако наряду с целым рядом детально разработанных в науке проблем (в частности, деятельности партии большевиков в армии, установление советской власти на фронтах), остались вопросы, получившие в литературе гораздо меньшее освещение. Среди них и проблема братания с противником. Настоящее диссертационное исследование посвящено изучению данного вида антивоенных выступлений.

Актуальность темы обусловлена несколькими важными факторами. Первым из них является то обстоятельство, что до сих пор не появилось ни одного монографического или диссертационного исследования, посвящённого ком-

[1] Великая Октябрьская Социалистическая Революция: энциклопедия / под ред. П.А. Голуба, Ю.И. Кораблёва, М.И. Кузнецова, Ю.Ю. Фигатнера. 3-е изд. доп. М., 1987. С. 66; Россия в Первой мировой войне. 1914–1918: Энциклопедия. В 3 т. / отв. ред. А.К. Сорокин. М., 2014. Т. 1. С. 203–204; Первая мировая война. Энциклопедический словарь. М., 2014. С. 131–133; Россия в 1917 году: энциклопедия / отв. ред. А.К. Сорокин. М., 2017. С. 102.

плексному рассмотрению братания. Кроме того, в 90-е гг. XX в. интерес к изучению братания, как и ряда других вопросов, связанных с установлением власти большевиков в стране и в армии в 1917 г., заметно снизился, что в значительной мере способствовало забвению этого феномена, характерного для Первой мировой войны, в массовом сознании россиян. Также необходимо отметить, что для современного общества, в котором зачастую индивидуальные и общественные интересы вступают в противоречие, изучение братания, как феномена, в ходе развития которого ярко проявилось столкновение интересов личности или группы лиц с интересами важнейшего государственного института – армии, значение которого особенно возрастает в период войны, представляет особый интерес. Исходя из этого, обращение к данной теме является весьма важным, поскольку оно призвано как восполнить определённые пробелы в изучении истории участия России в Первой мировой войне, что представляет собой актуальную научную задачу, так и создать в общественном сознании реальную картину событий той переломной эпохи.

Объектом диссертационного исследования является стратегическое объединение – Юго-Западный фронт русской действующей армии на Восточноевропейском ТВД. Предмет исследования составляет феномен братания солдат на Юго-Западном фронте, как явление, свойственное Первой мировой войне. В этой связи необходимо отметить, что избрание в качестве предмета исследования братания именно на Юго-Западном фронте было обусловлено тем, что на протяжении всего участия России в войне именно здесь проводились наиболее масштабные наступательные операции русской армии и, как следствие, было сосредоточено до половины войск, действующих на Восточноевропейском театре военных действий. Кроме того, здесь были сконцентрированы почти все народы, участвовавшие в войне в данном макрорегионе. А поскольку характер братания с представителями тех или иных этносов мог существенно отличаться, указанный факт представляется важным для настоящего исследования. Эти обстоятельства придают братанию на данном участке Русского фронта особую специфику.

Целью работы является комплексная характеристика феномена братания русских солдат с военнослужащими армий Четверного союза на Юго-Западном фронте в 1917 г. на основе современных достижений историографии и широкой источниковой базы: документов, хранящихся в российских архивах, документов, опубликованных в различных сборниках, материалов прессы, источников личного происхождения (мемуары, дневники, письма). Необходимо также подчеркнуть, что, несмотря на то, что братание является одним из проявлений революционных настроений в армии, в рамках данного исследования мы не пытались изучить развитие революционного процесса в армиях Юго-Западного фронта в целом, поскольку он довольно полно и всесторонне освещён в научной литературе[2].

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. выявить ментальные установки русского солдата-крестьянина, способствовавшие развитию братания;

2. определить характер и специфические черты, присущие братанию на Юго-Западном фронте на разных этапах его развития в 1917 – начале 1918 г.;

3. установить, насколько соотносимы между собой масштабы австро-германского пропагандистского воздействия на армии Юго-Западного фронта и уровень развития братания в различные месяцы 1917 г.;

4. определить степень влияния большевиков на развитие братания в армиях Юго-Западного фронта весной – осенью 1917 г., а также особенности их отношения к этому феномену в послеоктябрьский период;

5. выявить основные меры, направленные против развития братания, а также степень их эффективности в армиях Юго-Западного фронта в 1917 г.

Теоретико-методологические основы исследования зиждутся на принципах историзма и научной объективности. Принцип историзма даёт возможность

[2] См. напр.: *Ткачук А.Г.* Революционное движение в армиях Юго-Западного и Румынского фронтов накануне и в период Великого Октября (1916 – февраль 1918 гг.). В 2 т. Дис. док. ист. наук. Львов, 1967. Т. 1. Революционное движение в армиях Юго-Западного и Румынского фронтов накануне Великого Октября (1916 – октябрь 1917 г.). Львов, 1967. Т. 2. Борьба за власть Советов на Юго-Западном и Румынском фронтах в конце 1917-начале 1918 г. Львов, 1967; *Минц И.И.* История Великого октября. В 3 т. М., 1977–1979; *Френкин М.С.* Русская армия и революция. Мюнхен, 1978.

рассмотреть развитие братания в ходе Первой мировой войны в целом и на протяжении 1917 г. на Юго-Западном фронте в частности. Принцип научной объективности позволяет, опираясь на данные, полученные при изучении архивных материалов и других видов источников, непредвзято, не взирая на те или иные идеологические установки, реконструировать процесс развития братания в армиях Юго-Западного фронта.

В ходе проведения исследовательской работы также использовались как общенаучные (анализ, синтез), так и специально-исторические (хронологический, историко-сравнительный) методы. Использование методов анализа и синтеза при работе над диссертацией позволило, опираясь на данные, полученные из различных типов источников, в первую очередь архивных материалов, составить целостную картину развития братания на Юго-Западном фронте, выделив как общие черты этого феномена, наблюдавшиеся во всех армиях указанного фронта, так и особенности, присущие этому виду антивоенных выступлений, имевшие место на участках различных армий.

Использование проблемно-хронологического метода позволило не только выявить динамику нарастания и снижения количества случаев братания на Юго-Западном фронте, но и рассмотреть её в контексте политического процесса, происходившего в стране на протяжении 1917 г. Применение историко-сравнительного метода способствовало выявлению степени утраты боеспособности той или иной армией Юго-Западного фронта, одним из немаловажных показателей чего и являлся уровень развития братания на её участке.

Также для более полного понимания того, почему братание в 1917 г. получило столь широкое распространение, в ходе исследования были привлечены данные смежных наук, в частности этнографии, обращение к которой обусловлено тем, что подавляющую часть солдат русской армии составляли крестьяне, продолжавшие в значительной мере оставаться носителями ментальности традиционного общества, различные грани которой исследовались в рамках данной науки. Кроме того, при рассмотрении, в частности, динамики развития пропагандистского воздействия войск германского блока на армии Юго-

Западного фронта, выражавшегося в появлении и распространении новых разновидностей прокламаций в определённый временной промежуток, использовался метод контент-анализа.

Говоря о степени научной разработанности темы, следует отметить, что о братании на фронте стали писать ещё современники. Так, уже в мае 1917 г. вышла брошюра А. Жаркова «Германские прокламации и «братание»». В ней автор выражал негативное отношение к контактам с врагом, называя братание «новым оружием германцев»[3]. В сходном ключе оценивали братание статистик и демограф В.Г. Михайловский и врач В.Н. Катин-Ярцев[4]. Также весной была опубликована брошюра меньшевика А.М. Фишгендлера[5], автор которой хотя и признавал участие германского командования в организации братания, тем не менее в целом относился к нему менее критически. Летом 1917 г. была издана работа П.Д. Бурского «Братание с врагом»[6], а также брошюра «О революции, о войне и о земле»[7]. Необходимо отметить, что в вышеназванных брошюрах авторы приводят большое количество источников по теме, в частности, прокламаций немцев, писем, решений войсковых комитетов.

Необходимо остановиться и на статье В.К. Сережникова, помещённой в качестве приложения к изданным отдельной брошюрой статьям К. Каутского и А. Бебеля. Он же является автором предисловия к рассматриваемой книге, в котором также затрагивает вопрос о братании[8]. В.К Сережников, в частности, указывая на неприятие К. Каутским такого способа борьбы против войны, как военная стачка, отмечал: «А что такое братанье, как не одна из форм военной

---

[3] *Жарков А.* Германские прокламации и «братание»». Пг., 1917. С. 4.
[4] *Михайловский В.Г.* Революция и война. М., 1917. С. 22–23; *Катин-Ярцев В.Н.* Правда о войне. М., 1917. С. 12–13.
[5] *Фишгендлер А.М.* Солдаты фронта и вопросы войны и мира. Петроград, 1917.
[6] *Бурский П.Д.* Братание с врагом // Народные беседы. М., 1917. № 17.
[7] О революции, о войне и о земле (письма солдат и крестьян). Первая дюжина писем с приписками Старого учителя. Петроград, 1917.
[8] *Сережников В.К.* Революция и война // *Каутский К., Бебель А.* О патриотизме и войне. М., 1917. С. 5–6, 24–26.

стачки?»[9]. В целом же автор видел в братании одну из основных причин поражений армии и её прогрессирующего разложения.

Некоторое внимание уделил проблеме братания в книге «Социалисты во Второй русской революции»[10] и видный деятель партии кадетов, член ЦК (1906–1918 гг.) А.С. Изгоев (Ланде). Автор привёл выдержки из газет различных социалистических партий, а также из «Известий Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», касающиеся братания. С его точки зрения развитию этого вида антивоенных выступлений способствовали не только большевики, но и другие социалистические партии, представители которых принимали участие в конференции в Циммервальде[11] и последующих конференций социалистов[12]: «На второй или на третий день революции Циммервальд уже проскользнул в Россию. Это основной факт, без понимания которого нельзя разобраться во всех преступлениях и несчастьях, обрушившихся на наше отечество»[13]. Главной платформой, которая объединяла всех социалистов, прибывших в Циммервальд, А.С. Изгоев считал положение об «отрицании права защиты родины от вражеского нашествия»[14]. Необходимо отметить, что эти первые работы, посвящённые братанию на фронте, носили публицистический характер и выражали те или иные социально-политические воззрения их авторов.

В советской историографии 1920-х гг. братание не стало главным объектом внимания исследователей. В этот период больший упор был сделан на ана-

---

[9] Там же. С. 5.
[10] *Изгоев А.С.* Социалисты во Второй русской революции. Петроград, 1917.
[11] Конференция социалистов, прошедшая 5–8 сентября (новый стиль) 1915 г. в деревне Циммервальд (Швейцария). В ней приняли участие 38 делегатов из России, Италии, Германии, Швейцарии, Франции, Румынии и других стран. Накануне конференции В.И. Ленин организовал группу социалистов-интернационалистов – Циммервальдскую левую, которой на конференции противостояло центристское и полуцентристское большинство (Циммервальдский центр во главе с Р. Гриммом). Основным вопросом конференции был вопрос о борьбе пролетариата за мир. В ходе его обсуждения представители Циммервальдской левой внесли проекты резолюции и манифеста, в которых раскрывался империалистический характер войны и содержался призыв к рабочим воюющих стран к гражданской войне с целью завоевания политической власти. В итоге конференция приняла компромиссный манифест, который, однако, признавал империалистический характер войны и указывал (хотя и в недостаточно чётких выражениях) на «лживость» лозунга защиты Отечества.
[12] Имеются ввиду конференции социалистов в Кинтале (Швейцария), проходившей с 24 по 30 апреля 1916 г. и в Стокгольме, состоявшейся в сентябре 1917 г.
[13] *Изгоев А.С.* Социалисты во Второй русской революции… С. 12.
[14] Там же. С. 13.

лизе опыта Первой мировой войны. Однако в некоторых работах братанию всё же было уделено некоторое внимание. Так, упоминал о братаниях в своей книге В.И. Вегер[15]. Затем вышла работа В. Хохлова, в которой приведены некоторые сведения о братании[16]. Однако в 1930-е гг. на фоне изменившейся ситуации на международной арене, в особенности после прихода к власти в Германии А. Гитлера и складывания антикоминтерновского пакта, работы, посвящённые изучению братания с немцами, практически не появлялись[17]. В годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период конца 40-х – начала 50-х гг. по вполне понятным причинам феномен братания также не привлекал внимания историков.

Во второй половине 50-х гг. в связи с наметившимся стремлением актуализировать ленинское идеологическое наследие стали появляться работы, в которых в той или иной мере изучалось братание. Одной из наиболее ранних из них стала монография Я.Г. Тёмкина[18]. В 1967 г. опубликовал свою статью А.Г. Ткачук[19]. В ней автор исследовал братание на Юго-Западном и Румынском фронтах. В статье, помимо прочего, исследователем была сделана попытка осветить антивоенную деятельность немецких, австро-венгерских, польских, румынских левых партий и групп и, в частности, их отношение и роль в организации братаний на Восточном (Русском) фронте. Вместе с тем А.Г. Ткачук указывал на вторичную роль социал-демократии стран Четверного союза по сравнению с ролью большевиков в деятельности по организации братания[20]. Кроме того, в статье историк предложил и свою периодизацию исследуемого

---

[15] *Вегер В.И.* К изучению ленинизма. Ленин. Большевики. Диктатура пролетариата. Иваново-Вознесенск, 1924. С. 21.

[16] См.: *Хохлов В.* Тактические разногласия среди большевиков в 1917 г. М., 1931. С. 10, 11, 13.

[17] В контексте борьбы большевиков за солдатские массы о братании упоминалось в таких фундаментальных изданиях, как: *Раткевич К.И.* Октябрь на фронте. М., 1932. С. 18, 27; ВКП(б) и военный вопрос / Под общ. ред. В. Котовича и др. Ленинград, 1933–1934. Вып. 4 [а]: военная и военно-боевая работа ВКП(б) в 1917 году. Ленинград, 1933. С. 26–27; История Гражданской войны в СССР. В 5 т. 1935–1960. Т. 1. Подготовка Великой пролетарской революции. М., 1935. С. 143–146, 245–251; История ВКП(б). Краткий курс / под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). М., 1938.

[18] *Тёмкин Я.Г.* Большевики в борьбе за демократический мир. М., 1957.

[19] *Ткачук А.Г.* Братание на фронтах в 1917 г. (по материалам Юго-Западного и Румынского фронтов) // Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции. М., 1967. С. 131–145.

[20] См.: там же. С. 133.

вида антивоенных выступлений: «Историю братания 1917 г. можно подразделить на два основных этапа: 1) стихийное братание, «обставленное всякого рода предосторожностями» … ; 2) организованное братание с ярко выраженным политическим содержанием. Первый этап братания приблизительно совпадает с двоевластием в России, второй – охватывает период с октября 1917 по март 1918 г.»[21]. Также обращает на себя внимание тезис автора о том, что «инициатива братания в большинстве случаев исходила от русской стороны»[22]. Данное утверждение представляется спорным[23]. Особый интерес вызывает также тот факт, что А.Г. Ткачук рассмотрел некоторые стороны братания, которые большинство советских исследователей предпочитали не освещать. Так историк отмечал: «Русским парламентёрам, в частности, категорически запрещалось входить в общение с рядовыми солдатами австро-немецкой армии. Переговоры вели, как правило, прошедшие школу разведки и контрразведки немецкие офицеры … переговоры нередко использовались для оперативной разведки». Более того, А.Г. Ткачук указал, что военное командование стран германского блока использовало «… официальные материалы немецкой прессы, а также «Русский вестник» и «Неделю», издаваемые правительством Германии с целью ослабления боеспособности русской армии»[24]. Более полно братание на Юго-Западном и Румынском фронтах было исследовано А.Г. Ткачуком в его докторской диссертации[25]. Во второй главе первого тома работы, «Революционное движение на Юго-Западном и Румынском фронтах в период Февральской революции и двоевластия», автор, наряду с рассмотрением различных антивоенных выступ-

[21] Там же. С. 135.
[22] Там же. С. 132.
[23] См. напр.: *Алексеев М.В.* Из дневника генерала М.В. Алексеева // Русский исторический архив. Прага, 1929. Сб. 1. С. 16–17; Выдержка из доклада о поездке на фронт членов Государственной думы А.М. Масленникова и П.М. Шмакова // Головин Н.Н. Россия в первой мировой войне. М., 2014. С. 507–508, 509–510.
[24] *Ткачук А.Г.* Братание на фронтах в 1917 г. (по материалам Юго-Западного и Румынского фронтов)… С. 137.
[25] *Ткачук А.Г.* Революционное движение в армиях Юго-Западного и Румынского фронтов накануне и в период Великого Октября (1916 – февраль 1918 гг.). В 2 т. Дис. док. ист. наук. Львов, 1967. Т. 1. Революционное движение в армиях Юго-Западного и Румынского фронтов накануне Великого Октября (1916 – октябрь 1917 г.). Львов, 1967. Т. 2. Борьба за власть Советов на Юго-Западном и Румынском фронтах в конце 1917 – начале 1918 г. Львов, 1967.

лений, уделил внимание и братанию в армиях изучаемых им фронтов в весенние месяцы 1917 г., сделав, однако, акцент на первомайских братаниях. В главе 4 того же тома «Нарастание революционного движения на фронте в период общенационального революционного кризиса» А.Г. Ткачук также, в контексте ситуации, сложившейся осенью 1917 г. на указанных фронтах, рассмотрел и развитие здесь братания. Кроме того в пятой главе, входящей во второй том исследования, «Октябрьская революция на Юго-Западном и Румынском фронтах», автор уделил внимание и братанию, которому ревкомы и большевизированные солдатские комитеты стремились придать организованный характер. Таким образом, необходимо отметить, что А.Г. Ткачук внёс существенный вклад в исследование братания на Юго-Западном фронте, введя в научный оборот значительный пласт архивных документов. Вместе с тем, данная работа не лишена и определённых недостатков. Так, историком не было уделено достаточного внимания специфике братания в различных армиях Юго-Западного фронта. Кроме того, подробно осветив репрессивные меры командования, направленные против братания, А.Г. Ткачук в меньшей степени рассмотрел превентивные мероприятия, целью которых было предотвращение данного вида антивоенных выступлений. Также не получил должного освещения вопрос об отношении солдат различных частей и соединений той или иной армии к братанию, а значит о степени эффективности принимаемых командованием, солдатскими комитетами и комиссарами Временного правительства мер.

В 1960-е гг. также была проведена важная работа по систематизации документального материала, в котором содержалась информация о братании. Её итогом стала статья В.В. Кутузова[26]. В ней автором проведён анализ фондов Центрального государственного военно-исторического архива (ЦГВИА СССР, ныне РГВИА), в которых имеется значительный массив источников о братании на различных участках Восточноевропейского ТВД. Кроме того, исследователь разработал свою периодизацию рассматриваемого вида антивоенных выступ-

[26] *Кутузов В.В.* Документы о братаниях в фондах ЦГВИА // Советские архивы. 1968. № 4. С. 98–101.

лений, отличающуюся от периодизации, которую предложил А.Г. Ткачук в сторону большей детализации. В.В. Кутузовым были выделены следующие этапы развития братания: первый период – «…от Февральской революции до начала июньского наступления на фронте (март – июнь)»; второй период – «… от июньского наступления до разгрома корниловщины (вторая половина июня – август)»; третий период – «… После поражения корниловщины и вплоть до победы Великой Октябрьской социалистической революции»; четвёртый период – «… с первых дней победы Великой Октябрьской социалистической революции и принятия II Всероссийским съездом Советов Декрета о мире вплоть до заключения перемирия на фронте (25 октября – 2 декабря 1917)»[27]. Каждый из обозначенных периодов кратко охарактеризован В.В. Кутузовым относительно роста или снижения числа случаев братания на фронте. Интерес представляют также приведённые автором статьи данные о количестве эпизодов братания в октябре по фронтам, в том числе по Юго-Западному, и по Русскому фронту в целом. Согласно подсчётам исследователя, таких фактов на Юго-Западном фронте насчитывалось 64, а по всему Восточноевропейскому ТВД было не 53, как утверждалось в документах Ставки, а 414 эпизодов[28]. Таким образом, необходимо отметить, что данная статья В.В. Кутузова занимает особое место среди работ, посвящённых рассмотрению братания, поскольку содержащаяся в ней информация будет и в дальнейшем представлять интерес для новых поколений исследователей, занимающихся изучением проблемы братания.

Несколько позже вышли в свет работы, в которых антивоенным выступлениям вообще и братанию, в частности, также уделялось внимание. Так, в труде В.Г. Ивашина отдельная глава посвящена братанию на Западном фронте в период заключения перемирия со странами германского блока[29]. Ещё одна работа, в которой уделено внимание рассмотрению интересующей нас проблема-

[27] Там же. С. 100.
[28] Там же. С. 99.
[29] См.: *Ивашин В.Г.* Большевики Белоруссии и Западного фронта в борьбе за осуществление ленинского Декрета о мире. Минск, 1972. С. 231–265.

тики, принадлежит Е.Н. Истрати[30]. Антивоенным выступлениям в 1917 г. в данном труде посвящены главы II–IV[31]. В этой монографии автором исследованы материалы Румынского фронта.

Некоторое внимание братанию уделил в своём фундаментальном труде «История Великого Октября» И.И. Минц. Им, в частности, были приведены данные о количестве случаев братания на Русском фронте, хотя и далеко не полные[32]. К этому же времени относится работа Н.М. Якупова[33]. В ней автор посвятил часть третью главы III рассмотрению братания до октября 1917[34]. Кроме того, в главе IV[35], в которой освещён переход Советского правительства к мирным переговорам со странами Четверного союза, братанию также уделено некоторое внимание. Надо сказать, что автор привёл эпизоды братания по всему Восточноевропейскому театру военных действий и даже указал некоторые количественные показатели[36]. В целом в данной работе братание не являлось главным предметом исследования, а рассматривалось в контексте распространения в армии революционных настроений. Некоторые сведения о братании содержались также в статьях Л.И. Велигуры[37].

Отдельно необходимо остановиться на труде М.С. Френкина. Эту работу нельзя в полной мере отнести к советской историографии, поскольку историк эмигрировал из СССР. Однако основной материал для данного исследования был им собран в советских архивах. М.С. Френкиным в данной монографии

---

[30] *Истрати Е.Н.* Демократическое движение за мир на Румынском фронте в 1917 году. Кишинёв, 1973.
[31] См.: там же. С. 26–119.
[32] *Минц И.И.* История Великого октября. В 3 т. М., 1977–1979. Т. 2. С. 745.
[33] *Якупов Н.М.* Революция и мир (Солдатские массы против империалистической войны) (1917 – март 1918). М., 1980.
[34] *Он же.* Братание-солидарность солдат противоборствующих армий в борьбе за мир // Указ. соч. С. 120–133.
[35] *Он же*. Борьба за осуществление ленинской программы мира // Указ. соч. С. 134–196.
[36] *Он же.* Указ. соч. С. 130.
[37] *Велигура Л.И.* В.И. Ленин о значении братания на русско-германском фронте в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции // Вопросы германской истории. Межвуз. темат. сб. науч. трудов. Вып. 5. Днепропетровск, 1977. С. 28–39; *она же*. К вопросу о братании на русско-германском фронте в период борьбы Советской России за претворение в жизнь Декрета о мире (ноябрь-декабрь 1917) // Вопросы германской истории. Русско-германские отношения Нового и Новейшего времени. Днепропетровск, 1982. С. 96–104.

предлагался совершенно отличный от господствовавшей в советской историографии точки зрения взгляд на братание. Исследователем приведены многочисленные факты, доказывающие заинтересованность в развитии братания австро-германского командования и использовании его в целях разведки[38].

Подводя итоги анализа работ, вышедших в свет с начала 1920-х до 1991 г., необходимо отметить, что за эти десятилетия были изучены многие аспекты братания на различных участках Восточноевропейского театра военных действий. Наиболее детально рассмотрена роль партии большевиков в развитии данного вида антивоенных выступлений. Также был введён в научный оборот значительный массив архивных материалов. Вместе с тем, нельзя не отметить тот факт, что, в силу сложившейся в стране политической ситуации, в большинстве из приведённых выше работ братание рассматривалось исключительно сквозь призму марксистско-ленинской методологии, что придавало исследованиям данного феномена определённую однобокость. Кроме того, в работах советского времени зачастую имела место тенденция к преувеличению влияния большевиков на солдатские массы, в том числе и по вопросу братания.

В постсоветский период в результате исчезновения идеологических рамок стало возможным появление новых более объективных по своим подходам к проблеме братания исследований. Все работы, вышедшие в конце XX – начале XXI в., можно подразделить на несколько направлений, отражающих тот или иной подход к исследуемой проблематике: рассмотрение братания как, по преимуществу, деятельности австро-германского командования, направленной на подрыв боеспособности русской армии; исследование ментально-психологических предпосылок возникновения и развития братания, а также рассмотрение его с точки зрения психологии масс; работы, относящиеся к научному направлению «memory studies», в рамках которого исследуются случаи братания на Западном (Французском) фронте и их след в культурной памяти современных европейцев.

[38] *Френкин М.С.* Русская армия и революция. Мюнхен, 1978. С. 173–177, 265–267, 270, 676.

Одним из наиболее ранних трудов, относящихся к первому из указанных направлений, является монография Ю.Г. Фельштинского. В ней автором уделено внимание братанию во второй половине 1917 г. и показано, как использовало его в своих целях австро-германское командование[39]. Исследователь задействовал материалы из фондов европейских архивов и архивов США, а также ряд других источников, что позволило рассмотреть братание в новом, не традиционном для работ прежних лет, свете. Однако автор не ставил своей целью изучение братания непосредственно, а потому исследовал его лишь в контексте происходивших в стране событий.

Необходимо остановиться на статьях С.Н. Базанова[40], которые также следует отнести к первому из выделенных направлений. Указанные статьи написаны на основе широкого круга источников, в том числе ранее не публиковавшихся архивных документов, в частности, из фондов РГВИА. Кроме того, необходимо отметить, что С.Н. Базановым была предложена периодизация развития братания, отличная от периодизаций А.Г. Ткачука и В.В. Кутузова: «первый этап от кануна Февраля до известной ноты министра иностранных дел Временного правительства П.Н. Милюкова (конец февраля – 17 апреля) … Второй этап охватывает период от Апрельского кризиса до кануна Июньского наступления на фронте (18 апреля – 17 июня) … Третий этап … от начала Июньского наступления до ликвидации Корниловского движения (18 июня –

---

[39] *Фельштинский Ю.* Крушение мировой революции. Брестский мир: Октябрь 1917 – ноябрь 1918. М., 1992. С. 42–43.

[40] *Базанов С.Н.* К истории развала русской армии в 1917 году // Армия и общество, 1900–1941 гг. Статьи, документы М., 1999. С. 51–76; *он же.* «Немецкие солдаты стали … переползать к русским «товарищам» и брататься с ними» // Военно-исторический журнал. 2002. № 6. С. 43–50; *он же.* Феномен братания в Первую мировую войну // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2003/2004. Новые научные направления. М., 2005. С. 287–301; *он же.* Феномен братания // Наука в России. 2005. № 4 (148). С. 99–106; *он же.* Братание-порождение Первой мировой войны // Преподавание истории в школе. 2006. № 3. С. 22–26; *он же*. Братание-одна из причин развала русской армии в 1917 году // Мир и политика. 2011. № 3. С. 50–55; *он же.* Феномен братания на Русском фронте // Первая мировая война в истории и культуре России и Европы: сб. статей. Калининград, 2013. С. 154–162; *он же*. Братание на фронте // Первая мировая война. Энциклопедический словарь. М., 2014. С. 131–133; *он же.* Братание на Русском фронте в годы Первой мировой войны // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918: материалы международной научной конференции (Москва, 30 сентября – 3 октября 2014). М., 2014. С. 283–289; *он же.* Братание как феномен Первой мировой войны // Первая мировая война-пролог XX века. Материалы международной научной конференции. (Москва, 8–10 сентября 2014). Ч. 2. М., 2015. С. 215–222.

31 августа) … Четвёртый этап хронологически совпадает с начавшимся в стране общенациональным кризисом и завершается взятием власти большевиками (начало сентября – 24 октября)»[41]. Каждому из выделенных этапов в статье дана краткая характеристика. Однако в рассмотренных работах С.Н. Базанов исследовал братание на Русском фронте в целом, что не позволило обратиться к рассмотрению специфики данного вида антивоенных выступлений на отдельных участках Восточноевропейского ТВД.

К этому же направлению следует отнести и статью В.В. Бондаренко[42]. Несколько особняком стоит работа Ю.А. Бахурина[43], в которой, на основе воспоминаний участников событий, описываются первые эпизоды братания на Русском фронте. Однако в данной работе автор в основном ограничился описанием произошедших событий, не предлагая выводов о причинах и характере рассмотренных им эпизодов братания.

В рамках второго из выделенных направлений (исследование ментально-психологических предпосылок возникновения и развития братания, а также рассмотрение его с точки зрения психологии масс) данный вид антивоенных выступлений исследовал А.Б. Асташов[44]. В его работах братание рассмотрено на основе широкого круга источников, основу которых составляют ранее не введённые в научный оборот материалы РГВИА. Также исследователем привлекались материалы этнографии, которые позволяют понять глубинные истоки братания на Восточноевропейском ТВД. Однако, как и в работах С.Н. Базанова, в указанных статьях А.Б. Асташова братание изучалось на протяжении всего Русского фронта, что не позволило полнее сакцентировать внимание на особенностях братания на том или ином его участке.

---

[41] *Базанов С.Н.* Антивоенные выступления на фронте в марте-октябре 1917 г. Причины и последствия // Забытая война и преданные герои. М., 2011. С. 265–266.

[42] *Бондаренко В.В.* Братания на фронте // Россия в Первой мировой войне. 1914–1918. Энциклопедия. В 3 т. Т. 1. М., 2014. С. 203–205.

[43] *Бахурин Ю.А.* О первых братаниях с противником в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 2010. № 12. С. 167–168.

[44] *Асташов А.Б.* Братания на Русском фронте Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2011. № 2. С. 29–41; *он же*. Братания на Русском фронте Первой мировой войны: между пацифизмом и мировой революцией // Первая мировая война, Версальская система и современность. Сб. статей / отв. ред. И.Н. Новикова, А.Ю. Павлов. СПб., 2012. С. 40–47.

Важные сведения об эволюции образа врага, а значит и о возможности возникновения и развития братания на Восточноевропейском ТВД, содержатся в работах Е.С. Сенявской[45]. Также существенные аспекты, связанные с изучаемой нами проблематикой, затронуты в работах В.Б. Аксёнова[46], В.П. Булдакова[47], А.С. Сенина[48], О.С. Поршневой[49], С.А. Солнцевой[50]. Во всех этих трудах с разных сторон исследованы ментальность различных групп населения России начала XX в. и те факторы, которые оказывали влияние на восприятие людьми той эпохи различных явлений общественной жизни. Это во многом позволяет понять и причины зарождения и развития братания.

К третьему из выделенных направлений относятся статьи М.А. Оболонковой[51], в которых исследовались вопросы братания на Западном (Французском) фронте в контексте научного направления «memory studies»[52]. Автором изучался оставленный этими событиями след в культурной памяти европейцев, а также их значение для «формирования современной европейской идентичности»[53]. В статьях проанализирована источниковая база, позволяющая составить представление об имевших место на указанном ТВД событиях, мен-

---

[45] *Сенявская Е.С.* «Образ врага» в сознании участников Первой мировой войны // Россия и Европа в XIX–XX веках: проблемы восприятия народов, социумов, культур / Сб. науч. трудов. М., 1996. С. 75–85; *она же.* Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006. С. 62–72; 162–173.

[46] *Аксёнов В.Б.* Социально-психологическая атмосфера российского общества в 1914–1917 годах: к природе слухов и фобий // Вестник Новосибирского государственного университета (НГУ). Серия: История, Филология. Т. 14. Вып. 1 (История). Новосибирск, 2015. С. 119–133.

[47] *Булдаков В.П.* Феномен революционного национализма в России // Россия в XX веке: Проблемы национальных отношений. М., 1999. С. 204–220; *он же.* Кризис империи и революционный национализм начала XX в. в России // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 29–45; *он же.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. Изд. 2-е доп. М., 2010.

[48] *Сенин А.С.* Военное министерство Временного правительства. М., 1995; *он же.* Русская армия в 1917 г. Из истории Военного министерства Временного правительства. М., 2017.

[49] *Поршнева О.С.* Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914–1918). Екатеринбург, 2000.

[50] *Солнцева С.А*. Без царя в голове. Социальная модернизация русской армии в период войны и революции (февраль – ноябрь 1917 г.). М., 2020.

[51] *Оболонкова М.А.* Эпизод истории Великой войны как элемент исторической памяти европейцев: Рождественское перемирие 1914 года // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2010. № 1. С. 8–14; *она же.* Фронтовое Рождество 1914 года в культурной памяти европейцев // Первая мировая война в истории и культуре Европы. Сб. статей. Калининград, 2013. С. 276–283.

[52] К научному направлению «memory studies» относятся также работы: *Йейтс Ф.* Искусство памяти. СПб., 1997; *Хаттон П.* История, как искусство памяти. СПб., 2003; *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. М., 2007.

[53] *Оболонкова М.А.* Фронтовое Рождество 1914 года в культурной памяти европейцев… С. 282.

тальные особенности солдат различных армий, анализ которых позволяет понять, почему для британских солдат братание с немцами было вполне возможно, тогда как для французов (за редким исключением) оставалось неприемлемым[54]. М.А. Оболонкова коснулась и братаний на Восточном (Русском) фронте, указав, в частности, что здесь чаще «приходились они не на Рождество, а на пасхальные дни»[55]. Говоря о влиянии братаний на состояние российских войск, в особенности после Февральской революции, исследователь отметила, что они «… вкупе с другими обстоятельствами привели к падению боевого духа русской армии»[56].

К 100-летию как Первой мировой войны, так и Российской революции вышел в свет ряд фундаментальных энциклопедических изданий, где помещены статьи о братании[57]. Также в последние годы были опубликованы новые работы А.Б. Асташова[58], С.Н. Базанова[59], монографии М.М. Смольянинова[60], Л.В. Ланника[61]. В 2019 году вышло новое исследование Ю.А. Бахурина. В нём отдельная глава посвящена изучению различных аспектов братания как на Восточном (Русском), так и на Западном (Французском) фронтах[62]. Исследователем была освещена ментальная основа возникновения братания, а также отмечалась заинтересованность в его развитии в 1917 г. командования австро-германских войск и большевиков[63]. Означенную работу, таким образом, следует отнести, в большей мере, ко второму выделенному нами направлению в современной историографии братания. Вместе с тем, необходимо оговориться,

---

[54] *Оболонкова М.А.* Эпизод истории Великой войны как элемент исторической памяти европейцев… С. 10, 11; ср.: *она же*. Фронтовое Рождество 1914 года в культурной памяти европейцев… С. 279.
[55] *Оболонкова М.А.* Эпизод истории Великой войны… С. 11.
[56] Там же. С. 11.
[57] Россия в Первой мировой войне. 1914–1918: Энциклопедия. В 3 т. / отв. ред. А.К. Сорокин. М., 2014. С. 203–205; Первая мировая война. Энциклопедический словарь. М., 2014. С. 131–133; Россия в 1917 году: энциклопедия / Отв. ред. А.К. Сорокин. М., 2017. С. 102–103.
[58] *Асташов А.Б.* Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. М., 2014.
[59] *Базанов С.Н.* Великая война: как погибала Русская армия. М., 2014; *он же.* Первая мировая. От «войны до победного конца» к «миру любой ценой». М., 2017.
[60] *Смольянинов М.М.* Морально-боевое состояние российских войск Западного фронта в 1917 году. Минск, 2007; *он же.* Беларусь в Первой мировой войне 1914–1918 гг. 2-е изд. доп. Минск, 2018.
[61] *Ланник Л.В*. Русский фронт, 1914–1917 годы. СПб., 2018. С. 179–180.
[62] *Бахурин Ю.А.* Фронт и тыл Великой войны. М., 2019. С. 371–400.
[63] Там же. С. 391–394, 396, 400.

что в названных нами монографиях в той или иной мере имеет место синтез обозначенных выше подходов к исследованию феномена братания, что, безусловно, является наиболее перспективным для дальнейшего исследования данного вида антивоенных выступлений. Таким образом, изучение феномена братания в настоящее время продолжается, хотя и весьма ограниченным кругом исследователей. Также необходимо отметить, что выделенные нами направления (подходы) в современной историографии братания не противостоят, а дополняют друг друга, позволяя сформировать более полную картину исследуемого феномена.

Представляется важным также дать краткую характеристику степени изученности рассматриваемой проблематики в рамках русской зарубежной историографии. Некоторое внимание развитию братания в 1917 г. уделил в своей работе «История второй русской революции» П.Н. Милюков[64]. В 2014 г. этот труд был переиздан в России. Следует отметить, что автор рассмотрел эпизоды братания и посылки «парламентёров» австро-германской стороной параллельно с анализом содержания пропагандистского материала Четверного союза, приводя наиболее значимые цитаты из текстов листовок и газет[65]. Необходимо также отметить, что, хотя исследование было выполнено профессиональным историком, оно, тем не менее, неизбежно отражает политические взгляды автора – участника событий. Также затрагивал вопрос о братании в работе Н.Н. Головин. Книга впервые вышла в Париже в 1939 г., а в 2014 г. была переиздана в России[66]. Помимо рассмотрения положения, складывавшегося в действующей армии в связи с развитием братания, в приложении к работе приведён ряд документов, во многих из которых содержатся сведения по рассматриваемой теме. Также в предисловии к книге П.Н. Краснова «Душа армии», содержание которой будет проанализировано ниже, Н.Н. Головин, хотя и не обращался к рассмотрению феномена братания, однако указал на два фактора,

---

[64] *Милюков П.Н.* История второй русской революции. Вып. 1–3. София, 1921–1924. (СПб., 2014).
[65] Там же. С. 110–111; 115–119.
[66] *Головин Н.Н.* Военные усилия России в Мировой войне. Париж, 1939. (Россия в Первой мировой войне. М., 2014).

обусловливающие поведение бойца – чувство страха и усталость, остановившись более подробно на последнем[67]. Оба эти фактора сыграли важную роль в развитии братания на Русском фронте в 1917 г. Однако необходимо отметить, что в целом феномен братания не стал главным объектом внимания исследователей из среды русских эмигрантов, хотя и в ряде работ ими затрагивались вопросы, связанные с братанием.

Так, в своём исследовании генерал-лейтенант А.В. Геруа рассматривал неразрывно связанную с братанием проблематику сохранения и поддержания боевого духа войск. Исследователем противопоставлялись армии, формируемые из профессионалов и войска, комплектуемые на основе всеобщей воинской повинности («милиция»). В преобладании последнего из названных принципов автор видел причину упадка дисциплины как в русской, так и в ряде других европейских армий, поскольку «… нынешняя армия, по мере дальнейшего своего милиционирования, будет становиться всё менее надёжной опорой государственной власти, всё менее и менее действительным средством в руках командования на театре войны и всё более и более верным орудием внутренней политической борьбы классов, которую даже может вызвать и ускорить»[68]. А.В. Геруа полагал, что поддерживать дисциплину в войсках возможно при наличии хорошо подготовленного профессионально офицерства, являющегося одновременно и носителем духа армии, а также считал, что с развитием военной техники необходимость в мобилизации значительного количества мужского населения постепенно отпадёт[69]. Таким образом, данное исследование было направлено на то, чтобы в дальнейшем уберечь массовые армии от разложения, выявив основные его причины.

В 1924 г. была опубликована работа генерал-майора А.Г. Попова, в которой была сделана попытка исследовать феномен воинской дисциплины. Автор

---

[67] *Головин Н.Н.* Обширное поле военной психологии // Душа армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооружённой силы / Российский военный сборник. Вып. 13. М., 1999. С. 17–18.
[68] *Геруа А.В.* Полчища. София, 1923. С. 40.
[69] Там же. С. 29–31, 35–36, 40, 44, 45, 47, 49, 55, 59, 62, 68–70, 73.

предложил своё определение этого явления, согласно которому: «воинская дисциплина есть воинская нравственность, как один из видов общечеловеческой нравственности … совокупность живущих в войске понятий – о воински добром и злом»[70]. Однако А.Г. Попов подчеркнул, что жёсткое отделение воинской нравственности от общегражданской недопустимо. Анализируя ситуацию, сложившуюся в армии в 1917 г., исследователь пришёл к выводу, что «нет и не может быть никакой «старой» и «новой» дисциплины. Есть единая воинская дисциплина»[71]. Вместе с тем, А.Г. Попов отделял муштру от дисциплины. Данная работа имеет косвенное отношение к исследуемой нами теме.

В 1927 г. в Берлине вышла в свет работа генерал-майора П.Н. Краснова[72]. В ней также не изучалось братание непосредственно, однако был рассмотрен ряд факторов, обусловивших его возникновение и развитие. Так, автором исследовалось значение страха, как чувства, воздействующего на поведение человека на войне. Кроме того, П.Н. Краснов попытался проанализировать значение общественного мнения, как фактора, влияющего на боеспособность армии, а также им исследовалось непосредственно состояние русского общества в 1812 и в 1914–1917 гг. Отдельно был рассмотрен потенциал русской армии накануне и в период Первой мировой войны. Высоко оценивая боевое и моральное состояние войск на 1914 г., далее П.Н. Краснов, как и А.В. Геруа, утверждал, что после того, как из строя выбыло значительное количество кадровых военных, и армия была пополнена призывниками, не знакомыми с воинскими традициями, боевые качества армии значительно ухудшились. В частности, стало распространяться мнение о превосходстве германских войск[73]. Важнейшим фактором стабильности армии и общества, по мнению автора является религия, причём

---

[70] *Попов А.Г.* Философия воинской дисциплины // Душа армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооружённой силы / Российский военный сборник. Вып. 13. М., 1999.. С. 171.
[71] Там же. С. 165.
[72] *Краснов П.Н.* Душа армии // Душа армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооружённой силы / Российский военный сборник. Вып. 13. М., 1999. С. 35–150.
[73] Там же. С. 107–108.

«… христианская, магометанская, буддийская, всё равно»[74]. Таким образом, данная работа, хотя во многом приближается к публицистике, тем не менее представляет собой одну из первых попыток исследования военной психологии.

В середине 20-х – начале 30-х гг. в Шанхае неоднократно издавалась статья Генерального штаба полковника Н.В. Колесникова[75]. В ней автор касался вопроса о возросшем в период Первой мировой войны значении пропаганды и агитации, как нового средства борьбы с противником. Исследователь, кратко охарактеризовав пропагандистскую работу Германии, а также партии большевиков и отмечая её возросшие, в сравнении с прежним временем, масштабы, вместе с тем, отмечал: «… как Германия, так и СССР, до настоящего времени широко использовали это средство (пропаганду и агитацию, – С.К.), удачно применили и работают им, но как те, так и другие пока ещё только кустари, и до настоящего времени никем не создана наука об агитации и пропаганде»[76]. В целом же Н.В. Колесниковым не были предприняты попытки определить масштабы пропаганды Германии и её союзников в период Первой мировой войны. Не рассматривал он и интересующий нас феномен братания, посредством которого в значительной мере осуществлялось пропагандистское воздействие на русскую армию. Из этого следует сделать вывод о том, что данная статья имеет к исследуемой нами теме опосредованное отношение.

Связанные с братанием явления рассматривал в своих трудах Генерального штаба полковник Е.Э. Месснер. Он стал автором концепции «всемирной мятежевойны», в соответствие с которой утверждал, что главными средствами ведения современной войны становятся партизанство, повстанчество, глобальный терроризм. Е.Э. Месснером был проанализирован опыт двух мировых войн, а также локальных конфликтов середины XX в. При анализе положения на Восточном (Русском) фронте Первой мировой войны, автор затронул вопрос

---

[74] Там же. С. 109.
[75] *Колесников Н.В.* О стратегии духа и прежних ошибках // Душа армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооружённой силы / Российский военный сборник. Вып. 13. М., 1999. С. 232–241.
[76] Там же. С. 234.

о подрыве боевого духа как войск, так и народа в целом посредством пропагандистского воздействия[77]. В 2005 г. работы Е.Э. Месснера вышли в рамках очередного выпуска серии «Российский военный сборник». Ряд её выводов остаётся актуальным и в наше время.

Теперь необходимо перейти к характеристике работ иностранных авторов. Вначале следует кратко остановиться на степени разработанности изучаемой темы в рамках современной украинской историографии. Значительного количества работ по исследуемой проблематике нами обнаружено не было. Близкой к интересующей нас тематике является кандидатская диссертация Н.В. Нечаевой-Юрийчук[78]. Однако в ней анализируется влияние Первой мировой войны на население различных стран Западной Европы. Во втором её разделе «Изменения в общественном сознании населения Западной Европы в годы Первой мировой войны» рассмотрены, в частности, трансформации в сознании фронтовиков, произошедшие под влиянием условий войны. Однако в рамках данного труда братание не являлось главным предметом исследования.

Также в первом томе «Энциклопедии истории Украины» имеется статья о братании общего характера[79]. К сожалению, автором не был приведён список источников и литературы, вследствие чего невозможно дать характеристику источниковой базы, на основе которой была написана статья. Необходимо отметить, что автором сближаются братание периода Первой мировой войны и эпизоды времён Гражданской войны, заключавшиеся «… в отказе вести боевые действия друг против друга, переходе некоторых частей на сторону противника». Такое отождествление проявлений недостатка воинской дисциплины в период Гражданской войны и братания на фронтах Первой мировой представляется недостаточно аргументированным.

---

[77] *Месснер Е.Э.* Всемирная мятежевойна // Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е.Э. Месснера. М., 2005. С. 62–64, 82, 107.

[78] *Нечаєва-Юрійчук Н.В.* Вплив Першої світової війни на соціально-психологічний стан західноєвропейського суспільства: дис. ... канд. Іст. наук. Чернівці, 2000.

[79] *Волковинський В.М.* Братання фронтове // Енциклопедія історії України. У 10 т. Київ, 2003–2013. Т. 1. Київ, 2003. С. 367–368.

В заключение необходимо отметить, что в целом братание не является главным предметом исследования большинства украинских историков, занимающихся периодом Первой мировой войны и революции. Такой вывод был нами сделан после изучения фондов Российской государственной библиотеки, Государственной публичной исторической библиотеки, Центра славянских культур Библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино (г. Москва), Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского (г. Киев), а также приведённого на официальном сайте Института истории Украины перечня исследований сотрудников Отдела истории Украинской революции (1917–1921 гг.). Это позволяет заключить, что в постсоветский период антивоенные выступления в период Первой мировой войны вообще и братание, в частности, не привлекали значительного внимания украинских историков.

Теперь следует обратиться к рассмотрению немецкоязычных трудов. В 1929 г. в Вене начала издаваться фундаментальная работа «Последняя война Австро-Венгрии», а в 1936 г. вышел в свет шестой том этого труда, посвящённый кампании 1917 г.[80] В нём содержались некоторые сведения о братании на Восточном (Русском) фронте. Так, в частности, указывалось, что в начале весны 1917 г. инициатива к братанию исходила от русских солдат[81]. Но неорганизованное братание встречало препятствия со стороны австро-германского командования. Однако затем войска Четверного союза получили особые инструкции, в соответствии с которыми им предписывалось не проявлять враждебности по отношению к русской армии и вести пропаганду мира посредством передачи в окопы российских войск газет и листовок. Вместе с тем, в монографии высказано мнение о том, что данная деятельность не достигла своей цели[82]. В работе также сообщалось, что служба пропаганды уже в начале апреля получила указания от высшего командования, о том, что надлежит разъяснять представителям солдатских комитетов их право потребовать заключение перемирия на 3–4

[80] Österreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. 6. Das Kriegsjahr 1917. Wien, 1936.
[81] Ebd. S. 95.
[82] Ebd. S. 99–100; 221.

недели на период выборов в Советы[83]. Осенью 1917 г. командование войск Четверного союза вновь сделало упор на усиление пропаганды мира, а употребление оружия предписывалось максимально сократить[84]. Для того же, чтобы разложение не затронуло вооружённые силы Австро-Венгрии и Германии, контакты с русскими солдатами надлежало строго регулировать и наблюдать за ними[85]. Посредством контактов австро-германская сторона получала также сведения о состоянии русских войск[86]. Уделено некоторое внимание в работе и деятельности большевиков[87]. Таким образом, следует отметить, что в данной монографии авторы, сообщая об эпизодах стихийного братания со стороны русских солдат, вместе с тем, не отрицали тот факт, что австро-германское командование прилагало усилия к приданию контактам с российскими частями организованного характера и с их помощью производило разведку и осуществляло пропаганду мира.

В 2014 г. был переведён на русский язык первый том труда «Описание последних боёв германских войск и фрайкоров. Вывод войск с Востока»[88]. Данное исследование, выполненное офицерами германского Генерального штаба, впервые увидело свет в 1936 г.[89] В его первой главе в перечне причин, оказывавших влияние на состояние германских частей и соединений, находящихся после заключения Брест-Литовского мира на оккупированных ими территориях, называлось и то, что «… русские с большой ловкостью использовали для пропагандистских целей и частые контакты между германскими и большевистскими войсками на демаркационной линии … уже сама картина разболтанности русской солдатни, открывавшаяся на пограничных пунктах, подтачивала моральный дух немцев: элементарную расхлябанность многие принимали за

[83] Ebd. S. 214.
[84] Ebd. S. 726, 729.
[85] Ebd. S. 730.
[86] Ebd. S. 722.
[87] Ebd. S. 217.
[88] Описание послевоенных боёв германских войск и фрайкоров. Вывод войск с Востока / пер. с нем. и комм. Л.В. Ланника. М., 2014.
[89] Darstelfungen aus den Nachkriegskämpfen deutscher Truppen und Freikorps / bearb. und hrsg. von der Kriegsgeschichtlichen Forschungsanstalt des Heeres: 9 Bde. Berlin, 1936–1943.

свободу»[90]. Вместе с тем, братание и близкие к нему формы контактов в рамках данной работы не стали главным предметом исследования.

После окончания Второй мировой войны стали появляться новые труды по интересующей нас проблематике. Такова работа исследователя из ГДР А. Нордена «Между Берлином и Москвой»[91], которая была переведена на русский язык. В ней имеется статья, посвящённая братанию на Восточном (Русском) фронте, а также приведены сообщения участников событий с описанием эпизодов братания на различных участках Восточноевропейского ТВД весной 1917 г.[92] Среди них есть и свидетельства, повествующие о братании на Юго-Западном фронте[93].

В конце XX – первые десятилетия XXI в. вышел ряд работ, в которых в той или иной мере было уделено внимание братанию как на Западном (Французском)[94], так и на Восточном (Русском) фронте[95]. В некоторых работах сообщалось о братании на обоих этих крупнейших театрах военных действий[96]. Кроме того, к 100-летнему юбилею как Первой мировой войны, так и Россий-

---

[90] Описание послевоенных боёв германских войск и фрайкоров. С. 17.

[91] *Норден А.* Между Берлином и Москвой. К истории германо-советских отношений / пер. с нем. В. Бая, Г. Кычаковой, А. Семёновой, С. Халецкой. М., 1956.

[92] Там же. С. 75–89.

[93] Там же. С. 80–84, 88–89.

[94] Kriegsende 1918: Ereignis, Wirkung, Nachwirkung. Schriften des Militärgeschichtlichen Forschungsamtes. Beiträge zur Militärgeschichte, 53 / J. Duppler, G.P. Groß (Hrsg.). München, 1999; *Jürgs M.* Der kleine Frieden im Großen Krieg: Westfront 1914: Als Deutsche, Franzosen und Briten gemeinsam Weihnachten feierten. München, 2005; *Rieker H.* Nicht schießen, wir schießen auch nicht!: Versöhnung von Kriegsgegnern im Niemandsland 1914–1918 und 1939–1945. Bremen, 2006; *Backovic L.* Weihnachten im Ersten Weltkrieg: Hoch der Kaiser? Fuck the Kaiser! // Der Spiegel. Geschichte. 2013. 23 Dezember. https://www.spiegel.de/geschichte/erster-weltkrieg-gestoerter-weihnachtsfrieden-von-1914-a-951345.html (Дата обращения: 21. 02. 2019 г.); *Görtz B.* Der Weihnachtsfrieden von 1914 // Deutsche Welle. 2014. 24. Dezember. https://p.dw.com/p/1Acb7 (Дата обращения: 3.05.2021).

[95] *Bohn A., Fombaron J.-C.* Vom Feind zum Bruder. Zu medialen Inszenierungen der Verbrüderung an der Ostfront im Ersten Weltkrieg // Brüderlichkeit und Bruderzwist: Mediale Inszenierungen des Aufbaus und des Niedergangs politischer Gemeinschaften in Ost- und Südosteuropa. Kultur- und Sozialgeschichte Osteuropas / Cultural and Social History of Eastern Europe / T. Zimmermann (Hrsg.). Bd 2. Göttingen, 2014. S. 193–212; *Schmidt J., Das Gupta O.* Ein bisschen Frieden im Ersten Weltkrieg. Ein Bild und seine Geschichte. Ostfront 1917: Nach drei Jahren Gemetzel tanzen deutsche und russische Soldaten auf den Schlachtfeldern. Was ist passiert? // Süddeutsche Zeitung. 2017. 5. Mai. https://www.sueddeutsche.de/politik/ein-bild-und-seine-geschichte-ein-bisschen-frieden-im-ersten-weltkrieg-1.3481888 (Дата обращения: 17.12.2019).

[96] *Rauchensteiner M.* Der Erste Weltkrieg: und das Ende der Habsburgermonarchie 1914–1918. Wien, 2013; Dossier: Der Erste Weltkrieg. Bonn, 2019; *Leonhard J.* Die Büchse der Pandora: Geschichte des Ersten Weltkriegs. 4. Aufl. München, 2014; *Münkler H.* Der Große Krieg. Die Welt 1914–1918. Berlin, 2013.

ской революции в Германии были опубликованы статьи, главной тематикой которых было либо непосредственно братание, либо в них уделялось внимание силам, способствовавшим развитию данного вида антивоенных выступлений, в частности, деятельности большевиков[97]. Также к этому времени был приурочен выпуск специального номера журнала «Шпигель», полностью посвящённого Первой мировой войне[98]. Кроме того, на Интернет-ресурсе немецкой общенациональной общественной радиостанции Deutschlandfunk также были размещены материалы, повествующие о рождественском братании 1914 г.[99]

Рассмотрим также некоторые труды британских авторов. В 1942 г. в США впервые вышла в свет работа британского священника и военного капеллана Н. Коупленда[100]. В 1958 г. и 1991 г. книга переиздавалась в СССР[101]. В ней не изучалось братание, однако автор исследовал феномен воинской дисциплины, её значение для армии, в особенности, в период боевых действий, а также указал на факторы, способствующие разложению воинских частей и соединений. В 1975 г. была впервые опубликована переиздававшаяся впоследствии фундаментальная работа британского историка Н. Стоуна[102]. Она носила новаторский характер в силу того, что стала одним из первых исследований, опубликованных на Западе, тематикой которого являлось изучение событий, происходивших на Русском фронте Первой мировой войны. Автором было уделено особое внимание социальным характеристикам армии. Также он рассмотрел

---

[97] *Klußmann U.* Armee der Bauernsöhne: Russland im Ersten Weltkrieg // Spiegel online. 2014. 2. Januar. https://www.spiegel.de/geschichte/russland-im-ersten-weltkrieg-armee-der-bauernsoehne-a-951376.html (Дата обращения: 17.12.2019); *Schmitt P.-Ph.* Ein bisschen Frieden: Weihnachten im Schützengraben // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2014. 17. Dezember. https://www.faz.net/aktuell/politik/der-erste-weltkrieg/weihnachten-1914-im-schuetzengraben-ein-bisschen-frieden-im-ersten-welkrieg-13327096.html (Дата обращения: 17. 12. 2019); *Fleischhauer E.I.* Die Russische Revolution-Lenin und Ludendorff (1905–1917). Borsdorf, 2017.

[98] Der Spiegel. Geschichte. Der Erste Weltkrieg - 1914–1918: Als Europa im Inferno versank. 2013. Heft 5.

[99] *Kempe F.* Weihnachtsfrieden an der Westfront. Vor 100 Jahren // Deutschlandfunk. 2014. 24. Dezember. https://www.deutschlandfunk.de/vor-100-jahren-weihnachtsfrieden-an-der-westfront.871.de.html?dram:article_id=307089 (Дата обращения: 17.12.2019); Das Weihnachtswunder von 1914. Erster Weltkrieg // Deutschlandfunk. 2017. 24. Dezember. https://www.deutschlandfunk.de/erster-weltkrieg-das-weihnachtswunder-von-1914.1242.de.html?dram:article_id=406828 (Дата обращения: 17.12.2019).

[100] *Copeland N.* Psychology and the Soldier: the Art of Leadership. Harrisburg, 1942.

[101] *Коупленд Н.* Психология и солдат / пер. с англ. А.Т. Сапронова и др. 2-изд. М., 1991.

[102] *Stone N.* The Eastern front 1914–1917. England, 1975. (1998. 348 p.)

период подготовки и проведения летнего наступления 1917 г. Однако братание не исследовалось Н. Стоуном подробно.

Историком И. Башнелом анализировались предпосылки, оказывавшие влияние на формирование психологии солдатских масс после Февральской революции. Особое внимание И. Башнел уделил исследованию социального состава русской армии[103]. Однако и здесь братание не стало главным предметом исследования.

Также необходимо остановиться на монографии М. Гилберта[104]. Следует отметить, что, хотя и в книге освещается положение на всех основных фронтах и во всех крупных державах, вовлечённых в конфликт, основное внимание исследователь сосредоточил на участии британских войск в войне и на положении в Великобритании. М. Гилберт также некоторое внимание уделил фактам братания на Западном (Французском) фронте. Автор привёл ряд выдержек из воспоминаний участников рождественских братаний 1914 г., в основном младших офицеров британской армии. В работе отмечено, что «инициаторами (братания, – С.К.) в основном выступали немцы, которые передавали сообщения или запевали песню». Помимо сведений о знаменитом футбольном матче (или матчах), имевшем место в ходе братаний, М. Гилберт привёл не менее яркие эпизоды стихийного рождественского перемирия на ряде участков Западного (Французского) фронта. Исследователь также отметил, что рождественские братания 1914 г. затронули не только британские войска, но имели место «и на некоторых бельгийских и французских участках». Однако автором приводятся воспоминания только военнослужащих Иностранного легиона, состоявшего из добровольцев, прибывших воевать на стороне Франции из других стран. Но далеко не на всех участках Западного фронта, занимаемых Иностранным легионом, наблюдались братания. К примеру, в Эльзасе это воинское соединение в

[103] *Bushnell Y.* Peasants in uniform: The Tsarist army as a peasant society // journal of a social history. Summer. 1980. V. 13. № 4. P. 565–576.
[104] *Гилберт М.* Первая мировая война / пер. с англ. С. Бавина, Ю. Гольберга и др. М., 2016.

дни Рождества 1914 г. вело бои[105]. Необходимо также сказать, что М. Гилберт отмечает тенденцию к затуханию братаний на Французском фронте, указывая, что к концу 1916 г. «рождественское перемирие 1914 г. осталось в прошлом. В 1916 г. на Западном фронте ни о каком братании не могло быть и речи»[106].

В рассматриваемой работе М. Гилберт уделил внимание и братанию на Восточном (Русском) фронте, получившему широкое развитие весной 1917 г. Он кратко рассмотрел братание и иные виды антивоенных выступлений, имевшие место в 12-й армии Северного фронта[107]. Интересно также содержащееся в монографии соотнесение положения в русской армии после Февральской революции и во французской армии весной – летом 1917 г. Так, в частности, М. Гилберт отмечал: «Война на полях сражений отныне представляла причудливый контраст. И на Восточном, и на Западном фронте беспощадность столкновений соседствовала с массовым дезертирством, мятежами и братанием войск»[108]. Следует отметить, что автором уделено также и некоторое внимание братанию на Русском фронте, имевшему место осенью 1917 г.[109]

Вместе с тем, необходимо указать и ряд неточностей, содержащихся в монографии М. Гилберта в отношении положения, сложившегося в России после Февральской революции. Среди них следует упомянуть преувеличенное влияние большевиков весной 1917 г., а также ошибочное понимание автором роли Петроградского Совета, который оценивается как «антивоенный центр»[110]. Таким образом, работа М. Гилберта представляет наибольший интерес в части, описывающей события, происходившие на Западноевропейском театре военных действий.

Ряд вопросов, связанных с армией, в частности, подготовка Июньского наступления, освещён в монографии Р. Уэйда[111]. Однако основное внимание исследователь уделил созданию и функционированию политических блоков,

---

[105] Там же. С. 171–174.
[106] Там же. С. 409.
[107] Там же. С. 439–440.
[108] Там же. С. 450.
[109] Там же. С. 502.
[110] Там же. С. 439.
[111] *Wide R.*The Russian Revolution, 1917. Cambridge, 2000.

сыгравших, по его мнению, более важную роль в революции, нежели непосредственно политические партии.

Необходимо также остановиться на коллективном труде «Рождество 1914 г. и братание в Великой войне. Встречи в нейтральной зоне»[112]. В нём основное внимание авторы обратили на изучение эпизодов братания на Западном (Французском) фронте, однако в последней главе сообщалось о развитии этого вида антивоенных выступлений на Восточноевропейском театре военных действий. Посвящена рождественским братаниям 1914 г. на Французском фронте и книга журналиста Э. Дэвидсона[113], в которой автор пытался реконструировать те события, опираясь на десятки фотографий, писем и записок своего деда, служившего полковым врачом.

К 90-летию, а затем и к 100-летию начала Первой мировой войны в британской прессе, в частности, в «Guardian», появился ряд статей[114], посвящённых

---

[112] *Ferro M., Brown M., Cazals R., Mueller O.* Meetings in No Man's Land. Christmas 1914 and Fraternization in the Great War. Translations by Helen McPhail. London, 2007.

[113] *Davidson A.* Fred's War. A Doctor in the Trenches. London: Short Books Verlag, 2013.

[114] *Martin L.* Last survivor of 'Christmas truce' tells of his sorrow. The First World War's horrors still move us but one man recalls his moment of peace amid the bloodshed // The Guardian. 2004. December, 19. https://www.theguardian.com/uk/2004/dec/19/christmas.lornamartin (Дата обращения: 13.04.2021); *Dash M.* The Story of the WWI Christmas Truce // Smithsonian magazine. 2011. December, 23. https://www.smithsonianmag.com/history/the-story-of-the-wwi-christmas-truce-11972213/ (Дата обращения: 12.04.2021); Christmas truce of 1914 // Newspapers. Come. https://www.newspapers.com/topics/world-war1/christmas-truce/ (Дата обращения: 12.04.2021); *Boyle D.* Why do we still romanticise the 1914 truce? // The Guardian. 2014. December, 12. https://www.theguardian.com/commentisfree/2014/dec/12/first-world-war-romanticise-1914-christmas-truce (Дата обращения: 13.04.2021); *Niland L.* The Amazing Truce: Christmas in the trenches. Letters from the front in 1914 reveal the day of peace at Christmas during the first world war // The Guardian. 2014. December,15. https://www.theguardian.com/world/from-the-archive-blog/2014/dec/15/-sp-first-world-war-christmas-truce-football-trenches (Дата обращения: 13.04.2021); *Norton-Taylor R.* Letter from British general describes 1914 Christmas Day truce. General Walter Congreve VC describes to his wife how soldiers shared cigars and sang songs together in no man's land // The Guardian. 2014. December, 4. https://www.theguardian.com/world/2014/dec/04/letter-british-general-1914-christmas-day-truce-walter-congreve (Дата обращения: 15.04.2021); *Davies C.* Letter details 'extraordinary sights' of Christmas Day first world war truce. Message to mother by British officer reproduced by Royal Mail describes shaking hands with enemy and plan of another truce 'to see how photos come out // The Guardian. 2014. December, 24. https://www.theguardian.com/world/2014/dec/24/-sp-letter-extraordinary-sights-christmas-day-first-world-war-truce (Дата обращения: 15.04.2021); *Williams M.* Fraternization in the Armed Forces during the two World Wars. Conditions, Forms, and Receptions // EHNE. Sorbonne Université https://ehne.fr/en/encyclopedia/themes/wars-and-memories/combatants/fraternization-in-armed-forces-during-two-world-wars (Дата обращения: 16.04.2021); The Christmas truce // Voices of the First World War. https://www.iwm.org.uk/history/voices-of-the-first-world-war-the-christmas-truce (Дата обращения: 17.04.2021).

рассмотрению рождественских братаний на Западноевропейском ТВД зимой 1914 г. Значительная часть из них носит восторженно-описательный характер, и лишь изредка встречается критический анализ автора описываемых событий[115]. Основной источниковой базой традиционно служат письма военнослужащих, в которых описаны происходившие на фронте братания.

Среди наиболее значительных работ, вышедших в США, обращает на себя внимание фундаментальный труд А. Уайлдмана[116]. Историком уделено значительное внимание социальному компоненту русской армии. Кроме того, им были рассмотрены два феномена: социального кризиса и травмы войны, приведшие, по мнению автора, в конечном итоге к гибели армии. Также А. Уайлдманом рассматривалась и борьба с большевиками на фронте, которая, по мнению историка, стала переломным моментом в судьбе русской армии[117].

Ещё одной работой, в которой кратко говорится о развитии и значении братания, является книга Р.Д. Уорта. Историк затронул вопрос о братании лишь в контексте рассмотрения ситуации, складывавшейся на фронте, не останавливаясь на его исследовании подробно. Обращает на себя внимание тот факт, что Р.Д. Уорт оценил пункт «о братании» Брест-Литовского договора о перемирии как промах германской дипломатии[118].

Заслуживает также внимания монография профессора университета штата Канзас Д.Р. Стоуна[119]. При её подготовке исследователь в значительной мере опирался на достижения современной российской историографии. В работе в первую очередь рассмотрены военные операции на Восточном (Русском) фронте. Однако автор обращался и к исследованию социальных, политических и

---

[115] *Moss S.* Truce in the trenches was real, but football tales are a shot in the dark. British and German soldiers did briefly stop killing, but there is little evidence to support story of a kickabout in no-man's land // The Guardian. 2014. December, 16. https://www.theguardian.com/world/2014/dec/16/truce-trenches-football-tales-shot-in-dark (Дата обращения: 13.04.2021).

[116] *Wildman A.* The end of the Russian Imperial Army: The old army and the soldier`s Revolt. March to April 1917. Princeton, N.Y., 1979.

[117] *Уайлдман А.* Армия и вопрос о законности власти в России // Отечественная история. 1994. № 2. С. 19–30.

[118] *Уорт Р.Д.* Антанта и Русская революция, 1917 – 1918 / пер. с англ. Л.А. Игоревского. М., 2006. С. 61, 226, 230.

[119] *Stone D.* The Russian Army in the Great War: The Eastern front, 1914–1917. Lawrence, KS, 2015.

иных вопросов. Рассмотрению положения, сложившегося в русской армии после Февральской революции в монографии посвящена отдельная глава, в рамках которой Д.Р. Стоун отметил быстрое падение дисциплины, а также безуспешность попыток поддерживать боевой дух войск. Таким образом, необходимо заключить, что феномен братания на Восточном (Русском) фронте до сих пор не стал главным предметом исследования в рамках европейской и американской историографии.

Подводя итоги анализу работ, в которых уделено внимание рассмотрению феномена братания, следует сказать, что в современной России интерес к изучению братания в сравнении с советским периодом несколько снизился. Однако в выходящих в свет исследованиях данный феномен получает более полное освещение, свободное от идеологических стереотипов и штампов. В работах же европейских исследователей традиционно в большей степени изучалось братание на Западном (Французском) фронте, однако определённое внимание уделялось рассмотрению развития данного вида антивоенных выступлений и на Восточноевропейском театре военных действий. Вместе с тем, необходимо отметить, что до сих пор не появилось специального труда, предметом исследования которого являлся бы феномен братания непосредственно. Кроме того, недостаточно исследованными оказались как глубинные причины возникновения данного вида антивоенных выступлений, так и присущие ему специфические черты. Так, в частности, хотя и в последние годы появилось значительное количество работ, в которых рассматривались ментально-психологические установки русского солдата и эволюция образа врага, тем не менее влияние этих факторов на развитие братания было затронуто лишь опосредованно. Кроме того, до настоящего времени не предпринималось попыток исследовать специфические черты братания на участках различных армий, а также степень эффективности мероприятий, направленных на предотвращение братания.

Необходимо также остановиться на характеристике источниковой базы, на основе которой проведено данное исследование. Она весьма обширна. Наиболее важную часть источников по теме составляют архивные фонды, со-

держащие материал о братании. Большая часть использованных в диссертации архивных документов хранится в фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). Это фонды: Кабинет военного министра (Ф. 366), Штаб Верховного главнокомандующего (Ф. 2003), Штаб главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта (Ф. 2019), Штаб главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта (Ф. 2067), Управление главного священника армий Юго-Западного фронта (Ф. 2082), Штаб 1-й армии (Ф. 2106), Штаб 7-й армии (Ф. 2129), Штаб 8-й армии (Ф. 2134), Штаб 11-й армии (Ф. 2148), Штаб Особой армии (Ф. 2158), а также ряда штабов корпусов (12-й армейский корпус (Ф. 2202), 16-й армейский корпус (Ф. 2210), 22-й армейский корпус (Ф. 2222), Суд 22-го армейского корпуса (Ф. 2223), 25-й армейский корпус (Ф. 2228), 33-й армейский корпус (Ф. 2244), 34-й армейский корпус (Ф. 2246), 39-й армейский корпус (Ф. 2256), 1-й Туркестанский армейский корпус (Ф. 2290)), дивизий (75-я пехотная дивизия (Ф. 2405), 1-я Финляндская стрелковая дивизия (Ф. 2535), 2-я Финляндская стрелковая дивизия (Ф. 2536)) и полков (21-й гренадерский Румянцевский полк (Ф. 2611), 39-й пехотный Томский полк (Ф. 2653), 73-й пехотный Крымский полк (Ф. 2687), 137-й пехотный Нежинский полк (Ф. 2751), 140-й пехотный Зарайский полк (Ф. 2754), 465-й пехотный Уржумский полк (Ф. 3010), 466-й пехотный Малмыжский полк (Ф. 3011), 467-й пехотный Кинбурнский полк (Ф. 3012), 468-й пехотный Нарымский полк (Ф. 3013), 602-й пехотный Лащёвский полк (Ф. 3087), 604-й пехотный Вислинский полк (Ф. 3089), 628-й пехотный Бродо-Радзивилловский полк (Ф. 3109), 637-й пехотный Кагызманский полк (Ф. 3114), 639-й пехотный Артвинский полк (Ф. 3116), 653-й пехотный Перемышльский полк (Ф. 3128), 655-й пехотный Драгомирчанский полк (Ф. 3130), 13-й стрелковый полк (Ф. 3278), 4-й Финляндский стрелковый полк (Ф. 3318), 23-й Сибирский стрелковый полк (Ф. 3357), 24-й Сибирский стрелковый полк (Ф. 3358)). В процессе работы в РГВИА были изучены материалы 42 архивных фондов.

Несколько более подробно остановимся на характеристике основных типов источников. Ценные сведения содержатся в оперативных сводках штабов

армий и Штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. Они позволяют хронологически и географически локализовать случаи братания. Однако данный тип источников имеет и ряд существенных недостатков: сведения, содержащиеся в оперативных сводках, часто лаконичны и стандартны, что не позволяет понять, имело ли место на данном участке фронта братание или дело ограничилось попыткой к нему; кроме того, часто сведения носят обобщённый характер, что затрудняет подсчёты числа эпизодов братания. Также, по-видимому, вследствие сокрытия командирами полков и дивизий ряда случаев братания, сведения, содержащиеся в оперативных сводках неполны. В особенности это касается оперативных сводок Штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. Сводки штабов командующих отдельными армиями составлялись два раза в сутки – к 12 и 24 часам и направлялись в Штаб фронта. Информация, имеющаяся в них, несколько полнее, чем в оперативных сводках Штаба фронта, однако также не является исчерпывающей.

Выгодно отличаются от оперативных в отношении полноты информации разведывательные сводки штабов армий. Имеющиеся в них сведения позволяют не только локализовать эпизоды братания, но также отделить факты классического братания от иных, близких к нему форм контактов. Кроме того, содержащийся в данном типе источников материал опроса пленных и перебежчиков позволяет установить отношение австро-германского командования к братанию и близким к нему формам контактов в тот или иной временной отрезок и, таким образом, проследить его эволюцию. Однако и этот тип документов не лишён недостатков. Так, в частности, географические привязки, приводимые в разведывательных сводках, чаще всего соотносятся с населёнными пунктами или участками фронта австро-германских войск. Однако почти нигде не имеется соотнесения этих сведений с расположением российских соединений. Это существенно усложняет выявление того, на фронте какого полка или даже корпуса имело место братание. Следует также отметить, что поступавшие в штаб фронта разведывательные сводки также, как и оперативные сводки, страдают существенной неполнотой данных.

Ещё один важный тип источников – сводки о состоянии войск, составляемые комиссарами Временного правительства при армиях, а также комиссаром фронта и в дальнейшем передаваемые в Ставку. В них в пункте 4 указывалось, имели ли место случаи братания, сочувственно ли в том или ином соединении к нему относятся. Кроме непосредственно сведений о братании данный тип источников содержит весьма важную информацию, необходимую при изучении данного вида антивоенных выступлений, а именно, в пункте 1 приводятся данные о степени распространения антивоенной агитации (чаще всего исходящей от большевиков), являвшейся катализатором в том числе и развития братания. Рассматриваемые сводки, по всей видимости, довольно полно отражали реальное положение дел, поскольку комиссары – полномочные представители Временного правительства – и они не были заинтересованы в осознанном сокрытии от него фактов. Однако нельзя считать, что представленные в сводках комиссаров сведения исчерпывающие. По ним, в частности, невозможно проследить динамику развития братания в той или иной армии, поскольку приводимые в них эпизоды единичны. Данный тип документов необходимо дополнять информацией из иных, рассмотренных выше типов источников.

Ещё один вид сводок, представляющий интерес при исследовании феномена братания, – сводки о настроениях частей армий Юго-Западного фронта. Первоначально они содержали весьма обобщённые сведения о настроениях армий и входящих в них корпусов в целом. Не всегда при этом указывались данные, касающиеся братания. Однако постепенно форма их составления претерпела изменения: данные документы стали отражать настроение входящих в состав корпусов дивизий по пунктам. В особенно важном для данного исследования пункте 5 содержалась информация об отношении солдат к войне и к братанию. Здесь приводились и отдельные факты братания, зафиксированные в том или ином соединении, часто с указанием полков и даже рот, в которых оно имело место. Достоинство данного типа источников состоит в том, что в них довольно полно отражено отношение солдатских масс к братанию. Сведения

такого рода почерпнуть из приведённых выше категорий источников весьма затруднительно.

Однако есть у данного вида документов и определённые недостатки. Среди них одним из наиболее существенных следует назвать то, что далеко не всегда в пункте 5, помимо общих фраз об отрицательном отношении к войне, приводились данные о восприятии братания, что не позволяет в полной мере проследить эволюцию солдатских настроений по отношению к нему. Нельзя также, опираясь на данный тип источников, составить относительно полное представление о динамике развития братания в тот или иной период, поскольку перечень приводимых в них эпизодов весьма неполон и нуждается в дополнении сведениями из других групп документов.

Сведения о случаях братания содержатся также в особых приказах командиров тех или иных соединений, издаваемых в связи с имевшими место на их участках фактами братания. Благодаря этому типу документов можно довольно подробно исследовать отдельные эпизоды братания, выяснить состав участников, предписываемые командованием меры борьбы с развитием братания. Однако данные источники также не позволяют проследить динамику развития братания на том или ином участке фронта, не всегда возможно и выяснить эффективность предписываемых в приказах мер борьбы с братанием.

Случаи братания также фиксировались и в журналах военных действий отдельных полков. Это весьма ценные свидетельства, так как содержат информацию практически «из первых рук». Однако полнота представленных сведений во многом зависела от того, кто вёл журнал, не пытался ли командир того или иного полка скрыть факты братания. Поэтому объём информации в журналах военных действий разных полков различен.

Особо следует отметить, что, по-видимому, в условиях резкого падения дисциплины, сложившихся в армии в 1917 г. случаи привлечения к суду за участие в братании были весьма редки. Дел, содержащих подобные материалы немного. Но в таких документах зафиксированы имена участников братания, его ход, мотивация лиц, вышедших на встречу с противником, хотя и последним из

указанных сведениям доверять стоит с крайней осторожностью, поскольку во время дознания обвиняемые, безусловно, старались оправдать свои действия. Особый интерес представляет сопоставление показаний свидетелей, описывающих тот или иной эпизод братания. Благодаря этим сведениям можно максимально полно восстановить картину происшедшего, в том числе установить, военнослужащие какой из противоборствующих сторон выступили инициаторами братания.

Кроме того, сведения о братании содержатся в протоколах заседаний солдатских комитетов различных уровней. Чаще всего это резолюции, осуждающие братание или воззвания, разъясняющие вред данного вида контактов для обороны государства. Следует отметить, что осенью – зимой 1917 г. содержание данного типа источников претерпело изменения. В новых политических условиях общенационального кризиса, когда наблюдалось усиление влияния большевиков в выборных войсковых организациях, а также в послеоктябрьский период солдатские комитеты, а затем и образовавшиеся в армиях Юго-Западного фронта военно-революционные комитеты (ВРК) повели борьбу со стихийным братанием, стремясь придать ему организованный характер. Этот процесс получил отражение в документах данных организаций. Таким образом, материалы, хранящиеся в РГВИА, позволяют довольно полно изучить развитие братания в армиях Юго-Западного фронта, при условии соотнесения в процессе проведения исследования данных, содержащихся в различных типах документов.

Также информация, касающаяся как отношения к войне в целом, так и братания имеется в документах, хранящихся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ). В ходе проведения исследования были использованы материалы 6 архивных фондов: Военно-революционного комитета при Ставке Верховного главнокомандующего (Могилёв) (Ф. Р-375), а также Всероссийского совещания делегатов Советов рабочих и солдатских депутатов (29 марта – 3 апреля) (Ф. Р-6977), Съезда фронтовых делегатов (Петроград) (24–29 апреля) (Ф. Р-6993), Всероссийского Центрального Исполнительного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов I-го созыва (Ф. Р-6978), Ис-

полнительного комитета Всероссийского совета крестьянских депутатов (Ф. Р-3875) и II-го Всероссийского съезда Советов (Ф. Р-1235. Оп. 1). Данные документы позволяют более детально рассмотреть отношение Советов, а также наиболее видных общественных деятелей к исследуемой проблематике.

Определённые аспекты рассматриваемой темы содержатся и в материалах фонда «Всероссийское бюро фронтовых и тыловых военных организаций при ЦК РСДРП(б)» (Ф. 464), хранящихся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). Они дают возможность подробнее осветить деятельность большевиков в воинских частях в рассматриваемый период.

В приложении № 3 к диссертационному исследованию приведены фотографии эпизодов братания, хранящиеся в фонде Российского государственного архива кинофотодокументов (РГАКФД). Они позволяют полнее ощутить дух исследуемого времени, увидеть лица людей той эпохи, их одежду, детальнее представить условия, в которых происходило братание. Следует отметить, что особую ценность представляют те снимки, на которых участвовавшие в братании солдаты не позировали, а вели себя непринуждённо. Другими словами, фотографии позволяют визуализировать образ главного действующего лица любой исторической эпохи – человека своего времени.

Кроме того, при подготовке настоящей диссертации были исследованы фонды Российского государственного исторического архива (РГИА). Здесь также хранятся материалы, представляющие интерес для изучаемой проблематики. Нами были исследованы материалы фонда Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД (Ф. 821), а также материалы из фондов личного происхождения (Кавелиных (Ф. 947), Казнаковых (Ф. 948)). В данном архиве мы обращались к материалам из трёх фондов. При этом необходимо отметить, что, хотя и документы означенных фондов в основном имеют опосредованное отношение к исследуемой проблематике, они, тем не менее, позволили дополнить имевшиеся в нашем распоряжении материалы и более детально осветить некоторые аспекты изучаемой темы.

Таким образом, материалы фондов пяти федеральных архивов (всего 53 архивных фонда) стали основой настоящего диссертационного исследования. Без них его проведение было бы невозможно, поскольку в иных типах источников не содержится достаточный объём сведений о братании на Юго-Западном фронте в 1917 г. Архивные материалы позволили локализовать конкретные эпизоды братания во времени и пространстве, выявить особенности этого вида антивоенных выступлений в каждой армии Юго-Западного фронта, установить динамику развития этого феномена на протяжении 1917 г., а также обнаружить различия в характере братания на разных этапах его развития. Всё это обусловило особое значение архивных материалов при подготовке диссертации.

Часть документов, в которых говорится об антивоенных выступлениях вообще и о братании в частности, была опубликована в различных сборниках. В издававшемся с 1922 по 1941 г. историческом журнале «Красный архив»[120], в сборнике «Разложение армии в 1917 г.»[121], «Солдатские письма в 1917 году»[122], «Царская армия в период мировой войны и Февральской революции»[123] представлены важные материалы о братании. Определённая часть документов была издана за рубежом. К примеру, информация о братании содержится в сборнике «Русский исторический архив», изданном в Праге в 1929 г.[124] Также материалы по исследуемой теме помещены в сборниках «Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис: документы и материалы»[125], «Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общенациональный кризис: документы и материалы»[126], вышедших в рамках документальной серии «Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы», издавав-

[120] Красный архив. 1922–1941.
[121] Разложение армии в 1917 г. / Подготовлено к печати Н.Е. Какуриным. М., Ленинград, 1925.
[122] Солдатские письма 1917 года / подготовлены к печати О.Н. Чаадаевой. М.; Ленинград, 1927.
[123] Царская армия в период мировой войны и Февральской революции (Материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны). Казань. 1932.
[124] Русский исторический архив. Сб. 1. Прага, 1929.
[125] Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис: документы и материалы. М., 1958.
[126] Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общенациональный кризис: документы и материалы. М., 1961.

шейся с 1957 по 1963 гг. и в сборниках «Революционное движение в русской армии, 27 февраля – 24 октября 1917 года»[127], «Октябрьская революция и армия, 25 октября 1917 – март 1918»[128], «Военно-революционные комитеты действующей армии, 25 октября 1917 – март 1918»[129], «Войсковые комитеты действующей армии, март 1917 г. – март 1918 г.»[130]. Вместе с тем, необходимо отметить, что, хотя и в советские годы был издан огромный пласт материалов по рассматриваемой теме, однако подборка документов для публикаций была в значительной мере однобокой, поскольку составители сборников, в силу политического положения в стране, должны были делать акцент на деятельности партии большевиков, а также подчёркивать правоту ленинских выводов. Всё это в полной мере относилось и к документам о братании.

В постсоветский период, после исчезновения единой идеологии, стало возможным издание документов о братании, в которых освещались различные аспекты этого феномена. Среди таковых необходимо упомянуть подборку документов «Бумеранг братания»[131], а также сборник документов «Антивоенные выступления на русском фронте в 1917 году глазами современников» (автор-составитель С.Н. Базанов)[132], в который включены донесения командования, воспоминания военных и политических деятелей, участников событий.

Ценным источником для написания работы являются также мемуары военных и политических деятелей этого периода. Ещё в конце 1920-х гг. были опубликованы воспоминания генерала от кавалерии А.А. Брусилова[133]. Также в Берлине вышли в свет воспоминания комиссара Временного правительства при

---

[127] Революционное движение в русской армии, 27 февраля – 24 октября 1917 года: сборник документов. М., 1968.
[128] Октябрьская революция и армия, 25 октября 1917 – март 1918: сборник документов. М., 1973.
[129] Военно-революционные комитеты действующей армии, 25 октября 1917 г. – март 1918 г.: сборник документов. М., 1977.
[130] Войсковые комитеты действующей армии, март 1917 г. – март 1918 г. М., 1982.
[131] Бумеранг братания: документальные публикации / авт.-сост. С.Н. Базанов, А.В. Пронин // Военно-исторический журнал. 1997. № 1. С. 34–41; № 3. С. 50–57.
[132] Антивоенные выступления на русском фронте в 1917 году глазами современников (воспоминания, документы, комментарии) / авт.-сост. С.Н. Базанов. М., 2010.
[133] *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М.; Ленинград, 1929.

Ставке В.Б. Станкевича[134], генерал-лейтенанта А.С. Лукомского[135]. В настоящее время издан целый ряд мемуаров участников Первой мировой войны. Среди них следует упомянуть воспоминания Ю.Н. Данилова[136], А.И. Деникина[137], есаула (с августа 1917 г. – полковник) Лейб-Гвардии Казачьего полка И.Н. Оприца[138], поручика Д.П. Оськина[139]. Кроме того, опубликованы мемуары деятелей Временного правительства: П.Н. Милюкова[140], А.Ф. Керенского[141], дневники А.И. Верховского[142], члена Исполнительного комитета Петроградского Совета и комиссара Временного правительства на Северном фронте В.С. Войтинского[143]. Отдельный пласт мемуарной литературы представляют собой воспоминания деятелей партии большевиков, участников событий на фронте и, в том числе, эпизодов братания, вошедшие в сборник «Октябрь на фронте»[144]. Он был составлен к 50-летию революции. Ценность данного собрания свидетельств современников весьма высока. Вместе с тем, следует отметить, что приведённые в сборнике воспоминания записаны спустя много лет и, в силу особенностей человеческой памяти, авторы могли привнести некоторые искажения, вольные или невольные. В 2014 г. вышел сборник «Свет и тени Великой войны»[145], содержащий свидетельства современников о положении в стране и на фронте, записанные «по горячим следам» происходивших событий. Кроме того, имеются и опубликованные воспоминания участников событий, не

---

[134] *Станкевич В.Б.* Воспоминания: 1914–1919. Берлин, 1920.
[135] *Лукомский А.С.* Воспоминания генерала А.С. Лукомского: период Европейской войны. Начало разрухи в России. Борьба с большевиками. Берлин, 1922.
[136] *Данилов Ю.Н.* На пути к крушению: очерки из последнего периода русской монархии. М., 1992.
[137] *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. В 5 т. Т. 1. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. Минск, 2002.
[138] *Оприц И.Н.* Лейб-гвардии Казачьей Её Величества полк в годы революции и Гражданской войны 1917–1920 гг. // Лейб-казаки / *И.Н. Оприц, А.В. Голубинцев.* М., 2008. С. 13–322.
[139] *Оськин Д.П.* Записки прапорщика // Падучев В. Записки нижнего чина. Оськин Д. Записки прапорщика. М., 2014. С. 147–460.
[140] *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1991.
[141] *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте. М., 1993.
[142] *Верховский А.И.* Россия на Голгофе: (из походного дневника 1914–1918 гг.). М., 2014.
[143] *Войтинский В.С.* 1917-й. Год побед и поражений / под ред. Ю.Г. Фельштинского. М., 1999.
[144] Октябрь на фронте: воспоминания. М., 1967.
[145] Свет и тени Великой войны: Первая мировая в документах эпохи. М., 2014.

вошедшие в сборники. Среди них следует назвать статью Н.С. Оганесова[146], воспоминания А.С. Пыхтина, записанные его зятем Д.А. Безносько[147]. Таким образом, комплексный анализ сведений, содержащихся в мемуарах государственных и военных деятелей, позволяет составить наиболее полное представление о развитии братания в 1917 г. Эта информация расширяет подчас скупые данные, имеющиеся в сводках, хранящихся в архивных фондах.

Значительный интерес для исследования представляют работы деятелей партии большевиков. Это в первую очередь труды В.И. Ленина, который уже в феврале 1915 г. призывал к поддержке всех попыток братания солдат[148], а в июле того же года – к использованию для революционной борьбы настроения солдатских масс в пользу мира[149]. К 1915–1916 г. относятся следующие работы В.И. Ленина, в которых также были затронуты аспекты исследуемой темы: «Конференция заграничных секций РСДРП»[150], «Социализм и война»[151], «Предложение Центрального комитета РСДРП Второй социалистической конференции»[152], «Первоначальный вариант предложения ЦК РСДРП Второй социалистической конференции»[153]. Также уже после победы Февральской революции, но до приезда в Россию, В.И. Ленин пишет ещё одну работу, имеющую значение для освещения изучаемой темы – «Письма из далека»[154].

После возвращения в Россию, В.И. Ленин в «Апрельских тезисах» заявил о необходимости братания[155]. Кроме того, лидер большевиков уделил значительное внимание братанию в следующих работах: «Проект резолюции о войне»[156], «Речь в защиту резолюции о войне 27 апреля (10 мая)» [157], «Резолю-

---

[146] *Оганесов Н.С.* Братание под Кревом // Литературная Армения. 1970. № 2–3.
[147] *Безносько Д.А.* Солдатское братание 16 апреля 1916 года (как это было). Кировоград, 2015.
[148] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч.. Т. 26. С. 164.
[149] Там же. С. 327–328.
[150] Там же. С. 161–167.
[151] Там же. С. 307–350.
[152] Там же. Т. 27. С. 282–293.
[153] Там же. С. 458–469.
[154] Там же. Т. 31. С. 9–59.
[155] Правда. 1917. № 26. 7 (20) апреля.
[156] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 260–265.
[157] Там же. С. 387–400.

ция о войне»[158], «Воззвание к солдатам всех воюющих стран»[159], «Значение братанья»[160], «Фактическое перемирие»[161] и некоторых других. В них получила выражение позиция РСДРП(б), согласно которой «… братание есть революционная инициатива масс»[162]. Большевики также объявили о своём стремлении придавать братанию организованный и политизированный характер. Писали о братании также Н.И. Бухарин[163], Г.Е. Зиновьев[164]. Информация о братаниях на фронте содержится и в работах первого советского Верховного главнокомандующего большевика Н.В. Крыленко[165].

Отдельно следует упомянуть мемуары зарубежных военных деятелей, как Антанты, так и представителей Четверного союза. В этой связи примечателен дневник британского военного атташе в России А. Нокса, в котором содержатся не только ценнейшие сведения о состоянии русской армии в разные годы войны, но и имеется материал о братании[166]. Взгляд на события с противоположной стороны фронта представлен в воспоминаниях 1-го генерал-квартирмейстера Верховного командования германской армии генерала пехоты Э. Людендорфа[167], а также начальника штаба Восточного фронта генерал-майора М. Гофмана[168]. Кроме того, публиковались и письма немецких солдат. Так, в Германии вышла книга ««Что мы здесь делаем?». Солдатская полевая почта и письма с родины во время двух мировых войн». В ней приведены важ-

---

[158] Там же. С. 403–406; Правда. 1917. 29 апреля (12 мая). № 44.
[159] *Ленин В.И.* Воззвание к солдатам всех воюющих стран // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 293–296; Правда. 1917. 21 апреля (4 мая). № 37.
[160] *Ленин В.И.* Значение братанья // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т.31. С. 459–461.
[161] Там же. Т. 32. С. 52–54.
[162] Там же. Т. 31. С. 459.
[163] *Бухарин Н.И.* Классовая борьба и революция в России. М., 1917.
[164] См.: *Зиновьев Г.Е.* Сочинения. М.; Петроград/Ленинград, 1923–1929. Т. 7. Ч. 2. Год революции. Февраль 1917 г. – февраль 1918 г. М.; Ленинград, 1925. С. 55.
[165] *Крыленко Н.В.* Почему побежала русская революционная армия. Петроград, 1917; *он же.* Смерть старой армии // История и историки, 1978: историографический ежегодник / отв. ред. М.В. Нечкина. М., 1981. С. 282–317.
[166] *Нокс А.* Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. 1914–1917 / пер. с англ. А.Л. Андреева. М., 2014.
[167] *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. / пер. с нем. А.А. Свечина. М., 2014.
[168] *Гофман М.* Война упущенных возможностей. СПб., 2016.

ные для нас свидетельства участников событий[169]. Несколько особняком стоит свидетельство Эдварда Годфри Олдингтона (1892–1962 гг.), английского поэта, прозаика, критика, известного под псевдонимом Ричард Олдингтон, участника Первой мировой войны. В 1916 г. он начал службу рядовым британской армии, позже был произведён в офицеры. Свои мысли и переживания, порождённые военной обстановкой на Западном (Французском) фронте, Р. Олдингтон выразил в романе «Смерть героя»[170]. Некоторые из его рассуждений позволяют понять, почему для британского солдата было возможно участие в братании с немецкими военнослужащими[171], хотя и описаний случаев такого рода контактов непосредственно в романе нет. Таким образом, мемуарная литература существенно дополняет сведения, содержащиеся в официальных документах. Она позволяет составить представление о том, как современники исследуемой эпохи воспринимали сложившуюся ситуацию на фронте в целом и развитие братания в частности. Более полную картину тех событий позволяет составить не только привлечение воспоминаний очевидцев и участников событий по разные стороны линии фронта, но и использование свидетельств лиц, находившихся на различном социально-политическом уровне общественной иерархии – от солдат до государственных деятелей.

Важным источником является также периодическая печать, как центральная, так и издававшаяся во фронтовых частях и соединениях и в ближайшем к фронту тылу. Это официальная пресса[172], а также такие популярные периодические издания, как: «Русские ведомости»[173], «Русское слово»[174] и другие. Точка зрения эсеров и меньшевиков получила выражение в таких изданиях, как «Дело народа»[175], а также в «Известиях Московского Совета рабочих депутатов»[176].

---

[169] Was tun wir hier? Soldatenpost und Heimatbriefe aus zwei Weltkriegen / F. Schumann (Hrsg). Berlin, 2013.
[170] *Олдингтон Р.* Смерть героя: Роман / пер. с англ. Н. Галь. Киев, 1981.
[171] Там же. С. 27–28; 246–250.
[172] Вестник Временного правительства. 1917. №№ 41, 43, 49, 60, 64. Русский инвалид. 1917. №№ 77, 79, 85, 89, 92 и др. (до 2 июля сохранялось данное название газеты); (со 2 июля – новое название) Армия и флот свободной России. 1917. №№ 201, 202, 206, 227, 229, 232, 235.
[173] Русские ведомости. 1917. №№ 82, 95, 222, 228, 234, 239, 245, 246, 259, 260.
[174] Русское слово. 1917. №№ 98–100, 104, 138, 144.
[175] Дело народа. 1917. № 31.

Особое место среди газет, освещавших тему братания принадлежит большевистским изданиям, среди которых необходимо назвать следующие: «Правда»[177], «Солдатская правда»[178], «Окопный набат»[179], «Солдат»[180]. Материалы по исследуемой проблематике содержались и в печатных органах солдатских комитетов фронта[181] и отдельных армий: «Известия выборных Особой армии»[182], «Вестник 1-й армии»[183], «Известия армейского комитета XI армии»[184], «Известия армейского комитета VII армии»[185], а также издававшаяся эсерами 7-й армии газете «За землю и волю»[186]. В послеоктябрьский период появились и периодические издания военно-революционных комитетов как Юго-Западного фронта, так и отдельных армий[187].

Таким образом, изучение периодической печати позволяет установить не только отношение к феномену братания со стороны тех или иных политических партий и социальных групп, но и показывает степень актуальности данной тематики в общественной жизни страны. Необходимо отметить, что интерес к братанию со стороны прессы в значительной мере был обусловлен степенью распространённости этого вида антивоенных выступлений на фронте.

Научная новизна диссертации заключается в том, что впервые в отечественной историографии на основе предложенных методологических подходов и широкой источниковой базы комплексно рассмотрен недостаточно изученный феномен братания на наиболее важном участке Восточноевропейского ТВД – Юго-Западном фронте в 1917 г. В работе сделана попытка исследовать

---

[176] Известия Московского Совета рабочих депутатов. 1917. №№ 44, 46, 51, 55.
[177] Правда. 1917. №№ 3, 5, 11, 22, 32, 35–38, 40, 41, 43, 49, 71, 75, 93.
[178] Солдатская правда. 1917. №№ 1, 19, 43.
[179] Окопный набат. 1917. № 2.
[180] Солдат. 1917. № 22.
[181] Голос фронта. 1917. №№ 14, 15, 17, 21, 24, 27, 28.
[182] Известия выборных Особой армии. 1917. №№ 31, 33, 36, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 47, 48, 124, 128, 133, 135, 136, 138, 143, 144, 157, 159, 161, 163, 164.
[183] Вестник 1-й армии. 1917. № 15.
[184] Известия армейского комитета XI армии. 1917. №№ 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 13, 14, 15, 16, 18, 19, 22, 23, 24, 27, 94, 97.
[185] Известия армейского комитета VII армии. 1917. №№ 1, 8, 11, 15.
[186] За землю и волю. 1917. №№ 4, 6, 13.
[187] См. напр. Известия военно-революционного комитета 7-й армии. 1917. №№ 9, 26.

эволюцию данного вида антивоенных выступлений, начиная от его зарождения до конечных форм, которые оно приняло на рубеже 1917–1918 гг. Вводится в научный оборот значительный массив новых источников, на основании которых выявлены и систематизированы как характерные черты братания, имевшие место во всех армиях рассматриваемого фронта, так и особенности данного вида антивоенных выступлений в каждой из них. Кроме того, в настоящей работе дифференцированы случаи классического братания и близкие к нему, но всё же несколько иные формы контактов военнослужащих противоборствующих армий, в частности, посылка «парламентёров».

Также впервые сделана попытка выявить зависимость характера братания на том или ином участке фронта от национального состава войск Четверного союза, дислоцированных в конкретном районе. Исследованы и масштабы австро-германской пропаганды, которая в условиях, сложившихся в 1917 г., чаще всего была сопряжена с братанием.

Отдельно необходимо остановиться на рассмотрении ментально-психологических установок русского солдата-крестьянина, которые делали для него возможным братание в период тотальной войны. Как известно, братание на Русском фронте в 1917 г. стало одним из самых массовых видов антивоенных выступлений. Наибольшее распространение оно получило в пехотных частях, кавалерия и артиллерийские части практически не были замечены в подобного рода нарушениях воинской дисциплины[188]. В этой связи поручик Н.Ф. Войтенко, командир эскадрона стрелкового дивизиона 14-го гусарского Митавского полка, входившего в состав стрелкового полка 14-й кавалерийской дивизии весной 1917 г. в письме отмечал: «Братания у нас не было и не будет. Порядок и дисциплина, не надо желать ничего лучшего. Настроение бодрое. Относительно наступления солдаты заявили через своих представителей, что

[188] Доклад о посещении действующей армии членов Государственной думы А.М. Масленникова и П.М. Шмакова // Антивоенные выступления на Русском фронте в 1917 году глазами современников (воспоминания, документы, комментарии) / авт. сост. С.Н. Базанов. М., 2010. С. 51; *Бурский П.Д.* Братание с врагом // Народные беседы. М., 1917. № 17. С. 12; *Нокс А.* Вместе с русской армией. Дневник военного атташе 1914–1917 / пер. с англ. А.Л. Андреева. М., 2014. С. 542.

напрашиваться и вызываться не будут, но готовы по первому приказанию идти в бой и драться до последнего человека. Пропагандистов решено не принимать и не слушать, а доверять лишь своим офицерам»[189]. Такое положение дел в кавалерии и артиллерии в значительной степени объяснялось тем, что «… здесь больший процент солдат, чем в пехоте, являлся грамотным, но в основном потому, что в этих частях всё ещё оставалось достаточное количество кадровых офицеров»[190]. Для того, чтобы понять, почему среди солдат пехоты братание стало столь популярным, следует, на наш взгляд, обратиться не только к рассмотрению социально-политического положения, сложившегося в армии после Февральской революции, но и к тем особенностям ментальности русского солдата-крестьянина, которые санкционировали возможность братания с противником в период войны, а значит выражали и определённое отношение к врагу.

Анализ данного вопроса следует, на наш взгляд, начать с того, что русская армия, представлявшая срез российского общества начала XX века, перед началом войны на 84–88 % состояла из крестьян[191], являвшихся носителями ментальности традиционного общества. Реалии индустриальной эпохи и войны нового типа были для них во многом чужды и непривычны[192]. Какие же представления, имевшиеся в крестьянском сознании, побуждали солдата считать возможным братание с теми, с кем на момент 1917 г. третий год шла война? На наш взгляд следует рассмотреть три группы подобных ментально-психологических установок: традиционная религиозность; общинные традиции; нормы и правила разрешения конфликтов, уходящие корнями «в дохристианскую древность славянства»[193].

Прежде чем перейти к рассмотрению каждой из названных групп в отдельности, следует отметить, что в сознании человека традиционного общества

---

[189] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 948. Оп. 2. Д. 15. Л. 1–1 об.
[190] *Нокс А.* Вместе с русской армией… С. 542.
[191] *Асташов А.Б.* Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны // Отечественная история. 2003. № 2. С. 73.
[192] См.: там же. С. 76.
[193] *Громыко М.М.* Обычаи побратимства в былинах // Фольклор и этнография: у этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов: сб. науч. тр. / под ред. Б.Н. Путилова. Ленинград, 1984. С. 121.

(к таковым в значительной степени относились и русские крестьяне) данные мировоззренческие установки существуют нерасчленённо, дополняя друг друга, даже если при детальном их анализе они могут оказаться взаимоисключающими.

Какова же была степень важности названных выше групп ментальных установок для солдата-крестьянина в 1917 г.? Обратимся к рассмотрению отношения солдат к религии. Подавляющему большинству русских солдат, являвшихся по своей конфессиональной принадлежности православными христианами, на момент начала войны противник представлялся иноверцем, часто азиатом-мусульманином: «Уж вы немцы азиаты, из-за вас идём в солдаты…», «Эх, германец, некрещёный…»[194]. Однако достаточно скоро выяснилось, что немцы хотя и не православные, но всё же христиане, а в армии Австро-Венгрии довольно много и православных христиан. Это обстоятельство не могло не сказаться на смягчении отношения к противнику со стороны русских солдат[195]. В этой связи примечательна дневниковая запись бежавшего из австрийского плена подпрапорщика 17-го пехотного Архангелогородского полка (5-я пехотная дивизия, 9-й армейский корпус, 4-я армия) П. Свентковского, сделанная им в начале 1916 г., согласно которой он «… убедился из разговоров со многими пленными и спрашиваю: как он попал в плен и т. д., а он меня спрашивает: за что я воевал, если говорят, мы воюем за православную веру, то таковая есть и в Австрии. И много тому подобных вопросов приходилось мне слышать»[196]. Таким образом, узнавая больше о своём противнике многие русские солдаты всё меньше понимали смысл войны.

Отдельно следует остановиться на влиянии протестантских сект на отношение к Германии. В этой связи необходимо отметить, что деятельность некоторых подобных религиозных объединений привлекала внимание Министерства внутренних дел. Это было связано с тем, что «… от военных прокуроров военно-окружных судов продолжают, постепенно возрастая в числе, поступать

---

[194] Цит. по: *Асташов А.Б.* Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны… С.78.
[195] См.: там же. С. 78.
[196] Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2687. Оп. 1. Д. 42. Л. 57.

уведомления об отказах, по религиозным убеждениям, нижних воинских чинов, в большинстве случаев баптистов, евангельских христиан и адвентистов, от употребления оружия против врагов и от участия в войне»[197]. Так, в письме директора Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел Г.Б. Петкевича от 12 мая 1916 г. отмечалось: «… среди баптистов наблюдается несомненно широкое развитие антимилитаристических идей и германофильских симпатий»[198]. В этой связи, в предписании министра внутренних дел Б.В. Штюрмера от 18 мая 1916 г. «Об усилении надзора за сектантским движением» говорилось: «Со времени возникновения настоящей войны … в соответствии с раскрываемыми стремлениями преимущественно иностранных руководителей русского сектантства, были преподаны неоднократные указания на необходимость всемерного, в пределах закона, предупреждения и пресечения усилий использовать вероисповедные движения в интересах противоправительственной и антимилитаристической пропаганды»[199]. Также в циркулярном письме от 15 июня 1916 г., адресованном губернаторам и градоначальникам, указывалось: «По сведениям Департамента полиции, в последнее время наставники и последователи рационалистических сект германского происхождения, а именно: баптистов, евангельских христиан и адвентистов-субботников, начали проявлять усиленную деятельность и вести пропаганду главным образом лежащих в основе их сектантского вероучения антимилитаристических идей. Судя по поступающим сообщениям, руководители перечисленных сектантских общин стремятся, между прочим, получать разрешения на предмет учреждения отделений Библейского общества в тех местностях, в коих находятся их общины, причём заведывание сими отделениями, а равно обязанности книгонош принимают на себя члены тех же сектантских общин, получающие тем самым самую широкую возможность распространять сочинения с изложением и обоснованием недопустимой идеи непротивления действиям врагов, разлагающее

[197] РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 597. Л. 5.
[198] Там же. Л. 9.
[199] Там же. Л. 5.

влияние каковой идеи усугубляется эпохой военного времени»[200]. Указанная тенденция была, по мнению министра внутренних дел особенно опасна, поскольку «состоящие на службе названных обществ (Библейских и Трактатных, – С.К.) лица, по имеющимся сведениям, прикрываясь законными намерениями раздачи книг Священного Писания, проникают в воинские части, в воинские лазареты и в самые глухие углы Отечества для распространения сектантских идей, антимилитаристических учений»[201]. О потенциальной опасности, исходившей от представителей названных выше протестантских сект, был поставлен в известность и командующий Отдельным корпусом жандармов с целью, «… не признает ли он с своей стороны необходимым преподать соответствующие указания начальникам жандармских полицейских управлений железных дорог относительно неослабного наблюдения за отделениями библейских обществ при железнодорожных вокзалах, дабы в таковых не принимались для продажи издания, излагающие вероучения современных рационалистических сект и антимилитаристические суждения и чтобы последователи сих сект отнюдь не допускались бы к заведыванию означенными отделениями»[202].

Примечательно также письмо Протопресвитера Военного и Морского духовенства Г.И. Шавельского от 2-го февраля 1917 г., направленное на имя Временно исполняющего должность Начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала от кавалерии В.И. Гурко, в котором, в частности, отмечалось: «Ещё задолго до войны с Германией знакомым с литературою по вопросу о русском сектантстве известно было, что русское сектантство имеет большую склонность к немецкой культуре и к немецкому народу, что оно окормлялось немецкими проповедниками, немецкой литературою, немецкими семинариями и немецкими деньгами. Этого не скрывали и немцы; и сведения о том подробно излагались в немецких миссионерских журналах: баптистских и адвентистских»[203]. Далее сообщалось, что, помимо отказа части лиц, принадлежащих к

[200] Там же. Л. 8.
[201] Там же. Л. 5 об.
[202] Там же. Л. 10, 11.
[203] РГВИА. Ф. 3128. Оп. 1. Д. 1. Л. 63 об.

указанным религиозным группам от участия в боевых действиях, представители названных сект, оказавшиеся в действующей армии, в её рядах «ведут свою открытую пропаганду против войны с немцами … пользуясь темнотой народной, незнанием простыми людьми Святого Писания во всём его содержании, глубине и связи и базируясь на отдельных вырванных из текста ловко подобранных выражениях Св. Писания («Не убий», «Не противься злу», «Взявший меч от меча и погибнет», «Любите враги ваша» и др.) стараются доказать, что война – преступление. Что защита Родины оружием, суд, власть осуждается Святым Писанием, что они – порождение злой человеческой воли, противной воли Божьей»[204].

По всей видимости, подобная проповедь упрощённой версии христианского учения имела определённый успех: «Весьма часто и в больших количествах посещают эти собрания (молитвенные собрания сектантов, – С.К.) солдаты и вообще люди призывного возраста … И, конечно, многие возвращаются с этих собраний с растленной душой», поскольку в проповедях «патриотизм развенчивается, смерть за Родину на поле брани лишается христианского идеализма»[205]. Результатом проникновения в массы военнослужащих или лиц, подлежащих призыву, подобных идей становился «…упадок воинского духа в армии, дезертирство и т. п. печальные явления войны»[206]. Следует, однако, отметить, что рассмотренный аспект проповеди названных сект, вероятно, преувеличивался властями. Кроме того, часть протестантских религиозных групп, например, менониты, отрицая для себя возможность участия в войне с оружием в руках, не уклонялись от отправки на фронт в качестве санитаров. Вместе с тем, нельзя считать официальные сведения полностью неверными, а значит определённая часть названных выше сект транслировала в своих проповедях антивоенные и прогерманские лозунги. И хотя против германофильской по своему содержанию пропаганды представителей рассматриваемых религиозных объединений военными властями и православным духовенством принимались меры,

[204] Там же. Л. 63.
[205] Там же. Л. 63.
[206] Там же. Л. 63.

направленные к её пресечению[207], однако, по-видимому, деятельность протестантских сект также способствовала развитию братания на Русском фронте.

Как известно, самые массовые случаи братания были приурочены к наиболее важным религиозным праздникам – Рождеству Христову – главному Празднику западных христиан и Пасхе – главному Празднику христиан восточных. Всплески братаний в период важнейших христианских торжеств отмечались как на Восточном (Русском)[208], так и на Западном (Французском) фронте[209]. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в пасхальные дни 1915 г., когда наблюдался первый значительный рост числа эпизодов братания, бывали случаи, когда командный состав не знал, как адекватно реагировать на такого рода контакты на передовой. Так, во второй день Пасхи, 23 марта, в 75-й пехотной дивизии имел место следующий примечательный факт: «В 5 час[ов] вечера … в окопе 298[-го пехотного Мстиславского] полка офицер заиграл на гармонике; 1 н[ижний] чин выскочил на бруствер окопа и начал плясать. Со стороны австрийцев также выскочило несколько человек на свои бруствера, а за ними и офицеры … Вскоре на участке 1-й бригады без ружей вылезли все австрийцы, наши Мстиславцы – также. Началось взаимное угощение»[210]. Сопровождался данный эпизод и захоронением убитых[211].

Особое внимание обращает на себя реакция начальника дивизии генерал-лейтенанта М.И. Штегельмана после получения им известия о происходящем братании: «Командир 298[-го пехотного Мстиславского] полка спросил по телефону начальника дивизии, можно ли? (вступать в общение с австрийцами, – С.К.)

---

[207] Там же. Л. 63.

[208] См. напр. *Асташов А.Б.* Братания на Русском фронте Первой мировой войны: между пацифизмом и мировой революцией // Первая мировая война, Версальская система и современность: Сб. статей / отв. ред. И.Н. Новикова, А.Ю. Павлов. СПб., 2012. С. 41; *Базанов С.Н.* Антивоенные выступления на фронте в марте – октябре 1917 г. Причины и последствия // Забытая война и преданные герои. М., 2011. С. 264; Доклад о посещении действующей армии членов Государственной думы А.М. Масленникова и П.М. Шмакова // Антивоенные выступления на Русском фронте в 1917 году… С. 51.

[209] См. напр.: *Оболонкова М.А.* Эпизод истории Великой войны как элемент исторической памяти европейцев: Рождественское перемирие 1914 года // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2010. № 1; *она же.* Фронтовое Рождество 1914 года в культурной памяти европейцев // Первая мировая война в истории и культуре Европы: Сб. статей. Калининград, 2013.

[210] РГВИА. Ф. 2405. Оп. 1. Д. 300. Л. 143.

[211] Там же. Л. 143.

Начальник дивизии ответил, что, если он находит это неподозрительным, то пусть поступает по своему усмотрению»[212]. Данный факт указывает на то, что у части командного состава, не сталкивавшегося ранее с такого рода явлением, как братание, первоначально имела место недооценка опасности его последствий для боеспособности войск.

Однако применительно к 1917 г. взаимосвязь религиозных чувств солдат и братания выглядит не столь однозначно. Братание на Пасху 1917 г. уже традиционно имело место на многих участках фронта, более того, после Февральской революции оно приобрело небывалый до того времени размах[213]. Вместе с тем, следует отметить, что после отмены Временным правительством обязательного Причащения, обязательного посещения церкви, участия в общих молитвах, за что высказывались и участники Всероссийского совещания делегатов Советов рабочих и солдатских депутатов (28 марта – 3 апреля)[214], произошло резкое снижение числа солдат, регулярно участвующих в богослужениях и Таинствах Церкви до 10 % от общего числа, а в ряде случаев и ниже[215]. В новых для себя условиях военное духовенство, борясь за сохранение своего влияния на солдат, одновременно стремилось и противодействовать распространению антивоенных настроений. Так, согласно материалам съезда священников 7-й армии, опубликованным в мае – июне 1917 г., важной задачей военного духовенства должно было стать воспитание солдат «сознательными бойцами за русскую землю»[216]. Также в выработанном на съезде главных священников фронтов, флотов и армий, проходившем в Ставке 16–17 мая, воззвании к военному

---

[212] Там же. Л. 143.

[213] См. напр.: Сводка сведений, составленная в штабе Западного фронта // Антивоенные выступления на Русском фронте в 1917 году… С. 37–38; Из письма солдата-фронтовика домой о братании солдат с противником // Там же. С. 49–50; Корреспонденция прапорщика Осьмова в газету «Правда» // Там же. С. 89; См.: *Асташов А.Б.* Братания на Русском фронте Первой мировой войны // Новый исторический вестник. М., 2011. № 2. С. 34.

[214] Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-6977. Оп. 1. Д. 18. Л. 56, 89; Д. 19. Л. 57; Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов: стенографический отчёт / Под ред. М.Н. Покровского, Я.А. Яковлева. М., Л., 1927. С.263.

[215] *Булдаков В.П.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. Изд. 2-е доп. М., 2010. С. 224.

[216] Цит. по: *Сенин А.С.* Военное министерство Временного правительства. М., 1995. С. 170.

духовенству содержался призыв разъяснять солдатам опасность, исходящую от немецкой армии «недавно добытой русской свободе»[217].

Однако в условиях революции влияние Церкви в армии неуклонно падало. Основная масса солдат с изменением государственного строя стала равнодушна к религии, не останавливаясь даже перед кощунством. Случай осквернения походной церкви, описанный генерал-лейтенантом А.И. Деникиным, свидетельствует о том, что «… 2–3 тысячи русских православных людей, воспитанных в мистических формах культа, равнодушно отнеслись к такому осквернению и поруганию святыни»[218]. Стоит отметить, что процесс отчуждённости основной массы солдат от веры и Церкви за время нахождения у власти Временного правительства прогрессировал, переходя от равнодушия к неприязни. Так в сентябре 1917 г. один из военных священников констатировал: «… недоверие «к попам» переходит не только во враждебное отношение лично к нам как священникам, но и к богослужению и к молящимся солдатам, которые готовы «и ныне слушать поповские басни»»[219].

Исходя из этого, мы полагаем, что православная вера, по крайней мере, в 1917 г., не являлась главным побудительным мотивом к братанию. В большей мере религиозные праздники можно считать поводом, который вписывался в «систему координат» традиционного мышления и служил побудительным мотивом к массовым контактам с солдатами противника.

Что касается общинных устоев, они, безусловно, оказывали большое влияние на поведение солдат-крестьян. Как отмечал в своём исследовании Л.И. Земцов, именно крестьянский мир обеспечивал истинную справедливость, выработанную коллективом и закрепляемую общественным мнением. В общинной ментальности были заключены «непреходящие ценности, характеризующие сущностную природу социальности: коллективизм, демократизм, вза-

---

[217] Цит. по: *Сенин А.С.* Военное министерство Временного правительства. М., 1995. С. 171.
[218] *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. В 5 т. Т. 1. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. Минск, 2002. С. 7.
[219] Цит. по: *Булдаков В.П.* Указ. соч. С. 224.

имопомощь, социальная справедливость, равенство», то есть «высокие нравственные ценности»[220].

Следует также отметить, что, преломлявшееся в общинном быту выражение народной религиозности, а также модели взаимоотношений внутри общины переносились солдатами на фронтовую обстановку и распространялись в том числе на противника. В этой связи представляется справедливым утверждение о том, что для русского солдата были более важны атрибуты, в частности, пасхального торжества, чем сакральное содержание этого события. Так, по традиции, празднование Святой Пасхи должно было сопровождаться распитием горячительных напитков, которые русские солдаты получали в ходе братания[221], неся, в свою очередь в окопы неприятеля пасхальное угощение[222]. Также в деревнях не допускались «голодные разговины» – в случае, когда стол какой-либо семьи был скуден, более зажиточные родственники или односельчане приносили им пасхальное угощение[223]. Сходным образом вели себя и солдаты русской армии, жалея противника, у которого были проблемы с продовольствием, в частности, с хлебом. Стоит также согласиться с исследователем А.Б. Асташовым, отмечавшем, что со стороны русских солдат братание «больше походило на народное гуляние, даже бражничество, когда представители сельского схода обходили все дворы, чтобы сделать праздник всеобщим»[224]. Ещё одним важным элементом крестьянской ментальности было стремление поскорее уладить возникший конфликт с соседом[225], так как внутри общины долговременные ссоры были невыгодны ни одной из сторон. В свете сказанного выше интересно наблюдение известного славянофила А.С. Хомякова, отме-

---

[220] *Земцов Л.И.* Крестьянский міръ и война (1914–1916 гг.) // История: факты и символы. Елец, 2017. № 2 (11). С. 111.

[221] См. напр.: Корреспонденция прапорщика Осьмова в газету «Правда» // Антивоенные выступления на Русском фронте в 1917 году…. С. 89; *Асташов А.Б.* Братания на Русском фронте Первой мировой войны… С. 36.

[222] См. напр.: Сводка сведений, составленная в штабе Западного фронта // Антивоенные выступления на Русском фронте в 1917 году… С. 37–38; *Асташов А.Б.* Братания на Русском фронте Первой мировой войны… С. 36.

[223] *Максимов С.В.* Крестная сила. Нечистая сила. М., 1998. С. 104–105.

[224] *Асташов А.Б.* Братания на Русском фронте Первой мировой войны… С. 36.

[225] См.: *Асташов А.Б.* Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны… С. 79.

чавшего: «… должно также признаться, что вследствие неясного понимания всех требований веры личные добродетели далеко не развились в сельских мирах в той степени, в какой развились добродетели общежительные»[226]. А в одном из своих писем А.С. Хомяков утверждал: «Чем более я всматриваюсь в крестьянский быт, тем более убеждаюсь, что мир для русского крестьянина есть как бы олицетворение его общественной совести… Можно было бы написать легенду на следующую тему: русский человек, порознь взятый, не попадет в рай, а целой деревни нельзя не пустить»[227]. Таким образом, эти «общежительные добродетели» являлись одним из побудительных мотивов для солдат к «замирению» с противником, особенно в дни религиозных праздников[228].

Следует также подчеркнуть, что общинные традиции и складывавшееся под их влиянием общественное мнение в деревне, могли способствовать как усилению русской, по преимуществу крестьянской, армии, так и к потере ею боевого потенциала: «достаточно деревне изменить свое отношение к войне, и тогда наша армия потеряет всю свою силу»[229].

Не меньший интерес представляет и третья группа ментальных установок солдата-крестьянина, а именно пережиточные формы древнего обычая побратимства, бытовавшего у славян и отчасти сохранившегося до начала XX в. Его элементы в большей степени имели место у донских казаков, чем у крестьян[230], однако и в их среде «… в некоторых специфических условиях они играли существенную роль, и им соответствовали чёткие нормы поведения»[231]. А вот западным славянам, удельный вес которых в армии, в частности, Австро-Венгрии мог доходить до 43–44 %[232], этот обычай был хорошо известен[233]. Здесь следует

---

[226] *Хомяков А.С.* По поводу статьи И.В. Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» // *Хомяков А.С.* Всемирная задача России. М., 2011. С. 402; *Земцов Л.И.* Указ соч. С. 112.

[227] *Самарин Ю.Ф.* А.С. Хомяков и крестьянский вопрос // *Самарин Ю.Ф.* Православие и народность. М., 2008. С. 330; *Земцов Л.И.* Указ соч. С. 112.

[228] См.: *Асташов А.Б.* Братания на Русском фронте Первой мировой войны… С. 34–35.

[229] *Лапшов И.* Хроника // Ежемесячный журнал. Петроград, 1915. № 7. С. 146.

[230] См.: *Асташов А.Б.* Братания на Русском фронте Первой мировой войны… С. 35.

[231] *Громыко М.М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. С. 70.

[232] *Базанов С.Н.* Антивоенные выступления на фронте в марте-октябре 1917… С. 264.

отметить, что в рамках традиционного общества значительный объем информации, в том числе и социально значимой, передавался в рамках устной традиции, с детства закладывая в сознание человека определённые стереотипы поведения. Поэтому для более детального понимания обычая побратимства следует обратиться к рассмотрению устного народного творчества, а именно русских народных сказок, в которых он получил наилучшее отражение.

Что касается способов установления побратимства, то С.А. Токарев их выделил три: «… это союз крови, совместная еда и обмен женщинами»[234]. Если проводить параллели между обычаем побратимства и фронтовым братанием, то нельзя не отметить, что первые два из указанных способов имели широкое распространение на передовой в 1917 г. Третий же, вследствие специфики фронтовых условий и неясностью свидетельств о нём в фольклоре[235] не был распространён.

Обратимся к рассмотрению первых двух форм. «Союз крови» достигается путём установления искусственного родства посредством братания[236]. Следует отметить, что чаще всего «… братание происходит между своими»[237]. Одним же из важнейших признаков «своего» являлось вероисповедание. Так Т.В. Краюшкина, в частности, отмечает, что герою «… иногда достаточно просто увидеть крест на груди богатыря, чтобы признать его за своего и позвать в побратимы»[238]. В этой связи нельзя обойти вниманием и такой элемент обряда побратимства, как обмен нательными крестами: «Обменяться крестами – всё равно, что обменяться судьбой, побрататься. Крестовый брат – это даже крепче, чем родной брат. Крестовому брату полагалось оказывать помощь и заботу в трудную минуту»[239]. Данная традиция представляет для нас интерес, поскольку на Юго-Западном фронте, где особенно часто наблюдались случаи братания,

---

[233] См.: *Асташов А.Б.* Братания на Русском фронте Первой мировой войны… С. 35.
[234] *Токарев С.А.* Новое о происхождении экзогамии и тотемизма // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии / отв. ред. В.П. Алексеев, И.С. Гуревич. М., 1968. С. 258.
[235] См.: *Краюшкина Т.В.* Мир семейных отношений в русских народных волшебных сказках. Владивосток, 2005. С. 128.
[236] См.: там же. С. 128.
[237] Там же. С. 130.
[238] Там же. С. 129.
[239] *Синявский А.* Иван-дурак: очерк русской народной веры. М., 2001. С. 199.

как уже отмечалось, в рядах в основном вооружённых сил Австро-Венгрии служило некоторое число православных, и вполне возможны были подобного рода ритуалы между солдатами православного исповедания из воюющих армий. Надо также сказать, что, по нашему мнению, именно тот факт, что немцы и их союзники тоже христиане, послужил первоначальным толчком к тому, что в рамках мироощущения человека традиционного общества они переводились в категорию «своих», а значит с ними возможно и братание. В дальнейшем восприятие немца как врага притуплялось и в следствие «миролюбивых» действий и слов со стороны представителей войск Четверного союза[240]. В итоге к 1917 г. русский солдат перестал видеть в немцах врагов: «Неприятель у нас хорош и сообщил нам, что не будет наступать, если не будем наступать и мы»[241].

По-иному дело могло обстоять с таким врагом, который вписывался в привычные стереотипы. Обратимся вновь к этнографическому материалу: «Змей перед сражением предлагает богатырю брататься, но это предложение всегда отвергается: побратимство между героем и врагом в сказке невозможно»[242]. А поскольку традиционный враг представлялся в образе азиата-иноверца (мусульманина), о чём речь шла выше, то этому представлению соответствовали только турки, с которыми борьба шла на Кавказском фронте. Именно здесь были зафиксированы лишь отдельные случаи братания, хотя турецкая сторона и делала попытки к его организации[243]. Так, в телеграмме № 1119 от 17 мая 1917 г., направленной командующему флотом Чёрного моря вице-адмиралу А.В. Колчаку за подписью А.Ф. Керенского, сообщалось: «Дисциплина в Кавармии ослабла … Случаи братания бывают. 6 мая вместе ловили рыбу, сходились с белыми флагами»[244]. Однако, даже исходя из содержания данного документа можно сделать вывод, что речь идёт о единичных эпизодах, в которых,

---

[240] См. напр.: *Жарков А.* Германские прокламации и «братание». Петроград, 1917. С. 4, 5; *Максимов П.П.* Красногвардейцы в борьбе с контрреволюцией // В борьбе за Октябрь в Белоруссии и на Западном фронте: воспоминания активных участников Октябрьской революции. Минск, 1957. С. 335–336.
[241] Цит. по: *Головин Н.Н.* Россия в Первой мировой войне. М., 2014. С. 484.
[242] *Краюшкина Т.В.* Указ соч. С. 130.
[243] См.: *Френкин М.С.* Указ. соч. С. 273–275.
[244] РГВИА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 17. Л. 13.

по всей видимости, с российской стороны принимали участие солдаты из крестьян, а не из казаков.

Побратимству в фольклоре часто предшествует поединок или соревнование богатырей, которые после завершения демонстрации своей силы братаются[245]. Интересно, что «в русских сказках отношения побратимства могут устанавливаться … между богатырями, чья принадлежность Русской земле не определена; побратимство может предлагаться представителем иного мира русскому богатырю»[246]. В подобном положении оказались солдаты русской армии на фронте Первой мировой войны и, возможно, заложенная в детстве ментальная установка на подобное поведение в определённой степени облегчила вступление в контакт с солдатами вражеских армий. Обращает на себя внимание также сюжет, в котором терпящий поражение в поединке русский богатырь, особым образом предлагает побеждающему побрататься: «Иван – русский богатырь бьётся с Еруслаком Лазаревичем. Еруслан Лазаревич побеждает. “Тогда Иван – русский богатырь стал просить у него прощения: – Прости меня, Еруслан Лазаревич. Младшим братом я у тебя буду”»[247]. Этот сюжет может быть сопоставлен с тем отношением, которое выработалось за годы войны у значительной части русских солдат к немцам. Перевес немцев признавался многими русскими солдатами по различным показателям: образованность – «что немец, что учёный-мудрец, всё едино»[248], физическая сила: «немца не пересилить … не одолеть»; «в корыте моря не переплыть … с шилом на медведя – где уж»[249]. А с лета 1916 г. мысль о превосходстве немцев становится преобладающей[250]. После Февральской революции подобные настроения только укреплялись: «… нас хотят сгубить начальство … мы только выйдем до проволочных заграждений, нас тут вот побьют, нам всё равно не прорвать фронт неприятеля … нам нечего

[245] См.: *Асташов А.Б.* Братания на Русском фронте Первой мировой войны: между пацифизмом и мировой революцией… С. 43; *Краюшкина Т.В.* Указ. соч. С. 128, 130.
[246] *Краюшкина Т.В.* Указ. соч. С. 130.
[247] Там же. С. 130.
[248] Цит. по: *Асташов А.Б.* Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны… С. 78.
[249] Цит. по: там же. С. 78.
[250] См.: там же. С. 78.

наступать, пользы не будет; если пойдём, то перебьют»[251]. Подобное восприятие противника, по-видимому, и побуждало русских солдат стремиться «замириться» с ним.

Следует также обратить внимание на то, что получивший отражение в фольклорном материале обычай побратимства реализовывался в практической деятельности для достижения некоей цели. Т.В. Краюшкина выделила несколько вариантов цели, ради которой герои русских сказок братаются: «1. Выполнение трудного задания … 2. Страх богатырей перед непобедимой силой главного героя может стать причиной побратимства: богатыри из опасения за свою жизнь просят более сильного героя побрататься с ними … 3. Побратимство устанавливается в случае равенства сил героев: между ними происходит бой, после которого они предлагают друг другу побрататься»[252]. Все эти три вида цели так или иначе приложимы к той жизненной ситуации, в которой оказался вчерашний крестьянин, попав на фронт: война нового типа – индустриальная война – рассматривалась солдатами как «трудное задание» и даже главный враг, против которого и обращено братание с такими же несчастными как они солдатами противостоящих армий[253]; опасения за свою жизнь, а также за то, что не удастся воспользоваться добытой в ходе революции свободой, во многом порождённые техническим превосходством армий Четверного союза, всячески ими демонстрируемом, в частности, во время братаний в целях морального подавления русских солдат, также служили побудительным мотивом к развитию данного вида антивоенных выступлений; ну а поскольку за два с половиной года войны ни одна из сторон не смогла победить, и перспектива получения материальной выгоды минимальна, то, по мнению солдат-крестьян, в войне нет «… никакого толку, только избиение рода человеческого»[254].

---

[251] Цит. по: *Головин Н.Н.* Россия в Первой мировой войне… С. 479–480.
[252] *Краюшкина Т.В.* Указ. соч. С. 133–134.
[253] См.: *Асташов А.Б.* Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны… С. 76, 78–79.
[254] Цит. по: там же. С. 77; Антивоенные выступления на Русском фронте в 1917 году… С. 30, 90–91.

И, наконец, ещё одним аспектом братания является совместная трапеза и обмен подарками[255]. Как отмечает в своей книге французский исследователь А. Геннеп: «Совместная трапеза, или обычай есть и пить вместе, … бесспорно, обряд включения, собственно материального единения»[256]. Трапеза, как составная часть обряда братания, была известна в славянском мире[257]. На фронте она приобретала особенно важное значение. Здесь стоит сказать и о том, что в процессе братания в 1917 г. резко возросло употребление алкоголя солдатами русской армии[258]. В этой связи интересно предположение А.Б. Асташова относительно одной из ментальных причин роста пьянства в рядах вооружённых сил России, которое «… возможно приобретало характер ритуала, сопровождающего обычное в крестьянском обиходе замирение с соперником»[259].

Что касается обмена подарками, то он в глазах человека традиционного общества «… обладает непосредственной силой воздействия, это принудительный акт: принять от какого-либо человека подарок – значит связать себя с ним»[260]. Во время братания было принято обмениваться не только вещами, но и объятиями, поцелуями[261]. Все эти действия осуществлялись русскими солдатами и в ходе фронтового братания[262]. Постепенно обмен предметами в процессе братания эволюционировал в меновую торговлю между солдатами противоборствующих армий. Об этом немало свидетельств и в 1917 г.[263], но свои завершённые формы данное явление обрело в начале 1918 г. Так в Сводке военно-политического и гражданского управления при Верховном главнокомандующем о ходе демократизации армии 4 января 1918 г. сообщалось, что на Север-

---

[255] *Геннеп А.* Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / пер. с франц. М., 1999. С. 32–33.
[256] Там же. С. 32.
[257] Там же. С. 32; см.: *Асташов А.Б.* Братания на Русском фронте Первой мировой войны… С. 35.
[258] *Жарков А.* Германские прокламации и «братание»…. С. 6; *Нокс А.* Вместе с русской армией… С. 539; Телеграмма Верховного главнокомандующего в Военное министерство (14 октября) // Антивоенные выступления на Русском фронте в 1917 году… С. 261–262; см.: *Асташов А.Б.* Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны… С. 79.
[259] *Асташов А.Б.* Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны… С. 79.
[260] *Геннеп А.* Обряды перехода… С. 32.
[261] См.: там же. С. 33.
[262] *Асташов А.Б.* Братания на Русском фронте Первой мировой войны… С. 35.
[263] См. напр.: Антивоенные выступления на Русском фронте в 1917 году… С. 12; *Бурский П.Д.* Братание с врагом…. С. 6; Сводка сведений о настроении частей войск армий Западного фронта с 1 по 5 октября 1917года // 1917. Разложение армии / авт. сост. В.Л. Гончаров. М., 2010. С. 308.

ном фронте «братания продолжаются и носят в большинстве случаев характер натурального обмена»[264]. А на Западном фронте, по сведениям на 18 декабря 1917 г.: «на фронте обычная торговля и братанье. Заметно, что немцы не принимают в большинстве случаев наших новых кредитных билетов / марок / охотно принимая старые»[265]. Схожие явления наблюдались и в начале января 1918 г. в 4-й армии Румынского фронта[266]. Таким образом, здесь обмен осуществлялся с использованием денежных средств в качестве эквивалента. Следует также сказать, что А.Б. Асташов видит в получении солдатами тех или иных вещей или продуктов в ходе братания попытку «… восполнить потерю «полезности» войны и вернуть ей «вещный» характер, что так важно для крестьянского менталитета»[267], с чем, на наш взгляд, стоит согласиться.

Таким образом, рассмотренные три группы ментально-психологических установок, способствовавших возникновению и развитию братания на Восточноевропейском ТВД Первой мировой войны, сами по себе не оставаясь неизменными, в особенности в условиях революционного кризиса 1917 г., в разной степени оказывали влияние на поведение солдат. Часть указанных установок подавлялась, осознанно или невольно, однако полного отказа ни от одной из названных групп всё же не наблюдалось, поскольку заменить их в рамках крестьянского традиционалистского сознания в тех исторических условиях, на наш взгляд, было нечем. Наиболее значимой группой ментально-психологических установок, оказывавших самое значительное влияние на поведение солдат-крестьян, по-видимому оставались общинные устои, нормы и правила поведения.

Помимо рассмотренных выше ментальных установок, присущих крестьянству, составлявшему большую часть армии, следует отметить и общую психологическую неготовность населения России к длительному и упорному военному противостоянию. В этой связи интерес представляет анализ данного во-

---

[264] Цит. по: *Базанов С.Н.* Великая война: как погибала Русская армия. М., 2014. С. 253.
[265] ГА РФ. Ф. Р-375. Оп. 1. Д. 15. Ч. 2. Л. 350.
[266] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3834. Л. 11.
[267] *Асташов А.Б.* Братания на Русском фронте Первой мировой войны… С. 36.

проса, проведённый в работе современника тех событий Н.С. Зайченко[268]. В ней автор, указав, что «…армия составляет только часть борющегося народа, значит и крепость духа в ней зависит от такового же в народе»[269], противопоставил два типа организации борющихся масс: «организованный» и «импровизированный»: ««импровизированные» армии могут направлять свою деятельность лишь *в течение короткого промежутка времени* (выделено в документе, – С.К.), т. е., пока не улёгся энтузиазм к соединившему их делу; «организованные» же армии подготовлены к продолжительному действию, превозмогающему все те обстоятельства, которые для первых оказываются разрушительными»[270]. К «импровизированному» типу организации Н.С. Зайченко относил русскую армию[271].

Весьма важным фактором, способствовавшим распространению в 1917 г. антивоенных настроений в армии и, в частности, братания, как яркого их выражения, явилось и то обстоятельство, что «мы не считались с психологией массы, не делали её сознательной участницей борьбы. Вследствие чего в настоящей войне большинство идущих на неё не могло победить в себе тех противоречий, которые их охватывали. Возьмём крестьян, рабочих. Им приказывали идти умирать за прекрасную родину, дорогое отечество и т. д., но что такое родина и почему её нужно защищать – не сказали. Они шли, но их представление о родине часто оканчивалось там, где кончалась деревня первого, фабрика второго»[272]. О том, что правительство накануне войны не проводило достаточной работы по воспитанию современного типа патриотизма у населения и в войсках писал и А.И. Деникин[273].

В заключение необходимо отметить, что рассмотренные группы ментальных установок крестьянства вкупе с общим психологическим состоянием населения России накануне и в период войны способствовали возникновению и развитию братания на Русском фронте.

---

[268] *Зайченко Н.С.* Война и наша главная ошибка. М., 1917.
[269] РГВИА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 11. Л. 273; *Зайченко Н.С.* Указ. соч. С. 6.
[270] Там же. Л. 274–274 об; *Зайченко Н.С.* Указ. соч. С. 7–8.
[271] Там же. Л. 274; *Зайченко Н.С.* Указ. соч. С. 7.
[272] Там же. Л. 276 об; *Зайченко Н.С.* Указ. соч. С. 12.
[273] *Деникин А.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 17–20, 28.

В приложении к работе приводится боевое расписание армий Юго-Западного фронта, включающее в себя дивизионный состав корпусов, менявшийся на протяжении 1917 г., а также данные о распределении полков расформировывавшихся дивизий четвёртой очереди по остававшимся в строю дивизиям. Также, на основе сведений разведывательных отделений российских войск, публикуется боевое расписание армий Четверного союза, противостоящих силам русского Юго-Западного фронта за период с февраля по 1 ноября 1917 г.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Возникновение феномена братания на Русском фронте вообще и на Юго-Западном в частности, в значительной степени было обусловлено ментально-психологическими и мировоззренческими особенностями русского солдата-крестьянина.

2. Уровень развития братания и близких к нему форм контактов на Юго-Западном фронте в течение 1917 г. был неодинаковым; его всплески и спады во многом были обусловлены общей политической обстановкой в стране.

3. Степень развития братания в каждой армии Юго-Западного фронта была различна.

4. Братание в каждой армии Юго-Западного фронта имело свои особенности, связанные как со степенью разложения её частей и соединений, так и с национальным составом противостоящей ей группировки противника.

5. Братание поощрялось как большевиками, влияние которых в армиях Юго-Западного фронта постепенно нарастало, так и иными леворадикальными партиями, в частности, анархистами.

6. После взятия власти большевиками часть солдатских и военно-революционных комитетов Юго-Западного фронта, стремясь к приданию братанию организованного характера, начала перенимать австро-германский опыт в этом отношении.

Практическое использование диссертации может идти по двум направлениям. Во-первых, выводы и материалы данного исследования могут быть полезны при написании обобщающих работ и учебных пособий по истории Первой миро-

вой войны и Великой Российской революции 1917 г. Во-вторых, диссертация может помочь преподавателям ВУЗов, в том числе военных, при чтении лекционных курсов и проведении семинарских занятий по Отечественной истории.

Автор неоднократно выступал с докладами и сообщениями по теме диссертационного исследования на заседаниях Центра военной истории России ИРИ РАН, принял участие в 16 международных и всероссийских научных конференциях, проходивших в Институте Российской истории РАН, Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ), Московском педагогическом государственном университете (МПГУ), Калужском государственном университете (КГУ) имени К.Э. Циолковского, Брянском государственном университете (БГУ) имени академика И.Г. Петровского, Военно-воздушной академии имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина (Воронеж), Липецком государственном педагогическом университете (ЛГПУ) имени П.П. Семёнова-Тян-Шанского (заочно), Приднестровском государственном университете имени Т.Г. Шевченко (Тирасполь) (заочно) и других научных учреждениях.

По теме диссертации было опубликовано 17 статей общим объёмом 10,4 п.л., в том числе 5, объёмом 4,2 п.л. в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Цель и задачи исследования определили его структуру, в основу которой положен проблемно-хронологический принцип. Работа состоит из введения, четырёх глав, разделённых на параграфы, заключения и приложений. Порядок расположения глав соответствует общему развитию революционного процесса в стране и в армии, что придаёт работе цельность и законченность. Структура каждой главы исходит от имеющегося материала, при изучении которого были выделены наиболее значимые проблемные вопросы, легшие в основу разделения каждой главы на соответствующие параграфы. При этом рассмотрение основных проблем сквозным образом проходит через всю работу, что позволяет проследить исследуемые в рамках параграфов процессы и явления в развитии.

Хронологические рамки диссертационного исследования охватывают период с марта 1917 до начала 1918 года, то есть от падения монархии в России

до ликвидации русской армии. Однако, в целях изучения феномена братания в развитии, начиная от его зарождения, мы будем обращаться и к периоду с 1914 по февраль 1917 г.

Территориальные рамки исследования ограничены местом дислокации армий Юго-Западного фронта Восточноевропейского театра военных действий в рассматриваемый период Первой мировой войны. Линия Юго-Западного фронта протянулась с севера на юг на 615 км – от р. Припять до г. Кимполунг в Буковине (ныне территория Румынии). Таким образом, исследуемый фронт был самым протяжённым на Восточноевропейском ТВД. Порядок, в котором приводятся армии в тексте глав диссертации, соответствует их дислокации на Юго-Западном фронте с севера на юг. Необходимо также отметить, что при рассмотрении ранних эпизодов братания, мы будем обращаться к различным участкам Восточного (Русского) и Западного (Французского) фронтов.

Даты в настоящем исследовании по 31 января 1918 г. включительно приводятся по старому стилю, далее – по новому. При необходимости привести дату, ранее указанного числа, по новому стилю, в скобках даётся соответствующее пояснение.

Глава 1. Политическая ситуация на юго-западе России в 1917 г.

Прежде чем перейти к основной цели исследования, нами будет дан общий обзор событий, происходивших на юго-западе России в 1917 г., а также сделана попытка выявить взаимосвязь рассматриваемых в данной главе процессов с братанием на фронте. Как известно, начавшиеся в середине февраля в Петрограде выступления рабочих под экономическими лозунгами, завершились революцией и падением монархии. Этнограф, географ и экономист Н.М. Могилянский в этой связи отметил: «Простой солдатский бунт в понедельник (27 февраля, – С.К.) кончился в четверг во Пскове крушением империи и династии»[274]. 27 февраля в столице возникло два органа власти – Временный комитет Государственной думы, образованный по предложению частного совещания членов Думы из представителей партий Прогрессивного блока или близких к ним, а также Петроградский Совет рабочих (с 1 марта и солдатских) депутатов.

Образование и энергичная деятельность Совета вызвали беспокойство у лидера КДП П.Н. Милюкова, который 28 февраля на одном из митингов высказал опасения о возможности возникновения двоевластия в стране, впервые употребив данный термин применительно к событиям 1917 г.[275] 2 марта Временным комитетом Думы было сформировано Временное правительство, к которому, до созыва Всероссийского Учредительного собрания, перешла верховная власть. Однако Петросовет через своих представителей Н.С. Чхеидзе, Н.Д. Соколова, Н.Н. Суханова, Ю.М. Стеклова и др. 1 марта выдвинул ряд условий, на которых Совет был готов взаимодействовать с формирующимся правительством. Достигнутая в ходе этих переговоров договорённость получила зримое выражение в Декларации Временного правительства 3 марта. Была также сформирована контактная группа для взаимодействия Совета и правительства. Победившая Февральская революция, стала катализатором целого ряда процессов в стране, в том числе и на национальных окраинах.

---

[274] Цит. по: *Михутина И.В.* Февральская революция и образование Украинской Центральной Рады // Белоруссия и Украина: История и культура / Ин-т славяноведения. М., 2003. С. 289.
[275] *Суханов Н.Н.* Записки о революции. М., 1991. Т. 1. С. 107.

1.1. Общий обзор деятельности Центральной Рады

Особое место в национальном движении занимают события на Украине. Необходимо отметить, что если в рамках советской историографии отсутствовало их обособление от общероссийского революционного процесса, то в последнее тридцатилетие в украинской науке утвердилась концепция, в соответствии с которой на юго-западе России имела место Украинская революция, как составная, но всё же особенная часть Российской революции[276].

В Киеве уже 28 февраля из телеграммы М.В. Родзянко неофициально стало известно об образовании Временного комитета Думы. Старая администрация города не пыталась оказывать сопротивления новым порядкам: киевский полицмейстер призвал подчинённых к признанию новой власти и к исполнению своих прежних обязанностей. 1 марта в Киеве был образован Союз объединённых общественных организаций (СООО), в состав которого должны были войти члены городской думы, губернской и уездных земских управ, комитета Земгора Юго-Западного фронта, Военно-промышленного комитета, а также Рабочей группы этого комитета, больничных касс, союза кооперативов, рабочих профсоюзов, национальных организаций, представителей прессы, студенчества и др. Целью СООО было создание «… в городе среди различных слоёв и классов населения то спокойствие, к которому призывает Комитет Государственной думы»[277]. 4 марта был выделен Исполнительный комитет СООО из 15 членов под председательством врача и общественного деятеля Н.Ф. Страдомского. До следующих муниципальных выборов ИК СООО стал высшим органом власти в Киеве, поскольку Временное правительство после смещения прежних губернаторов делегировало создание новых органов управления местной общественности. Назначенные же из Петрограда комиссары Временного правительства становились лишь посредниками между новыми органами вла-

[276] *Солдатенко В.* Українська революція як суспільний феномен: пошук методологічних засад дослідження // Центральна Рада і український державотворчий процес (до 80-річчя створення Центральної Ради). У 2 ч.: матеріали наукової конференції 20 березня 1997 р. Київ, 1997. С. 20–22; он же. В горниле революций и войн: Украина в 1917–1920 гг.: историко-историографические эссе. М., 2018. С. 5–20.

[277] Цит. по: *Михутина И.В.* Февральская революция и образование Украинской Центральной Рады… С. 296.

сти на местах и центром[278]. В Киеве губернским комиссаром Временного правительства стал председатель земской губернской управы М.А. Суковкин. Во главе Киевского военного округа, кроме непосредственно командующего, встал комиссар К.М. Обручев – эсер, полковник в отставке. ИК СООО также направлял своих комиссаров в городские учреждения.

Параллельно в Киеве начали оформляться Советы. 4 марта сложился Совет рабочих депутатов, в состав которого вошли и большевики, изначально попытавшиеся создать свой Совет, но не сумевшие этого достичь вследствие недостаточного влияния в Киеве. В дальнейшем в состав Совета рабочих депутатов также вошли представители Украинской социал-демократической рабочей партии (УСДРП) и Бунд (Всеобщий еврейский рабочий союз). 9 марта был создан Совет войсковых депутатов, в котором значительным влиянием обладали эсеры. Необходимо отметить, что во взаимоотношениях киевского Совета с ИК СООО и Временным правительством не наблюдалось конфронтационности, которая, подчас, имела место в Петрограде между Временным правительством и Советом.

Откликнулись на революцию и сторонники украинского течения. 3 марта состоялось собрание их сторонников как из Киева, так и из провинции, в котором приняло участие более 100 делегатов. По итогам собрания было избрано десять человек для вхождения в новые органы управления, направлено приветствие Временному правительству и принято решение послать делегацию в Петроград с целью довести до сведения центральной власти наиболее значимые нужды украинцев[279]. Инициатором данного собрания стало Товарищество украинских прогрессистов (ТУП). Его лидером был М.С. Грушевский – историк, выпускник Киевского университета, профессор Львовского университета. Накануне Февральской революции он проживал в Москве, куда его, по ходатайству русских учёных-членов Государственного совета, перевели из Симбирска, где он находился в административной высылке.

---

[278] *Милюков П.Н.* История второй русской революции. М., 2001. С. 61.

[279] См.: 1917 год на Киевщине. Хроника событий. Киев, 1928. С. 4; *Михутина И.В.* Февральская революция и образование Украинской Центральной Рады… С. 298.

После победы революции деятели ТУП (с 25–26 марта переименовано в Союз украинских автономистов-федералистов) стремились сделать эту организацию центром притяжения всех украинских сил. Но уже 4 марта социал-демократы Д.В. Антонович, И.М. Стешенко, украинский эсер А.С. Степаненко предложили создать новый орган, в который ТУП вошло бы наряду с другими группами на паритетной основе. Так 4 марта возникла Украинская Центральная Рада (УЦР). Её учредили Украинское научное общество, Украинское технико-экономическое общество, Украинское педагогическое общество, Национальный украинский союз, украинские кооперативные и студенческие организации[280]. Председателем УЦР был заочно избран М.С. Грушевский (он непосредственно прибыл в Киев 13 марта).

В Петрограде, где также существовала значительная по численности украинская диаспора, также наблюдалась возросшая активность её представителей. Так, 2 марта Главный украинский студенческий комитет, преобразованный во Временный украинский революционный комитет, опубликовал воззвание, в котором содержался призыв к федерализации России и созданию в её рамках украинского автономного образования. 12 марта в столице прошла 20-тысячная манифестация украинцев, приуроченная к дню памяти Т. Шевченко, под лозунгом «Свободная Украина в свободной России». В ней приняли участие студенты, общественные деятели и рабочие. Однако основную массу манифестантов составили солдаты-украинцы Петроградского гарнизона.

Также членами ТУП А.И. Лотоцким и П.Я. Стебницким была составлена «Памятная записка представителей Петроградского отдела Союза украинских прогрессистов, учащейся молодёжи, рабочих и солдат». Данный документ отличался умеренностью требований в украинском вопросе: введение украинского языка в административной и судебной практике, а именно, ведение дел на украинском языке в сельских и волостных судах и двуязычие в мировых и общих судах; введение должностей особых комиссаров, целью работы которых

[280] *Михутина И.В.* Февральская революция и образование Украинской Центральной Рады… С. 299.

был бы контроль и устранение недоразумений; создание поста комиссара по украинским делам при Временном правительстве; восстановление довоенного порядка политической жизни в занятых русской армией частях Галиции и Буковины, а также возвращение репрессированных за нелояльность российским властям уроженцев этих территорий на родину. Данная «Записка» была подана министру-председателю Г.Е. Львову 17 марта. По большей части вопросов, поднятых в ней, делегаты-украинцы не встретили возражений со стороны правительства. Однако к созданию должности краевых комиссаров Г.Е. Львов и П.Н. Милюков отнеслись отрицательно, не считая возможным изменять государственное устройство до решения Учредительного собрания.

Почти одновременно с украинцами Петрограда свои требования озвучили и украинские организации Москвы. На их характер значительное влияние оказали идеи находившегося в Москве М.С. Грушевского. 7 марта от имени Союза украинских федералистов, Московского комитета украинских эсеров, редакций журналов «Украинская жизнь» и «Проминь», Украинской секции новой славянской культуры была выпущена декларация «Наши требования». В её основу была положена идея о национально-территориальной автономии Украины и преобразование России в договорную федерацию – совокупность отдельных государственных образований. В дальнейшем М.С. Грушевский продолжал развивать эти идеи[281]. Таким образом, требования московской части украинского движения были на порядок радикальнее.

19 марта в Петрограде образовался ещё один орган в украинском движении – Украинская национальная рада. М.С. Грушевский отреагировал на её действия негативно, поскольку опасался, что эта организация стремится «явочным порядком взять на себя перед Временным правительством роль всеукраинского представительства»[282]. Однако Д.И. Дорошенко[283] и А.И. Лотоцкий[284]

---

[281] *Грушевський М.* Від слова до діла // Великий Українець. Київ, 1992; він же. Повороту нема // Великий Українець. Київ, 1992; він же. Якої ми хочемо автономії і федерації // Великий Українець. Київ, 1992.
[282] Цит. по: *Михутина И.В.* Февральская революция и образование Украинской Центральной Рады… С. 301.
[283] *Дорошенко Д.* Історія України 1917–1923 рр. Ужгород, 1932. Т. 1: Доба Центральної Ради. С. 49.
[284] *Лотоцький О.* Сторінки минулого. Варшава, 1934. Ч. 3. С. 343.

впоследствии утверждали, что подозрения М.С. Грушевского были беспочвенны, поскольку Украинская национальная рада вплоть до своего упразднения в мае 1917 г. действовала в согласии с киевским центром.

19 марта Центральной Раде в Киеве удалось организовать самостоятельную манифестацию, в которой приняли участие около 100 тыс. человек. Колонны под жёлто-голубыми флагами и портретами Т. Шевченко прошли от Владимирского собора до Софийской площади. В манифестации приняли участие военные с оружием, раненые солдаты-украинцы, студенты, служащие, интеллигенция и даже отряды пленных уроженцев Галиции и чехов. Участников акции приветствовали члены ИК СООО, а также командующий Киевским военным округом генерал Н.А. Ходорович. Духовенство освятило знамёна украинского полка, который планировалось сформировать. Заключительная резолюция манифестации была оформлена в виде требования к Временному правительству, чтобы оно: «немедленно издало декларацию, в которой, со своей стороны, признало бы необходимость широкой автономии украинской земли и одновременно предприняло бы все меры, чтобы придать публичным учреждениям украинский национальный характер». Согласно этому документу, Учредительное собрание должно было лишь признать автономию Украины[285]. В день манифестации также начали издаваться «Известия из Украинской Центральной Рады».

М.С. Грушевский был доволен столь наглядной картиной того, что идея украинства проникла в массы. Теперь его целью была «… демонстрация [широты социальной базы украинства] в размерах всеукраинских», то есть, скорейший созыв национального съезда с целью показать Временному правительству, насколько серьёзен национальный вопрос на юго-западе России[286].

Сообщение о созыве всеукраинского съезда (конгресса) содержалось в первом номере «Известий из Украинской Центральной Рады». Съезду предстояло обновить состав УЦР. Однако способ формирования его состава также вызывал вопросы у сторонников демократического представительства: на нём

[285] 1917 год на Киевщине. Хроника событий. С. 18.
[286] *Грушевський М.* Спомини // Київ. 1989. № 8. С. 143–144.

должны были присутствовать члены украинских политических, профессиональных, территориальных, культурных организаций, однако никак не были представлены как неукраинцы, проживавшие в юго-западном крае, так и неорганизованные этнические украинцы, поскольку делегатов имели возможность присылать только организации и к тому же только те, «которые принимают требование широкой национально-территориальной автономии Украины»[287].

Украинский национальный съезд проходил с 6 по 8 апреля. На нём присутствовало от 700 до 900 делегатов, имевших право голоса при выборах в УЦР. Сверх того, ряд лиц имел право совещательного голоса. Таким образом, общее число участников составляло около 1500 человек[288]. Состав делегатов также был весьма разнообразным: прибыли представители украинских губерний, украинских общин Петрограда и Москвы, Галиции, Буковины, Кубани. Присутствовали и фронтовики, делегаты с Балтийского и Черноморского флотов.

В первый день работы съезда были заслушаны доклады Д.И. Дорошенко, А.Я. Шульгина, Ф.П. Матушевского, в которых обосновывалась автономистско-федералистская концепция. По итогам работы первого дня съезд принял резолюцию, в соответствии с которой: «Только широкая национально-территориальная автономия Украины обеспечит потребности нашего народа и всех иных народностей, которые живут на украинской земле»[289]. Однако, по мнению И.В. Михутиной, получение автономного статуса было для большинства делегатов не самоцелью, а лишь средством, при помощи которого они надеялись решить наиболее острые проблемы: крестьяне – преодолеть малоземелье, солдаты – покончить с войной, цели которой для них были неясны и т.д.)[290].

Во второй день говорилось о практической стороне формирования автономии. Наиболее примечательным оказался доклад В.В. Садовского «О территории и населении автономной Украины». По мнению автора, будущее авто-

[287] Українська Центральна Рада: Документи і матеріали. В 2 т. Київ, 1996. Т. 1. С. 50.
[288] *Верстюк В.* Центральная Рада и Временное правительство (к истории украинско-российских отношений в 1917 году) // Россия – Украина: история взаимоотношений / отв. ред. А.И. Миллер и др. М., 1997. С. 213.
[289] Українська Центральна Рада. Т. 1. С. 54.
[290] *Михутина И.В.* Февральская революция и образование Украинской Центральной Рады… С. 313.

номное образование должно было включать: Киевскую, Харьковскую, Екатеринославскую, Подольскую, Полтавскую, Херсонскую, Черниговскую, Волынскую губернии, а также некоторые уезды Седлецкой, Люблинской, Гродненской, Воронежской, Курской, Таврической и Бессарабской губерний, Ставрополья, Донской области, Кубани. В резолюции, принятой съездом по этому докладу, в частности, говорилось, что границы будущей автономии должны устанавливаться в соответствии с волей пограничного населения. Кроме того, для реализации указанного принципа, по мнению делегатов, требовалось участие в будущей мирной конференции, помимо стран-участниц войны, ещё и тех народов, на территории которых велись боевые действия, в том числе Украины[291]. Подобное стремление превратить автономию в субъект международной политики превышало обычные прерогативы такого рода административно-территориальных образований.

Съезд приветствовал и комиссар Временного правительства М.А. Суковкин. Он, говоря от имени кабинета, подчёркивал, что Петроград воспринимает Центральную Раду как одно из многих общественных учреждений, призванных к сотрудничеству в местном самоуправлении, подчёркивал первостепенное значение общероссийского Учредительного собрания, которое должно определить характер будущего административно-территориального устройства государства.

8 апреля были проведены выборы в УЦР по новому регламенту, в соответствии с которым тайным голосованием избирался председатель и открытым голосованием – его заместители. Основной же состав Рады формировался из территориальных украинских делегаций: от 1 до 4 представителей от губерний с большинством украинского населения и тех, где оно составляло определённую часть; по 2 представителя от столичных общин и от крупных городов; 1 делегат от каждого коллектива с 500 и более членами; по 5 от рабочих, кооперативных и сельских союзов, от студенчества. В обновлённый состав Рады

[291] Українська Центральна Рада. Т. 1. С. 58–59.

должны были также войти представители политических партий и общественных организаций, армейских и флотских комитетов. Всего было избрано 118 депутатов УЦР. 20 её членов составили постоянно действующий Комитет[292]. Во главе Рады оставался М.С. Грушевский.

УЦР получила от съезда поручение, согласно которому, принятые резолюции должны быть выполнены, для чего Рада должна была начать переговоры с Временным правительством. Однако до середины мая украинские лидеры не предпринимали активных действий в этом отношении. По мнению В. Верстюка, это объясняется следующим обстоятельством: «имела место неуверенность в том, что правительство удовлетворит их просьбы, страшил отказ, который мог подорвать реноме УЦР»[293]. В этот период на территории Украины состоялся ряд всеукраинских, губернских, уездных съездов, требовавших решения вопроса об автономном статусе. В частности, прошедший в Киеве 5–8 мая I Всеукраинский войсковой съезд оказал Раде полную поддержку, что свидетельствовало о том, что УЦР приобрела популярность в армии. Однако ход съезда также показал, что дальнейшее оттягивание начала переговоров с Петроградом грозит утратой контроля над низовым украинским движением.

В середине мая в столицу была направлена делегация Центральной Рады. Было принято решение обратиться одновременно к Временному правительству и к ЦИК Советов. В ответ на обращение украинских представителей была создана комиссия, состоявшая из товарищей министра внутренних дел Н.Н. Щепкина и Д.Д. Урусова, а также юристов – С.А. Котляревского и Н.И. Лазаревского. В рамках работы комиссии предстояло рассмотреть вопросы о размерах автономии, взаимоотношениях Украины и центрального правительства России, о границах будущего образования. В итоге Временным правительством были отвергнуты следующие пункты, предложенные делегацией Рады: об участии представителей Украины в мирной конференции; о введении института комиссара Временного правительства по делам Украины. Все прочие требования кабинет счи-

[292] Там же. С. 59–60.
[293] *Верстюк В.* Центральная Рада и Временное правительство… С. 214.

тал возможным удовлетворить, но в установленном законом порядке, окончательно – на Учредительном собрании.

Всеукраинский крестьянский и 3-й Всеукраинский войсковой съезды, недовольные ходом переговоров, требовали от Центральной Рады решительных действий. 10 июня был принят I Универсал Украинской Центральной Рады к украинскому народу на Украине и вне Украины сущего[294]. Создавался Генеральный секретариат во главе с В.К. Винниченко, как орган исполнительной власти, краевое правительство. Ответ Временного правительства последовал 13 июня: «Киевская Рада самочинно провозгласила автономию Украины … не останавливаясь перед актом открытого мятежа, подвергающего опасности государственное единство России и нанося тяжёлый удар российской демократии в момент напряжённой борьбы её за закрепление великих завоеваний революции … Правительство выражает уверенность, что …большинство украинского народа универсал отвергает»[295].

После того, как стало ясно, что I Универсал – свершившийся факт, в номере «Киевской мысли» сверх того провозглашалось, что Центральная Рада является «не только исполнительным, но и законодательным органом всего организованного украинского народа»[296]. Затем появился ещё один документ, получивший название «Формула перехода», согласно которому Генеральный секретариат назван «наивысшим народоправным органом украинского народа и его наивысшей властью». Кроме того, он должен был: «… в очередную сессию Центральной Рады представить доклад о созыве Украинского учредительного собрания»[297]. Таким образом, возникла опасность фактического отделения Украины. В этой связи в Киев выехали представители Временного правительства для продолжения пере-

---

[294] Українська Центральна Рада. Т. 1. С. 101–105.

[295] Цит. по: *Непомнящий А.А.* Временное правительство России и Центральная Рада Украины в 1917 году // Переяславская Рада: её историческое значение и перспективы возрождения союзного государства / Сб. ст. Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2019. С. 131.

[296] Киевская мысль. 1917. 27 июня.

[297] Цит. по: *Соколова М.* Центр и периферия: Россия и Украина в 1917 году // Россия – Украина: история взаимоотношений / отв. ред. А.И. Миллер и др. М., 1997. С. 223.

говоров. Они проходили 28–30 июня. Временное правительство представляли военный министр А.Ф. Керенский, министр почт и телеграфов И.Г. Церетили и министр иностранных дел М.И. Терещенко. Со стороны Центральной Рады присутствовали её председатель М.С. Грушевский, глава Генерального секретариата В.К. Винниченко и секретарь по военным делам С.В. Петлюра.

Результатом переговоров стал следующий компромисс: Генеральный секретариат признавался краевым правительством; в состав Центральной Рады должны были войти представители неукраинских организаций; украинизацию частей требовалось проводить по согласованию со Ставкой; окончательное решение вопроса об автономном статусе Украины откладывалось до Учредительного собрания. Вместе с тем, как справедливо отметила М. Соколова: «… хотя разрешение Раде разрабатывать проекты, касающиеся национально-политического положения Украины, выглядели вполне невинно, включение в число соответствующих проблем крестьянской означало, что, по сути, для Украины программируется свой особый, отличный от общероссийского путь аграрного развития»[298]. Эти итоги были закреплены в совместной декларации Временного правительства и УЦР от 2 июля и во II Универсале Центральной Рады от 3 июля[299]. Последствием этих действий стал выход из состава коалиционного кабинета министров-кадетов: министра финансов А.И. Шингарёва, министра народного просвещения А.А. Мануйлова, министра государственного призрения Д.И. Шаховского, управляющего министерством торговли и промышленности В.А. Степанова, что вызвало очередной кризис правительства. В связи с провалом наступления на фронте и попыткой большевиков 3–5 июля взять власть, украинский вопрос для Петрограда на какое-то время отошёл на второй план.

После подавления беспорядков в Петрограде и прекращения отступления русской армии на Юго-Западном фронте Временное правительство и Цен-

[298] Там же. С. 224.
[299] Українська Центральна Рада. Т. 1. С. 164–168; Конституційні акти України 1917–1920. Київ, 1992. С. 61–62.

тральная Рада в своих дальнейших действиях зачастую игнорировали наличие соглашения 2 июля. Согласно принятым 18 июля «Основам временного управления на Украине» Генеральный секретариат получал новые полномочия, включающие в себя военную сферу, почтово-телеграфную связь, коммуникации, финансы[300]. В ведении Петрограда этот документ оставлял по сути лишь сферу внешней политики.

Переговоры, между УЦР и Временным правительством, начавшиеся в Петрограде ещё до принятия «Основ временного управления на Украине» – 16 июля, в итоге зашли в тупик, поскольку проект «Статута Генерального секретариата» оказался опубликованным до завершения его согласования с центральной властью, то есть, в глазах населения стал как бы уже действующим актом.

В итоге 4 августа Временное правительство направило в Киев «Временную инструкцию Генеральному секретариату временного управления на Украине», в которой было сокращено число секретарей, а также появились квоты по национальному признаку, а именно, более половины состава Генсекретариата должны были составлять неукраинцы. Кроме того, согласно «Временной инструкции», территория будущей автономии должна быть ограничена пятью губерниями[301]. В ответ на эти действия Петрограда Центральная Рада 9 августа приняла резолюцию, в которой политика Временного правительства обозначена как «империалистические тенденции русской буржуазии в отношении Украины»[302]. Кроме того, украинская делегация отсутствовала на Государственном совещании, проходившем в Москве 12–15 августа. Однако, опасаясь перспективы установления в стране военной диктатуры, УЦР оказывала поддержку Временному правительству в борьбе с выступлением Л.Г. Корнилова 27–31 августа.

После взятия власти большевиками Центральная Рада уже 25 октября объявила о своём нейтралитете в разворачивающейся политической борьбе и создала специальный орган власти – Краевой комитет защиты революции. 26 октября

---

[300] Революция и национальный вопрос. М., 1930. С. 173–174.
[301] Вестник Временного правительства. 1917. 5 августа.
[302] Цит. по: *Соколова М.* Центр и периферия: Россия и Украина в 1917 году… С. 226.

УЦР осудила вооружённое восстание в Петрограде. Телеграммы об этом, а также о том, что в пределах Украины власть принадлежит Генеральному секретариату и Краевому комитету защиты революции, 29 октября были разосланы губернским комиссарам генеральным секретарём внутренних дел А.И. Лотоцким[303].

Затем, 7 ноября постоянно действующим комитетом УЦР – Малой радой – был принят III Универсал, в котором, в частности, говорилось: «… Отныне Украина становится Украинской Народной Республикой. Не отделяясь от республики Российской и сберегая единство её, мы твёрдо станем на нашей земле, чтобы силами нашими помочь всей России, чтобы вся республика Российская стала федерацией равных и свободных народов»[304].

После принятия II Всероссийским съездом Советов Декрета о мире и оглашения радиотелеграммы от 9 ноября правительство большевиков начало процесс вывода России из войны. Позиция же Центральной Рады по этому вопросу существенно отличалась. В разговоре с наркомом по делам национальностей И.В. Сталиным представитель Генерального секретариата Н.В. Порш не принял во внимание указание о приостановке боевых действий на фронте, затем было проигнорировано предложение наркома по иностранным делам Л.Д. Троцкого «включить представителей Генерального секретариата в состав общероссийской мирной делегации»[305]. Однако 28 ноября украинская сторона направила на переговоры своих наблюдателей (но не делегатов) для информации и контроля, чтобы перемирие было заключено не во вред Украинской Народной Республике»[306].

---

[303] *Френкин М.С.* Некоторые вопросы деятельности Центральной Рады и её войсковых органов в армии в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции (политика и практика Центральной Рады) // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. 26. М., 1968. С. 37–38.

[304] Українська Центральна Рада. Т. 1. С. 398, 400.

[305] Цит. по: *Михутина И.В.* Украинская народная республика: от замысла Украинского фронта против Четверного союза до украинского Брестского мира (ноябрь 1917 – февраль 1918) // Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы: очерки истории / отв. ред. Е.П. Серапионова. М., 2015. С. 583.

[306] Цит. по: там же. С. 583.

Между тем союзники России по Антанте, стремясь сохранить, хотя бы частично, Восточный фронт, попытались наладить отношение с Украинской народной республикой (УНР). Выдающийся экономист М.И. Туган-Барановский, некоторое время бывший заочно генеральным секретарём финансов, письмом уведомил правительство УНР о том, что посол Франции предложил Киеву финансовую помощь. Вскоре от французской стороны последовало предложение о присылке военных специалистов для поднятия боеспособности украинизированных частей и соединений, а также налаживания транспорта. Стремились склонить к сотрудничеству правительство УНР и военные представители Антанты, находившиеся в Киеве после захвата большевиками Ставки.

Перспектива такого рода сотрудничества повышала шансы УНР на официальное признание со стороны государств Антанты. Поэтому 23 ноября Генеральным секретариатом была принята резолюция о разделении Восточного (Русского) фронта, после которого Юго-Западный и Румынский фронты объединялись в единый Украинский фронт. Уведомить об этом Ставку предполагалось постфактум. В декабре генерал Ж. Табуи, представитель французской военной миссии, уведомил В.К. Винниченко о том, что он назначен комиссаром Французской республики при правительстве УНР. В свою очередь Пиктон Баги в обращении к главе Генерального секретариата назвал себя официальным представителем Великобритании на Украине[307].

Однако реальное положение дел на фронте не позволило осуществиться планам украинских политиков. Так, 8-я армия Румынского фронта в полном составе отказалась считать себя принадлежащей УНР. Чрезвычайный съезд Юго-Западного фронта также не согласился перейти в подчинение Киеву, высказавшись за власть Советов. Ещё более значимым являлся тот факт, что, согласно данным большевиков, работавших на Юго-Западном и Румынском фронтах, общая численность этнических украинцев в частях и соединениях здесь не превышала одной трети личного состава, а как справедливо отметила

[307] Там же. С. 584.

И.В. Михутина, настроение в украинизированных частях мало чем отличалось от настроения основной массы солдат русской армии[308].

Отношения с Совнаркомом продолжали оставаться напряжёнными, что проявилось в противодействии со стороны УНР усилиям большевиков, направленных против выступления генерала А.М. Каледина, а также борьбой с распространением влияния Советов на Украине. В результате последовало утверждение СНК 3 декабря «Манифеста к украинскому народу с ультимативным требованием к Украинской Раде», с одной стороны, и срыв работы Всеукраинского съезда Советов, намеченного на 4 декабря в Киеве, с другой. Итогом последнего из названных событий стало проведение выехавшими из Киева делегатами-большевиками, частью украинских левых эсеров и социал-демократов съезда Советов в Харькове 11–12 декабря, в результате которого было объявлено, что Центральная Рада и Генеральный секретариат лишены полномочий, а верховной властью на Украине провозглашался ЦИК Советов Украины и его правительство – Народный секретариат[309]. Таким образом, оформился альтернативный УЦР центр власти, лояльный Петрограду.

Поскольку положение Рады становилось всё более непрочным, то её деятели попытались изменить проводимую политику. В том числе это коснулось вопроса участия в мирных переговорах в Брест-Литовске. 3 декабря представители Киева, прибыв в Брест, неофициально заявили делегатам Четверного союза, что не считают Совнарком правомочным заключать мир от имени всей России, на что получили возражение, что у членов делегации германского блока нет официального уведомления о существовании Украинской народной республики, и только после получения такового с Киевом будут вестись отдельные переговоры.

После первого раунда переговоров, прошедшего с 9 по 11 декабря, оставалось неясным, продолжатся ли они в дальнейшем. Однако даже срыв мирной конференции устраивал Киев, поскольку позволял выступить на международной

[308] Там же. С. 585.
[309] Образование СССР. Сборник документов 1917–1924. М., Л., 1949. С. 70–72.

арене в качестве независимого игрока. Генеральный секретариат составил ноту, утверждённую УЦР, о самостоятельном участии УНР в переговорах с Четверным союзом. Нота была разослана воюющим и нейтральным государствам. В ответ на это представители Четверного союза 18 декабря направили Киеву уведомление о том, что мирная конференция возобновит работу 22 декабря.

В этот день состоялось три секретных заседания, в том числе с участием глав австро-венгерской и немецкой делегаций. Германского статс-секретаря Р. Кюльмана интересовал вопрос о возобновлении довоенных экономических обязательств, в свою очередь О. Чернин предупредил о неприемлемости претензий УНР на Восточную Галицию и другие области, населённые восточными славянами, которые украинские политики считали частью «соборной Украины». Вместе с тем тезисы украинских представителей о федерации в рамках России, самоопределении народов не устраивали австро-германскую сторону. От украинского правительства потребовали определиться, полностью ли самостоятельной стороной переговоров является УНР[310]. Однако это вызвало внутри Генерального секретариата и Рады широкую дискуссию. В итоге самая крупная фракция УЦР – украинские эсеры – высказались за полную независимость УНР.

После того, как глава советской делегации Л.Д. Троцкий узнал из немецких газет о переговорах, ведущихся между Украиной и Четверным союзом, а затем об отказе Киева от «деловых переговоров» по урегулированию советско-украинского конфликта, он 28 декабря выступил с сокращённым вариантом речи, в котором отсутствовали ранее им озвученные положения о признании правительства независимой Украины, а оставалось лишь согласие на нахождение в Бресте представителей УНР.

11 января 1918 г. Центральной Радой был принят IV Универсал, объявлявший УНР независимым государством[311]. Однако этот акт не устранил внутреннего кризиса на Украине. 16 января подняли восстание рабочие готовящего-

[310] *Михутина И.В.* Украинская народная республика: от замысла Украинского фронта против Четверного союза до украинского Брестского мира. С. 591.
[311] Українська Центральна Рада. Т. 2. С. 102–104.

ся к закрытию завода «Арсенал», к ним присоединились и другие предприятия, а также солдаты. Необходимо отметить, что последовавшие затем события в украинской историографии оцениваются полярно. Это происходит во многом потому, что как сторонники Центральной Рады, так и её противники «допускают одну и ту же ошибку – приносят фактологическую достоверность в жертву идеологическим схемам»[312].

18 января депутаты УЦР, обстреливаемые восставшими, утвердили состав нового правительства, которое возглавил В.А. Голубович. Однако к 22 января восстание было в основном подавлено сечевыми стрельцами (пленные уроженцы Галиции) во главе с Е.М Коновальцем и А. Мельником. Вечером того же дня на левом берегу Днепра появились советские (в том числе харьковские) авангарды подполковника А.М. Муравьёва, который стремился оказать помощь восставшим. Вечером 26 января его войска полностью овладели Киевом, а Центральная Рада и Генеральный секретариат выехали в Житомир. В одиннадцатом часу вечера харьковское правительство сообщило по радио о переезде в Киев, а также о том, что «Украина твёрдо вступает в круг федеративных советских республик»[313].

Параллельно с этими событиями возобновилась мирная конференция. На новый раунд переговоров в Бресте советская делегация прибыла 16 января, имея в своём составе левых эсеров и двух представителей харьковского ЦИК Советов. 18 января добрались на мирную конференцию и представители УЦР. И хотя Л.Д. Троцкий и харьковские делегаты настаивали, что Центральная Рада не может являться выразителем воли всей Украины, поскольку подвластная ей территория резко сократилась, австро-германские представители, спешившие заключить «хлебный» договор, необходимый для их голодающих стран, признали права УЦР представлять УНР. После спешного согласования спорных пунктов в австро-германском и украинском проектах, 25 января был подписан секретный протокол, устанавливавший объём вывозимого из Украины продо-

[312] *Солдатенко В.Ф.* В горниле революций и войн: Украина в 1917–1920 гг. С. 210–212.
[313] *Михутина И.В.* Украинская народная республика: от замысла Украинского фронта против Четверного союза до украинского Брестского мира. С. 596.

вольствия. От его выполнения зависела ратификация мирного договора, который также спешно был подписан в ночь на 27 января, прежде чем стало широко известно об утрате Радой контроля над Украиной[314]. Говоря об оценке этого события в современной украинской историографии, В.Ф. Солдатенко отметил, что «в последние годы … усилилась тенденция оценивать Брестский мир … как исключительно положительное завоевание дипломатии молодого государства». Что касается критических замечаний, относящихся к этому акту, историк указал, что в основном они сводятся к следующему: подписав Брестский мир, УНР совершила «стратегический просчёт», поскольку через несколько месяцев государства Четверного союза потерпели поражение в войне[315].

После возобновления боевых действий на Восточном (Русском) фронте 18 февраля 1918 г., оккупацией Украины и подписанием 3 марта советскими представителями Брестского мира, Центральной Раде была возвращена власть, но просуществовала она до 28 апреля, после чего была заменена режимом гетманата.

Таким образом, деятельность Центральной Рады на протяжении 1917 – начала 1918 гг. способствовала активизации украинского национального движения. Однако большинство населения Юго-Западного края и солдаты-украинцы действующей армии ожидали от неё не столько создания автономного или государственного образования, сколько видели в ней средство решения наиболее важных вопросов – о мире и о земле. После того, как УЦР оказалась неспособной решить их так, как того ожидало большинство населения, в первую очередь, крестьянство и солдатские массы, её популярность быстро была утрачена.

1.2. Общий ход украинизации частей русской армии

Деятели Центральной Рады и, в частности, М.С. Грушевский, считали, что будущая автономная Украина должна обладать и собственными вооружён-

---

[314] Українська Центральна Рада. Т. 2. С. 137–142; *Михутина И.В.* Украинская народная республика: от замысла Украинского фронта против Четверного союза до украинского Брестского мира. С. 596–597.
[315] *Солдатенко В.Ф.* В горниле революций и войн: Украина в 1917–1920 гг. С. 220.

ными силами[316]. Путём их формирования на протяжении 1917 г. стала украинизация частей и соединений русской армии. Согласно определению, приводимому в статье К. Анисимова, украинизация – это «постепенное изъятие из состава отдельных частей или соединений бывшей Русской императорской армии всех неукраинцев и замещение их украинцами»[317].

О необходимости скорейшего создания украинских войск говорили в ходе Украинского национального съезда 6–8 апреля и так называемые «самостийники» – сторонники полной независимости Украины – Н.И. Михновский, И.М. Луценко. В частности, И.М. Луценко, военный врач из Одессы, предлагал Одесский военный округ сделать украинским, а судам Черноморского флота присвоить украинские имена[318].

18 апреля на Сырецком поле в ходе военного праздника, в котором приняли участие военнослужащие из различных частей Киевского гарнизона, было провозглашено создание «Первого украинского казачьего имени гетмана Богдана Хмельницкого полка». По началу полк возглавил сотник Д. Путник-Гребенюк, затем, подполковник Ю. Капкан. Вскоре началось формирование подобных полков и в других городах: в Умани – полк имени Гонты, в Житомире – полк имени М. Сагайдачного, в Ростове-на-Дону – полк имени П. Полуботка[319].

Решение о создании украинских вооружённых сил было принято на I Всеукраинском войсковом съезде, проходившем в Киеве 5–8 мая. На нём присутствовало 700 делегатов. В ходе его работы был избран Украинский генеральный войсковой комитет (УГВК) во главе с С.В. Петлюрой для работы по созданию украинских подразделений. Относительно же вопросов войны и мира, как справедливо отмечал М.С. Френкин, резолюция съезда была созвучна позиции

---

[316] *Грушевський М.* Якої ми хочемо автономії і федерації. С. 124.

[317] *Анісімов К.* Законодавча діяльність Центральної Ради щодо впровадження єдиної форми одностроїо національних збройних сил України (березень 1917 – квітень 1918 рр.) / / Українська Центральна Рада: поступ націєтворення та державобудівництва. Київ, 2002. С. 182.

[318] *Хміль І.В.* На шляху відродження української державності (Український національний конгрес-з'їзд 6–8 квітня 1917 р.)**.** Київ, 1994. С. 38–39; см.: *Михутина И.В.* Февральская революция и образование Украинской Центральной Рады… С. 314–315.

[319] *Фігурний Ю.* Військова політика Центральної Ради у контексті українського державотворення / / Українська Центральна Рада: поступ націєтворення та державобудівництва. Київ, 2002. С. 191–192.

Временного правительства[320]. Также решение II Всеукраинского войскового съезда, проходившего в Киеве 5–10 июня, подтвердило решение о создании армии Украины[321]. В нём приняли участие 2500 делегатов. По итогам работы съезда был избран Временный военный совет, вошедший в состав УЦР. Таким образом, поддержка войсковыми съездами Центральной Рады, её усилий, направленных как на получение автономного статуса для Украины, так и на создание украинских вооружённых сил, создавали у украинских политиков впечатление, что за ними стоит армия. Однако готовность военнослужащих подчиняться УЦР на деле вызывала сомнения: солдаты-украинцы чаще всего мало отличались по своей боеготовности и желанию продолжать войну от основной массы военнослужащих русской армии. Так, в начале июня, накануне начала наступления, многие украинские маршевые роты отказывались следовать на фронт[322].

16 мая, после завершения работы I Всеукраинского войскового съезда, в Петроград отправилась делегация УЦР. Одним из пунктов требований к центральной власти со стороны украинских политиков было проведение в жизнь украинизации войск. Однако Временное правительство и Петроградский Совет не спешили откликнуться на эту инициативу, что, по возвращении делегатов в Киев, вызвало там недовольство.

Между тем, работа УГВК осложнялась несколькими обстоятельствами. В его составе находились гражданские лица, а также офицеры, но все они были мало подготовлены для решения возложенных на них задач. Кроме того, среди руководителей Генерального войскового комитета имела место разность взглядов на создание армии: полярными были позиции главного сторонника независимости Н.И. Михновского и главы УСДРП В.К. Винниченко, сторонника автономии Украины в составе федеративной России. К последнему примыкал и

---

[320] *Френкин М.С.* Некоторые вопросы деятельности Центральной Рады и её войсковых органов в армии в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции (политика и практика Центральной Рады) // Труды Московского государственного историко-архивного института / под ред. А.А. Абрамова и др. Т. 26. М., 1968. С. 31.

[321] Революция и национальный вопрос. С. 156.

[322] *Френкин М.С.* Некоторые вопросы деятельности Центральной Рады и её войсковых органов в армии. С. 32.

С.В. Петлюра. Однако в резолюции II Всеукраинского войскового съезда была выражена благодарность Генеральному войсковому комитету за проделанную им работу, а также содержались следующие требования: «2. Чтобы высшая русская войсковая власть немедленно провела во всех приказах утверждение Украинского войскового генерального комитета. 3. Чтобы все обращения Украинского войскового генерального комитета к высшей русской войсковой власти признавались и исполнялись ею обязательно»[323].

После принятия УЦР I Универсала и образованием 15 июня Генерального секретариата, в составе которого имелся и пост генерального секретаря по военным делам, который занял С.В. Петлюра, последовали переговоры 28–30 июня между представителями Временного правительства и Центральной Рады, о чём речь шла выше, по итогам которых было принято соглашение от 2 июля. В нём также был затронут вопрос украинизации воинских частей. Требование украинской стороны о немедленном переходе к территориальному принципу комплектования армии было отклонено как несвоевременное в период войны. В то же время формирование отдельных воинских частей и соединений исключительно из украинцев признавалось возможным. Для реализации этого предполагалось командировать особых делегатов, которые должны были состоять при Кабинете военного министра, Генеральном штабе и Верховном главнокомандующем. Деятельность же украинских комитетов на местах должна была осуществляться на общих для подобного рода организаций основаниях[324]. Таким образом, этот документ структурно оформлял процесс украинизации частей и соединений русской армии.

Необходимо остановиться также на восстании «полуботковцев» в Киеве 4–5 июля. Причиной его послужило то обстоятельство, что солдаты, сконцентрированные для отправки на фронт, под воздействием националистической агитации членов клуба им. П. Полуботка провозгласили себя «Вторым украинским имени П. Полуботка казачьим полком» и до признания этого отказывались двигаться на передовую. Действия восставших солдат координировал ко-

[323] Революция и национальный вопрос. С. 157.
[324] Там же. С. 63.

митет под председательством С. Осадчего. 5 июля восставшие заняли телеграф, почту, окружили завод «Арсенал» и банк. По мнению Ю. Фигурного, руководители восстания «намеревались после поставить Центральную Раду перед фактом победы восстания, передать ей всю полноту власти с тем, чтобы она провозгласила самостоятельную Украину»[325].

УЦР и УГВК постарались поскорее ликвидировать восстание, с целью чего был задействован 1-й Украинский полк имени Б. Хмельницкого. Кровопролития удалось избежать – «полуботковцы» были возвращены в казармы. После прекращения восстания, происходившего практически одновременно с выступлением большевиков в Петрограде, и последовавшей после этого отправкой принявших участие в событиях в Киеве солдат на фронт, украинизация частей продолжилась.

Войсковые рады, наряду с другими солдатскими организациями, приняли участие в борьбе с выступлением Л.Г. Корнилова. В сентябре делегация УГВК во главе с С.В. Петлюрой прибыла в Ставку для разрешения «вопросов украинизации войска»[326]. 9 и 10 сентября проводились переговоры между украинскими делегатами и помощником Начальника штаба Верховного главнокомандующего В.П. Вырубовым, 11 сентября С.В. Петлюра беседовал с А.Ф. Керенским, который после этого дал распоряжения с целью «устранения препятствий на пути проведения украинизации»[327].

Осенью 1917 года на Юго-Западном фронте шёл процесс украинизации 34-го армейского корпуса (7-я армия), а также 6-го армейского корпуса (11-я армия). История украинизации 34-го армейского корпуса была связана с именем генерала Л.Г. Корнилова. В августе с его санкции было начато переформирование корпуса, проводимое его командующим генерал-лейтенантом П.П. Скоропадским. Русские военнослужащие, солдаты и офицеры, переводились в 41-й армейский корпус 7-й армии, а их место занимали украинцы. После

---

[325] *Фігурний Ю.* Військова політика Центральної Ради у контексті українського державотворення. С. 194.
[326] Цит. по: *Френкин М.С.* Некоторые вопросы деятельности Центральной Рады и её войсковых органов в армии. С. 35.
[327] Цит. по: там же. С. 36.

завершения этого процесса был создан 1-й Украинский армейский корпус. Что касается украинизации 6-го армейского корпуса, то необходимо отметить, что в сентябре он был разделён на две части: «русская» сохранила прежнее наименование, а «украинская» стала называться 2-м Сечевым Запорожским корпусом. Командиром последнего стал генерал-лейтенант Г.А. Мандрыка.

На протяжении сентября – октября усилилась агитационная работа УГВК и войсковых рад среди солдат-украинцев. Начался процесс перевода с других фронтов на Юго-Западный и Румынский украинизируемых частей, а затем и офицеров-украинцев. К примеру, в состав украинизируемого 34-го армейского корпуса должны были перевести 115 офицеров-украинцев. В октябре такого рода переводы осуществлялись из 5-й армии Северного фронта. Однако процесс украинизации зачастую являлся катализатором национальных противоречий между «русскими» и «украинскими» солдатами, что ещё более усложняло и без того непростую ситуацию в рядах действующей армии[328].

Занимался Генеральный войсковой комитет и подготовкой кадров для будущих вооружённых сил. К концу сентября в Киеве им были открыты две украинские пехотные школы, украинские отделения при артиллерийском и инженерном училищах Киева, а в украинской школе подпрапорщиков обучалось около 250 юнкеров[329].

С 20 по 31 октября в Киеве проходил III Всеукраинский войсковой съезд, в котором приняло участие около 3 тысяч делегатов как от фронта, так и из тыловых частей, а также флота. На период его работы пришлись важнейшие события, коренным образом изменившие политическую обстановку в России – в Петрограде власть взяли большевики, были приняты первые декреты II Всероссийского съезда Советов (о власти, о мире, о земле), развернулись бои на улицах Москвы. После объявления УЦР о нейтралитете в отношении внутриполитической борьбы (25 октября), а затем и осуждения действий большевиков в Петрограде (26 октября) последовало издание III Универсала, о чём речь

[328] Там же. С. 35.
[329] Там же. С. 37.

шла выше. Создание украинских вооружённых сил в новых условиях пошло более быстрыми темпами. Так, в ноябре и. д. командующего Киевским военным округом подполковником В.А. Павленко были созданы две стрелковые дивизии: 1-я Сердюцкая, под командованием Ю.Е. Капкана (вскоре расформирована) и 2-я Сердюцкая, под командованием генерал-майора А.П. Грекова. В ноябре из австро-венгерских пленных сечевых стрельцов, уроженцев Галиции и Буковины, был сформирован Буковинский курень – добровольческое формирование, возглавляемое Е.М. Коновальцем.

Продолжался и процесс украинизации частей и соединений русской армии на фронте. 6 ноября было достигнуто соглашение между украинскими представителями Д.И. Дорошенко и А.И. Лотоцким и Ставкой относительно продолжения украинизации войск. Была разрешена дальнейшая переброска украинизированных частей и соединений с других фронтов на Юго-Западный и Румынский; допускалось единичное и массовое выделение солдат-украинцев во всей действующей армии. Но наиболее важным для украинских делегатов, пожалуй, стало согласие Ставки на переход к территориальному принципу комплектования войск, на что не шло Временное правительство. Кроме того, под контроль Рады переходили должности командующих Киевским и Одесским военными округами. В дальнейшем при Ставке была создана Рада украинской войсковой громады, взявшая на себя функции украинского штаба при Ставке. Наметилось и противодействие войсковых рад большевистским ВРК и большевизированным солдатским комитетам. Так, в Особой армии (Юго-Западный фронт) армейская рада объявила, что власть армейского ревкома распространяется только на солдат неукраинцев, украинцы же должны ориентироваться на неё[330]. К концу 1917 г. УЦР был создан институт украинских войсковых комиссаров в армиях[331]. Особое значение имело то обстоятельство, что Центральная Рада и Генеральный секретариат прилагали усилия к недопущению демократизации украинизированных частей и соединений по большевистскому варианту.

[330] Там же. С. 38–39.
[331] Там же. С. 43.

Так, в частности, в телеграмме С.В. Петлюры от 3 декабря предписывалось: «… приказ о выборном начале, упразднении чинов, званий и орденов в той формулировке, которая объявлена Ставкой, полагать недействительной. По настоящему вопросу Войсковым генеральным секретариатом будет опубликован разработанный секретариатом и Всеукраинской Радой войсковых депутатов украинский войсковой статут»[332].

На протяжении октября украинские маршевые роты по преимуществу направлялись в следующие дивизии Юго-Западного фронта: 100-ю пехотную (32-й армейский корпус 11-й армии), 104-ю и 153-ю пехотные (34-й (1-й Украинский) армейский корпус, 7-я армия), 108-ю пехотную (7-й Сибирский армейский корпус, 7-я армия). В ноябре, помимо перечисленных соединений, планировалось довести «до полной украинизации» также 4-ю и 16-ю пехотные дивизии (6-й армейский корпус, 11-я армия). В дальнейшем началась украинизация и штабов названных дивизий, а также ряда корпусов в армиях Юго-Западного и Румынского фронтов, в частности, был украинизирован штаб 34-го армейского корпуса (7-я армия, Юго-Западный фронт)[333]. 23 ноября Генеральным секретариатом было принято решение преобразовать Юго-Западный и Румынский фронты в единый Украинский фронт. Однако достаточно крепких частей и соединений, на которые УЦР могла бы опереться при реализации этого проекта не оказалось – солдаты-украинцы, также, как и подавляющая часть солдат русской армии, не желали продолжать войну[334]. Одновременно усиливался антагонизм между неукраинскими и украинскими военнослужащими, о чём, в частности, доносил исполняющий должность командующего армиями Юго-Западного фронта генерал-лейтенант Н.Н. Стогов: «Русские части угрожают бежать с Украинского фронта»[335]. Однако в целях ускорения украинизации и усиления своего влияния в армиях Украинского фронта, Центральная Рада выступила с

[332] Государственный архив Киевской области (ГАКО). Ф. Ф-1787. Оп. 5. Д. 21. Л. 29.
[333] *Френкин М.С.* Некоторые вопросы деятельности Центральной Рады и её войсковых органов в армии. С. 41, 47.
[334] *Михутина И.В*. Украинская народная республика: от замысла Украинского фронта против Четверного союза до украинского Брестского мира. С. 584–585.
[335] Цит. по: там же. С. 585.

инициативой отправлять солдат-великороссов в отпуск на 6–8 недель, что послужило причиной возросшего хаоса в пределах фронта и тыловых районов[336].

В пределах Румынского фронта 3 декабря был создан Комитет национальных и областных комиссаров (Союз национальных комиссаров), провозглашённый УЦР высшим органом власти на фронте. Необходимо отметить, что, в целях борьбы с дальнейшим разложением армии и ростом влияния большевиков, командующий Украинским фронтом генерал от инфантерии Д.Г. Щербачёв 5 декабря отдал приказ начать выделение по территориальному принципу не только украинских частей и соединений, но и формировать таковые из представителей других национальностей: «На всём Украинском фронте надлежит энергично производить переформирования войск по национально-территориальному принципу. Для этого, кроме образования, согласно данных уже указаний, отдельных украинских, мусульманских, молдавских и польских частей, предписываю теперь же … приступить немедленно к выделению сибиряков, армян, грузин, литовцев, латышей и других национальностей, заявивших о своём желании образовать особые части»[337]. Однако подобный способ переформирования частей и соединений, сопряжённый зачастую с ростом национальной розни, вызывал озабоченность у офицерства. Так, общее собрание военнослужащих штаба 9-й армии и приданных ему частей 28 декабря приняло следующую резолюцию: «Считая необходимым … принятие мер к тому, чтобы из-за национального дележа не погибла вся Россия … собрание … признаёт объявление Румынского фронта Украинским совершившимся фактом, но находит, что такое положение должно оставаться лишь до разрешения этого вопроса Всероссийским Учредительным собранием, что в дальнейшем переход армии на национально-территориальный принцип должен проводиться не в ущерб боеспособности армии, что может быть только при полной планомерности и без

[336] Из истории борьбы за установление Советской власти (ноябрь 1917 – февраль 1918 г.) / Сб. документов и материалов. М., 1943. С. 125.
[337] ГАКО. Ф. Ф-1787. Оп. 5. Д. 20. Л. 1.

национальной вражды»[338]. И опасения эти не были беспочвенны. Так, согласно письмам с мест, опубликованным в газете «Воин-гражданин», «армия разбилась на массу отдельных, часто враждующих между собой, национальных групп»[339].

Продолжалась украинизация и запасных полков. Так, 28 ноября, согласно телеграммы С.В. Петлюры, украинизации подлежали 17-й, 132-й, 258-й, 277-й пехотные запасные полки, а 30 ноября этот перечень был расширен и в него вошли также 18-й, 20-й, 24-й, 25-й, 28-й, 29-й, 30-й, 34-й, 35-й, 44-й, 45-й, 49-й, 172-й, 182-й, 271-й, 275-й, 290-й, 299-й пехотные запасные полки. В общей сложности, согласно данным, приведённым М.С. Френкиным, УЦР подчинялось около 100 тыс. солдат на фронте и в тыловых гарнизонах[340].

После того, как, с одной стороны, большевики уже укрепились в Ставке, а с другой, конфронтация с УЦР лишь продолжала нарастать, последовала телеграмма Главковерха Н.В. Крыленко от 3 декабря, адресованная, в частности, ВРК Юго-Западного фронта, армейским съездам Особой, 11-й и 7-й армий, Главнокомандующему армиями фронта с требованием о немедленной приостановке украинизации частей и соединений[341].

Однако даже после этого появлялись новые проекты украинизации значительных сил на Юго-Западном фронте, хотя и условия, при которых их планировалось реализовать, значительно отличались от предшествующих месяцев, когда осуществлялась украинизация дивизий и корпусов. Так, 19 декабря предполагалось передать 56-ю пехотную дивизию из 3-го Кавказского армейского корпуса в состав 7-го Сибирского армейского корпуса[342], а согласно приказу временно командующего 7-й армией В.К. Триандафиллова от 24 декабря: «Ввиду спешного расформирования в первую очередь штабов 41[-го армейского] корпуса, 3[-й] Заамурской [пограничной], 64[-й], 74[-й] пехотных, 12[-й] и

---

[338] Там же. Л. 30.
[339] Воин-гражданин. 1917. 20 декабря.
[340] *Френкин М.С.* Некоторые вопросы деятельности Центральной Рады и её войсковых органов в армии. С. 41–42.
[341] Там же. С. 50.
[342] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 295. Л. 187.

13[-й] Сибирских [стрелковых] дивизий, во вторую очередь, частей этих дивизий, необходимости свести в 7[-м] Сибирском [армейском] корпусе 108[-ю] и 56[-ю пехотные] дивизии, имеющих свыше 50 % украинцев»[343]. Кроме того, в составе рассматриваемого корпуса должны были находиться 45-й, 46-й, 47-й, 48-й, 51-й и 52-й Сибирские стрелковые полки[344]. После этого 7-й Сибирский армейский корпус должен был стать украинизированным. Указанная перегруппировка должна была завершиться к 31 декабря[345]. Однако украинизация 7-го Сибирского армейского корпуса так и не была осуществлена, поскольку «…в связи с приказом Главковерх от 23 декабря … Военревком 7 указанное расформирование и связанную с ним перегруппировку отменил, о чём было нам сообщено телеграммой Командарм … от 31 минувшего декабря»[346].

В заключение необходимо отметить, что при проведении украинизации частей и соединений русской армии Верховное командование и украинские политические деятели преследовали различные цели. Для военного руководства России в качестве таковой выступало стремление получить соединения с большим боевым потенциалом, проявлявшие упорство в бою. Необходимо отметить, что, если летом в определённой мере указанную цель до определённой степени удавалось достигать, то осенью разница между боеспособностью украинизированных войск и основной массой солдат русской армии в целом нивелировалась.

Для Центральной Рады и Генерального секретариата главной целью было создание вооружённых сил Украины. Однако, по замечанию В.П. Булдакова, для многих солдат украинизация стала лишь поводом для неисполнения приказов[347], а лидеры УЦР зачастую оказывались под давлением плохо контролируемой ими солдатской массы[348]. А как показали события января 1918 г., создать

---

[343] Там же. Л. 197.
[344] Там же. Л. 197 об.
[345] Там же. Л. 198 об.
[346] Там же. Д. 296. Л. 31.
[347] *Булдаков В.П.* Кризис империи и революционный национализм начала XX в. в России // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 37.
[348] *Булдаков В.П.* Феномен революционного национализма в России // Россия в XX веке: Проблемы национальных отношений. М., 1999. С. 210.

надёжную опору своей власти Раде не удалось: украинизированные части и соединения чаще всего оказывались недисциплинированными и подверженными влиянию большевистских идей.

Вывод по главе:

Подводя итоги, необходимо отметить, что события, развернувшиеся на юго-западе России в 1917 г., оказали огромное влияние на развитие этого региона на протяжение всего XX в. Образование Центральной Рады в первые дни революции, а затем и Генерального секретариата в качестве краевого, а затем и самостоятельного правительства УНР, положило начало формированию украинской государственности. Важно подчеркнуть, что с самого начала своей деятельности украинские политики считали, что даже автономная Украина в составе федеративной России должна обладать своими вооружёнными силами. Это обстоятельство стало основой для проведения украинизации ряда частей и соединений как на Юго-Западном и Румынском фронтах, так и запасных полков в тылу. И хотя в этот процесс были вовлечены многие дивизии и даже корпуса русской армии, в целом достичь своей главной цели – создания боеспособной армии Украины – деятелям Центральной Рады не удалось.

Что касается взаимосвязи между национальным движением и оформлением государственности на Украине, с одной стороны, и динамикой развития братания на фронте, с другой, то нами прямой взаимосвязи между этими процессами установлено не было. Центральная Рада, как и подавляющее большинство общественных организаций и органов власти России, выступала против развития братания, но, по нашему мнению, для её деятелей этот вопрос имел второстепенное значение в сравнении с проблемой получения автономного статуса для Украины и создания собственных вооружённых сил.

Глава 2. Развитие братания на Юго-Западном фронте: от массовости к спаду (март – август 1917 г.)

Прежде чем начать рассмотрение темы главы непосредственно, необходимо привести общие сведения о Юго-Западном фронте. Штаб фронта располагался в первой половине 1917 г. в г. Каменец-Подольский, затем в г. Бердичев. Главнокомандующими армиями фронта в рассматриваемый период являлись: генерал от кавалерии А.А. Брусилов (17 марта 1916 – 21 мая 1917 г.); генерал-лейтенант А.Е. Гутор (21 мая – 10 июля); генерал от инфантерии Л.Г. Корнилов (10–18 июля); генерал от инфантерии П.С. Балуев (24–31 июля); генерал-лейтенант А.И. Деникин (2–29 августа); генерал-лейтенант Ф.Е. Огородников (29 августа – 9 сентября); Н.Г. Володченко (9 сентября – 24 ноября); генерал-лейтенант Н.Н. Стогов (24 ноября – декабрь). Первым советским командующим был временно исполняющий должность А.Ф. Мясников (декабрь 1917 г.), затем левый эсер В.И. Киквидзе (январь – февраль 1918 г.). В течение 1917 г. в состав Юго-Западного фронта входили 5 оперативных объединений – 1-я, 7-я, 8-я, 11-я и Особая армии, а также оперативно-тактические соединения – отдельные корпуса, тактические соединения – отдельные дивизии и другие части.

Теперь перейдём к основной теме главы. После падения монархии ситуация на фронте начала быстро меняться. Вступление страны в период революционной трансформации ознаменовалось целым рядом новых явлений в жизни армии, в которую всё более вносилась «политика» посредством, в частности, посещения частей на фронте агитаторами от различных политических партий, что зачастую приводило к усилению антагонизма между солдатами и офицерами[349], а также к усилению антивоенных выступлений. Одним из наиболее распространённых их видов стало братание, получившее небывалое до этого времени развитие в войсках[350]. Необходимо пояснить, что в настоящей главе будут показаны не только случаи классического братания, имевшие место на Юго-

[349] См. напр.: РГИА. Ф. 947. Оп. 1. Д. 131. Л. 33.
[350] *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М., 2001. С. 250.

Западном фронте, но и близкие к ним по целям иные формы контактов, в частности, посылка «парламентёров», которую следует рассматривать особо[351].

Начав нарастать с последней декады марта, братание и близкие к нему формы контактов с противником достигли пика распространения уже в апреле. Именно на этот месяц пришлись два события, стимулирующие развитие данных видов антивоенных выступлений: 2 апреля православные христиане отмечали Пасху, на время празднования которой, начиная с весны 1915 г. приходились всплески братаний, а также 18 апреля (1 мая по новому стилю) – День международной солидарности трудящихся, который в условиях революции приобрёл большую популярность. Кроме того, немаловажным фактором роста числа братаний послужило и опубликование Ноты министра иностранных дел Временного правительства П.Н. Милюкова, пришедшейся на 18–20 апреля. В мае же наблюдается общее снижение количества случаев братания и близким к нему форм контактов, причины которого будут рассмотрены ниже. К июню же, в преддверии наступления русской армии, факты братания становятся единичными.

О распространении на фронте в послефевральский период антивоенных настроений было широко известно и в тылу. Статьи, посвящённые братанию и тесно связанной с ним идее сепаратного мира, публиковались в газете «Русский инвалид»[352]. Необходимо особо подчеркнуть, что весной 1917 г. вопросы, связанные с продолжением войны и положением дел в армии занимали важнейшее место в политической жизни страны. Следует отметить, что о недопустимости военного поражения России говорили на Всероссийском совещании делегатов Советов рабочих и солдатских депутатов (28 марта – 3 апреля) Е.К. Брешко-Брешковская[353], Г.В. Плеханов[354], в частности, подчёркивавший: «С самого начала войны я утверждал, что она есть дело народов, а не правительств. Рус-

[351] См. напр.: *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. В 5 т. Т. 1. Крушение власти и армии. Февраль-сентябрь 1917. Минск, 2002. С. 279–280; *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте: мемуары: пер. с англ. М., 1993. С. 181.

[352] См. напр.: Русский инвалид. 1917. № 85. 13 апреля; № 87. 15 апреля; № 92. 21 апреля.

[353] ГА РФ. Ф. Р-6977. Оп. 1. Д. 3. Л. 3; Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов: стенографический отчёт. С. 24.

[354] Там же. Д. 16. Л. 7–8; Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов: стенографический отчёт. С. 195–196.

скому народу угрожала опасность подпасть под экономическое иго немецких империалистов, к сожалению, поддержанных огромным большинством трудящегося населения Германии, поэтому, ведя войну, он защищал свой собственный самый насущный интерес»[355]. Эти речи, нацеленные против лозунга «Мир во что бы то ни стало!», косвенно были направлены и против братания. Также в тезисах к докладам об отношении к войне была сформулирована позиция Всероссийского совещания делегатов Советов рабочих и солдатских депутатов, согласно которой провозглашалось «категорическое отрицание сепаратного мира, так как самая идея о сепаратном мире … способна привести к полному крушению Русскую революцию … Российская демократия … должна всемерно способствовать укреплению боеспособности нашей армии»[356]. Такая позиция большинства делегатов Советов опосредованно была направлена и против антивоенных выступлений в войсках, в том числе и братания.

Кроме того, ряд крупных государственных и военных деятелей видели в братании средство, избранное австро-германским командованием для разведки и разложения русской армии, а также для достижения затишья на Восточноевропейском ТВД. Так, Начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал от инфантерии М.В. Алексеев не позднее 15 марта относительно ситуации на фронте записал в дневнике: «… неприятель предпочёл продолжать атаку деньгами, прокламациями, пропагандою, водкою, братаньем. Это стоило дешевле и отвечало интересам стратегической обстановки на Западном (Французском, –С.К.) фронте»[357]. Сходную точку зрения отстаивали и авторы ранних брошюр о братании А. Жарков и П.Д. Бурский[358].

В ходе работы I Всероссийского съезда Советов по вопросу братания высказал своё мнение также видный деятель и основной теоретик партии социалистов-революционеров В.М. Чернов. В частности, на заседании, состоявшемся

---

[355] Русский инвалид. 1917. № 79. 6 апреля.
[356] ГА РФ. Ф. Р-6977. Оп. 1. Д. 20. Л. 2.
[357] *Алексеев М.В.* Из дневника генерала М.В. Алексеева // Русский исторический архив. Прага, 1929. Сб. 1. С. 16–17.
[358] *Жарков А.* Германские прокламации и «братание». Петроград, 1917; *Бурский П.Д.* Братанье с врагом // Народные беседы. М., 1917. № 17.

5 июня, он отметил: «Не страшно братание бытовое, которое бывало во все войны во все времена, которое никогда не принимало угрожающих размеров … Ни в этом опасность. Но есть опасность и опасность грозная, когда такое мелкое бытовое явление, само по себе не опасное, хотят поднять на степень какого-то могучего политического средства, способного всю Европу вывести из того тупика, из которого не способна до сего времени вывести организованная рабочая социалистическая демократия. Товарищи, мы имеем своё, социалистическое братание, когда от имени С[овета] Р[абочих] и С[олдатских] Д[епутатов] идёт во все страны, нейтральные и воюющие, по обе стороны окопов … призыв собраться на съезд, на интернациональный социалистический съезд всем тем, кто готов откликнуться на призыв Российской революции … Вот, товарищи, когда такой призыв исходит от нас, и когда на него откликнутся, то с теми …, которые на него откликнутся, у нас возможно наше настоящее революционно-социалистическое организованное братание»[359].

Обращает на себя внимание точка зрения А.Ф. Керенского по данному вопросу. Так, на заседании Съезда депутатов с фронта, проходившем 29 апреля в Петрограде, он отмечал: «Нам говорят: не нужно больше фронта … там происходит братание, но разве братание происходит на два фронта? Разве на Французском фронте тоже братаются? Нет, товарищи, брататься, так брататься на обе стороны. Разве силы противника уже не переброшены на Англо-французский фронт, и разве наступление англо-французов уже не приостановлено? У нас нет Русского фронта, а есть только единый союзный фронт»[360]. Сходная мысль была озвучена и на состоявшемся 4 июня утреннем заседании I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов[361]. В тот же день в ходе вечернего заседания А.Ф. Керенский, в частности, сказал: «Что же ещё – братание? Да, я рад и горд за русскую демократию, что она в огромном большинстве отвергла это средство социалистической борьбы и торжества социализма. Если мы пойдём по

[359] ГА РФ. Ф. Р-6978. Оп. 1. Д. 15. Л. 9–10; Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Т. 1. С. 101–102.
[360] Там же. Ф. Р-6993. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.
[361] Там же. Ф. Р-6978. Оп. 1. Д. 10. Л. 1; Д. 11. Л. 5.

этому пути, то мы должны признать величайшим борцом за социализм и демократию принца Леопольда Баварского, который … выставляет те же тезисы, которые защищаются некоторыми социалистами. … Что же в Германии войсками распоряжаются товарищи генерала Ленина, что же это их программа? … Почему эта политика братания так сходится странно с той линией германского генерального штаба, которую проводят сейчас неукоснительно на Русском фронте? … там, где разменивается чёрный хлеб на шкалик водки, в тех местах мы не найдём борцов за социализм»[362].

Необходимо также отметить, что впоследствии в своих воспоминаниях А.Ф. Керенский привёл свидетельство Волленберга, бывшего в 1917 г. лейтенантом германской армии, согласно которому «германское правительство рассматривало эту подрывную деятельность (братание и близкие к нему формы контактов, – С.К.) как крайне важную «технико-военную» миссию, к выполнению которой привлекались специально подготовленные группы офицеров и солдат»[363]. Эти сведения, опубликованные бывшим министром-председателем Временного правительства, подтверждаются и германскими документами. В частности, в апреле начальник Адмирал-штаба уведомлял своего представителя в главной квартире, что командующий силами Балтийского моря получил следующий приказ: «По высочайшему приказу главнокомандующему на Востоке указано насколько возможно установить дружеские отношения с русскими солдатами. Старшие офицеры должны действовать в этом же направлении. Чтобы не помешать этим действиям, наступательные операции военно-воздушных сил прекратить до дальнейших распоряжений»[364]. Таким образом, аргументы противников братания впоследствие подтвердились документально.

Иной взгляд на братание имели большевики. В.И. Ленин, прибывший в Россию 4 апреля, выступил с Апрельскими тезисами, опубликованными в газе-

---

[362] Там же. Д. 12. Л. 53–54; Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. В 2 т. М., Л., 1930–1931. Т. 1. С. 79.
[363] *Керенский А.Ф.* Указ. соч. С. 181.
[364] Die deutsche Seekriegsleitung im Ersten Weltkrieg. Dokumentation / bearbeitet von G. Granier. Bd 2. Koblenz: Bundesarchiv, 2000. S. 301.

те «Правда» от 7 апреля, в которых призвал к братанию[365]. А в «Проекте резолюции о войне», оглашённой им на четвёртом заседании Петроградской общегородской конференции РСДРП(б) 22 апреля, конкретизировалось, каким должно быть фронтовое братание: «Под братаньем мы разумеем, во 1-ых, издание воззваний на русском языке, с переводом на немецкий для распространения их на фронте; во 2-х, устройство митингов русских и немецких солдат, через переводчиков, на фронте, с тем, чтобы капиталисты и принадлежащие большей частью к классу капиталистов генералы и офицеры обеих стран не смели мешать митингам, не смели даже присутствовать на них без прямого и особого разрешения самих солдат»[366].

Также в статье «Значение братанья» В.И. Ленин ещё более подробно разъяснил позицию партии большевиков по данному вопросу: «Мы добиваемся, чтобы братанье не ограничивалось разговорами о мире вообще, а переходило к обсуждению ясной политической программы, к обсуждению вопроса, как кончить войну, как свергнуть иго капиталистов»[367]. Таким образом, лидер большевиков стремился придать братанию не столько антивоенный, сколько политический характер. Исходя из теоретических построений В.И. Ленина, формировали своё отношение к братанию и к войне в целом другие видные большевики: Л.Б. Каменев[368], Г.Е. Зиновьев[369], Н.В. Крыленко[370]. Таким образом, следует отметить, что на протяжении весны 1917 г. большевистская агитация в поддержку братания заметно усилилась[371].

Вместе с тем, обращает на себя внимание тот факт, что идеи большевиков в первой половине 1917 г. не пользовались популярностью в войсках. Так, на

---

[365] Правда. 1917. № 26. 7 апреля.
[366] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. М., 1969. С. 264–265.
[367] Там же. С. 460.
[368] ГА РФ. Ф. Р-6977. Оп. 1. Д. 4. Л. 10, 11; Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов: стенографический отчёт. С.45.
[369] Правда. 1917. № 49. 5 мая.
[370] *Крыленко Н.В.* Смерть старой армии // История и историки, 1978: историографический ежегодник. М., 1981. С. 286.
[371] Правда. 1917. № 3. 8 марта; № 5. 10 марта; № 11. 17 марта; № 22. 31 марта; № 32. 14 апреля; № 35. 18 апреля; № 36. 20 апреля; № 37. 21 апреля; № 38. 22 апреля; № 40. 25 апреля; № 41. 26 апреля; № 43. 28 апреля; № 71. 2 июня; № 75. 7 июня; № 93. 28 июня.

упомянутом выше Всероссийском совещании делегатов Советов рабочих и солдатских депутатов один из делегатов, Скачков, в частности заявил: «Я, представитель действующей армии, вернусь в свои окопы и крикну немцам: «Давайте, товарищи немцы, прекратим войну и поднимем бунт!». Знаете, товарищи, мы уже кричали из окопов немцам: «Мы свергли своего Николая! Свергните и вы своего кайзера Вильгельма!». А они отвечали: «Ишь чего захотели». Может быть и сейчас они нам ответят точно также»[372]. Ещё один оратор, выступивший на этом же Совещании - представитель гарнизона г. Бердичева Усов призывал: «Мы верим, что вы … не пойдёте за теми господами, что группируются около газеты «Правда», что вы снимете с очереди все узкопартийные и классовые вопросы, способные разъединить русских граждан. Что вы всеми средствами поддержите Временное правительство»[373]. Резкая критика методов большевиков содержалась и в ряде номеров «Русского инвалида»[374].

Однако, не только большевики поощряли братание. Несколько более завуалированные призывы к нему звучали и на страницах меньшевистской «Рабочей газеты», писавшей, в частности, в номере от 12 апреля, накануне празднования 1 мая по новому стилю: «Русские солдаты должны взять на себя почин. Они должны на всех участках фронта тем или иным путём делать предложения своим братьям-врагам, сидящих по ту сторону проволочных заграждений, день первого мая сделать днём первого революционного перемирия»[375].

Необходимо отметить, что Военное министерство, командование, солдатские комитеты всех уровней, а также Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов стремились к прекращению братания. Опосредованно близкую по смыслу тему затронул в своём докладе о войне, сделанном на Всероссийском совещании делегатов Советов рабочих и солдатских депутатов (28 марта –

---

[372] ГА РФ. Ф. Р-6977. Оп. 1. Д. 6. Л. 2; Д. 7. Л. 2; Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов: стенографический отчёт. С.73.

[373] Там же. Д. 14. Л. 23; д. 15. Л. 23; Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов: стенографический отчёт. С.168.

[374] См. напр.: Русский инвалид. 1917. № 79. 6 апреля; № 80. 7 апреля; № 89. 17 апреля; № 91. 20 апреля; № 93. 22 апреля.

[375] Рабочая газета. 1917. № 29. 12 апреля; *Изгоев А.С.* Социалисты во Второй русской революции. Петроград, 1917. С. 25–26.

3 апреля) член Исполнительного комитета Петроградского Совета, меньшевик И.Г. Церетели[376]. Также, 30 апреля было выпущено воззвание Петросовета «К армии», в котором относительно братания говорилось: «… бойтесь провокаций, бойтесь ловушек. В такую ловушку легко может превратиться братание, которое развивается на фронте. Революционные войска могут брататься, но с кем? С армией тоже революционной, тоже решившейся умереть за мир и свободу. Но сейчас не такова ещё армия Германии и Австро-Венгрии. … Вы с открытой душой идёте брататься, а навстречу выходит из вражеских окопов переодетый в солдатский мундир офицер Генерального штаба … К гибели вас самих, к гибели русской свободы ведут люди, уверяющие вас, что братание – путь к миру. Не верьте им»[377].

А в телеграмме военного министра А.Ф. Керенского от 18 мая предписывалось: «Прошу предложить всем начальникам и войсковым комитетам объявить в приказах и разъяснить солдатам, что братание с противником совершенно недопустимо и осуждено как настоящим составом Временного правительства, так и Петроградским советом солдатских и рабочих депутатов, и всеми другими съездами, крестьянскими Юго-Западного фронта и Румынского фронта, и другими. Считаю полезным тексты здоровых, ведущих к усилению мощи армии постановлений съездов не только отдавать в приказах, но размножить и в большом количестве экземпляров раздавать солдатам»[378]. Эти меры, вкупе с иными факторами, привели к снижению числа эпизодов братания к лету 1917 г. А о специфике развития братания и близких к нему форм контактов в каждой армии Юго-Западного фронта речь пойдёт ниже.

2.1. Характер и специфика братания

Особая армия. Прежде чем обратиться к рассмотрению основного вопроса параграфа, необходимо привести краткие сведения об Особой армии. Её по-

[376] ГА РФ. Ф. Р-6977. Оп. 1. Д. 4. Л. 50; Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов: стенографический отчёт. С.37.
[377] Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. № 55. 2 (15) мая.
[378] Революционное движение в русской армии, 27 февраля – 24 октября 1917 года: сборник документов. М., 1968. С. 99–100.

левое управление образовано в августе 1916 г. из управления войск Гвардии. Входила в состав Юго-Западного фронта. Штаб армии в первой половине 1917 г. располагался в г. Луцк, затем, с осени – в г. Ровно. Командующими армией являлись: генерал от кавалерии В.И. Гурко (14 августа 1916 г. – 18 марта 1917 г.); генерал от инфантерии П.С. Балуев (и.д. командующего армией с 10 октября 1916 г. по 17 февраля 1917 г.; на посту командующего армией с 18 марта по 9 июля 1917 г.); генерал от кавалерии И.Г. Эрдели (12 июля – 29 августа 1917 г.); генерал от инфантерии С.Ф. Стельницкий (14 сентября – 20 ноября 1917 г.); генерал-лейтенант Ф.С. Рерберг (20 ноября – 13 декабря 1917 г.).

Теперь перейдём к рассмотрению основной проблематики. В Особой армии после победы Февральской революции также довольно быстро получило распространение братание и близкие к нему формы контактов с противником. Здесь, как и на других участках Юго-Западного фронта, с первых дней марта 1917 г. началось активное распространение пропагандистских листовок и выставление над вражескими окопами плакатов, в которых сообщалось о произошедшей в России революции[379]. Целью же наращивания противником пропагандистской работы являлся подрыв дисциплины в русской армии. Это подтверждают показания пленных немецких солдат[380]. Следует отметить, что распространение прокламаций в Особой армии не прекращалось и в дальнейшем и шло параллельно с развитием братания.

Необходимо обратить внимание на то, что первые попытки вступать в контакт с русскими солдатами отмечались также с первых дней после падения монархии в России. В целом же в марте были зафиксированы следующие факты братания (или попыток его начать): севернее Шельвова (4 марта)[381]; в районе Корытницы (5 марта)[382]; западнее кол. Пустомыты (10 марта)[383]; южнее Выдумки (19 мар-

[379] РГВИА. Ф. 2158. Оп. 1. Д. 57. Л. 167; Д. 189. Л. 301, 403; Ф. 2228. Оп. 1. Д. 996. Л. 39
[380] Там же. Ф. 2158. Оп. 1. Д. 189. Л. 304; Ф. 2228. Оп. 1. Д. 996. Л. 39 об.; Ф 2256. Оп. 1. Д. 183. Л. 217–218.
[381] Там же. Ф. 2256. Оп. 1. Д. 183. Л. 203 об.
[382] Там же. Ф. 2290. Оп. 1. Д. 326. Л. 18.
[383] Там же. Ф. 2228. Оп. 1. Д. 994. Л. 17.

та)[384]. Однако, вероятно, что данный перечень неполон, т. к. в сводке сведений о противнике, полученной в штабе Особой армии за период с 5 по 12 марта, в частности, сообщалось: «… противник проявляет нервность … он во многих местах старался заговорить с нашими солдатами»[385]. Следует также обратить внимание на то, что в подавляющем большинстве эпизодов, зафиксированных в марте и приведённых выше (4, 5, 19 марта), со стороны австро-германских военнослужащих звучала просьба к русским солдатам: «Дай хлеба!»[386]. По всей видимости подобного рода обращения, участившиеся после Февральской революции, свидетельствуют о том, что, получив санкцию от начальства устанавливать контакт с солдатами Особой армии, военнослужащие стран германского блока стремились к получению продовольствия, в частности, хлеба, острая нехватка которого имела место в вооружённых силах Четверного союза[387].

Впрочем, не следует исключать и то, что часть эпизодов братания продолжала носить стихийный характер с обеих сторон. В этой связи заслуживает внимание сообщение, имеющееся в разведывательной сводке от 17 марта, в котором, в частности, указывалось: «По войсковому наблюдению, поведение противника на участке Майдан – Витонеж изменилось, а именно, производится стрельба по одиночным людям и пристрелка артиллерии, что даёт основание предполагать произошедшую на этом участке смену»[388]. По всей видимости, до этого здесь имело место затишье и свободное перемещение одиночных людей. Происходило ли на данном участке фронта Особой армии братание в сводке напрямую не указано, но характер информации позволяет считать его в данном районе вполне возможным. А поскольку после прихода новых частей австро-германских войск характер их деятельности изменился, резонно предположить, что их командиры не получали инструкций вышестоящего начальства относительно сохранения затишья на рассматриваемом участке. Из этого можно пред-

[384] Там же. Ф. 2158. Оп. 1. Д. 189. Л. 421.
[385] Там же. Ф. 2158. Оп. 1. Д. 189. Л. 354; Ф. 2228. Оп. 1. Д. 996. Л. 39.
[386] Там же. Ф. 2256. Оп. 1. Д. 183. Л. 203 об.; Ф. 2290. Оп. 1. Д. 326. Л. 18; Ф. 2158. Оп. 1. Д. 189. Л. 421.
[387] См. напр.: там же. Ф. 2228. Оп. 1. Д. 994. Л. 108.
[388] Там же. Ф. 2290. Оп. 1. Д. 326. Л. 93.

положить, что отсутствие перестрелки и вероятные контакты между солдатами противоборствующих армий в районе Майдан – Витонеж могли иметь стихийный характер.

В дальнейшем, уже 23 марта юго-западнее Витонеж имела место попытка противника начать братание, о чём сообщалось разведывательным отделением штаба 39-го армейского корпуса: «На высоте 90, 0, что юго-западнее Витонеж, противник выбросил два флага белого и серого цвета, которые, будучи обстреляны ружейным огнём, скрылись»[389]. Ещё один любопытный случай также имел место на участке 39-го армейского корпуса 31 марта: «Против кол. Остров Волос противник выбросил чёрный флаг»[390]. Обращает на себя внимание цвет появившегося с австро-германской стороны флага. Чаще всего выбрасывались белые и красные флаги. Установить же причину и смысл появления чёрного флага проблематично. Стоит также сказать, что об этих эпизодах не сообщалось в разведывательных сводках штаба Особой армии.

Следует также отметить, что, по всей видимости, в марте братание и близкие к нему формы контактов ещё не получили достаточно широкого распространения на фронте Особой армии. Это подтверждают показания пленного немецкого военнослужащего, зафиксированные в разведывательной сводке от 23 марта: «Пленный раненый германец 377[-го] полка 10[-й] л[анд]в[ерной] [германской] дивизии … на опросе показал … Цель наступления была захват пленных для выяснения, стоит ли ещё на позиции гвардия и сильна ли она ещё духом»[391]. Такого рода вопросы на других участках Юго-Западного фронта часто выяснялись австро-германскими военнослужащими именно во время братания или посылки «парламентёров»[392]. Необходимость же предпринять локальную наступательную операцию на позиции частей Особой армии для выяснения указанных вопросов свидетельствует о том, что такого рода сведения получить иным путём не представлялось возможным. Примечательно также то, что

[389] Там же. Ф. 2256. Оп. 1. Д. 223. Л. 51.
[390] Там же. Д. 224. Л. 4.
[391] Там же. Ф. 2228. Оп. 1. Д. 994. Л. 80.
[392] См. напр.: там же. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 856. Л. 243–243 об.

в оперативных и разведывательных сводках штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта указанные выше факты не получили отражения.

Уже в апреле братание в Особой армии заметно участилось. Как и в других армиях Юго-Западного фронта всплеск его пришёлся на празднование православной Пасхи 2 (15) апреля и последующую Светлую Седмицу. О том, насколько масштабным в эти дни стало братание свидетельствуют показания пленного 133-го ландверного германского полка. По его словам, «… со 2-го апреля у них установлены добрососедские отношения с нашими стрелками. По мнению пленного, у немцев с нами заключено перемирие, почему командир батальона 133[-го] ландв[ерного] полка запретил стрелять в русских»[393]. Подобные запреты, согласно показаниям того же пленного, данным им на дополнительном опросе, являлись важной частью стратегии Германии на Восточноевропейском ТВД: «2 апреля германцам запрещено открывать ружейный огонь, чтобы ввести русских солдат в заблуждение относительно планов войны со стороны Германии»[394]. В этом заключалось главное отличие пасхальных братаний 1917 г. от аналогичных эпизодов 1915 г. и 1916 г., т. к. тогда братания носили чаще всего стихийный характер. В отличие от предшествующих лет в 1917 г. со стороны командования войск стран германского блока имело место принятие подготовительных мер, нацеленных на превращение ставших уже традиционными на Восточном фронте пасхальных братаний в операцию по распространению в русской армии идеи сепаратного мира[395].

Необходимо отметить, что инициатива начать братание в пасхальные дни на участке Особой армии, как и в других армиях Юго-Западного фронта, была обоюдной. Так, участник тех событий Иозеф Валь вспоминал: «Напротив нас находился русский 39-й [пехотный Томский] полк (10-я пехотная дивизия, 5-й армейский корпус, – С.К.). В пасхальное Воскресенье наш батальон переместился вправо, и, когда мы перебирались через луг, нас обстреляли. А десять

---

[393] Там же. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 140. Л. 197–198; Ф. 2256. Оп. 1. Д. 183. Л. 349; Ф. 2228. Оп 1. Д. 994. Л. 167.
[394] Там же. Ф. 2256. Оп. 1. Д. 183. Л. 360 об. –361.
[395] *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. / пер. с нем. А.А. Свечина. М., 2014. С. 371.

минут спустя русские стояли без винтовок перед нашими проволочными заграждениями, и наши солдаты танцевали с ними. Некоторые русские, знавшие немецкий язык, говорили: «Deutschland nicht feinde, feinde hinten» («Немцы - не враги, враги в тылу»), и они указывали рукой назад, а мы подтверждали это. Так длилось четыре недели»[396].

Интересно также, что в некоторых случаях пасхальные визиты в окопы противника заканчивались пленом для русских солдат. Одному из подобных эпизодов, имевших место в 1-м Туркестанском армейском корпусе, был посвящён приказ командующего корпусом генерала от кавалерии С.М. Шейдемана № 67/38 от 6 апреля: «Не взирая на предупреждения о недопустимости общения с противником, к сожалению, в течение праздников имел место случай, когда солдаты, веря посулам и обещаниям немецких плакатов и выкрикам из окопов, отправились туда в количестве 9 человек и, конечно, не вырвались больше из цепких лап противника»[397]. Для недопущения подобных случаев впредь комкор предлагал реализовать следующие меры: «Рекомендую напомнить всем и возможно чаще беседовать с людьми на тему о том, что подобного рода позорное предательство отражается в высшей степени вредно на деле обороны страны, раскрывая противнику тайны расположения войск и известных им планов. … Людей, не внушающих доверия, наряжать на службу секретов с солдатами вполне надёжными … поверять эти наряды самим ротным командирам. На направлениях, особо доступных для ухода к стороне противника, иметь караулы или секреты, которым подтвердить их ответственность за допущение к переходу на сторону противника»[398]. Отчасти эти предложения схожи с мерами, которые принимались против перебежчиков в австро-германских частях, хотя и формулировки в приказе генерала С.М. Шейдемана менее жёсткие[399].

---

[396] *Норден А.* Между Берлином и Москвой. К истории германо-советских отношений / пер. с нем. В. Бая, Г. Кычаковой, А. Семёновой, С. Халецкой. М., 1956. С. 80–81.
[397] РГВИА. Ф. 2290. Оп. 1. Д. 610. Л. 43.
[398] Там же. Л. 43.
[399] Ср.: там же. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 856. Л. 245 об. –246.

В целом в апреле братание и близкие к нему формы контактов на участке Особой армии были зафиксированы в следующих случаях: на различных участках фронта Особой армии (6 апреля)[400]; в районе Звиняче и южнее Дзиковины (7 апреля)[401]; в районе Киселина (8 апреля)[402]; в районе д. Боровно (10 апреля)[403]; в южной части Шельвовского леса (на фронте 25-го армейского корпуса) (12 апреля)[404]; западнее Повурска (14 апреля)[405]; у Свидники (15 апреля)[406]; на фронте 46-го армейского корпуса (19 апреля)[407]; западнее Грушевной и в районе Езерно (24 апреля)[408]; у Седлице и восточнее Вулька Шельвовская (сводки 25 апреля)[409]; в районе Шельвовского леса (на фронте 25-го армейского корпуса) (30 апреля)[410]. Однако этот перечень, по-видимому, неполон[411].

Следует подробнее остановиться на некоторых, наиболее примечательных эпизодах братания, имевших место в Особой армии в апреле. Так, в разведывательной сводке от 10 апреля был описан следующий факт: «Против дер[евни] Боровно партия разведчиков днём с белыми флагами, а ночью с факелами дважды пыталась приблизиться к нашим окопам»[412]. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что на участках других армий Юго-Западного фронта подобных попыток к ночному братанию при свете факелов зафиксировано не было. Ещё один любопытный эпизод приведён в разведывательной сводке от 14 апреля: «Ковельское направление. Западнее Повурска задержан австриец 3[-го] ландверного уланского полка, принесший прокламации и притащивший провод для переговоров»[413]. По-видимому, принесённый австрийским военнослужащим провод предназначался для налаживания связи между

[400] Там же. Ф. 2228. Оп. 1. Д. 994. Л. 132.
[401] Там же. Ф. 2290. Оп. 1. Д. 326. Л. 139.
[402] Там же. Ф. 2256. Оп. 1. Д. 183. Л. 313–313 об., 317–317 об.
[403] Там же. Ф. 2228. Оп. 1. Д. 994. Л. 151.
[404] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 108.
[405] Там же. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 140. Л. 185.
[406] Там же. Ф. 2256. Оп. 1. Д. 183. Л. 360–361; Ф. 2228. Оп. 1. Д. 994. Л. 167.
[407] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 169.
[408] Там же. Ф. 2256. Оп. 1. Д. 183. Л. 372-372 об.
[409] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 2. Л. 211; Ф. 2256. Оп. 1. Д. 183. Л. 375–375 об.
[410] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 2. Л. 255.
[411] См. напр.: там же. Ф. 3087. Оп. 1. Д. 13. Л. 21 об. –22.
[412] Там же. Ф. 2290. Оп. 1. Д. 326. Л. 157.
[413] Там же. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 140. Л. 185.

русскими и австро-венгерскими окопами, целью которого являлось заблаговременное оповещение об артиллерийских обстрелах и, возможно, иных действиях Особой армии. О том, что факты такого рода имели место, указывал в своей работе М.С. Френкин[414].

Необходимо отметить, что, по всей вероятности, приведённый выше перечень эпизодов братания (и попыток к нему) за апрель, содержащийся в оперативных и разведывательных сводках штаба Особой армии и штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта, неполон. Но и исходя из этих данных можно констатировать, что на апрель пришёлся пик развития братания и близких к нему форм контактов на фронте Особой армии.

В мае интенсивность братания на фронте Особой армии, исходя из материалов разведывательных и оперативных сводок, несколько снизилась. Случаи братания и близких к нему форм контактов фиксировались: юго-восточнее Седлице (1 мая)[415]; на различных участках фронта Особой армии (5 мая)[416]; в районе д. Сачковичи, южнее Пинска (12 мая)[417]; неоднократно повторяющиеся братания у господского двора Березвичи (сообщено в сводке от 14 мая)[418]; южнее Затурцы (16 мая)[419]; вероятно, у Семиринки (20 мая)[420]; южнее д. Сачковичи (участок 31-го армейского корпуса) (22 мая)[421]; в районе Гулевичи и у Велицка (30 мая)[422].

Теперь следует перейти к рассмотрению характера братания на фронте Особой армии. Как уже ранее отмечалось, часть эпизодов братания и весной 1917 г. продолжала сохранять стихийный характер. В большей мере это проявлялось (хотя и далеко не всегда) на участках, занимаемых австро-венгерскими войсками. Признаки стихийного братания обнаруживались уже в марте, о чём речь шла выше. Кроме того, в сводках фиксировались случаи, когда австро-

---

[414] См.: *Френкин М.С.* Русская армия и революция. Мюнхен, 1978. С. 173.
[415] РГВИА. Ф. 2228. Оп. 1. Д. 996. Л. 2.
[416] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 2. Л. 296.
[417] Там же. Л. 340.
[418] Там же. Ф. 2228. Оп. 1. Д. 996. Л. 54.
[419] Там же. Л. 55 А.
[420] Там же. Л. 59 об.
[421] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 1. Л. 3; Революционное движение в русской армии, 27 февраля – 24 октября 1917 года: сборник документов. С. 113.
[422] РГВИА. Ф. 2228. Оп. 1. Д. 996. Л. 71–72.

венгерские солдаты криками из своих окопов сообщали о готовящихся с их стороны операциях или перегруппировках войск. Так в разведывательной сводке от 25 апреля содержатся данные о том, что «Из секретов противника восточнее Вулька Шельвовская кричали: «Русь, мадьяры ушли! Ночью мы с вами будем жить мирно! В резерве у нас германцы!»»[423]. А 27 мая в сводке № 3750-Р сообщалось: «Южнее Рудки Миринской принят перебежчик 8[-го] австрийского полка, показавший, что в ночь на 24 мая прибыл 91[-й] германский полк, который поставлен во вторую линию. Факт этот подтверждается криками австрийцев, просящих обстреливать не первую их линию, а вторую, куда прибыли немцы»[424]. Также в сводке от 30 мая говорилось: «На участке против Велицка сегодня утром замечены солдаты в касках, причём из секретов кричали австрийцы, что на этом участке стоит германский штурмовой батальон, [в] котором имеется газовая команда»[425].

Однако бывали случаи, когда крики из окопов австрийцев носили явно провокационный характер. Так, в оперативной сводке штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта сообщалось: «12 апреля [на] фронте 25[-го] арм[ейского] к[орпу]са около 20 часов [в] районе южной половины Шельвовского леса противник открыл огонь ручными гранатами и [из] бомбомётов, причём снаряды последних до наших окопов не долетали. После открытого нами ружейного огня противник, выпустив несколько десятков красных ракет, открыл сильный артиллерийский, ружейный и бомбомётный заградительный огонь, на который отвечала наша артиллерия. Через 20 минут всё стихло, и из окопов противника послышались выкрики: «Русь, довольно стрелять! Наша штурм[овая] группа ушла! Если она ещё раз придёт, то мы её выгоним гранатами, а вы открывайте заградительный огонь!». Во время перерывов стрельбы 3[-ей] гренадерской артиллерийской бригады из неприятельских окопов неоднократно раздавались крики: «Довольно стрелять! У нас много убитых и ране-

[423] Там же. Ф. 2256. Оп. 1. Д. 183. Л. 375 об.
[424] Там же. Ф. 2228. Оп. 1. Д. 996. Л. 68.
[425] Там же. Л. 72.

ных!»»[426]. По-видимому, целей у данной акции было несколько: завоевать доверие русских солдат, убедив их в своём миролюбии, а также создать неверное представление о состоянии австро-венгерской армии, преувеличив имевшиеся внутри неё противоречия. Всё это могло в дальнейшем способствовать развитию братания на данном участке.

Тем не менее выкрики австро-венгерских солдат довольно часто содержали достоверные данные. Причиной тому, что они сообщали таким образом порой секретные сведения, по-видимому является растущая неприязнь к немцам со стороны их союзников[427]. Вполне вероятно, что общение, начавшееся с выкриков австрийцев, на некоторых участках фронта Особой армии вполне могло перерастать в полноценное братание, тем более, что в некоторых частях австро-венгерских войск весной 1917 г. отмечался упадок дисциплины[428].

Однако для более детального понимания того, какие соединения армий Четверного союза были склонны к стихийному братанию, необходимо проанализировать национальный состав частей группировки австро-германских войск, противостоящих Особой армии, ведь их боевой потенциал во многом зависел от национальной принадлежности их личного состава (см.: Приложение № 2). Следует отметить, что весной 1917 г. Особой армии противостояло 12 дивизий, одна бригада (2-я бригада Гвардейской кавалерийской дивизии) и один самостоятельно действовавший полк (46-й пехотный полк 119-й дивизии) германских вооружённых сил[429]. Это значительно больше, чем число германских соединений, сосредоточенных на участке соседней 11-й армии. Немецкие части в основном сохраняли жёсткую внутреннюю дисциплину и порядок[430], поэтому стихийное братание с их личным составом было маловероятно. Следует также обратить внимание на то, что противостоящие Особой армии войска являлись

[426] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 108.
[427] См. напр.: там же. Ф. 2228. Оп. 1. Д. 996. Л. 78 об.; Ф. 2246. Оп. 1. Д. 162. Л. 151 об.
[428] См. напр.: там же. Ф. 2228. Оп. 1. Д. 996. Л. 7; Революционное движение в русской армии, 27 февраля – 24 октября 1917 года: сборник документов. С. 72.
[429] РГВИА. Ф. 2158. Оп. 1. Д. 189. Л. 265–266, 399–400.
[430] См. напр.: там же. Ф. 2228. Оп. 1. Д. 996. Л. 54; Ф. 2256. Оп. 1. Д. 183. Л. 361 об.; Ф. 2290. Оп. 1. Д. 326. Л. 329–330.

более чем наполовину германскими, что было обусловлено стягиванием в этот район Юго-Западного фронта немецкий сил в ходе боёв 1916 г.

Австро-венгерских соединений было несколько меньше – на фронте Особой армии весной 1917 г. было обнаружено 10 австро-венгерских дивизий, хотя и не все из них присутствовали в полном составе[431]. В отличие от войск Германии соединения армии Австро-Венгрии гораздо сильнее отличались друг от друга по своему боевому потенциалу. Наиболее боеспособными, а, следовательно, наименее склонными к стихийному братанию, считались полки, полностью или частично укомплектованные венграми (мадьярами)[432]. Таковых на участке Особой армии находилось 10[433]. Также значительное количество полков состояли из австрийских немцев, которые, хотя и не отличались высоким боевым духом[434], в целом вряд ли готовы были участвовать в стихийных братаниях с русскими солдатами. Полков с преобладанием поляков и сербов на фронте Особой армии было относительно немного[435]. Отдельно следует сказать и о соединениях, укомплектованных чехами. Пророссийские настроения среди них хотя и к весне 1917 г. несколько снизились, тем не менее продолжали играть определённую роль в формировании отношения чехов к русским. Это побуждало военнослужащих-чехов не стрелять по русским солдатам, выходившим для братания, даже вопреки распоряжениям командования[436]. Это позволяет констатировать, что стихийное братание более всего было вероятно на участках полков, состоящих из славян (поляков, сербов (православных), чехов), а также румын, в определённой мере тяготевших к России. Однако в условиях весны 1917 г. возникновение полноценного стихийного братания со стороны частей и соединений Четверного союза являлось затруднительным, поскольку представители указанных национальностей находились под наблюдением офицеров и солдат, немцев или венгров.

---

[431] Там же. Ф. 2158. Оп. 1. Д. 189. Л. 265–266, 399–400.
[432] Там же. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 521. Л. 26.
[433] Там же. Ф. 2158. Оп. 1. Д. 189. Л. 265–266, 399–400.
[434] Там же. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 521. Л. 26.
[435] Там же. Ф. 2158. Оп. 1. Д. 189. Л. 265–266, 399–400.
[436] Там же. Ф. 2228. Оп. 1. Д. 996. Л.71 об.

Но если стихийное братание в марте – июне 1917 г. хотя и встречалось, всё чаще ему на смену приходило братание организованное, и первой силой, взявшейся за его организацию, стало австро-германское командование, о чём обильно свидетельствуют источники. Так ко дню православной Пасхи командование войск стран германского блока приняло меры для того, чтобы облегчить братание с русскими солдатами, о чём речь шла выше. В этой связи заслуживает внимание следующий эпизод: трое пленных солдат 29-го пехотного полка 16-й германской дивизии, захваченных 8 апреля в районе Киселина, показали: «Пленные по приказанию офицеров были посланы с белыми и красными флагами для передачи прокламаций»[437]. Отправка этих солдат на задание была организована следующим образом: «Пленные, по приказанию офицеров, по 8 человек от роты были направлены [с] красными и белыми флагами [в] наши окопы для передачи прокламаций на русском языке, содержание которых не знали; попав под наш заградительный огонь, принуждены были бежать [к] нашим окопам, где и были взяты [в] плен»[438].

Весьма примечательный эпизод зафиксирован в разведывательной сводке от 1 мая: «Юго-восточнее Седлице задержаны германский лейтенант и солдат, перешедшие в наши окопы под видом парламентёра с плохо скрытой попыткой провести разведку нашего расположения. На опросе [в] штакор пленный лейтенант держал себя вызывающе и от подробных показаний отказался, явно путаясь в объяснениях и скрывая свою задачу. Из опроса его спутника, солдата, выяснилось, что они оба принадлежат к разведывательному отделению штакора Гауера. Солдат хорошо говорит по-русски и по-польски»[439]. Подобный эпизод, когда в плену оказывались представители разведывательного отделения австро-германских войск, имел место и на фронте 7-й армии[440].

О том, что германское командование и военнослужащие не противодействовали развитию братания свидетельствуют и показания пленных солдат

[437] Там же. Ф. 2290. Оп. 1. Д. 326. Л. 153–154.
[438] Там же. Ф. 2256. Оп. 1. Д. 224. Л. 19 об.
[439] Там же. Ф. 2228. Оп. 1. Д. 996. Л. 2.
[440] Там же. Ф. 366. Оп. 1. Д. 17. Л. 12.

11-го гусарского полка 9-й германской кавалерийской дивизии, зафиксированные в разведывательной сводке от 14 мая: «Перебежчики, наблюдая за нашими военнопленными и происходящим «братанием» у госп[одского] дв[ора] Березвичи, где якобы по вечерам сходятся наши и немецкие полевые караулы, поражаются отсутствию патриотизма у русских и считают, что мы продаём Францию в то время, когда Германия стояла накануне истощения своих сил в борьбе на два фронта»[441]. Таким образом, немецкая сторона, будучи осведомлённой о многократно повторявшихся случаях братания в конкретном районе, не пыталась бороться с этим явлением.

О том, насколько ценные сведения австро-германские войска получали во время братания сообщал 21 апреля пленный 133-го германского ландверного полка: «2 апреля нашего стиля 8 русских солдат, в том числе один унтерофицер, перешли из головной русской заставы против Свидников к германцам. Пленные рассказывали, что означают пускаемые русскими ракеты, и какой огонь открывается после красной и других ракет. Показания эти были германцами проверены … Ровно в 10 часов вечера были пущены красные ракеты, и русская артиллерия после второй ракеты открыла очень меткий огонь шрапнелью. … Сведения, сообщённые пленными, следовательно, оказались верными»[442]. А два перебежчика – чеха, принадлежавшие к 8-му австрийскому Брюнненскому эрцгерцога Карла Стефана полку, 30 мая показали, что австрийцы «…знали заранее о приходе частей нашего 44[-го армейского] корпуса, т. к. их ротный командир был гостях у русских **офицеров,** которые **подробно рассказали о предстоящей смене** (выделенное подчёркнуто в документе, – С.К.)»[443]. Судя по тому, что в этом случае секретные сведения о перегруппировках русских войск разглашались не солдатами, а офицерами, вероятно в этом случае речь может идти о прямом шпионаже в пользу противника.

---

[441] Там же. Ф. 2228. Оп. 1. Д. 996. Л. 54–54 об.
[442] Там же. Ф. 2256. Оп. 1. Д. 183. Л. 360–360 об.
[443] Там же. Ф. 2228. Оп. 1. Д. 996. Л. 71 об. –72.

Необходимо обратить внимание на то, что обстановка массового братания создавала благоприятные условия для проникновения агентов разведок Германии и Австро-Венгрии в тыл русской армии. Переодетый в нашу военную форму шпион имел возможность относительно легко затеряться. И подобные случаи выявлялись на фронте Особой армии. Так 21 апреля пленный 133-го германского ландверного полка сообщил: «В среду 11 апреля германские части, находившиеся у Свидники, были предупреждены, что к ним должен вернуться их агент и что он одет в русскую солдатскую форму; приказано было ни по кому, проходящему к германцам, не стрелять»[444]. Сходный случай имел место и на участке 7-й армии[445]. Интересно, что подобного рода операции проводила и русская разведка. Так, в штаб Особой армии 7 апреля была направлена следующая телеграмма: «[В] Штаюз ожидается перебежка со стороны противника дезертиров, которые скажут, что присланы «Павлом Александровичем из Парижа». [В] случае появления таких дезертиров не откажите [в] распоряжении [о] скорейшей их присылке [в] Штаюз для опроса»[446].

Ещё один необычный способ распространения идеи сепаратного мира, использованный военным командованием стран Четверного союза, описан в разведывательной сводке от 4 мая: «У Свидники приняты два русских солдата 5[-го] Особого полка Третьей Особой бригады, участники недавних боёв под Реймсом, где были взяты в плен. Оба выпущены немцами для распространения идеи сепаратного мира. На предварительном опросе показали, что их выпущено 8 человек на разных участках Русского фронта»[447]. Данная операция германской стороны обращает на себя внимание потому, что она представляет собой иной, отличный от братания и часто сопряжённого с ним распространения прокламаций, способ внедрения германской пропаганды в русскую армию. Главная же идея этой пропаганды оставалась прежней – заключение Россией сепаратного мира с Германией и её союзниками.

---

[444] Там же. Ф. 2256. Оп. 1. Д. 183. Л. 361.
[445] Там же. Ф. 3128. Оп. 1. Д. 1. Л. 156.
[446] Там же. Ф. 2290. Оп. 1. Д. 326. Л. 141.
[447] Там же. Ф. 2228. Оп. 1. Д. 996. Л. 10.

Следует отметить, что, исходя из документов, братание и близкие к нему формы контактов на фронте Особой армии не носили перманентный характер. Представляется, что имели место периоды его активизации и затухания. Так, по-видимому, уже в начале мая частота братания заметно снизилась. К примеру, в разведывательной сводке № 3550-Р сообщалось: «Ввиду происходивших перевозок на Западный фронт и каких-то перегруппировок у противника крайне необходим захват контрольных пленных, так как за последнее **время почти совершенно отсутствуют пленные и перебежчики** (выделенное подчёркнуто в документе, – С.К.)»[448]. Сходные данные содержались и в сводке за 10 мая[449]. Эта информация косвенно свидетельствует и о снижении интенсивности братания, т. к. часто во время его удавалось захватить пленных, о чём речь пойдёт ниже. Кроме того, неоднократно в сводках по отношению к военнослужащим, приходившим для братания в расположение русской армии, употреблялся термин «перебежчики». Также в разведывательной сводке от 16 апреля указывалось: «Противник пассивен. Подбрасывание провокационной литературы не прекращается. Южнее Затурцы противник пытался возобновить братание»[450]. Другими словами, к моменту составления этого отчёта по крайней мере на данном участке фронта Особой армии братание отсутствовало.

Необходимо также отдельно остановиться на такой близкой к братанию форме контактов, как посылка так называемых «парламентёров». На участке Особой армии она имела свою специфику. Так, в разведывательной сводке от 24 апреля говорилось: «Западнее Грушевной партия немцев человек 10 с офицером вышла из своих окопов и требовала пропустить их к командиру полка, но нашим ружейным огнём была разогнана. Через час после этого со стороны Езерно партия человек 6 пыталась выйти из своих окопов, но также была отогнана огнём. Пленных и перебежчиков не было»[451]. Сходные эпизоды были отмечены 25 апре-

[448] Там же. Л. 42.
[449] Там же. Л. 51.
[450] Там же. Л. 55 А.
[451] Там же. Ф. 2256. Оп. 1. Д. 183. Л. 372.

ля[452] и 1 мая[453]. Следует обратить внимание на особенности посылки «парламентёров», имевшие место на фронте Особой армии, а именно: относительная малочисленность подобного рода контактов и несколько необычный количественный состав групп переговорщиков.

Относительно первой из названных особенностей можно предположить, что командование войск Четверного союза было удовлетворено объёмом сведений, получаемым в ходе классического братания, поэтому посылка «парламентёров» имела место нечасто. Хотя, вполне возможно, что не все эпизоды посылки «парламентёров» получили отражение в источниках. Что же касается второй специфической черты рассматриваемой разновидности контактов, то тут обращает на себя внимание то, что в большинстве случаев с офицером-«парламентёром», желавшим вступить в переговоры, выходило из окопов довольно большое количество солдат. Это обстоятельство, вероятно, могло способствовать перерастанию попытки переговоров в братание, в случае, если навстречу австро-германским военнослужащим вышли бы русские солдаты. Эта особенность позволяет заключить, что посылка «парламентёров» на фронте рассматриваемой армии имела своеобразную форму, сближающую её с классическим братанием.

Следует остановиться также и на том, что уже в весенние месяцы организаторами братания начали выступать и сторонники партии большевиков. В этой связи примечательна деятельность временно командовавшего 210-м пехотным Бронницким полком (53-я пехотная дивизия, 39-й армейский корпус) полковника Крещенко. Согласно материалам дела, подлежащего рассмотрению в соединённом суде корпусов Особой армии, «… полковник Крещенко, разговаривая как-то по поводу не утверждения его в должности командира полка с председателем полкового комитета штабс-капитаном Логофетом, сказал: «они заставляют меня сделаться большевиком»»[454]. Возможно Крещенко и не вступал формально в

[452] Там же. Ф. 2228. Оп. 1. Д. 994. Л. 193; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 2. Л. 211.
[453] Там же. Ф. 2228. Оп. 1. Д. 996. Л. 2.
[454] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3822. Л. 8 об.

партию, однако идеи большевиков он, судя по материалам дела, активно использовал. Так уже в апреле полковник Крещенко «… стал открыто высказываться против всякого наступления, говоря солдатам, что мира мы добьёмся не наступлением, а организованным братанием, что немецкий народ так же не хочет воевать, как и мы, что наступление нужно только капиталистам и т. п.»[455]. Кроме того, «присутствуя в полковом комитете при обсуждении вопроса о братании с противником на фронте, полковник Крещенко настаивал на том, что организованное братание необходимо. Однако, несмотря на это, тогда же полковой комитет вынес глубокое порицание братанию, причём постановил, чтобы по братающимся и вообще по всем, выходящим без нужды в сторону противника, был открываем огонь и виновные предавались суду. Полковник Крещенко, будучи против этого постановления, всё-таки утвердил его, но в действительности не принял никаких мер в полку против продолжавшегося братания»[456].

Интересно, что, помимо агитации за организованное братание, а также отказа от реализации мероприятий, направленных на его прекращение, полковник Крещенко способствовал развитию братания, отдавая соответствующие приказы[457]. Безусловно, подобная линия поведения временного командира 210-го пехотного Бронницкого полка, помимо прямого ущерба делу обороны, наносимого вследствие братания, углубляла раскол между солдатами и офицерами: «Сторонники полковника Крещенко заявляли офицерам: «Мы вам не верим, ибо вы нас не жалеете и не защищаете. Мы верим полковнику Крещенко, который ведёт нас по правильному пути»»[458]. Данный случай, когда проводником большевистских идей становился офицер такого ранга, особенно примечателен.

Участвовали большевики и в работе Совета армейских выборных. Их выступления на заседаниях 22 и 23 мая были опубликованы в «Известиях выборных Особой армии»[459]. Интерес представляет также статья капитана Бабина,

---

[455] Там же. Л. 8 об.
[456] Там же. Л. 9.
[457] Там же. Л. 9.
[458] Там же. Л. 8 об.
[459] Известия выборных Особой армии. 1917. № 44. 24 мая; № 45. 25 мая.

напечатанная в номере той же газеты от 28 мая, в которой деятельности В.И. Ленина и его идеям в целом давалась хотя и не безусловно, но в большей мере положительная оценка: «Если мы Совет [рабочих и солдатских депутатов] и Правительство признаем за настоящее, за то, что нужно сегодня России, то тогда Николай 2-й будет нашим неизбежным и уже отжившим прошлым. То тогда Ленина мы должны будем признать, как наше далёкое, но вполне возможное будущее. Ленин сейчас для России **явление несвоевременное** (выделено в документе, – С.К.). Только поэтому он кажется несуразностью для наших дней»[460]. Вместе с тем, весной 1917 г. влияние большевиков в Особой армии было ещё относительно слабо, хотя и имело тенденцию к усилению.

Настроения же основной массы солдат в определённой мере выразил представитель Особой армии на Всероссийском совещании делегатов Советов рабочих и солдатских депутатов, прошедшего в Петрограде с 28 марта по 3 апреля, рядовой Новицкий, который, в частности, сказал: «Армия – это именно пролетариат или крестьянство, весь народ угнетённый. Он рад, что получил свободу, но всё-таки он позорного мира не желает»[461]. А именно с идеей «Мир любой ценой» зачастую и было связано развитие братания. Вместе с тем, следует отметить, что, хотя солдат Новицкий стремился выразить мнение основной массы военнослужащих Особой армии, по-видимому, ему в большей мере удалось отразить точку зрения членов солдатских комитетов, имевших более полное представление о целях России в войне. Основная же масса солдат, хотя весной 1917 г. и не формулировала лозунг «Мир во что бы то ни стало», но, по крайней мере, стремясь к снижению интенсивности боевых действий, не задумывалась об условиях, на которых мир может быть заключён. По нашему мнению, это стало одной из важных причин развития братания в рассматриваемый период.

Подводя итоги, следует отметить, что братание (или попытки к нему) в Особой армии хотя и отмечалось с первых чисел марта, тем не менее развива-

---

[460] Там же. № 48. 28 мая.

[461] ГА РФ. Ф. Р-6977. Оп. 1. Д. 4. Л. 34; Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов: стенографический отчёт. С. 61.

лось медленнее и не приобрело столь стихийных форм, какие наблюдались в соседней 11-й армии. В значительной степени это было обусловлено составом противостоящей Особой армии группировки войск Четверного союза, в которой более половины составляли германские дивизии. Во многом это придавало братанию на данном участке Юго-Западного фронта более контролируемый со стороны австро-германского командования характер. В целом же к началу лета на фронте Особой армии количество эпизодов братания, исходя из имеющихся источников, было сведено к минимуму.

11-я армия. Следует начать изучение положения в 11-й армии с её краткой характеристики. Полевое управление образовано в сентябре 1914 г. в качестве управления Осадной армии (для взятия австро-венгерской крепости Перемышль). К октябрю 1914 г. преобразована в 11-ю армию. Входила в состав Юго-Западного фронта. Штаб армии в первой половине 1917 г. располагался в г. Кременец, к осени был перемещён в Староконстантинов. Пост командующего армией в разное время занимали: генерал от инфантерии А.Н. Селиванов (21 октября 1914 г. – 5 апреля 1915 г.); генерал от инфантерии Д.Г. Щербачёв (5 апреля – 19 октября 1915 г.); генерал от кавалерии В.В. Сахаров (25 октября 1915 г. – октябрь 1916 г.); генерал от инфантерии В.Н. Клембовский (октябрь – 20 декабря 1916 г.); генерал от инфантерии Д.В. Баланин (20 декабря 1916 г. – 5 апреля 1917 г.); генерал-лейтенант А.Е. Гутор (15 апреля – 21 мая 1917 г.); генерал от инфантерии И.И. Федотов (22 мая – 4 июня 1917 г.); генерал от кавалерии И.Г. Эрдели (4 июня – 9 июля 1917 г.); генерал от инфантерии П.С. Балуев (9 – 19 июля 1917 г.); и.д. командующего армией генерал-лейтенант Ф.С. Рерберг (19 июля – 29 августа 1917 г.); генерал лейтенант М.Н. Промтов (9 сентября – 1 декабря 1917 г).

Теперь перейдём к основной теме параграфа. В 11-й армии в рассматриваемый период братание и близкие к нему формы контактов также получили широкое распространение. В этой связи необходимо подчеркнуть, что весть о падении монархии в России вызвала у австро-германского командования и

войск в целом позитивную реакцию[462]. Следует отметить, что на фронте 11-й армии, как и в других армиях Юго-Западного фронта, первым случаям братания предшествовала пропагандистская работа австро-германской стороны – различными способами распространялись прокламации, выставлялись плакаты[463]. По данным же, зафиксированным в сводках штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта, а также штаба командующего 11-й армией, в марте на участке армии имели место следующие эпизоды: против северной части Гржималувка, а также в районе с. Ставки (22 марта); в районе Баткув (27 марта); против Ляходувской переправы (29 марта)[464].

Однако данный перечень далеко не полон. К примеру, командир 14-го Финляндского стрелкового полка уже 23 марта составил два донесения, направленные начальнику 4-й Финляндской стрелковой дивизии генерал-лейтенанту В.И. Селивачёву «… о начавшемся знакомстве наших и австрийских солдат; положение ненормальное, а посему приказал запретить и строго следить»[465]. Но уже 27 марта генерал В.И. Селивачёв записал: «… в 11 часов вновь в 14[-м] Ф[инляндском] с[трелковом] п[олку] выходили солдаты из окопов для разговоров с австрийцами, о чём мне сообщил к[оманди]р 3[-ей] артил[лерийской] бригады. Полковник Давыдов, открыв огонь по разговаривавшим, счёл, однако, необходимым умолчать об этом, и, когда я спросил, для чего он скрывает факт, он ответил, что до сих пор не имеет донесения от командира батальона – это с 11 до 17 часов-то, – но что австрийцы передали нашим прокламацию, которую он представил мне»[466].

Небезынтересны также способы, использовавшиеся австро-германской стороной с целью спровоцировать братание. К примеру, в окопах, недалеко отстоящих от позиций наших войск военнослужащие армий германского блока в некоторых случаях демонстрировали поведение, явно не соответствовавшее

---

[462] РГВИА. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 521. Л. 25.
[463] См.: там же. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 169–170, 173.
[464] Там же. Л. 219, 221, 229, 235.
[465] *Селивачёв В.И.* Из дневника ген. В.И. Селивачёва // Красный архив. 1925. Т. 2 (9). С. 126.
[466] Там же. С. 127.

условиям военного времени: «Против северной части Гржималувка в окопах противника в течение дня слышался шум, пение, а с 10 до 12 часов был выставлен белый флаг»[467]. Иногда призыв к братанию или близким к нему формам контактов мог доставляться в письменном виде. Так 30 марта «… из австрийских окопов вновь в 14-й Ф[инляндский] стр[елковый] полк переслали воззвание с приглашением сегодня, в пятницу (31 марта, – С.К.), прислать депутата для переговоров с ручательством, что прибывшему ничего дурного сделано не будет»[468]. Интересно, что в оперативных сводках штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта приведённые выше факты братания (или попыток к нему), имевшие место в 11-й армии, не отражены.

В апреле, начиная со дня Пасхи, братание на фронте 11-й армии нарастало. Случаи братания (или попытки к нему – источники, вследствие лаконичности сообщений, не позволяют утверждать однозначно), были зафиксированы в районе 6-го армейского корпуса (1 апреля); на всём фронте армии (2 апреля)[469]; на участке Берлинская переправа, севернее Хатки (3 апреля)[470]; на участке 6-го армейского корпуса в районе Зборова (8 апреля)[471]; против отметки 418, южнее Хукалиовце (9 апреля)[472]; на фронте 5-го армейского корпуса в районе Дзиковина, а также на участке 32-го армейского корпуса в районе Пониковина (10 апреля)[473]; на фронте 6-го армейского корпуса в районе Юзефовка (21 апреля)[474]. Однако этот перечень неполон, поскольку факты братания (или попытки его начать) отмечались и в журналах военных действий различных полков[475].

К началу мая дисциплина в 11-й армии существенно ослабла, на что, в числе прочего, указывает письмо штаб-офицера 22-й Сибирской стрелковой

---

[467] РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 219.
[468] *Селивачёв В.И.* Из дневника ген. В.И. Селивачёва // Красный архив. 1925. Т. 2 (9). С. 129.
[469] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 61, 67.
[470] Там же. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 256.
[471] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 72; Русский инвалид. 1917. № 83. 11 апреля.
[472] РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 285.
[473] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 95.
[474] Там же. Ч. 2. Л. 187.
[475] См. напр.: там же. Ф. 2653. Оп. 2. Д. 244. Л. 19, 20; Ф. 2751. Оп. 2. Д. 852. Л. 13–13 об.; Ф. 3089. Оп. 1. Д. 5. Л. 17 об. –18; Ф. 3109. Оп. 1. Д. 2. Л. 21 об. –22.

дивизии (5-й Сибирский армейский корпус)[476]. Братание на фронте этой армии оставалось также весьма интенсивным, о чём свидетельствует, в частности, сообщение, содержащееся в письме офицера 1-го гвардейского корпуса родным: «Армия погибает. Теперь вид войск такой же, как в Петрограде. … Войну продолжать не хотят – братаются с немцами. … Боевых действий нет никаких – фактическое перемирие»[477]. Случаи братания в указанный месяц отмечены: 1 мая – несколько попыток на фронте армии[478]; на участке 6-го армейского корпуса был зафиксирован целый ряд эпизодов: 2 мая (два факта), 3, 9 мая в районе Пресовце[479]; 23 мая в районе Юзефувка[480]; 29 мая на участке 5-го Сибирского армейского корпуса, в районе д. Холубица[481]; 30 мая на фронте 1-го Туркестанского армейского корпуса[482].

Здесь необходимо остановиться на некоторых из приведённых выше эпизодов подробнее. Братания в день празднования православной Пасхи, как уже отмечалось, к 1917 г. стали традиционными. Однако 2 апреля 1917 г. они приобрели небывалый ранее размах. Так, в оперативной сводке штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта № 1328 от 3 апреля отмечалось: «[В] 11[-й] армии [на] всём фронте армии отдельные люди и небольшие кучки австрийцев выходили из окопов и делали всевозможные попытки вступить [в] переговоры [с] нашими солдатами. Встречаемые нашим огнём, австрийцы быстро скрывались [в] своих окопах»[483]. В разведывательной же сводке штаба 11-й армии за 3 апреля, в частности, говорилось: «На участке Берлинская переправа, что севернее Хатки, замечены поверх окопов солдаты противника в австрийской форме»[484]. Сведения, имеющиеся в разведывательной сводке, более

[476] РГИА. Ф. 948. Оп. 2. Д. 28. Л. 48 об.
[477] Из офицерских писем с фронта в 1917 г. // Красный архив. 1932. Т. 1–2 (50–51). С. 206.
[478] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 2. Л. 272.
[479] Там же. Л. 273, 277, 324,
[480] Там же. Д. 193. Ч. 1. Л. 108.
[481] Там же. Л. 168.
[482] Там же. Л. 176.
[483] Там же. Д. 192. Ч. 1. Л.67.
[484] Там же. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 256.

обтекаемы: не упоминается о том, что попытки к братанию прекращались огнём, но и не говорится, состоялось ли братание.

По всей видимости, данная информация, приведённая в обеих сводках, далеко не в полной мере отражает действительность, т. к. инициатива пасхальных братаний была обоюдной. В этой связи в качестве примера можно привести лишь два свидетельства, оставленных деятелями, которые принадлежали к противоположным политическим партиям. Так председатель армейского комитета 11-й армии прапорщик-большевик Н.В. Крыленко отмечал: «… после первого дня Пасхи, когда всегда на фронте, даже при Николае, прекращалась стрельба, армия получила возможность не стрелять, и теперь – не было такой силы, которая вновь бы заставила стрелять, и само собой установилось перемирие на всём фронте. Немцы не стреляли тоже. А отсюда уже был один шаг до братания»[485]. А в докладе членов Государственной думы А.М. Масленникова и П.М. Шмакова, посетивших в том числе и части 11-й армии, говорилось, в частности, что в 1-м гвардейском корпусе «… на Пасху … братания приняли прямо уродливые формы»[486]. Однако в некоторых полках солдаты пресекали попытки австро-германской стороны к братанию даже в дни Светлого Праздника. Так, на участке 23-го Сибирского стрелкового полка (6-я Сибирская стрелковая дивизия, 5-й Сибирский армейский корпус) в день Пасхи братание не было зафиксировано[487], а 4 апреля «…около 15 час[ов] нашим двум разведчикам удалось захватить в плен немца-кадета 83-го полка, который решился было подойти к нашим окопам с пачкой газет, пленника препроводили в штаб бригады»[488]. Более того, на следующий день, 5 апреля имел место следующий инцидент: «В 14 часов на участке 11-й роты один австриец высунулся из окопа, предлагая папиросы, но был убит нашим стрелком, после этого австрийцы не высовывались из окопа, кричали: «Нехорошо, пан, одного убивать! Что, пан, одного убил, а больше и разговаривать не хочешь?!». Больше попыток со сто-

[485] *Крыленко Н.В.* Почему побежала русская революционная армия. Петроград, 1917. С. 21–22.
[486] Цит. по: *Головин Н.Н.* Россия в Первой мировой войне. М., 2014. С. 507.
[487] РГВИА. Ф. 3357. Оп. 1. Д. 71. Л. 5.
[488] Там же. Л. 5.

роны противника вступить в какие-либо разговоры с нашими стрелками не повторялись»[489].

Заслуживает особого внимания тот факт, что солдаты, побывавшие в расположении противника, опрашивались представителями военной разведки[490]. Весьма примечательно, что некоторые наши солдаты не только побывали в расположении австро-венгерских войск, но и имели возможность общаться с жителями населённых пунктов, от которых также получали некоторые сведения[491]. Таким образом, разведывательные службы пытались извлекать из имевших место фактов братания хотя бы некоторую пользу для дела обороны.

Обращает на себя внимание тот факт, что, по-видимому, на фронте 11-й армии имело место большее количество случаев стихийного или, по крайней мере, недостаточно контролируемого австро-германским командованием братания. Так, согласно воспоминаниям председателя солдатского комитета 138-го пехотного Болховского полка Я.И. Кальницкого «днём в бинокль, а в ясную погоду и невооружённым глазом можно было наблюдать, как между двумя враждебными линиями появлялись серовато-синие и серовато-зелёные фуражки, которые гуляли под руку, собирались в толпы, ходили в те и другие окопы»[492]. В этой связи следует отметить, что, к примеру, 13 апреля «в ... 23-м Финляндском [стрелковом] полку (6-я Финляндская стрелковая дивизия, 49-й армейский корпус, – С.К.) весь день происходило братание»[493]. Также, по сведениям, имеющимся в разведывательной сводке № 4511 от 31 марта «… Принятые в районе Ярославице два перебежчика 273[-го] герм[анского] полка … на опросе [в] штакор показали: … С 29 на 30 марта 32[-й] л[ан]дв[ерный] герм[анский] полк должен был, будто, сменить 1-й и 3-й батальоны 273[-го] полка, стоявшие у Ярославице. Батальоны эти должны будут идти к Злота Гура для участия [в] предполагаемой на днях атаке этой горы, при этом людям, будто, объяснили,

[489] Там же. Л. 5.
[490] Там же. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 309–310.
[491] Там же. Л. 309.
[492] *Кальницкий Я.И.* От Февраля к Октябрю: воспоминания фронтовика. Харьков, 1924. С. 25.
[493] РГВИА. Ф. 2751. Оп. 2. Д. 852. Л. 13–13 об.

что посылают их туда в виде наказания за отказ стрелять по русским, ходившим последние дни распутицы по верху окопов, ибо русские также не стреляли по их людям»[494]. Однако данная операция австро-германских войск так и не состоялась. По словам перебежчиков, «Атака Злота Гуры, в районе которой были сосредоточены к 1-му апреля 273[-й] рез[ервный] герм[анский] и 29[-й] л[ан]дв[ерный] австр[ийский] полки и ударные команды других полков, была отложена по двум причинам: 1 / из-за перебега на нашу сторону накануне атаки двух эльзасцев 273[-го] рез[ервного] герм[анского] полка и 2 / из-за отказа германцев и австрийцев наступать в первые дни наших праздников»[495]. Кроме того, в работе А. Нордена приведено сообщение участника событий Ф. Майера, который был солдатом 25-го резервного егерского батальона 197-й германской пехотной дивизии. В нём автор описал эпизод братания, произошедший в районе Злочува в апреле[496]. Эти факты позволяют утверждать, что степень боеспособности не только австро-венгерских, но даже германских частей, противостоящих 11-й армии, была заметно снижена. По-видимому, этому в определённой степени способствовало братание с русскими солдатами. Однако нельзя говорить о полной утрате дисциплины в австро-венгерской армии. Так, в 11-м пехотном Псковском полку инициаторами братания выступили русские солдаты[497], а относительно поведения австрийцев поручик Д.П. Оськин отмечал: «Через какие-нибудь полчаса (после начала братания, – С.К.) весь 3-й батальон (11-го пехотного Псковского полка, – С.К.) был впереди окопов, причём со стороны австрийцев народу было значительно меньше. Видимо, часть австрийских солдат осталась в своих окопах с оружием, будучи настороже»[498].

Следует отметить, что, в разведывательной сводке от 7 апреля зафиксирован примечательный факт: «… В районе выс[оты] 312, что севернее Яснувского леса, в окопах противника был слышен шум и спор, здесь же неприятель

---

[494] Там же. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 241, 259; Ф. 2148. Оп. 1. Д. 521. Л. 41.
[495] Там же. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 521. Л. 45 об.
[496] *Норден А.* Между Берлином и Москвой. К истории германо-советских отношений… С. 84.
[497] *Оськин Д.П.* Записки прапорщика // *Падучев В.* Записки нижнего чина. *Оськин Д.* Записки прапорщика. М., 2014. С. 257–258.
[498] Там же. С. 259.

обстреливал нас тяжёлыми снарядами, по прекращению стрельбы прекратился и шум, и из окопов австрийцы кричали, что их пришли сменять немцы»[499]. Данная информация согласовывалась со сведениями о смене частей, которыми располагало разведывательное отделение 11-й армии[500]. Приведённый эпизод, по всей видимости, свидетельствует о всё более нараставшей неприязни между германскими и австро-венгерскими военнослужащими, о чём неоднократно сообщали перебежчики и пленные[501]. Иногда эта напряжённость во взаимоотношениях между солдатами стран германского блока выливалась и в вооружённые столкновения[502].

Вместе с тем, следует отметить, что подобные сообщения австрийцев о готовящихся с их стороны операциях на фронте 11-й армии были не единичны. К примеру, в районе 138-го пехотного Болховского полка в русские окопы «… австрийцы бросили бутылку с запиской, в которой предупреждали, что на рассвете будет взорвана наша первая линия. Мы доложили об этом начальству, и первый батальон перевели во вторую линию, а на рассвете, часов в пять, действительно взлетела на воздух верхушка Золотой горы вместе с первой линией окопов»[503]. Весьма вероятно, что такого рода сообщения делались действительно без ведома командного состава армии Австро-Венгрии. Однако с не меньшей долей вероятности они могли носить провокационный характер и делаться с целью убедить русских солдат в миролюбии войск Четверного союза. Вероятно, что в разных случаях и на различных участках фронта рассматриваемой армии преобладала то первая, то вторая мотивация. Необходимо также сказать, что австро-германское командование принимало меры для прекращения неконтролируемого им братания, имевшего место на некоторых участках фронта 11-й армии[504].

---

[499] РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 278.
[500] Там же. Л. 279.
[501] См. напр.: там же. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 856. Л. 312.
[502] См. напр.: там же. Л. 259, 265.
[503] *Кальницкий Я.И.* От Февраля к Октябрю: воспоминания фронтовика. С. 25.
[504] РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 336.

Таким образом, исходя из имеющихся документов, можно сделать вывод, что на участке 11-й армии весной – в начале лета имела место своеобразная «чересполосица»: «… австрийцы, усердно работая над разложением нашей армии, не уберeглись и сами от заразы разложения и в данное время не смогут с полным правом назвать свою армию боеспособной. По крайней мере, то, что наблюдается в австрийских частях перед фронтом армии, по характеру близко приближается к состоянию наших войск; германские части находятся в ином состоянии: братания нет, артиллерия продолжает свою обычную деятельность»[505]. Однако германских частей на фронте 11-й армии весной 1917 г. было немного. Исходя из разведывательных данных, здесь находилось около 3,5 немецких дивизий[506].

Следует также обратить внимание на то, что различные соединения австро-венгерских вооружённых сил были неодинаковы по своему боевому потенциалу. Во многом настроение, а следовательно, и боевые качества того или иного соединения определялось его национальным составом: «Самыми боеспособными пехотными частями австро-венгерского войска считаются Босно-Герцеговинские, ландверные и императорские тирольские егерские ландверные горные полки и части, укомплектованные венграми; худшими – части, укомплектованные народностями, расположенными в пользу России, как то – чехами, русинами, румынами, правосл[авными] сербами, итальянцами и др. Полки, укомплектованные австрийскими немцами, не отличающимися особой воинственностью, на плохом счету»[507]. По-видимому, такие различия в степени боеспособности того или иного подразделения австро-венгерской армии влияли и на характер братания на их участках. Так, исходя из состава группировки австро-венгерских войск, противостоящих 11-й армии (см.: Приложение № 2), можно предположить, что в большей мере предрасположенными к стихийному братанию были те части, в которых преобладали представители в большей или

[505] Революционное движение в русской армии, 27 февраля – 24 октября 1917 года... С. 72.
[506] РГВИА. Ф. 2158. Оп. 1. Д. 189. Л. 266–266 об., 286–286 об., 326–326 об., 400–400 об.
[507] Там же. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 521. Л. 26.

меньшей степени пророссийски настроенных народов, а именно 106-й ландверной дивизии (чехи, поляки), 70-го и 6-го полков 32-й дивизии (сербы), части 19-й дивизии (преимущественно чехи, сербы), 85-го полка 27-й дивизии (румыны и русины)[508]. Не исключена возможность участия в стихийном братании и военнослужащих частей австро-венгерской армии со средним боевым потенциалом: 38-й гонведной дивизии (румыны, венгры), 46-й ландверной дивизии (поляки, немцы, чехи), 25-й дивизии (австрийские немцы и батальон итальянцев), 4-й кавалерийской дивизии (поляки, русины, румыны)[509]. Однако на их участках фронта могло иметь место и организованное командованием войск Четверного союза братание. Мало предрасположенными к стихийному братанию были соединения армии Австро-Венгрии с наибольшим боевым потенциалом, как то: части 33-й дивизии (преимущественно венгры), 27-й дивизии без 85-го полка (преимущественно венгры), 86-го и 23-го полков 32-й дивизии (преимущественно венгры), 1-й Босно-Герцеговинский полк 19-й дивизии[510]. Если на их участках и были отмечены факты братания или попыток к нему, то, вероятнее всего, это происходило с санкции командного состава данных соединений. Таким образом, характер братания на фронте 11-й армии в значительной мере был обусловлен составом противостоящей ей австро-германской группировки, значительное число соединений которой были до определённой степени склонны к разложению, показателем которого и является стихийное братание. Однако австро-германское командование, борясь с таковым, стремилось использовать контролируемое им братание и близкие к нему формы контактов для оказания влияния на состояние русской армии.

Поскольку верховное командование стран германского блока понимало недостаточность внутренних резервов своих государств для достижения победы, то уже 12 декабря 1916 г. «… Четверной союз выступил с мирным предло-

---

[508] Там же. Л. 26.
[509] Там же. Л. 26; Ф. 2158. Оп. 1. Д. 189. Л. 266–266 об., 286–286 об., 326–326 об., 400–400 об.
[510] Там же. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 521. Л. 26; Ф. 2158. Оп. 1. Д. 189. Л. 266–266 об., 286–286 об., 326–326 об., 400–400 об.

жением»[511]. Следствием этого стала и работа, проводимая в австро-германских войсках[512]. Идеи мира вообще и сепаратного мира с Россией, в частности, должны были не только поддерживать боевой дух войск, якобы ведущих «оборонительную войну», но и распространяться при братании, убеждая русских солдат в миролюбии Австро-Венгрии и Германии. В этом смысле даже стихийное братание отчасти было полезно для стран германского блока.

Кроме того, по воинским соединениям австро-германских армий издавались приказы, в которых предписывалось организовывать братание с русскими солдатами[513]. Также во время братания 26 апреля на участке 3-го батальона 11-го пехотного Псковского полка «во главе австрийцев был молодой офицер»[514]. А в разведывательной сводке от 29 апреля сообщалось: «Захваченный 25 апреля на участке против д. Августовки пленный чех 75 имп[ерского] полка 19 австр[ийской] див[изии] на опросе [в] штакор показал: … Командир роты приказал им, чтобы они возможно чаще сходились с русскими солдатами и узнавали бы расположение русских частей в этом районе»[515].

Также во время братания «… иногда видно было, как с той стороны появлялся фотографический аппарат, и вокруг него толпились группы наших солдат, спешивших запечатлеть свои физиономии на бумаге»[516]. Как уже отмечалось выше, сделанные фотографии обрабатывались «…в соответствующих штабах»[517] для более детального изучения позиций российских войск. Потому, по-видимому, это и являлось причиной того, что снимки у русских солдат появлялись «как редкость»[518]. Примечательно, что даже изучение позиций русской армии, проводимое из австро-германских окопов, могло перейти в ту или иную форму контактов: «Против Звыжына около 12 часов была замечена в окопах противника группа людей 10–12 человек, одетых в форму, несколько напо-

[511] *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. С. 274.
[512] РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 273–275.
[513] Там же. Л. 268–270.
[514] *Оськин Д.П.* Записки прапорщика… С. 258.
[515] РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 345.
[516] *Кальницкий Я.И.* От Февраля к Октябрю: воспоминания фронтовика. С. 25.
[517] РГВИА. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 856. Л. 243 об.
[518] *Кальницкий Я.И.* От Февраля к Октябрю: воспоминания фронтовика. С. 25.

минающую форму наших гражданских инженеров, причём люди эти внимательно рассматривали наши окопы, и после того как один из них был убит огнём стрелков, послышались крики: «Русс, зачем убиваешь инженеров?»»»[519].

Следует также отметить, что на фронте 11-й армии, судя по имеющимся материалам, получила гораздо меньшее распространение, чем, к примеру, в 8-й армии, такая близкая к братанию форма контактов, как посылка «парламентёров». Попытка к таковой отмечена в оперативных сводках штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта только однажды, 10 апреля в 5-м армейском корпусе[520]. Сравнительно малое число случаев посылки «парламентёров» австро-германскими войсками, имевшее место на участке 11-й армии, по нашему мнению, свидетельствует о преобладании на её фронте классического братания как наиболее распространённой формы контактов, а значит и большей степени её разложения в сравнении с 7-й и 8-й армиями.

Необходимо отметить, что ещё одной силой, стремящейся стимулировать развитие братания, уже весной 1917 г. стала выступать партия большевиков, о чём, в частности, свидетельствует отчёт, сделанный комиссаром Временного правительства при 11-й армии И.И. Кириенко за период с 26 мая по 26 июня[521]. Интересно также то, что зачастую, в особенности до событий 3–5 июля в Петрограде, комиссары были склонны до некоторой степени оправдывать партию большевиков, снимая с неё изрядную часть вины за распространение антивоенной агитации[522]. Безусловно, обозначенная тенденция могла иметь место в повседневной реальности, однако первоисточником идей, в дальнейшем подвергавшихся указанной интерпретации, являлась партия большевиков, опасность деятельности которой, по-видимому, недооценивалась.

Следует также отметить, что успех распространения большевистских лозунгов был в большой степени обусловлен относительной слабостью контрпропаганды со стороны советов и высших комитетов, поскольку газеты, в которых

---

[519] РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 221–222.
[520] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 95.
[521] Там же. Ф. 366. Оп. 2. Д. 167. Л. 60–60 об.
[522] Там же. Л. 60 об.

отражалась бы официальная точка зрения, можно было найти с большим трудом, а тираж изданий фронтового и армейских комитетов был невелик[523]. Тем не менее и в «Известиях армейского комитета XI армии» публиковались статьи с критикой идей и действий большевиков[524]. Необходимо также отметить, что лица, распространявшие идеи большевиков, способствовали, кроме прочего, развитию братания. В том же отчёте комиссара И.И. Кириенко сообщалось: «Нам приходилось наблюдать таких «большевиков» в роли вожаков солдат, открыто, даже в дни наступления, братавшихся с немцами … Все они ссылаются на «Правды», все они пользуются аргументами «Правд», распространяемых иногда даже нелегальным путём»[525]. Не последнюю роль сыграло и то обстоятельство, что именно в 11-й армии действовал и прапорщик-большевик Н.В. Крыленко. Весной 1917 г. он состоял в солдатских комитетах различных уровней, в том числе и занимал пост председателя комитета этой армии, что, до определённой степени, облегчало его работу по распространению идей большевиков. Таким образом, необходимо констатировать, что влияние большевистских лозунгов на солдат 11-й армии неуклонно возрастало, являясь одной из причин развития братания на её фронте.

Подводя итоги, необходимо отметить, что на участке 11-й армии братание в рассматриваемый период носило массовый характер и далеко не всегда было организовано и контролируемо с австро-германской стороны, хотя работа в этом направлении имела место. Это позволяет говорить о значительной степени разложения частей рассматриваемой армии, показателем которого и является уровень развития братания. Несомненно, такое состояние 11-й армии стало одной из главных причин её неудачных действий в ходе Июньского наступления и Тарнопольского прорыва войск противника.

7-я армия. Прежде чем перейти к рассмотрению основной темы, следует кратко остановиться на характеристике 7-й армии. Её полевое управление было

---

[523] Там же. Л. 69–69 об.
[524] См.: Известия армейского комитета XI армии. 1917. № 27. 31 мая.
[525] РГВИА. Ф. 366. Оп. 2. Д. 167. Л. 60 об.

образовано в июле 1914 г. при штабе Одесского военного округа. С 17 июля по октябрь 1914 г. армия охраняла побережье Чёрного моря и границу с Румынией, не входя в состав какого-либо фронта. С октября 1914 г. входила в состав Юго-Западного фронта. К началу 1917 г. её штаб располагался в г. Бучач, после отступления из Галиции штаб армии некоторое время находился в Ярмолинцах[526]; затем в Дунаевцах (август – сентябрь)[527], хотя часть его учреждений в этот период функционировала в Каменце, Проскурове и Новой Ушице[528]; с октября – в г. Бар[529]. Командующие армией: генерал от артиллерии В.Н. Никитин (19 июля 1914 г. – 19 октября 1915 г.); генерал от инфантерии Д.Г. Щербачёв (19 октября 1915 г. – 11 апреля 1917 г.); генерал-лейтенант Л.Н. Белькович (13 апреля – 20 июня 1917 г.); генерал-лейтенант В.И. Селивачёв (26 июня – 9 сентября 1917 г.); генерал-лейтенант Я.К. Цихович (9 сентября – 3 декабря 1917 г.).

Теперь перейдём к рассмотрению братания непосредственно. В указанный период заметна тенденция к нарастанию братания в 7-й армии. Однако непосредственно его развитию предшествовали действия австро-германских войск, призванные, по нашему мнению, подготовить почву для контактов. Так уже 4–5 марта «… [В] районе леса Лысона (юго-восточнее Бжежаны) противник вывесил белые флаги; восточнее дер[евни] Липица Дольня им были выставлены 2 больших плаката с надписями о событиях в России»[530]. Также австро-германские военнослужащие активизировали распространение прокламаций на фронте 7-й армии[531], причём делалось это даже в несколько нестандартных ситуациях. Так, к примеру, в разведывательной сводке от 13 марта сообщалось: «На участке верхнего течения р. Быстрица Солотвинска при встрече с разведчиками противника последние уходят в своё расположение, разбрасывая про-

[526] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 293. Л. 2–22.
[527] Там же. Л. 27–372.
[528] Там же. Л. 254.
[529] Там же. Д. 195. Ч. 3. Л. 160.
[530] Там же. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 183. Л. 11; Ф. 2210. Оп. 1. Д. 332. Л. 166–167.
[531] Там же. Л. 34, 73 об., 81; Ф. 2210. Оп. 1. Д. 332. Л. 141, 166–167, 252; Ф. 2244. Оп. 1. Д. 394. Л. 69, 77.

кламации»[532]. Упомянутые действия австро-германских войск были безусловно направлены на подрыв дисциплины в русской армии.

Необходимо отметить, что, в отличие от других участков Восточноевропейского ТВД, на Юго-Западном фронте случаи братания были зафиксированы в штабе фронта относительно поздно. Так, согласно оперативным сводкам штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта, первая попытка братания на фронте отмечалась 29 марта в 16-м армейском корпусе 7-й армии, тогда как на Северном и Западном фронтах подобные случаи имели место уже в первые дни после падения монархии в России[533]. Обращает на себя внимание характер описываемого в сводке эпизода: «… около 17 часов противник открыл по нашим передовым окопам в районе Старе Богородчаны огонь из штурмовых орудий, во время которого было замечено замешательство в передовых окопах противника: часть австрийцев уходила в тыл, другая часть с белыми флагами пыталась приблизиться к нашим окопам, но австрийцы, обстрелянные своим же огнём, были принуждены вернуться в свои окопы»[534]. И хотя подобного рода случаев в документах этого типа в рассматриваемый период нами более не выявлено, можно, имея ввиду недостаточную полноту содержащейся в данном виде источников информации, сделать вывод, что определённое влияние на состояние войск Австро-Венгрии оказали революционные события в России, так как приведённый факт явно свидетельствует о стихийном характере этой попытки братания, пресечённой самими же австрийцами. Вместе с тем, не следует однолинейно оценивать влияние Российской революции на состояние войск Четверного союза. Первоначально весть о ней вызвала воодушевление и надежды на победу на Восточном фронте среди австро-германских войск[535]. Подобные надежды на исход войны на Восточном фронте питало и германское

[532] Там же. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 183. Л. 34.
[533] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 191. Ч. 3. Л. 393 об.
[534] Там же. Д. 192. Ч. 1. Л. 46; Ф. 2129. Оп. 1. Д. 183. Л. 81; Ф. 2244. Оп. 1. Д. 394. Л. 77; Русский инвалид. 1917. № 77. 2 апреля.
[535] РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 140. Л. 216, 273; Д. 183. Л. 5; Ф. 2210. Оп. 1. Д. 332. Л. 224 об.; Ф. 3318. Оп. 1. Д. 760. Л. 322.

командование[536]. Об этом же свидетельствуют и агентурные сведения Ставки за 15–21 апреля[537].

Однако рассмотренный эпизод, зафиксированный в оперативной сводке штаба Юго-Западного фронта от 31 марта, не был первым случаем братания в 7-й армии. Так, 25 марта сообщалось: «Прошлой ночью около 22 часов прапорщик 22[-го] Туркест[анского стрелкового] полка (2-я Заамурская пограничная пехотная дивизия, 33-й армейский корпус, – С.К.) Давбня, проверяя караулы по берегу Днестра, севернее острова Питрыч, слышал, как солдаты противника кричали в нашу сторону: «Во Львове бунт! Взбунтовалось десять тысяч солдат! Мы не хотим воевать»»[538]. Весьма вероятно, что эти крики из австро-германских окопов носили провокационный характер и имели целью завязать братание. Также, в 465-м пехотном Уржумском полку (117-я пехотная дивизия, 12-й армейский корпус) 26 марта произошло братание, подробно описанное в журнале военных действий полка[539]. Поводом к нему послужило празднование католической Пасхи[540], из чего можно предположить, что рост числа случаев братаний мог начинаться с дня Пасхи у западных христиан, когда у православных ещё шёл Великий пост, и продолжаться до православной Пасхи, которая в 1917 г. пришлась на 2/15 апреля. Попытка со стороны австро-венгерских войск на следующий день продолжить братание не имела успеха, т. к. солдаты 465-го пехотного Уржумского полка «… были предупреждены, что всякие попытки будут преследоваться огнём нашей артиллерии. Австрийцы снова появлялись группами на поверхности своих окопов, но попыток подходить к нашим окопам не было»[541].

Ещё один случай братания имел место 27 марта, причём в нём участвовали солдаты 468-го пехотного Нарымского полка (117-я пехотная дивизия, 12-й армейский корпус) и старший унтер-офицер 655-го пехотного Драгомирчанско-

---

[536] *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. С. 371.
[537] РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 140. Л. 257; Ф. 2256. Оп. 1. Д. 183. Л. 383 об.; ср.: ГА РФ. Ф. Р-6977. Оп. 1. Д. 17. Л. 1; Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов: стенографический отчёт. С.202.
[538] РГВИА. Ф. 2244. Оп. 1. Д. 371. Л. 28.
[539] Там же. Ф. 3010. Оп. 1. Д. 85. Л. 27–28 об.
[540] Там же. Л. 30.
[541] Там же. Л. 31–31 об.

го полка (164-я пехотная дивизия, 12-й армейский корпус) Л.И. Комаров. Примечательно то, что по этому факту было проведено дознание, а это, по-видимому, весной 1917 г. в отношении братаний случалось нечасто. Следует обратить внимание, что рассматриваемый эпизод был далеко не первым на данном участке 12-го армейского корпуса, так как опрошенный старший унтер-офицер Л.И. Комаров заявил: «При смене нашею ротою в ночь с 26 на 27 марта с/г [75-й пехотный] Севастопольский полк (19-я пехотная дивизия, 12-й армейский корпус, – С.К.) я случайно, из разговоров солдат [75-го пехотного] Севастопольского полка, слышал, что солдаты [468-го пехотного] Нарымского полка часто ходят в окопы противника и вступают с ним в разговоры»[542]. Главным же мотивом принять участие в братании для Л.И. Комарова, по-видимому, стало любопытство[543]. Содержание разговора с австрийцами, по словам Л.И. Комарова, не касалось военных вопросов[544]. Двое других солдат, согласно материалам дознания, непосредственного участия в братании не приняли[545]. Также стремление завязать братание отмечено и 31 марта на фронте 41-го армейского корпуса, перед его правым флангом[546]. Таким образом, исходя из имеющегося документального материала, можно наблюдать увеличение числа случаев братания или попыток к нему на фронте 7-й армии по мере приближения ко дню православной Пасхи[547].

Празднование Светлого Христова Воскресенья на фронте уже традиционно было ознаменовано всплеском братания. Но в условиях 1917 г., когда власть офицеров ослабла, оно приобрело небывалые масштабы. В оперативной сводке от 3 апреля в этой связи говорилось: «Днём перед фронтом всех корпусов (7-й армии, – С.К.) были обнаружены попытки небольших групп противника подходить [к] нашим окопам [с] белыми флагами для переговоров. Несмотря на ружейный и артиллерийский огонь, которым разгонялись эти мелкие партии, [в]

[542] Там же. Ф. 3130. Оп. 1. Д. 75. Л. 65.
[543] Там же. Л. 65.
[544] Там же. Л. 65–65 об
[545] Там же. Л. 65 об.
[546] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 54; ср.: Русский инвалид. 1917. № 78. 5 апреля.
[547] РГВИА. Ф. 2202. Оп. 1. Д. 87. Л. 254–254 об.; Ф. 2222. Оп. 1. Д. 433. Л. 325, 328–328 об.

течение дня нами было принято 27 перебежчиков, [в] том числе 23 перебежчика приняты [на] фронте 16 армейского корпуса»[548]. Исходя из этого, можно заключить, что братание происходило неравномерно на участках различных соединений. А в отдельных полках даже на Пасху братания не было[549]. И хотя командный состав, опасаясь взысканий со стороны начальства, мог скрывать такие факты, тем не менее нельзя не принимать во внимание данные, указывающие на отсутствие случаев братания в том или ином воинском соединении[550].

Необходимо отметить, что контакты между русскими солдатами и военнослужащими Четверного союза в канун Пасхи и после неё часто могли иметь, помимо религиозного, и ещё один немаловажный аспект – бытовой. Об этом, в частности, вспоминал участник тех событий Отто Мейер, служивший в 46-м пехотном полку 119-й германской пехотной дивизии. В итоге достигнутой между русскими и немецкими солдатами договорённости, по военнослужащим, идущим за пищей поверх траншей, затопляемых весной, обе стороны не открывали огонь[551]. Однако отдельные факты, приводимые Отто Мейером, дают повод усомниться в их достоверности. Так, в частности, он указывал, что во время братания «… мы давали кусок сухого хлеба, а русские – водку»[552]. Данное утверждение представляется сомнительным, поскольку в России с 1914 г. действовал сухой закон, и спиртные напитки в действующей армии появлялись, согласно документальным материалам, чаще всего благодаря австро-германским военнослужащим, передававшим их в ходе братания.

В течение апреля количество случаев братания на фронте 7-й армии заметно возросло. Так, на протяжении этого месяца братание фиксировалось в местности западнее Потуторы (3 апреля)[553]; «… на некоторых участках фронта

---

[548] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 67; Д. 288. Ч. 3. Л. 156; ср.: Ф. 2129. Оп. Д. 183. Л. 89; Ф. 2244. Оп. 1. Д. 395. Л. 4-5; Ф. 2256. Оп. 1. Д. 183. Л. 299 об.; Ф. 2290. Оп. 1. Д. 326. Л. 121 об.
[549] См. напр.: там же. Ф. 3116. Оп. 1. Д. 2. Л. 5 об.–7.
[550] Там же. Ф. 3012. Оп. 1. Д. 39. Л. 1.
[551] *Норден А.* Между Берлином и Москвой. К истории германо-советских отношений… С. 88–89.
[552] Там же. С. 89.
[553] РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 140. Л. 137.

(7-й армии, – С.К.)» (4–7[554] апреля), в том числе на фронте 637-го пехотного Кагызманского полка (160-я пехотная дивизия, 16-й армейский корпус) (4 апреля)[555]; в районе Шибалин – Свистельники (16 апреля)[556]; северо-восточнее м. Иезуполь (18 апреля)[557]; в районе шоссе Потуторы – Брзежаны (20 апреля)[558]; в районе Казаково (22 апреля)[559]; на правом фланге 22-го армейского корпуса, в районе Свистельники имели место неоднократные попытки (23 апреля)[560]; в районе Скоморохи (25 апреля)[561]; в районе Обренчевского леса, на участке 41-го армейского корпуса (26 апреля)[562].

Однако это далеко не полный перечень эпизодов братания в рассматриваемой армии. К примеру, в 468-м пехотном Нарымском полку (117я пехотная дивизия, 12-го армейский корпус) 10 апреля «… партия австрийцев появилась у своих проволочных заграждений, но была рассеяна огнём нашей артиллерии, выпустившей по ним очередь шрапнелью»[563]. А в 465-м пехотном Уржумском полку (117-я пехотная дивизия, 12-й армейский корпус) 13 апреля «в течение дня почти беспрерывно появлялись небольшие группы австрийцев и одиночные люди, которые, имея в руках газеты и прокламации и размахивая ими, кричали: «Русь, иди сюда»; группы эти разгонялись нашим артиллерийским огнём. Ружейного огня не было»[564]. Последнее обстоятельство, по нашему мнению, свидетельствует о сочувственном отношении солдат передовой линии к братанию.

Также стремление завязать братание отмечалось на фронте 159-й пехотной дивизии (22-й армейский корпус), в частности, в районе Ляс Казаково 16 апреля[565]. Ещё одним примером могут служить записи в журнале военных действий 466-го пехотного Малмыжского полка (117-я пехотная дивизия, 12-й

---

[554] Там же. Д. 183. Л. 96, 102.
[555] Там же. Ф. 3114. Оп. 1. Д. 2. Л. 14; Д. 5. Л. 25 об. –26.
[556] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 143; Д. 288. Ч. 4. Л. 236.
[557] Там же. Д. 192. Ч. 1. Л. 161.
[558] Там же. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 140. Л. 225; Ф. 2244. Оп. 1. Д. 395. Л. 47; Ф. 2256. Оп. 1. Д. 183. Л. 363 об.–364.
[559] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 2. Л. 195.
[560] Там же. Л. 202; Ф. 2244. Оп. 1. Д. 395. Л. 65.
[561] Там же. Л. 219.
[562] Там же. Л. 224.
[563] Там же. Ф. 3013. Оп. 1. Д. 53. Л. 6.
[564] Там же. Ф. 3010. Оп. 1. Д. 85. Л. 47 об.–48.
[565] Там же. Ф. 2222. Оп. 1. Д. 433. Л. 397, 401.

армейский корпус) от 27 и 28 апреля[566]. Также сведения о попытках к братанию содержатся в приказе 117-й пехотной дивизии № 74 генерал-майора П.И. Иванова от 27 апреля, в котором говорится о попытках завязать братание с солдатами 465-го пехотного Уржумского и 467-го пехотного Кинбурнского полков с 25 на 26 апреля[567]. Однако попытки со стороны австрийцев, по-видимому, не переросли в полноценное братание на участке означенных полков, по крайней мере, во время присутствия генерал-майора П.И. Иванова на позиции[568].

Необходимо обращает на себя внимание тот факт, что число эпизодов братания возрастает после 20 апреля, что, по-видимому, связано с двумя обстоятельствами: празднованием 1 мая, приходящегося на 18 апреля по старому стилю, а также обнародованием Ноты министра иностранных дел П.Н. Милюкова, ставшей катализатором нового всплеска братания на фронте. Однако и тогда братание имело место не во всех воинских соединениях 7-й армии[569]. В целом же на апрель, по нашим подсчётам, пришлось наибольшее число случаев братания в 7-й армии за рассматриваемый период.

Интересно, что в апреле, даже на Пасху и в течение недели после неё в ряде случаев пришедшие в расположение российских войск австро-германцы брались в плен. Наблюдалась как обыкновенная сдача в плен военнослужащих германского блока, чаще всего австро-венгерских[570], так и захват их в ходе братания[571]. В целом же в течение апреля из приведённого перечня эпизодов братания и близких к нему форм контактов, зафиксированных в штабе Юго-Западного фронта и 7-й армии, около половины закончилось взятием в плен австро-германских военнослужащих. Безусловно, проводя такого рода подсчёты, нельзя не принимать во внимание то, что в имевшихся в высших штабах мате-

[566] Там же. Ф. 3011. Оп. 1. Д. 60. Л. 5.
[567] Там же. Ф. 3010. Оп. 1. Д. 77. Л. 44.
[568] Там же. Л. 44.
[569] Там же. Ф. 3012. Оп. 1. Д. 39. Л. 1 и об.
[570] См. напр.: там же. Ф. 3114. Оп. 1. Д. 5. Л. 25.
[571] Там же. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 183. Л. 89; Ф. 2244. Оп. 1. Д. 395. Л. 4–5; Ф. 2256. Оп. 1. Д. 183. Л. 299 об.; Ф. 2290. Оп. 1. Д. 326. Л. 121 об.; Ф. 3114. Оп. 1. Д. 2. Л. 14; Д. 5. Л. 25 об.–26.

риалах не содержалось полной и детальной информации о количестве фактов братания. Туда поступала лишь обобщённая информация. Однако, даже с учётом того, что в реальной фронтовой обстановке процент случаев братания, окончившихся взятием в плен австро-германцев, был, по всей видимости, значительно ниже, чем показывают материалы штаба 7-й армии и Юго-Западного фронта, тем не менее, количество эпизодов, завершившихся пленением военнослужащих стран германского блока, было ощутимым. Эти факты свидетельствуют о том, что, хотя и братание в апреле, в особенности на Пасху 1917 г. отличалось небывало широким распространением, тем не менее значительная, если не подавляющая часть солдатской массы 7-й армии не перестала воспринимать австро-германских военнослужащих как противников. Следствием этого стало, по нашему мнению, то, что солдаты не препятствовали задержанию австро-германцев, приходивших для братания и агитации.

Об этом же свидетельствует и факт, имевший место непосредственно на Пасху 2 апреля: «Сегодня днём против селения Селец разведчиками 3[-го] Заамурского [пограничного пехотного] полка захвачены в плен 4 офицера и 1 унтер-офицер 8-го австрийского ландверного полка»[572]. Как впоследствии оказалось «…пленные составляют весь командный состав Яхт-компании («ягд-коммандо» – разведывательно-поисковая партия, – С.К.) 8-го ландверного австрийского полка 21[-й] ландверной дивизии, группы Гадфи, армии Кирбах фон-Лаутербах»[573]. Таким образом можно заключить, что даже на Пасху, в разгар братания, локальные операции на фронте 7-й армии имели место.

В мае количество братаний в 7-й армии в целом снизилось в сравнении с апрелем. По материалам штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта зафиксированы следующие эпизоды: в районе к востоку от Липица Дольная (13 мая)[574]; в 16-м армейском корпусе в районе западнее Богородчаны

[572] Там же. Ф. 2244. Оп. 1. Д. 372. Л. 3.
[573] Там же. Л. 5; Ф. 2129. Оп. 1. Д. 183. Л. 91; Ф. 2244. Оп. 1. Д. 395. Л. 7.
[574] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 1. Л. 10.

(22 мая)[575]; в 33-м армейском корпусе в районе восточнее Иезуполь (22 мая)[576]; на левом фланге 33-го армейского корпуса в районе д. Ямница (30 мая)[577].

Эту информацию дополняют сведения, имеющиеся в оперативных сводках корпусов. Так, братание и иные формы контактов имели место в 22-м армейском корпусе 1[578] и 2 мая; 4 и 6 мая (попытка к братанию и непосредственно братание в районе высот 417, 419); северо-восточнее Свистельники (11 мая); на фронте 1-й Финляндской стрелковой дивизии (22-й армейский корпус) (13 мая) и, в частности, в районе Ляс Козаково (21 мая) – попытки к братанию[579]. Стремление солдат к братанию отмечено в начале мая и на участке 3-го Кавказского армейского корпуса, в частности, в 162-й пехотной дивизии[580].

Следует отметить, что в июне в оперативных сводках штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта не зафиксировано случаев братания. Вместе с тем, необходимо обратить внимание, что, хотя, согласно семидневной разведывательной сводке, на участке 22-го армейского корпуса к 3 июня «Братание на фронте совершенно прекратилось. Со стороны противника не наблюдалось более попыток к братанию и к распространению прокламаций через своих делегатов»[581], однако это не значит, что в 7-й армии действий, направленных на возобновление братания, не было. Так, например, в первой половине июня в 9-м Финляндском стрелковом полку (3-я Финляндская стрелковая дивизия, 22-й армейский корпус), исходя из доклада комиссара при 7-й армии Б.В. Савинкова военному министру от 15 июня, «… ещё на днях были отдельные случаи братания»[582], а на правом боевом участке 465-го пехотного Уржумского полка 2 июня в 2 часа 30 минут утра шла ружейная перестрелка, «…во время перерыва которой на участках 6 и 7 рот (уч[астки] 3 и 4) со стороны противника

---

[575] Антивоенные выступления на Русском фронте в 1917 году глазами современников (воспоминания, документы, комментарии) / авт. сост. С.Н. Базанов. М., 2010. С. 101.
[576] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 1. Л. 3.
[577] Там же. Л. 176.
[578] Там же. Ф. 2222. Оп. 1. Д. 433. Л. 487.
[579] Там же. Л. 495, 505, 510, 544–544 об., 551, 611.
[580] Там же. Л. 508, 512.
[581] Там же. Л. 720 об.
[582] Там же. Ф. 366. Оп. 2. Д. 167. Л. 30.

слышались возгласы: «Пан, не стреляй, давай мириться», «Доброе утро, пан» и другие. На возгласы эти с нашей стороны отвечали ружейными выстрелами. Попыток к сближению с противником со стороны наших солдат не было»[583]. Вместе с тем стоит сказать, что в летние месяцы 1917 г., в особенности же с кануна наступления, начавшегося 18 июня, случаи братания на всём Юго-Западном фронте стали весьма редки. Но в отдельных соединениях они всё же имели место. Так, в отчёте командира 33-го армейского корпуса генерал-лейтенанта М.К. Самойлова командующему 7-й армией генерал-лейтенанту В.И. Селивачёву от 26 июня сообщалось: «Настроение 13-го [Заамурского пограничного пехотного] полка (4-я Заамурская пограничная пехотная дивизия, 33-й армейский корпус, – С.К.) неопределённое. В полку были случаи братания»[584].

Необходимо отметить, что братание уже весной 1917 г. могло принимать различные формы. Ряд эпизодов, не являющихся по форме классическим братанием, но по своим целям и способу реализации близким к нему, имели место на фронте 7-й армии. Так, 18 апреля «…Сев[еро-] вост[очнее] м. Иезуполь к нашим окопам подходил австрийский офицер [с] солдатами [с] предложением выслать на зап[адный] берег Днестра парламентёров, после отказа австрийцы ушли [в] свои окопы, оставив [на] левом берегу Днестра пачку прокламаций»[585]. А согласно разведывательной сводке № 12518, полученной в штабе Юго-Западного фронта, 20 апреля в районе шоссе Потуторы – Брзежаны были «… задержаны пришедшие в наши окопы фельдфебель и солдат 104[-го] германского резерв[ного] полка 24[-й] резерв[ной] герман[ской] дивизии»[586]. Данные эпизоды свидетельствуют о том, что уже весной 1917 г. посредством братания и близких к нему форм контактов (посылке «парламентёров») австро-германское командование стремилось добиться своих целей, главными из которых были: разведка позиций российских войск, стимулирование среди солдатских масс стремления к миру и усиление разложения русской армии.

---

[583] Там же. Ф. 3010. Оп. 1. Д. 77. Л. 308.
[584] Антивоенные выступления на Русском фронте в 1917 году глазами современников… С.157–158.
[585] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 161.
[586] Там же. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 140. Л. 225; Ф. 2244. Оп. 1. Д. 395. Л. 47; Ф. 2256. Оп. 1. Д. 183. Л. 363 об.–364.

Также, более полно понять специфику характера братания в 7-й армии позволяет анализ национального состава противостоящих ей австро-германских воинских соединений в рассматриваемый период (см.: Приложение № 2). В середине февраля – апреле на её фронте действовало около 5 германских, около 8,5 австро-венгерских, а также 2 турецкие дивизии[587]. Необходимо отметить, что фактов братания с турецкими военнослужащими нами выявлено не было. Что касается участков, занятых немецкими полками, то здесь стихийное братание было маловероятно, поскольку в германской армии, достаточно монолитной по своему национальному составу, весь период войны сохранялась строгая дисциплина. Поэтому случаи братания с немецкими военнослужащими вероятнее всего имели характер организованных операций.

Что же касается частей фронта, где 7-й армии противостояли австро-венгерские дивизии, то тут ситуация была менее однозначна. Во многом боевой потенциал того или иного полка зависел от его национального состава. В армии Двуединой монархии проходило службу большое количество представителей различных народов, отношение которых к войне с Россией было неодинаковым. Так на фронте 7-й армии находилось 13 полков и один егерский батальон, в которых заметную долю составляли венгры. Большая часть этих соединений была смешанного состава. Чаще всего венгры были объединены с румынскими комбатантами, реже - с представителями других наций и народностей. Однако имелось и четыре полка, состоявших исключительно из венгров. Предположительно на фронте рассматриваемой армии присутствовал и Сводный Босно-Герцеговинский батальон[588]. Все перечисленные соединения отличались высоким боевым потенциалом. И хотя среди румынских солдат австро-венгерских дивизий могли иметь место пророссийские настроения, такого рода проявления могли быть пресечены венгерскими военнослужащими. Поэтому на участках, занимаемых рассмотренными частями, стихийное братание было маловероятным.

---

[587] Там же. Ф. 2158. Оп. 1. Д. 189. Л. 266 об.–267 об.; 286 об.–287 об.; 326 об.–327 об.; 400 об.–401 об.
[588] Там же. Л. 266 об.–267 об.; 286 об.–287 об.; 326 об.–327 об.; 400 об.–401 об.

Также против 7-й армии действовало шесть полков, входивших в состав трёх различных дивизий, личный состав которых включал австрийских немцев и чехов[589]. Боевой потенциал таких соединений был на порядок ниже, а среди чехов традиционно имели место пророссийские настроения, хотя и несколько уменьшившиеся к 1917 г. Однако вероятность стихийного братания и на участках этих полков была не слишком велика, поскольку чешские комбатанты находились под наблюдением со стороны австрийских немцев.

Вместе с тем, на исследуемом участке Юго-Западного фронта действовало пять полков и один егерский батальон (14-й егерский батальон 30-й австрийской пехотной дивизии), состоявшие из поляков и русин, а также четыре полка различных дивизий, основную массу солдат которых составляли сербы и хорваты. Кроме того, полки 42-й австрийской гонведной дивизии состояли из представителей этих же народов[590]. И хотя австро-венгерским командованием принимались меры к недопущению перебегания и неконтролируемых контактов с русскими солдатами, на участках этих соединений вероятность таковых была выше. Таким образом, на большей части фронта 7-й армии возможность возникновения стихийного братания была не слишком велика.

О том же, что братание организовывалось и использовалось австро-германской стороной в целях разведки существует целый ряд документальных свидетельств. К примеру, 26 марта в ходе братания в 465-м пехотном Уржумском полку имела место и разведывательная деятельность со стороны австрийцев: «Пришли два перебежчика, из коих один 16[-го], а другой 78[-го] полка. Последний показал, что с ним вместе был … около наших проволочных заграждений австрийский лейтенант, который снимал и осматривал позицию …, а потом ушёл обратно в свои окопы»[591]. Также пленные «… 93[-го] импер[ского] полка 5[-й] австрийской дивизии, принятые 5 апреля [в] районе Пороги, показали, что получен секретный приказ: русских, пытающихся вступать [в] перегово-

[589] Там же. Л. 266 об.–267 об.; 286 об.–287 об.; 326 об.–327 об.; 400 об.–401 об.
[590] Там же. Л. 266 об.–267 об.; 286 об.–287 об.; 326 об.–327 об.; 400 об.–401 об.
[591] Там же. Ф. 3010. Оп. 1. Д. 85. Л. 29–30.

ры о мире, не задерживать и отпускать обратно»[592]. Кроме того, в разведывательной сводке от 29 апреля зафиксированы следующие данные: «Рогатинское направление. Захваченный 25 апреля в районе дер. Августовка пленный чех 75[-го] имперского полка 19[-й] австрийской дивизии показал … [по] словам перебежчика, командир роты приказал им, чтобы они возможно чаще сходились с русскими солдатами и узнавали бы расположение русских частей»[593]. Приведённые выше сведения подтверждаются и словами австрийского перебежчика, сообщившего, что «… австрийские офицеры выходили раньше (до 19 мая, – С.К.) из окопов с исключительной целью фотографирования русских позиций»[594].

Также об успешном использовании братания австро-германским командованием в разведывательных целях сообщалось и на уже упомянутом Первом съезде делегатов 7-й армии. Так в заседании, проходившем 16 мая, и. д. начальника штаба 7-й армии генерал-майор А.А. Незнамов «… предъявляет отобранную у германского лётчика карту с нанесёнными пунктами, которые никак не могли быть обнаружены с аэроплана и, следовательно, добыты путём разведки при братании»[595]. На этом же заседании «…штабс-капитан Крутиков спрашивает съезд: известно ли делегатам, что после Пасхи разбиты были врагом в один день три батареи, обнаруженные братанием»[596]. Кроме того, в ходе опросов пленных, прошедших с 20 по 30 июня в штабе 7-й армии, выяснилось, что «для пропаганды братания и сепаратного мира при разведыват[ельных] отд[елах] армий созданы особые органы, выделяющие на фронт свои пункты (при 18[-м] бав[арском] рез[ервном] п[олку], 5[-м] Босно-Герцог[овинском] п[олку] и т. д.)»»[597].

Также обстановка широкого развития братания на Юго-Западном фронте в целом и в 7-й армии в частности, создавала благоприятные условия для проникновения агентов австро-германских специальных служб в тыл русской ар-

[592] Там же. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 140. Л. 150–151; Д. 183. Л. 100; Ф. 2256. Оп. 1. Д. 183. Л. 309 об.–310; Ф. 2290. Оп. 1. Д. 326. Л. 138.
[593] Там же. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 140. Л. 273.
[594] Там же. Ф. 366. Оп. 1. Д. 17. Л. 12.
[595] Известия армейского комитета VII армии. 1917. № 15. 31 мая.
[596] Там же.
[597] РГВИА. Ф. 3318. Оп. 1. Д. 760. Л. 340.

мии. Так, в телеграмме от 5 апреля сообщалось: «На участке одного из корпусов задержан бежавший из нашего плена одетый в русскую форму солдат австрийской армии, пробиравшийся в сторону противника. Из показаний задержанного видно, что он выслан в наш тыл для собирания сведений о наших войсках. Для перехода через боевую линию в расположение наших войск он сдался в плен и, находясь в плену на работах, выполнил возложенную на него по разведке задачу»[598]. В целях предотвращения подобных случаев в дальнейшем предлагалось: «… с особым вниманием относиться к показаниям задержанных пленных, бежавших из нашего плена с целью возвращения на родину. Показания таких беглых пленных необходимо проверять возможно тщательнее и при отправлении их в тыл указывать на необходимость установления особо бдительного надзора над ними в предупреждение возможности вторичного побега. Для этой цели желательно отправлять таких пленных как арестованных, а не с партиями военнопленных»[599]. Аналогичный случай имел место и на фронте Особой армии[600]. Таким образом, можно заключить, что братание, развернувшееся на фронте 7-й и других армий Юго-Западного фронта, активно использовалось австро-германским командованием в разведывательных целях. Кроме того, руководство армий германского блока могло оказывать влияние на масштабы братания, отдавая соответствующие приказы своим войскам.

Следует отметить, что в некоторых специфических случаях российские военнослужащие также добывали разведывательную информацию в ходе контактов с противником. Так, в разведывательной сводке от 30 марта указано: «Разведчикам нашего Чешско-Словацкого [стрелкового] полка[601] из разговоров с противником удалось выяснить, что стоящая юго-восточнее Бжежаны 119[-я] герм[анская] дивизия имеет свою постоянную артиллерию, 28 марта будто бы прибыл 72[-й] артиллер[ийский] полк, ведущий пристрелку. Последнее как бы подтверждается замеченной усиленной деятельностью артиллерии, носившей

[598] Там же. Ф. 3128. Оп. 1. Д. 1. Л. 156.
[599] Там же. Л. 156–156 об.
[600] Там же. Ф. 2256. Оп. 1. Д. 183. Л. 361.
[601] Созданы в феврале 1916 г. из бывших военнопленных чехов и словаков австро-венгерской армии.

пристрелочный характер. Кроме того, нашими чехами разведчиками выяснено, что противником ведётся в районе сев[ернее] Потуторы минная галерея, и что в том же районе у противника ожидается смена»[602]. По-видимому, разведчики этого полка проявляли инициативу в установлении контактов с австро-германскими военнослужащими: «Севернее Потуторы нашим разведчикам чехам удалось вступить в разговор с германскими офицерами, которые убеждали последних вести агитацию в пользу мира»[603]. Данный эпизод интересен ещё и тем, что в установлении контакта, по всей вероятности, были заинтересованы обе стороны, причём каждая из них преследовала свои цели: чешско-словацкие военнослужащие пытались добыть разведывательную информацию, а германские офицеры – внести в русские войска пропаганду стран Четверного союза. Следует, однако, отметить, что использование братания или близких к нему форм контактов в целях разведки с русской стороны носило ограниченный характер и сводилось к описанной выше деятельности разведчиков Чешско-Словацкого стрелкового полка, а также к опросу в разведывательных отделениях солдат, принявших участие в братании.

Необходимо также отметить, что, помимо австро-германского командования, ещё одной силой, стремящейся к организации и развитию братания, являлась партия большевиков. В течение весны – начала лета их деятельность в рассматриваемой армии была ещё не слишком значительна, однако, согласно докладу комиссара Временного правительства при 7-й армии Б.В. Савинкова военному и морскому министру А.Ф. Керенскому от 15 июня: «… во всех корпусах можно усмотреть наличность противогосударственной пропаганды, частью идейной, в большинстве же случаев носящей характер подстрекательства к неповиновению из личных целей»[604].

Подводя итоги, необходимо отметить, что в марте – первой половине июня 1917 г. братание в 7-й армии, нарастая с конца марта по начало мая,

---

[602] РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 183. Л. 81; Ф. 2244. Оп. 1. Д. 394. Л. 76–77.
[603] Там же. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 183. Л. 89; Ф. 2244. Оп. 1. Д. 395. Л. 4.
[604] Там же. Ф. 366. Оп. 2. Д. 167. Л. 30.

быстро теряло черты стихийного явления, а всё более превращалось в операцию командования войск Четверного союза, направленную на разведку позиций и потенциала русской армии, а также на подрыв её боеспособности посредством пропаганды. После же начала Июньского наступления (18 июня) эпизоды братания, хотя и имели место в 7-й армии, всё же были весьма редкими.

8-я армия. Прежде чем перейти к рассмотрению основной темы, необходимо привести краткую характеристику 8-й армии. Её полевое управление было образовано в июле 1914 г. при штабе Киевского военного округа. Входила в состав Юго-Западного фронта с июля 1914 г. по август 1917 г., затем, с августа 1917 г. до начала 1918 г., была в составе Румынского фронта. В первой половине 1917 г. штаб армии находился в г. Черновицы. Командующими 8-й армией в разное время являлись: генерал от кавалерии А.А. Брусилов (28 июля 1914 г. – 17 марта 1916 г.); генерал от кавалерии А.М. Каледин (20 марта 1916 г. – 29 апреля 1917 г.); генерал от инфантерии Л.Г. Корнилов (29 апреля – 10 июля 1917 г.); генерал-лейтенант В.А. Черемисов (11–25 июля 1917 г.); генерал-лейтенант М.А. Соковнин (30 июля – 17 октября 1917 г.); генерал-лейтенант Н.Л. Юнаков (18 октября – 21 декабря 1917 г.).

Теперь следует обратиться к рассмотрению основной проблематики. Необходимо отметить, что произошедшая в России Февральская революция, согласно свидетельствам перебежчиков и пленных, вызвала в австро-германских войсках подъём боевого духа и стремление к достижению победы[605]. По-видимому, подобное восприятие революции в России во многом исходило от австро-германского командования[606].

Необходимо отметить, что уже в первые дни после падения монархии в России отмечаются попытки братания на участке 8-й армии[607]. Вскоре 9 марта имел место следующий эпизод: «[В] Кирлибабском районе [на] некоторых участках наши разведчики [при] приближении к заграждениям противника слышали громкие крики: «Капут Вильгельму»»»[608]. По всей видимости этот случай следует рас-

[605] Там же. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 81–82, 84.; см. то же: Д. 140. Л. 116.
[606] *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. С. 370–371.
[607] РГВИА. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 96. Л. 283; то же: Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 14.
[608] Там же. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 96. Л. 289; то же: Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 26.

ценивать как умышленную провокацию, целью которой являлось установление контакта с русскими солдатами, поскольку сходные приёмы применялись войсками Четверного союза и на других фронтах[609].

Лаконичные сообщения, относящиеся к 17–18 марта, с определённой долей вероятности также можно считать попытками к братанию, хотя и однозначно утверждать это не позволяют источники. Так, в разведывательной сводке от 17 марта сообщалось: «[В] Кэрешмезском районе [на] участке выс[оты] 1634 и 1723 – 10 вёр[ст] [к] югу [от] Рафаилова [в] течение всего дня наблюдалось движение небольших групп противника, [в] районе выс[оты] 952, что [в] 5 вер[стах] [к] западу [от] Ворохта, противник пытался подойти [к] выдвинутым нашим окопам»[610]. Данное сообщение дополняется сводкой за 18 марта, согласно которой «… [В] районе выс[оты] 952 захвачен австриец 29[-го] полка 34[-й] пех[отной] див[изии]»[611]. Тот факт, что сводка не содержит информации, при каких обстоятельствах был взят в плен солдат австро-венгерской армии, позволяет, с учётом предшествующего сообщения, предположить, что это могло произойти в ходе попытки к братанию. Этими случаями ограничивается перечень сообщений штаба командующего 8-й армии о братании в марте. В материалах штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта эти факты вовсе не получили отражения.

В апреле число случаев братаний в 8-й армии заметно возросло. Всплеск их числа имел место 2 апреля[612]. Следует отметить, что в день Святой Пасхи инициатива к братанию была обоюдной. Русские солдаты посещали австро-германские окопы. После Пасхи в течение первой половины апреля наблюдалось установление «… дружественных отношений между нашими войсками и противником»[613]. И, хотя большинство русских солдат возвращалось в своё

[609] См.: там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 83.
[610] Там же. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 96. Л. 307.
[611] Там же. Л. 308.
[612] Там же. Д. 45. Л. 188 об.
[613] Там же. Л. 189.

расположение, имели место и случаи задержания и взятия их в плен войсками Четверного союза[614].

Также случаи братания и близких к нему по форме контактов фиксировались командованием в районе высоты 1477, в 10 верстах к юго-западу от Томнатик, в районе высоты 1129, расположенной северо-восточнее Кэрэшмезэ (3 апреля)[615]; в районе высоты 1064, находящейся северо-восточнее Кэрэшмезэ, а также в районе реки Валеа Стырей, к юго-востоку от Кирлибаба (4 апреля)[616]; на фронте 23-го армейского корпуса (8 апреля дважды[617] и 10 апреля[618]); к юго-западу от Томнатик (11 апреля)[619]; в долине реки Форешек, что к юго-востоку от Кэрэшмезэ (13 апреля)[620]; на разных участках Кэрэшмезского района, а также у высоты 952 Погарек, что к западу от Ворохта (14 апреля)[621]; на участке 11-го армейского корпуса (16 апреля)[622]; в районе высоты 1477, расположенной к юго-западу от Томнатик и у высоты 1554, западнее Томнатик (23 апреля)[623]; на высоте 1483, к западу от Капулу (24 апреля)[624]; к юго-западу от Баранова (27 апреля)[625]; в районе Пневе (28 апреля)[626]. Необходимо отметить, что из приведённого перечня эпизодов в оперативных и разведывательных сводках штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта зафиксировано только пять сообщений о братании в 8-й армии за апрель 1917 г., а именно, эпизоды 11, 13, 14, 16 и 23 апреля. Это безусловно указывает на неполноту данных, которые поступали в штаб фронта по данному вопросу.

Эти часто весьма краткие официальные сообщения дополняют свидетельства участников событий. Так, согласно воспоминаниям председателя солдат-

---

[614] Там же. Д. 856. Л. 260.
[615] Там же. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 92.
[616] Там же. Л. 100.
[617] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 72.
[618] Там же. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 119.
[619] Там же. Д. 159. Л. 121; Д. 140. Л. 175–176.
[620] Там же. Д. 159. Л. 125; Д. 140. Л. 183.
[621] Там же. Д. 159. Л. 127–129; Д. 140. Л. 188–189; Русский инвалид. 1917. № 89. 17 апреля.
[622] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 143.
[623] Там же. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 145; Д. 140. Л. 237.
[624] Там же. Д. 159. Л. 147.
[625] Там же. Л. 153.
[626] Там же. Л. 155.

ского комитета 660-го пехотного Черновицкого полка (165-я пехотная дивизия, 11-й армейский корпус) М.И. Секачёва, в апреле имело место братание в 660-м пехотном Черновицком полку, распространившееся и на 43-й пехотный Охотский полк (11-я пехотная дивизия, 11-й армейский корпус)[627].

Необходимо отметить, что австро-германская сторона использовала различные способы для провоцирования братания. Помимо белых флагов и повязок на рукавах, имели место и иные приёмы. А поскольку, как отмечалось выше, стремление к миру русских солдат довольно быстро стало известно командованию войск Четверного союза, то именно его чаще всего и использовали австрийские и германские военнослужащие. Так «… [на] выс[оте] 1064, что 8 вёр[ст] северо-восточнее Керешмезэ, немцы кричали [из] окопов, что [в] апреле Германия и Австрия предложат России мир»[628]. А в разведывательной сводке за 11 апреля сообщалось: «…[на] участке 1[-го] грен[адерского] полка 1[-й] пех[отной] див[изии] (выс[ота] 1477 и Рыпеци, что 11 вёр[ст] [к] юго-западу Томнатик) был выброшен белый флаг с надписью «Мир»»»[629].

Ещё один примечательный эпизод зафиксирован в разведывательной сводке от 27 апреля: «… на выс[оте] 1477 / 9 вёр[ст] [к] юго-западу [от] Баранова / [на] участке 43[-го] герм[анского] п[олка] 1[-й] п[ехотной] див[изии] играл оркестр, причём группы германцев пытались подойти [к] нашим окопам»[630]. Подобные случаи были не единичны. К примеру, в начале мая при обходе передовых позиций в то время командующий 8-й армией генерал от инфантерии Л.Г. Корнилов «… был встречен… бравурным маршем германского егерского полка, к оркестру которого потянулись наши «братальщики» – солдаты»[631]. Музыкальное сопровождение, по нашему мнению, должно было создать ощущение мирной обстановки и тем самым облегчить возможность организовать братание.

---

[627] *Секачев М.И.* Курсом на революцию // Октябрь на фронте: воспоминания. М., 1967. С. 213–214.
[628] РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 100.
[629] Там же. Л. 121.
[630] Там же. Л. 153.
[631] *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. 1. Крушение власти и армии.Февраль-сентябрь 1917. С. 279.

В мае число эпизодов братания в 8-й армии несколько уменьшилось. В оперативных сводках штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта получил отражение только один эпизод и то не братания как такового, а скорее провокации, направленной, вероятно, либо на установление контактов с русскими солдатами, либо на завоевание их доверия. Так в оперативной сводке за 28 мая сообщалось: «… [В] VIII армии [в] 18[-м армейском] корпусе на участке восточнее Кирлибаба австрийцы кричали: «Приехали немцы пускать газы», после чего противником на бруствер был выброшен горючий предмет, давший много дыма, горение продолжалось несколько минут»[632]. Эти сведения дополняются данными разведывательного отделения штаба командующего 8-й армией, согласно которым братание или попытки к нему, а также близкие формы контактов фиксировались в районе Кэрэшмезского шоссе (2 мая); вероятно, попытки к братанию отмечались в Кирлибабском районе (3 мая); в районе высоты 1079, к северу от Кэрэшмезэ, а также на участке действия 11-го резервного германского полка (5 мая); в районе долины рек Рафаилов, Площанец и Прутчи, к северу от Кэрэшмезэ, а также на Кэрэшмезском шоссе (7 мая); в районе ур. Яшевник, к северо-востоку от Кэрэшмезе (12 мая); у высоты 980, севернее Кэрэшмезэ (21 мая); неподалёку от высоты 1042 Сумарен, северо-восточнее Кэрэшмезэ (22 мая); в районе высоты 1035, к северу от Кэрэшмезэ (26 мая)[633].

О том, что братание в 8-й армии в мае было достаточно распространённым явлением свидетельствует также и приведённый А.И. Деникиным эпизод, относящийся к началу мая, записанный на тот момент капитаном Генерального штаба М.О. Неженцевым: «Мы вошли в систему укреплений, где линии окопов обеих сторон разделялись, или, вернее сказать, были связаны проволочными заграждениями. Появление генерала Корнилова было приветствуемо… группой германских офицеров, нагло рассматривавших командующего русской армией; за ними стояло несколько прусских солдат. Генерал взял у меня бинокль и, выйдя на бруствер, начал рассматривать район будущих боевых столкновений.

[632] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 1. Л. 149.
[633] Там же. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 856. Л. 237, 250, 252, 254, 261, 280, 281, 286.

На чьё-то замечание, как бы пруссаки не застрелили русского командующего, последний ответил: «Я был бы бесконечно счастлив – быть может, хоть это отрезвило бы наших затуманенных солдат и прервало постыдное братание»»[634].

Необходимо отдельно остановиться на характере братания и близких к нему форм контактов, имевших место на фронте 8-й армии. Для более полного его понимания следует обратиться к анализу национального состава противостоящей этой армии группировки противника (см.: Приложение № 2). К началу марта против 8-й армии действовали части восьми австро-германских дивизии, из которых три были немецкими[635]. Как отмечалось выше, на участках фронта, занимаемых последними, стихийное, со стороны войск Четверного союза, братание было маловероятно. Более сложной была ситуация в многонациональной армии Австро-Венгрии, соединения которой составляли большую часть группировки, противостоящей 8-й армии. Необходимо отметить, что в начале марта на рассматриваемом участке Юго-Западного фронта находились в целом весьма боеспособные соединения австро-венгерских войск. Так, здесь было сосредоточено в общей сложности 14 полков и отдельно действовавших батальонов, входивших в состав четырёх австро-венгерских дивизий, в личном составе которых преобладали венгры. Во многих случаях в эти подразделения были включены представители других народов (сербы, румыны). Ряд частей был сформирован из австрийских немцев, чаще всего в соединении с чехами[636]. На участках, занимаемых войсками, в составе которых преобладали комбатанты – представители титульных наций Двуединой монархии, стихийное, со стороны сил Четверного союза, братание представляется маловероятным.

Однако в составе группировки австро-венгерских войск, противостоящих 8-й армии, имелась и значительная доля солдат, рекрутированных из славянских народов – сербов, хорватов, русин, поляков. Два полка 30-й пехотной ди-

---

[634] *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. 1. Крушение власти и армии. Февраль-сентябрь 1917. С. 278–279.
[635] РГВИА. Ф. 2158. Оп. 1. Д. 189. Л. 401 об.–402.
[636] Там же. Л. 401 об.–402.

визии состояли из словенцев и итальянцев[637]. И хотя в большинстве случаев представители указанных народов находились под контролем, тем не менее на занимаемых ими участках вероятность стихийного братания была выше.

Теперь перейдём к рассмотрению эпизодов братания непосредственно. Следует отметить, что определённая их часть оставалась стихийной[638]. Однако весной 1917 г. данных о том, что австро-германские войска препятствовали братанию немного. Скорее имела место обратная тенденция. В этой связи интересна выдержка из приказа австро-германского командования, касающегося борьбы с перебежчиками, но вполне применимому и к ситуациям стихийного братания. В частности, в пункте приказа по 5-му стрелковому полку к пункту приказа по 30-й пехотной дивизии за 21 октября 1916 г. говорилось: «…Без офицера ни одному солдату нельзя перейти линию проволочных заграждений. Часовым и постам стрелять в каждого, пытающегося оставить линию и уйти в сторону неприятеля в отсутствии офицера. Имена таковых часовых сообщать в штаб дивизии с целью выдачи им денежной награды и представлять их к боевой награде. Каждый захваченный беглец будет немедленно предан смертной казни»[639].

В марте – мае 1917 г. многие перебежчики и пленные утверждали, что братание санкционировано австро-германским командованием[640]. В показаниях пленных, приводимых в разведывательных сводках, примечательны два положения. Во-первых, строгий запрет на общение рядового состава австро-венгерских войск с русскими солдатами, появление которых ожидалось. Это, по нашему мнению, было обусловлено стремлением оградить австрийскую армию от разлагающего влияния с русской стороны. Во-вторых, австро-германское командование, желая показать стремление к миру и тем усилить антивоенные настроения в рядах русской армии, отдавало приказы не стрелять[641]. В этой свя-

[637] Там же. Л. 401 об.–402.
[638] Там же. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 147.
[639] Там же. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 856. Л. 245 об.–246.
[640] Там же. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 92–93, 102.
[641] См. напр.: там же. Л. 107, 125.

зи примечательно сообщение пленных 16-го егерского батальона, согласно которому «… запрещено стрелять [в] русских под страхом ареста»[642]. Следствием этого стало положение на ряде участков фронта 8-й армии, когда установилось затишье[643]. Интересно, что австро-германские войска не только довольно часто не открывали даже ответный огонь по позициям русской армии, но подчас не препятствовали и действиям, имевшим тактическое значение[644]. Подобная тишина на фронте безусловно благоприятствовала братанию.

Ещё один эпизод, свидетельствующий о том, что австро-германские офицеры поощряли братание, зафиксирован 13 апреля, когда в долине р. Форешек, к юго-востоку от Керешмезе в плен было взято два немца 22-го резервного полка 117-й пехотной дивизии: «… пленные имели белые повязки [на] рукавах и объяснили, что вышли [со] своим командиром роты, дабы сговориться [об] обмене газет и писем – офицер, оставшийся у заграждений, [при] приближении наших разведчиков скрылся»[645].

Следует обратить внимание и на то, что командование армий Четверного союза после всплеска братания в конце марта – начале апреля, когда вступление в контакт с русскими солдатами чаще всего им поощрялось, затем издало, по-видимому, несколько приказов, направленных на ограничение братания на фронте 8-й армии[646]. Появление подобных приказов свидетельствует о том, что австро-германское начальство уже весной 1917 г. могло влиять на динамику развития братания. Если оно считало полученные сведения о состоянии русских войск достаточными, то санкционировало уменьшение степени интенсивности контактов с русскими солдатами. Однако полного запрета контактов с русской армией всё же не последовало. По-видимому, «мешать» следовало в тех случаях, когда инициатива к братанию исходила от русской стороны и мог-

[642] Там же. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 856. Л. 254.
[643] Там же. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 128–129; сравни: там же. Л. 145.
[644] Там же. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 856. Л. 243; Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 129.
[645] Там же. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 125.
[646] Там же. Л. 111–112.

ла показаться командованию войск Австро-Венгрии и Германии чрезмерной на тех или иных участках фронта.

Что касается целей как братания, так и близких к ним форм контактов, то, по свидетельству самих делегатов, они сводились к следующему: «На агентурном опросе [в] штарм большинство «делегатов» показало, что цель высылки их – разложение русской армии и разведка всего, что только можно узнать у русских, главнейшее же: 1 / детальное ознакомление с характером укреплений, 2 / выяснение расположения пулемётов и орудий ближнего боя, 3 / номера наших войсковых частей, количество штыков 4 / настроение армии и т. д.»[647]. Кроме того, «многие делегаты снабжаются фотографическими аппаратами, будто бы для производства снимков, запечатлевающих братание сторон, в действительности … для более верного запечатления наших позиций. По словам одного «делегата» австрийцам удалось произвести большое количество снимков, которые обработаны в соответствующих штабах»[648].

Особое внимание обращают на себя показания длительное время служившего в разведывательном отделении при штабе 3-й австро-венгерской армии перебежчика-серба, зафиксированные в сводке от 19 июня, согласно которым «Во все корпуса и дивизии разосланы разведывательные группы, состоящие из людей со специальною подготовкою для производства разведок под видом братания. По поводу братаний был приказ австрийским армиям, [в] котором первою задачею [на] русском фронте поставлено братание и пропаганда сепаратного мира, чтобы возможно дольше задержать русское наступление»[649]. Таким образом, можно заключить, что работа, направленная на организацию братания и близких к нему форм контактов, используемых командованием германского блока в целях разведки и пропаганды, носила системный характер.

Отдельно следует сказать, что, помимо братаний, на фронте 8-й армии имела место и несколько иная форма контактов – посылка «парламентёров» от

---

[647] Там же. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 856. Л. 243–243 об.
[648] Там же. Л. 243 об.
[649] Там же. Л. 347.

австро-германских войск. Необходимо отметить, что из приведённого выше перечня эпизодов, имевших место в апреле, посылка парламентёров зафиксирована только в следующих случаях: у высоты 952 Погарек, что к западу от Ворохта (14 апреля)[650]; у высоты 1554, западнее Томнатик (23 апреля)[651]; на высоте 1483, в районе Пневе (28 апреля)[652]. Призывы же прислать парламентёров или встретиться с делегатами от войск германского блока отмечались на фронте 23-го армейского корпуса, где приглашались парламентёры от российской стороны (10 апреля)[653]; на фронте 18-го армейского корпуса (23 апреля)[654]. Такого рода призывы содержались и в иных прокламациях[655].

В мае же число случаев посылки «парламентёров» значительно возросло, хотя и общее количество контактов в целом сократилось. Если исходить из материалов штаба командующего 8-й армией, то на её фронте в мае вместо классического братания получила распространение именно посылка парламентёров. Так, из перечня эпизодов, зафиксированных в мае, данный вид контактов имел место в районе Кэрэшмезского шоссе (2 мая); в районе высоты 1079, к северу от Кэрэшмезэ, а также на участке действия 11-го резервного германского полка (5 мая); в районе долины рек Рафаилов, Площанец и Прутчи, к северу от Кэрэшмезэ, а также на Кэрэшмезском шоссе (7 мая)[656].

Рассмотрим подробнее некоторые факты посылки «парламентёров». В этой связи заслуживает внимания эпизод, произошедший 14 апреля: «К выс[оте] 952 Погарек / что 5 вёр[ст] [к] западу Ворохта / (по-видимому против стыка 11[-го] герм[анского] п[олка] с 101[-ым] п[ехотным] п[олком] 34[-й] пех[отной] див[изии] или фланге последнего) вышел австрийский офицер с трубачом и солдатом, несшим белый флаг. Трубач подал сигнал, и [с] нашей

---

650 Там же. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 127–129; Д. 140. Л. 188–189; Русский инвалид. 1917. № 89. 17 апреля.
651 РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 145; Д. 140. Л. 237.
652 Там же. Д. 159. Л. 155.
653 Там же. Л. 119.
654 Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны / авт. сост. А.Б. Асташов. М., 2012. С. 162.
655 Там же. С. 166–167.
656 РГВИА. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 856. Л. 237, 252, 254.

стороны был выслан офицер при двух солдатах»[657]. Глава австро-венгерской «делегации» заявил: «… претензии [за] стрельбу нашей артиллерии даже [по] мелким партиям, не свыше 3 человек, тогда как наша (австро-венгерская, – С.К.) артиллерия не стреляет [по] работающим днём»[658]. Здесь необходимо отметить, что призывы, обращённые к пехоте, повлиять на артиллеристов или даже применить к ним силу, неоднократно звучали как в австро-венгерских[659], так и в немецких[660] прокламациях в апреле – мае 1917 г. Также австрийский офицер заявил, что уполномочен «… передать решение своей дивизии [на] нашем фронте не наступать и не допускать другие войска»[661]. По нашему мнению, эти слова имели целью создать у русских солдат ложное впечатление о состоянии австро-венгерской армии, которое, исходя из подобного обещания, было сходно с состоянием русских войск, а также усыпить их бдительность. В этой связи следует сказать, что, хотя и вооружённые силы Австро-Венгрии к 1917 г. имели гораздо меньший боевой потенциал, чем германские, тем не менее принцип единоначалия, а также возможность вести наступательные операции они сохраняли до конца войны.

Целью посылки «парламентёров», как и в случаях классического братания, являлось, в частности, стимулирование в массе русских солдат антивоенных настроений[662]. На фронте 8-й армии, подобный случай был зафиксирован 23 апреля: «[В] районе выс[оты] 1554 Пирие / 16 вёр[ст] [к] западу [от] Томнатик / появился парламентёр противника поручик Кайзерлинг, заявивший, что уполномочен штабом армии вести переговоры [о] перемирии, так как через 3 дня, якобы, Германия предложит России мир без аннексий и контрибуций. На предложение для переговоров пройти [в] штаб отказался, требуя заложника [в]

[657] Там же. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 127–128.
[658] Там же. Л. 128.
[659] Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны… С. 158–159, 171.
[660] Там же. С. 165–166, 172–173, 239.
[661] РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 128; Русский инвалид. 1917. № 89. 17 апреля.
[662] См.: *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. 1. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. С. 279–280.

чине не ниже поручика»[663]. Обращает на себя внимание использование «парламентёром» сочетания «мир без аннексий и контрибуций». По-видимому, озвучивание данной формулы мира, получившей широкое распространение в российском обществе и армии после Февральской революции, имело целью максимально стимулировать антивоенные настроения русских солдат. Ещё один подобный эпизод был зафиксирован 28 апреля в районе Пневе[664]. Однако в этом случае всё закончилось пленением «парламентёров». Это свидетельствует о том, что солдаты на данном участке фронта армии в целом не поверили пропаганде мира германских делегатов и не воспрепятствовали их задержанию. Схожий факт отмечен и в разведывательной сводке от 2 мая[665]. Интересно, что в этот раз «… офицер был доставлен [в] штадив, по передаче пакета (предназначенного для командующего армией, С.К.) парламентёры отпущены»[666].

Примечательны и факты появления таких «парламентёров» сразу на нескольких участках фронта армии 7 мая[667]. Следует отметить, что в итоге «…парламентёры первых двух групп взяты [в] плен»[668]. У «делегатов», взятых в плен в районе реки Площанец и принадлежавших к штабу 30-й австрийской дивизии имелись «…4 пакета одинакового воззвания [к] полковому комитету 659[-го пехотного Буковинского] полка (165-я пехотная дивизия, 11-й армейский корпус, – С.К.) о немедленном установлении перемирия»[669].

Нельзя также не сказать об эпизоде, по своему характеру занимающему промежуточное положение между такими формами контактов, как посылка «парламентёров» и братание: 5 мая «…[В] районе действия 11[-го] резервного [германского] полка захвачено 2 германца этого полка, показавшие, что пришли [с] письмом, которое им передал их батальонный командир. Это ответ нашим солдатам [на] письмо, переданное ими накануне герман[скому] офице-

[663] РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 145.
[664] Там же. Л. 155.
[665] Там же. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 856. Л. 237.
[666] Там же. Л. 237.
[667] Там же. Л. 254.
[668] Там же. Л. 254.
[669] Там же. Л. 260.

ру»[670]. Этот факт, позволяет сказать, что различные формы контактов могли переходить одна в другую, в зависимости от обстановки. Кроме того, данный эпизод показывает, что представители австро-германского командного состава были готовы вступать в диалог не только с офицерами и членами солдатских комитетов русской армии, но и с группами наших солдат, очевидно, с целью внесения в их среду своей пропаганды.

Таким образом, необходимо заключить, что в 8-й армии братание нарастало с конца марта до первой декады мая включительно, после чего наметилось постепенное уменьшение числа случаев этого и близких к нему видов контактов. В этот период, как и в других армиях Юго-Западного фронта, братание утрачивало черты стихийного явления и всё более использовалось австро-германским командованием для разведки и подрыва боеспособности русской армии. Однако, по имеющимся в нашем распоряжении источникам, такого рода деятельность по отношению к 8-й армии, в сравнении с другими армиями фронта, имела наименьший успех.

В заключение необходимо отметить, что во всех армиях Юго-Западного фронта весной 1917 г. братание, нарастая с конца марта по первую декаду мая, всё более превращалось в операцию командования войск Четверного союза, направленную на разведку позиций и потенциала русской армии, а также на подрыв её боеспособности посредством пропаганды. Однако не во всех армиях фронта подобная деятельность командования войск германского блока была одинаково успешной. Эффективность такого рода операций зависела как от степени разложения конкретных частей и соединений русской армии, так и от состояния сил противника и, в частности, от их национального состава. И хотя на отдельных участках Юго-Западного фронта братание могло принимать в значительной мере стихийный характер, командование войск Четверного союза, стремясь взять под контроль организацию контактов с русскими солдатами, не отказывалось от использования этого явления в своих целях. Определённую

[670] Там же. Л. 252.

роль в стимулировании братания играли и леворадикальные партии, главным образом большевики. Однако в весенние месяцы их деятельность ещё не оказывала решающего влияния на состояние войск.

2.2. Явления, сопряжённые с братанием

В большинстве случаев братание в армиях Юго-Западного фронта сопровождалось передачей русским солдатам прокламаций и газет австро-германскими военнослужащими, а также меновой торговлей. Эти явления будут рассмотрены в настоящем параграфе.

Вначале следует обратиться к рассмотрению масштабов и содержания пропаганды Четверного союза, направленной против армий Юго-Западного фронта. Необходимо отметить, что распространение прокламаций началось уже в течение первого года войны. Со связанным с ним потенциальным деструктивным эффектом для русской армии боролось как командование, так и военное духовенство[671]. Однако имела место тенденция к усилению пропагандистского воздействия со стороны войск германского блока, достигшая своего апогея в 1917 г., когда только за период с марта по июнь на Юго-Западном фронте было зафиксировано 40 австро-венгерских и 20 немецких разновидностей пропагандистских листовок. Теперь перейдём к рассмотрению масштабов пропаганды в каждой армии фронта.

Особая армия. В марте – июне 1917 г. в этой армии обнаружилось 6 разновидностей прокламаций[672], из которых 4 (66,7 %) – германские[673]. Все указанные листовки распространялись в Особой армии в апреле и мае 1917 г. Однако здесь имеет место неполнота сохранившегося документального материала, поскольку случаи распространения прокламаций в рассматриваемой армии зафиксированы уже в начале марта[674]. На апрель приходится 5 разновидностей[675],

---

[671] РГВИА. Ф. 2082. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.
[672] Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны / Авт. сост. А.Б. Асташов. М., 2012. С. 146–149, 160–161, 164–165, 230–231, 247.
[673] Там же. С. 148–149, 160–161, 230–231, 247.
[674] РГВИА. Ф. 2228. Оп. 1. Д. 994. Л. 17, 19, 37 ; Ф. 2256. Оп. 1. Д. 183. Л. 203 об., 207–207 об., 209–209 об., 215; Ф. 2290. Оп. 1. Д. 326. Л. 18, 29, 38.

3 из которых, по нашему мнению, германские[676]. Следует также отметить, что 1 апреля на позиции 602-го пехотного Лащёвского полка (151-я пехотная дивизия, 5-й армейский корпус) имел место следующий эпизод: «На участке № 12 с наблюдательного пункта замечены выставленные противником 3 белых флага с какими-то надписями. Наблюдается хождение отдельных людей»[677]. Впоследствии, эти флаги «… были сняты высланными нашими солдатами и оказались не флагами, а на немецком языке прокламациями с речью германского канцлера в заседании Рейхстага 16/29 марта, которые были прикреплены к доскам на палках»[678]. В мае же зафиксирована только одна разновидность германских прокламаций[679].

11-я армия. В марте – июне 1917 г. в отличие от других армий Юго-Западного фронта, количество прокламаций, приходящихся на 11-ю армию, исходя из имеющегося массива документов, не увеличилось, а резко сократилось. Единственный, выявленный в этот период в 11-й армии образец листовки относится к апрелю 1917 г[680]. По всей видимости, это свидетельствует о том, что получаемые солдатами прокламации, распространявшиеся в 11-й армии австро-германскими военнослужащими в данное время, не доходили до командного состава, что в значительной мере было обусловлено более сильной, чем в других армиях фронта, степенью разложения её частей и соединений. Вследствие этого документальный материал не полностью сохранился. А о том, что на фронте 11-й армии распространение листовок Четверного союза фиксировалось с первых чисел марта, имеются сведения в разведывательных сводках[681]. Подобные факты были отмечены накануне и в период празднования православной Пасхи, о чём имеются свидетельства в журналах военных действий 628-го пехотного Бродо-Радзивилловского полка (157-я пехотная дивизия, 32-й армей-

---

[675] Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой… С. 146–149, 160–161, 164–165, 230–231.
[676] Там же. С. 148–149, 160–161, 230–231.
[677] РГВИА. Ф. 3087. Оп. 1. Д. 13. Л. 20.
[678] Там же. Л. 21.
[679] Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны… С. 247.
[680] Там же. С. 161–162.
[681] РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 169–170, 173.

ский корпус)[682], а также 24-го Сибирского стрелкового полка (6-я Сибирская стрелковая дивизия, 5-й Сибирский армейский корпус)[683]. Примечательно также и то, что, в частности, 16 апреля на позицию 140-го пехотного Зарайского полка (35-я пехотная дивизия, 17-й армейский корпус) «противник перебрасывал прокламации, привязывая их, очевидно, к шомпольным бомбам»[684].

7-я армия. С марта по июнь 1917 г. в 7-й армии прокламации выявлены только в апреле и мае. Однако, по-видимому, не все образцы сохранились, так как распространение австро-германских прокламаций отмечалось уже с первых чисел марта[685]. Всего за апрель – май распространялось, по имеющимся сведениям, 17 разновидностей листовок[686], среди которых 6 (35,3 %) являлись германскими[687]. Таким образом, прирост числа разновидностей прокламаций в сравнении с 1916 г. по февраль 1917 г. (14 разновидностей листовок) составил 21,4 %. Из указанного количества образцов прокламаций основная масса пришлась на апрель – 13 разновидностей (76,5 %)[688], из которых 5 были немецкими (38,5 % от общего числа разновидностей листовок, выявленных на фронте 7-й армии в апреле)[689]. Если же сопоставить аналогичные показатели за апрель и май 1916 г., то интенсивность пропагандистской работы, направленной против этой армии, возросла в 3,25 раза или на 225 %. Усиление австро-германской пропаганды фиксировалось и в штабе командующего 7-й армией: «Последнее время отмечается настойчивое стремление противника спасение своей страны построить на заключении сепаратного мира с Россией. Средством для поставленной цели служат: пропаганда мира при помощи плакатов, прокламаций, воззваний к нашим солдатам и провокационных газет, напечатанных в Берлине на

---

[682] Там же. Ф. 3109. Оп. 1. Д. 2. Л. 21 об.
[683] Там же. Ф. 3358. Оп. 1. Д. 106. Л. 6.
[684] Там же. Ф. 2754. Оп. 2. Д. 155. Л. 6.
[685] См. напр.: там же. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 183. Л. 34, 73 об.; Ф. 2244. Оп. 1. Д. 394. Л. 69, 77.
[686] Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны… С. 144–148, 153–155, 158, 162–163, 174–178, 181, 230–231, 233–236, 244.
[687] Там же. С. 230–231, 233–236, 244.
[688] Там же. С. 144–148, 153–155, 158, 162–163, 230–231, 233–236, 244.
[689] Там же. С. 230–231, 233–236, 244.

русском языке и, наконец, братанье»[690]. В качестве меры борьбы с распространением пропагандистских листовок, в частности, военному следователю 22-го армейского корпуса телеграммой от 19 апреля № 111447/р. предписывалось: «Перебежчики и пленные, приносящие прокламации и пытающиеся вести агитацию против войны, подлежат преданию полевому суду»[691]. А 4 июня в дополнение к этому распоряжению телеграммой № 111847/р. указывалось: «… о перебежчиках и пленных, приносящих прокламации и пытающихся вести агитацию производить подробные дознания, каковые препровождать прокурору корпусного суда на заключение для выяснения статей о предании суду»[692]. Несмотря на то, что в первом полугодии 1917 г. прокламации в 7-й армии относятся только к апрелю и маю, она занимает второе место по количеству их разновидностей среди армий Юго-Западного фронта.

8-я армия. В марте – июне 1917 г. число разновидностей прокламаций Четверного союза в сравнении с предшествующим периодом (1916 – февраль 1917 г.) заметно возросло. Стремление австро-германской стороны к их распространению заметно уже в первые дни после падения монархии в России. К примеру, в разведывательной сводке от 5 марта сообщалось: «[В] районе южнее р. Прутчи, что [в] 8 вер[стах] севернее Кэрэшмезэ при стычке разведывательных партий захвачен раненый офицер, умерший [в] наших окопах, по документам устанавливается принадлежность его [к] 5[-му] ландв[ерному] полку 30[-й] пех[отной] див[изии], среди документов оказалось много прокламаций [по] поводу текущих событий. Очевидно разведывательная партия имела задачу разбросать прокламации»[693]. В указанные месяцы на 8-ю армию пришлось 38 новых образцов листовок стран германского блока[694], что от общего числа прокламаций, распространяемых на Юго-Западном фронте в этот период (40 австро-венгерских и 20 немецких разновидностей пропагандистских листо-

[690] РГВИА. Ф. 3318. Оп. 1. Д. 760. Л. 322.
[691] Там же. Ф. 2223. Оп. 1. Д. 1. Л. 70.
[692] Там же. Л. 70.
[693] Там же. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 14; то же Ф. 2210. Оп. 1. Д. 332. Л. 168–168 об.
[694] Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны… С. 142–143, 149–160, 162, 163–173, 178–181, 183–184, 227–228, 239–240.

вок) составляло 63,3 %. Количество же разновидностей только немецких листовок, пришедшихся на 8-ю армию – 10[695], что составляет 26,3 % от всех разновидностей прокламаций, адресованных 8-й армии и 50 % от количества разновидностей германских листовок, распространяемых на Юго-Западном фронте в марте – июне 1917 г. Необходимо отметить, что в марте - июне число пропагандистских листовок в 8-й армии в сравнении с предшествующим периодом (1916 – февраль 1917 – 17 различных образцов) возросло в 2,2 раза или на 123,5 %. В сравнении же с аналогичным периодом 1916 г. (с марта по июнь было зафиксировано 7 разновидностей, распространявшихся в апреле и мае) число листовок возросло в 5,43 раза или на 442,9 %.

По месяцам же прокламации, обнаруженные на фронте 8-й армии, распределились следующим образом. В марте – 6 разновидностей[696], одну из которых следует отнести к немецким[697]. В апреле – 16 разновидностей[698], что составляет 42,1 % от всего объёма прокламаций, пришедшихся на 8-ю армию за первое полугодие 1917 г. и 45,7 % от числа разновидностей пропагандистских листовок, распространённых на всём Юго-Западном фронте за апрель. Из этого же числа 5 образцов, на наш взгляд, стоит считать германскими[699]. Таким образом, на апрель приходится 50 % распространённых в 8-й армии немецких прокламаций. В мае отмечается некоторый спад интенсивности пропаганды Австро-Венгрии и Германии (на 18,75 %), так как выявлено 13 разновидностей листовок[700]. Из них три следует отнести к немецким[701]. В июне наблюдалось резкое снижение числа разновидностей прокламаций – зафиксировано всего три новых образца[702], из которых только один германский[703]. По-видимому, столь значительное снижение числа разновидностей прокламаций стран Четверного

[695] Там же. С. 165–169, 172–173, 184, 227–228, 239–240.
[696] Там же. С. 142–143, 227–228.
[697] Там же. С. 227–228.
[698] Там же. С. 149–157, 158–160, 162–167, 239–240.
[699] Там же. С. 165–167, 239–240.
[700] Там же. С. 160, 167–173, 178–181.
[701] Там же. С. 167–169, 172–173.
[702] Там же. С. 183–184.
[703] Там же. С. 184.

союза на Юго-Западном фронте в начале лета связано с подготовкой и началом Июньского наступления русской армии. В целом же за рассматриваемые четыре месяца 1917 г. 8-я армия занимала первое место среди армий Юго-Западного фронта по числу разновидностей обнаруженных на её фронте прокламаций.

Среди тем, развиваемых австро-германской пропагандой в марте – июне 1917 г. в листовках, распространяемых во всех армиях Юго-Западного фронта, на первый план выходит насаждение антибританских настроений (22 разновидности листовок[704], из которых 7 – немецкие[705]) и тема заключения мира[706] (43 разновидности листовок, из которых 17 – германские[707]). Среди второй упомянутой группы прокламаций обращает на себя внимание экстравагантное заявление, содержащееся в немецкой листовке, распространяемой в мае в 7-й армии: «Германские и австро-венгерские представители были уже намечены; они были уполномочены указать, каким образом военные действия между нами и Россией могли бы быть окончены без отпадения России от своих союзников. Однако представители русской армии сочли более удобным не откликнуться на наше предложение»[708]. Подобные обещания, заведомо невыполнимые в силу пункта 5 действовавшей между Россией и Францией военной конвенции от 5 августа 1892 г.[709], безусловно были рассчитаны на солдатскую массу, не знакомую с особенностями коалиционной войны. Весьма важно отметить, что характер ведения военных действий австро-германской стороной часто мог совпадать с тем, о чём говорилось в прокламациях. Так, в частности, в разведывательной сводке штаба 7-й армии № 111512-Р от 16 апреля отмечено, что пленный 16-го имперского полка 36-й австрийской дивизии показал: «11 апреля был прочитан приказ по дивизии, в котором требуется, чтобы полки были приведены в полную боевую готовность в виду ожидаемого русского наступления. Настоящее показа-

[704] Там же. С. 142–148, 154–157, 159–160, 162–166, 168–169, 172–173, 176–181, 227–228, 230–231, 247.
[705] Там же. С. 165–166, 168–169, 172–173, 176–178, 227–228, 230–231, 247.
[706] Там же. С. 142–157, 159–163, 164–170, 171–173, 176–181, 184, 227–228, 233–236, 238, 244–245, 247.
[707] Там же. С. 148–149, 160–161, 165–169, 172–173, 176–178, 184, 227–228, 233–236, 238, 244–245, 247.
[708] Там же. С. 176.
[709] См.: Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 2. Первая мировая война. Док. и материалы / отв. ред. В.К. Шацилло. М., 2002. С. 13.

ние может быть поставлено в связь с подбрасываемыми противником прокламациями, в которых между прочим указывается: «Союзным германским и австровенг[е]р[ским] войскам было предложено начальством в дни Светлого Праздника показать готовность Германии и Австро-Венгрии к окончанию войны» и далее «С 10/23 числа снова придётся стрелять, и опасность будет грозить всякому, выходящему из окопов»»[710]. Следует также отметить, что в марте – июне 1917 г. было выявлено 19 случаев распространения одинаковых или близких по содержанию прокламаций на фронте нескольких армий[711].

Необходимо сказать, что пропагандистская работа Австро-Венгрии и Германии не проходила бесследно. В особенности это стало заметно в 1917 г. Так, А. Нокс, отмечал, что «солдаты, которые умели читать … привыкли считать, что печатное слово – это обязательно правда, поэтому верили всему тому, что читали»[712]. Это, по-видимому, имело отношение и к прокламациям Четверного союза. О том, что, по крайней мере, часть солдат в этот период вполне могла доверять содержанию австро-германской пропаганды, свидетельствуют следующие факты. В представленном депутатами Государственной Думы А.М. Масленниковым и П.М. Шмаковым докладе, подготовленном ими после посещения действующей армии, относительно состояния в частности 1-го Гвардейского корпуса, отмечалось, что к союзникам по Антанте «… чувствовалось явное недоверие. В речах ни одного слова, враждебного к Германии»[713]. Примечателен и эпизод, имевший место в начале июня во время нахождения военного атташе посольства Великобритании генерал-майора А. Нокса в штабе 11-й армии в городе Кременец: «… когда на фронте происходило братание, к русским подошли несколько немецких офицеров, и сразу же начался оживлённый спор о причинах войны. Русские офицеры, естественно, не сошлись во

[710] РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 183. Л. 122; Ф. 2751. Оп. 2. Д. 852. Л. 12.
[711] Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны… С. 144, 148–149, 153–156, 160–162, 164–165, 170–171, 176–181, 230–231, 233–236, 244, 247.
[712] *Нокс А.* Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. 1914–1917 / пер. с англ. А.Л. Андреева. М., 2014. С. 566.
[713] Разложение армии в 1917 г. / подготовлено к печати Н.Е. Какуриным. М.; Л., 1925. С. 55.

мнениях с немецкими, а один из русских солдат заявил, что он склонен скорее поверить тому, что говорят немцы»[714].

Подводя итоги, необходимо отметить, что выявленный рост числа прокламаций Австро-Венгрии и Германии, распространяемых ими в армиях Юго-Западного фронта свидетельствует о том, что командование воюющих государств всё более придавало значение пропаганде, становящейся неотъемлемой частью современной войны. Эффективность такого вида борьбы с противником особенно наглядно проявилась в условиях революции в России. Столь мощное пропагандистское воздействие на фоне всплеска братания весной 1917 г. и меняющейся политической обстановки в России, несомненно, оказывало влияние на настроение солдат и явилось одним из важных факторов роста антивоенных настроений и способствовало дальнейшей утрате боеспособности русской армией.

Теперь необходимо также рассмотреть такой важный компонент братания как меновая торговля. Именно она становилась побудительным мотивом для многих солдат вступать в контакт с противником.

Особая армия. Следует отметить, что меновая торговля часто представляла обоюдный интерес, поскольку рассмотренные ранее первые попытки к братанию со стороны австро-германских войск, имевшие место в начале марта, начинались с просьбы дать им хлеба. На православную Пасху вместе с всплеском братания наблюдалось и повышение интенсивности бартерного обмена между солдатами Особой армии и противостоящих им частей войск Четверного союза: «Начиная со 2-го апреля русские солдаты приходили против Свидники к проволоке германцев и передавали им белый хлеб, а германцам было приказано давать им спирт и водку, что они и делали. Кроме водки германцам приказано ежедневно ночью вешать на русскую проволоку пакеты с прокламациями на русском и польском языках. Под утро русские эти пакеты уносили в свои окопы. Задача прокламаций – скорее убедить русских заключить мир»[715]. Другими словами, алкоголизация русской армии была санкционирована германским во-

[714] *Нокс А.* Вместе с русской армией. С. 568–569.
[715] РГВИА. Ф. 2256. Оп. 1. Д. 183. Л. 360 об.

енным командованием. Стоит подчеркнуть, что передача алкогольных напитков русским солдатам на участке Особой армии, как и в других армиях Юго-Западного фронта получила широкое распространение уже весной 1917 г. По-видимому, распоряжения о снабжении русских солдат спиртными напитками появились до празднования Пасхи, т. к. на участке 39-го армейского корпуса уже 26 марта имел место следующий эпизод: «[В] районе кол[онии] Александровка 2 неприятельских офицера пытались подойти с бутылками [спиртного] к нашим проволочным заграждениям, но при обстреле скрылись»[716].

В то же время немецкие и австро-венгерские военнослужащие имели возможность в ходе братания получать продукты и в первую очередь хлеб. Так, 15 апреля «У Свидники захвачен пленный германец 133[-го] ландверн[ого] полка, показавший, что захвачен в то время, когда шёл к нам за хлебом»[717]. В обмен на хлеб немецкий солдат нёс водку[718]. О том, что острую нехватку продовольствия[719] военнослужащим Австро-Венгрии и Германии удавалось отчасти преодолевать в ходе меновой торговли, имевшей место во время братания, свидетельствуют показания пленного, взятого на нашем Западном фронте, к которому с юга примыкал участок Особой армии: «На фронте Видзы – Василевичи захваченный 28 апреля в районе Антоны / севернее Вклейты / поляк 150[-й] самокатной роты, приданной 15[-й] кавалерийской бригаде, на дополнительном опросе показал … что громадную помощь в смысле пропитания немцев оказывают русские солдаты, охотно продающие свой хлеб»[720]. Таким образом, помимо разведывательных задач, а также распространения среди русских солдат антиправительственной и пораженческой пропаганды военное руководство Четверного союза, поощряя развитие братания, частично решало и проблему обеспечения своих войск продовольствием.

---

[716] Там же. Д. 223. Л. 59.
[717] Там же. Ф. 2228. Оп. 1. Д. 994. Л. 167.
[718] Там же. Ф. 2256. Оп. 1. Д. 183. Л. 361.
[719] См. напр. там же. Ф. 2228. Оп. 1. Д. 996. Л. 71–71 об.; Ф. 2256. Оп. 1. Д. 223. Л. 14–14 об.
[720] Там же. Ф. 2228. Оп. 1. Д. 996. Л. 15.

11-я армия. На её участке также имела место меновая торговля. К примеру, кадет 83-го полка 33-й австрийской дивизии (венгр), взятый в плен 4 апреля, на опросе в штабе армии, в частности, сообщил: «… в районе Баткув – Звыжин наши солдаты и солдаты противника постоянно сходятся и узнают друг от друга все волнующие обе стороны новости, угощая друг друга папиросами, хлебом, водкой и др.»[721]. Также примечателен случай братания, зафиксированный 9 апреля. Согласно разведывательной сводке штаба командующего 11-й армией № 5001 был принят «… против отметки 418, что южнее Хукалиовце, солдат 273[-го] рез[ервного] герм[анского] полка … германец пришел в наши окопы за хлебом, взамен которого принёс водку»[722]. А ефрейтор команды разведчиков, председатель комитета 138-го пехотного Болховского полка (35-я пехотная дивизия, 17-й армейский корпус) Я.И. Кальницкий вспоминал: «После братания у наших солдат появлялись шоколад, смешанный с сахаром австрийский кофе, ром, газеты, а иногда жёлтые тяжёлые ботинки или серые обмотки. … В австрийских окопах после братания наслаждались русским ржаным хлебом, крепким сахаром и примеряли мягкие складные папахи»[723]. Также в «Записках прапорщика» поручик Д.П. Оськин отметил, что во время братания, происшедшего 26 апреля в 3-м батальоне 11-го пехотного Псковского полка (3-я пехотная дивизия, 17-й армейский корпус) «… австрийцы угощали наших солдат ромом и спиртом, меняли у наших солдат свои перочинные ножи, бритвы и другие предметы на хлеб и сало»[724]. Необходимо также обратить внимание и на то, что в процессе описанного Д.П. Оськиным эпизода братания «… Беседа относительно революции и наступления не имела места, ибо люди плохо понимали друг друга»[725]. Эти факты говорят о том, что уже весной 1917 г. братание часто имело в своей основе стремление обеих сторон к меновой торговле: австро-

[721] Там же. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 521. Л. 42 об.
[722] Там же. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 285.
[723] *Кальницкий Я.И.* От Февраля к Октябрю: воспоминания фронтовика. Харьков, 1924. С. 25.
[724] *Оськин Д.П.* Записки прапорщика // *Падучев В*. Записки нижнего чина. *Оськин Д.* Записки прапорщика. М., 2014. С. 259.
[725] Там же. С. 259.

германским войскам не хватало хлеба[726] и другого продовольствия, недостаток которого можно было хотя бы в некоторой степени компенсировать во время братания, а русские солдаты получали взамен те или иные вещи, а также алкоголь, который в России, в связи с введением сухого закона в 1914 г., был дефицитным продуктом. О том, что уже в марте – мае 1917 г. спиртные напитки часто употреблялись русскими солдатами в ходе братаний имеются сведения и из соединений других армий и фронтов[727].

Необходимо также остановиться и на том, что солдатскими комитетами принимались меры, направленные на ограничение употребления алкогольных напитков в частях и соединениях армии, в особенности накануне Июньского наступления. Так, в ходе заседания комитета 2-й Финляндской стрелковой дивизии (6-й армейский корпус), состоявшемся 11 июня, «…Председатель внёс предложение, чтобы всем комитетам вменить в обязанность разъяснять стрелкам, чтобы они воздерживались от употребления спиртных напитков, которые будут оставлены в окопах неприятеля, т. к. это страшно вредно отразится на боеспособности армии»[728]. По итогам рассмотрения данного вопроса дивизионный комитет постановил: «вменить в обязанность всем полковым и ротным комитетам дивизии разъяснять солдатам вред, который они могут принести Родине, употребляя спиртные напитки, оставленные неприятелем в окопах и предостерегать их от такого шага всеми доступными мерами»[729]. Таким образом, меновая торговля, наряду с желанием мира, была одним из главных побудительных мотивов к братанию для русских солдат.

7-я армия. Меновая торговля в ходе братания происходила и на фронте 7-й армии. Так, в ходе эпизода, имевшего место 27 марта, австрийский военнослужащий предлагал русским солдатам алкоголь. Об этом в своих показаниях заявил старший унтер-офицер 655-го пехотного Драгомирчанского полка (164-я пехотная

---

[726] См.: РГВИА. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 521. Л. 49.
[727] См. напр.: там же. Ф. 3130. Оп. 1. Д. 75. Л. 65 об; *Жарков А.* Германские прокламации и «братание». Петроград, 1917. С. 6; *Бурский П.Д.* Братанье с врагом // Народные беседы. М., 1917. № 17. С. 7.
[728] РГВИА. Ф. 2536. Оп. 1. Д. 2. Л. 99 об.
[729] Там же. Л. 99 об.

дивизия, 12-й армейский корпус) Л.И. Комаров, участвовавший в братании: «… во время этой беседы австриец передал [пулемётчику 468-го пехотного Нарымского полка (117-я пехотная дивизия, 12-й армейский корпус, – С.К.) И.] Буряку флягу, из которой последний стал пить, как я узнал затем от Буряка – ром»[730]. Л.И. Комаров утверждал, что алкоголь не употреблял. Безусловно, приведённый эпизод не являлся единичным на этом участке Юго-Западного фронта.

8-я армия. Сходные тенденции наблюдались и на участке 8-й армии, где уже в весенние месяцы 1917 г. во время братания употреблялись алкогольные напитки. Лаконичные сведения разведывательной сводки от 21 мая сообщает: «[В] районе выс[оты] 980 / 8 вёр[ст] сев[ернее] Кэрэшмезэ / вышел офицер при 2-х солдатах [с] газетами и ромом, удалось задержать солдата, принадлежность части коего ещё не установлена»[731]. А 22 мая «[В] районе выс[оты] 1042 Сумарен / 7 вёр[ст] [к] сев[еро]-востоку [от] Кэрэшмезэ / группа австрийцев, вышедшая [из] окопов [с] белым флагом, прокламациями и бутылками вина, была загнана обратно нашей артиллерией»[732]. Также бежавший из плена русский солдат, принятый 19 мая в Шибенском районе, сообщил: «… [во] время братания германцами 17[-го] егер[ского] б[атальона] 200[-й] п[ехотной] див[изии] был заманен [в] окопы и угощён водкой, после чего арестован герм[анским] офицером и направлен [в] высшие штабы / до Штарм /, где, напаивая водкой, расспрашивали главным образом [о] количестве и калибре орудий нашей артиллерии. Из Штарм отправлен обратно, и позицию противника прошёл [с] завязанными глазами»[733]. Исходя из этого, можно заключить, что снабжение русских солдат алкоголем имело двоякую цель: с одной стороны, стимулировать их к участию в братании, с другой – способствовать более непринуждённому общению, «развязать язык» с целью выяснения военных секретов.

Подводя итоги, необходимо отметить, что братание в армиях Юго-Западного фронта сопровождалось как передачей прокламаций русским солда-

[730] Там же. Ф. 3130. Оп. 1. Д. 75. Л. 65 об.
[731] Там же. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 856. Л. 280.
[732] Там же. Л. 281.
[733] Там же. Л. 281.

там австро-германскими военнослужащими, так и меновой торговлей между ними. Именно возможность получить те или иные дефицитные вещи или алкогольные напитки становилась важным побудительным мотивом для участия в братании русских солдат. В свою очередь командование войск германского блока получало возможность, с одной стороны, вносить свою пропаганду в русскую армию, а с другой, до определённой степени снижать остроту продовольственного кризиса, к 1917 г. затронувшего армии Четверного союза.

2.3. Мероприятия командования и солдатских комитетов, направленные на борьбу с братанием

Особая армия. Как и в других армиях Юго-Западного фронта командованием Особой армии издавались приказы, направленные на пресечение братания. Так, уже 6 марта появился приказ, подписанный начальником штаба армии генерал-майором М.П. Алексеевым, в котором говорилось: «Командарм (генерал от кавалерии В.И. Гурко, – С.К.) приказал немедленно принять решительные меры, дабы прекратить всякие попытки к переговорам с неприятелем, так как имеются основания предполагать, что социалистические партии, несомненно имеющие сообщников среди войск, могут попытаться сорвать этим путём близкий, победный для нашей армии, конец войны»[734]. И хотя социалистические партии, открыто поощрявшие братание, в частности, большевики, весной 1917 г. на Юго-Западном фронте обладали ещё весьма малым влиянием, командование старалось предупредить его рост в войсках. Довольно широко распространялся в Особой армии и приказ по военному ведомству № 151 военного министра А.И. Гучкова от 20 марта, в котором, в частности, указывалось: «Расточая лживые слова [о] возможной дружбе [с] Россией, наш озлобленный, жестокий противник судорожно готовится нанести на нашем фронте громовой удар. Намерения его теперь очевидны, они подтверждаются поступающими донесениями»[735].

[734] РГВИА. Ф. 2158. Оп. 1. Д. 57. Л. 226.
[735] Там же. Л. 1283.

Офицеры, в свою очередь, стремились предупреждать развитие братания профилактическими мерами, а именно, разъяснением солдатам того вреда, который наносят контакты с противником обороноспособности государства. К примеру, поводом проведения такого рода бесед стал отказ пленных офицеров 13-го ландверного австрийского полка, взятых 7 апреля, от дачи показаний. В этой связи командующий 39-м армейским корпусом генерал от инфантерии С.Ф. Стельницкий написал на обороте разведывательной сводки, сообщившей о захвате пленных, следующий приказ: «Комкор приказал разъяснить офицерам и солдатам что пример австрийцев, отказавшихся дать показания, которые могли бы повредить их армии, заслуживает уважения, показывает, что противник, заигрывая с нами ведёт определённую разведку, т. к. если бы австрийцы действительно боролись бы за свободу … , тогда им нечего было бы скрывать от нас. Поэтому комкор приказал прекратить сношения с противником, памятуя, что таковые являются изменой Временному правительству, которое ведёт борьбу со шпионами и провокаторами»[736].

Главным же средством прекращения уже начавшегося братания оставался обстрел участка, где оно происходило, лёгкой артиллерией[737]. Однако это приводило к росту враждебности к батарейцам со стороны пехотной массы. Следует сказать, что солдаты противились не только разгону братания артиллеристами, но и ведению ими огня по позициям противника. Подобного рода факты, имевшие место в первой декаде мая, приведены в воспоминаниях старшего офицера 2-й батареи 3-й гренадерской артиллерийской бригады штабс-капитана Э.Н. Гиацинтова: «Однажды, в то время как наша батарея вела огонь удушливыми снарядами по одной из батарей противника, на позицию явилась какая-то компания вооружённых пехотных солдат и потребовала прекращения огня. Фланговый наводчик моментально повернул орудие в сторону негодяев и пригрозил им картечью. Миротворцы немедленно смылись, и батарея продол-

[736] Там же. Ф. 2256. Оп. 1. Д. 183. Л. 311–311 об.
[737] См. напр.: там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 169; Ч. 2. Л. 211, 296, 340.

жала вести огонь»[738]. Подобные эксцессы периодически повторялись: «В другой раз такая же команда явилась на наблюдательный пункт и поставила часового около трубы Цейса (наблюдательный прибор) с тем, чтобы он не подпускал к ней артиллерийских офицеров. Мотивировали они свой поступок тем, что теперь революционная демократия скоро заключит мир без аннексий и контрибуций, так что стрелять больше не надо, а так как все офицеры – контрреволюционеры, то они этого замирения не хотят и поэтому стреляют по немцам. Никакие доводы не могли разубедить их, и они продолжали стоять на своём. По счастью, немецкая батарея вскоре после их прихода начала обстреливать район наблюдательного пункта. Один за одним они начали исчезать с пункта. Оставшись в одиночестве, поставленный часовой махнул рукой и, выругав немцев, поспешил нагнать своих товарищей»[739]. По всей видимости, вышеприведённые эпизоды во многом были обусловлены ознакомлением солдат с социалистическими газетами, вероятно даже эсеро-меньшевистскими, в которых обильно присутствовал лозунг «мир без аннексий и контрибуций». Хотя нельзя исключать полностью и большевистского влияния на пехотинцев.

Случалось также, что жизни офицеров-артиллеристов создавалась прямая угроза: «С некоторых пор по офицерам-артиллеристам, идущим на наблюдательный пункт на дежурство, из резерва с опушки леса стали постреливать. Наши же солдаты проходили совершенно спокойно; стоило только появиться офицеру, как начинали свистеть пули. … Пришлось пользоваться ходами сообщений, но уберегая себя не от противника, а от своих же. Не думаю, что в какой-нибудь другой армии возможно было что-нибудь подобное»[740]. Случаи угроз артиллеристам со стороны пехотинцев отмечались и в других армиях Восточноевропейского ТВД[741].

---

[738] *Гиацинтов Э.Н.* Трагедия русской армии в 1917 году // Русское прошлое: историко-документальный альманах. Кн. 1. Л., 1991. С. 84.
[739] Там же. С. 84.
[740] Там же. С. 84.
[741] РГВИА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 21. Л. 21–21 об., 23 об.

Кроме того, в Особой армии имели место факты взятия в плен австро-германских военнослужащих, приходивших в расположение русских войск с целью братания. Среди эпизодов братания (и попыток к нему) пленение представителей армий Четверного союза зафиксировано в следующих случаях: южнее Дзиковины (7 апреля)[742], в районе Киселина (8 апреля)[743], западнее Повурска (14 апреля) [744], у Свидники (15 апреля)[745]. В мае же, на фоне общего сокращения числа эпизодов братания и близких к нему форм контактов на фронте Особой армии, уменьшилось и количество случаев взятие в плен австро-германцев, приходивших для братания и агитации. Такие факты фиксировались юго-восточнее Седлице (1 мая)[746] и в районе Гулевичи (30 мая)[747]. Таким образом, следует отметить, что, хотя и взятие в плен братальщиков войск германского блока имело место на фронте Особой армии, но, в отличие, к примеру, от 8-й армии, в мае число подобных фактов в Особой армии в целом, исходя из имеющихся документов, несколько сократилось. Это может свидетельствовать о том, что солдатская масса часто противилась пленению австро-германцев.

Стоит также отметить, что ещё одним фактором, в определённой мере сдерживавшим развитие братания в Особой армии в марте - июне была и позиция солдатских комитетов всех уровней, на тот момент ещё имевших значительный авторитет в глазах солдатских масс. Комитеты, в основе своей эсеро-меньшевистские, как известно, стояли на позиции революционного оборончества. Так, в частности, в резолюции собрания Совета выборных Особой армии говорилось: «Война должна быть окончена лишь при условии гарантий всеобщего мира, без аннексий и контрибуций, на основе свободы, независимости и самоопределения наций»[748]. Накануне празднования 1 мая по новому стилю (18 апреля по старому стилю), 17 апреля солдатский комитет Гвардии 2-го

[742] Там же. Ф. 2290. Оп. 1. Д. 326. Л. 139.
[743] Там же. Ф. 2256. Оп. 1. Д. 183. Л. 313–313 об., 317-317 об.
[744] Там же. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 140. Л. 185.
[745] Там же. Ф. 2256. Оп. 1. Д. 183. Л. 360–361; Ф. 2228. Оп. 1. Д. 994. Л. 167.
[746] Там же. Ф. 2228. Оп. 1. Д. 996. Л. 2.
[747] Там же. Л. 71.
[748] Войсковые комитеты действующей армии, март 1917 г. – март 1918 г.: сб. документов.М., 1982. С. 58.

стрелкового Царскосельского полка постановил: «… 2. Делегатов к противнику не посылать. 3. Выставить красные плакаты с надписью: «Сегодня праздник Интернационала». «Стрелять не будем». «Из окопов к нам не ходите». «Парламентёров не принимаем». 4. В великий день мирового праздника Интернационала не стрелять, но из окопов не выходить. На огонь немцев отвечать огнём»[749]. Материалы, направленные на борьбу с братанием, публиковались и в печатном органе армейского комитета – «Известиях выборных Особой армии». Так, в номере от 11 мая отмечалось: «… мы заявили, что нам не нужно завоеваний, т. е. чужой земли, не нужно контрибуций. … Сказали мы это и успокоились в ожидании ответа и не сразу заметили то, что немцы, вместо ответа на наши условия «без аннексий и контрибуций», перестали стрелять и начали заводить с нами «дружбу». А Гинденбург тем временем забирает войска на запад, оставляя на нашем фронте солдат только для разговоров с нами, а сам думает: «Ладно, только бы справиться с Англией и Францией, а там посмотрим, без аннексий и контрибуций или с Литвой, Курляндией и Польшей»»[750]. Также в номере от 14 мая отмечалось, что Совет рабочих и солдатских депутатов и коалиционное Временное правительство вместе выступают за то «… чтобы в армиях не было ни братания с немцами, ни мёртвой обороны, ни разложения дисциплины»[751].

Кроме того, на заседании Совета армейских выборных, состоявшемся 17 мая, говорил о вреде братания и командующий армией генерал от инфантерии П.С. Балуев: «Братание на фронте начало, было, принимать небывалые и недопустимые формы и размеры. Были случаи, когда пехота чуть не со штыками шла на свою артиллерию, которая открывала огонь по выл[ез]ающим для «братания» противникам. Все эти инциденты грустны, так как противник о них знает, учитывает в свою пользу, а сам продолжает делать своё дело. Наше братание здесь дало ему возможность оттянуть на Западный (Французский, – С.К.) фронт свои большие силы для борьбы с наступающими на него нашими союзни-

[749] Там же. С. 95–96.
[750] Известия выборных Особой армии. 1917. № 33. 11 мая.
[751] Там же. № 36. 14 мая.

ками»[752]. Также на заседании Совета армейских выборных, состоявшемся 19 мая, выступил назначенный в Особую армию по соглашению с Исполнительным комитетом Совета рабочих и солдатских депутатов и военным министром комиссар Б.Н. Моисеенко. Касаясь в своей речи вопроса о братании, он отметил: «Другой путь (к миру, – С.К.) – через братание непосредственно на фронте. Я думаю, что этот путь не ведёт ни к чему… Зачем это белое знамя, когда мы вывесили другое, красное знамя, не братания, а братства народов… Пусть противник также смело поднимет красное знамя …, пусть освободит лучших людей своих, пусть освободит Либкнехта, пусть этих лучших людей поставит руководителями … и тогда только может наступить желанный мир»[753].

Начиная с последней декады мая критика братания в «Известиях выборных Особой армии» приобрела новую грань: братание стало противопоставляться наступлению. Так, в номере от 20 мая, в частности, говорилось: «… поверит ли народ германский, что мы им хотим добра, [если] мы идём с ним брататься? Нет, никогда не поверит, потому что они не верят слову, а верят силе, сила же у них – оружие, т. е. Вильгельм, а Вильгельм не словом показывает свою силу, а делом, он захватил довольно большое количество чужой земельки и обещает свой народ обогатить ею. Кому же скорее германский народ поверит – нам, идущим к ним брататься, или Вильгельму? Скажу прямо – Вильгельму…. Когда наша революционная армия пойдёт победоносно вперёд …, тогда народ германский поймёт, как они поглупели, и какое ничтожество у них их Вильгельм. … Довольно и преступно теперь брататься, доброму слову не верят. Опьянели германцы и их союзники от захвата и порабощения, приведём же их в чувство сознания правды силой и оружием»[754]. В этой же связи в печатном органе Совета выборных Особой армии усилилась и критика большевистских

[752] Там же. № 40. 19 мая.
[753] Там же. № 42. 21 мая.
[754] Там же. № 41. 20 мая; см. также: № 45. 25 мая.

идей[755]. Кроме того, отрицание перспективы сепаратного мира, а также критика братания содержались и в других номерах «Известий выборных Особой армии[756].

Однако, по-видимому, все перечисленные меры, принимаемые командованием и солдатскими комитетами, не привели к искоренению братания в Особой армии. Следует подчеркнуть, что снижение интенсивности братания в мае в значительной степени зависело от изменения отношения к нему со стороны австро-германского командования. В этой связи интересны показания перебежчика 40-го имперского полка 2-й австрийской дивизии, данные им 19 мая: «Австрийское начальство приказало прекратить всякое братание, так как боится, что русские выяснят их силы. Офицеры их раньше выходили из окопов, но исключительно [с] целью сделать фотографические снимки»[757]. Об аналогичных приказах сообщали 30 мая и перебежчики – чехи 8-го австрийского Брюннен-ского эрцгерцога Карла Стефана полка[758]. 7 июня пленный германский военнослужащий 122-го резервного полка 7-й ландверной Вюртембергской дивизии сообщил: «Местность впереди окопов минирована. Немцы ожидают нашего наступления»[759]. При таких условиях широкое распространение братания на фронте Особой армии накануне Июньского наступления вряд ли было возможно.

11-я армия. Для борьбы с братанием в 11-й армии, как и на других участках Юго-Западного фронта, принимались меры командным составом и солдатскими комитетами. Последними вырабатывались воззвания, в которых солдатам разъяснялась недопустимость братания[760]. Однако этим солдатские комитеты не ограничивались. Так, на заседания исполнительного комитета 11-й армии, состоявшемся 26 апреля, был намечен ряд мер, направленных на противодействие братанию, наиболее важными из которых были: «1) признать, что завязывание дружеских отношений с противником в настоящий момент недопустимо … 3) признать необходимым устную и печатную агитацию в целях сей

[755] См. напр.: там же. № 43. 23 мая; № 44. 24 мая.
[756] См.: там же. № 31. 9 мая; № 47. 27 мая.
[757] РГВИА. Ф. 2228. Оп. 1. Д. 996. Л. 58–58 об.
[758] Там же. Л. 71 об.
[759] Там же. Л. 83 об.
[760] См. напр.: там же. Ф. 2751. Оп. 2. Д. 852. Л. 12 об.

борьбы (с братанием, – С.К.) … 4) поручить агитационной комиссии выработать воззвание по вопросу о братании … 5) признать необходимым, чтобы в нашей газете ежедневно появлялись несколько ярких фраз, посвящённых этому вопросу, причём эти лаконичные заявления должны публиковаться до тех пор, пока Исп[олнительный] ком[итет] не признает этого уже лишним … 6) послать немедленно телеграммы местным комитетам (дивиз[ионным] и полков[ым]) о необходимости принятия мер для борьбы с братанием с просьбой сообщить Арм[ейскому] ком[итет]у о том, какие меры на сей счёт уже комитетами приняты» [761]. Некоторые ответы от солдатских комитетов различных частей и соединений армии были опубликованы в номере «Известий армейского комитета XI армии» от 10 мая. Приведём наиболее интересные из них: «… все комитеты всех частей *единодушно* (выделено в документе, – С.К.) присоединились к мнению и постановлению Армейского исполнительного комитета, резко осуждая печальное явление братания с противником и принимая все меры к прекращению и борьбе с этим злом … 1) Полковой комитет *** полка, рассмотрев в своём заседании вопрос о братании с противником и завязывании дружеских сношений, постановил: с этим злом нужно бороться всеми имеющимися средствами, а именно: нравственное воздействие, стрельба артиллерийская …, предание полковому суду, опубликование имени преступников в газетах и сообщение по месту жительства путём вывешивания объявления с именем преступника на видных местах. … 2) Совет военных депутатов *** полка постановил … обратиться к солдатам с воззванием, в котором разъяснить, что это *братание является лишь хитрой уловкой нашего врага разузнать наше настроение и по нему судить о боеспособности наших частей, причём благодаря братанию ими узнаётся расположение наших частей и группировка войск* (выделено в документе, – С.К.). Совет военных депутатов полка, помимо этого воззвания, обратился к солдатам с призывом удерживать товарищей, намеревающихся совершить попытку к братанию и по мере сил и возможности пресечь это зло …

[761] Известия армейского комитета XI армии. 1917. № 5. 3 мая.

7) Соединённый комитет N полка, признавая *братания с противником вредными для армии* (выделено в документе, – С.К.), постановил: привлечь для борьбы с этим печальным явлением весь сознательный элемент полка, виновных решено записывать и передавать дела на обсуждение дисциплинарных судов»[762]. Эти данные позволяют заключить, что солдатские комитеты различных полков 11-й армии в марте – апреле не получали указаний от вышестоящих комитетов относительно мер, которые следовало принимать в борьбе с братанием. Напротив, они в значительной мере импровизировали в этом вопросе.

Также, в номер «Известий армейского комитета XI армии» от 3 мая было включено «Открытое письмо братьям солдатам», в котором, в частности, отмечалось: «Громко на весь мир крикнул трудовой русский народ: «Война – позор человечества!» … Но не откликнулись противники наши на честный наш призыв. Враги наши пока ещё молчат, и пока они молчат – они наши враги. А раз они враги, то не может быть братанья с ними. Проникнитесь, товарищи, сознанием, что, братаясь с ними, мы даём им возможность оттягивать их силы с нашего фронта на фронт наших союзников … и уверены ли мы в том, что германцы, покончив с нашими союзниками, не начнут также бить и нас»[763]. В номере за 4 мая по поводу братания говорилось: «Не в сепаратном мире, не в перемирии и братании спасение Русской революции, торжество мира всего мира. Путь к миру другой! И этим путём идёт русский пролетариат, этим путём пойдёт и народная русская армия»[764]. Кроме того, материалы с критикой братания, а также сопряжённой с ним идеи сепаратного мира, содержались в номерах 7–11 (5–10 мая), 13–16 (13–17 мая), 18 (20 мая), 19 (21 мая), 22–24 (25–27 мая)[765].

Командный состав также проводил соответствующую работу. Так, в частности, в Предписании командующего армией генерал-лейтенанта А.Е. Гутора командирам корпусов от 13 апреля говорилось: «В последнее время

---

[762] Там же. № 11. 10 мая.
[763] Там же. № 5. 3 мая.
[764] Там же. № 6. 4 мая.
[765] Там же. № 7. 5 мая; № 8. 6 мая; № 9. 7 мая; № 10. 9 мая; № 11. 10 мая; № 13. 13 мая; № 14. 14 мая; № 15. 16 мая; № 16. 17 мая; № 18. 20 мая; № 19. 21 мая; № 22. 25 мая; № 23. 26 мая; № 24. 27 мая.

замечаются всюду усиленные братания с врагом и безмолвное, как бы по взаимному уговору, соглашение не стрелять. Вновь подтверждаю принять к искоренению этого зла все доступные меры, при том лучшим средством считаю периодический огонь лёгкой артиллерии и производство частых и энергичных поисков (вражеских разведчиков, – С.К.) … По всем врагам, появляющимся с белыми флагами, обязательно открывать артиллерийский, ружейный и пулемётный огонь»[766]. Именно артиллерия в большинстве случаев разгоняла братающихся[767], на что пехотинцы всё чаще реагировали агрессивно: «… попытки артиллерии прекратить братание встречаются пехотой с крайним озлоблением, вплоть до угрозы жестокой расправы со стреляющими батареями»[768]. Враждебно реагировали солдаты пехотных частей и на обстрел позиций австро-германских войск. Так, в 1-м Гвардейском корпусе «… солдаты пехоты часто перерезывают телефонные провода артиллерийских наблюдательных пунктов. Грозят артиллерии в случае стрельбы в противника поднять артиллеристов на штыки. Не позволяют под угрозой штыков открывать пулемётный огонь»[769]. Подобное поведение солдат частей 11-й армии объясняется тем, что они, стремясь к сохранению затишья на фронте, продолжавшееся на ряде участков фронта с пасхальных дней начала апреля по май[770], видели в батарейцах причину его срыва.

Интересный способ противодействия братанию, применявшийся в 138-м пехотном Болховском полку (35-я пехотная дивизия, 17-й армейский корпус) описал в своих воспоминаниях Я.И. Кальницкий: «Вследствие всё развивавшегося братания охрана нашей линии ночью не доверялась ротам, и нам, разведчикам, пришлось проводить ночи в секретах, то полевых, по обе стороны железной дороги, то укреплённых, вынесенных из первой линии и разбросанных вокруг воронки на Золотой горе. … Начальство много ругалось из-за братания

[766] Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис: документы и материалы. М., 1958. С. 497.
[767] См. напр.: *Кальницкий Я.И.* От Февраля к Октябрю: воспоминания фронтовика. Харьков, 1924. С. 25; *Крыленко Н.В.* Почему побежала русская революционная армия. Петроград, 1917. С. 21–22.
[768] Революционное движение в русской армии, 27 февраля – 24 октября 1917 года: сборник документов. М., 1968. С. 71–72.
[769] Цит. по: *Головин Н.Н.* Россия в Первой мировой войне. М., 2014. С. 507.
[770] См. напр.: Из офицерских писем с фронта в 1917 г. // Красный архив. 1932. Т. 1–2 (50–51). С. 206.

и дошло до того, что увело части из первой линии, а нас, разведчиков, заставили и днём нести охрану укреплений»[771]. Важно отметить, что и по адресу разведчиков, служивших буфером, препятствовавшим братанию, имели место враждебные действия: «Случалось иногда вечером, что сзади секрета рвалась русская ручная граната, и мы знали, что это – предупреждение сторонников братания»[772]. Таким образом, в 11-й армии уже весной 1917 г. обозначилось разложение частей не только «по вертикали» – офицеры – солдатская масса, но и «по горизонтали» – между родами войск.

Следует также обратить внимание на то, что, несмотря на предписания командования армии и фронта, в некоторых полках имела место некоторая нерешительность в борьбе с братанием. Так, 26 апреля в штабе 11-го пехотного Псковского полка, узнав о происходящем на участке 3-го батальона братании «… видимо, растерялись и никакого распоряжения не дали, предписав лишь наблюдать за происходящим братанием и о его результатах вечером донести в штаб». Подобное поведение командования полка способствовало тому, что «часа три продолжалась беседа русских с австрийцами. Разошлись лишь тогда, когда ротные кухни привезли к окопам обеды» [773].

Необходимо отметить, что, несмотря на то, что в конце мая количество случаев братания сократилось[774], тем не менее к началу лета полностью справиться с данным видом антивоенных выступлений в 11-й армии не удалось. В этой связи показателен приведённый военным атташе Великобритании в России А. Ноксом эпизод братания, имевший место 2 июня[775]. Примечательно, что даже после начала 18 июня Июньского наступления на отдельных участках фронта 11-й армии фиксировались случаи братания. Так, в частности, в оперативной сводке № 4493 за период с 18 часов 20 июля до 8 часов 21 июля указы-

---

[771] *Кальницкий Я.И.* Указ. соч. С. 24–25.
[772] Там же. С. 25.
[773] *Оськин Д.П.* Записки прапорщика // *Падучев В.* Записки нижнего чина. *Оськин Д.* Записки прапорщика. М., 2014. С. 259.
[774] Известия армейского комитета XI армии. 1917. № 18. 20 мая; № 23. 26 мая.
[775] См.: *Нокс А.* Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. 1914–1917 / пер. с англ. А.Л. Андреева. М., 2014. С. 568–569.

валось: «[В] 1-м Туркестанском [армейском] корпусе наша артиллерия пристреливалась по району дер[евни] Терешковец, где, по поступившим сведениям, происходит братание солдат 5[-го] Туркестанского [стрелкового] полка с противником»[776]. Именно братание, имевшее место в указанном полку, стало причиной трагического инцидента, произошедшего в ночь с 20 на 21 июля. В приказе командующего 1-м Туркестанским армейским корпусом генерал-лейтенанта А.Е. Кушакевича, изданном 28 июля, в этой связи говорилось: «Как установлено с полной точностью произведённым дознанием, в ночь с 20 на 21 июля партия разведчиков 5-го Туркестанского стрелкового полка под командой поручика Авдеева, высланная на разведку перед фронтом полка, была принята соседями за солдат, вышедших для братания с противником, и обстреляна ими ружейным, пулемётным и артиллерийским огнём»[777]. Действия частей, открывших по солдатам 5-го Туркестанского стрелкового полка огонь, командующий корпусом оценил как совершенно правильные: «О высылке разведки на фронте 5-го [Туркестанского стрелкового] полка, *в особенности на стыке соседней дивизии* (здесь курсивом выделено вписанное от руки в документе, – С.К.) командир полка, командир батальона и роты обязаны были сообщить соответствующим начальникам соседних участков и своей артиллерии и не посылкой словесного доклада, а непременно письменного. При исполнении этого никто не мог бы заподозрить чинов 5-го [Туркестанского стрелкового] полка в братании и открывать по ним огонь, как совершенно правильно было сделано в данном случае»[778]. Рассмотренный факт позволяет сделать вывод, что в период летних боёв солдаты не относились сочувственно к братанию и даже готовы были открывать огонь по тем, кто выходил для этой цели из окопов.

Следует также обратить внимание на тот факт, что снижение интенсивности братания к началу лета 1917 г. было во многом обусловлено позицией австро-германского командования. Так, по словам перебежчика 55[-го] германского

---

[776] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 2. Л. 122.
[777] Там же. Ф. 2290. Оп. 1. Д. 612. Л. 30.
[778] Там же. Л. 30.

ландверного полка, принятого 27 апреля в районе д. Сыдонувка, имел место приказ, согласно которому «…Солдатам теперь строго запрещено под угрозой 6[-ти] месяч[ного] тюремного заключения вступать в какие то ни были переговоры с русскими»[779]. Появление подобных приказов, по всей видимости, было вызвано двумя причинами: с одной стороны, командование войск Четверного союза опасалось пагубного влияния русских солдат, так как армия России «…парализована социалистами – идеалистами»[780]; с другой стороны, в течение марта – апреля стало ясно, что российские вооружённые силы существенно ослаблены. В этой связи заслуживают внимания показания перебежчика 5-го егерского батальона, чеха по национальности, принятого 8 июня в районе деревни Конюхи: «В районе Конюхи изо дня в день ожидают нашего наступления, коему, однако, никакого значения не придают, так как не верят больше в боеспособность наших солдат, представляющих собой, будто бы, в массе банду»[781]. Подобная оценка состояния русской армии весной – в начале лета 1917 г. были не единичны[782]. По-видимому, в формировании подобного представления о состоянии российских войск не последнюю роль сыграло братание.

Таким образом, следует отметить, что мероприятия командного состава и солдатских комитетов, направленные против развития братания в 11-й армии не возымели должного эффекта в полной мере, что стало следствием высокой степени разложения её частей и соединений.

7-я армия. Относительно положения дел в 7-й армии, необходимо отметить, что определённому уменьшению числа фактов братания на её фронте способствовали две основные причины. Первой из них является активная работа командного состава и солдатских комитетов, направленная на предупреждение братания, разъяснение солдатам его пагубности для дела обороны страны. Так, пытаясь принять превентивные меры в целях недопущения резкого роста количества эпизодов братания во время празднования Пасхи, Главнокомандующий

[779] Там же. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 521. Л. 51–51 об.
[780] Там же. Л. 51.
[781] Там же. Л. 56.
[782] См. напр.: там же. Л. 49, 51, 57; *Гофман М.* Война упущенных возможностей. СПб., 2016. С. 173.

армиями Юго-Западного фронта генерал от кавалерии А.А. Брусилов в своём приказе № 407 от 27 марта 1917 г. напоминал, что «…подобное отношение к врагу (братание, – С.К.) является преступным и не должно допускаться ни под каким видом. С врагом, не признающим никаких человеческих законов, восстановившим своей жестокостью против себя весь мир, разговоры могут быть только пулей и штыком до тех пор, пока он, окончательно сломленный, не будет просить пощады»[783]. Был также повторен приказ А.А. Брусилова № 643 от 18 апреля 1916 г., предостерегавший от участия в братании[784]. Кроме того, против развития братания были направлены и приказы командиров различных соединений, среди которых следует упомянуть приказ начальника 160-й пехотной дивизии (16-й армейский корпус) генерал-майора В.И. Буймистрова от 7 апреля[785], а также приказ № 74 по 117-й пехотной дивизии (12-й армейский корпус) генерал-майора П.И. Иванова от 27 апреля, в котором, в частности, содержалось предписание: «…в ответ на попытки братанья противника мы должны посылать ему пулю или забирать в плен»[786]. Кроме того, 22 мая «[в] 33[-ем армейском] корпусе [в] районе восточнее Иезуполь захвачена партия разведчиков противника [в] составе 2 офицеров и 2 солдат, которые под видом парламентёров пытались производить разведку, найденными у них документами установлено, что они принадлежат [к] составу разведывательного отделения штаба 3-й австрийской армии»[787]. Эти факты были использованы командованием и комитетом 7-й армии в деле разоблачения перед солдатами истинных целей австро-германского командования и разведывательных органов. В этой связи появилась и заметка в «Известиях армейского комитета 7-й армии»[788].

Работа по пресечению братания велась и солдатскими комитетами всех уровней. Уже в марте основная часть членов солдатских комитетов и близких к ним по политическим убеждениям и уровню образования военнослужащих не

[783] РГВИА. Ф. 2202. Оп. 1. Д. 87. Л. 254 об.
[784] Там же. Л. 242–244.
[785] Там же. Ф. 3116. Оп. 1. Д. 3. Л. 137.
[786] Там же. Ф. 3010. Оп. 1. Д. 77. Л. 44.
[787] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 1. Л. 3.
[788] Известия армейского комитета VII армии. 1917. № 11. 26 мая.

считали, что посредством братания возможно достигнуть мира[789]. Комитетами также выносились резолюции с осуждением братания. Так, на заседании солдатского комитета 75-го пехотного Севастопольского полка (19-я пехотная дивизия, 12-й армейский корпус), состоявшемся 25 апреля, относительно братания постановили: «Братание с противником ни в коем случае не допустимо. … Братание с противником есть нарушение долга перед Родиной, есть нарушение сознательной дисциплины и, как таковое, дезорганизует армию, что входит в интересы противника … Нарушившие долг перед Родиной – изменники, и поступать с ними как с изменниками»[790]. Важное значение имела и позиция партий эсеров и меньшевиков, а также социалистических партий европейских стран, выступавших против идеи сепаратного мира, тесно связанной с братанием[791]. Также, на Съезде делегатов Юго-Западного фронта в г. Каменец-Подольский, проходившем с 7 по 20 мая, одной из главных задач которого являлась подготовка армии к предстоящему наступлению, командующий фронтом генерал от кавалерии А.А. Брусилов в своей речи восклицал: «Что же мы такое: рабы или граждане? Кто братается с противником – рабы или граждане?»[792].

Немаловажно, что и на Первом съезде делегатов 7-й армии «… вопрос о братании обсуждался около двух дней»[793]. При этом большинство участников съезда высказались против братания, причём, по-видимому, не обошлось без определённых преувеличений. Во всяком случае, согласно воспоминаниям солдата-большевика А. Пирейко: «… ораторы-эсеры доходили в своих речах до утверждения, что, будто бы, брататься ходят только бывшие городовые и жандармы, которые сделались теперь большевиками»[794]. Братание на армейском съезде поддержали только немногочисленные представители партии большеви-

[789] См. напр.: ГА РФ. Ф. Р-6977. Оп. 1. Д. 8. Л. 2; Д. 9. Л. 42; Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов: стенографический отчёт. С.73, 105.
[790] РГВИА. Ф. 366. Оп. 2. Д. 165. Л. 41.
[791] ГА РФ. Ф. Р-6978. Оп. 1. Д. 11. Л. 6–7; Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Т. 1. С. 44.
[792] Известия армейского комитета VII армии. 1917. № 1. 14 мая.
[793] *Пирейко А.* В тылу и на фронте империалистической войны: воспоминания рядового. Л., 1926. С. 53–54.
[794] Там же. С. 99–100.

ков[795]. По итогам работы Первого съезда делегатов 7-й армии была принята резолюция, в которой содержался призыв «… решительно осудить братание русского фронта с австро-германским, т. к. оно губит боеспособность русской армии и позволяет австро-германскому военному начальству как перебрасывать войска на Западный (Французский, – С.К.) фронт, так и сосредоточивать ударные группы против отдельных участков нашего фронта»[796].

Ещё одним способом борьбы с развитием братания было оглашение перед солдатами фактов, когда оно использовалось австро-германской стороной в разведывательных целях. Так, 22 мая «[в] 33[-ем армейском] корпусе [в] районе восточнее Иезуполь захвачена партия разведчиков противника [в] составе 2 офицеров и 2 солдат, которые под видом парламентёров пытались производить разведку, найденными у них документами установлено, что они принадлежат [к] составу разведывательного отделения штаба 3-й австрийской армии»[797]. Эти факты были использованы командованием и комитетом 7-й армии в деле разоблачения перед солдатами истинных целей австро-германского командования и разведывательных органов. В этой связи появилась и заметка в «Известиях армейского комитета 7-й армии»[798].

К июню факты братания в 7-й армии стали встречаться реже, но в случае их возникновения командный состав и солдатские комитеты продолжали вести совместную работу, направленную на прекращение братания. Так в отчёте командира 33-го армейского корпуса генерал-лейтенанта М.К. Самойлова командующему 7-й армией генерал-лейтенанту В.И. Селивачёву от 26 июня относительно мер, принятых с целью недопущения братания в 13-м Заамурском пограничном пехотном полку (4-я Заамурская пограничная пехотная дивизия, 33-й армейский корпус), сообщалось: «…Для пресечения братания приняты ме-

[795] Там же. С. 99–100.
[796] Известия армейского комитета VII армии. 1917. № 8. 23 мая.
[797] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 1. Л. 3.
[798] Известия армейского комитета VII армии. 1917. № 11. 26 мая.

ры до воздействия полковых комитетов включительно, а о случаях в 13-м [Заамурском пограничном пехотном] полку производится расследование»[799].

Второй не менее важной причиной снижения количества случаев братания в 7-й армии в мае являлась позиция австро-германского командования. Так, в частности «по словам австрийского перебежчика, 19 мая их начальство приказало прекратить всякое братание, так как боится, что русские выясняют их силы»[800]. Безусловно, приказ, о котором говорится в сводке, не касался участка 7-й армии непосредственно, но поскольку здесь, как и на всём Юго-Западном фронте имело место некоторое снижение интенсивности братания в течение мая, о чём свидетельствуют материалы штаба фронта, резонно предположить, что данное распоряжение командования армий Четверного союза повлияло и на ситуацию на фронте 7-й армии.

Таким образом, к началу лета случаи братания в 7-й армии стали довольно редкими, хотя полностью справиться с этим видом антивоенных выступлений командному составу и солдатским комитетам не удалось. Определённое влияние на степень развития братания оказывали и изменения позиция австро-германского командования по отношению к нему.

8-я армия. Как и в других армиях Юго-Западного фронта офицеры и солдатские комитеты всех уровней разъясняли солдатам пагубность братания для дела обороны. Если же братание всё же начиналось, то отдавались приказы открывать по участку, на котором оно происходило, огонь. Чаще всего братание прекращали залпы лёгкой артиллерии. Кроме того, необходимо отметить, что довольно часто братание на фронте 8-й армии заканчивалось взятием в плен австро-германских представителей. Интересно, что из приведённого перечня фактов, зафиксированных в апреле, по крайней мере в шести случаях братание заканчивалось взятием в плен военнослужащих стран германского блока. Так, 3 апреля были задержаны два австрийца 32-го пехотного полка 30-й пехотной

[799] Антивоенные выступления на Русском фронте в 1917 году глазами современников… С.158.
[800] РГВИА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 17. Л. 12.

дивизии[801], а 4 апреля «[в] районе р. Валеа Стырей / что [в] 6 вер[стах] [к] юго-востоку [от] Кирлибаба / задержано 6 венгров 5[-го] гус[арского] п[олка], пришедших [с] поздравлениями»[802]. Примечательно также то, что эти случаи, произошедшие в пасхальные дни, тем не менее, не вызвали, по-видимому, сопротивления со стороны солдат. А эпизод с захватом немецких братальщиков в плен имел место 13 апреля: «[В] долине р. Форешек, что [в] 8[-ми] вер[стах] [к] юго-востоку [от] Кэрэшмезэ, захвачено 2 германца 22[-го] рез[ервного] п[олка] 117[-й] пех[отной] див[изии], пришедшие [для] переговоров [с] нашими солдатами»[803]. Также немецких военнослужащих удалось захватить в плен во время братания 23 и 28 апреля[804]. Особого внимания заслуживает эпизод несостоявшегося братания, имевший место на фронте 11-го армейского корпуса 16 апреля, когда «…засада разведчиков 47[-го пехотного Украинского] полка атаковала партию германцев, вышедших из своих окопов, захватив одного [в] плен, остальные бежали»[805].

Следует отметить, что, по всей видимости, перечисленные эпизоды захвата в плен австро-германских братальщиков имели место и в других соединениях 8-й армии. Об этом свидетельствуют, в частности, действия представителей армий Четверного союза. К примеру, в упомянутом выше эпизоде, имевшем место 14 апреля в районе высоты 952, к западу от Ворохта вышедший австрийский офицер с трубачом и солдатом, кроме прочего заявил: «Уполномочен дивизией … спросить причину задержания вами раньше 4 человек»»[806]. А в прокламации, обнаруженной на участке 18-го армейского корпуса 25 апреля, говорилось: «Так как Вы вчера задержали трёх людей, которые хотели Вам принести газеты до заграждения, где Вы их могли бы получить, мы сегодня об-

[801] Там же. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 92–93.
[802] Там же. Л. 101.
[803] Там же. Л. 125.
[804] Там же. Л. 145, 155.
[805] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 143.
[806] Там же. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 159. Л. 128.

стреливали каждого являющегося русского. Заботьтесь о том, чтобы эти три люди (так в документе, – С.К.) нам были бы возвращены»[807].

В течение мая количество случаев пленения австро-германских братальщиков возросло, хотя и общее число эпизодов братания и близких к нему форм контактов, а также попыток к ним в целом сократилось. Взятие в плен военнослужащих Четверного союза (пришедших групп в полном составе или частично) имело место в районе высоты 1079, к северу от Кэрэшмезэ, а также на участке действия 11-го резервного германского полка (5 мая); в районе долины рек Рафаилов и Площанец, к северу от Кэрэшмезэ, а также на Кэрэшмезском шоссе (7 мая); у высоты 980, севернее Кэрэшмезэ (21 мая); в районе высоты 1035, к северу от Кэрэшмезэ (26 мая)[808].

Приведённые факты, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что далеко не все солдаты 8-й армии поддерживали братание даже в апреле, на который пришёлся пик распространения этого вида антивоенных выступлений как в рассматриваемой армии, так и на Юго-Западном фронте в целом. Иначе захвату в плен пришедших с целью братания австро-германских военнослужащих было бы оказано противодействие солдатской массы. Следует отметить, что отрицательное отношение к братанию имело место и в некоторых частях и соединениях соседней 9-й армии Румынского фронта[809]. И хотя далеко не всегда братание заканчивалось взятием в плен австрийцев и немцев, тем не менее в 8-й армии количество такого рода фактов составляет практически 1/3 от приведённого перечня эпизодов братаний, зафиксированных в апреле и более половины – в мае. Об этом свидетельствуют данные штаба командующего 8-й армией и главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта.

Необходимо сказать особо об основных мерах, которые были разработаны генералом от инфантерии Л.Г. Корниловым для борьбы с братанием. Находясь на посту командующего 8-й армией с 29 апреля по 10 июля 1917 г., он су-

---

[807] Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны / авт. сост. А.Б. Асташов… С. 163.
[808] РГВИА. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 856. Л. 252, 254, 280, 286.
[809] Там же. Ф. 366. Оп. 2. Д. 12. Л. 75–78.

мел добиться того, что к концу мая братание на фронте армии было сведено к минимуму. В этой связи обращает на себя внимание письмо солдата 255-го пехотного Аккерманского полка (64-я пехотная дивизия, 18-й армейский корпус) в Петроградский совет, написанное не позднее 31 мая, в котором, в частности, указывалось: «Насчёт братания я скажу то, что это уже всё прекращено, и теперь этого нет»[810]. Безусловно солдат не владел всей полнотой информации о происходившем на фронте 8-й армии. Однако данные сведения подтверждаются и отсутствием зафиксированных случаев братания в оперативных сводках штаба фронта за рассматриваемый месяц, а также отчётами органов военной цензуры[811]. Вместе с тем, попытки австро-германской стороны возобновить братание имели место в июне. Так 23 июня «…[В] районе сев[еро]-вост[очнее] Шибены захвачено 2 германца без оружия, [с] прокламациями»[812]. А 26 июня «пленный 1[-го] грен[адерского] полка 1[-й] герм[анской] пех[отной] див[изии], взятый [в] районе 7 вёр[ст] [к] западу [от] Капуль, показал: выслан был для братания»[813].

Отдельно следует сказать об эпизоде, зафиксированном в разведывательной сводке от 10 июня: «Во время разбрасывания прокламаций два наших разведчика / люди очень надёжные / были окружены [в] районе Ляховце / [в] 2 вер[стах] [к] юго-зап[аду] [от] Богородчаны / австрийцами. Последние приняли их как парламентёров и повели [с] завязанными глазами [в] штаб полка. По дороге одному [из] разведчику удалось опустить повязку, он насчитал четыре линии окопов», а также описал их состояние[814]. Разведчики были допрошены в полку, а затем в штабе дивизии: «… Опрашивающие интересовались главным образом будут ли русские наступать и сколько артиллерии. Разведчики отвечали, что наступать наши не собираются, артиллерии мало»[815]. Обращает на себя

[810] Солдатские письма 1917 года / подготовлены к печати О.Н. Чаадаевой. М.; Л., 1927. С. 66.
[811] *Асташов А.Б.* Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. М., 2014. С. 124.
[812] РГВИА. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 856. Л. 359.
[813] Там же. Л. 363.
[814] Там же. Л. 317.
[815] Там же. Л. 317.

внимание тот факт, что «… на следующее утро разведчики … пропущены [в] нашу сторону [с] предложением начать опять братание и прекратить стрельбу»[816].

Для того, чтобы во время подготовки наступления братание в 8-й армии не возобновилось в прежних масштабах Л.Г. Корнилов в своём приказе от 10 июня предписывал принять следующие меры: «Для создания тайны наших действий приказываю, чтобы на пассивных участках с **первого дня артиллерийской подготовки в окопах безотлучно находились бы полковые и батальонные командиры, комитеты** (подчёркнуто в документе, – С.К.), а старшие начальники лично обходили бы их не менее раза в день в сопровождении своих комитетов. Днём усилить число наблюдателей, ночью организовать непрерывное патрулирование между окопами и проволочными заграждениями, мера эта должна пресечь всякую возможность общения наших солдат с противником»[817]. Данный приказ командира и предпринятые в его исполнение действия оказались весьма эффективны. Вместе с тем, в начале лета в ряде частей и соединений действующей армии проявилось обозначившееся ещё весной отрицательное отношение солдатских масс к наступательным действиям[818], хотя и в 8-й армии оно имело место в меньших масштабах. Так, солдат 255-го пехотного полка (64-я пехотная дивизия, 18-й армейский корпус) в письме в Петроградский Совет указывал: «… насчёт наступления настроение такое (если говорить откровенно), чтобы не наступать, - не потому, что это мы поняли как оборону, а как из самосохранения. Не думайте, что мы не понимаем, что такое оборонительная война, – мы это хорошо понимаем, но ведь помирать-то теперь неохота больше, чем когда-либо. Провоевавши почти три года и остаться живым и помереть в последних боях – это ужасно. … у нас впереди жизнь, да свободная

[816] Там же. Л. 317.
[817] Там же. Ф. 3010. Оп. 1. Д. 77. Л. 329.
[818] ГА РФ. Ф. Р-3875. Оп. 1. Д. 4. Л. 4; Ф. Р-6977. Оп. 1. Д. 9. Л. 37; Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов: стенографический отчёт. С.101.

жизнь»[819]. Сходные настроения имели место и в других армиях Восточноевропейского ТВД в рассматриваемый период[820].

Возвращаясь к вопросу о братании, необходимо отметить, что в дальнейшем, находясь уже на посту Верховного главнокомандующего, Л.Г. Корнилов 1 августа издал приказ № 748 по действующей армии, согласно которому для искоренения братания следовало: «… 1) в случае открытого братания целыми группами немедленно открывать по ним артиллерийский и пулемётный огонь; 2) при проникновении для братания неприятеля в наше расположение в плен не брать, а прикалывать пришедших на месте и трупы их выставлять впереди проволочных заграждений; 3) наших солдат за попытки к братанию предавать военно-революционному суду как за измену»[821]. И хотя, по-видимому, эти меры так и остались декларативными, они способствовали значительному сокращению числа случаев братания. Таким образом, к началу июня в целом с братанием в 8-й армии удалось справиться, добившись его снижения до минимума, что во многом стало возможным благодаря деятельности на посту командующего армией генерала Л.Г. Корнилова.

В заключение необходимо отметить, что, хотя во всех армиях Юго-Западного фронта принимались схожие меры, направленные на противодействие развитию братания, в различных армиях они имели разную степнь эффективности, что во многом зависело от степени разложения частей и соединений той или иной армии, а также последовательностью проведения этих мероприятий в жизнь.

Вывод по главе:

Подводя итоги, следует сказать, что после победы Февральской революции, русская армия быстро начала утрачивать прежнюю боеспособность. Одним из проявлений этой тенденции стало развитие братания. Весной 1917 г. оно стремительно утрачивало стихийный характер, превращаясь в ряде случаев в операцию войск германского блока, нацеленную на получение разведыватель-

---

[819] Солдатские письма 1917 года… С. 66.

[820] См. напр.: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 464. Оп. 1. Д. 32. Л. 1–2.

[821] Антивоенные выступления на Русском фронте в 1917 году глазами современников… С. 203.

ных данных, а также на усиление разложения частей русской армии. Для наших же солдат участие в братании было привлекательно не только потому, что являлось выражением их стремления к окончанию войны, но и вследствие того, что давало возможность получить от австро-германских военнослужащих спиртные напитки и дефицитные вещи. И хотя в каждой из армий Юго-Западного фронта братание и близкие к нему формы контактов имели свои специфические черты, указанные выше особенности наблюдались повсеместно. Важно также отметить, что степень развития братания в армиях Юго-Западного фронта не была одинакова в различные месяцы. Количество эпизодов его нарастало с конца марта по первую декаду мая, после чего постепенно стало сокращаться, и к началу Июньского наступления случаи братания практически перестали фиксироваться. Это стало следствием совместной работы командного состава и солдатских комитетов всех уровней, а также в немалой степени было обусловлено изменениями позиции австро-германского командования, занимаемой им по отношению к братанию.

Глава 3. Эволюция братания на Юго-Западном фронте в период большевизации солдатских комитетов (сентябрь – конец октября 1917 г.)

В данной главе сделана попытка исследовать специфику развитием братания в сентябре – октябре 1917 г. Однако, прежде чем перейти к рассмотрению основной проблематики, необходимо отметить, что после создания первого коалиционного кабинета 5 мая и некоторой стабилизации власти, к началу Июньского наступления удалось постепенно свести случаи братания к минимуму на Восточноевропейском ТВД в целом и на Юго-Западном фронте в частности.

В период же летней кампании получили большее распространение иные формы антивоенных выступлений (неисполнение боевых приказов, самовольное оставление позиции, восстания целых полков), однако у командования в целом хватало сил и средств, чтобы справляться с ними. После же назначения 19 июля на пост Верховного главнокомандующего генерала от инфантерии Л.Г. Корнилова удалось добиться некоторого поднятия дисциплины в действующей армии. Он, в частности, издал строгие приказы, направленные против братания, что помешало его возобновлению после стабилизации фронта. Как известно, новый Верховный главнокомандующий стал самой заметной фигурой Государственного совещания, прошедшего в Москве с 12 по 15 августа, на котором высказался за создание твёрдой власти в стране. Совещание показало: противники левых сил готовы к консолидации, и у них появился лидер. Однако после выступления Л.Г. Корнилова, его смещения с поста Верховного главнокомандующего и ареста, Россия вступила в период общенационального кризиса, продолжавшегося в течение сентября до взятия власти большевиками в конце октября. Одним из его проявлений в армии стало возобновление братания[822]. Все попытки стабилизировать власть, венцом которых стало Демократическое совещание в Петрограде (14–22 сентября), а также укрепить армию в новых условиях оказались тщетными. Разложение в войсках на протяжении сентября –

[822] Армия и флот свободной России. 1917. № 206. 7 сентября; № 227. 4 октября; № 229. 6 октября; № 232. 10 октября; № 235. 13 октября.

октября в целом прогрессивно развивалось[823]. Показательно, что назначенный 30 августа на пост военного министра генерал-майор А.И. Верховский, ознакомившись с положением дел в армии, записал в походном дневнике: «Когда я узнал её (обстановку, – С.К.) во всех деталях, передо мной во весь рост стал вопрос о мире, в который упирается решительно всё, которым сейчас начинается и кончается всё»[824].

Одновременно в армии укреплялись позиции большевиков, открыто поощрявших развитие братания. О том, насколько кардинально изменилось восприятие большевиков солдатскими массами наиболее красноречиво можно сказать строкой документа: «Ввиду выборов в Учредительное Собрание в армии по распоряжению свыше последовало … открыть широкий простор всякой партийной агитации. В связи с этим большевики получили возможность свои губительные лозунги – призывы к братанию, немедленному заключению во что бы то ни стало мира, неисполнению приказов и смене начальников – открыто проводить в войска, где, начиная с июля месяца строжайше запрещались и преследовались эти призывы, и не только не было открытой пропаганды большевизма, но в солдатской массе ясно сказывалось убеждение, что одна принадлежность к партии большевиков преступна и позорна. Теперь же во взглядах на их деятельность происходит вполне естественная резкая перемена: большевизм считается солдатами отнюдь больше не преступным, легализованным высшими властями и даже поощряемым ими»[825]. В Военную организацию при ЦК РСДРП (б) поступали просьбы о присылке в армию большевистской литературы[826]. Таким образом, ситуация в вооружённых силах осенью 1917 г. заметно отличалась от положения в предшествующие месяцы. А о том, какие общие черты и особенности имело братание в этот период в армиях Юго-Западного фронта речь пойдёт ниже.

---

[823] См. напр.: Голос фронта. 1917. № 28. 4 октября.
[824] Цит. по: *Сенин А.С.* Русская армия в 1917 г. Из истории Военного министерства Временного правительства. М., 2017. С. 376.
[825] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 4. Д. 4. Л. 62–63.
[826] См. напр.: РГАСПИ. Ф. 464. Оп. 1. Д. 68. Л. 2.

3.1. Особенности братания

Особая армия. В Особой армии, также, как и в других армиях Юго-Западного фронта, осенью 1917 г. возобновилось братание. На некоторых участках фронта этой армии ему предшествовали попытки вербального контакта между военнослужащими противоборствующих сторон[827]. Уже 30 августа, в районе Шельвова против левого фланга Особой (125-я пехотная дивизия, – С.К.) и правого фланга 1-й армии два раза появлялись группы противника с целью братания[828].

В течение сентября – 24 октября на фронте Особой армии были отмечены следующие эпизоды братания (или попыток к нему): между д. Шельвово и «Гренадерским лесом» (с 6 сентября неоднократно)[829]; на участке 125-й пехотной дивизии (39-й армейский корпус) (неоднократно к 16 сентября[830], также в сводке от 24 сентября[831]); в 4-м Неманском пограничном пехотном полку (Сводная пограничная пехотная дивизия, 46-й армейский корпус), в 307-м пехотном Спасском полку (77-я пехотная дивизия того же корпуса), а также в 1-м Туркестанском армейском корпусе (25 сентября)[832]; во 2-й роте 621-го пехотного Немировского полка (156-я пехотная дивизия) (справка к сводке от 27 сентября)[833]; в 4-й сотне 2-го Калишского пограничного пехотного полка (Сводная пограничная пехотная дивизия, 46-й армейский корпус) (сводка с 21 сентября по 1 октября)[834]; в 125-й пехотной дивизии, а также в 689-м пехотном Столинском полку (77-я пехотная дивизия, 46-й армейский корпус) (к 3 октября)[835]; в 31-м Туркестанском стрелковом полку (8-я Туркестанская стрелковая дивизия, 1-й Туркестанский армейский корпус) (сводка с 1 по

---

[827] РГВИА. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 678. Л. 108.
[828] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 5. Л. 309; Д. 239. Л. 198; Ф. 2246. Оп. 1. Д. 94. Л. 50; Армия и флот свободной России. 1917. № 202. 2 сентября.
[829] Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общенациональный кризис: документы и материалы. М., 1961. С. 423–424.
[830] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3817. Л. 162.
[831] Там же. Ф. 366. Оп. 2. Д. 166. Л. 155; Д. 176. Л. 1.
[832] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3813. Л. 124–125.
[833] Там же. Л. 132.
[834] Там же. Л. 166.
[835] Там же. Ф. 366. Оп. 2. Д. 166. Л. 87.

8 октября)[836]; в районе Кухарского леса (участок 44-го армейского корпуса) (10 октября)[837]; в 774-м пехотном Байкальском (Курганском) полку (194-я пехотная дивизия, 39-й армейский корпус), в 690-м пехотном Горынском полку (77-я пехотная дивизия, 46-й армейский корпус), в 10-й сотне 1-го Рыпинского пограничного пехотного полка (Сводная пограничная пехотная дивизия того же корпуса)[838], а также в 1-й роте 3-го Туркестанского стрелкового полка (1-я Туркестанская стрелковая дивизия, 1-й Туркестанский армейский корпус) и 451-м пехотном Пирятинском полку (113-я пехотная дивизия того же корпуса)[839] (сводка с 8 по 16 и 18 октября); неудачная попытка со стороны немецких военнослужащих на участке 442-го пехотного Кашинского полка (111-я пехотная дивизия, 44-й армейский корпус) (сводка с 16 по 25 октября)[840]. Из данного перечня эпизодов братания можно заключить, что в Особой армии оно получило развитие уже в первую неделю сентября, чего практически не наблюдалось в других армиях фронта, а также обращает на себя внимание тот факт, что частота случаев возникновения данного вида антивоенных выступлений здесь приближалась к той степени интенсивности, каковая наблюдалась в весенние месяцы, хотя и большая часть перечисленных эпизодов не носила массовый характер.

Следует отметить, что в Особой, как и в других армиях Юго-Западного фронта, в сентябре – октябре заметно усилилась антивоенная пропаганда, исходившая от большевиков и иных леворадикальных партий. Так, в сводке за время с 7 по 19 сентября отмечалось: «Несомненно усиливается пораженческая агитация, особенно заметная в районе Особой армии (39[-й армейский] корпус, 4[-й] конный, 44[-й армейский] корпус)»[841]. И хотя в других армиях фронта также имело место распространение антивоенных настроений, но столь широкий размах, когда посредством пропаганды разлагалось сразу несколько корпусов, в остальных армиях фронта в сентябре не отмечено. Интересно также, что

[836] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3813. Л. 247 об.
[837] Там же. Ф. 2003. Оп. 1 доп. Д. 1579. Л. 22; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 3. Л. 138, 139.
[838] Там же. Ф. 366. Оп. 2. Д. 166. Л. 95; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3813. Л. 271 об.–272.
[839] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3813. Л. 274.
[840] Там же. Л. 300 об.
[841] Там же. Л. 69.

среди указанных корпусов назван и один кавалерийский, хотя этот род войск был в целом менее восприимчив к антивоенной агитации. Указанная тенденция сохранилась в Особой армии и с 20 по 26 сентября[842].

Во включённом в состав рассматриваемой армии в конце сентября 1-м Туркестанском армейском корпусе положение было сходным с упомянутыми выше корпусами. Так, согласно сводке за период с 18 по 25 сентября, в его соединениях «для незаконных решений масса объединяется не путём сборов рот, а … агитацией, передавая решения по окопам в сознании, что в единении массы сила и безнаказанность. В такой обстановке большой успех имеет агитация, играющая на эгоистических шкурных побуждениях … преобладает главный вопрос, затемняя все прочие: когда будет мир?, что является краеугольным камнем общей разрухи в корпусе. Вследствие политического шатания в тылу растерялись устойчивые элементы. [В] корпусе настойчиво назревает мысль: мир во что бы то ни стало»[843]. Следует также обратить особое внимание на настроение в 39-м армейском корпусе в последнюю декаду сентября, где «…В 125[-й пехотной] дивизии интересуются исключительно вопросом об окончании войны, полагая, что разрешение этого вопроса зависит только от солдат»[844]. Подобное убеждение, распространившееся в массе, свидетельствует о положительном отношении к братанию в указанной дивизии.

В октябре распространение антивоенной агитации в Особой армии продолжилось и даже усилилось. Таковая велась уже в маршевых ротах[845]. Столь многогранный лозунг, согласно которому сами солдаты могут способствовать ликвидации войны, мог одним из компонентов включать в себя и призыв к братанию на фронте. На протяжении же первой недели октября из 39-го армейского корпуса сообщалось «Отношение к войне отрицательное. Солдаты ожидают скорого мира. Хуже всего в 3-й бригаде[846] 53-й [пехотной] дивизии, где сильно

[842] Там же. Ф. 366. Оп. 2. Д. 176. Л. 3.
[843] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3813. Л. 125–126.
[844] Там же. Ф. 2003. Оп. 4. Д. 24. Л. 6.
[845] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3813. Л. 148; Ф. 366. Оп. 2. Д. 166. Л. 88.
[846] В августе 1917 г. в ходе расформирования дивизий 4-й очереди полки 172-й пехотной дивизии были распределены побригадно в 53-ю и 83-ю пехотные дивизии, образовав третью бригаду в дивизиях.

развита большевистская пропаганда / в 685[-м пехотном Логишинском] полку выражают сочувствие Ленину/»[847]. Согласно же сводке о настроениях от 12 октября, в Особой армии наиболее сложное положение создалось в 44-м, 46-м и 1-м Туркестанском армейских корпусах, где велась антивоенная агитация[848]. В дальнейшем настроение частей чаще всего ухудшалось[849]. Эта тенденция проявлялась даже в кавалерии. Так, согласно сводке о настроениях за период с 16 по 25 октября, во 2-й Сводной дивизии 4-го кавалерийского корпуса «…Войной утомлены, но сознают необходимость её продолжения»[850]. Следует отметить, что распространителями антивоенной агитации и, в частности, призывов к братанию не всегда являлись только большевики. Приветствовали братание и анархисты[851]. И хотя их газеты не распространялись на фронте, однако идеи анархизма могли проникать в войска с маршевыми ротами.

Следует также кратко остановиться на положении солдатских комитетов в Особой армии в рассматриваемый период. Как и в других армиях фронта осенью наметилась тенденция к ослаблению их влияния, а также наблюдалась утрата единой линии среди комитетов различных уровней: низовые комитеты ряда частей и соединений всё чаще выносили резолюции против продолжения войны[852].

Следует также отметить, что в корпусах, подвергшихся наибольшему разложению, антивоенные настроения отмечались и в среде офицерства, хотя здесь они были обусловлены иными соображениями, нежели в солдатской массе. Так, в донесении комиссара Временного правительства при Особой армии Анардовича от 18 октября сообщалось: «Нач[альник] 1-й Туркестанской [стрелковой] дивизии сообщает резолюцию собрания офицеров 1-го Туркестанского стр[елкового] полка: «Офицеры считают голословными все заявления о возрождении дисциплины в армии. Армию воскресить нельзя. Желание всех –

[847] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3813. Л. 247.
[848] Там же. Ф. 366. Оп. 2. Д. 166. Л. 77.
[849] Там же. Л. 143.
[850] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3813. Л. 301.
[851] См. напр. Анархия. 1917. № 6. 16 октября.
[852] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3813. Л. 125, 132, 247–247 об.; Ф. 2003. Оп. 4. Д. 24. Л. 7.

заключить мир на каких угодно условиях. Продолжать войну невозможно. Офицеры находят необходимым немедленно заключить мир»»»[853].

Следует, однако, отметить, что большинство солдатских комитетов продолжало действовать в законных рамках, но чаще всего в частях складывалось следующее положение: «Работа комитетов не может быть названа плодотворной: комитеты и дисциплинарные суды не пользуются авторитетом»[854]. В течение октября эта тенденция всё более нарастала[855]. У солдат же 111-й пехотной дивизии 44-го армейского корпуса отмечалось потребительское отношение к комитетам, стремление получить от них какую-либо выгоду[856]. Даже в кавалерии влияние выборных организаций в осенние месяцы значительно понизилось[857]. Всё это свидетельствует о том, что в сложившейся в сентябре – октябре обстановке в Особой армии комитеты уже не могли так же активно, как в предшествующее время, бороться с развитием братания.

Переходя к исследованию характера братания в Особой армии осенью 1917 г., следует рассмотреть непосредственно зафиксированные на её фронте эпизоды данного вида антивоенных выступлений. Исходя из имеющихся сведений, наиболее ранние из них в течение рассматриваемого периода были отмечены уже в первую неделю сентября. Согласно донесению начальника штаба 1 й Туркестанской стрелковой дивизии (1-й Туркестанский армейский корпус) полковника Мешковского в штаб 1-й армии от 12 сентября: «10 сентября в течение целого дня на участке соседней дивизии (125-й пехотной дивизии 39-го армейского корпуса Особой армии, С.К.) между деревнями Шельвово и «Гренадерским лесом» (севернее Шельвово) происходило братание. … [С] 6 сентября наблюдается в этом же районе братание почти ежедневно»[858]. Данную информацию дополняют показания перебежчика – эльзасца, служившего в 377-м пехотном

[853] Там же. Ф. 366. Оп. 2. Д. 166. Л. 95.
[854] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3813. Л. 274.
[855] Там же. Л. 299 об., 300.
[856] Там же. Л. 300 об.
[857] Там же. Л. 301.
[858] Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общенациональный кризис: документы и материалы. С. 423–424.

полку 10-й германской ландверной дивизии, на опросе в штабе корпуса 7 сентября сообщившего, что на данном участке «… днём и ночью идёт братание с русскими солдатами»[859]. Подобные факты ночного братания имели место и весной на участке рассматриваемой армии[860]. В дальнейшем в этом же районе братание продолжилось[861].

Следует отметить, что осенью инициатива начать братание во многих случаях исходила от российских военнослужащих[862]. Но следует ли из того, что инициатива к началу братания в ряде случаев исходила от русской стороны, вывод, что выходившие из окопов неприятельские солдаты действовали самостоятельно, руководствуясь желанием прекратить войну? По-видимому, в большинстве случаев нет, поскольку братание поощрялось австро-германской стороной только на определённых участках фронта Особой армии. На других же оно жёстко пресекалось. Так, в сводке о настроениях частей войск с 8 по 16 октября сообщалось: «попытки (к братанию, – С.К.) имели место в 451-м [пехотном] Пирятинском полку (113-я пехотная дивизия, 1-й Туркестанский армейский корпус, – С.К.), но противник не братался и в то время, когда пирятинцы выходили из окопов, старался подстрелить кого-нибудь. За короткое время есть два убитых и пять раненых, что начинает отрезвляюще действовать на солдат»[863].

Следует также отметить, что в тех районах, где для австро-германского командования было желательно развитие братания, инициатором выступал неприятель. Так, 10 октября «… на участке 44[-го армейского] корпуса в районе Г[осподского] Дв[ора] Кухары нами обстреляна партия немцев, вышедших на бруствер с белыми плакатами»[864]. Интересно, что уже на следующий день, 11 октября в этом же районе «… рассеяна партия противника силою до ½ роты,

[859] РГВИА. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 678. Л. 135.
[860] Там же. Ф. 2290. Оп. 1. Д. 326. Л. 157.
[861] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3817. Л. 162.
[862] Там же. Д. 3813. Л. 124–125; Ф. 2003. Оп. 4. Д. 24. Л. 6 об.
[863] Там же. Л. 274.
[864] Там же. Ф. 2003. Оп. 1 доп. Д. 1579. Л. 22.

пытавшаяся подойти к нашим окопам со стороны Кухарского леса»[865]. Данные факты позволяют предположить, хотя однозначно утверждать это не представляется возможным, что попытка завязать братание на данном участке фронта имела своей целью получение разведывательных данных. После же того, как, исходя из материала источников, эта попытка не увенчалась успехом, австро-германским командованием в данном районе была проведена обычная разведывательная операция. Следует также отметить, что австро-германская сторона была заинтересована в развитии братания, поскольку после летней кампании, когда таковое практически не наблюдалось, необходимо было получение свежих разведывательных данных как о материальном, так и о моральном состоянии русских войск. Этот тезис находит подтверждение, в частности, в характере меновой торговли, имевшей место во время братания, о чём речь пойдёт ниже.

Обращает на себя внимание тот факт, что во многих случаях предметами, в обмен на которые австро-германские солдаты получали продовольствие, были спиртные напитки и прокламации. Так, из показаний перебежчика 377-го пехотного полка 10-й германской ландверной дивизии следует, что в ходе братания «… немцы на табак и спирт выменивают у русских сахар»[866]. А в донесении главнокомандующему армиями Юго-Западного фронта от 16 сентября относительно неоднократно повторявшихся случаев братания на участке 125-й пехотной дивизии сообщалось: «… наши солдаты часто подходят к проволочным заграждениям, и немцы дают им разные свёртки и бутылки»[867]. Также в сводке от 25 сентября говорилось, что несколько солдат 4-го Неманского пограничного пехотного полка Сводной пограничной пехотной дивизии (46-й армейский корпус), находясь в секрете, сходились с противником, «… обменяв хлеб на газеты»[868]. Кроме того, в сводке о настроениях частей армий фронта с 8 по 16 октября указывалось, что на участке того же корпуса «… В Сводной пограничной [пехотной] дивизии имело место братание 10-й сотни 1-го Рыпинского

[865] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 3. Л. 140.
[866] Там же. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 678. Л. 135.
[867] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3817. Л. 62.
[868] Там же. Д. 3813. Л. 124.

[пограничного пехотного] полка, солдаты коего / 5 человек / получили от неприятеля 4 бутылки вина и несколько экземпляров газет»[869]. Данные факты свидетельствуют о том, что командование войск Четверного союза осенью 1917 г. продолжало поощрять развитие братания на ряде участков фронта Особой армии, решая при его помощи несколько задач: внося через газеты и прокламации, передаваемые русским солдатам в ходе братания, свою пропаганду, оно способствовало дальнейшему разложению частей Особой армии; во время братания могла осуществляться разведка сил Особой армии; благодаря бартерному обмену и получения от русских солдат продовольствия было возможно до некоторой степени снизить остроту продовольственного кризиса, всё более усугублявшегося в странах германского блока.

Следует также для более точного определения характера братания на фронте Особой армии проанализировать национальный состав противостоящей этой армии австро-германской группировки (см.: Приложение № 2). На 13 сентября, согласно разведывательным данным, против Особой армии действовало в общей сложности 14 пехотных и 4 ½ кавалерийских австро-германских дивизий[870]. Из них около 11 ½ дивизий были германскими и семь – австро-венгерскими[871]. После же возвращения 1-й армии на Северный фронт и передачи части её участка Особой армии количество немецких дивизий на её фронте увеличилось, составив около 16, а австро-венгерских – 8 ½ дивизий[872]. Относительно германских частей необходимо отметить, что в них, как и в предшествующие месяцы, сохранялась высокая степень дисциплинированности, что, вкупе с относительной национальной однородностью, сводило вероятность стихийного братания на их участках к минимуму. Исключение могли представлять лишь эльзасцы и уроженцы Лотарингии, однако данные комбатанты чаще стремились не к братанию, а к тому, чтобы перебежать из германских окопов в русские с целью сдачи в плен.

---

[869] Там же. Л. 272.
[870] Там же. Ф. 2246. Оп. 1. Д. 162. Л. 126.
[871] Там же. Л. 125–126.
[872] Там же. Л. 176–177 об.; 212–213 об.

Что касается австро-венгерских дивизий, то необходимо отметить, что в рассматриваемый период на фронте Особой армии полки с высоким боевым потенциалом практически отсутствовали. В течение первых двух декад сентября в группировке австро-венгерских войск, противостоящей Особой армии, насчитывалось двенадцать полков, входивших в состав шести дивизий, в которых преобладающую либо значительную долю комбатантов составляли чехи. В ряде случаев в состав этих полков включались австрийские немцы. Таких полков со смешанным составом на данном участке фронта насчитывалось пять, включённых в три дивизии[873]. Кроме того, девять полков из пяти дивизий состояли преимущественно либо из поляков и русин в отдельности, либо в них были включены комбатанты из обоих этих народов[874]. Среди представителей всех указанных этносов (за исключением, пожалуй, только австрийских немцев) в годы Первой мировой войны в той или иной мере имели место пророссийские настроения. Поэтому на участках фронта, занимаемых данными полками, вероятность возникновения стихийного братания была в целом выше, хотя и командный состав австро-венгерских войск принимал меры к его недопущению. Частей с высоким боевым потенциалом на участке Особой армии в осенние месяцы было крайне мало. Среди таковых можно назвать только 4-й егерский батальон 2-й австро-венгерской пехотной дивизии, состоявший из венгров, 29-й егерский батальон той же дивизии, включавший в себя румын, венгров и русин, а также 86-й имперский полк 32-й австро-венгерской пехотной дивизии, состоящий из венгров и сербов, принятый на учёт в Особой после возвращения 1-й армии на Северный фронт и передачи части её участка фронта Особой армии[875]. Более подробно национальный состав австро-венгерских сил после переброски 1-й армии на Северный фронт будет рассмотрен в следующей главе. Необходимо отметить, что состав данной группировки в целом представляется довольно слабым, поскольку около четверти от расположенных на дан-

[873] Там же. Л. 125–126.
[874] Там же. Л. 125–126.
[875] Там же. Л. 126, 177, 213.

ном участке Юго-Западного фронта германских дивизий были кавалерийскими (вероятно, спешенными), а в составе австро-венгерских частей практически отсутствовали полки с высоким боевым потенциалом.

Подводя итоги, необходимо отметить, что в период с начала сентября по конец октября Особая армия продолжала терять боеспособность. Эта тенденция проявилась в том числе и в большом количестве эпизодов братания, имевших место на её фронте, по числу которых рассмотренная армия находилась на лидирующих позициях среди армий Юго-Западного фронта. Отчасти данное «лидерство» объяснялось близостью Особой армии к Западному фронту, где имело место более сильное влияние большевиков, отчасти, выводом из её состава гвардейских полков, на участках которых случаи братания в имеющемся документальном материале не отмечены (за исключением пасхальных). Однако главными причинами развития братания в частях Особой армии осенью 1917 г. являлось стремление солдатских масс к миру, возросшее влияние идей большевиков, анархистов, сторонники которых проникали в армию с маршевыми ротами, а также благодаря распространению соответствующих газет, в первую очередь большевистских. Продолжала оказывать серьёзное влияние на динамику развития братания и деятельность австро-германского командования, проводившего при его помощи разведку сил русских войск, распространяя в них свою пропаганду, а также до определённой степени нивелируя продовольственные проблемы за счёт русских солдат.

1-я армия. Как известно, 1-я армия была переброшена на Юго-Западный фронт в июле 1917 г., по началу на южный его участок, между 8-й армией Юго-Западного и 9-й армией Румынского фронта, а затем, к 10 августа, для усиления группировки войск была перемещена в северную часть Юго-Западного фронта и располагалась между Особой и 11-й армиями. Первоначально штаб армии находился в г. Черновицы (с 11 по 16 июля), после чего, во второй половине июля был перемещён в Липканы. К 10 августа штаб армии располагался в г. Дубно. В период пребывания 1-й армии в составе Юго-Западного фронта на посту командующего ею находились: генерал-лейтенант М.А. Соковнин

(22 апреля – 30 июля); генерал-лейтенант Г.М. Ванновский (31 июля – 9 сентября); генерал-лейтенант В.В. фон Нотбек (9 сентября – ноябрь). 1-я армия была выведена из состава Юго-Западного фронта к 23 сентября и возвращена на Северный фронт.

В период летней кампании случаи братания на всём протяжении рассматриваемого фронта были единичны. Однако начиная со второй половины августа, вновь отмечаются попытки завязывания контактов между военнослужащими противоборствующих армий. По своему характеру они отчасти напоминали действия, предпринимаемые в начале марта австро-германской стороной[876]. Вероятно, подобное поведение одной из целей имело воздействие на моральное состояние российских войск и, возможно, склонить их к тем или иным формам контактов. Данные действия австро-германских военнослужащих соотносимы с их же действиями, имевшими место в начале марта, по следующим характеристикам: 1. такого рода поведение свидетельствует об общем воодушевлении в войсках Четверного союза: весной оно было вызвано вестью о революции в России, в конце лета – успехом немецких войск под Ригой; 2. выражение радости носило демонстративный характер; 3. описанные действия предшествовали и, по-видимому, подготавливали почву для дальнейшего развития братания и близких к нему форм контактов.

Первая же попытка к братанию была отмечена в оперативных сводках 30 августа[877]. Необходимо обратить внимание на то, что указанные попытки к братанию наблюдались именно в том же районе, в котором ранее имело место описанное выше демонстративное поведение австро-германских военнослужащих. В течение сентября случаи братания участились, хотя, по-видимому, не стали в 1-й армии массовым явлением. Согласно данным, содержащимся в оперативных и разведывательных сводках штаба армии и фронта, эпизоды братания (или попыток к нему) имели место: в начале сентября (не позднее

[876] Там же. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 678. Л. 83, 87; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 238. Л. 72, 80; Ф. 2246. Оп. 1. Д. 131. Л. 73.

[877] Там же. Д. 194. Ч. 5. Л. 309; Ф. 2246. Оп. 1. Д. 94. Л. 50; Армия и флот свободной России. 1917. № 202. 2 сентября.

7 сентября) в 1-й роте 4-го Туркестанского стрелкового полка 1-й Туркестанской стрелковой дивизии (1-й Туркестанский армейский корпус)[878]; южнее Галичане у Озерки (разведывательная сводка от 13 сентября)[879]; в лесу северо-западнее Бубнова (участок 1-го Туркестанского армейского корпуса)[880], а также в районе железной дороги Львов – Броды[881] (18 сентября); в районе Диковины северо-западнее Мерва (разведывательная сводка от 20 сентября)[882]. Однако, по-видимому, в данный перечень вошли наиболее значительные эпизоды, поскольку в донесении комиссара Временного правительства по 1-й армии Якубова от 23 сентября указано, что «случаи братания имеют место в секретах по ночам»[883]. Вместе с тем, он отмечал, что данные сведения, полученные контрразведкой, являются «… мало проверенными, требующими самого осторожного к себе отношения»[884].

Далее необходимо обратиться к рассмотрению характера братания, происходившего на фронте 1-й армии. В этой связи важно исследовать состав противостоящей ей группировки войск германского блока (см.: Приложение № 2). На фронте, протяжённостью 105 вёрст, от Шельвова на севере до р. Граберка на юге, 1-й армии в течение августа – сентября противостояло 9 ½ пехотных и 1 ½ кавалерийских дивизий противника, из которых более 5 пехотных и ½ кавалерийской дивизии были немецкими[885]. Как отмечалось выше, среди личного состава германских соединений, отличавшегося высокой степенью национальной однородности и дисциплинированностью, не отмечено пророссийских настроений, а значит комбатанты были мало склонны к стихийному братанию с русскими солдатами. Исключение, как уже отмечалось, могут составлять только эльзасцы.

---

[878] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3813. Л. 6, 22.
[879] Там же. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 678. Л. 153.
[880] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 1. Л. 61.
[881] Там же. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 678. Л. 165–165 об.
[882] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 238. Л. 119.
[883] Там же. Ф. 366. Оп. 2. Д. 166. Л. 149.
[884] Там же. Д. 184. Л. 18.
[885] Там же. Ф. 2246. Оп. 1. Д. 162. Л. 108–108 об.; 126–126 об.

Более сложной была ситуация в армии Австро-Венгрии. В её соединениях, противостоящих 1-й армии в сентябре 1917 г., преобладали полки, состоящие преимущественно или имеющие значительную долю в своём составе представителей титульных наций Двуединой монархии: венгров (9 полков, входивших в состав четырёх дивизий)[886] и австрийских немцев (8 полков, входящих в состав пяти дивизий и один егерский батальон). Венгерские части, отличавшиеся высоким боевым потенциалом и стянутые на Юго-Западный фронт для ликвидации последствий Июньского наступления русской армии, в массе своей не были склонны к стихийному братанию с российскими солдатами. Не наблюдалось пророссийских настроений и в полках, состоящих из австрийских немцев, что также сводило к минимуму возможность стихийного братания на их участках.

Полки же, включавшие в себя значительное число солдат – представителей народов, в среде которых в большей или меньшей степени имели место пророссийские настроения, часто были смешанного состава. К примеру, 70-й имперский полк 32-й австрийской пехотной дивизии и 13-й ландштурменный полк 46-й австрийской стрелковой дивизии состояли из чехов и австрийских немцев, причём, по-видимому, последние количественно уступали, а 6-й батальон 4-го имперского полка и 4-й батальон 84-го имперского полка, входивших в состав 25-й австрийской пехотной дивизии, состояли преимущественно из итальянцев[887]. Безусловно, что, как и в весенние месяцы, представители славянских народов, а также итальянцы и румыны находились в таких полках под контролем со стороны австрийских немцев. Все эти факторы уменьшали вероятность развития стихийного братания с австро-германской стороны.

Однако на участке 1-й армии имелось и довольно большое число полков, состоящих преимущественно из поляков и русин (пять полков и один егерский батальон, входящие в состав трёх дивизий)[888], среди которых сохранялись (хотя

[886] Там же. Л. 108–108 об.; 126–126 об.
[887] Там же. Л. 108, 108 об.; 126, 126 об.
[888] Там же. Л. 108–108 об.; 126–126 об.

и не повсеместно) пророссийские настроения. Поэтому на участках этих полков вероятность обоюдного стихийного братания была выше.

Теперь перейдём к анализу характера конкретных эпизодов братания на фронте 1-й армии. Так, в разведывательной сводке от 13 сентября сообщалось: «[Южнее Галичане] у Озерки на участке 32[-й] австр[ийской] дивизии к нашим окопам подходили неприятельские разведчики, кричавшие: «Вас продали! Скоро будет мир!»»[889]. Следует особо подчеркнуть, что этот случай весьма показателен. Он наглядно свидетельствует об организованном характере с австро-германской стороны данной попытки к братанию, поскольку в состав разведывательных партий чаще всего включались наиболее подготовленные и мотивированные на борьбу солдаты. Кроме того, сами разведчики отличались высокой моральной устойчивостью. Поэтому стихийное братание с их стороны было маловероятно. А содержание приводимого в сводке обращения, в котором говорилось о мире, стремление к которому в солдатских массах русской армии австро-германскому командованию было известно, позволяет предположить, что данная разведывательная партия выполняла приказ завязать братание. Обращение к идее скорого мира имело место и 18 сентября в районе железной дороги Львов – Броды[890]. Однако в начале осени, когда, после летнего спада, братание только начало возобновляться, по-видимому, часть эпизодов имело стихийный характер. Весьма вероятно, что в значительной степени стихийный характер могло носить братание, имевшее место «… в секретах по ночам»[891]. Говоря о характере братания на фронте 1-й армии, нельзя не обратить внимание на свидетельство бежавшего из плена нашего солдата, который, в частности, показал: «… немцы презирают русских за братание, австрийцы относятся лучше»[892]. Этот факт ещё раз подтверждает большую склонность австро-венгерских военнослужащих к стихийному братанию. Однако вероятность его различными способами минимизировалась.

---

[889] Там же. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 678. Л. 152 об., 153.
[890] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 238. Л. 115.
[891] Там же. Ф. 366. Оп. 2. Д. 166. Л. 149.
[892] Там же. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 678. Л. 160–160 об.

Нельзя также не отметить, что в 1-й армии в начале осени отмечено и усиление распространения антивоенных настроений, важной составляющей которых являлось и стимулирование братания. Так, в сводке о настроении армии от 23 сентября сообщалось: «Пораженческой агитации открыто не ведётся, но несомненно, что все тенденциозные слухи о близости мира и разговоры о необходимости прекратить войну, с наступлением осеннего ненастья, путём оставления окопов, встречают сочувственный отклик в солдатской массе и, конечно, находится немало тёмных проходимцев в армейской среде, пользующихся возможностью пожать на этой благодатной почве свои достойные лавры»[893]. Среди корпусов, входящих в 1-ю армию, как видно из сводок о настроениях, наибольшее распространение антивоенные настроения получили в 1-м Туркестанском армейском корпусе[894].

Следует подчеркнуть, что в рассматриваемый период неотъемлемой чертой братания продолжал оставаться обмен дефицитными вещами. Именно стремление получить что-либо от военнослужащих противостоящей армии часто могло становиться побудительным мотивом для начала братания или использоваться одной из сторон для провоцирования на братание солдат другой стороны. Так, 18 сентября «… [В] 1[-м] Туркестанском [армейском] корпусе в лесу сев[еро]-зап[аднее] Бубнова противник бросал в наши окопы табак и папиросы и старался завести разговор с нашими солдатами о мире. В ответ нами был открыт ружейный и пулемётный огонь»[895]. Следует отметить, что приведённая в данной оперативной сводке информация о том, что русские солдаты не пожелали вступать в контакт с австро-германскими военнослужащими и ответили огнём, по нашему мнению, в данном случае заслуживает доверия, поскольку, исходя из основной массы сведений о настроениях в войсках Юго-Западного фронта на протяжении сентября – октября, в большинстве частей к

[893] Там же. Ф. 366. Оп. 2. Д. 184. Л. 16–17.
[894] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3813. Л. 69.
[895] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 1. Л. 61; Д. 239. Л. 357; Ф. 2246. Оп. 1. Д. 131. Л. 51.

братанию длительный период сохранялось отрицательное отношение, что, по-видимому, в немалой степени стало следствием летних боёв.

Подводя итоги, необходимо отметить, что 1-я армия непродолжительное время входила в состав Юго-Западного фронта (июль – сентябрь 1917 г.). На протяжении этого времени наблюдался спад в развитии братания. И только в конце августа наметилась тенденция к его возобновлению, что имело место на протяжении сентября. Однако 1-я армия в начале третьей декады сентября была возвращена на Северный фронт. Это отчасти является объяснением того, что во время её нахождения в составе Юго-Западного фронта количество зафиксированных на участке данной армии эпизодов братания было относительно невелико.

11-я армия. В 11-й армии в исследуемый период (сентябрь – конец октября) также имели место случаи братания. Следует отметить, что, как и в других армиях Юго-Западного фронта, данный вид антивоенных выступлений возобновился на фронте 11-й армии не сразу. Так, на протяжении первых двух декад сентября случаи контактов с австро-германскими военнослужащими отмечены не были[896]. В дальнейшем, согласно имеющемуся документальному материалу, были зафиксированы следующие эпизоды братания: ежедневно с 29 сентября по 2 октября на участке 14-го Олонецкого и 16-го Ладожского пехотных полков (4-я пехотная дивизия, 6-й армейский корпус)[897]; попытки завязать братание отмечались в районе Зромб, у д. Жаркув и у д. Пеняки (разведывательная сводка от 30 сентября)[898]; в разведывательных сводках от 3 и 4 октября отмечены также попытки со стороны австро-германских военнослужащих заговорить с русскими солдатами и завязать братание (конкретные участки фронта армии не указаны)[899]; в сводке о настроении частей армии с 8 по 16 октября отмечалось, что братание имело место в 401-м пехотном Карачевском полку (101-я пехотная дивизия, 32-й армейский корпус)[900]; попытки к

[896] Там же. Ф. 2003. Оп. 4. Д. 31. Л. 21; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3813. Л. 24–24 об., 87–89 об.
[897] Революционное движение в России накануне Октябрьского вооружённого восстания (1–24 октября 1917 г.): документы и материалы. М., 1962. С. 374.
[898] РГВИА. Ф. 2158. Оп. 1. Д. 354. Л. 312.
[899] Там же. Л. 316, 318.
[900] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3813. Л. 276 об.; Ф. 2148. Оп. 1. Д. 987. Л. 44.

братанию на участке 5-го Сибирского армейского корпуса (разведывательная сводка от 10 октября)[901]; у села Маркополь и в районе Белявце по всей линии фронта (12 октября)[902]; по-видимому не переросший в полноценное братание эпизод на участке 617-го пехотного Зборовского полка (4-я пехотная дивизия, 6-й армейский корпус), имевший место с 12 на 13 и с 13 на 14 октября[903]; в районе Захатка (разведывательная сводка от 17 октября)[904]; 17 октября к югу от д. Берлин на участке 32-го армейского корпуса[905]; в районе Звыжина (разведывательная сводка от 20 октября)[906]; южнее д. Чепеле (разведывательная сводка от 22 октября)[907]. Как и в других армиях Юго-Западного фронта, количество случаев братания осенью, а также число участвовавших в нём солдат уступало аналогичным эпизодам, имевшим место в весенние месяцы 1917 г.

Важным фактором, связанным с развитием братания в период общенационального кризиса, являлось заметно усилившееся распространение большевистских идей в войсках[908]. Так уже в первой половине сентября командование и комиссары отмечали, что в 4-й Финляндской стрелковой дивизии 49-го армейского корпуса «Скрытая вредная агитация несомненно ведётся»[909]. Также с 7 по 14 сентября были замечены «… попытки вредной агитации в 602-м [пехотном] Лащёвском полку (включён в состав 7-й пехотной дивизии, 5-го армейского корпуса после начала расформирования дивизий 4-й очереди, – С.К.) с момента прибытия последней маршевой роты. … Вредный элемент наблюдается среди последних прибывших пополнений. Особенно проявляет себя маршевая рота 159[-го] запасного полка, прибывшая на пополнение 604[-го пехотного] Вислинского полка (включён в состав 10-й пехотной дивизия, 5-го армейского корпуса после начала расформирования дивизий 4-й очереди, – С.К.). … В

[901] Там же. Ф. 2158. Оп. 1. Д. 354. Л. 329.
[902] Там же. Л. 334, 335.
[903] Там же. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 985. Л. 386–392.
[904] Там же. Ф. 2158. Оп. 1. Д. 354. Л. 342.
[905] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 3. Л. 156.
[906] Там же. Ф. 2158. Оп. 1. Д. 354. Л. 347.
[907] Там же. Л. 350.
[908] Там же. Ф. 366. Оп. 2. Д. 167. Л. 1, 7.
[909] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3813. Л. 64, 89 об.

604[-м пехотном] Вислинском полку, под влиянием агитаторов прибывшей маршевой роты, настроение близко к крайнему большевизму»[910].

В конце сентября и в течение октября большевистская агитация в частях 11-й армии ещё более усилилась. Так, согласно сводке о настроении частей армий Юго-Западного фронта за период с 21 сентября по 1 октября, «в 6-й Сибирской [стрелковой] дивизии (5-й Сибирский армейский корпус, – С.К.) … последнее пополнение внесло большевизм»[911]. В этом же корпусе за период с 1 по 8 октября отмечалось отрицательное отношение к войне в 50-й пехотной дивизии и 86-м Сибирском стрелковом полку[912]. Кроме того, «… солдатами 86[-го] Сибирского [стрелкового] полка ведётся агитация по всем частям 6[-й] Сибирской [стрелковой] дивизии»[913]. Также рост популярности антивоенных идей имел место и среди солдат 198-го пехотного Александро-Невского полка (50-я пехотная дивизия)[914]. А в сводке о настроении частей армий фронта за время с 8 по 16 октября относительно положения дел в рассматриваемом корпусе сообщалось, что отношение к войне становится отрицательным. В полках 50-й пехотной дивизии велась агитация против войны и за передачу власти советам[915].

Распространялись идеи большевиков и в частях 5-го армейского корпуса. Примером этому может служить резолюция о войне и мире, принятая на общем собрании 40-го пехотного Колыванского полка (10-я пехотная дивизия, 5-й армейский корпус), состоявшемся 16 октября, в которой содержались положения, созвучные большевистским идеям[916].

Наблюдалась антивоенная агитация и в частях 32-го армейского корпуса. И хотя входящие в него дивизии в целом отличались большей, по сравнению с другими дивизиями армии, боеспособностью, большевистская агитация имела

---

[910] Там же. Л. 87 об.–88.
[911] Там же. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 987. Л. 4.
[912] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3813. Л. 245 об.
[913] Там же. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 987. Л. 27, 45.
[914] РГАСПИ. Ф. 464. Оп. 1. Д. 34. Л. 2.
[915] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3813. Л. 277.
[916] Там же. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 989. Ч. 1. Л. 57.

место и здесь. Об этом сообщалось в сводках о настроениях с 1 по 8[917] и с 16 по 25[918] октября.

Ещё более широкие масштабы деятельность большевистских агитаторов получила в 6-м армейском корпусе. Об этом говорилось уже в первую неделю октября в сводке комиссара Временного правительства при 11-й армии А.М. Чекотило[919]. На протяжении октября, под воздействием антивоенной агитации, 6-й армейский корпус быстро утрачивал боеспособность, а популярность в его частях и соединениях идей большевиков возрастала[920]. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что «корпусной съезд всех организаций 6-го армейского корпуса и ячеек / ротных, командных и прочих / РСДРП / большевиков / в составе делегатов от 44 ячеек на заседании своём 16 октября 1917 г., заслушав программу, устав и резолюции … 6[-й] конференции партии[921], единогласно присоединился к ней, о чём постановил довести до сведения ЦК партии»[922]. Следует обратить внимание, что в последних двух рассмотренных корпусах 11-й армии наблюдались случаи братания (или попытки к таковому), одной из важных причин возникновения которых явилось распространение в полках этих корпусов идей большевиков и других леворадикальных партий, в частности анархистов, которые также приветствовали развитие братания[923].

Стоит отметить, что первыми борьбу с антивоенной агитацией начинали вести солдатские комитеты[924]. Однако эффективность их деятельности, направленной на противодействие антивоенной агитации неуклонно падала[925]. Кроме того, в сентябре – октябре наметилась тенденция к усилению влияния большевиков в солдатских комитетах[926]. Интересно также и то, что на предложение Центрального Исполнительного комитета Советов Рабочих и Солдатских депу-

---

[917] Там же. Д. 987. Л. 27.
[918] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3813. Л. 304 об.
[919] Там же. Л. 245 об.
[920] Там же. Л. 303 об.
[921] Имеется ввиду VI съезд РСДРП (б), прошедший в Петрограде с 26 июля по 3 августа 1917 г.
[922] РГАСПИ. Ф. 464. Оп. 1. Д. 83. Л. 1 об., 2 об.
[923] См. напр.: Анархия. 1917. № 5. 9 октября.
[924] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3813. Л. 24, 87 об.
[925] Там же. Ф. 366. Оп. 2. Д. 166. Л. 83.
[926] Там же. Л. 125.

татов, адресованного армейским комитетам, избрать делегатов для посылки на созываемый им в двадцатых числах октября Съезд Советов почти все исполнительные комитеты армий фронта ответили отказом Мотивы отказов у всех исполнительных комитетов были одинаковы: несвоевременность Съезда, поскольку перед этим прошло Демократическое совещание, а также потому, что всякие съезды в период подготовки выборов в Учредительное собрание отвлекут с мест слишком много активных работников[927]. Однако, согласно сводке о настроениях к 15 октября, комитет 6-го армейского корпуса «… единственный из всех корпусных комитетов армии вынес большевистскую политическую резолюцию и занял непримиримую позицию по отношению к Правительству, решив послать на Съезд Советов депутацию»[928]. Даже в армейском исполнительном комитете отмечалось усиление влияния большевиков[929]. И хотя не все комитеты в 11-й армии подверглись заметной большевизации, тем не менее, прежнее их единство, в том числе и как силы, противодействовавшей братанию, осенью 1917 г. было поколеблено.

Переходя к вопросу о характере братания на фронте 11-й армии в исследуемый период, необходимо вновь обратиться к анализу национального состава противостоящей ей группировке австро-германских войск и сопоставить полученные данные с аналогичными сведениями за весенние месяцы (см.: Приложение № 2). Всего за сентябрь – по конец октября против 11-й армии действовало от 7 до 12 ½ пехотных и 1 кавалерийской дивизий[930]. Число это колеблется по двум причинам: в связи с передачей части участка фронта 1-й армии, выбывшей из состава Юго-Западного фронта в начале второй декады сентября, а также в связи с уточнением разведывательных данных. К середине сентября 11-й армии противостояло около 5,5 германских и около 2 австро-венгерских дивизий. Столь резкое изменение состава австро-германской группировки в сравнении с весенними месяцами (около 3,5 германских дивизий из 12,5 диви-

[927] Известия выборных Особой армии. 1917. № 161. 18 (31) октября.
[928] РГВИА. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 987. Л. 43.
[929] Там же. Ф. 366. Оп. 2. Д. 167. Л. 72; Ф. 2003. Оп. 4. Д. 31. Л. 41
[930] Там же. Ф. 2246. Оп. 1. Д. 162. Л. 127, 178, 206, 214.

зий Четверного союза на фронте 11-й армии) объясняется тем, что именно на этом участке Юго-Западного фронта командование противника нанесло главный удар русским войскам и совершило Тарнопольский прорыв, главную роль в котором сыграли стянутые сюда германские части и соединения. Преобладание германских частей с их строгой дисциплиной сводило к минимуму возможность стихийного братания на занимаемых ими участках.

Положение в австро-венгерских войсках, как отмечалось выше, было более сложным. К середине сентября против 11-й армии действовали как весьма боеспособные соединения 33-й австро-венгерской пехотной дивизии, в трёх полках которой преобладали венгры, а в одном (83-м имперском) – австрийские немцы[931], так и части 32-й австро-венгерской пехотной дивизии, в составе которой была значительная доля сербов, среди которых пророссийские настроения были традиционно сильны[932]. В целом боеспособность сил Двуединой монархии на фронте 11-й армии к середине сентября следует оценить как весьма высокую, что значительно уменьшало возможность стихийного братания.

В дальнейшем, после возвращения 1-й армии на Северный фронт и передачи её участка Особой и 11-й армиям, претерпел изменение и состав группировки войск германского блока, противостоящей 11-й армии. Более подробный анализ её национального состава приведён в следующей главе. Здесь же следует отметить, что количество австро-венгерских войск возросло почти в два раза, что, однако, не означает автоматического увеличения случаев стихийного братания, т. к. на фронте 11-й армии оказались как весьма боеспособные части (27-я пехотная австрийская дивизия), так и соединения со средним и малым боевым потенциалом. Тем не менее такого рода изменение группировки противостоящих войск повышало вероятность неконтролируемого братания на участке этой армии.

Теперь рассмотрим непосредственно эпизоды братания в частях и соединениях 11-й армии и попытаемся определить его характер. Исходя из имеющегося материала, в течение нескольких дней (с 29 сентября по 2 октября включи-

[931] Там же. Л. 177 об., 213 об.
[932] Там же. Л. 127.

тельно) контакты фиксировались на участках 14-го Олонецкого и 16-го Ладожского пехотных полков (4-я пехотная дивизия, 6-й армейский корпус)[933].

Пиком развития братания на данном участке фронта 11-й армии стало 30 сентября. Поскольку 29 сентября братание было прекращено именно артиллерийским огнём, около артиллерийских наблюдателей поставлены были караулы из 8–10 солдат. Вооружённое наблюдение было установлено и за офицерами. Часть солдат зашла в немецкие окопы, но в окопы полков 4-й пехотной дивизии немцы не приходили. По подсчёту утром 1 октября у противника осталось 26 солдат 16-го пехотного Ладожского полка и два солдата 14-го пехотного Олонецкого полка[934].

Особый интерес представляет судьба задержанных в ходе этого братания солдат. Как выяснилось впоследствии, после их возвращения 2 октября, немцами были отправлены «… [в] Тарнополь 26 солдат [16-го пехотного] Ладожского полка … Как выяснилось теперь, по расследовании, солдат направляли [с] завязанными глазами»[935], поэтому никаких существенных показаний дать они не могли. Однако были и солдаты, которые при опросе их в штабе корпуса смогли дать более полные показания как о характере укреплений противника на данном участке, так и порядке их допроса германскими офицерами: «… три солдата 16[-го] пех[отного Ладожского] полка, принимавшие участие в братании с немцами первого октября в районе Черниховце, показали: … им завязали глаза и повезли в Тарнополь под конвоем уланов с цифрой «А третий» на погонах. В Тарнополь их привезли к командиру этапного батальона, откуда водили на допрос в штаб дивизии … при опросе интересовались про урожай, тёплую одежду и настроение солдат[936].

---

[933] Антивоенные выступления на Русском фронте в 1917 году глазами современников (воспоминания, документы, комментарии) / авт. сост. С.Н. Базанов. М., 2010. С. 244; Революционное движение в России накануне Октябрьского вооружённого восстания (1–24 октября 1917 г.)… С. 357.

[934] Революционное движение в русской армии 27 февраля – 24 октября 1917 года: сборник документов. М., 1968. С. 454.

[935] РГВИА. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 985. Л. 173.

[936] Там же. Ф. 2158. Оп. 1. Д. 354. Л. 338.

Когда 1 октября три солдата 3-й роты 16-го пехотного Ладожского полка пошли требовать возвращения своих сослуживцев «… им было обещано вернуть задержанных через день-два и дана немецкая записка без подписи, фигурирующая в качестве приказа не стрелять по русским и не захватывать их»[937]. Следует отметить, что в дальнейшем на участке этих же полков немецкими войсками делались попытки к возобновлению братания. Так, 5 октября к северо-востоку от Тарнополя германцами передана солдатам 14-го пехотного Олонецкого полка прокламация, содержащая уверения в миролюбии Германии и обвиняющая союзников в желании продолжать войну. Прокламация начинается словами: «Солдаты 14[-го] Олонецкого и 16[-го] Ладожского полков», а подписана: «Штаб германских войск, расположенных напротив вышеуказанных русских полков»[938]. Данная листовка указывает на то, что немецкому командованию было хорошо известно расположение и номера российских полков в данном районе. Эти сведения могли ими быть получены или подтверждены в ходе братания. Всё это свидетельствует о том, что на фронте 4-й пехотной дивизии братание носило организованный со стороны австро-германского командования характер и имело целью получение разведывательной информации о силе русских войск на данном участке.

По-видимому, также организованным командованием неприятеля был и случай в районе Белявце, где «…по всей линии противника были вывешены 12 октября [в] 18 часов белые плакаты с надписью, которую прочесть не удалось. В том же районе противник пытался выходить группами из окопов, но каждый раз разгонялся нашей артиллерией»[939]. О том, что данный эпизод носил организованный характер свидетельствует то обстоятельство, что плакаты появились по всей линии фронта австро-германских войск в данном районе. Кроме того, несмотря на открываемый с русской стороны огонь, попытки австро-германских военнослужащих выходить из окопов повторялись здесь неодно-

[937] Революционное движение в русской армии 27 февраля – 24 октября 1917 года… С. 454.
[938] РГВИА. Ф. 2158. Оп. 1. Д. 359. Л. 180.
[939] Там же. Д. 354. Л. 335.

кратно. С определённой долей вероятности, хотя и не безусловно, можно считать организованным с австро-германской стороны и эпизод, имевший место 17 октября в 32-м армейском корпусе в районе к югу от д. Берлин, где наша артиллерия разогнала группу австрийцев, выставивших красный флаг и вышедших из окопов с целью завязать братание[940]. По-видимому, братание в этом случае состоялось, так как должно было пройти определённое время между появлением австро-германских военнослужащих и сообщением об этом на батарею. А о том, что командование противника в рассматриваемый период продолжало выступать одной из главных сил, организующих братание на фронте 11-й армии свидетельствуют показания немецкого солдата, взятого в плен 8 октября: «Столинское направление. У Селдище взят в плен солдат 1-го гвард[ейского] телеграфного батальона, который на предварительном опросе показал, что он находился в распоряжении специального офицера, организатора братанья с русскими солдатами в районе Селдище. Пленный хорошо говорит по-русски и был в штабе группы Гауера / почт[овая] конт[ора] 785 /, из штаба был назначен на 14 суток в окопы Баварской кав[алерийской] дивизии»[941].

Однако некоторые случаи братания (или попытки к нему), судя по документальным материалам, носили неорганизованный характер. Так, согласно свидетельству прапорщика 8-й роты 183-го пехотного Пултусского полка (46-я пехотная дивизия, 25-й армейский корпус) Короткова, 12 октября 1917 г. в то время, как он и ротный командир были в окопах, с наступлением темноты в окопах 617-го пехотного Зборовского полка (4-я пехотная дивизия, 6-й армейский корпус) и лежащих против них окопах противника были слышны крики, пели песни и свистали. Сходились ли обе стороны вместе осталось неясным, т.к. было темно[942]. Об этом и подобных случаях, наблюдавшихся в следующие вечера, было доложено командиру 2-го батальона 183-го пехотного Пултусско-

[940] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 3. Л. 156.
[941] Там же. Ф. 2158. Оп. 1. Д. 359. Л. 181.
[942] Там же. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 985. Л. 389.

го полка[943], а затем и начальнику 46-й пехотной дивизии[944]. Известно об этом было и в Ставке[945].

Для выяснения обстоятельств данного эпизода по приказу командующего 11-й армией генерал-лейтенанта М.Н. Промтова была создана следственная комиссия[946] в составе: от 4-й пехотной дивизии - штабс-капитана Бородавкина и товарища секретаря дивизионного комитета прапорщика Омельченко; от 46-й пехотной дивизии – подпоручика Иерусалимского и члена президиума этой же дивизии старшего унтер-офицера Дубинина[947]. В ходе опроса свидетелей удалось восстановить картину происшедшего. Так, в частности, рядовой 183-го пехотного Пултусского полка 8-й роты Ф.М. Денисенко показал: «Я был назначен для связи с соседней 1-й ротой 617-го пех[отного Зборовского] полка. Я находился при ротном командире …, но помещался в соседней землянке. … Я сидел в землянке, как услышал голоса с австрийских окопов; я заинтересовался и вышел тоже послушать из землянки. … Когда я вышел, то услышал, как австрийцы кричали: «Пан, иди сюда! Дадим рому!»; самих же австрийцев не видел … С нашей стороны из окопов товарищи кричали: «Неси сюда!», но австрийцы отвечали, что они боятся. Потом австрийцы приглашали наших к себе в окопы, но наши отвечали им, что тоже боятся идти. Наши, т.е. солдаты 1-й роты 617-го полка только переговаривались, но на бруствер не выходили. Выходили ли австрийцы на окопы, я не видал. Всё это происходило вечером с 12 на 13 октября с.г. 13 октября австрийцы пытались возобновить переговоры вечером, но наши открыли стрельбу из ружей»[948]. Показания других опрошенных свидетелей сходны по содержанию, хотя и нельзя полностью исключить выхода отдельных русских солдат из окопов и братания их с противником[949]. Поскольку попытки к братанию происходили вечером, а также потому, что обе стороны опасались

[943] Там же. Л. 387.
[944] Там же. Л. 386.
[945] Там же. Ф. 2003. Оп. 4. Д. 4. Л. 110, 111.
[946] Там же. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 985. Л. 392.
[947] Там же. Л. 390.
[948] Там же. Л. 390–390 об.
[949] Там же. Л. 390 об.

выходить из окопов можно предположить, что в данном случае имели место стихийные контакты солдат противостоящих армий.

Неизменным спутником братания оставался обмен дефицитными вещами и продуктами. Так, во время братания в 16-м Ладожском пехотном полку 30 сентября наблюдалось следующее явление: «Между окопами образовались кучки [солдат], угощавшие друг друга и даже плясавшие под балалайки и гармонии»[950]. Возможность обменять что-либо во время братания часто выступала одним из главных мотивов к участию в нём. Довольно часто продуктом, получаемым от австро-германских военнослужащих, были алкогольные напитки[951].

В заключение необходимо отметить, что возобновившееся осенью в 11-й армии братание имело как сходные с весенним братанием черты, так и специфические. Среди последних следует назвать его меньшую массовость и степень распространённости в частях армии, а также усилившееся влияние большевиков в войсках, которые часто выступали организующей силой (наряду с австро-германским командованием), способствовавшей развитию братания. Интересно и то, что, вместе с эпизодами братания, отмечавшимися в полках, подвергшихся наибольшему разложению, факты возникновения этого вида антивоенных выступлений имели место и в относительно прочных частях, каковой, к примеру, являлась 101-я пехотная дивизия 32-го армейского корпуса. Однако в большей части корпусов армии в течение сентября – конце октября братание развития не получило. Это свидетельствует о том, что большинство солдат не считало, что с его помощью возможно достижение мира.

7-я армия. В осенние месяцы 1917 г. в 7-й армии вновь начали фиксироваться случаи братания. Здесь, как и в других армиях Юго-Западного фронта, их количество возрастало по мере углубления общенационального кризиса в России. Так, в частности, накануне и в период выступления генерала Л.Г. Корнилова, а также в первых числах сентября случаев братания в рассмат-

[950] Революционное движение в русской армии 27 февраля – 24 октября 1917 года… С. 454.
[951] РГВИА. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 985. Л. 390 об.; Ф. 2158. Оп. 1. Д. 354. Л. 342.

риваемой армии зафиксировано не было[952]. На протяжении же исследуемого периода (сентябрь – конец октября) были отмечены следующие эпизоды: с 19 по 25 сентября, а также с 26 сентября по 2 октября имели место попытки к братанию на фронте 22-го армейского корпуса[953], в частности, 26[954] и 29 сентября[955], а также 5 октября[956] на участке 2-й Финляндской стрелковой дивизии (22-й армейский корпус); 6 октября отмечались случаи братания на участке 74-го пехотного Ставропольского полка (19-я пехотная дивизия, 12-й армейский корпус)[957]; 12 октября (конкретный участок в источниках не указан)[958]; 16 октября в районе Скала (Каменец-Подольское направление)[959].

Вместе с тем, в ряде сводок, как разведывательных, так и донесений комиссара Временного правительства указывалось, что случаев братания не было. Отсутствуют сообщения о братании и о попытках к нему в сводках сведений о противнике за периоды с 6 по 12 сентября и с 13 по 19 сентября[960]. Также указано, что братания не было в донесениях комиссаров от 21, 24 сентября, 3, 6, 9, 16, 23 октября[961]. Если сопоставить данные, приводимые в сводках комиссаров с информацией из других типов источников, приведённой выше, то можно заметить, что в некоторых случаях сведения разнятся: в разведывательных сводках сообщалось о попытках со стороны австро-германских военнослужащих начать братание, а в донесениях комиссаров указывалось, что братания не было. Это заставляет предположить, что, либо комиссары не владели в полной мере исчерпывающей информацией о фактах братания и попытках к нему или же, не считали необходимым помещать в сводках сообщения о неудачных попытках со стороны войск Четверного союза организовать братание. Вероятно, в разных случаях имело ме-

[952] Там же. Ф. 2003. Оп. 4. Д. 36. Л. 4; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3813. Л. 89 об.–90 об.
[953] Там же. Ф. 3318. Оп. 1. Д. 760. Л. 382, 389.
[954] Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общенациональный кризис: документы и материалы. С. 447–448; *Тужиков И.З.* Полки встают под красные знамёна // Октябрь на фронте: воспоминания. М., 1967. С. 205–207.
[955] РГВИА. Ф. 366. Оп. 2. Д. 165. Л. 17.
[956] Там же. Д. 166. Л. 81.
[957] Там же. Ф. 2003. Оп. 4. Д. 31. Л. 49 об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3813. Л. 247 об.
[958] Там же. Ф. 366. Оп. 2. Д. 165. Л. 96; Д. 166. Л. 74.
[959] Там же. Ф. 2158. Оп. 1. Д. 359. Л. 194.
[960] Там же. Ф. 2246. Оп. 1. Д. 162. Л. 140 об., 149.
[961] Там же. Ф. 366. Оп. 2. Д. 165. Л. 3, 7, 21, 72, 76, 83, 91; Д. 166. Л. 45, 79, 82, 105, 150.

сто как одно, так и другое из указанных обстоятельств. Следует также отметить, что из-за обобщённого характера данных, приводимых в сводках, в особенности недельных сводках, точное количество эпизодов братания и попыток к нему, фиксировавшихся на участке этой армии, подсчитать весьма затруднительно.

Теперь перейдём к изучению характера братания в 7-й армии. В этой связи немаловажным представляется анализ состава австро-германской группировки, противостоящей 7-й армии в осенние месяцы (см.: Приложение № 2). Следует отметить, что в сентябре – октябре её состав менялся незначительно. Общее число дивизий противника на фронте 7-й армии за период с 13 сентября по 25 октября колебалось в пределах 12 ½ – 13 ½ пехотных дивизий[962]. Из них только три являлись австро-венгерскими. Остальные были германскими[963]. Столь значительное преобладание немецких соединений на фронте 7-й армии позволяет предположить, что стихийное, с австро-германской стороны, братание на их участках в целом было маловероятно, поскольку в германской армии дисциплина сохранялась почти до конца войны, на что указывалось выше.

Отдельно следует остановиться на национальном составе австро-венгерских сил. К сентябрю 7-й армии противостояли дивизии, состоявшие преимущественно из полков со средним и низким боевым потенциалом. К числу полков со средними боевыми возможностями следует отнести 88-й имперский полк 54-й пехотной дивизии, укомплектованный чехами и австрийскими немцами; 103-й имперский полк (55-я пехотная австрийская дивизия), состоявший из румын и венгров, но с преобладанием первых. Большинство полков имели низкий боевой потенциал вследствие того, что были сформированы из народностей, представители которых по крайней мере отчасти были лояльно настроены по отношению к России. К таковым следует отнести 21-й, 22-й и 23-й гонведные полки 38-й гонведной дивизии, состоявшие из румын, 19-й и 35-й стрелковые полки 54-й пехотной дивизии, укомплектованные поляками и русинами (хотя среди них уровень пророссийских настроений мог быть не

[962] Там же. Ф. 2246. Оп. 1. Д. 162. Л. 128, 179, 207, 215.
[963] Там же. Л. 127–128; 178–179; 206–207; 214–215.

слишком высок), 81-й имперский полк той же дивизии, личный состав которого составляли преимущественно чехи[964]. Таким образом, на участках данных полков обоюдное стихийное братание, становилось более вероятным, хотя и командование войск противника принимало меры к его недопущению. Однако в числе противостоящих 7-й армии соединений имелись и полки с высоким боевым потенциалом. К таковым следует отнести Украинский полк (54-я пехотная дивизия), а также 32-й егерский батальон той же дивизии, укомплектованный русинами и венграми, 309-й гонведный полк 55-й пехотной дивизии, в составе которого преобладали венгры. На участках фронта, где находились эти соединения, стихийное, со стороны противника, братание было маловероятно.

Перейдём к рассмотрению непосредственно тех эпизодов братания (и попыток к нему), которые были зафиксированы на участке 7-й армии в исследуемый период. Следует отметить, что братание, возобновившееся осенью, наряду с наличием сходных черт, сближавших его с весенним братанием, имело и ряд особенностей. Первой в их числе следует считать способ установления контакта, применявшийся с австро-германской стороны: так как в летние месяцы братание почти прекратилось, то для его возобновления противник чаще всего пытался завязать контакты с разведчиками, высылаемыми от частей 7-й армии. Вместе стем, попытки русских разведчиков проникнуть в расположение австро-германских войск, отбивались ружейным и пулемётным огнём[965]. Такого рода попытки военнослужащих Четверного союза отмечались, в частности, на фронте 22-го армейского корпуса за период с 19 сентября по 2 октября[966]. Имели место также случаи, когда инициатива начать братание исходила от разведчиков частей 7-й армии[967]. А на фронте 2-й Финляндской стрелковой дивизии отмечались не только факты завязывания братания разведчиками полков этой дивизии, но и противодействие со стороны солдат деятельности разведывательных

[964] Там же. Л. 127 об., 128; 178 об., 179; 206 об., 207; 214 об., 215.
[965] Там же. Л. 188 об.
[966] Там же. Ф. 3318. Оп. 1. Д. 760. Л. 382, 389.
[967] Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общенациональный кризис: документы и материалы. С. 447–448.

партий других полков. Так, в сводке о настроениях армий Юго-Западного фронта за период с 21 сентября по 1 октября в одном из полков был зафиксирован следующий эпизод: «… партия разведчиков на участке 2-й Финляндской [стрелковой] дивизии была задержана угрозами насилием солдатами 8-го Финляндского [стрелкового] полка. После долгих препирательств финляндцы предложили разведчикам перейти к ним в полк. 30 разведчиков согласились и остались в [8-м] Финляндском [стрелковом] полку. Об этом производится дознание»[968]. Эти эпизоды свидетельствуют о том, что в соединениях, наиболее подвергшихся разложению, каковым являлась 2-я Финляндская стрелковая дивизия, а также в расположенных неподалёку от неё частях процесс деградации и рост антивоенных настроений затронул в том числе и менее восприимчивых к таковым разведчиков.

Ещё одной важной характерной особенностью братания, имевшего место в сентябре – октябре, являлось возраставшее на протяжении этих месяцев влияние идей большевиков и иных леворадикальных партий, в частности, анархистов, также поощрявших братание[969], на солдатские массы. Об этом говорилось в целом ряде донесений комиссаров Временного правительства. Сообщения об усилении пропаганды большевистских и близких к ним идей в войсках отмечались уже в начале сентября, непосредственно после подавления выступления генерала Л.Г. Корнилова[970]. Также об увеличении «… [в] некоторых полках большевизма и дезорганизации» говорилось в сводке от 14 сентября[971]. Активизировалась и деятельность большевиков по доставке в действующую армию своих печатных изданий[972]. Также 21 сентября комиссар 7-й армии в своём донесении отмечал: «Настроение армии внушает тревогу вследствие упорных толков о мире, влияния пораженческих идей, пропаганда которых почти неуловима, затруднений продовольствия и обмундирования. … Пропаганда поражен-

[968] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3813. Л. 166.
[969] См. напр.: Анархия. 1917. № 3. 25 сентября.
[970] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 4. Д. 36. Л. 3.
[971] Там же. Ф. 366. Оп. 2. Д. 165. Л. 27; Ф. 2003. Оп. 4. Д. 36. Л. 54.
[972] См. напр.: РГАСПИ. Ф. 464. Оп. 1. Д. 64. Л. 1.

ческих идей неизменно сопровождается резким падением дисциплины и понижением боеспособности, доходящим до отказов идти в разведку и недопущения артиллерийского обстрела из опасения тревожить неприятеля. Прибывающие пополнения в большинстве случаев ухудшают настроение в частях»[973]. Подтверждалось это и донесениями командиров полков и дивизий, согласно которым пропаганда большевистских идей отмечалась, в частности, в 3-й Заамурской пограничной пехотной дивизии (41-й армейский корпус)[974], в 47-м Сибирском стрелковом полку (12-я Сибирская стрелковая дивизия, 7-й Сибирский армейский корпус)[975].

Следует обратить внимание, что процесс разложения армии заметно усилился в октябре. Так, в донесении от 6 октября сообщалось: «[В] большинстве частей армии [в] настоящее время с большой остротой обсуждается вопрос о необходимости заключения мира. … Борьба с разлагающим влиянием толков о мире чрезвычайно затруднительна, так как застрельщиком безумной агитации в пользу мира является дезорганизованный тыл, который в газетах и брошюрах большевистского направления, свободно проникающих в армию, резко и определённо ставит вопрос о необходимости немедленного заключения мира, выражает недоверие Временному правительству, обвиняя его в предательстве и служению интересам русской и иностранной буржуазии. Армия отвечает на это падением духа, дисциплины и склонностью к эксцессам»[976]. Близкая по содержанию с указанными в донесении идеями резолюция была, в частности, принята на митинге Гвардии Павловского резервного полка[977]. Также в донесении от 12 октября говорилось: «В некоторых частях армии общий процесс развития анархических настроений, нервозность и упадок духа продолжается. Жажда мира во что бы то ни стало растёт с каждым днём. Та же усталость и нервное нетерпение замечается [в] последнее время в офицерской среде. То, что месяц

[973] РГВИА. Ф. 366. Оп. 2. Д. 165. Л. 20; ср. также: Голос фронта. 1917. № 17. 21 сентября.
[974] РГВИА. Ф. 366. Оп. 2. Д. 165. Л. 16–17.
[975] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3813. Л. 165 об.
[976] Там же. Ф. 366. Оп. 2. Д. 165. Л. 88–89; Д. 166. Л. 79.
[977] РГАСПИ. Ф. 464. Оп. 1. Д. 58. Л. 1.

тому назад встречалось сравнительно редко, как например, отказ целого полка от работ и занятий под тем или иным предлогом, то теперь является заурядным фактом»[978]. Так, в частности, в сводке о настроениях частей армий Юго-Западного фронта за период с 1 по 8 октября, отмечалось, что в 22-м армейском корпусе в целом отношение к войне отрицательное. В особенности это касалось 2-й Финляндской стрелковой дивизии, где имела место широкая антивоенная пропаганда; 11-й Финляндский стрелковый полк 3-й Финляндской стрелковой дивизии вынес резолюцию о немедленном заключении мира[979]. Рост популярности большевистских идей наблюдался в 41-м армейском корпусе[980]. В сводке же за период с 8 по 16 октября указано, что пропаганда антивоенных идей наблюдалась в частях 22-го армейского корпуса, а также в 416-м пехотном Верхне-Днепровском полку 104-й пехотной дивизии 34-го армейского корпуса[981]. Кроме того, при Гвардии Егерском полку (1-я гвардейская пехотная дивизия, 1-й Гвардейский корпус) был создан комитет партии большевиков[982]. В целом же воздействие большевистских лозунгов на состоянии войсковых частей отражалось следующим образом: «Настроение неудовлетворительное: в одних частях апатичное, в других, под влиянием большевистской агитации, возбуждённое, создающее эксцессы»[983].

Также необходимо кратко остановиться и на том факте, что осенью 1917 г. наметилась тенденция к усилению влияния большевиков и в войсковых выборных организациях[984]. А помощник комиссара 7-й армии Г.С. Сулима в донесении от 29 сентября сообщал: «Во Второй Фин[ляндской стрелковой] дивизии [22-й армейский корпус] на соединённом заседании дивизионного и полковых комитетов была вынесена резолюция о предъявлении требований Временному правительству о немедленном заключении мира. С целью предъявле-

[978] РГВИА. Ф. 366. Оп. 2. Д. 165. Л. 95–96; Д. 166. Л. 74.
[979] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3813. Л. 248.
[980] Там же. Л. 249.
[981] Там же. Л. 275.
[982] РГАСПИ. Ф. 464. Оп. 1. Д. 59. Л. 1.
[983] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 4. Д. 31. Л. 48.
[984] Там же. Ф. 366. Оп. 2. Д. 165. Л. 20.

ния этой резолюции вторая Фин[ляндской стрелковой] дивизия, минуя комиссариат, отправила делегацию в ЦИКСОРСОД»[985]. Также 6 октября комиссар 7-й армии доносил, что некоторые комитеты втянуты в обсуждения вопроса о мире и выносят самые различные резолюции[986]. Далее в донесении от 9 октября указывалось, что большевистские лозунги всё чаще отражаются на резолюциях, выносимых войсковыми комитетами[987]. Также, в сводке о настроениях армий Юго-Западного фронта за период с 8 по 16 октября сообщалось, что в 7-м Сибирском армейском корпусе «… в 47-м [Сибирском стрелковом] полку (12-я Сибирская стрелковая дивизия, – С.К.) комитет в постановлении, распространённом в других полках дивизии, предлагает правительству теперь же заключить мир, так как Россия, по мнению комитета, к сопротивлению более не способна; в 73-ем [Сибирском стрелковом] полку ведётся пораженческая агитация, захватившая и полковой комитет»[988].

Также в сводке от 23 октября сообщалось о том, что «в объединённом заседании полковых и дивизионного комитетов Гвардейской стрелковой дивизии [2-й Гвардейский корпус] вынесена резолюция, в которой объявлена «война против войны», с требованием от Временного правительства обратиться ко всем народам Земли с предложением о немедленном перемирии на всех фронтах»[989]. Однако не следует преувеличивать влияние большевиков в выборных солдатских организациях как 7-й армии, так и Юго-Западного фронта в целом[990], поскольку меньшевики и эсеры продолжали сохранять в них значительный вес, и их партийная печать стремилась противопоставить большевистской пропаганде свои идеи[991].

В некоторых случаях отмеченное комиссарами Временного правительства возросшее влияние идей большевиков и других радикальных социалистических партий в частях 7-й армии получало выражение и в фактах братания.

---

[985] Там же. Л. 17.
[986] Там же. Д. 165. Л. 88; Д. 166. Л. 79.
[987] Там же. Д. 165. Л. 75; Д. 166. Л. 105.
[988] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3813. Л. 276.
[989] Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917г. – март 1918 г. М., 1982. С. 377.
[990] Голос фронта. 1917. № 21. 26 сентября.
[991] См. напр.: За землю и волю. 1917. № 4. 6 октября; № 6. 9 октября; № 13. 17 октября.

Так, в донесении от 29 сентября указано: «На почве открытой агитации во второй Фин[ляндской стрелковой] дивизии [22-й армейский корпус] … была попытка братания при участии офицеров, разогнанная артиллерией. Мерами, принятыми комитетами и личным вмешательством комиссара, братание прекращено»[992]. Резонно предположить, что в данном случае инициатива по организации братания или, по крайней мере, его поощрение, могли исходить от упомянутых офицеров, могущих разделять идеи большевиков. Также на участке 12-го армейского корпуса 6 октября австрийцы пытались передать в 74-й пехотный Ставропольский полк (19-я пехотная дивизия) газеты. При этом австрийцев вышло на братание около 40 человек, ставропольцев – до 70. Братание было прекращено артиллерийским огнём[993]. Ещё один эпизод отмечен 12 октября[994]. И хотя в приведённых выше эпизодах неясно, от кого исходила инициатива начать братание, то обстоятельство, что солдаты частей и соединений 7-й армии выходили из окопов, свидетельствует и о влиянии на них большевистских лозунгов.

Официальные отчёты дополняют свидетельства очевидцев и участников братания. Так, член солдатского комитета 6-го Финляндского стрелкового полка (2-я Финляндская стрелковая дивизия, 22-й армейский корпус) рядовой И.З. Тужиков вспоминал: «24 сентября (по-видимому, автор ошибается, так как этот случай братания описывается в рапорте начальника 2-й Финляндской стрелковой дивизии генерал-майора Е.М. Демидова командующему 22-го армейского корпуса генерал-лейтенанту А.А. Безрукову от 26 сентября, – С.К.) по их инициативе (большевиков 6-го Финляндского стрелкового полка, – С.К.) полк выслал к немцам двух стрелков-разведчиков с белым флагом и плакатом «Долой войну!». Солдаты переправились через Збруч, на окраине деревни Зелёная установили плакат и жестами пригласили немцев. Те подошли, взяли щит с надписью и ушли к своей заставе. Это послужило как бы сигналом к массово-

[992] РГВИА. Ф. 366. Оп. 2. Д. 165. Л. 17–18.
[993] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3813. Л. 247 об.–248.
[994] Там же. Ф. 366. Оп. 2. Д. 165. Л. 95–96.

му братанию. С обеих сторон побежали группы окопников. Всего между позициями собралось до 400 стрелков 6-го [Финляндского стрелкового полка], около сотни человек 8-го [Финляндского стрелкового] полка и свыше 150 немцев. Братание продолжалось почти два часа»[995]. Следует, однако, отметить, что численность участников братания, приводимая И.З. Тужиковым, вероятно не вполне точна, поскольку в рапорте начальника 2-й Финляндской стрелковой дивизии говорилось, что в братании, помимо разведчиков, приняли участие «некоторые стрелки 6-го и 8-го [Финляндских стрелковых] полков»[996]. Безусловно, есть основания полагать, что генерал-майор Е.М. Демидов стремился занизить численность братавшихся солдат. Но, вместе с тем, и рядовой И.З. Тужиков, писавший свои воспоминания много лет спустя, мог, как невольно, так и сознательно, преувеличить количество участников братания. Поэтому приводимые им цифровые показатели следует считать примерными.

Однако обращает на себя внимание и тот факт, что, хотя практически во всех донесениях комиссаров Временного правительства отмечается усиление большевистской агитации в войсках, тем не менее в большинстве сводок также указано, что братания в частях 7-й армии не было[997]. И хотя сводки, составляемые комиссарами, не всегда содержали исчерпывающую информацию о фактах братания, тем не менее указанная особенность свидетельствует о том, что усилия большевиков, направленные на организацию братания в рассматриваемой армии, далеко не всегда находили отклик в солдатской массе.

Неотъемлемой частью братания в сентябре – октябре, как и в весенние месяцы, продолжала оставаться меновая торговля. Именно она служила одним из важнейших побудительных мотивов для вступления в контакт с австро-германскими военнослужащими и, тем самым, способствовала возобновлению братания после почти повсеместного прекращения его в период летней кампании. Необходимо отметить, что осенью 1917 г. в обмен на русский хлеб воен-

---

[995] *Тужиков И.З.* Полки встают под красные знамёна // Октябрь на фронте: воспоминания. С. 205.
[996] Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общенациональный кризис: документы и материалы. С. 447–448.
[997] РГВИА. Ф. 366. Оп. 2. Д. 165. Л. 7, 21, 72, 76, 83, 91; Д. 166. Л. 105; Ф. 2003. Оп. 4. Д. 36. Л. 4.

нослужащие стран Четверного союза всё чаще предлагали российским солдатам различные алкогольные напитки[998].

Подводя итоги, необходимо отметить, что в течение сентября – октября братание в 7-й армии вновь возобновилось. Оно не получило столь широкого распространения, каковое наблюдалось на протяжении марта и особенно апреля, однако наметилась тенденция к нарастанию количества эпизодов и числа его участников. Стоит подчеркнуть, что в осенние месяцы обозначилась некоторая поляризация отношения к братанию среди солдат 7-й армии: в большинстве соединений к нему относились отрицательно, либо индифферентно и, вероятно, не видели в нём средства, при помощи которого можно достигнуть мира; одновременно с этим в части полков, степень разложения которых была выше, оно получило распространение. Ещё одной особенностью развития братания в рассматриваемый период стала возросшая, в сравнении с предшествующим временем, роль большевиков, выступавших (наряду с австро-германским командованием) в качестве силы, организующей братание.

Таким образом, необходимо заключить, что в большей части корпусов армий Юго-Западного фронта в течение сентября – октября братание развития не получило. Это, по-видимому, было связано с тем, что значительная часть солдат изменила отношение к противнику после летних боёв, оказавшихся неудачными для русской армии. Указанные факты свидетельствуют о том, что большинство солдат не считало, что с помощью братания возможно достигнуть мира. Поэтому во многих частях и соединениях в рассматриваемый период к нему относились либо индифферентно, а порой и враждебно.

3.2. Попытки командования, комиссаров и солдатских комитетов противодействовать братанию

Особая армия. Отдельно следует обратиться к рассмотрению мер, принимаемых для борьбы с развитием братания в Особой армии. Как и в предше-

[998] Там же. Ф. 2003. Оп. 4. Д. 31. Л. 71.

ствующие месяцы работу по поднятию дисциплины проводили командный состав, солдатские комитеты и комиссары Временного правительства. Офицерство, как и весной, стремилось разъяснять солдатам пагубность братания, однако осенью эта работа затруднялась тем, что в значительном большинстве частей и соединений армии офицерам не доверяли, а порой имело место и враждебное отношение солдатских масс к ним, вызванное, как известно, корниловским выступлением.

Солдатские комитеты, в особенности высших ступеней, начиная с полковых, в большинстве продолжали противодействовать развитию братания, хотя и, как отмечалось выше, в рассматриваемый период единство их действий утрачивалось. В частности, Совет военных депутатов Особой армии (армейский комитет) стремился бороться с братанием, публикуя соответствующие материалы на страницах своего печатного органа. Так, в номере от 5 сентября было помещено следующее сообщение: «2 сентября. На некоторых участках Юго-Западного фронта противник упорно пытается возобновить братание, но каждый раз его партии, приближающиеся с этой целью к нашим окопам, рассеиваются огнём»[999]. Схожий материал был помещен и в номере от 15 октября[1000]. Посредством публикации такого рода сообщений комитет стремился показать, как следует действовать солдатам на передовой в случае попыток австро-германских военнослужащих к братанию.

Кроме того, в этой газете помещались статьи, направленные против роста антивоенных настроений в целом и в комитетах различных уровней, в частности, являвшихся питательной почвой и для братания. Так, в «Известий выборных Особой армии» была опубликована пространная статья солдата В. Шишакова, где, в частности, отмечалось: «Ниже мы помещаем резолюцию, вынесенную корпусным съездом *** корпуса по вопросам о текущих событиях. Первая часть этой резолюции, касающаяся войны и мира, в высшей степени неудачно редактирована. В этой части указывается на то, что войну Россия вести не мо-

[999] Известия выборных Особой армии. 1917. № 124. 5 сентября.
[1000] Там же. № 159. 15 октября.

жет, а потому «съезд требует официального предложения всем воюющим государствам демократического мира» … Сильны ли мы настолько, когда заговоры внутри нас ослабляют, когда падает Рига…? Да, мы слишком слабы. … Нас поэтому могут бить немцы, в дни нашего революционного одушевления братавшиеся с нами. … Спросим же участников корпусного съезда: «Вы, которые так откровенно признали бессилие своего корпуса, вы, имевшие мужество объявить во всеуслышание всем ясный факт, – подумали ли вы о том, какой мир вы можете требовать? Какой хотите, но не демократический. Да и можете ли требовать? Ибо требует сила, а не бессилие»[1001]. Вывод статьи состоял в следующем: «На мирной конференции все обопрутся на свои силы. И мы должны опереться на свою силу. Армия должна быть на месте»[1002]. Также в обращении исполнительного комитета Совета военных депутатов Особой армии, опубликованном 27 сентября, о невозможности заключения сепаратного мира с державами Четверного союза говорилось: «Сепаратный мир с Германией. Но разрешит ли этот ответ нашу задачу?... Нет, не разрешит, потому что сепаратный мир с Германией неминуемо тотчас же повлечёт за собой новую, ещё более тяжёлую и губительную для России войну с Японией, Англией, Францией и т. д.»[1003]. В этом же обращении содержался призыв не поддаваться влиянию антивоенной агитации и сплотиться вокруг выборных организаций: «Решения и постановления комитетов должны строго выполняться. Всякий, нарушающий или не исполняющий постановления комитета, должен считаться врагом народа, контрреволюционером»[1004]. Данное требование к уважению решений выборных организаций было весьма злободневно в свете вышеизложенного нараставшего пренебрежения к ним.

Кроме того, в газете помещались письма солдат, содержание которых должно было побуждать к единению и продолжению борьбы. Так, к примеру, в письме солдата Рудометова говорилось: «Товарищи солдаты и граждане! Прошу вас, опомнитесь, посмотрите на всё, окружающее вас. … Ведь наша Родина

[1001] Там же. № 133. 15 сентября.
[1002] Там же. № 135. 17 сентября.
[1003] Там же. № 143. 27 сентября.
[1004] Там же.

переносит страшные болезни, ей нужна помощь, а помочь лишь только мы можем. Первая болезнь – это война, и с ней мы справиться можем только при помощи дружной организации, когда сольёмся все воедино во главе с Временным правительством и Советом солдатских и рабочих депутатов, встанем твёрдой ногой с оружием в руках на защиту свободы против угнетателей человечества»[1005]. Однако, как отмечалось выше, роль комитетов в борьбе с братанием, как и в иных отношениях, в осенние месяцы неуклонно падала, а тираж «Известий выборных Особой армии» был слишком мал, чтобы оказывать влияние на настроение солдатских масс.

Следует отметить, что солдатскими комитетами неоднократно выносились резолюции, непосредственно осуждающие братание. Так, в ходе собрания президиумов частей и председателей хозяйственных комиссий дивизии при участии исполнительной комиссии дивизионного комитета (номер дивизии не указан), состоявшегося 1 октября, было постановлено: «Заслушав заявления о наблюдавшихся попытках к братанию в некоторых частях дивизии, соединённое собрание считает недопустимым такое явление, как явную измену Родине, и предлагает всем комитетам немедленно принять самые решительные меры для пресечения дальнейших попыток к братанию, позорящих честь и достоинство солдата»[1006].

Кроме того, критике подвергались не только недавние эпизоды братания, но и сам феномен как таковой, мешающий скорейшему завершению войны. Так в «Известиях выборных Особой армии» от 20 октября, в контексте сообщения о неудачах союзных итальянских войск у Изоццо, указывалось: «Повторяется старая история, которая имела место в марте и апреле текущего года, когда германцы путём братания достигли возможности перебросить войска с Русского фронта на Англо-Французский. В то время англичане и французы по своим стратегическим соображениям повели наступление на фронте в 120 вёрст (Суше – Ипр) и достигли прорыва германского расположения на целых 35 вёрст в глубину. Войска Германии, переброшенные с восточного театра, быстро оста-

[1005] Там же. № 128. 9 сентября.
[1006] Там же. № 157. 13 октября.

новили англо-французское наступление»[1007]. Критика братания как явления имела также место и в печатном органе Исполнительного комитета Юго-Западного фронта, газете «Голос фронта», в которой, в частности, подчёркивалось, что в первые месяцы после революции «… немецкая провокационная деятельность и братание разрушали армию, вносили рознь и открытую вражду в ряды солдат и офицеров»[1008]. Ещё один приём, направленный на создание у пехотинцев негативного отношения к братанию – отождествление его сторонников с контрреволюционными монархическими силами. В этой связи в цикле статей «Беседы о войне и мире» публицист Л. Кацман писал: «Итак, вот новый рецепт для тех, кто хотел и хочет братанием закончить эту войну: вспомните, господа «братальщики», свои старые полицейские навыки, берите спрятанные у вас в подполье портреты Николая II-го и Алисы Гессенской, с триумфальным маршем, с пением «Боже, Царя храни» идите к немецким окопам; там вас милостиво встретят господствующие там прусские юнкера и всенемецкие жандармы и заключат с вами сепаратный мир»[1009]. Однако, по-видимому, значительная часть солдат скептически воспринимала подобные аргументы, поскольку о большинстве участвовавших в братании им было известно, что к полиции и корпусу жандармов эти люди не имели отношения.

Продолжали вести борьбу с развитием братания в Особой армии и представители комиссариата. Помимо бесед с солдатами, нацеленных на прекращение уже начавшегося братания, комиссар Временного правительства Особой армии Анардович принимал и превентивные меры. Так, в частности, им делались попытки связать развитие братания с деятельностью контрреволюционных сил в армии. В одном из своих обращений комиссар, в частности, заявлял: «Товарищи, солдаты и офицеры. За неимением достаточных средств, дело просвещения в нашей армии стоит не на должной высоте. Во многих частях просвещением масс занимаются бывшие жандармы и городовые, лозунгами которых

[1007] Там же. № 163. 20 октября.
[1008] Голос фронта. 1917. № 14. 17 сентября.
[1009] Известия выборных Особой армии. 1917. № 164. 21 октября.

до революции было: «Тащить и не пущать» всех политиканов и революционеров, а теперь их лозунг: «Беги с позиции» и «Братайся с немцами»»[1010]. По-видимому, такого рода утверждения были продиктованы не столько реальным поведением большинства бывших полицейских и жандармов, оказавшихся после Февральской революции в армии, сколько идеологическими соображениями. Однако данный тезис, увязывавший братание с контрреволюционной деятельностью, должен был способствовать формированию негативного представления о нём в солдатской среде. Также комиссаром Особой армии Анардовичем 25 сентября был издан приказ, направленный как на борьбу с братанием непосредственно, так и с распространением пропагандистского материала, получаемого от австро-германских военнослужащих в ходе братания: «Все неприятельские издания (газеты, прокламации, брошюры) немедленно сдавать в комитеты, кои через корпусных комиссаров направлять в Комиссариат армии. Замеченных в хранении или распространении вышеупомянутых изданий немедленно арестовывать и предавать суду за содействие успеху неприятеля. Кроме предания суду, сообщать мне имена всех, замеченных в братании и имена перебежавших к неприятелю, дабы я мог путём широкого оглашения дать возможность заклеймить их позорные имена всеобщим презрением»[1011].

Следует отметить, что в рассматриваемый период далеко не все солдаты Особой армии поддерживали и были готовы участвовать в братании. Как уже отмечалось, осенью чаще всего браталось небольшое количество солдат того или иного полка. Как сообщалось в сводке о настроениях частей Особой армии от 12 октября: «Честных солдат достаточно, но они пассивны и молчат»[1012]. Кроме того, даже части, степень разложения которых была весьма высока, далеко не всегда приветствовали братание. Так, в сводке о настроениях частей армий фронта за период с 16 по 25 октября относительно положения дел в 111-й пехотной дивизии 44-го армейского корпуса сообщалось: «Отношение к

[1010] Там же. № 136. 19 сентября.
[1011] Там же. № 143. 27 сентября; № 144. 28 сентября.
[1012] РГВИА. Ф. 366. Оп. 2. Д. 166. Л. 77.

войне отрицательное: шкурный вопрос и трусость стоят на первом плане, большинство желает скорее уйти в тыл или домой, однако в 442[-м пехотном Кашинском] полку попытки немцев к братанию были встречены огнём»[1013].

Если же всё-таки на том или ином участке фронта братание начиналось, то, как и в предшествующие месяцы, чаще всего его прекращал огонь лёгкой артиллерии. Однако в сентябре – октябре это средство становилось применять всё затруднительнее, поскольку антагонизм между артиллерией и пехотой, начавший проявляться ещё весной, уже к концу лета достиг высокой степени. В этой связи 31 августа на заседании дивизионного комитета одной из дивизий армии (номер дивизии не назван в газете) артиллеристы выступили с рядом вопросов: «а) почему нас обвиняют в стрельбе по противнику?; б) почему говорят, что мы будем стрелять по своим? … Дивизионный комитет, заслушав, постановил: а) Просить командный состав разъяснить товарищам солдатам, что артиллерия имеет наблюдательный пункт, стрельбу производит по строго обдуманному плану и, обстреливая неприятеля, исполняет свой долг перед Родиной и революцией. б) Тот факт, что товарищи артиллеристы со своим командиром влились в заседание дивизионного комитета – этой общественной организации, указывает на их желание действовать с пехотой в полном единении, и опасаться враждебных действий с их стороны не представляется возможным»[1014].

После же того, как в сентябре – октябре в ряде частей армии возобновилось братание, которому противодействовала артиллерия, рознь между ней и пехотными частями ещё более обострилась. В рассматриваемый период участились случаи угроз в адрес артиллеристов и их арестов со стороны солдат пехоты. К 18 октября подобные эксцессы были отмечены «… в 774[-м пехотном Байкальском (Курганском)] (194-я пехотная дивизия 39-й армейский корпус, – С. К.), 690[-м пехотном Горынском] (77-я пехотная дивизия, 46-й армейский корпус, – С. К.) и 1-м Рыпинском [пограничном пехотном] полках (Сводная по-

[1013] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3813. Л. 300 об.
[1014] Известия выборных Особой армии. 1917. № 138. 21 сентября.

граничная пехотная дивизия, 46-й армейский корпус, – С. К.)»[1015]. Стоит остановиться на приведённых инцидентах более подробно. Так, в сводке о настроениях с 8 по 16 октября сообщалось: «По донесению комитета 125-й артиллерийской бригады, группа солдат 774-го [пехотного Байкальского (Курганского)] полка вышла за проволочные заграждения для братания с противником, но огнём батареи «братальщики» были разогнаны; после чего отдельные солдаты 774-го полка грозили батарее кровавой расправой»[1016]. А в 46-м армейском корпусе в течение этой же недели имел место следующий случай: «… Представители 2-й роты 690-го [пехотного Горынского] полка требовали от наблюдателей 1-й батареи 77-й артиллерийской бригады, чтобы батарея прекратила огонь по трём австрийцам, вышедших из окопов с белыми флагами, а на следующий день 15 человек 4-й роты того же полка окружили тот же наблюдательный пункт с целью помешать артиллеристам докладывать по телефону о выходе австрийцев из окопов, так как солдаты собирались пойти получить от них газеты. 3 часа спустя, когда батарея всё же открыла огонь по вышедшим австрийцам, на пункт явилась группа солдат, из коих один вырвал у телефониста трубку и передал на батарею, что 4-я рота 690-го [пехотного Горынского] полка требует немедленного прекращения огня. Дознание производится»[1017]. Кроме того, помимо рассмотренных эксцессов, в течение того же периода схожий случай произошёл и в 1-й Туркестанской стрелковой дивизии 1-го Туркестанского армейского корпуса: «Братание имело место в 3-м [Туркестанском стрелковом] полку в 1-й роте, но огнём артиллерии было прекращено. После этого несколько стрелков 1-й роты явились на наблюдательный пункт и с бранью и угрозами требовали объяснения от командира батальона. Расследование производится»[1018]. Таким образом, несмотря на принимаемые меры, братание в Особой армии в сентябре – октябре всё же продолжало нарастать.

[1015] РГВИА. Ф. 366. Оп. 2. Д. 166. Л. 95.
[1016] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3813. Л. 271 об.
[1017] Там же. Л. 272.
[1018] Там же. Л. 274.

1-я армия. Главные же методы, направленные на борьбу с развитием братания, оставались прежними: разъяснительная работа, проводимая командным составом, солдатскими комитетами и комиссарами Временного правительства. Стоит отметить, что позиция армейского комитета получала отражение на страницах его печатного органа. В частности, в номере от 17 сентября было опубликовано содержание речи военного министра генерал-майора А.И. Верховского, произнесённой им на Демократическом совещании, в которой относительно вопроса о мире, стремление к которому стимулировало развитие братания, отмечалось: «Война должна продолжаться, пока не будет уверенности, что мир будет действительно миром свободы. Для этого необходимы жертвы и подвиги»[1019]. В том же номере помещалась заметка о рассмотрении в корпусном суде дела прапорщика Смирнова и 34 солдат, одним из пунктов обвинения которых являлось братание с немцами[1020]. Публикация таких материалов, даже если суд происходил в другой армии, должна была подчеркнуть отношение солдатских комитетов, а значит и социалистических партий к братанию и предостеречь солдат 1-й армии от участия в нём. Здесь следует отметить, что в случае начала братания, осуществлялся обстрел места, где оно наблюдалось, из лёгких артиллерийских орудий. При помощи последнего из указанных средств были, в частности, прекращены эпизоды братания, имевшие место 30 августа в районе Шельвова, когда пытавшиеся брататься солдаты «... были разогнаны огнём артиллерии 1[-го] Туркестанского [армейского] корпуса»[1021]. Однако в начале осени, исходя из имеющегося документального материала, случаи братания в 1-й армии были не столь многочисленны, как в весенние месяцы. Это, по нашему мнению, свидетельствует о том, что разъяснительная работа вкупе с опытом летней кампании создали у основной массы солдат настроение против братания, сохранявшееся на протяжении первых двух осенних месяцев. Вместе с тем, потенциальная почва для развития братания в даль-

[1019] Вестник 1-й армии. 1917. № 15. 17 сентября.
[1020] Там же.
[1021] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 5. Л. 309; Ф. 2246. Оп. 1. Д. 94. Л. 50.

нейшем в корпусах, входивших в состав 1-й армии, была подготовлена. Так, согласно донесению комиссара Временного правительства по 1-й армии Якубова от 23 сентября, в армии наблюдалось «скрытое волнение на почве ожидания крупных перемен в общей политике Временного правительства. Все слухи о близости мира и разговоры о необходимости прекратить войну с наступлением осеннего ненастья путём оставления окопов встречают сочувственный отклик в солдатской массе»[1022]. Исходя из этого документа, сложно сказать, из какого источника исходили данные слухи и призывы: распространялись ли они стихийно самими солдатами или же имела место агитация партии большевиков, усилившей к осени своё влияние в войсках. По-видимому, имело место и то, и другое. Но поскольку в донесении комиссара прямого указания на выявление деятельности большевиков нет, это позволяет предположить, что в рассматриваемой армии их число было относительно невелико, а работа достаточно скрытой.

Вместе с тем, стоит отметить, что в сентябре идея братания в целом не пользовалась популярностью в солдатской массе. Так, в частности, при пресечении попытки к братанию, зафиксированной в течение первой недели сентября в 1-й роте 4-го Туркестанского стрелкового полка (1-я Туркестанская стрелковая дивизия, 1-й Туркестанский армейский корпус), имели место следующие события: «В 4-м [Туркестанском стрелковом] полку в 1-й роте наблюдалась попытка братания, резко осуждённая полковым комитетом. Братавшиеся подвергнуты аресту. Против этого протестовала кучка солдат, угрожая оставить позицию. Инцидент был улажен при помощи полкового комитета»[1023]. Из этого эпизода можно заключить, что основная масса солдат полка в начале сентября относилась к братанию по крайней мере индифферентно, а с учётом опыта летних боёв, вполне вероятно отрицательно, поскольку, за небольшим исключением, не стала препятствовать аресту принимавших участие в братании солдат. Также опосредованно свидетельствует о негативном отношении солдат 1-й армии к контактам с противником следующий эпизод, произошедший на участке 78-го

[1022] Там же. Ф. 366. Оп. 2. Д. 166. Л. 149.
[1023] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3813. Л. 22.

пехотного Навагинского полка (20-я пехотная дивизия, 32-й армейский корпус), где, согласно сводке о настроении армии к 14 сентября, «… была попытка двух солдат перебежать к противнику, но они были захвачены другими солдатами»[1024]. Безусловно, приведённый эпизод не может характеризовать положение дел во всех частях 1-й армии, поскольку он имел место в дивизии первой очереди. В состав таких дивизий входили «старые» полки с устоявшимися традициями и, вероятно, в них мог остаться больший процент солдат, знакомых с ними и более сознательно относящихся к несению службы. Однако данный факт, вкупе с другими имеющимися сведениями, приведёнными выше, позволяет заключить, что в сентябре стремление к братанию не было широко распространено в частях 1-й армии, поскольку иначе солдаты, желавшие сдаться в плен, могли это сделать в ходе братания. Таким образом, необходимо заключить, что, хотя и в сентябре на участке 1-й армии имели место случаи братания, но они были относительно редкими, и в них не принимали участие большие массы солдат. Принимаемые же командованием, комиссариатом и солдатскими комитетами меры по пресечению братания в рассмотренный месяц позволяли не допускать распространение этого вида антивоенных выступлений в частях и соединениях армии.

11-я армия. Следует остановиться и на мерах по предотвращению развития братания в 11-й армии. Во многом они были такими же, как и в других армиях Юго-Западного фронта. В случае начала братания на том или ином участке, по братальщикам открывался огонь лёгкой артиллерии. Однако в осенние месяцы наметилась тенденция к тому, что солдаты пехотных полков стали подвергать артиллеристов аресту или приставлять к ним вооружённые караулы с целью недопущения открытия огня, как это имело место в 4-й пехотной дивизии[1025].

Для предупреждения братания, а также для его прекращения проводилась разъяснительная работа командным составом, солдатскими комитетами всех степеней и представителями комиссариата армии. Армейский комитет старался доносить свою позицию до солдатских масс также и посредством печатного

[1024] Там же. Л. 43, 87.
[1025] Там же. Ф. 366. Оп. 2. Д. 166. Л. 81; Ф. 2148. Оп. 1. Д. 987. Л. 2.

слова. Так, в «Известиях армейского комитета XI армии» помещались материалы, в которых говорилось о вреде братания для дела обороны. В частности, в номере от 17 сентября была напечатана речь председателя ВЦИК Советов Рабочих и Солдатских депутатов Н.С. Чхеидзе, произнесённая им на Демократическом совещании, в которой он одной из причин неудач на фронте и угрозы, нависшей над революционной Россией, называл братание[1026]. Также в номере газеты Исполнительного комитета Юго-Западного фронта «Голос фронта» от 29 сентября сообщалось: «В районе Ливенгофа (в 25 верстах юго-восточнее Якобштадта) замечаются попытки противника возобновить братание и вступить в разговор с нашими солдатами»[1027]. Публикация данного сообщения, по-видимому, имела целью наглядно продемонстрировать, что немецкие войска, 8–9 сентября захватившие Якобштадтский плацдарм, отнюдь не стремятся к миру, а пытаются использовать братание для достижения своих целей. Борясь также со стимулировавшим развитие братания лозунгом «Мир во что бы то ни стало» и, под воздействием большевистской пропаганды, всё более распространявшимся в войсках, комитет 11-й армии на страницах своего печатного органа разъяснял: «… с первого же дня революции было ясно, что революцию сможет спасти не сепаратный мир, не мир во что бы то ни стало, а мир всеобщий, мир демократический, мир без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения наций»[1028]. Помимо этого, в номере газеты «Голос фронта» от 3 октября данному вопросу была посвящена отдельная статья, в которой, в частности, указывалось: «Наша революция выдвинула прекрасный по своей философской идее лозунг: «Мир без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов». … Мы видели, что наш призыв остался «гласом вопиющего в пустыне», что братание, несомненно, принесло большую пользу, но не нам, а германскому генеральному штабу»[1029].

[1026] Известия армейского комитета XI армии. 1917. № 94. 17 сентября.
[1027] Голос фронта. 1917. № 24. 29 сентября.
[1028] Известия армейского комитета XI армии. 1917. № 97. 21 сентября.
[1029] Голос фронта. 1917. № 27. 3 октября.

Большая работа по пресечению случаев братания проводилась также командным составом и комиссариатом. Так, изменение отношения к братанию в 14-м Олонецком и 16-м Ладожском пехотных полках наметилось 1 октября, когда «… командным составом полков 4-й пехотной дивизии было сообщено солдатам о занятии немцами острова Эзель (в ходе Моонзундской операции германского флота 29 сентября – 6 октября 1917 г., – С.К.). Под влиянием этого известия братание прекратилось»[1030]. Когда же 2 октября «около 15 часов немцы снова явились [в] обычном месте, и с ними сошлись 8 человек 2-й роты [16-го пехотного] Ладожского полка. Огнём артиллерии и пулемётом с участка 4-й роты того же полка [они] были разогнаны»[1031]. Это свидетельствует о том, что даже на подвергшиеся сильному разложению части, каковыми являлись и рассмотренные полки[1032], вести о военных неудачах могли изменить отношение солдат к братанию.

Кроме того, важной мерой, которую старались проводить в жизнь, было предание суду активных участников братания. Так, по итогам событий в 4-й пехотной дивизии 6-го армейского корпуса главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал-лейтенант Н.Г. Володченко 1 октября предписал: «Примите строжайшие меры к прекращению братания, предавая суду виновных»[1033]. В этой связи помощником комиссара 11-й армии Цветковым-Куликовым были приняты следующие меры: «… 2 октября в г. Збараже мной было собрано пленарное заседание 4[-й пехотной дивизии] в составе председателя дивизионного комитета и рады и [полковых] комитетов и рад (рады создавались в частях и соединениях Юго-Западного фронта в ходе украинизации, – С.К.), на котором постановлено следующее: принципиально [соглашаясь] с тем, чтобы виновники братанья были выданы, собрание [предлагает] следующее: согласны ли 14[-й пехотный Олонецкий] и 16[-й пехотный Ладожский] полки всех виновников братанья, [участвовавших] активно, выдать, с тем, чтобы они

[1030] Революционное движение в России накануне Октябрьского вооружённого восстания (1–24 октября 1917 г.): документы и материалы. М., 1962. С. 374.
[1031] Революционное движение в русской армии 27 февраля – 24 октября 1917 года: сборник документов. М., 1968. С. 454.
[1032] См. напр.: РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3813. Л. 62, 245; Ф. 2148. Оп. 1. Д. 987. Л. 2–3.
[1033] Там же. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 985. Л. 136.

были преданы суду, а также [согласны] ли эти полки выдать и тех, кто угрозой оружия запрещал [наблюдателям] и артиллеристам стрелять по братающимся. Эту резолюцию … в 14[-м пехотном Олонецком] и 16[-м пехотном Ладожском] полках [объявить] сегодня … ротам и завтра, 3 октября … сообщить результат. Настроение [подавляющего большинства] рот этих полков против братания. За братание отдельные личности. Работаю в полном контакте с войсковыми организациями, членами [дивизионного комитета] и командным составом»[1034]. Результатом этих мероприятий стало то, что 3 октября «Роты 14[-го пехотного Олонецкого] и 16[-го пехотного Ладожского] полков согласились выдать добровольно часть братавшихся, которая сама изъявила желание явиться к следователю. Остальную часть придётся выяснять в процессе дознания. 15 братавшихся в 16[-м пехотном Ладожском] полку и 2 челов[ека] в 14[-м пехотном Олонецком] полку отправить в штаб 6[-го армейского] корпуса [в] распоряжение следователя»[1035]. А командующий 11-й армией генерал-лейтенант М.Н. Промтов 10 октября предписал: «… в случае возобновления братания в частях [6-го армейского] корпуса, немедленно доносить»[1036]. Следует отметить, что проведение расследования и предание активных участников братания суду свидетельствует о том, что это явление в сентябре – октябре не вызывало сочувствия у большинства солдат 11-й армии и не носило массовый характер. Таким образом, необходимо заключить, что в этой армии братание осенью 1917 г. хотя и возобновилось, но столь широкие масштабы, как в марте – мае, не приобрело. Этому способствовал как опыт, приобретённый солдатами в летних боях, так и меры, принимаемые командованием, комиссариатом и солдатскими комитетами.

7-я армия. Продолжали оставаться традиционными и средства борьбы с братанием в 7-й армии. Среди них первым являлись беседы о пагубности братания с солдатами, проводимые офицерами, представителями комитетов и комиссариата. Однако осенью 1917 г., в условиях высокой степени недоверия к

[1034] Там же. Л. 143–144.
[1035] Там же. Л. 147.
[1036] Там же. Л. 211.

офицерству, вызванное корниловским выступлением, его усилия часто оказывались мало действенными[1037]. Что касается солдатских комитетов, то в сентябре – октябре их работа, направленная против развития братания, также теряла свою эффективность. Во многом это стало следствием постепенной утраты авторитета комитетов в солдатской среде, а также наметившейся тенденции к большевизации комитетов низового уровня и, как следствие, изменением их отношения к братанию. Свою роль в недостаточной результативности противодействия братанию сыграла, по-видимому, и «в общем неудовлетворительная» работа культурно-просветительских организаций на местах в пределах армии[1038]. Поэтому в рассматриваемый период последовательную деятельность, направленную на предотвращение братания, проводили только высшие солдатские комитеты (корпусные, армейские, фронтовые)[1039]. Так, в протоколе собрания комитета 22-го армейского корпуса, состоявшегося 2 октября, относительно положения дел во 2-й Финляндской стрелковой дивизии говорилось: «Осуждая самым решительным образом безответственный призыв к самочинному оставлению позиций, манифестации и братанью с врагом, предупреждаем товарищей солдат, что всякие самочинные выступления в пользу немедленного заключения мира и оставления позиций, пропаганда этого в виде делегаций и призывов в итоге своём не только не приводят к желанному миру, а наоборот, играют в руку врагам и потому прямо вредны делу Свободы и Революции, отдаляя желаемый мир. Все такие выступления являются контрреволюционными и, как таковые, должны пресекаться самым решительным образом»[1040]. Следует также отметить, что схожие с описанными в данном документе настроения солдатских масс фиксировались и в частях 33-го армейского корпуса 8-й армии Румынского фронта[1041]. Проводил работу против развития братания и комиссариат 7-й армии. Но специфика деятельности комиссара и его помощников за-

[1037] См. напр.: там же. Ф. 2003. Оп. 4. Д. 31. Л. 71–71 об.
[1038] Голос фронта. 1917. № 15. 19 сентября.
[1039] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 4. Д. 31. Л. 54.
[1040] Там же. Ф. 2535. Оп. 1. Д. 7. Л. 7.
[1041] Там же. Ф. 366. Оп. 2. Д. 6. Л. 51.

ключалась в том, что они выезжали в те части, где уже имели место факты братания и принимали меры для его ликвидации и дальнейшего недопущения. К примеру, в сводке от 29 сентября сообщалось, что во 2-й Финляндской стрелковой дивизии, «… мерами, принятыми комитетами и личным вмешательством комиссара, братание прекращено»[1042].

В тех же случаях, когда братание началось, чаще всего применялся обстрел места, где оно наблюдалось, лёгкой артиллерией. Однако в сентябре – октябре 1917 г. всё чаще звучали угрозы со стороны пехотных частей в адрес артиллеристов. По-видимому, силой, организующей пехотинцев для противодействия артиллерийским обстрелам мест братания, часто выступали армейские большевики. Так И.З. Тужиков в этой связи вспоминал: «Около 7 часов вечера наша артиллерия открыла огонь (по району братания, – С.К.). Захватив с собой 10 солдат, я отправился на батарею. Разговор был короткий: немедленно прекратить огонь, в противном случае стрелки ответят тем же. Обстрел прекратился»[1043]. Таким образом, меры, направленные к предотвращению и прекращению братания осенью 1917 г. постепенно теряли свою эффективность, хотя и продолжали применяться.

Отдельно следует рассмотреть вопрос об отношении солдат различных частей и соединений 7-й армии к братанию в осенние месяцы 1917 г. Следует отметить, что на протяжении первых двух декад сентября случаев братания в 7-й армии зафиксировано не было[1044]. Однако и в дальнейшем во многих её соединениях солдаты, желая скорейшего заключения мира, высказывались, вместе с тем, против братания. Так, в сводке о настроениях армий Юго-Западного фронта за период с 16 по 25 октября указано, что солдаты 19-й и 64-й пехотных дивизий 12-го армейского корпуса «… к окончанию войны относятся с обострённым вниманием, хотя братания осуждаются»[1045]. В тот же временной

[1042] Там же. Д. 165. Л. 18.
[1043] *Тужиков И.З.* Полки встают под красные знамёна // Октябрь на фронте: воспоминания. М., 1967. С. 205.
[1044] См. напр.: РГВИА. Ф. 2003. Оп. 4. Д. 31. Л. 21.
[1045] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3813. Л. 301 об.

промежуток в 34-м и 41-м армейских корпусах случаев братания зафиксировано не было[1046]. Эти данные позволяют утверждать, что даже на пике развития в стране общенационального кризиса, ярко проявлявшегося и в армии, далеко не все солдаты считали братание средством, при помощи которого можно достигнуть скорого заключения мира, жажда которого была всеобщей. Вместе с тем, следует обратить внимание, что отношение к братанию могло меняться под влиянием различных факторов.

Необходимо отметить, что отношение солдат тех или иных соединений к братанию отличалось в зависимости от степени разложения того или иного соединения. Это наиболее рельефно заметно на примере частей 22-го армейского корпуса за период с 21 сентября по 1 октября. Наиболее полярным было состояние 1-й и 2-й Финляндских стрелковых дивизий: «В 1-й Финляндской [стрелковой] дивизии настроение спокойное. К приказам Временного правительства относятся сочувственно, на братание смотрят отрицательно. К командному составу отношение хорошее. Выражается недовольство только недостатком обмундирования. Во 2-й Финляндской [стрелковой] дивизии настроение нервное и выжидательное, нетерпеливо ждут ответа на резолюцию полков о мире. Были случаи братания. Отношение к командному составу недоверчивое … Пополнения в большинстве случаев были большевистские»[1047]. В этой связи представляет интерес рассмотреть один из эпизодов военных действий на фронте 2-й Финляндской стрелковой дивизии, произошедший в условиях, когда «перед наступлением темноты 12 октября под прикрытием густого тумана противник переправился у отм[етки] 206 / 2 вер[сты] западнее Шидловцы / на восточный берег и занял свои прежние, ближайшие к реке окопы, ранее добровольно оставленные. По сведениям наблюдателей, переправилось около полутора рот противника»[1048]. Командующий 7-й армией генерал-лейтенант Я.К. Цихович одной из главных причин продвижения противника вперёд считал братание,

[1046] Там же. Л. 302.
[1047] Там же. Л. 164 об.
[1048] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 177. Ч. 2. Л. 168; Ф. 2222. Оп. 1. Д. 483. Л. 66.

имевшее место на участке дивизии: «Братание 2[-й] Финляндской [стрелковой] дивизии и стремление к миру начало давать свои плоды. Возмутительное явление, чтобы дать неприятелю безнаказанно переправиться через речку»[1049].

Положение, сложившееся в полках 2-й Финляндской стрелковой дивизии, негативно отражалось и на других соединениях 22-го армейского корпуса: «… 3-я Финляндская [стрелковая] дивизия. Настроение удовлетворительное, но, под влиянием постановления полков 2-й [Финляндской стрелковой] дивизии о мире и случаев братания, начались толки о конце войны. Раздаются жалобы на усталость»[1050]. Интересно также и то, что подвергшиеся наибольшему разложению соединения оказывали отрицательное в отношении боеспособности действие и на части других корпусов. Так, в сводке о настроениях частей армий Юго-Западного фронта за период с 1 по 8 октября сообщался следующий факт: «7-й Сибирский [армейский] корпус … Отношение к войне отрицательное; в 13-й Сибирской [стрелковой] дивизии были задержаны делегаты 2-й Финляндской стрелковой дивизии, агитирующие за немедленное заключение мира»[1051]. Кроме того, представители этой дивизии распространяли антивоенные идеи в 84-м пехотном Ширванском полку 21-й пехотной дивизии 3-го Кавказского армейского корпуса, где «… полковой комитет, обсудив приказ комиссара армии об аресте делегатов 2-й Финляндской [стрелковой] дивизии, агитирующих за окончание войны, постановил их не арестовывать ввиду общего с ними направления»[1052]. Также представители 2-й Финляндской дивизии посещали 654-й пехотный Рогатинский полк (164-я пехотная дивизия)[1053]. Таким образом, можно заключить, что, хотя в рассматриваемый период на участках большинства частей 7-й армии братания не наблюдалось, а многие полки были настроены против него, тем не менее эпизоды контактов с австро-германскими военнослужащими, имевшие место в подвергшихся наибольшему разложению соеди-

[1049] Там же. Ф. 2222. Оп. 1. Д. 483. Л. 7.
[1050] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3813. Л. 164 об.
[1051] Там же. Л. 249.
[1052] Цит. по: *Тужиков И.З.* Полки встают под красные знамёна // Октябрь на фронте... С. 206.
[1053] Там же. С. 206.

нениях отрицательно влияли на соседние с ними дивизии и даже корпуса, наряду с другими факторами понижая их боеспособность.

В заключение необходимо отметить, что меры, направленные на противодействие развитию братания, принимаемые в осенние месяцы, в значительной степени оставались тождественными весенним мероприятиям. Однако, в связи с изменившимся в осенние месяцы характером братания на Юго-Западном фронте, стала гораздо чаще применяться такая санкция, как предание суду за братание.

Вывод по главе:

Подводя итоги, следует сказать, что общенациональный кризис, охвативший страну в начале сентября, ярко проявился и в армии. Одним из его симптомов стало возобновление братания во всех армиях Юго-Западного фронта, почти полностью прекратившегося в летние месяцы. Оно имело свою специфику в каждой из армий фронта и, вместе с тем, отличалось от весеннего братания рядом черт: меньшей массовостью, а также большей степенью организованности с русской стороны, поскольку в осенние месяцы в армиях Юго-Западного фронта заметно возросло влияние леворадикальных партий, в первую очередь большевиков. Вместе с тем, нельзя считать, что солдаты в равной мере приветствовали братание. В ряде частей и соединений к нему относились безразлично или враждебно, что, с одной стороны, явилось следствием боёв в ходе летней кампании, а с другой, свидетельствовало об определённом успехе мер по борьбе с братанием, принимаемых командованием, солдатскими комитетами и комиссарами Временного правительства. Зачастую возобновление братания наблюдалось в частях и соединениях, подвергшихся наибольшему разложению. Необходимо также отметить, что принимаемые против развития братания меры, в целом тождественные во всех армиях фронта, с углублением кризисных явлений в стране и армии, становились всё менее эффективными и в определённой мере даже способствовали дальнейшему разложению вооружённых сил, усугубляя рознь между различными родами войск.

Глава 4. Качественное изменение братания на Юго-Западном фронте в послеоктябрьский период (ноябрь 1917 г. – январь 1918 г.)

Как известно, пришедшая к власти партия большевиков взяла курс на выход России из войны. После того, как был принят Декрет о мире 26 октября на II Всероссийском съезде Советов, большевистское правительство безрезультатно ожидало на него ответной реакции со стороны союзников по Антанте до 7 ноября. Однако таковой не последовало. Это обстоятельство поставило большевиков в затруднительное положение, поскольку, среди солдат действующей армии начало укрепляться убеждение, что новое правительство сознательно затягивает войну. В сложившихся условиях 7 ноября Советом народных комиссаров было принято решение начать сепаратные переговоры с державами германского блока. По распоряжению В.И. Ленина от 8 ноября, немедленно вступить в предварительные переговоры с противником предписывалось временно исполняющему должность Верховного главнокомандующего генерал-лейтенанту Н.Н. Духонину. Однако он отказался это сделать. Данное решение было поддержано главнокомандующими Юго-Западного, Румынского и Кавказского фронтов. Тогда 9 ноября Совнарком отстранил генерала Н.Н. Духонина от должности, оставив, однако, его исполнять прежние обязанности до прибытия нового Главковерха. Затем была распространена радиотелеграмма, написанная В.И. Лениным, в которой, в частности, отмечалось: «Пусть полки, стоящие на позициях, выбирают тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем. Совет народных комиссаров даёт вам права на это»[1054], после чего контакты с противником не только переставали быть нарушением воинской дисциплины, но приобретали санкцию на уровне правительства. Следует также отметить, что и в развитии братания наступил качественно новый этап, поскольку у власти теперь находилась партия, открыто его поощрявшая. Кроме того, в период между Декретом о мире и радиотеле-

[1054] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 82.

граммой СНК, на фронте получил широкое распространение лозунг: «Братание ускорит мир», что способствовало ещё большему распространению данного вида антивоенных выступлений[1055].

Временно исполняющий должность Верховного главнокомандующего генерал-лейтенант Н.Н. Духонин пытался совместно с генералитетом препятствовать развитию братания. Однако, анализируя сложившуюся на фронте ситуацию, усугубившуюся в результате первых мероприятий Советской власти в отношении армии, исполняющий должность начальника Генерального штаба генерал-лейтенант В.В. Марушевский в разговоре по прямому проводу с Н.Н. Духониным, отмечал: «… если на всём фронте происходило братание в течение многих недель, и что если предложение о немедленном перемирии, переданное комиссарами на фронт, проникло уже в сознание войсковой массы, то положение делается, вероятно, трудно поправимым»[1056].

Отдельного внимания заслуживает приказ главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерал-лейтенанта Н.Г. Володченко от 16 ноября, в котором, в частности, отмечалось: «После призыва вождей большевизма, обращённого непосредственно к войсковым частям, начать мирные переговоры с противником, последний ответил на этот вопрос широким братанием с нашими войсками, которое, однако, ведётся противником по строгой, определённой системе»[1057]. Следует отметить, что на различных участках Юго-Западного фронта степень развития братания не была одинакова, что в значительной мере было обусловлено позицией австро-германского командования[1058]. Весьма показательно, что, согласно сведениям, имевшимся в штабе главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта, наиболее широкое братание производится противником на тех участках, где замечено увеличение его сил и обнаружено появление его ударных частей[1059].

[1055] См.: *Базанов С.Н.* Великая война: как погибала Русская армия. М., 2014. С. 251.
[1056] Цит. по: там же. С. 252.
[1057] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 4. Л. 216.
[1058] Там же. Л. 216.
[1059] Там же. Л. 216.

Таким образом, в послеоктябрьский период австро-германская сторона продолжала прилагать усилия для того, чтобы использовать братание в своих целях. Об этом свидетельствуют, в частности, приказы австро-германского командования, направленные на пресечение любых несанкционированных контактов с русскими солдатами. Так, в приведённом в работе Ю.Г. Фельштинского приказе от 21 ноября по 30-й австрийской дивизии 17-го австрийского армейского корпуса сообщалось: «В 29-м пехотном полку 34-й пехотной (австрийской, – С.К.) дивизии наши офицеры отогнали русских, пришедших к нашим проволочным заграждениям разговаривать с нашими солдатами. При отходе присоединились к ним два наших солдата 29-го полка; когда на оклик наших офицеров они не обернулись, один из офицеров в них выстрелил, ранил одного солдата … тогда … после выстрела сейчас же другой вернулся»[1060]. Ещё один инцидент, получивший отражение в приказе австро-венгерского командования от 21 ноября, имел место в 30-й австрийской дивизии, где офицер застрелил своего солдата, заговорившего с двумя русскими, подошедшими к проволочному заграждению. В связи с этим в означенном приказе говорилось: «Сноситься с русскими могут только наши пропагандные отделы. Всякую попытку всех остальных воинских чинов переговаривать с русскими нужно в самом начале энергично подавить. Приказываю всем офицерам в случаях, подобных вышеупомянутому, так же решительно поступать»[1061].

Необходимо отметить, что на Юго-Западном фронте несколько позже, чем на Северном и Западном фронтах началось заключение локальных перемирий. Условия, в которых протекал этот процесс, также отличались от положения на других участках Восточноевропейского ТВД: с одной стороны, в армиях рассматриваемого фронта возникли большевистские ревкомы, от которых и исходил главный почин по заключению локальных перемирий; с другой стороны, в отличие от Северного и Западного фронтов, на Юго-Западном фронте командный со-

[1060] *Фельштинский Ю.* Крушение мировой революции. Брестский мир: Октябрь 1917 – ноябрь 1918. М., 1992. С. 62.
[1061] Цит. по: там же. С. 64.

став ещё долго оставался при должностях. Значительным было и влияние эсеров и меньшевиков в солдатских комитетах. Важным фактором являлась и позиция Центральной Рады, в особенности в украинизируемых частях и соединениях. В столь сложной обстановке началось заключение перемирий на участках отдельных корпусов и армий. 17 ноября в Ковель для переговоров с германским командованием отправилась делегация ВРК Особой армии. Согласно подписанному обеими сторонами «Протоколу об условиях прекращения военных действий», таковые на участке Особой армии приостанавливались с 20 ноября. В свою очередь председатель ревкома 11-й армии Устьянцев 2 ноября телеграфировал Главковерху Н.В. Крыленко: «Сегодня представители комитета армии должны выехать для ведения переговоров с неприятелем»[1062]. Также 24 ноября ВРК 3-го Кавказского армейского корпуса 7-й армии направил своих представителей к австро-германскому командованию с целью заключения перемирия на участке корпуса. Следует отметить, что на проходившем в Бердичеве 18–23 ноября фронтовом съезде было принято решение, в соответствии с которым «переговоры (о перемирии на всём Юго-Западном фронте, –С.К.) будут вестись Главкоюзом при участии членов съезда и Центральной Рады»[1063]. Общее для всего Юго-Западного фронта перемирие было заключено 24 ноября.

После начала переговоров о заключении локальных перемирий на участках корпусов, армий и фронтов, большевики были вынуждены скорректировать своё отношение к братанию. Это было обусловлено позицией германского командования, выдвинувшем требование о прекращении братания в связи с началом переговоров о перемирии. Следствием этого стало появление в 23 часа 13 ноября приказа назначенного Совнаркомом после отстранения 9 ноября генерала Н.Н. Духонина, нового Верховного главнокомандующего Н.В. Крыленко, адресованного первоначально только комитетам 5-й армии Северного фронта, но уже днём 14 ноября Н.В. Крыленко распространённого на весь Русский фронт. В этом документе предписывалось «… немедленно при-

[1062] Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. М., 1973. С. 169–170.
[1063] Цит. по: *Базанов С.Н.* Великая война: как погибала Русская армия. С. 243.

остановить перестрелку и братание на всём фронте»[1064]. В приказе же от 24 ноября советский Верховный главнокомандующий разъяснил столь резкую смену курса новой власти в отношении братания. Указав, что «братание, имевшее место на нашем фронте, всегда было приветствуемо правительством Народных комиссаров как попытка через окопы братски протянуть друг другу руки»[1065], Н.В. Крыленко назвал основные причины последовавшей приостановки братания: «… правительство Народных Комиссаров всегда хотело, чтобы братание не принимало формы неорганизованного хождения друг к другу … Мой приказ о прекращении перестрелки и братания неорганизованных масс … имел целью придать организованный характер братанию и прекратить стрельбу»[1066]. Таким образом, советский Главковерх утверждал, что приостановка братания – это его инициатива, умалчивая о том, что первой требование прекратить братание на время переговоров о перемирии выдвинула австро-германская сторона.

20 ноября в Брест-Литовске начались переговоры между советской делегацией и командованием войск Четверного союза, завершившиеся 2 декабря подписанием соглашения о перемирии на 28 дней. Вследствие того, что в процессе переговоров советские представители настаивали на включение в текст договора статьи о братании, делегаты Четверного союза пошли на это, однако оговорив ряд ограничений. Таким образом, в Брест-Литовском договоре о перемирии между Советской Россией и германским блоком, положения о братании были сформулированы наиболее выгодно для Германии и её союзников. Чтобы избежать опасного для армий Четверного союза массового братания, в договоре закреплялось: «Каждый раз допускаются к братанию не более 25 человек с каждой стороны»[1067]. Временной промежуток, отведённый для

[1064] Исторический архив. 1957. № 5. С. 160.
[1065] Приказ Верховного главнокомандующего Н.В. Крыленко войскам действующей армии от 24 ноября // Военная литература. http://militera.lib.ru/docs/da/sb_oktyabrskaya_revolutsiya_i_armiya/14.html (Дата обращения: 11.04.2017).
[1066] Там же.
[1067] Цит. по: *Базанов С.Н.* К истории развала Русской армии в 1917 году // Армия и общество. 1900–1941 годы. Статьи. Документы. М., 1999. С. 69.

контактов, также ограничивался: «Братание допускается только от восхода до захода солнца»[1068]. Кроме того, чтобы избежать нежелательного для германской стороны братания на любом участке огромного фронта, которое невозможно было бы контролировать, в договоре локализовывались участки для братания: «… на участке каждой русской дивизии между окопами должны быть установлены … в двух или трёх заранее установленных местах пункты для братания … Участки для братания отмечаются белыми флагами»[1069]. В такие пункты было легко посылать подготовленных офицеров для продолжения антивоенной пропаганды среди русских солдат.

После того, как 2 декабря между Советской Россией и германским блоком было заключено перемирие, Н.В. Крыленко 4 декабря в своём обращении к войскам вновь санкционировал братание и даже призывал к активному участию в нём, но строго на условиях, закреплённых в Брест-Литовском договоре[1070]. Для повышения эффективности распространения революционных идей во время братания в телеграмме от 23 декабря предписывалось: «… по мере поступления материалов присылать в Военно-политический отдел при Главковерхе … следующие сведения: 1. по одному экземпляру периодических изданий, листовок и воззваний как на русском, так и на немецком языке, получаемых от противника; 2. по одному экземпляру воззваний и листовок, предназначенных и передаваемых противнику; 3. выяснить на месте, передаётся ли наша литература немецким солдатам непосредственно в руки или через немецких офицеров; 4. принимают ли участие в сношениях с противной стороны одни и те же лица и в каком числе; 5. приглашаются ли для сношений товарищи, владеющие немецким языком; 6. каковы взаимоотношения с обеих сторон при встрече; 7. имеются ли в достаточном количестве воззвания для распространения»[1071]. В свою очередь созданные в действующей армии местными большевиками военно-революционные комитеты и большевизированные солдатские комитеты

[1068] Цит. по: там же. С. 69.
[1069] Цит. по: там же. С. 69–70.
[1070] Цит. по: *Базанов С.Н.* В борьбе за Октябрь на Северном фронте. 5-я армия. М., 1985. С. 113.
[1071] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 4. Д. 50. Л. 343.

проводили работу, направленную на придание братанию организованного характера. Более подробно о том, какие черты имело братание на Юго-Западном фронте, а также о специфике его развития на участках отдельных армий речь пойдёт ниже.

4.1. Характер братания в новых условиях

Особая армия. В ноябре – декабре 1917 г. на фронте Особой армии братание получило значительное развитие. Исходя из сведений, имеющихся в оперативных сводках штабов армии и Юго-Западного фронта, эпизоды братания имели место на ряде участков её корпусов. Так, в 1-м Туркестанском армейском корпусе случаи братания фиксировались: 30 октября в районе Пустомытского оврага и у урочища Дубина[1072]; новый эпизод на фронте корпуса отмечен 6 ноября[1073]; 12 ноября в 7-м Туркестанском стрелковом полку (2-я Туркестанская стрелковая дивизия) в районе Пустомытского оврага[1074]; 13 ноября на участке 2-й Туркестанской стрелковой дивизии; 14 ноября[1075]; 17 ноября западнее Дзиковины[1076]; 18 ноября у Озерки, а также у Мерва (стык 113-й пехотной дивизии с 32-м армейским корпусом 11-й армии), где имело место массовое братание[1077]; 20 ноября в районе Галичане – Озерки[1078]; 22 ноября севернее Корытница[1079].

В 44-м армейском корпусе 9 ноября на шоссе Ковель – Луцк[1080]; 13 ноября в районе г. дв. Велице, а также между г. дв. Кухары – Малый Порск[1081]; 14 ноября в районе Велицк – Кухары (несколько раз)[1082]; 15 ноября несколько случаев на участке 57-й пехотной дивизии[1083]; 22 ноября в районе Б. Порск на

[1072] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 3. Л. 187.
[1073] Там же. Л. 199.
[1074] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 398. Л. 382; Ф. 2246. Оп. 1. Д. 131. Л. 89.
[1075] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 4. Л. 215.
[1076] Там же. Д. 399. Л. 30.
[1077] Там же. Д. 195. Ч. 4. Л. 222.
[1078] Там же. Д. 195. Ч. 4. Л. 224; там же. Д. 399. Л. 52; Ф. 2246. Оп. 1. Д. 131. Л. 95.
[1079] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 4. Л. 234; Ф. 2246. Оп. 1. Д. 131. Л. 97.
[1080] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 3. Л. 205.
[1081] Там же. Д. 398. Л. 396.
[1082] Там же. Д. 195. Ч. 4. Л. 215.
[1083] Там же. Д. 195. Ч. 4. Л. 219; Д. 399. Л. 16.

участке 441-го пехотного Тверского полка (111-я пехотная дивизия)[1084]; 29 ноября на участке 57-й пехотной дивизии в районе Кухары[1085].

В 39-м армейском корпусе на участке 122-й пехотной дивизии 12[1086] и 15[1087] ноября; 13 ноября на участке 776-го пехотного Кустанайского полка (194-я пехотная дивизия)[1088]; 30 ноября в разных местах[1089]; 3 декабря на фронте 53-й пехотной дивизии[1090].

В 31-м армейском корпусе 14 ноября на Кнубовском участке[1091]; 19 ноября в районе Добчицкого кладбища, а также в районе господского двора Седлище (19 или 20 ноября)[1092]; предположительно 17 и 29 ноября, а также 1 декабря на участке 83-ей пехотной дивизии[1093]; 30 ноября на различных участках корпуса[1094]; 9 декабря[1095].

В 46-м армейском корпусе 13 ноября против церкви д. Стобыхва[1096]; 19 ноября в районе Большой Обзир[1097]; 23 ноября у Рудка-Червище, Геленина, устья р. Череваха и р. Стобыхва[1098]; 24 ноября братание зафиксировано в тех же местах фронта корпуса (в оперативной сводке нет указания только на р. Стобыхва), а также в районе д. Борово[1099]; 30 ноября на различных участках корпуса, в частности в 77-й пехотной дивизии[1100].

Кроме того, несколько эпизодов, в силу недостатка сведений, не удалось соотнести с каким-либо корпусом Особой армии, а именно, эпизод 13 ноября на

[1084] Там же. Д. 195. Ч. 4. Л. 234; Д. 399. Л. 69.
[1085] Там же. Д. 195. Ч. 4. Л. 239.
[1086] Там же. Д. 398. Л. 382; Ф. 2246. Оп. 1. Д. 131. Л. 89.
[1087] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 399. Л. 28.
[1088] Там же. Д. 195. Ч. 4. Л. 215; Д. 398. Л. 396.
[1089] Там же. Д. 195. Ч. 4. Л. 244.
[1090] Там же. Л. 253.
[1091] Там же. Л. 215.
[1092] Там же. Д. 399. Л. 52 об.
[1093] Там же. Д. 195. Ч. 4. Л. 221, 246.
[1094] Там же. Л. 244.
[1095] Там же. Л. 264.
[1096] Там же. Д. 398. Л. 396.
[1097] Там же. Д. 195. Ч. 4. Л. 223.
[1098] Там же. Л. 235.
[1099] Там же. Д. 178. Ч. 2. Л. 91; Д. 195. Ч. 4. Л. 236; Д. 295. Л. 83.
[1100] Там же. Д. 195. Ч. 4. Л. 244.

участке Зубильно – Затурцы[1101]; 26 ноября[1102], 3[1103] и 5[1104] декабря братание отмечалось на различных участках армии. Необходимо обратить внимание на то, что, согласно приведённым выше данным, до 14 ноября случаи братания в основном имели место на участках 1-го Туркестанского, 44-го, в меньшей степени 39-го армейских корпусов. В остальных же корпусах, чьи части занимали передовую линию, братание, согласно имеющемуся документальному материалу, участилось во второй половине ноября. И хотя приводимые в сводках штаба армии и фронта сведения часто имеют обобщённый характер и не позволяют подсчитать точное количество эпизодов братания на данном участке Юго-Западного фронта, тем не менее они, исходя из указанной особенности динамики развития братания в Особой армии, позволяют предположить, что его распространение в значительной мере регулировалось австро-германским командованием.

Теперь следует рассмотреть основные черты, присущие братанию в Особой армии. Необходимо отметить, что австро-германская сторона продолжала использовать его в качестве средства разведки и пропаганды. Для этого представители войск германского блока способствовали распространению радиотелеграммы В.И. Ленина о перемирии от 9 ноября, весть о появлении которой внесла, в частности, в Особой армии «… смущение в массы солдат, комитеты колебались, кого слушать. Стремление к миру и голос о его необходимости стали почти общими. Братание усилилось»[1105]. Последняя из указанных тенденций проявилась на участках ряда корпусов[1106].

Кроме того, в конце 1917 г., в условиях прогрессирующего разложения российских вооружённых сил, на ряде участков фронта Особой армии приходившие для братания австро-германские представители проникали далеко в тыл расположения русских частей, что также, зачастую, делалось в разведыватель-

---

[1101] Там же. Д. 398. Л. 396.
[1102] Там же. Д. 195. Ч. 4. Л. 233.
[1103] Там же. Л. 253.
[1104] Там же. Л. 257.
[1105] Бумеранг братания… // ВИЖ. 1997. № 3. С. 51.
[1106] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 3. Л. 205; Ч. 4. Л. 211, 214; Ф. 2246. Оп. 1. Д. 131. Л. 89.

ных целях[1107]. Это имело место во 2-й Туркестанской стрелковой дивизии (1-й Туркестанский армейский корпус) к 13 ноября, где братающиеся немцы, преимущественно молодые люди, доходят даже до расположения резервов[1108]. Об этом же сообщалось и в сводке донесений штаба Верховного главнокомандующего о настроениях в армии за период с 15 по 30 ноября[1109]. О том, что во многих случаях братание на фронте Особой армии санкционировалось и контролировалось австро-германским командованием, свидетельствует и следующий факт, отмеченный на Луцком направлении: «На участке Шельвов – Звиняч во время братанья немцы говорили, что брататься им разрешается только на участках, отмеченных белыми флагами, у которых дежурят офицеры»[1110].

Заслуживает особого внимания следующий эпизод, произошедший 29 ноября на участке 329-го пехотного Бузулукского полка (83-я пехотная дивизия, 31-й армейский корпус): «… в 18 часов солдаты 329[-го] полка привели 4 немцев и показывали им позиции 3-й бат[ареи] у дер[евни] Куты. Увидев воронки своих снарядов недалеко от батареи, немцы заявили, что прицел был взят правильно. Увидев эту картину, дежурный по батарее офицер просил солдат увести немцев обратно, что и было сделано»[1111]. В целом же общее положение на фронте Особой армии было таковым, что военнослужащие Четверного союза, по-видимому, не особенно старались скрывать действия разведывательного характера. Так, в частности, в оперативной сводке от 20 ноября, содержится следующее сообщение: «В районе устья р. Череваха нашей артиллерией обстреляна группа немцев, наблюдавших в бинокль наше расположение»[1112]. Вероятно, германские военнослужащие считали, что российская пехота огня не откроет.

Отдельно стоит сказать об эпизоде, произошедшем на участке 53-й пехотной дивизии (39-й армейский корпус) 3 декабря: «… около 12 часов из немецких окопов вышло 3 офицера и 6 солдат и направились [к] нашей прово-

[1107] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 4. Л. 216.
[1108] Там же. Л. 215.
[1109] Бумеранг братания… // ВИЖ. 1997. № 3. С. 55–56.
[1110] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 4. Д. 50. Л. 337.
[1111] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 4. Л. 246.
[1112] Там же. Ф. 2246. Оп. 1. Д. 131. Л. 95.

локе. Наш наблюдатель на заставе прапорщик Шеренберг знаками показал, что к проволоке подходить нельзя, на что один из немецких офицеров на чисто русском языке ответил: «Ты, русская свинья, ещё будешь указывать куда мне идти? Я (следует брань) пойду в окопы и прикажу твоим солдатам распороть тебе брюхо и вырезать половые органы». Прапорщик Шеренберг [предупредил], что он вынужден будет открыть огонь и приказал наблюдателям приготовиться. Последние заявили, что стрелять не будут. Немец стал ещё больше ругаться, издеваясь над прапорщиком Шеренбергом. Наши же солдаты, как наблюдатели, так и группа артиллеристов, пришедших для братания на этот участок, предательски хохотали»[1113]. Этот эпизод не только демонстрирует хорошую осведомлённость австро-германского командования о состоянии русской армии, но и показывает, что братание со стороны сил Четверного союза зачастую производилось специально подготовленными людьми.

Однако для более полного представления о характере братания на участке Особой армии в конце 1917 г. необходимо обратиться к анализу состава австро-германской группировки, противостоящей рассматриваемой армии (см.: Приложение № 2). Всего в конце октября – начале ноября против Особой армии, согласно разведывательным данным, действовало от 16 до 19 ½ пехотных и 6 ½ кавалерийских дивизий германского блока[1114]. Из них только 7,5 являлись австро-венгерскими, остальные же были немецкими[1115]. В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что, по сравнению с весенними месяцами 1917 г. число австро-венгерских дивизий сократилось здесь в общей сложности на 2,5 дивизии.

Следует также рассмотреть национальный состав австро-венгерских войск на данном участке Юго-Западного фронта, поскольку, как уже указывалось, германским соединениям была присуща известная однородность в этом отношении. Следует отметить, что к концу осени 1917 г. на участке Особой армии почти не оставалось частей вооружённых сил Австро-Венгрии с высоким

[1113] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 4. Л.253.
[1114] Там же. Ф. 2246. Оп. 1. Д. 162. Л. 204–207, 226–229.
[1115] Там же. Л. 204–205 об., 226–227 об.

боевым потенциалом. К таковым можно отнести только 86-й имперский полк 32-й австрийской пехотной дивизии, а также 4-й и 29-й егерские батальоны 2-й австрийской пехотной дивизии, в составе которых имелась значительная доля венгров[1116]. На участках, занимаемых этими частями, вероятность стихийного братания, таким образом, была невелика. Следует также обратить внимание на то, что по сравнению с весенними месяцами число частей и соединений, в которых значительный процент солдат составляли венгры, значительно сократилось[1117]. Разведывательные сводки не позволяют в полной мере оценить боевой потенциал частей и соединений, состоящих из сербов (или со значительной долей сербов в их личном составе), поскольку в данном типе источников не приводятся данные, о каких сербах идёт речь: сербы-мусульмане отличались высоким боевым духом и не были склонны к стихийному братанию с русскими солдатами, тогда как среди православных сербов, как известно, были широко распространены пророссийские настроения.

Значительное количество полков в противостоящей Особой армии группировке австро-венгерских войск состояло из австрийских немцев. Таковых, согласно разведывательным данным, насчитывалось в общей сложности десять. Они входили в состав шести дивизий[1118]. Следует отметить, что количество частей и соединений, укомплектованных австрийскими немцами, на фронте Особой армии по сравнению с весной 1917 г. несколько возросло: в марте – апреле насчитывалось шесть полков и два егерских батальона, в составе которых значительную долю составляли представители данной национальности[1119]. Как отмечалось выше, солдаты этих соединений, хотя и имели не самый высокий боевой потенциал, тем не менее, надо полагать, что и стихийному братанию они вряд ли сочувствовали, так как в среде австрийских немцев не наблюдалось пророссийских настроений или массового стремления к миру любой ценой.

[1116] Там же. Л. 205, 227.
[1117] Ср.: там же. Ф. 2158. Оп. 1. Д. 189. Л. 265–266, 399–400.
[1118] Там же. Ф. 2246. Оп. 1. Д. 131. Л. 204–205 об., 226–227 об.
[1119] Там же. Ф. 2158. Оп. 1. Д. 189. Л. 265–266, 399–400.

Большое число австро-венгерских полков на фронте Особой армии имело в составе значительную долю чехов. Таковых насчитывалось тринадцать полков в составе шести дивизий. Однако в большинстве случаев (восемь полков из тринадцати) чешские военнослужащие были перемешаны с австрийскими немцами[1120], по-видимому, не в последнюю очередь для контроля над первыми.

Кроме того, в 9-ти австро-венгерских полках, входящих в состав пяти дивизий, значительное число военнослужащих были поляками. Часто они служили вместе с русинами, которые составляли существенный процент также в девяти полках и одном егерском батальоне. Число же полков, в которых преобладали поляки и русины в совокупности, составляло, согласно разведывательным данным, семь, что заметно больше аналогичных данных за весенние месяцы 1917 г[1121]. По нашему мнению, на участках фронта, где процент австро-венгерских солдат – представителей славянских народов, был высок, более вероятным становилось возникновение стихийного братания, инициатива к началу которого могла исходить от обеих сторон. И хотя за солдатами-славянами в армии Австро-Венгрии вёлся контроль, в условиях прекращения боевых действий в конце 1917 г. количество эпизодов неконтролируемого австро-германским командованием братания могло несколько возрасти. Однако говорить о резком увеличении числа подобных случаев в условиях сохранения принципа единоначалия и дисциплины как в немецких, так и в австро-венгерских войсках, не приходится.

Как и в других армиях Юго-Западного фронта, в Особой армии братание часто сопровождалось меновой торговлей, а иногда и односторонними подарками со стороны австро-германских военнослужащих. Так, 9 ноября на участке 44-го армейского корпуса на шоссе Ковель – Луцк появившийся на рассвете немецкий солдат призывал наших выйти из окопов для переговоров. В результате этого «… с нашей стороны вышло несколько солдат, которых немец уго-

[1120] Там же. Ф. 2246. Оп. 1. Д. 131. Л. 204–205 об., 226–227 об.
[1121] Там же. Ф. 2158. Оп. 1. Д. 189. Л. 265–266, 399–400.

щал папиросами»[1122]. А на участке 2-й Туркестанской стрелковой дивизии 13 ноября происходило «… братание [в] широких размерах, немцы разгуливают по нашим окопам, меняются с нашими солдатами разными мелкими вещами»[1123]. Также 22 ноября в лесу севернее Корытница (участок 1-го Туркестанского армейского корпуса) «… по требованию солдат играл наш оркестр, идёт братание и торговля»[1124]. А на участке 46-го армейского корпуса «… в районе Геленина и Стобыхва неприятельские солдаты заходили в наши окопы, где их поили солдаты чаем, а они, в свою очередь, снабжали провокационной литературой»[1125]. Интересные данные приведены и в оперативной сводке от 9 декабря, где, в частности, указано: «[В] 31[-м армейском] корпусе происходит меновая торговля, причём немцы хлеба и сахара от наших солдат не берут»[1126]. Данный факт, на фоне большинства сообщений о меновой торговле, представляется необычным, поскольку именно проблемы с продовольствием на протяжении 1917 г. имели в странах Четверного союза особую остроту. По-видимому, в рассмотренном случае имело место либо локальное удовлетворение продовольственных потребностей австро-германских частей (возможно и вследствие ранее полученных в ходе братания продуктов), либо особый приказ командования.

Отдельно стоит остановиться на снабжении австро-германскими военнослужащими русских солдат спиртными напитками. Так, в 53-ей пехотной дивизии (39-й армейский корпус) за период с 29 октября по 5 ноября наблюдались случаи переговоров с противником из секретов и передача немцами вина и сигар[1127]. А на фронте 1-й Туркестанской дивизии в тот же период «создалась меновая торговля и такса на сигары и ром»[1128]. Также в 44-м армейском корпусе на участке 765-го пехотного Зимницкого полка 57-й пехотной дивизии в районе

[1122] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 3. Л. 205.
[1123] Там же. Ч. 4. Л. 215.
[1124] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 399. Л. 69; Ф. 2246. Оп. 1. Д. 131. Л. 97.
[1125] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 399. Л. 77.
[1126] Там же. Д. 195. Ч.4. Л. 264.
[1127] Там же. Д. 3813. Л. 338.
[1128] Там же. Л. 340 об.

Кухары немцы продавали нашим солдатам вино[1129]. Таким образом, распространение алкогольных напитков среди солдат Особой армии в конце 1917 г. продолжалось и даже усилилось.

Таким образом, необходимо заключить, что братание в Особой армии заметно усилилось со второй половины ноября, хотя и ранее его уровень на ряде участков её фронта оставался высоким. Важно также подчеркнуть, что в рассматриваемый период зачастую контакты с военнослужащими противника не ограничивались нейтральной полосой между линиями окопов, а распространялись далеко в глубину позиций частей и соединений Особой армии.

11-я армия. В 11-й армии в конце октября – декабре 1917 г. братание также продолжало развиваться. В оперативных и разведывательных сводках штаба Юго-Западного фронта и рассматриваемой армии были отмечены следующие эпизоды этого явления: 25 октября восточнее д. Берестеки; на Дубенском направлении (в районе Броды) и на Кременецком направлении (разведывательная сводка от 29 октября); на Кременецком направлении в районе д. Малашовце[1130].

Однако большую часть случаев братания можно ранжировать по корпусам. Так, на различных участках 5-го Сибирского армейского корпуса братание или попытки к нему имели место на фронте Дубе – Маркополь (участок 50-й пехотной дивизии) (разведывательная сводка от 26 октября)[1131]; 29 октября; 2 ноября; 6–11 ноября, из которых на 8–9 ноября пришлось 5 попыток[1132]; 17 ноября; 19 ноября[1133]; 23 ноября на участке 50-й пехотной дивизии[1134].

В 25-м армейском корпусе случаи братания были зафиксированы 9 ноября (попытка пресечена артиллерией по просьбе солдат пехоты); 17 ноября у Гробленской переправы[1135]; 20 ноября в районе Вертелка[1136]; 21,

[1129] Там же. Д. 195. Ч. 4. Л. 239; Д. 399. Л. 105.
[1130] Там же. Ф. 2158. Оп. 1. Д. 354. Л. 358, 360, 361.
[1131] Там же. Л. 355.
[1132] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 3. Л. 184, 194, 199, 200, 205; Ч. 4. Л. 207, 210; Ф. 2246. Оп. 1. Д. 131. Л. 84, 88–88 об.
[1133] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 4. Л. 221, 223.
[1134] Там же. Ф. 2003. Оп. 4. Д. 50. Л. 324; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 4. Л. 235.
[1135] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 3. Л. 205; Ч. 4. Л. 221.
[1136] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 399. Л. 53; Ф. 2246. Оп. 1. Д. 131. Л. 95.

22 ноября на участке 46-й пехотной дивизии[1137]; 24 ноября; 2 декабря в районе Заложце, Ивачув Гурны[1138].

В 6-м армейском корпусе отмечены следующие эпизоды братания: 14 ноября в районе Черниховце (стык 5-й Украинской и 16-й пехотной дивизий) (по-видимому, только попытка), 23 ноября на правом фланге корпуса[1139]; 24 ноября[1140].

Имели место эпизоды братания и в 32-м армейском корпусе 11, 24[1141] и 26 ноября, причём в последнем случае в нём «… участвовали солдаты разных частей пехоты, сапёр, артиллеристов и обозных»[1142]. В целом же, по-видимому, к концу ноября – началу декабря количество случаев братания в 11-й армии возросло, поскольку, в разведывательной сводке от 23 ноября указано: «Кременецкое направление. … На всех переправах через реку Стоход происходит братание»[1143], а в оперативной сводке от 26 ноября указано: «В Особой и XI[-й] армиях братание»[1144], без указания конкретных пунктов, где оно происходило. Необходимо также отметить, что приведённый перечень вполне вероятно неполон в силу обобщённых сведений, приводимых в сводках штабов армий и фронта. Однако даже эти факты позволяют сделать вывод, что указанное в сводке донесений штаба Верховного главнокомандующего о настроениях в армиях за период с 15 по 30 ноября 1917 г. количество случаев братания в 11-й армии – 3 эпизода[1145] – явно занижено. Кроме того, обращает на себя внимание следующее обстоятельство: согласно сведениям, содержащимся в оперативных сводках штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта, в конце октября – первой декаде ноября среди корпусов 11-й армии по количеству случаев братания лидировал 5-й Сибирский армейский корпус. Однако после

[1137] Там же. Ф. 2003. Оп. 4. Д. 50. Л. 323.
[1138] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч.4. Л.227, 234, 236, 252.
[1139] Там же. Ф. 2003. Оп. 4. Д. 50. Л. 324.
[1140] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 4. Л. 215, 236.
[1141] Там же. Л. 214, 236.
[1142] Там же. Д. 179. Ч. 1. Л. 34.
[1143] Там же. Ф. 2003. Оп. 4. Д. 50. Л. 337.
[1144] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 4. Л. 232.
[1145] Бумеранг братания… // ВИЖ. 1997. № 3. С. 55.

11 ноября количество сообщений о братании на его участке сократилось, зато возросла интенсивность контактов на фронте 25-го армейского корпуса. Эта информация, по-видимому, подтверждает высказанный в приказе главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерал-лейтенанта Н.Г. Володченко от 16 ноября тезис, согласно которому «наиболее широкое братание производится противником на тех участках, где замечено увеличение его сил и обнаружено появление его ударных частей»[1146].

Теперь рассмотрим характер братания в 11-й армии в послеоктябрьский период. В этой связи следует проанализировать национальный состав группировки противостоящих 11-й армии австро-германских соединений (см.: Приложение № 2), так как она претерпела существенные изменения в сравнении с весенними месяцами 1917 г. Так, к началу ноября на участке рассматриваемой армии фиксировалось в общей сложности семь германских дивизий[1147], то есть, их число по сравнению с весной возросло вдвое. И хотя на русский фронт германское командование всё чаще перебрасывало не самые боеспособные или сильно пострадавшие в боях на французском ТВД части, тем не менее основная масса германских солдат (исключая отчасти эльзасцев и лотарингцев) к стихийному братанию склонна не была. Этому также препятствовала жёсткая дисциплина, поддерживаемая в немецкой армии.

В вооружённых силах же Австро-Венгрии ситуация была несколько иной, что было обусловлено их национальной неоднородностью. К началу ноября на фронте 11-й армии находилось около 5,5 австро-венгерских дивизий[1148]. Таким образом, их число в сравнении с весенними месяцами сократилось более чем в полтора раза. Что касается национального состава рассматриваемых дивизий, то к концу осени 1917 г. наиболее боеспособными из них на данном участке Юго-Западного фронта следует считать 27-ю и 33-ю пехотные дивизии, в составе которых преобладали венгры. На участках этих соединений, таким образом, веро-

[1146] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 4. Л. 216.
[1147] Там же. Ф. 2246. Оп. 1. Д. 162. Л. 205 об.–206; 227 об.–228.
[1148] Там же. Л. 205 об.–206; 227 об.–228.

ятность стихийного братания была минимальна. Средним боевым потенциалом, по нашему мнению, обладала 25-я пехотная дивизия, так как в большинстве её полков доминировали австрийские немцы, которые, хотя и не считались в австро-венгерской армии на хорошем счету, всё же вряд ли были склонны к стихийному братанию с русскими солдатами. По-видимому, наименее боеспособными были полки 4-й кавалерийской и 46-й стрелковой дивизий, в которых преобладали представители славянских народов (поляки, русины, словенцы). На участках этих дивизий могло случаться и стихийное братание. Однако следует иметь ввиду, что пророссийские настроения у представителей указанных народов в исследуемый период были распространены не повсеместно и, кроме того, за солдатами, чья национальная принадлежность давала основания командному составу подозревать их в симпатиях к России, вёлся строгий надзор.

О том, что в конце 1917 г. братание в 11-й армии с австро-германскими военнослужащими носило организованный характер свидетельствует ряд фактов. Так, в ходе заседания военно-революционного комитета 3-й Гренадерской дивизии (25-й армейский корпус), состоявшегося 19 ноября, были отмечены следующие характерные черты братания на участке дивизии: «… германский Генеральный штаб старается использовать идеи Русской революции в свою пользу, разжигая в нас путём распространения издаваемых им газет, жажду заслуженного отдыха, мира, воли и земли до потери нами всякой способности противостоять стремлениям мировых хищников империализма»[1149]. Другими словами, одной из главных целей австро-германской стороны во время братания оставалось дальнейшее углубление разложения русской армии. Интересно, что в качестве средства для этого использовалась радиотелеграмма В.И. Ленина от 9 ноября[1150].

Другой задачей, решаемой командованием войск германского блока в ходе братания продолжала оставаться разведка[1151]. Кроме того, в приказе военно-революционного комитета 25-го армейского корпуса от 1 декабря отмечалось:

[1149] Бумеранг братания… // ВИЖ. 1997. № 3. С. 53.
[1150] Там же. С. 53.
[1151] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 4. Л. 236; Д. 295. Л. 81.

на наше неорганизованное братание, которое производится иногда целыми ротами, противник высылает одиночных людей, к сожалению, как это выяснилось, одних и тех же, которые очень любезно принимают наших солдат, но в своих словах слишком сдержаны. От нас они охотно принимают газеты и т. п., которые, как подтвердилось, не попадают в рядовую германскую солдатскую массу. Таким образом, в конце 1917 г., уже в условиях фактического перемирия австро-германские представители в ходе братания продолжали решать те же основные задачи, что и весной, хотя способы достижения стоявших перед ними целей несколько трансформировались в связи с общим изменением обстановки на театре войны.

Особого внимания заслуживает вопрос о том, как солдаты 11-й армии в конце 1917 г. относились к братанию. Так, согласно донесению командующего 11-й армией генерал-лейтенанта М.Н. Промтова главнокомандующему армиями Юго-Западного фронта генерал-лейтенанту Н.Г. Володченко о настроении в частях армии от 5 ноября, в 5-м армейском корпусе, несмотря на имевшее место усиление влияния идей большевиков «Братания не было, хотя в 40-м [пехотном] Колыванском полку (10-я пехотная дивизия, - С.К.) замечается большая склонность к таковому, отношение к войне враждебное»[1152]. Стоит также обратить внимание на то, что во входящем в состав корпуса 1-м Украинском Богдана Хмельницкого полку «… работы все исполняются. Занятия производятся. У солдат полное единение с офицерами. К войне относятся отрицательно, братание осуждают»[1153].

В 5-м Сибирском армейском корпусе отношение к братанию за весьма непродолжительный срок претерпело изменение. Так, в сводке о настроениях частей армии 29 октября указывалось, что в 50-й пехотной дивизии к братанию большинство солдат относится отрицательно[1154], а в 6-й Сибирской стрелковой дивизии «… к братанию сознательная часть [солдат] относится отрицательно, но

[1152] Там же. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 987. Л. 133.
[1153] Там же. Л. 133–134.
[1154] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3813. Л. 312.

есть сочувствующие, думающие, что этим путём достигается скорейший мир. Был случай [братания] в 8-й роте 24[-го] Сибирского [стрелкового] полка, где стрелки отказались открыть огонь по вышедшим брататься солдатам. Последние разогнаны артиллерийским огнём»[1155]. Однако уже в аналогичной сводке от 5 ноября говорилось: «… случай братания имел место в 199-м [пехотном] Кронштадтском полку. Вообще к братанию многие солдаты относятся очень сочувственно, считая его средством для скорейшего заключения мира»[1156]. Данное изменение может быть объяснено двумя способами: либо информация в сводке от 29 октября неточна (возможно, намеренно искажена), либо подобная перемена во многом была связана с возросшей популярность идей большевиков в корпусе, причём даже в артиллерийских частях, в частности, в 5-м Сибирском мортирном дивизионе[1157]. О том, что и в дальнейшем динамика изменения настроения солдат корпуса в отношении братания склонялась в сторону его одобрения свидетельствуют данные о количестве эпизодов братания, приведённые в оперативных сводках штаба армии и фронта.

Солдаты же 6-го армейского корпуса, согласно сводке о настроениях частей 11-й армии от 29 октября «… на братание смотрят как на маловажное преступление»[1158]. Это сообщение, с одной стороны, позволяет утверждать, что разъяснительная работа командного состава и комитетов закрепила в сознании солдат восприятие братания как преступного деяния, но, с другой стороны, степень его тяжести они считали небольшой, что указывает на их потенциальную готовность участвовать в братании.

В 25-м армейском корпусе к 5 ноября наблюдалась следующая ситуация: хотя солдаты «… войну хотят скорей закончить, хотя бы на самых позорных условиях, смысла и цели войны не понимают и не хотят понять», тем не менее «к братанию относятся отрицательно. В 183-м [пехотном] Пултусском полку

[1155] Там же. Л. 312 об.
[1156] Там же. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 987. Л. 134.
[1157] Там же. Л. 134.
[1158] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3813. Л. 312 об.

были обстреляны немцы, пытавшиеся выйти брататься»[1159]. А 9 ноября на фронте корпуса имел место нетипичный для конца 1917 г., но весьма показательный эпизод: по просьбе пехоты была обстреляна нашей артиллерией первая линия окопов противника южнее деревни Ивашув Гурны, где противник делал попытки к братанию[1160]. Данные факты свидетельствуют о том, что даже в конце осени 1917 г. далеко не во всех соединениях 11-й армии братание воспринималось как средство ускорить мир. Кроме того, приведённые сведения указывают на то, что влияние большевиков в 25-м армейском корпусе вплоть до начала ноября было слабо, и только после создания 13 ноября большевистского корпусного ВРК и взятия им власти наметилась тенденция к распространению их идей в корпусе[1161].

В дальнейшем же на фронте корпуса братание получило распространение, что, вероятно, связано с усилением влияния большевиков и с замиранием боевых действий на фронте армии. Однако уже в оперативной сводке от 20 ноября указывалось: «… замечается, что количество братающихся с нашей стороны уменьшается»[1162]. А 21 ноября «…на участке 46[-й пехотной] дивизии из окопов противника вышли германские парламентёры, офицер и солдат с белыми флагами. Их встретили два парламентёра, выборных 7[-й] роты 184[-го пехотного Варшавского] полка, которые после 40-минутного разговора заявили о нежелании брататься и, приняв газеты и письма, разошлись»[1163]. Подобные колебания настроений солдатской массы по отношению к братанию, могли быть вызваны рядом факторов, начиная от потери интереса, заканчивая холодной погодой. Однако, по крайней мере, отчасти отсутствие желания брататься, по-видимому, было связано и с тем, что значительная часть солдат продолжала относиться к братанию отрицательно. Тем не менее, по всей видимости, данное уменьшение числа участников братания было временным. Произошедшая в ча-

[1159] Там же. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 987. Л. 135.
[1160] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 3. Л. 205.
[1161] Там же. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 987. Л. 136.
[1162] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 4. Л. 224.
[1163] Там же. Д. 295. Л. 32; Ф. 2246. Оп. 1. Д. 131. Л. 93–93 об.

стях корпуса перемена в отношении к братанию, наблюдавшаяся в течение ноября, свидетельствует о прогрессирующем их разложении.

В дивизиях, входивших в состав 32-го армейского корпуса, согласно сводке о настроениях от 29 октября, к братанию относились следующим образом: «… в 20[-й] пехотной дивизии … к братанию отношение везде отрицательное … в 100[-й] пехотной дивизии … братание всемерно осуждается … в 101[-й] пехотной дивизии … случаев братания не было … в 105[-й] пехотной дивизии … отдельные лица в 417[-м пехотном] Луганском полку сочувствуют братанию»[1164]. В аналогичной сводке от 5 ноября также сообщалось, что в 79-м пехотном Куринском полку со стороны противника были попытки брататься, но сочувствия со стороны наших солдат немцы не встретили[1165]. Следует отметить, что данный полк не был одним из наиболее боеспособных в корпусе, а по некоторым показателям и уступал другим полкам[1166]. Тем не менее, даже на его участке братание к 5 ноября не получило развития. Материалы оперативных сводок также позволяют с высокой долей вероятности утверждать, что на фронте 32-го армейского корпуса братание не было широко распространено. В этой связи заслуживает внимания случай, произошедший 11 ноября в районе Болдурской переправы, когда «… противник выслал в одну из рот 403[-го пехотного Вольского] полка (101-я пехотная дивизия, – С.К.) сначала одного офицера, а потом ещё двух, которые предлагали допустить делегатов для беседы по политическим вопросам. К ним вышел полковой комитет, который передал, что по распоряжению начдива братание допущено не будет, и делегаты противника будут арестованы, вследствие чего 12 ноября делегаты противника более не показывались»[1167].

Как и в других армиях Юго-Западного фронта, братание на участке 11-й армии было часто сопряжено с меновой торговлей[1168]. В Приказе военно-революционного комитета 25-го армейского корпуса от 1 декабря, в частности,

[1164] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3813. Л. 312 об.–314.
[1165] Там же. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 987. Л. 136.
[1166] Там же. Л. 136.
[1167] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 4. Л. 214.
[1168] Там же. Л. 235.

указано на недопустимость обмена с нашей стороны хлеба и мыла на предлагаемые противником вещи. Следует также отметить, что всё чаще одним из главных продуктов, получаемых русскими солдатами во время братания становились алкогольные напитки[1169]. В этом отношении ситуация, сложившаяся на фронте 11-й армии была близка к положению, имевшему место на участках соседних армий Юго-Западного фронта.

Подводя итоги, необходимо отметить, что в ноябре – декабре 1917 г. количество случаев братания на фронте 11-й армии в целом значительно возросло. Однако оно неравномерно развивалось во всех частях и соединениях армии – даже в рамках одной дивизии и корпуса могла наблюдаться значительная разница в отношении солдат к братанию. Следует также обратить внимание на то, что на развитие братания в 11-й армии, как и на всём Юго-Западном фронте, оказал влияние переход 20 ноября Ставки под большевистский контроль. Кроме того, имела важное, подчас решающее значение позиция австро-германского командования, поощрявшего или мешавшего братанию на том или ином участке фронта.

7-я армия. Взятый Советом народных комиссаров курс на выход России из войны вскоре оказал существенное влияние на ситуацию на фронте и, в том числе, в 7-й армии. Касалось это и развития процесса братания на её участке. Начиная с первых чисел ноября, исходя из сведений, содержащихся в оперативных сводках штаба армии и фронта, случаи братания в 7-й армии возможно даже ранжировать по корпусам.

Так в 41-м армейском корпусе братание или попытки к нему имели место 8 ноября[1170]; 11 ноября на участке 294-го пехотного Березинского полка (74-й пехотной дивизии) в районе р. Черница[1171]; 18 ноября в 296-м пехотном Грязовецком полку (74-я пехотная дивизия)[1172]; 19 ноября западнее Постоловка и у Людвиполь[1173]; 20 ноября в районе ф. Выдра[1174]; 21 ноября на фронте 296-го пехот-

[1169] Там же. Д. 195. Ч. 4. Л. 224; Д. 399. Л. 53; Ф. 2246. Оп. 1. Д. 131. Л. 95.
[1170] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 3. Л. 203.
[1171] Там же. Ф. 2246. Оп. 1. Д. 131. Л. 88.
[1172] Бумеранг братания… // ВИЖ. 1997. № 3. С. 53.
[1173] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 4. Л. 223; Д. 295. Л. 39.
[1174] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 399. Л. 54; Ф. 2246. Оп. 1. Д. 131. Л. 95 об.

ного Грязовецкого полка (74-я пехотная дивизия)[1175]; 30 ноября на участке 293-го пехотного Ижорского полка (74-я пехотная дивизия)[1176]; 3 декабря на фронте 3-й Заамурской пограничной пехотной дивизии имели место случаи перехода демаркационной линии[1177]; 5 декабря (точный участок фронта корпуса не указан)[1178]; 6 декабря на участке 295-го пехотного Свирского полка (74-я пехотная дивизия)[1179]; 9 декабря на фронте 3-й Заамурской пограничной пехотной дивизии[1180].

В 12-м армейском корпусе случаи братания наблюдались 12 ноября в районе Бережанка и Пукляки[1181]; 13 ноября на участке 254-го пехотного Николаевского полка (64-я пехотная дивизия)[1182]; 14 ноября[1183]; 15 и 16 ноября в районе Скала[1184]; 18 ноября на участке 74-го пехотного Ставропольского и 76-го пехотного Кубанского полков 19-й пехотной дивизии[1185]; 21 ноября в той же дивизии[1186].

В 1-м Гвардейском корпусе факты братания фиксировались 14 ноября[1187]; 19 ноября в районе Юзефувка и Байора[1188]; 21 ноября в районе Познанка Гетманска и у Юзефувского леса[1189], а также в районе Милевцы – Чернокозинцы, в разных местах[1190]; 22 ноября в районе Юзефувка[1191].

В 3-м Кавказском армейском корпусе братание имело место 17 ноября[1192]; 18 ноября в районе Борышковце имела место обоюдная попытка к братанию[1193];

[1175] Бумеранг братания… // ВИЖ. 1997. № 3. С. 54.
[1176] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 4. Л. 245.
[1177] Там же. Л. 253
[1178] Там же. Ф. 2003. Оп. 4. Д. 32. Л. 196.
[1179] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 4. Л. 258.
[1180] Там же. Ч. 5. Л. 277.
[1181] Там же. Ф. 2246. Оп. 1. Д. 94. Л. 252.
[1182] Там же. Ф. 2003. Оп. 4. Д. 32. Л. 227; Ф. 2246. Оп. 1. Д. 94. Л. 253–253 об., 254.
[1183] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 4. Л. 215.
[1184] Там же. Л. 219–220; Д. 295. Л. 1, 9.
[1185] Бумеранг братания… // ВИЖ. 1997. № 3. С. 53.
[1186] Там же. С. 54.
[1187] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 4. Л. 215.
[1188] Там же. Л. 223; Д. 295. Л. 39.
[1189] Там же. Д. 295. Л. 31; Ф. 2246. Оп. 1. Д. 131. Л. 91.
[1190] Там же. Ф. 2246. Оп. 1. Д. 131. Л. 93 об.
[1191] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 4. Л. 234; Д. 295. Л. 48.
[1192] Там же. Д. 195. Ч. 4. Л. 221.
[1193] Там же. Д. 295. Л. 15.

20 ноября в районе д. Завале Австрийская[1194]; 21 ноября в нескольких местах[1195]; 22 ноября в районе Нивра[1196]; 30 ноября[1197].

В 7-м Сибирском армейском корпусе наиболее ранний случай братания в рассматриваемый период был зафиксирован в оперативных сводках 13 ноября в 429-м пехотном Рижском полку (108-я пехотная дивизия)[1198]; затем 27 ноября на фронте той же дивизии[1199]. Однако большая часть эпизодов наблюдалось в 13-й Сибирской стрелковой дивизии: 30 ноября в районе д. Секиринце; 1 декабря на участке 52-го Сибирского стрелкового полка; 2 и 3 декабря; 5 декабря (точный участок фронта корпуса не указан)[1200]; 10 и 14[1201], 19[1202] декабря в 52-м Сибирском стрелковом полку; 7 января 1918 г. на участке 48-го Сибирского стрелкового полка (12-я Сибирская стрелковая дивизия)[1203]; 8 января в целом на фронте корпуса[1204].

Безусловно, приведённые выше данные имеют обобщённый характер, поскольку в штабы армий и фронта поступала во многом лишённая детализации информация. Однако, в условиях перемирия и иного отношения к братанию со стороны новой власти, по-видимому, факты его развития в меньшей степени замалчивались командным составом. В целом же приводимый перечень эпизодов братания в 7-й армии за ноябрь – декабрь позволяет сделать определённые выводы. В первую очередь следует отметить, что количество случаев братания в рассматриваемой армии, согласно сводке донесений штаба Верховного главнокомандующего о настроениях в армиях за период с 15 по 30 ноября, состав-

[1194] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 4. Л. 224; Д. 399. Л. 54; Ф. 2246. Оп. 1. Д. 131. Л. 95 об.
[1195] Там же. Ф. 2246. Оп. 1. Д. 131. Л. 91.
[1196] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 4. Л. 234; Д. 295. Л. 48.
[1197] Там же. Д. 195. Ч. 4. Л. 245; Д. 295. Л. 110.
[1198] Там же. Ф. 2246. Оп. 1. Д. 94. Л. 253–253 об., 254.
[1199] Там же. Ф. 2003. Оп. 4. Д. 50. Л. 307, 310.
[1200] Там же. Д. 32. Л. 196.
[1201] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 4. Л. 245, 246, 252, 253; Ч. 5. Л. 267, 278.
[1202] Там же. Д. 295. Л. 176.
[1203] Там же. Д. 296. Л. 37.
[1204] Там же. Л. 45.

ляло семь эпизодов[1205]. Однако, как видно из приведённого выше перечня (который не во всём полон), их число было значительно больше.

Также стоит обратить внимание на то, что, по всей видимости, на протяжении ноября почти во всех рассмотренных выше корпусах уровень развития братания в целом был примерно одинаковым. Исключение составлял только 7-й Сибирский армейский корпус, на фронте которого в ноябре имели место боевые действия[1206]. По всей вероятности, это обстоятельство стало причиной того, что развитие братания в данном корпусе в конце ноября – декабре в основном локализовывалось в 13-й Сибирской стрелковой дивизии, да и то, по-видимому, не во всех её полках в одинаковой мере.

Необходимо отметить, что на характер братания в 7-й армии в ноябре – декабре существенное влияние оказывал состав группировки войск германского блока, противостоящей 7-й армии (см.: Приложение № 2). Следует подчеркнуть, что в рассматриваемые месяцы на фронте этой армии находилось от 12 ½ до 13 ½ дивизий Четверного союза, из которых от 8 ½ до 9 ½ германских, три австро-венгерских и одна турецкая[1207]. Таким образом, число германских дивизий на участке 7-й армии в сравнении с весенними месяцами возросло примерно на 1/3, а число австро-венгерских сократилось более чем в 3 раза.

Что касается национального состава австро-венгерских дивизий, от которого в значительной степени зависел их боевой потенциал, то, по-видимому, к концу 1917 г. на участке 7-й армии были сосредоточены части со средними и низкими возможностями, поскольку в большинстве полков преобладали либо румыны, либо славяне (чехи, русины, поляки)[1208], среди которых в большей или меньшей степени наблюдались пророссийские настроения. Однако не следует думать, что комбатанты указанных национальностей имели возможность свободно вступать в контакт с русскими солдатами, т. к. за ними был установлен

[1205] Бумеранг братания… // ВИЖ. 1997. № 3. С. 55.
[1206] См. напр.: РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 4. Л. 215, 224, 227, 231, 235; Ф. 2246. Оп. 1. Д. 131. Л. 91, 93 об., 97.
[1207] Там же. Ф. 2246. Оп. 1. Д. 162. Л. 204–207, 226–229.
[1208] Там же. Л. 206 об.–207; 228 об.–229.

жёсткий контроль. Так, в оперативной сводке от 4 декабря сообщалось: «[В] 12[_м] арм[ейском] корпусе: … 64[-й пехотной] дивизии братание одиночных людей, несмотря на все принимаемые меры, все-таки не прекращается как [с] нашей стороны, так и со стороны противника. Наши солдаты наблюдали, **как германские офицеры били своих солдат за братание** (жирным шрифтом выделено подчёркнутое в документе, – С.К.)»[1209]. И хотя из данного сообщения неясно, о солдатах какой национальности идёт речь, подобные меры воздействия могли применяться ко всем военнослужащим австро-германских войск.

Соединений, в которых было бы значительное количество венгров, имелось относительно немного, а преобладали они только в 309-м гонведном полку 55-й австрийской дивизии[1210]. Необходимо также упомянуть и находившийся в конце октября в составе 54-й австрийской дивизии Украинский полк, в котором доминировали антироссийские настроения. Подобный состав группировки германского блока на фронте 7-й армии не благоприятствовал развитию стихийного братания, поскольку большую её часть составляли хотя и в основном не первоочередные, но всё же германские дивизии, уровень дисциплины которых был в целом значительно выше, чем в частях армии Австро-Венгрии. Но и в вооружённых силах последней принимались меры, препятствующие развитию стихийного братания[1211].

О том, что в ноябре – декабре имевшие место на участке 7-й армии эпизоды братания имели организованный характер, свидетельствует ряд фактов. Так, в донесении главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерал-лейтенанта Н.Н. Стогова в Ставку от 18 ноября сообщалось: «В 296-м [пехотном Грязовецком] полку (74-я пехотная дивизия, 41-й армейский корпус, – С.К.) 4 немца явились в наши окопы с целью мирных переговоров … Немцы давали нашим наставления, каким путём нужно вести переговоры и, в то же время, расспрашивали [о] местонахождении и расположении наших частей»[1212]. А в аналогичном донесении от 21 ноября указано: «В 12-м [армейском] корпусе

[1209] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 295. Л. 122.
[1210] Там же. Ф. 2246. Оп. 1. Д. 162. Л. 206 об., 228 об.
[1211] См. напр.: там же. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 856. Л. 245 об.–246.
[1212] Бумеранг братания… // ВИЖ. 1997. № 3. С. 53.

(19-я [пехотная] дивизия) в некоторых полках продолжается братание. Со стороны противника выходят к нашим солдатам исключительно офицеры и унтер-офицеры. Противник проявляет большую осведомлённость о расположении наших частей [и] даже о внутренней жизни рот. Наряду с этим противник производит позиционные работы»[1213]. Также в сводке донесений штаба Верховного главнокомандующего о настроениях в армиях за период с 15 по 30 ноября отмечалось, что на участке 19-й пехотной дивизии 12-го армейского корпуса австрийские офицеры 21 ноября ходили по своему берегу р. Збруча с планшетами и фотоаппаратами и снимали наши окопы[1214]. Сходные явления имели место и в 3-м Кавказском армейском корпусе[1215]. Отмечены факты разведывательной деятельности австро-германских войск и на фронте 7-го Сибирского армейского корпуса[1216].

Ещё один интересный факт приведён в оперативной сводке от 7 декабря: среди приходивших 6 декабря в окопы 295-го пехотного Свирского полка (74-я пехотная дивизия, 41-й армейский корпус) трёх германских военнослужащих солдатом указанного полка был опознан германский офицер в солдатской форме, после чего немцы были отправлены в свои окопы в сопровождении заведующего разведкой с переводчиками. Однако в немецкие окопы они допущены не были[1217]. На то, что развитие братания поощрялось австро-германской стороной в своих интересах, обращали внимание также солдатские и военно-революционные комитеты[1218]. Таким образом, разведывательная деятельность, сопряжённая с братанием, фиксировалась на всём протяжении фронта 7-й армии в ноябре – декабре.

Вместе с тем, следует отметить, что инициатива начать братание на том или ином участке не всегда исходила исключительно от австро-германской стороны. Во многих случаях почин принадлежал русским солдатам[1219]. В ряде

[1213] Там же. С. 54.
[1214] Там же. С. 56.
[1215] РГВИА. Ф. 2246. Оп. 1. Д. 131. Л. 92.
[1216] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 4. Л. 257–257 об.
[1217] Там же. Д. 295. Л. 147.
[1218] Бумеранг братания… // ВИЖ. 1997. № 3. С. 55, 56.
[1219] См.: РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 4. Л. 221; Бумеранг братания… // ВИЖ. 1997. № 3. С. 54.

соединений 7-й армии братание к концу 1917 г. приобрело крайние формы. Так, в 431-м пехотном Тихвинском полку 108-й пехотной дивизии 7-го Сибирского армейского корпуса: «… наши и немецкие солдаты разгуливают вместе, причём последние доходят до [расположения] наших резервных рот»[1220].

Что же побуждало русских солдат в условиях перемирия столь активно участвовать в братании? Представляется, что одним из главных мотивов являлась меновая торговля с военнослужащими германского блока. Так, в 74-м пехотном Ставропольском и 76-м пехотном Кубанском полках (19-я пехотная дивизия, 12-й армейский корпус) «… братание выражается в перекличке приветствий из окопов, в перебрасывании газет, табака, папирос, хлеба»[1221]. А 22 ноября на участке 3-го Кавказского армейского корпуса в районе Нивра, солдаты противника переходили на восточный берег р. Збруч и продавали нашим солдатам часы[1222]. Также в сводке донесений штаба Верховного главнокомандующего о настроениях в армиях за период с 15 по 30 ноября сообщалось, что в районе 432-го пехотного Валдайского полка 108-й пехотной дивизии 7-го Сибирского армейского корпуса «… завязалась меновая торговля с неприятелем, окопы украшены белыми флагами, раздаётся музыка»[1223]. Кроме того, лаконичные сообщения о имевших место фактах торговли во время братания, приходили 2 и 3 декабря из 13-й Сибирской стрелковой дивизии 7-го Сибирского армейского корпуса[1224].

Весьма показательно, что после заключения перемирия стремление к развитию меновой торговли в ряде случаев активно проявлялось с австро-германской стороны. Так, 11 декабря на участке гвардии Гренадерского полка (1-й Гвардейский корпус) «…в районе Михайлувка – выс[ота] 311 вышел германский офицер и от имени Нач[альника] див[изии] предложил устроить ещё один пункт для братания. Избранным местом оказалась выс[ота] 311, где гер-

[1220] Бумеранг братания… // ВИЖ. 1997. № 3. С. 55–56.
[1221] Там же. С. 53.
[1222] РГВИА. Ф. 2246. Оп. 1. Д. 131. Л. 96.
[1223] Бумеранг братания… // ВИЖ. 1997. № 3. С. 56.
[1224] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 4. Л. 252, 253.

манцами же предложено было устроить навес и там производить меновую торговлю. Штадив 197[-й] германской [дивизии] прислал письменное предложение устроить пункт для братания у выс[оты] 316, западнее Мазурувка, что нами и принято»[1225]. Сходные факты имели место и на фронте 7-го Сибирского армейского корпуса[1226]. Приведённые факты позволяют сделать вывод, что развитие братания использовалось командованием войск германского блока не только в разведывательных и пропагандистских целях, но и в том числе для снижения остроты продовольственного кризиса, всё более нараставшего в странах Четверного союза и сказывавшегося, в частности, на снабжении вооружённых сил. По всей видимости, именно по этой причине стремление к развитию меновой торговли с русскими солдатами в ряде случаев исходило непосредственно от австро-германского командования.

Как и в весенние месяцы, одним из самых востребованных продуктов, на который русские солдаты обменивали хлеб и иное продовольствие, оставался алкоголь[1227]. Солдатские комитеты различных уровней и ревкомы прикладывали усилия к тому, чтобы не допускать спаивания солдатской массы, но в условиях конца 1917 г. принимаемые меры имели крайне малую эффективность. Были зафиксированы и случаи, когда стремление получить спиртные напитки заканчивалось для русских солдат трагически. Так, 11 ноября «между 13 и 14 часами три солдата 294[-го пехотного Березинского] полка (74-я пехотная дивизия, 41-й армейский корпус, – С.К.) отправились по долине реки Черница к немецким окопам с целью достать водки. На встречу им вышло несколько германцев, которые, подойдя к нашим солдатам близко, открыли по ним ружейный огонь, причём двое из наших солдат были убиты, третий взят в плен»[1228]. Однако в большинстве случаев алкогольные напитки беспрепятственно распространялись австро-германскими военнослужащими среди солдат русской армии.

[1225] Там же. Д. 295. Л. 148.
[1226] Там же. Л. 148.
[1227] Бумеранг братания… // ВИЖ. 1997. № 3. С. 55.
[1228] РГВИА. Ф. 2246. Оп. 1. Д. 94. Л. 250.

В заключение необходимо отметить, что после прихода к власти большевиков, братание стало восприниматься новым правительством как средство экспорта революции, а, следовательно, из нарушения воинской дисциплины эволюционировало в санкционируемую форму поведения по отношению к противнику. Данная тенденция на участке 7-й армии в полной мере проявилась несколько позднее, чем на других фронтах Восточноевропейского ТВД, расположенных севернее. В значительной мере это было связано как со слабостью влияния большевиков на Юго-Западном фронте в целом, так и с борьбой за Ставку.

Подводя итоги, следует сделать вывод о том, что к исходу 1917 г. на фоне усилившейся политической борьбы внутри России, начавшей перерастать в гражданскую войну, борьбы за власть в армии, в частности, на Юго-Западном фронте между Совнаркомом и Центральной Радой, продолжавшимся процессом украинизации ряда частей и соединений фронта и общей политической и экономической нестабильности, братание в армиях рассматриваемого фронта стремительно усилилось. После же заключения перемирия оно не прекратилось, а всё более стало превращаться в меновую торговлю между военнослужащими противостоящих армий.

4.2. Борьба большевистских ревкомов и большевизированных солдатских комитетов со стихийным братанием и их усилия по приданию ему организованного характера

Особая армия. Необходимо остановиться на мерах, направленных на противодействие развитию братания на фронте Особой армии. В целом они были тождественны действиям, осуществлявшимся на участках других армий Юго-Западного фронта. Однако имелись в них и некоторые особенности. Одной из наиболее распространённых мер борьбы с братанием продолжала оставаться разъяснительная работа, проводимая офицерами и солдатскими комитетами. Однако в условиях, сложившихся к концу 1917 г. в Особой армии, этот вид деятельности становился всё более малоэффективным, а порой и опасным, в особенности для офицеров. Так, согласно сводке донесений штаба Верховно-

го главнокомандующего о настроениях в армиях за период с 15 по 30 ноября, «… в 442-м [пехотном Каширском] полку 111-й [пехотной] див[изии] (44-й армейский корпус, – С.К.) Особой армии офицерам, протестовавшим против братания, угрожали штыками»[1229]. Исходя из этого сообщения можно также заключить, что настроение в частях армии в рассматриваемый период отличалось высокой степенью нестабильности, поскольку в сводке сведений о настроениях в частях войск этой армии за период с 29 октября по 5 ноября относительно отношения к братанию в 111-й пехотной дивизии указывалось: «Братание не наблюдается и не одобряется»[1230].

Вместе с тем следует отметить, что, по-видимому, усилия командования и комитетов, хотя и временно, но достигали некоторого успеха в ряде соединений Особой армии. Так, в 125-й пехотной дивизии 39-го армейского корпуса с 29 октября по 5 ноября братания не наблюдалось[1231]. Отрицательное отношение к братанию фиксировалось в тот же период в Сводной пограничной пехотной дивизии 46-го армейского корпуса[1232], хотя стремление к миру наблюдалось и среди солдат этой дивизии. Так, в Наказе делегатам 1-го Рыпинского пограничного пехотного полка, отправлявшимся в Петроград, в частности, указывалось: «… В основу власти Советов должна быть положена инициатива скорейшего стремления к прекращению кровавой бойни народов, памятуя, что это стремление всей демократии, одетой в солдатские шинели»[1233]. Однако, по-видимому, основная масса солдат этой дивизии не считала, что посредством братания возможно прекратить войну. Также, согласно оперативной сводке от 16 ноября «… половина солдат 8[-го] Турк[естанского стрелкового] полка (2-я Туркестанская стрелковая дивизия, 1-й Туркестанский армейский корпус, – С.К.) высказалась категорически против братания»[1234]. А в оперативной сводке от 17 ноября, в частности, сообщалось: «[В] 83[-й пехотной] дивизии [31-го армейского корпу-

[1229] Бумеранг братания… // ВИЖ. 1997. № 3. С. 56.
[1230] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3813. Л. 339 об.
[1231] Там же. Л. 338 об.
[1232] Там же. Л. 340.
[1233] РГАСПИ. Ф. 464. Оп. 1. Д. 82. Л. 39.
[1234] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 399. Л. 26.

са] захвачено [в] плен 1 офицер и 2 солдата противника»[1235]. Тот факт, что в документе не указано, при каких обстоятельствах были взяты пленные, а также состав данной группы, типичный для ряда эпизодов братания, позволяют с определённой долей вероятности предположить, что упомянутые выше военнослужащие германского блока были захвачены в ходе братания. Однако, даже если допустить верность этого предположения, тем не менее, необходимо отметить, что в условиях, сложившихся в Особой армии к концу 1917 г. факты взятия пленных во время братания, по-видимому, стали исключительно редкими во многом вследствие сопротивления солдатской массы. В целом же, как подчёркивалось выше, настроения против братания, фиксируемое в ряде соединений Особой армии к началу ноября, не всегда сохранялось длительное время.

Также продолжалось применение против начавшегося братания огня лёгких батарей. Следует отметить, что на фронте Особой армии артиллерийские обстрелы участков, где происходило братание, согласно оперативным сводкам штаба фронта, продолжалось до 20 ноября[1236]. В дальнейшем применение артиллерии против братающихся групп солдат в оперативных сводках не отмечено, т. к. с 20 ноября вступило в силу соглашение о перемирии на участке Особой армии. Как и в других армиях Юго-Западного фронта продолжавшийся до начала второй декады ноября разгон братающихся солдат при помощи огня лёгких орудий был обусловлен относительной слабостью влияния большевиков в армиях Юго-Западного фронта, а также борьбой за Ставку, которая с 20 ноября находилась в руках большевиков.

Необходимо отметить, что в Особой армии на протяжении первых двух декад ноября усиливался раскол «по горизонтали», проявлявшийся в первую очередь в эксцессах между пехотинцами и артиллеристами. Так, в сводке сведений о настроении в частях войск Особой армии за период с 29 октября по 5 ноября отмечалось: «… Под влиянием требований пехоты выступление ар-

[1235] Там же. Д. 195. Ч. 4. Л. 221.
[1236] Там же. Л. 224.

тиллерии против братания становится всё более затруднительным»[1237]. В донесении же начальника штаба Особой армии генерал-лейтенанта В.А. Бренделя начальнику штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерал-лейтенанту Н.Н. Стогову от 13 ноября сообщалось: «В 44-м [армейском] корпусе … после того, как 4-я батарея выпустила 6–7 снарядов по братавшимся [с] немцам[и], группа солдат пришла на батарею и грозила переколоть всех, если батарея будет стрелять»[1238]. А в 1-м Туркестанском армейском корпусе в сообщении, датируемом тем же числом, говорилось: «… артиллерия, пытавшаяся обстрелять братавшихся, принуждена была замолчать под угрозой штыков»[1239]. Следует отметить, что порой угрозы в адрес артиллеристов получали практическую реализацию. Так, в донесении начальника штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерал-лейтенанта Н.Н. Стогова помощнику начальника штаба Верховного главнокомандующего от 21 ноября сообщалось: «В 39-м [армейском] корпусе в землянку 2-й батареи 4-го тяжёлого дивизиона злоумышленником, оставшимся необнаруженным, брошена через трубу граната. Взрывом гранаты контужено трое офицеров. Дознание производится»[1240].

Изменилась и позиция ряда солдатских комитетов по отношению к братанию. Если в предшествующее время войсковые выборные организации в подавляющем большинстве случаев стремились противодействовать братанию, то в ноябре определённая их часть, в составе которых получили преобладание большевики, стали выступать в качестве силы, организующей братание. Так, в донесении начальника штаба Особой армии генерал-лейтенанта В.А. Бренделя начальнику штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерал-лейтенанту Н.Н. Стогову от 13 ноября говорилось: «В 1-м Туркестанском корпусе в 7-м [Туркестанском стрелковом] полку (2-я Туркестанская стрелковая дивизия, – С.К.) организованным братанием хотят достичь скорейшего мира, а в 8-м [Туркестанском стрелковом] полку (той же дивизии, – С.К.) братани-

[1237] Там же. Д. 3813. Л. 338 об.
[1238] Бумеранг братания… // ВИЖ. 1997. № 1. С. 40.
[1239] Там же. №. 3. С. 51.
[1240] Там же. С. 54.

ем руководит даже полковой комитет, основываясь на постановлении кор[пусного] ком[итета]»[1241]. По-видимому, об этих фактах сообщали в опросном листе 16 ноября делегаты корпуса Ажинцев и Егорейченков, посланные в Петроградский ВРК: «… в последнее время приняты меры к организованному братанию»[1242]. Особое внимание обращает на себя также донесение командира 39-го армейского корпуса, в котором, в частности, указывалось: «Части 122[-й пехотной] дивизии братались с противником. В дивизию прибыл член образовавшегося при Штарм Комспасарма и организует братание. Сегодня в 122[-й пехотной] дивизии предположено пленарное заседание комитетов по вопросу организации братания»[1243]. В сложившихся в рассматриваемый период условиях командование оказалось бессильным что-либо противопоставить подобным инициативам: «На докладе об этом Комкора 39 Командарм указал, что он не располагает мерами борьбы с предприятиями Комспасарм, который ему не подчинён и о своих предприятиях его не ставит в известность»[1244].

Весьма важным фактором, влияющим на динамику развития братания на фронте Особой армии, оставалась позиция в этом вопросе, занимаемая военным командованием противника. Так, уже 13 ноября на участке 776-го пехотного Кустанайского полка (194-я пехотная дивизия, 39-й армейский корпус) «… из немецких окопов вышло несколько офицеров, из которых один, как [в]последствие выяснилось, был начальник дивизии, и просили к себе офицеров, которым заявили, что когда у русских будет получено приказание о перемирии, то немцы просят выслать парламентёров, до этого времени просят к их проволочным заграждениям не подходить и не брататься»[1245]. Однако в той же сводке далее указано, что во 2-й Туркестанской стрелковой дивизии «… происходит братание [в] широких размерах»[1246]. Данный факт ещё раз указывает на справедливость утверждения, высказанного в приказе главнокомандующего армиями Юго-Западного

[1241] Там же. № 1. С. 40.
[1242] Военно-революционные комитеты действующей армии, 25 октября 1917 – март 1918. М., 1977. С. 376.
[1243] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 399. Л. 28.
[1244] Там же. Л. 28.
[1245] Там же. Д. 195. Ч. 4. Л. 215.
[1246] Там же. Л. 215.

фронта генерал-лейтенанта Н.Г. Володченко от 16 ноября, в котором отмечалось: «В то время как на одних участках братание им (противником, – С.К.) вовсе не допускается, несмотря даже на попытки с нашей стороны завязать таковое …, на других участках немцы большими массами подходят к нашим окопам»[1247]. Таким образом, приказы, отдаваемые австро-германским командованием своим военнослужащим, в значительной мере определяли степень развития братания на том или ином участке фронта Особой армии.

Необходимо отметить, что в договоре о перемирии на участке Особой армии, подписанном 18 ноября, имелась отдельная статья, регламентирующая порядок братания. В соответствии с ней: «Всякий выход за проволочные заграждения своей первой линии как немецких, так и русских воинов запрещается. Дозволяется исключительно выход на обозначенных для этого местах между линиями. Такие места отмечаются белыми флагами, выставленными в передних окопах. Таких мест не должно быть более одного на версту. Общение дозволяется только с 10 до 18 час[ов] (с 8 до 4 час[ов] по полудни) и без оружия»[1248]. 19 ноября военно-революционный комитет Особой армии направил телеграмму о заключённом на фронте армии перемирии в Ставку[1249]. При такого рода условиях продолжение братания не встречало противодействия со стороны австро-германского командования и даже было выгодно ему, поскольку, помимо возможности продолжать пропагандистскую работу посредством посылки в указанные пункты специально подготовленных лиц, позволяло осуществлять меновую торговлю и, хотя бы отчасти, решать проблему снабжения своих войск продовольствием, получаемым от русских солдат.

Однако в условиях перемирия усилилось проявление стихийного начала в братании. Так, в частности, в оперативной сводке от 30 ноября указано: «Братание происходило на участке 307[-го] пех[отного Спасского] полка (77-я пехотная дивизия, 46-й армейский корпус, – С.К.). По донесению Наштакора 46, не-

[1247] Там же. Л. 216.
[1248] Известия Центрального Исполнительного комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. № 233. 23 ноября.
[1249] Военно-революционные комитеты действующей армии… С. 382.

смотря на неоднократные разъяснения протокола о перемирии, солдаты продолжают ходить к неприятелю и приводить к себе в окопы солдат противника. Противник же во время братания не пропускает наших солдат дальше своих застав»[1250]. Данный эпизод показывает, с одной стороны, стремление австро-германского командования оградить личный состав своих частей от влияния со стороны русских солдат, однако, с другой стороны, из документа можно сделать вывод, что приводимые в русские окопы солдаты противника не всегда могли быть из состава специальных рот и пропагандных отделов, что означало усиление стихийной составляющей в братании в этот период. Схожие эпизоды отмечались 30 ноября в 46-м армейском корпусе, где на участке 77-й пехотной дивизии «… как наши, так и неприятельские солдаты ходят друг к другу в окопы»[1251], а также 1 декабря в 83-й дивизии 31-го армейского корпуса[1252]. Тем не менее в целом условия, оговорённые в договоре о перемирии, давали возможность командованию войск противника удерживать его развитие в приемлемом для себя русле. Так, в оперативной сводке от 1 декабря сообщалось, что немецкие делегаты предложили «… установление двух – трёх определённых пунктов для братания и просьба запретить солдатам заходить в чужие окопы»[1253].

Таким образом, необходимо отметить, что в конце 1917 г. братание в ряде соединений Особой армии приобрело наиболее ярко выраженные формы: оно уже не ограничивалось нейтральной полосой между проволочными заграждениями, а зачастую распространялось даже на ближайший тыл армии; к братанию стали подключаться солдаты тех родов войск, которые в предшествующие месяцы в нём не участвовали, в частности, артиллеристы. Попытки же противодействовать развитию братания всё чаще становились причиной эксцессов как между пехотой и артиллерией, так между солдатами и офицерами. Всё это свидетельствует о практически полной утрате боеспособности подавляющим большинством частей и соединений Особой армии к зиме 1917–1918 гг. На

[1250] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 399. Л. 104.
[1251] Там же. Л. 107.
[1252] Там же. Л. 112.
[1253] Там же. Л. 107.

фоне столь глубоко зашедшего разложения действующей армии, не последнюю роль в котором сыграло и братание, некоторые речи, произнесённые на собрании военной организации при ЦК РСДРП (б), состоявшемся 26 декабря 1917 г., позволяют сделать вывод о недостаточной осведомлённости его участников относительно морального состояния солдатских масс. Так, в частности, один из выступивших членов военной организации сказал: «Я думаю, … когда [мы] скажем [солдатам]: «Вы нас поддерживали против власти, которая вела империалистическую войну, теперь, когда мы все тайные договоры раскрыли и когда мы все сделали, всё, что возможно, для [заключения] демократического мира, то неужели не пойдёте с нами, когда революции угрожает опасность со стороны империалистов всех стран?»[1254]. По-видимому, даже у части членов «военки» имела место переоценка её влияния на солдатские массы, стремившиеся в конце 1917 – начале 1918 г. только к скорейшей демобилизации.

11-я армия. Теперь следует перейти к рассмотрению мер, направленных на борьбу с братанием в 11-й армии. Следует отметить, что приход к власти большевиков не сразу отразился на ситуации на Юго-Западном фронте[1255]. Исходя из материала оперативных сводок, начавшееся братание пресекалось, как и раньше, чаще всего при помощи лёгкой артиллерии. На участках фронта армии, где братание получило наибольшее развитие, это порождало рознь между пехотой и артиллерией, а также между отдельными соединениями пехоты. Так в 6-й Сибирской стрелковой дивизии «… были случаи угроз артиллерийским наблюдателям, когда они открывали огонь по вышедшим брататься немцам. Наши пулемёты, открывшие огонь по вышедшему брататься противнику, были обстреляны своими же сибирскими стрелками»[1256].

Следует отметить, что пресечение случаев братания при помощи артиллерии продолжалось, согласно сведениям, содержащимся в оперативных свод-

[1254] РГАСПИ. Ф. 464. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.
[1255] Подробнее об этом см.: *Ткачук А.Г.* Революционное движение в армиях Юго-Западного и Румынского фронтов накануне и в период Великого Октября (1916 – февраль 1918 гг.). В 2 т. Львов, 1967; *Базанов С.Н.* Великая война: как погибала Русская армия. М., 2014. С. 149–169.
[1256] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 4. Д. 31. Л. 77 об., 83 об; Ф. 2148. Оп. 1. Д. 987. Л. 134.

ках штаба фронта, до 20 ноября[1257], когда отмечено последнее упоминание об этом. Интересно, что в соседней 7-й армии последний такой случай был зафиксирован на день позже – 21 ноября[1258]. Как отмечалось выше, столь долгое сохранение отношения к братанию как к нарушению воинской дисциплины в армиях Юго-Западного фронта было обусловлено общей слабостью большевистского влияния на рассматриваемом участке Восточноевропейского ТВД, а также борьбой большевиков за Ставку, закончившуюся гибелью Н.Н. Духонина.

В дальнейшем акцент в противодействии братанию сместился в сторону борьбы с неорганизованным братанием. Вели борьбу с развитием такового военно-революционные комитеты 11-й армии. Так, в приказе военно-революционного комитета 25-го армейского корпуса от 9 ноября предписывалось: «Ещё раз подтверждаем комитетам, начальствующим лицам и всем военным гражданам корпуса [требование] не допускать неорганизованного братания с противником»[1259]. Тот же вопрос обсуждался и на объединённом заседании солдатского и военно-революционного комитета 25-го армейского корпуса 29 ноября, по итогам которого: «… было поручено президиуму комитета отдать приказ по корпусу о прекращении неорганизованного братания»[1260]. А в приказе военно-революционного комитета того же корпуса от 1 декабря говорилось: вновь подтверждаю на недопустимость неорганизованного братания. Для передачи литературы и т. п. в немецкие окопы и для выяснения других вопросов приказываю в каждом полку организовать команду братальщиков, которым при братании держаться осторожно и на заданные вопросы отвечать обдуманнее. Только через посредство таких команд допустимо братание. Остальные способы братания приказываю прекратить. Данные меры близки по содержанию к тому, что было предпринято в соединениях 7-й армии. Обращает на себя внимание и неоднократность повторения в документах требования о прекращении неорганизованного братания, что является свидетельством того, что таковое

[1257] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 4. Л.224.
[1258] Там же. Л. 227.
[1259] Бумеранг братания… // ВИЖ. 1997. № 3. С. 50.
[1260] Военно-революционные комитеты действующей армии… С. 402.

получило распространение в корпусе и справиться с ним комитетам и командованию не удавалось.

После того, как власть советского Главковерха Н.В. Крыленко распространилась и на армии Юго-Западного фронта, военно-революционный комитет 11-й армии 21 ноября принял следующую резолюцию: «… до получения сведений от Верховного главнокомандующего [Н.В.] Крыленко и [главнокомандующего армиями Юго-Западного] фронта, военно-революционный комитет 11-й армии призывает: 1. Прекратить как братание, так и военные действия на фронте 11-й армии; 2. В то же время послать в немецкие окопы представителей Военно-революционного комитета 11-й армии для оповещения об этом командного состава и солдат [противника]»[1261]. Данные меры стали реакцией ВРК 11-й армии на приказ Н.В. Крыленко от 14 ноября о прекращении братания на всём Русском ТВД, хотя и в силу названных выше обстоятельств, реализация указанных мероприятий в 11-й армии началась лишь спустя неделю после появления вышеуказанного приказа Н.В. Крыленко.

Обращают на себя внимание меры, предложенные комитетом 3-й гренадерской дивизии (25-й армейский корпус), направленные не столько на сдерживание братания, сколько на его использование в целях распространения революционных идей. Так, согласно решению, принятому на заседании 19 ноября, «… дивизионный комитет постановил использовать постоянные попытки врага к братанию для переброски немцам литературы на их языке с идеями Великой русской революции и этим путём содействовать скорейшему пробуждению в них совести и тоски [по] братств[у] народов, мир[у] во всё[м] мир[е], основанном на честном соглашении народов»[1262]. Для достижения этой цели предполагалось «… полковым комитетам теперь же организовать при себе из офицеров и солдат, знающих немецкий язык, кружок, в который и пригласить всех истинных революционеров … Кружок должен составлять и печатать воззвания и рисунки, ко-

[1261] Известия Центрального Исполнительного комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. № 233. 23 ноября; Армия и флот Рабочей и Крестьянской России. 1917. 24 ноября.
[1262] Бумеранг братания… // ВИЖ. 1997. № 3. С. 53.

торые и подбрасывать немцам»[1263]. Данные меры мыслились как разведывательная операция: «… лица, отправляющиеся для этой цели, как и все вообще лица, идущие на разведку, не должны иметь на себе и с собой никаких полковых или иных отличий, указывающих, какая часть стоит на данном участке»[1264].

К реализации запланированных мероприятий комитет 3-й гренадерской дивизии намеревался привлечь чертёжников штаба дивизии, офицеров и чиновников частей и учреждений, а также запросил соответствующую литературу у военно-революционного комитета 11-й армии[1265]. Таким образом, можно сделать вывод, что в частях 25-го армейского корпуса, при поддержке ВРК 11-й армии, имели место попытки перенимать австро-германский опыт в отношении использования братания в своих целях. В этой связи обращают на себя внимание такие меры, как 1. Препятствование стихийному (с русской стороны) братанию; 2. Подготовка пропагандистской литературы на немецком языке; 3. Отправка специально подготовленных лиц из «команд братальщиков», формировавшихся при полках, для контактов с противником; 4. Придание указанным действиям характера разведывательной операции. Следует отметить, что названные шаги имели место ещё до распространения власти Главковерха Н.В. Крыленко на армии Юго-Западного фронта, а значит, вероятно, могли исходить от эсеро-меньшевистских солдатских комитетов, стремящихся скорректировать свои действия по отношению к братанию в изменившихся условиях. Также начальник штаба и ревком 11-й армии на запрос о мерах, принятых для противодействия неорганизованному братанию сообщали «… для наблюдения за исполнением условий перемирия в некоторых частях установлены особые дежурные команды в каждой роте»[1266].

Однако успеху подобного рода мероприятий препятствовал целый ряд факторов: всё более расшатывавшаяся дисциплина; непостоянство в настроении солдатской массы по отношению к братанию; разное восприятие братания

[1263] Там же. С. 53.
[1264] Там же. С. 53–54.
[1265] Там же. С. 54.
[1266] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 4. Д. 50. Л. 305.

в различных корпусах, дивизиях, полках 11-й армии; отсутствие в армии единоначалия, поскольку властными полномочиями обладал командный состав, солдатские и военно-революционные комитеты. Исходя из этого, представляется, что эффективность данных мер была невысока.

7-я армия. Рассмотрим вопрос о том, какие меры принимались командованием, солдатскими и военно-революционными комитетами для борьбы с братанием в 7-й армии. В целом арсенал действий, направленных на пресечение братания, и здесь оставался тем же, что и весной 1917 г. Однако степень эффективности данных мер к концу года заметно снизилась. Так, в большинстве случаев начавшееся братание прекращалось посредством обстрела участка, на котором оно проходило, лёгкой артиллерией[1267]. Интересно, что даже после прихода к власти большевиков, в 7-й армии, как и в других армиях Юго-Западного фронта, ещё длительное время продолжали разгонять братающихся солдат с помощью артиллерийского огня. Последний такой факт отмечен в оперативной сводке от 21 ноября[1268], а в разведывательной сводке от 23 ноября[1269]. А в оперативной сводке от 24 ноября указано: «[В] 7[-й] армии до получения приказа о перемирии, перестрелка. В 12 часов огонь совершенно прекращён»[1270]. По-видимому, столь длительное сохранение отношения к братанию как к вопиющему нарушению воинской дисциплины в 7-й армии, как и на Юго-Западном фронте в целом, было обусловлено двумя факторами: во-первых, относительной слабостью большевистского влияния на этом участке Восточноевропейского ТВД и, одновременно, значительным авторитетом эсеров и меньшевиков в солдатской массе; во-вторых, продолжавшейся до 20 ноября борьбой за Ставку между Н.В. Крыленко и Н.Н. Духониным. И только после гибели последнего в 7-й армии распространились приказы Н.В. Крыленко от 14 и 24 ноября, о которых говорилось выше, что и повлияло на отношение к братанию. В начале зимы были отмечены случаи уча-

[1267] См. напр.: там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 3. Л. 203; ч. 4. Л. 211, 219, 220, 224; Ф. 2246. Оп. 1. Д. 94. Л. 252, 253.
[1268] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 4. Л.227.
[1269] Там же. Ф. 2003. Оп. 4. Д. 50. Л. 337.
[1270] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 4. Л. 236.

стия в братании даже артиллеристов. Так, в постановлении ВРК 3-го Кавказского армейского корпуса от 2 декабря отмечено: «… в некоторых частях корпуса началось братание артиллеристов, пулемётчиков и даже обозных»[1271]. Таким образом, прекращение огня на фронте послужило катализатором разложения даже среди наиболее устойчивых родов войск, таких как артиллерия. Кроме того, к братанию стали подключаться солдаты, служба которых проходила на определённом, порой немалом расстоянии от передовой, что также является наглядным показателем прогрессирующего разложения в рядах 7-й армии.

Продолжала вестись и разъяснительная работа со стороны командного состава. Основу её составляли приказы главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерал-лейтенанта Н.Г. Володченко и командующего 7-й армией генерал-лейтенанта Я.К. Циховича. Так, в связи с имевшими место 13 ноября случаями братания в 254-м пехотном Николаевском полку (64-я пехотная дивизия, 12-й армейский корпус) и 429-м пехотном Рижском полку (108-я пехотная дивизия, 7-й Сибирский армейский корпус) появился приказ командарма, в котором, в частности, предписывалось: «Я ещё раз призываю не только комитеты, но и всех честных сознательных солдат и офицеров не только разъяснять своим тёмным товарищам, что, братаясь, они совершают страшнейшее преступление перед Родиной, но и активно мешать этому братанию всеми мерами. О всех полках, в которых было братание, начальникам частей доносить откровенно, ничего не скрывая, чтобы имена этих полков перешли в историю как самая позорная страница. Брататься с неприятелем, который столько у нас взял, который измучил столько наших братьев, находящихся в плену, и глупо, и подло. Приказ этот прочесть во всех ротах, батареях, эскадронах и командах»[1272]. Затем, 21 ноября, в связи с наблюдавшейся во время братания в 3-м Кавказском армейском корпусе деятельностью немцев в районе деревни Милевцы, носящей разведывательный характер, был издан новый приказ командарма, в котором говорилось: «Ещё раз предостерегаю, что братание к добру не

[1271] Бумеранг братания… // ВИЖ. 1997. № 3. С. 56.
[1272] РГВИА. Ф. 2246. Оп. 1. Д. 94. Л. 254–254 об.

приведёт. Прошу Военно-революционный комитет повлиять, чтобы братание прекратилось, ибо всё это грозит катастрофой»[1273]. Также 2 декабря генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта получил из Ставки телеграмму следующего содержания: «В оперативной сводке 7[-й] армии от 30 ноября … было донесено о нарушении договора о перемирии. По приказанию наштаверха прошу расследовать этот случай и донести»[1274]. Однако в условиях, сложившихся в армии к концу 1917 г. расследовать подобные эпизоды становилось всё более затруднительно.

Продолжали противодействовать развитию братания также солдатские комитеты и ВРК. Однако деятельность солдатских комитетов в новых условиях претерпела определённые изменения. К прежнему составу в особенности высших комитетов солдатские массы в значительной степени утратили доверие и высказывались за их переизбрание[1275]. Большевистские же военно-революционные и большевизированные солдатские комитеты в ноябре – декабре 1917 г. стремились ограничить стихийное братание. Для этого, к примеру, в 207-м пехотном Новобаязетском полку (52-я пехотная дивизия, 3-й Кавказский армейский корпус) военно-революционным комитетом 29 ноября была выработана временная инструкция, согласно которой при батальонах организовывались комиссии из пяти человек, целью которых являлось противодействие братанию[1276]. В обязанности членам данных комиссий вменялось: «… 3) Во время стоянки на позициях члены комиссии должны находиться при ротах. 4) Один член этой комиссии находится на артиллерийском наблюдательном пункте. 5) Члены комиссии не должны допускать сближения солдат противных сторон с целью братания … 9) Строго соблюдать постановление о нейтральной зоне, чтобы люди не переходили линии проволочных заграждений. 10) В случае появления со стороны противника людей с белыми флагами выяснить причину

[1273] Там же. Д. 131. Л. 92.
[1274] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 295. Л. 118.
[1275] См. напр.: РГАСПИ. Ф. 464. Оп. 1. Д. 82. Л. 42–42 об.
[1276] Бумеранг братания… // ВИЖ. 1997. № 3. С. 55.

появления могут только члены комиссии»[1277]. Другими словами, вступать в переговоры с неприятелем члены рассматриваемых комиссий уполномочены не были. Подобные комиссии были созданы и в других полках 3-го Кавказского армейского корпуса[1278].

Для непосредственного же контакта с военнослужащими противника, согласно постановлению ВРК 3-го Кавказского армейского корпуса от 2 декабря, предполагалось избирать особых представителей: «от каждой бригады по одному солдату и по одному представителю от командного состава»[1279]. По нашему мнению, такое разделение полномочий было обусловлено рядом обстоятельств: во-первых, распространённые приказы Н.В. Крыленко от 14 и 24 ноября, предписывавшие прекратить братание, давал формальную основу для солдатских комитетов и ВРК проводить в жизнь меры, направленные против его развития; во-вторых, эсеро-меньшевистский состав большей части солдатских комитетов на Юго-Западном фронте также не проявлял сочувствия к братанию, но в условиях конца 1917 г., когда авторитет солдатских комитетов сильно упал, по-видимому, был вынужден лавировать между позицией нового, большевистского правительства и его Главковерха, желаниями масс и собственной политической линией. Эти обстоятельства, по всей видимости, способствовали тому, что в 3-м Кавказском армейском корпусе начали до некоторой степени перенимать австро-германский опыт, когда на братание посылались специально подготовленные лица. Нежелательное же братание предписывалось не допускать, для чего и создавались батальонные контрольные комиссии. Однако степень подготовленности российских военнослужащих к такого рода работе в целом уступала австро-германской. Кроме того, всё более расшатывавшаяся дисциплина в рядах русской армии также не способствовала эффективности применения рассмотренных мер.

[1277] Там же. С. 55.
[1278] Там же. С. 56; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 4. Д. 50. Л. 213.
[1279] Бумеранг братания… // ВИЖ. 1997. № 3. С. 56.

Кроме того, препятствовать стихийному (с русской стороны) братанию должны были и иные меры, выработанные ВРК 3-го Кавказского армейского корпуса: «1) … солдат, не принадлежащих к данной роте и пришедших в роту с целью братания с противником, арестовывать и передавать Военно-революционному комитету для отправления в часть или роту, которой он принадлежит. 2) В случае попытки к братанию одного и того же лица: [в] первый раз – прекращать моральным воздействием ротных комитетов и батальонных комиссий, во второй раз – передавать ротному товарищескому суду и в третий раз – передавать упорствующего братальщика на усмотрение полкового Военно-революционного комитета»[1280]. Данные положения свидетельствуют о том, что на установленные пункты для братания стремились попасть солдаты не только из стоящих поблизости от них рот, но и более удалённых, что, безусловно, свидетельствует о том, что братание в 7-й армии, несмотря на декларируемые Н.В. Крыленко установки о придании ему организованного характера, во многом, со стороны русских солдат, в условиях прекращения огня на фронте, носило стихийный характер.

Ещё одной мерой, призванной затормозить развитие братания в 7-й армии, было разоблачение перед солдатами планов австро-германской стороны использовать братание в своих целях. В частности, делался акцент на то, что к братанию не допускается рядовой состав австро-германских войск. На это указывал ВРК 3-го Кавказского армейского корпуса[1281]. Кроме того, в 293-м пехотном Ижорском полку (74-я пехотная дивизия, 41-й армейский корпус) 7 декабря провели опрос немецких парламентёров в присутствии представителей от рот полка. В ходе опроса германские делегаты дали следующие ответы: «Мы спрашивали их, почему они не допускают для братания своих солдат? Они отвечали, что у них дисциплина, и что офицеры для этого уполномочиваются и солдатами. Мира они также желают, как и мы, но какой мир, они сказали, мы не

[1280] Там же. С. 56.
[1281] Там же. С. 56.

дипломаты»[1282]. Необходимо отметить, что русские солдаты вполне осознавали то настроение, с которым к ним зачастую выходили брататься австро-германцы: «Интересен при этом взгляд братающихся немцев, который ясно виден из одного разговора, когда во время братания германские солдаты в ответ на упрёк русских солдат, что германцы теперь братаются, а затем перейдут в наступление, ответили: «**Прикажут – ударим: на то мы – солдаты**». (жирным то, что подчёркнуто, – С.К.)[1283].

Однако поскольку осенью – зимой 1917 г. на фронте возобладал лозунг «Мир во что бы то ни стало», то в большинстве случаев русские солдаты были готовы на любые уступки в пользу австро-германской стороны, лишь бы не возобновились боевые действия. Как отмечалось в сводке донесений штаба Верховного главнокомандующего о настроениях в армиях за период с 15 по 30 ноября: «Уговоры и увещевания офицеров и комитетов (направленные против братания, – С.К.) вызывают озлобление»[1284]. Так, в 296-м пехотном Грязовецком полку (74-я пехотная дивизия, 41-й армейский корпус) 18 ноября «… 4 немца явились в наши окопы с целью мирных переговоров, когда командир батальона приказал их арестовать и доставить в штаб, то наши солдаты воспротивились этому, был[и] вызван[ы] представитель полкового комитета прапорщик Сукачёв и три члена. Солдаты потребовали отправить Сукачёва и 3 наших солдат к немцам, что нашими было исполнено» [1285]. В свою очередь в 19-й пехотной дивизии 12-го армейского корпуса, по всей видимости, не оказало существенного влияния на степень интенсивности братания и то обстоятельство, что «… за неделю, с 20 по 27 ноября, было два случая увода в плен наших солдат во время братания»[1286].

Следует, однако, отметить, что после начала переговоров в Брест-Литовске и, в особенности, после заключения перемирия 2 декабря, представи-

---

[1282] Там же. С. 57.
[1283] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 4. Л. 216 а.
[1284] Бумеранг братания… // ВИЖ. 1997. № 3. С. 56.
[1285] Там же. С. 53.
[1286] Там же. С. 56.

тели войск германского блока всё чаще стали препятствовать дальнейшему развитию братания. Так, 7 декабря пришедшие в расположение 293-го пехотного Ижорского полка (74-я пехотная дивизия, 41-й армейский корпус, – С.К.) два германских офицера и солдат в ходе переговоров заявили: «Цель их прибытия в качестве парламентёров состояла в том, что они просили не подходить к их проволочному заграждению наших солдат, которые, [по их словам], подходят к проволочному заграждению и бросают через него газеты»[1287]. А в телеграмме от 8 декабря сообщалось: «Вызванному немцами по радио делегату 108[-й пехотной] дивизии (7-го Сибирского армейского корпуса, – С.К.) было передано письмо начальника немецкой дивизии на имя начальника 108[-й пехотной] дивизии с протестом против нарушения перемирия нами, выразившемся в том, что наши солдаты и офицеры 27 ноября группами ходили в немецкие окопы»[1288]. Кроме того, 9 декабря в 41-м армейском корпусе, но на участке 3 й Заамурской пограничной пехотной дивизии «… явился германский офицер и заявил, что немцы построят по демаркационной линии забор из хвороста, чтобы наши солдаты не переходили указанной линии»[1289]. Также по информации, имевшейся в штабе 12-й Сибирской стрелковой дивизии (7-й Сибирский армейский корпус) «… германцы для предотвращения братания предполагают построить по демаркационной линии ряд проволочных заграждений»[1290].

Однако на протяжении ноября – декабря 1917 г. братание в рассматриваемой армии нарастало до того момента, когда военное руководство Четверного союза не начало препятствовать дальнейшему его развитию. Таким образом, степень распространения братания как на фронте 7-й армии в целом, так и на отдельных его участках в значительной степени зависела от позиции, занимаемой по этому вопросу австро-германским командованием.

В заключение необходимо обратить внимание на то, что традиционные меры по борьбе с братанием в армиях Юго-Западного фронта продолжали при-

[1287] Там же. С. 57.
[1288] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 4. Д. 50. Л. 307, 310.
[1289] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 5. Л. 267.
[1290] Там же. Л. 267.

ниматься и после прихоа к власти большевиков. И только с конца ноября акцент в противодействии братанию сместился – началась борьба с неорганизованным братанием, которой пытались руководить военно-революционные комитеты. Однако степень её эффективности была низкой, поскольку к зиме 1917 г. значительное большинство частей и соединений Юго-Западного фронта утратило необходимую воинскую дисциплину.

Вывод по главе:

Подводя итоги, необходимо отметить, что в конце 1917 – начале 1918 г. на фоне резко изменившейся политической обстановки в России претерпело трансформацию и отношение к братанию со стороны новой власти: теперь оно рассматривалось не как отклоняющееся в отрицательную сторону поведение солдат, а как желательное и поощряемое большевистским правительством. Однако данная тенденция в армиях Юго-Западного фронта проявилась не сразу, что было обусловлено как борьбой большевиков за Ставку, так и позицией эсеров, меньшевиков и близких к ним национальных партий, сохранявших сильное влияние на рассматриваемом фронте, а также политической линией Центральной Рады.

После же заключения перемирия братание стало всё более превращаться в меновую торговлю между русскими солдатами и военнослужащими стран Четверного союза, что неминуемо, вопреки стараниям командования войск противника, усиливало стихийный компонент в братании. Однако как способ экспорта революционных идей оно всё же оказалось малоэффективным, что послужило одной из причин изменения отношения большевиков к старой армии, вследствие чего ими был взят курс на полную её демобилизацию. Этот процесс завершился к концу марта, в связи с чем решением ЦК и резолюцией Всероссийского бюро фронтовых и тыловых организаций РКП(б) от 22 марта была ликвидирована военная организация партии большевиков[1291].

[1291] РГАСПИ. Ф. 464. Оп. 1. Д. 7. Л. 12.

Заключение

Глобальный революционный слом, пережитый Россией в 1917 г., не мог не коснуться и её вооружённых сил. Как известно, армия, являясь частью общества, в целом переживает те же процессы, которые получают развитие в стране. Не была исключением в этом отношении и русская армия в 1917 г. Однако в период революционной трансформации особенно чутко ощущалась и обратная связь, когда ситуация на фронте напрямую влияла на расстановку политических сил и положение Временного правительства. Одним из проявлений быстро развивавшегося после Февральской революции процесса разложения армии стало широкомасштабное развитие братания.

За период участия России в Первой мировой войне феномен братания претерпел существенные трансформации: зародившись как стихийное проявление религиозных чувств и гуманизма, братание в 1917 г. становилось всё более организованным как со стороны австро-германского военного командования, так и российских леворадикальных партий, а в конце 1917 г. перешло из разновидности нарушения дисциплины в разряд санкционированного властью поведения. Среди явлений, порождённых первым глобальным военным конфликтом, трудно найти какое-то другое, прошедшее столь неожиданный эволюционный путь. В ходе работы над диссертационным исследованием нами на основе документов архивных фондов, документальных публикаций, а также периодической печати, свидетельств современников и научной литературы сделана попытка максимально полно изучить братание на наиболее важном участке Восточноевропейского ТВД – Юго-Западном фронте. Его особое значение состояло в том, что на протяжении всего участия России в войне именно здесь проводились наиболее масштабные наступательные операции русской армии и, как следствие, было сосредоточено в течение 1917 г. до пяти из тринадцати армий, действовавших на пространстве от Балтийского до Чёрного моря. Кроме того, здесь были сконцентрированы почти все народы, участвовавшие в войне в дан-

ном макрорегионе. Эти обстоятельства придают братанию на данном участке Русского фронта особую специфику.

В процессе подготовки диссертации была сделана попытка решить ряд задач и, в конечном итоге, достигнуть цели исследования – изучить феномен братания русских солдат с военнослужащими армий Четверного союза на Юго-Западном фронте в 1917 г. на основе документальных материалов, хранящихся в российских архивах. В рамках введения, помимо основных его компонентов (актуальность темы, анализ историографии вопроса, источниковой базы и т. д.), нами рассмотрены ментально-психологические установки русского солдата-крестьянина, способствовавшие возникновению и дальнейшему развитию братания. Следует отметить, что этот процесс был обусловлен как характером войны, с её глубоко эшелонированными оборонительными линиями, которые длительное время могли находиться в статичном состоянии, так и ментально-психологическими установками солдат противоборствующих армий. И хотя сами эти установки у представителей разных национальностей заметно отличались, в целом они создавали благоприятную почву для возникновения братания. Отдельно следует отметить, что в сознании русского солдата-крестьянина немцы и их союзники не вызывали озлобления во многом потому, что не совпадали с образом врага, закреплённым в традиционной ментальности. В особенности же это относилось к значительной части комбатантов армии Австро-Венгрии, являвшихся представителями славянских народов (чехи, словаки, сербы, поляки, русины и др.), многие из которых были ещё и православными. Эти обстоятельства существенно облегчали вступление в контакт с данными военнослужащими Двуединой монархии, в особенности же в дни празднования православной Пасхи, когда, начиная с 1915 г., братания стали уже в определённой степени традиционными.

Однако следует отметить, что в дореволюционный период эпизоды братания в основном не были связаны с протестом против войны, а скорее являлись выражением религиозного чувства и гуманистических начал. В значительной степени активизация контактов с австро-германскими солдатами в пас-

хальные дни была обусловлена своеобразным преломлением общинных традиций в условиях фронтовой обстановки, когда обычаи, принятые среди крестьян на Пасху (примириться с врагами, помочь бедным односельчанам праздничным угощением) экстраполировались и на военнослужащих армии противника и, переплетаясь в сознании солдат-крестьян с нормами традиционной религиозности, а также с некоторыми пережитками языческих представлений, порождали ту ментальную основу, которая способствовала возникновению и развитию братания. Немаловажным фактором стала также различная степень готовности того или иного народа к длительному противостоянию. Недостаток решимости к продолжительной борьбе способствовал постепенному упадку боевого духа и развитию антивоенных настроений как в тылу, так и в рядах действующей армии, одним из проявлений которых стало братание. Таковы, по нашему мнению, были ментальные установки русского солдата-крестьянина, способствовавшие развитию братания.

В рамках первой главы мы попытались дать общий обзор событиям, происходившим в юго-западном крае в 1917 г., а также выяснить, насколько национальное движение в этой части России повлияло на развитие братания на исследуемом нами Юго-Западном фронте. Образование Центральной Рады 4 марта и последовавшие за этим события, положившие начало становлению украинской государственности, по началу в составе России, а затем и в формате самостоятельной Украинской народной республики, затронули значительную часть населения данного региона, а также этнических украинцев в других частях России и в армии, в том числе на фронте. Важно подчеркнуть, что с самого начала своей деятельности украинские политики считали, что даже автономная Украина в составе федеративной России должна обладать своими вооружёнными силами. Это обстоятельство стало основой для проведения украинизации ряда частей и соединений как на Юго-Западном и Румынском фронтах, так и запасных полков в тылу. И хотя в этот процесс были вовлечены многие дивизии и даже корпуса русской армии, в целом достичь своей главной цели – создания боеспособной армии Украины – деятелям Центральной Рады не удалось.

Что касается взаимосвязи между национальным движением и оформлением государственности на Украине, с одной стороны, и динамикой развития братания на фронте, с другой, то нами прямой взаимосвязи между этими процессами установлено не было. Центральная Рада, как и подавляющее большинство общественных организаций и органов власти России, выступала против развития братания, но, по нашему мнению, для её деятелей этот вопрос имел второстепенное значение в сравнении с проблемой получения автономного статуса для Украины и создания собственных вооружённых сил.

Что касается второй задачи – определить характер и специфические черты, присущие братанию на Юго-Западном фронте на разных этапах его развития в 1917 – начале 1918 г., – то попытка к её разрешению была предпринята в первых параграфах глав 2–4. Необходимо отметить, что после победы Февральской революции на фронте резко упала воинская дисциплина, войска начали утрачивать прежнюю боеспособность. Одним из проявлений этой тенденции в армиях Юго-Западного фронта, как и в других частях Восточноевропейского ТВД, стало развитие братания. Следует отметить, что весной 1917 г. оно, в отличие от дореволюционного времени, стремительно утрачивало стихийный характер, превращаясь в операцию командования войск германского блока, нацеленную на получение разведывательных данных, а также на усиление разложения частей российских войск. Для русских же солдат участие в братании было привлекательно не только потому, что являлось выражением их стремления к окончанию войны, но и вследствие того, что давало возможность получить от австро-германских военнослужащих спиртные напитки и ширпотреб. В частности, уже в весенние месяцы наметилась тенденция к снабжению русских солдат во время братания алкоголем. И хотя в каждой из армий Юго-Западного фронта братание и близкие к нему формы контактов имели свои специфические черты, указанные выше особенности наблюдались повсеместно. Стоит также отметить, что степень развития братания в армиях Юго-Западного фронта не была одинакова в различные месяцы. Количество эпизодов его нарастало с конца марта по первую декаду мая, после чего, вследствие принимаемых командным составом

и солдатскими комитетами мер, направленных на борьбу с этим видом антивоенных выступлений и подготовку армии к активным действиям, а также изменением отношения к братанию со стороны австро-германского командования, число контактов постепенно стало сокращаться, и к началу Июньского наступления случаи братания практически перестали фиксироваться.

Общенациональный кризис, охвативший страну в начале сентября, ярко проявился и в действующей армии. Одним из его симптомов стало возобновление братания во всех армиях Юго-Западного фронта, почти полностью прекратившегося в летние месяцы. Оно имело свою специфику в каждой из армий фронта и, вместе с тем, отличалось от весеннего братания рядом черт: меньшей массовостью (если братание начиналось, в нём чаще стали участвовать бойцы разведывательных партий или же братались отдельные солдаты, выходившие за проволочные заграждения), а также большей степенью организованности с русской стороны, поскольку в осенние месяцы в армиях Юго-Западного фронта заметно возросло влияние леворадикальных партий, в первую очередь большевиков. Вместе с тем, нельзя считать, что солдаты в равной мере приветствовали братание. В ряде частей и соединений к нему относились безразлично или враждебно, особенно в тех из них, которые принимали активное участие в боях в период летней кампании.

После же взятия власти большевиками и, в особенности, заключения 2 декабря 1917 г. перемирия, братание стало всё более превращаться в меновую торговлю между русскими солдатами и военнослужащими противника, что неминуемо, вопреки стараниям командования войск Четверного союза, усиливало стихийный компонент в братании. Вместе с тем, надежды, возлагаемые большевиками на братание, не оправдались – как способ экспорта революционных идей оно всё же оказалось малоэффективным, что послужило одной из причин изменения их отношения к старой армии, вследствие чего советским правительством был взят курс на полную её демобилизацию и создание новой армии. Таковы, по нашему мнению, специфические черты, присущие братанию на Юго-Западном фронте на разных этапах его развития в 1917 – начале 1918 г.

Третью задачу – установить, насколько соотносимы между собой масштабы австро-германского пропагандистского воздействия на армии Юго-Западного фронта и уровень развития братания в различные месяцы 1917 г. – мы сделали попытку разрешить в рамках главы 2. Необходимо отметить, что в условиях тотальной войны всё больше применялись нетрадиционные методы борьбы с противником. Особенно широкие масштабы получило пропагандистское воздействие. В рамках Юго-Западного фронта оно прошло несколько этапов в своём развитии – от разовых вбросов прокламаций до систематической пропагандистской работы, сопряжённой, в условиях 1917 г., с развитием братания. Необходимо подчеркнуть, что максимальное количество зафиксированных образцов прокламаций Четверного союза, распространяемых в армиях Юго-Западного фронта в первой половине 1917 г. приходится на апрель, после чего заметно постепенное уменьшение числа случаев появления новых разновидностей листовок. Указанные данные коррелируют с колебанием уровня развития братания в рассматриваемый период. Из этого можно заключить, что процессы развития братания и пропаганды германского блока были тесно связаны между собой.

Четвёртую задачу – определить степень влияния большевиков на развитие братания в армиях Юго-Западного фронта весной – осенью 1917 г., а также особенности их отношения к этому феномену в послеоктябрьский период – мы попытались решить в главах 2–4. Необходимо отметить, что в весенние месяцы, когда братание на Юго-Западном фронте нарастало и носило массовый характер, степень влияния большевиков на солдатские массы здесь была сравнительно невелика. Действовали чаще всего отдельные представители данной партии, самым известным из которых, пожалуй, являлся прапорщик Н.В. Крыленко (11-я армия). Поэтому степень развития братания в этот период не следует напрямую увязывать с масштабом деятельности большевиков.

Влияние же большевиков на солдатские массы Юго-Западного фронта в период летней кампании нами отдельно не рассматривалось, поскольку в этот период братание практически отсутствовало. Однако осенью активность этой партии в войсках заметно усилилась, что в значительной степени стало след-

ствием как поражения корниловского выступления, так и начавшейся в дальнейшем предвыборной кампании в Учредительное собрание. Вместе с тем, следует отметить, что далеко не всегда рост популярности большевистских идей означал увеличение числа случаев братания. Во многих частях и соединениях армий Юго-Западного фронта, как отмечалось выше, к нему относились равнодушно и даже враждебно, не видя в нём средства достижения мира. Однако там, где братание всё же имело место, большевики выступали в качестве силы, придающей ему до определённой степени организованные формы. Кроме того, деятели большевистской партии в ряде случаев способствовали обострению конфликтов пехотинцев с артиллеристами, которые противодействовали братанию.

В послеоктябрьский период претерпело трансформацию и отношение к братанию со стороны власти: теперь оно рассматривалось не как отклоняющееся в отрицательную сторону поведение солдат, а как желательное и поощряемое советским правительством. Однако данная тенденция в армиях Юго-Западного фронта проявилась не сразу, что было обусловлено как борьбой большевиков за Ставку, так и позицией эсеров, меньшевиков и близких к ним национальных партий, сохранявших сильное влияние на рассматриваемом фронте, а также политической линией Центральной Рады. Таким образом, степень влияния большевиков на развитие братания в армиях Юго-Западного фронта на протяжении 1917 г. менялась, в зависимости от внутриполитической ситуации в стране.

Последнюю из поставленных в процессе подготовки диссертации задач – выявить основные меры, направленные против развития братания, а также степень их эффективности в армиях Юго-Западного фронта в 1917 г. – мы попытались разрешить в главах 2–4. Необходимо отметить, что, начиная с весны 1917 г., главным средством противодействия братанию со стороны командного состава и солдатских комитетов всех уровней была разъяснительная работа, целью которой являлось указание солдатам на то, что братание наносит ущерб обороноспособности государства. Командующими различных частей и соединений, а также отдельных армий и главнокомандующим войсками фронта изда-

вались специальные приказы, в которых указывалось на недопустимость братания. Солдатские комитеты в свою очередь публиковали воззвания, в которых осуждались контакты с военнослужащими противника. Велись и устные беседы.

В случае же, если братание начиналось, чаще всего его прекращал огонь лёгкой артиллерии, реже – стрельба подвергшихся меньшему разложению частей пехоты. Однако такой способ борьбы с братанием уже в весенние месяцы способствовал началу процесса раскола армии «по горизонтали», т. е. розни между пехотными частями и различными родами войск. Вместе с тем, следует отметить, что в каждой из армий Юго-Западного фронта процесс противодействия братанию имел и свои специфические особенности. К примеру, в 8-й армии довольно часто приходивших в окопы русских войск австро-германских военнослужащих брали в плен. В других армиях такой способ борьбы также применялся, но сравнительно реже. К началу лета количество случаев братания удалось свести к минимуму, что, однако, по нашему мнению, нельзя считать исключительно итогом работы командного состава и солдатских выборных организаций. Во многом это было обусловлено изменением позиции австро-германского командования, перешедшего от стимулирования братания к его ограничению.

Осенью 1917 г., когда возобновилось братание, меры, принимаемые к его недопущению, в основном оставались прежними. Помимо командного состава и солдатских комитетов, к борьбе с братанием подключились и комиссары Временного правительства. Следует также отметить, что, поскольку осенью количество солдат, участвовавших в братании, как правило, было сравнительно невелико, участились случаи предания суду за данное нарушение дисциплины. Однако с углублением кризисных явлений в стране и армии, принимаемые меры становились всё менее эффективными и в определённой мере даже способствовали дальнейшему разложению вооружённых сил, усугубляя рознь между различными родами войск, доходившую в этот период порой до насильственных действий пехотинцев по отношению, в частности, к артиллеристам, чаще всего прекращавшим братание.

После же взятия власти большевиками акцент в борьбе с братанием сместился – теперь большевизированные солдатские комитеты и ВРК противодействовали только стихийному братанию, стремясь, одновременно придать ему организованный характер. Однако в условиях прогрессирующего разложения армии, эти меры в целом были малоэффективны. Таким образом, необходимо отметить, что перечень мер, направленных против развития братания на протяжении 1917 г. менялся незначительно. Однако степень их эффективности в армиях Юго-Западного фронта неуклонно снижалась.

Исходя из того, что все поставленные задачи были в общем освещены настолько, насколько это позволили имеющиеся в нашем распоряжении источники, мы полагаем, что цель настоящего диссертационного исследования – изучение феномена братания русских солдат с военнослужащими армий Четверного союза на Юго-Западном фронте в 1917 г. на основе документальных материалов, хранящихся в российских архивах, – была в основном достигнута. Разумеется, мы далеки от мысли считать данную работу исчерпывающей. Она лишь призвана стать посильным вкладом автора в изучение столь необычного феномена Первой мировой войны, каковым было братание.

Список источников и литературы

Источники

Материалы, находящиеся в архивах:

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

Ф. Р-375 – Военно-революционный комитет при Ставке Верховного главнокомандующего. Могилев.

Оп. 1. Д. 15.

Ф. Р-3875 – Исполнительный комитет Всероссийского совета крестьянских депутатов.

Оп. 1. Д. 4.

Ф. Р-6977 – Всероссийское совещание делегатов Советов рабочих и солдатских депутатов.

Оп. 1. Д. 3, 4, 6, 7, 8, 9, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20.

Ф. Р-6978 – Всероссийский Центральный Исполнительный комитет Советов рабочих и солдатских депутатов I-го созыва.

Оп. 1. Д. 10, 11, 12, 15.

Ф. Р-6993 – Съезд фронтовых делегатов (Петроград).

Оп. 1. Д. 2.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

Ф. 366 – Военный кабинет Министра-председателя и политическое управление Военного министерства.

Оп. 1. Д. 11, 17, 21.

Оп. 2. Д. 6, 12, 165, 166, 167, 176, 184.

Ф. 2003 – Штаб Верховного главнокомандующего (Ставка).

Оп. 4. Д. 4, 24, 31, 32, 36, 50.

Ф. 2019 – Штаб главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта.

Оп. 1. Д. 110.

Ф. 2067 – Штаб главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта.

Оп. 1. Д. 177, 178, 179, 191, 192, 193, 194, 195, 238, 239, 288, 290, 293, 295, 296, 397, 398, 399, 3813, 3817, 3822, 3834.

Оп. 1 доп. Д. 1579.

Ф. 2082 – Управление главного священника армий Юго-Западного фронта.

Оп. 1. Д. 1.

Ф. 2106 – Штаб 1-й армии.

Оп. 1. Д. 424, 678.

Ф. 2129 – Штаб 7-й армии.

Оп. 1. Д. 140, 159, 183.

Ф. 2134 – Штаб 8-й армии.

Оп. 1. Д. 45, 96, 856.

Ф. 2148 – Штаб 11-й армии.

Оп. 1. Д. 521, 985, 987, 989.

Ф. 2158 – Штаб Особой армии.

Оп. 1. Д. 57, 189, 354, 359.

Ф. 2202 – 12-й армейский корпус.

Оп. 1. Д. 87

Ф. 2210 – 16-й армейский корпус.

Оп. 1. Д. 332.

Ф. 2222 – 22-й армейский корпус.

Оп. 1. Д. 433, 483.

Ф. 2223 – Суд 22-го армейского корпуса.

Оп. 1. Д. 1. Л. 70.

Ф. 2228 – 25-й армейский корпус.

Оп. 1. Д. 994, 996.

Ф. 2244 – 33-й армейский корпус.

Оп. 1. Д. 371, 372, 394, 395.

Ф. 2246 – 34-й армейский корпус.

Оп. 1. Д. 94, 131, 162.

Ф. 2256 – 39-й армейский корпус.

Оп. 1. Д. 183, 223, 224, 225.

Ф. 2290 – 1-й Туркестанский армейский корпус.

Оп. 1. Д. 26, 326, 610, 612.

Ф. 2405 – 75-я пехотная дивизия.

Оп. 1. Д. 300.

Ф. 2535 – 1-я Финляндская стрелковая дивизия.

Оп. 1. Д. 7

Ф. 2536 – 2-я Финляндская стрелковая дивизия.

Оп. 1. Д. 2.

Ф. 2611 – 21-й гренадерский Румянцевский полк.

Оп. 1. Д. 12.

Ф. 2653 – 39-й пехотный Томский полк.

Оп. 2. Д. 244.

Ф. 2687 – 73-й пехотный Крымский полк.

Оп. 1. Д. 42.

Ф. 2751 – 137-й пехотный Нежинский полк.

Оп. 2. Д. 852.

Ф. 2754 – 140-й пехотный Зарайский полк.

Оп. 2. Д. 155.

Ф. 3010 – 465-й пехотный Уржумский полк.

Оп. 1. Д. 77, 85.

Ф. 3011 – 466-й пехотный Малмыжский полк.

Оп. 1. Д. 60.

Ф. 3012 – 467-й пехотный Кинбурнский полк.

Оп. 1. Д. 39.

Ф. 3013 – 468-й пехотный Нарымский полк.

Оп. 1. Д. 53.

Ф. 3087 – 602-й пехотный Лащёвский полк.

Оп. 1. Д. 13.

Ф. 3089 – 604-й пехотный Вислинский полк.

Оп. 1. Д. 5.

Ф. 3109 – 628-й Броды-Радзивилловский полк.

Оп. 1. Д. 2.

Ф. 3114 – 637-й пехотный Кагызманский полк.

Оп. 1. Д. 2, 5.

Ф. 3116 – 639-й пехотный Артвинский полк.

Оп. 1. Д. 2, 3.

Ф. 3128 – 653-й пехотный Перемышльский полк.

Оп. 1. Д. 1.

Ф. 3130 – 655-й пехотный Драгомирчанский полк.

Оп. 1. Д. 75.

Ф. 3278 – 13-й стрелковый полк.

Оп. 1. Д. 107.

Ф. 3318 – 4-й Финляндский стрелковый полк.

Оп. 1. Д. 760.

Ф. 3357 – 23-й Сибирский стрелковый полк.

Оп. 1. Д. 71.

Ф. 3358 – 24-й Сибирский стрелковый полк.

Оп. 1. Д. 106.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

Ф. 464 – Всероссийское бюро фронтовых и тыловых военных организаций при ЦК РСДРП(б).

Оп. 1. Д. 6, 7, 32, 34, 58, 59, 64, 68, 82, 83.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф. 821 – Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД.

Оп. 10. Д. 597.

Ф. 947 – Кавелины.

Оп. 1. Д. 131.

Ф. 948 – Казнаковы.

Оп. 2. Д. 15, 28, 29.

Российский государственный архив кинофотодокументов (РГАКФД)[1292]

Государственный архив Киевской области (ГАКО)

Ф. Ф-1787 – Польские легионы, 1917 – 1918.

Оп. 5. Д. 20, 21.

Периодическая печать:

Анархия. 1917. №№ 3, 5, 6.

Армия и флот Рабочей и Крестьянской России. 1917. 24 ноября.

Армия и флот свободной России (до 2 июля «Русский инвалид»). 1917. №№ 201, 202, 206, 227, 229, 232, 235.

Вестник Временного правительства. 1917. №№ 41, 43, 49, 60, 64.

Вестник 1-й армии. 1917. № 15.

Воин-гражданин. 1917. 20 декабря.

Голос фронта. 1917. №№ 14, 15, 17, 21, 24, 27, 28.

Дело народа. 1917. № 31.

За землю и волю. 1917. №№ 4, 6, 13.

Известия армейского комитета XI армии. 1917. №№ 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 13, 14, 15, 16, 18, 19, 22, 23, 24, 27, 94, 97.

Известия армейского комитета VII армии. 1917. №№ 1, 8, 11, 15.

Известия выборных Особой армии. 1917. №№ 31, 33, 36, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 47, 48, 124, 128, 133, 135, 136, 138, 143, 144, 157, 159, 161, 163, 164.

Известия Московского Совета рабочих депутатов. 1917. №№ 44, 46, 51, 55.

Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. № 55.

[1292] Материалы из фонда РГАКФД помещены в Приложении № 3 настоящего исследования.

Известия Центрального Исполнительного комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. № 233.

Киевская мысль. 1917. 27 июня.

Окопный набат. 1917. № 2.

Правда. 1917. №№ 3, 5, 11, 22, 32, 35–38, 40, 41, 43, 49, 71, 75, 93.

Рабочая газета. 1917. № 29.

Русские ведомости. 1917. №№ 82, 95, 222, 228, 234, 239, 245, 246, 259, 260.

Русский инвалид (со 2 июля – «Армия и флот свободной России»). 1917. №№ 77, 78, 79, 80, 83, 85, 87, 89, 91, 92, 93.

Русское слово. 1917. №№ 98–100, 104, 138, 144.

Солдат. 1917. № 22.

Солдатская правда. 1917. №№ 1, 19, 43.

Публикации документов и материалов:

Алексеев М.В. Из дневника генерала М.В. Алексеева // Русский исторический архив. Сб. 1. Прага, 1929. 317 с. С. 11–56.

Антивоенные выступления на русском фронте в 1917 году глазами современников (воспоминания, документы, комментарии) / авт.-сост. С.Н. Базанов. М., 2010. 363 с.

Борьба за мир в ноябре 1917 г. // Исторический архив. 1957. № 5. С. 146–160.

Бумеранг братания: документальные публикации / авт.-сост. С.Н. Базанов, А.В. Пронин // Военно-исторический журнал. 1997. № 1. С. 34–41; № 3. С. 50–57.

В борьбе за Октябрь в Белоруссии и на Западном фронте: воспоминания активных участников Октябрьской революции. Минск: Госиздат БССР, 1957. 372 с.

Военно-революционные комитеты действующей армии, 25 октября 1917 г. – март 1918 г.: сборник документов. М.: Наука, 1977. 659 с.

Войсковые комитеты действующей армии, март 1917 г. – март 1918 г. М.: Наука, 1982. 608 с.

Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов: стенографический отчёт / под ред. М.Н. Покровского, Я.А. Яковлева. М., Л.: Госиздат, 1927. 355 с.

Из истории борьбы за установление Советской власти (ноябрь 1917 – февраль 1918 г.) / Сб. документов и материалов. М.: Государственное издательство политической литературы, 1943. 134 с.

Из офицерских писем с фронта в 1917 г. // Красный архив. 1922–1941. 1932. Т. 1–2 (50–51). С. 194–210.

Конституційні акти України 1917–1920 / Ю. Прилюк, Д. Яневський. Київ: Філософська і соціологічна думка, 1992. 273 с.

Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 2. Первая мировая война. Док. и материалы / отв. ред. В.К. Шацилло. М.: Наука, 2002. 581 с.

Образование СССР. Сборник документов 1917–1924 / под ред. Э.Б. Генкиной. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. 474 с.

Октябрьская революция и армия, 25 октября 1917 – март 1918: сборник документов. М.: Наука, 1973. 455 с.

Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. В 2 т. М., Л., 1930–1931. Т. 1. М., Л.: Госиздат, 1930. 484 с.

По следам Великой войны. Письма с Русского фронта, 1914–1917 гг. / сост. А.Б. Асташов, П.А. Симмонс. М.: Новый хронограф, 2014. 352 с.

Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны / авт. сост. А.Б. Асташов. М.: Спецкнига, 2012. 400 с.

Разложение армии в 1917 г. / подготовлено к печати Н.Е. Какуриным. М., Ленинград: Госиздат, 1925. 190 с.

Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис: документы и материалы. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 935 с.

Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общенациональный кризис: документы и материалы. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 631 с.

Революционное движение в России накануне Октябрьского вооружённого восстания (1–24 октября 1917 г.): документы и материалы. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 579 с.

Революционное движение в русской армии, 27 февраля – 24 октября 1917 года: сборник документов. М.: Наука, 1968. 621 с.

Революция и национальный вопрос. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1930. 467 с.

Свет и тени Великой войны: Первая мировая в документах эпохи. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 414 с.

Селивачёв В.И. Из дневника ген. В.И. Селивачёва // Красный архив. 1922–1941. 1925. Т. 2 (9). С. 104–132.

Солдатские письма 1917 года / подготовлены к печати О.Н. Чаадаевой. М.; Ленинград: Госиздат, 1927. 165 с.

Українська Центральна Рада: Документи і матеріали. В 2 т. Київ: Наукова думка, 1996.

Царская армия в период мировой войны и Февральской революции (Материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны). Казань. 1932. 239 с.

1917 год на Киевщине. Хроника событий. Киев: Госиздат Украины, 1928. 584 с.

1917. Разложение армии / авт. сост. В.Л. Гончаров. М.: Вече, 2010. 471 с.

Was tun wir hier? Soldatenpost und Heimatbriefe aus zwei Weltkriegen / F. Schumann (Hrsg). Berlin: Neues Leben, 2013. 272 S.

Воспоминания, мемуары, дневники:

Безносько Д.А. Солдатское братание 16 апреля 1916 года (как это было). Кировоград, 2015. 32 с.

Брусилов А.А. Мои воспоминания. М.; Ленинград: Госиздат, 1929. 249 с. (М.: РОССПЭН, 2001. 464 с.)

Войтинский В.С. 1917-й. Год побед и поражений / под ред. Ю.Г. Фельштинского. М.: Терра, 1999. 318 с.

Гиацинтов Э.Н. Трагедия русской армии в 1917 году // Русское прошлое: историко-документальный альманах. Кн. 1. Ленинград: Свелен, 1991. 311 с.

Гофман М. Война упущенных возможностей. СПб., 2016.

Грушевський М. Спомини // Київ: Щомісячний літературно-художній та громадсько-політичний журнал Спілки письменників України та Київської письменницької організації. 1988. № 9–12; 1989. № 8–11; 1992. № 2–3.

Данилов Ю.Н. На пути к крушению: очерки из последнего периода русской монархии. М.: Воениздат, 1992. 287 с.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. В 5 т. Т. 1. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. Минск.: Харвест, 2002. 464 с.

Кальницкий Я.И. От Февраля к Октябрю: воспоминания фронтовика. Харьков: Госиздат Украины, 1924. 156 с.

Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. М., 1993. 384 с.

Лотоцький О. Сторінки минулого. В 3 ч. Варшава, 1932–1934. Ч. 3. Варшава, 1934. 398 с.

Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. / пер. с нем. А.А. Свечина. М.: Вече, 2014. 704 с.

Милюков П.Н. Воспоминания. М.: Политиздат, 1991. 528 с.

Нокс А. Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. 1914–1917 / пер. с англ. А.Л. Андреева. М., 2 14. 671 с.

Оганесов Н.С. Братание под Кревом // Литературная Армения. 1970. № 2–3.

Октябрь на фронте: воспоминания. М.: Воениздат, 1967. 296 с.

Оприц И.Н. Лейб-гвардии Казачьей Её Величества полк в годы революции и Гражданской войны 1917–1920 гг. // Лейб-казаки / *И.Н. Оприц, А.В. Голубинцев.* М.: Вече, 2008. 464 с. С. 13–322.

Оськин Д.П. Записки прапорщика // *Падучев В.* Записки нижнего чина. *Оськин Д.* Записки прапорщика. М.: Гос. Публ. Б-ка России, 2014. 464 с. С. 147–460.

Пирейко А. В тылу и на фронте империалистической войны: воспоминания рядового. Ленинград: Прибой, 1926. 62 с.

Суханов Н.Н. Записки о революции. В 3 т. М.: Политиздат, 1991–1992. Т. 1. М.: Политиздат, 1991. 390 с.

Произведения государственных и политических деятелей:

Бухарин Н.И. Классовая борьба и революция в России. М., 1917. 48 с.

Зиновьев Г.Е. Сочинения. М.; Петроград/Ленинград, 1923–1929. Т. 7. Ч. 2. Год революции. Февраль 1917 г. – февраль 1918 г. М.; Ленинград, 1925. 359 с.

Грушевський М. Від слова до діла // Великий Українець. Матеріали з життя та діяльності М.С.Грушевського / Упоряд. А.П.Демиденко. Київ, 1992. С 102–105.

Грушевський М. Повороту нема // Великий Українець. Матеріали з життя та діяльності М.С. Грушевського / Упоряд. А.П. Демиденко. Київ, 1992. С. 99–102.

Грушевський М. Якої ми хочемо автономії і федерації // Великий Українець. Матеріали з життя та діяльності М.С. Грушевського / Упоряд. А.П. Демиденко. Київ, 1992. С. 114–131

Дорошенко Д. Історія України 1917–1923 рр. В 2 т. Ужгород: Друковано в друкарні «Свобода», 1930–1932. Т. 1: Доба Центральної Ради. Ужгород, 1932. 437 с.

Крыленко Н.В. Почему побежала русская революционная армия. Петроград, 1917. 31 с.

Крыленко Н.В. Смерть старой армии // История и историки, 1978: историографический ежегодник / отв. ред. М.В. Нечкина. М.: Наука, 1981. С. 282–317.

Ленин В.И. Воззвание к солдатам всех воюющих стран // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. В 55 т. М., 1967–1975. Т. 31. М., 1969. С. 293–296.

Ленин В.И. Значение братанья // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 459–461.

Ленин В.И. Конференция заграничных секций РСДРП // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 161–167.

Ленин В.И. О задачах пролетариата в данной революции // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 113–118.

Ленин В.И. Первоначальный вариант предложения ЦК РСДРП Второй социалистической конференции // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 27. С. 458–469.

Ленин В.И. Письма из далека // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 9–59.

Ленин В.И. Предложение Центрального комитета РСДРП Второй социалистической конференции // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 27. С. 282–293.

Ленин В.И. Проект резолюции о войне // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 260–265.

Ленин В.И. Резолюция о войне // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 403–406.

Ленин В.И. Речь в защиту резолюции о войне 27 апреля (10 мая) // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 387–400.

Ленин В.И. Социализм и война // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 307–350.

Ленин В.И. Фактическое перемирие // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 52–54.

Исследования

Монографии:

Асташов А.Б. Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. М.: Новый хронограф, 2014. 736 с.

Базанов С.Н. Борьба за власть в действующей российской армии (октябрь 1917 – февраль 1918 гг.). М.: ИРИ РАН, 2003. 306 с.

Базанов С.Н. В борьбе за Октябрь на Северном фронте. 5-я армия. М.: Наука, 1985. 160 с.

Базанов С.Н. Великая война: как погибала Русская армия. М.: Вече, 2014. 384 с.

Базанов С.Н. Первая мировая. От «войны до победного конца» к «миру любой ценой». М.: Академический проект, 2017. 219 с.

Бахурин Ю.А. Фронт и тыл Великой войны. М.: Пятый Рим (ООО «Бестселлер»), 2019. 1136 с.

Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. Изд. 2-е доп. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. 969 с.

Вегер В.И. К изучению ленинизма. Ленин. Большевики. Диктатура пролетариата. Иваново-Вознесенск: Основа, 1924. 74 с.

ВКП(б) и военный вопрос / Под общ. ред. В. Котовича и др. Ленинград, 1933–1934. Вып. 4 [а]: военная и военно-боевая работа ВКП(б) в 1917 году. Ленинград, 1933. С. 2, 14.

Геннеп А. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / пер. с франц. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 198 с.

Геруа А.В. Полчища. София: Российско-болгарское книгоиздательство, 1923. 437 с.

Головин Н.Н. Россия в Первой мировой войне. М.: Вече, 2014. 544 с.

Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М.: Наука, 1986. 274 с.

Ивашин В.Г. Большевики Белоруссии и Западного фронта в борьбе за осуществление ленинского Декрета о мире. Минск., 1972. 416 с.

История ВКП(б). Краткий курс / Под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). М.: Партиздат, 1938. 352 с.

История Гражданской войны в СССР. В 5 т. М., 1935–1960. Т. 1. Подготовка Великой пролетарской революции. М.: ОГИЗ, 1936. 350 с.

Истрати Е.Н. Демократическое движение за мир на Румынском фронте в 1917 году. Кишинёв: Штиинца, 1973. 148 с.

Ланник Л.В. Русский фронт, 1914–1917 годы. СПб.: Наука, 2018. 287 с.

Максимов С.В. Крестная сила. Нечистая сила. М., 1998. 507 с.

Миллер В.И. Солдатские комитеты русской армии в 1917 г. (Возникновение и начальный период деятельности). М.: Наука, 1974. 320 с.

Милюков П.Н. История второй русской революции. СПб.: Питер, 2014. 752 с.

Минц И.И. История Великого октября. В 3 т. М.: Наука, 1977–1979.

Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914–1918). Екатеринбург, 2000. 414 с.

Сенин А.С. Военное министерство Временного правительства. М., 1995. 498 с.

Сенин А.С. Русская армия в 1917 г. Из истории Военного министерства Временного правительства. М.: Вече, 2017. 416 с.

Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006. 288 с.

Синявский А.Д. Иван-дурак: очерк русской народной веры. М.: Аграф, 2001. 463 с.

Смольянинов М.М. Беларусь в Первой мировой войне 1914–1918 гг. 2-е изд. доп. Минск: Институт истории НАН Беларуси, 2018. 490 с.

Смольянинов М.М. Морально-боевое состояние российских войск Западного фронта в 1917 году. Минск: Белорусская наука, 2007. 320 с.

Солдатенко В.Ф. В горниле революций и войн: Украина в 1917–1920 гг.: историко-историографические эссе. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 670 с.

Солнцева С.А. Без царя в голове. Социальная модернизация русской армии в период войны и революции (февраль – ноябрь 1917 г.). М.: Российское военно-историческое общество; Пятый Рим, 2020. 160 с.

Тёмкин Я.Г. Большевики в борьбе за демократический мир. М., 1957. 436 с.

Фельштинский Ю. Крушение мировой революции. Брестский мир: Октябрь 1917 – ноябрь 1918. М.: ТЕРРА, 1992. 656 с.

Френкин М.С. Русская армия и революция. Мюнхен: logos, 1978. 750 с.

Хохлов В. Тактические разногласия среди большевиков в 1917 г. М., 1931. 77 с.

Якупов Н.М. Революция и мир (Солдатские массы против империалистической войны) (1917 – март 1918) М.: Мысль, 1980. 244 с.

Брошюры:

Бурский П.Д. Братание с врагом // Народные беседы. М., 1917. № 17. 17 с.

Жарков А. Германские прокламации и «братание»». Петроград, 1917. 15 с.

Зайченко Н.С. Война и наша главная ошибка. М.: Издательство К-П Лиги, 1917. 31 с.

Изгоев А.С. Социалисты во Второй русской революции. Петроград.: Партия народной свободы, 1917. 84 с.

Катин-Ярцев В.Н. Правда о войне. М.: Единство, 1917. 30 с.

Михайловский В.Г. Революция и война. М.: Изд-во И.Д. Сытина, 1917. 50 с.

О революции, о войне и о земле (письма солдат и крестьян). Первая дюжина писем с приписками Старого учителя. Петроград: Народная власть, 1917. 40 с.
Раткевич К.И. Октябрь на фронте. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1932. 71с.
Фишгендлер А.М. Солдаты фронта и вопросы войны и мира. Петроград: Книга, 1917. 30 с.

Диссертации:

Асташов А.Б. Фронтовая повседневность российских солдат, август 1914 – февраль 1917 г. / Дис. … док. ист. наук. М.: РГГУ, 2019. 363 с.
Базанов С.Н. Борьба за власть в российской армии на фронтах Первой мировой войны: октябрь 1917 г. – февраль 1918 г. / Дис. … док. ист. наук. М.: ИРИ РАН, 2004. 423 с.
Миллер В.И. Солдатские комитеты русской армии в 1917 году: возникновение и начальный период деятельности комитетов действующей армии (март – апрель 1917 г.) / Дис. … канд. ист. наук. М., 1970. 687 с.
Ткачук А.Г. Революционное движение в армиях Юго-Западного и Румынского фронтов накануне и в период Великого Октября (1916 – февраль 1918 гг.). В 2 т. Дис. … док. ист. н ук. Львов, 1967. Т. 1. Революционное движение в армиях Юго-Западного и Румынского фронтов накануне Великого Октября (1916 – октябрь 1917 г. Львов, 1967. 490 с. Т. 2. Борьба за власть Советов на Юго-Западном и Румынском фронтах в конце 1917 – начале 1918 г. Львов, 1967. 366 с.

Статьи:

Аксёнов В.Б. Социально-психологическая атмосфера российского общества в 1914–1917 годах: к природе слухов и фобий // Вестник Новосибирского государственного университета (НГУ). Серия: История, Филология. Т. 14. Вып. 1 (История). Новосибирск, 2015. С. 119–133.
Асташов А.Б. Братания на Русском фронте Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2011. № 2. С. 29–41.

Асташов А.Б. Братания на Русском фронте Первой мировой войны: между пацифизмом и мировой революцией // Первая мировая война, Версальская система и современность. Сб. статей / отв. ред. И.Н. Новикова, А.Ю. Павлов. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. 352 с. С. 40–47.

Асташов А.Б. Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны // Отечественная история. 2003. № 2. С. 72–86.

Базанов С.Н. Антивоенные выступления на фронте в марте – октябре 1917 г. Причины и последствия // Забытая война и преданные герои. М.: Вече, 2011. 318 с. С. 262–267.

Базанов С.Н. Братание как феномен Первой мировой войны // Первая Мировая война – пролог XX века. Материалы международной научной конференции. (Москва, 8–10 сентября 2014). Ч. 2. М., 2015. 285 с. С. 215–222.

Базанов С.Н. Братание на Русском фронте в годы Первой мировой войны // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918: материалы международной научной конференции (Москва, 30 сентября – 3 октября 2014). М., 2014. 728 с. С. 283–289.

Базанов С.Н. Братание на фронте // Первая мировая война. Энциклопедический словарь. М., 2014. С. 131–133.

Базанов С.Н. Братание – одна из причин развала русской армии в 1917 году // Мир и политика. 2011. № 3. С. 50–55.

Базанов С.Н. Братание – порождение Первой мировой войны // Преподавание истории в школе. 2006. № 3. С. 22–26.

Базанов С.Н. К истории развала русской армии в 1917 году // Армия и общество, 1900–1941 гг. Статьи, документы М.: ИРИ РАН, 1999. 387 с. С. 51–76.

Базанов С.Н. «Немецкие солдаты стали … переползать к русским «товарищам» и брататься с ними» // Военно-исторический журнал. 2002. № 6. С. 43–50.

Базанов С.Н. Феномен братания // Наука в России. 2005. № 4 (148). С. 99–106.

Базанов С.Н. Феномен братания в Первую мировую войну // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2003/2004. Новые научные направления. М.: РОССПЭН, 2005. 464 с. С. 287–301.

Базанов С.Н. Феномен братания на Русском фронте // Первая мировая война в истории и культуре России и Европы: сб. статей. Калининград: Живём, 2013. 375 с. С. 154–162.

Бахурин Ю.А. О первых братаниях с противником в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 2010. № 12. С. 167–168.

Бондаренко В.В. Братания на фронте // Россия в Первой мировой войне. 1914–1918. Энциклопедия. В 3 т. Т. 1. М., 2014. С. 203–205.

Булдаков В.П. Кризис империи и революционный национализм начала XX в. в России // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 29–45.

Булдаков В.П. Феномен революционного национализма в России // Россия в XX веке: Проблемы национальных отношений / под общ. ред. А.Н. Сахарова, В.А. Михайлова. М.: Наука, 1999. 450 с. С. 204–220.

Велигура Л.И. В.И. Ленин о значении братания на русско-германском фронте в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции // Вопросы германской истории. Межвуз. темат. сб. науч. трудов. Вып. 5. Великий Октябрь и революционное движение в Германии. Днепропетровск, 1977. 179 с. С. 28–39.

Велигура Л.И. К вопросу о братании на русско-германском фронте в период борьбы Советской России за претворение в жизнь Декрета о мире (ноябрь – декабрь 1917) // Вопросы германской истории. Русско-германские отношения Нового и Новейшего времени. Днепропетровск: ДГУ, 1982. 167 с. С. 96–104.

Головин Н.Н. Обширное поле военной психологии // Душа армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооружённой силы / Российский военный сборник. Вып. 13. М.: Военный университет, Отечество и воин, Русский путь, 1999. С. 13–34.

Громыко М.М. Обычаи побратимства в былинах // Фольклор и этнография: у этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов: сб. науч. тр. / под ред. Б.Н. Путилова. Ленинград: Наука, 1984. 255 с. С. 116–125.

Земцов Л.И. Крестьянский міръ и война (1914–1916 гг.) // История: факты и символы. Елец, 2017. № 2 (11). С. 110–119.

Колесников Н.В. О стратегии духа и прежних ошибках // Душа армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооружённой силы / Российский военный сборник. Вып. 13. М.: Военный университет, Отечество и воин, Русский путь, 1999. С. 232–241.

Краснов П.Н. Душа армии // Душа армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооружённой силы / Российский военный сборник. Вып. 13. М.: Военный университет, Отечество и воин, Русский путь, 1999. С. 35–150.

Кутузов В.В. Документы о братаниях в фондах ЦГВИА // Советские архивы. 1968. № 4. С. 98–101.

Месснер Е.Э. Всемирная мятежевойна // Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е.Э. Месснера. М.: Военный университет, Русский путь, 2005. 482 с. С 58–193.

Михутина И.В. Украинская народная республика: от замысла Украинского фронта против Четверного союза до украинского Брестского мира (ноябрь 1917–февраль 1918) // Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы: очерки истории / отв. ред. Е.П. Серапионова. М.: Институт славяноведения РАН, 2015. 680 с. С. 579–601.

Михутина И.В. Февральская революция и образование Украинской Центральной Рады // Белоруссия и Украина: История и культура / Ин-т славяноведения. М.: Наука, 2003. 414 с. С. 289–321.

Непомнящий А.А. Временное правительство России и Центральная Рада Украины в 1917 году // Переяславская Рада: её историческое значение и перспективы возрождения союзного государства / Сб. ст. Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. Ростов-на-Дону: Альтаир, 2019. 384 с. С. 123–133.

Оболонкова М.А. Фронтовое Рождество 1914 года в культурной памяти европейцев // Первая мировая война в истории и культуре Европы. Сб. статей. Калининград: Живём, 2013. 375 с. С. 276–283.

Оболонкова М.А. Эпизод истории Великой войны как элемент исторической памяти европейцев: Рождественское перемирие 1914 года // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2010. № 1. С. 8–14.

Попов А.Г. Философия воинской дисциплины // Душа армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооружённой силы / Российский военный сборник. Вып. 13. М.: Военный университет, Отечество и воин, Русский путь, 1999. С. 156–190.

Сенявская Е.С. «Образ врага» в сознании участников Первой мировой войны // Россия и Европа в XIX–XX веках: проблемы восприятия народов, социумов, культур / Сб. науч. трудов. М., 1996. 228 с. С. 75–85.

Сережников В.К. Революция и война // *Каутский К., Бебель А.* О патриотизме и войне. М.: Кооперативный мир, 1917. 31 с. С. 23–31.

Соколова М. Центр и периферия: Россия и Украина в 1917 году // Россия – Украина: история взаимоотношений / отв. ред. А.И. Миллер и др. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 248 с. С. 219–228.

Ткачук А.Г. Братание на фронтах в 1917 г. (по материалам Юго-Западного и Румынского фронтов) // Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции. М.: Наука, 1967. 343 с. С. 131–145.

Токарев С.А. Новое о происхождении экзогамии и тотемизма // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии / отв. ред. В.П. Алексеев, И.С. Гуревич. М.: Наука, 1968. 272 с. С. 256–270.

Френкин М.С. Некоторые вопросы деятельности Центральной Рады и её войсковых органов в армии в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции (политика и практика Центральной Рады) // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. 26. М., 1968. С. 28–57.

Справочные издания:

Великая Октябрьская Социалистическая Революция: энциклопедия / под ред. П.А. Голуба, Ю.И. Кораблёва, М.И. Кузнецова, Ю.Ю. Фигатнера. 3-е изд. доп. М.: Советская энциклопедия, 1987.

Первая мировая война. Энциклопедический словарь. М.: Весь мир, 2014.

Россия в Первой мировой войне. 1914–1918: Энциклопедия. В 3 т. / отв. ред. А.К. Сорокин. М.: Политическая энциклопедия, 2014.

Россия в 1917 году: энциклопедия / отв. ред. А.К. Сорокин. М.: Политическая энциклопедия, 2017.

Иностранные исследования:

Австрия:

Österreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. 6. Das Kriegsjahr 1917 / Herausgegeben vom Österreichischen Bundesministerium für Landesverteidigung und vom Kriegsarchiv unter der Leitung von Edmund Glaise-Horstenau. Wien: Verlag der militärwissenschaftlichen Mitteilungen, 1936. 814 S.

Rauchensteiner M. Der Erste Weltkrieg: und das Ende der Habsburgermonarchie 1914–1918. Wien: Böhlau Verlag, 2013. 1222 S.

Великобритания:

Boyle D. Why do we still romanticise the 1914 truce? // The Guardian. 2014. December, 12. https://www.theguardian.com/commentisfree/2014/dec/12/first-world-war-romanticise-1914-christmas-truce (Дата обращения: 13.04.2021).

Bushnell Y. Peasants in uniform: The Tsarist army as a peasant society // journal of a social history. Summer. 1980/ V. 13. № 4. P. 565–576.

Christmas truce of 1914 // Newspapers. Come. https://www.newspapers.com/topics/world-war1/christmas-truce/ (Дата обращения: 12.04.2021).

Dash M. The Story of the WWI Christmas Truce // Smithsonian magazine. 2011. December, 23. https://www.smithsonianmag.com/history/the-story-of-the-wwi-christmas-truce-11972213/ (Дата обращения: 12.04.2021).

Davidson A. Fred's War. A Doctor in the Trenches. London: Short Books Verlag, 2013. 256 p.

Davies C. Letter details ‘extraordinary sights’ of Christmas Day first world war truce. Message to mother by British officer reproduced by Royal Mail describes shaking hands with enemy and plan of another truce ‘to see how photos come out // The Guardian. 2014. December, 24. https://www.theguardian.com/world/2014/dec/24/-sp-letter-extraordinary-sights-christmas-day-first-world-war-truce (Дата обращения: 15.04.2021).

Ferro M., Brown M., Cazals R., Mueller O. Meetings in No Man's Land. Christmas 1914 and Fraternization in the Great War. Translations by Helen McPhail. London, 2007. 278 p.

Martin L. Last survivor of 'Christmas truce' tells of his sorrow. The First World War's horrors still move us but one man recalls his moment of peace amid the bloodshed // The Guardian. 2004. December, 19. https://www.theguardian.com/uk/2004/dec/19/christmas.lornamartin (Дата обращения: 13.04.2021).

Moss S. Truce in the trenches was real, but football tales are a shot in the dark. British and German soldiers did briefly stop killing, but there is little evidence to support story of a kickabout in no-man's land // The Guardian. 2014. December, 16. https://www.theguardian.com/world/2014/dec/16/truce-trenches-football-tales-shot-in-dark (Дата обращения: 13.04.2021).

Niland L. The Amazing Truce: Christmas in the trenches. Letters from the front in 1914 reveal the day of peace at Christmas during the first world war // The Guardian. 2014. December, 15. https://www.theguardian.com/world/from-the-archive-blog/2014/dec/15/-sp-first-world-war-christmas-truce-football-trenches (Дата обращения: 13.04.2021).

Norton-Taylor R. Letter from British general describes 1914 Christmas Day truce. General Walter Congreve VC describes to his wife how soldiers shared cigars and sang songs together in no man’s land // The Guardian. 2014. December,4. https://www.theguardian.com/world/2014/dec/04/letter-british-general-1914-christmas-day-truce-walter-congreve (Дата обращения: 15.04.2021).

Stone N. The Eastern front 1914–1917. England: Penguin Putman inc., 1975. (1998. 348 p.) The Christmas truce // Voices of the First World War.

https://www.iwm.org.uk/history/voices-of-the-first-world-war-the-christmas-truce (Дата обращения: 17.04.2021).

Wide R. The Russian Revolution, 1917. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Williams M. Fraternization in the Armed Forces during the two World Wars. Conditions, Forms, and Receptions // EHNE. Sorbonne Université https://ehne.fr/en/encyclopedia/themes/wars-and-memories/combatants/fraternization-in-armed-forces-during-two-world-wars (Дата обращения: 16.04.2021).

Гилберт М. Первая мировая война / пер. с англ. С. Бавина, Ю. Гольберга, П. Кунарева, А. Курт М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2016. 768 с.

Коупленд Н. Психология и солдат / пер. с англ. А.Т. Сапронова и В.М. Катеринича. 2-изд. М.: Воениздат, 1991. 96 с.

Германия:

Backovic L. Weihnachten im Ersten Weltkrieg: Hoch der Kaiser? Fuck the Kaiser! // Der Spiegel. Geschichte. 2013. 23. Dezember. https://www.spiegel.de/geschichte/erster-weltkrieg-gestoerter-weihnachtsfrieden-von-1914-a-951345.html (Дата обращения: 21.02.2020 г.).

Bohn A., Fombaron J.-C. Vom Feind zum Bruder. Zu medialen Inszenierungen der Verbrüderung an der Ostfront im Ersten Weltkrieg // Brüderlichkeit und Bruderzwist: Mediale Inszenierungen des Aufbaus und des Niedergangs politischer Gemeinschaften in Ost- und Südosteuropa. Kultur- und Sozialgeschichte Osteuropas / Cultural and Social History of Eastern Europe/ T. Zimmermann (Hrsg.). Bd 2. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht unipress, 2014. 551 S. S. 193–212.

Das Weihnachtswunder von 1914. Erster Weltkrieg // Deutschlandfunk. 2017. 24. Dezember. https://www.deutschlandfunk.de/erster-weltkrieg-das-weihnachtswunder-von-1914.1242.de.html?dram:article_id=406828 (Дата обращения: 17.12.2019).

Der Spiegel. Geschichte. Der Erste Weltkrieg – 1914–1918: Als Europa im Inferno versank. 2013. Heft 5. 140 S.

Dossier: Der Erste Weltkrieg. Bonn: bpb, 2019. 83 S.

http://www.bpb.de/geschichte/deutsche-geschichte/ersterweltkrieg/ (Дата обращения: 17.12.2019).

Fleischhauer E.I. Die Russische Revolution - Lenin und Ludendorff (1905–1917). Borsdorf: Edition Winterwork, 2017. 888 S.

Görtz B. Der Weihnachtsfrieden von 1914 // Deutsche Welle. 2014. 24. Dezember. https://p.dw.com/p/1Acb7 (Дата обращения: 3.05.2021).

Jürgs M. Der kleine Frieden im Großen Krieg: Westfront 1914: Als Deutsche, Franzosen und Briten gemeinsam Weihnachten feierten. München, 2005. 351 S.

Kempe F. Weihnachtsfrieden an der Westfront. Vor 100 Jahren // Deutschlandfunk. 2014. 24. Dezember.
https://www.deutschlandfunk.de/vor-100-jahren-weihnachtsfrieden-an-der-westfront.871.de.html?dram:article_id=307089 (Дата обращения: 17. 12. 2019).

Klußmann U. Armee der Bauernsöhne: Russland im Ersten Weltkrieg // Spiegel online. 2014. 2. Januar.
https://www.spiegel.de/geschichte/russland-im-ersten-weltkrieg-armee-der-bauernsoehne-a-951376.html (Дата обращения: 17.12.2019).

Kriegsende 1918: Ereignis, Wirkung, Nachwirkung. Schriften des Militärgeschichtlichen Forschungsamtes. Beiträge zur Militärgeschichte, 53 / J. Duppler, G.P. Groß (Hrsg.). München: R. Oldenbourg Verlag, 1999. 399 S.

Leonhard J. Die Büchse der Pandora: Geschichte des Ersten Weltkriegs. 4. Aufl. München: C.H. Beck, 2014. 1157 S.

Münkler H. Der Große Krieg. Die Welt 1914–1918. Berlin: Rowohlt Verlag, 2013. 926 S.

Rieker H. Nicht schießen, wir schießen auch nicht!: Versöhnung von Kriegsgegnern im Niemandsland 1914–1918 und 1939–1945. Bremen: Donat Verlag, 2006. 180 S.

Schmidt J., Das Gupta O. Ein bisschen Frieden im Ersten Weltkrieg. Ein Bild und seine Geschichte. Ostfront 1917: Nach drei Jahren Gemetzel tanzen deutsche und russische Soldaten auf den Schlachtfeldern. Was ist passiert? // Süddeutsche Zeitung. 2017. 5. Mai.

https://www.sueddeutsche.de/politik/ein-bild-und-seine-geschichte-ein-bisschen-frieden-im-ersten-weltkrieg-1.3481888 (Дата обращения: 17.12.2019).

Schmitt P.-Ph. Ein bisschen Frieden: Weihnachten im Schützengraben // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2014. 17. Dezember. https://www.faz.net/aktuell/politik/der-erste-weltkrieg/weihnachten-1914-im-schuetzengraben-ein-bisschen-frieden-im-ersten-welkrieg-13327096.html_(Дата обращения: 17.12.2019).

Норден А. Между Берлином и Москвой. К истории германо-советских отношений / пер. с нем. В. Бая, Г. Кычаковой, А. Семёновой, С. Халецкой. М.: Изд-во иностранной литературы, 1956. 411 с.

Описание послевоенных боёв германских войск и фрайкоров. Вывод войск с Востока / пер. с нем. и комм. Л.В. Ланника. М.: Содружество «Посев», 2014. 256 с.

США:

Baime A.J. What happened when WWI paused for Christmas // History. https://www.history.com/topics/christmas-truce-1914-world-war-i-soldier-accounts (Дата обращения: 17.04.2021).

Stone D. The Russian Army in the Great War: The Eastern front, 1914–1917. Lawrence, KS: University Press of Kansas, 2015. 359 p.

Wildman A. The end of the Russian Imperial Army: The old army and the soldier`s Revolt. March to April 1917. Princeton, N.Y., 1979.

Уайлдман А. Армия и вопрос о законности власти в России // Отечественная история. 1994. № 2. С. 19–30.

Уорт Р.Д. Антанта и Русская революция, 1917–1918 / пер. с англ. Л.А. Игоревского. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. 271 с.

Украина:

Анісімов К. Законодавча діяльність Центральної Ради щодо впровадження єдиної форми одностроюю національних збройних сил України (березень 1917–квітень 1918 рр.) // Українська Центральна Рада: поступ націєтворення та державобудівництва. Київ: Українська Видавнича спілка, 2002. 358 с. С. 182–188.

Верстюк В. Центральная Рада и Временное правительство (к истории украинско-российских отношений в 1917 году) // Россия – Украина: история взаимоотношений / отв. ред. А.И. Миллер и др. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 248 с. С. 209–218.

Волковинський В.М. Братання фронтове // Енциклопедія історії України. У 10 т. Київ, 2003–2013. Т. 1. Київ, 2003. С. 367–368.

Нечаєва-Юрійчук Н.В. Вплив Першої світової війни на соціально-психологічний стан західноєвропейського суспільства: дис. ... канд. Іст. наук. Чернівці, 2000.

Солдатенко В. Українська революція як суспільний феномен: пошук методологічних засад дослідження // Центральна Рада і український державотворчий процес (до 80-річчя створення Центральної Ради). У 2 ч.: матеріали наукової конференції 20 березня 1997 р. Київ: Видавництво Інституту історії України НАН України, 1997. Ч. 1. С. 20–30.

Фігурний Ю. Військова політика Центральної Ради у контексті українського державотворення // Українська Центральна Рада: поступ націєтворення та державобудівництва. Київ: Українська Видавнича спілка, 2002. 358 с. С. 188–199.

Хміль І.В. На шляху відродження української державності (Український національний конгрес-з'їзд 6–8 квітня 1917 р.). Київ: Інститут історії України, 1994. 62 с.

Художественные произведения:

Веселый А. Далёкое зарево // Знамя. 1933. № 2.

Олдингтон Р. Смерть героя: Роман / пер. с англ. Н. Галь. Киев, 1981. 368 с.

Приложения

Приложение № 1

Боевое расписание армий Юго-Западного фронта[1]

(1 марта – 13 декабря[2] 1917 г.)

Боевое расписание Особой армии

(1 марта – 9 апреля)[3]

Номер корпуса	**Дивизии, входящие в состав корпуса**
1-й Гвардейский корпус[4]	1-я гвардейская пехотная дивизия
	2-я гвардейская пехотная дивизия
2-й Гвардейский корпус[5]	3-я гвардейская пехотная дивизия
	Гвардейская стрелковая дивизия
5-й армейский корпус[6]	7-я пехотная дивизия
	10-я пехотная дивизия[7]
	151-я пехотная дивизия[8]

[1] В боевом расписании в основном отражено движение целых дивизий как с передовой в резервы, так из корпуса в корпус. Вместе с тем, не отражены перемещения полков и бригад на передовые позиции и в резерв в рамках отдельно взятой дивизии, однако указаны передвижения бригад и полков с участка одной дивизии (или корпуса) на участок другой дивизии (или корпуса). Необходимо также подчеркнуть, что точные даты вхождения той или иной дивизии в какой-либо корпус в материалах штаба фронта чаще всего не указывались. Поэтому период, на протяжении которого та или иная дивизия находилась в составе какого-либо корпуса (корпус в составе той или иной армии) в основном указаны в соответствии с первым упоминанием об этом в документе. В настоящем приложении боевые расписания помещены в соответствии с расположением армий Юго-Западного фронта с севера на юг. Боевое расписание 1-й армии помещено в соответствии с её расположением относительно других армий Юго-Западного фронта осенью 1917 г.

[2] Конечная дата обусловлена имеющимся в нашем распоряжении документальным материалом.

[3] Хронологические этапы, выделенные при составлении боевого расписания каждой армии, не совпадают с общей периодизацией работы. Кроме того, хронологические этапы, выделяемые при составлении боевого расписания одной армии, могут не совпадать с хронологическими этапами, выделенными при составлении боевых расписаний остальных армий фронта. Это обусловлено тем, что настоящие хронологические этапы были выделены, исходя из того, когда на том или ином участке Юго-Западного фронта происходили наиболее масштабные перегруппировки сил. Состав Особой армии на 1 марта (РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 191. Ч. 2 Л. 271–272); на 2 марта (Там же. Ф. 2158. Оп. 1. Д. 57. Л. 76–83); на 9 марта (Там же. Л. 454–461); на 17 марта (Там же. Л. 1010–1017); на 24 марта (Там же. Л. 1450–1455); на 1 апреля (Там же. Ф.2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 78).

[4] С 7 апреля корпуса нет в составе Особой армии (Там же. Ф. 2256. Оп. 1. Д. 183. Л. 311).

[5] С 7 апреля корпуса нет в составе Особой армии (Там же. Л. 311).

[6] С 7 апреля корпуса нет в составе Особой армии (Там же. Л. 311).

[7] 23 марта один полк 10-й пехотной дивизии 5-го армейского корпуса был сменён на позиции одним полком 153-й пехотной дивизии 34-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 191. Ч. 3. Л. 447). 28 марта дивизия была сменена на передовых позициях 151-й пехотной дивизией (Там же. Д. 192. Ч. 1. Л. 24).

25-й армейский корпус[9]	3-я гренадерская дивизия
	46-я пехотная дивизия
	6-я гренадерская дивизия[10]
34-й армейский корпус[11]	56-я пехотная дивизия[12]
	104-я пехотная дивизия
	153-я пехотная дивизия[13]
39-й армейский корпус	53-я пехотная дивизия
	102-я пехотная дивизия
	125-я пехотная дивизия[14]
	154-я пехотная дивизия
1-й Туркестанский армейский корпус	1-я Туркестанская стрелковая дивизия[15]
	2-я Туркестанская стрелковая дивизия
	8-я Туркестанская стрелковая дивизия
	125-я пехотная дивизия[16]
Гвардейский кавалерийский корпус[17]	1-я гвардейская кавалерийская дивизия
	2-я гвардейская кавалерийская дивизия

[8] На 1 марта дивизия находилась в корпусном резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 191. Ч. 2. Л. 272). 28 марта дивизия сменила на позиции 10-ю пехотную дивизию (Там же. Д. 192. Ч. 1. Л. 24).

[9] 7 апреля части 25-го армейского корпуса, протянув левый фланг на юго-восток, сменили на передовой позиции части 1-го Гвардейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 68).

[10] Данное наименование дивизия получила согласно приказу Начальника штаба Верховного главнокомандующего № 274, в соответствии с которым 152-я пехотная дивизия была переименована в 6-ю гренадерскую дивизию (Там же Ф. 2158. Оп. 1. Д. 57. Л. 78)..

[11] В составе Особой армии до 11 июня.

[12] 25 марта три полка 56-й пехотной дивизии находились на позициях, один полк – в армейском резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 191. Ч. 3. Л. 478).

[13] На 1 марта дивизия находилась в армейском резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 191. Ч. 2. Л. 271). 23 марта один полк 10-й пехотной дивизии 5-го армейского корпуса был сменён на позиции одним полком 153-й пехотной дивизии 34-го армейского корпуса (Там же. Ч. 3. Л. 447). 25 марта два полка 153-й пехотной дивизии стояли на позициях, другие два полка-в армейском резерве (Там же. Л. 478).

[14] Ранее дивизия находилась в составе 1-го Туркестанского армейского корпуса. Дивизия 20 марта перешла из корпусного резерва в армейский (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 191. Ч. 3. Л. 409). В соответствии с приказом командующего Особой армией генерала от инфантерии П.С. Балуева от 20 марта дивизия входила в состав 39-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2158. Оп. 1. Д. 57. Л. 1170, 1178, 1452; Ф. 2290. Оп. 1. Д. 610. Л. 21). На 1 апреля дивизия находилась в армейском резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 78).

[15] На 1 марта дивизия находилась в армейском резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 191. Ч. 2. Л. 271). На 1 апреля дивизия находилась в армейском резерве (Там же. Д. 192. Ч. 1. Л. 78). 7 апреля дивизия выступила в 11-ю армию (Там же. Л. 68).

[16] Дивизия 20 марта перешла из корпусного резерва в армейский (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 191. Ч. 3. Л. 409). В соответствии с приказом командующего Особой армией генерала от инфантерии П.С. Балуева от 20 марта дивизия входила в состав 39-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2158. Оп. 1. Д. 57. Л. 1170, 1178, 1452; Ф. 2290. Оп. 1. Д. 610. Л. 21).

[17] На 1 апреля корпус находился в армейском резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 78).

	3-я гвардейская кавалерийская дивизия
Части, не входящие в состав корпусов	21-й Донской казачий полк
	58-й Донской казачий полк[18]

(10 апреля – 11 июля)

Номер корпуса	**Дивизии, входящие в состав корпуса**
25-й армейский корпус[19]	46-я пехотная дивизия[20]
	3-я гренадерская дивизия[21]
	6-я гренадерская дивизия[22]
31-й армейский корпус[23]	130-я пехотная дивизия[24]
	172-я пехотная дивизия[25]
	177-я пехотная дивизия[26]
34-й армейский корпус[27]	56-я пехотная дивизия[28]
	104-я пехотная дивизия[29]
	153-я пехотная дивизия[30]

[18] На 9 марта полк „выбыл из состава Особой армии" (Там же. Ф. 2158. Оп. 1. Д. 57. Л. 459).
[19] На 14 июня корпус находился в резерве главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 324). Началась отправка его частей в 11-ю армию. 14 июня три полка 6-й гренадерской дивизии прибыли в 11-й армию (Там же. Л. 327).
[20] 5 июня один полк 46-й пехотной дивизии (184-й пехотный Варшавский полк) и один полк 3-й гренадерской дивизии (9-й гренадерский сибирский полк) 25-го армейского корпуса были сменены частями 125-й и 154-й пехотных дивизий 39-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 1. Л. 222).
[21] 5 июня один полк 46-й пехотной дивизии (184-й пехотный Варшавский полк) и один полк 3-й гренадерской дивизии (9-й гренадерский сибирский полк) 25-го армейского корпуса были сменены частями 125-й и 154-й пехотных дивизий 39-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 1. Л. 222).
[22] Данное наименование дивизия получила согласно приказу Начальника штаба Верховного главнокомандующего № 274, в соответствии с которым 152-я пехотная дивизия была переименована в 6-ю гренадерскую дивизию (Там же Ф. 2158. Оп. 1. Д. 57. Л. 78). 14 июня три полка дивизии прибыли в 11-ю армию (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 327).
[23] С 10 апреля корпус входил в составе Особой армии (Там же. Ф. 2256. Оп. 1. Д. 183. Л. 321).
[24] На вечер 22 июня бригада 2-й Сводной казачьей дивизии 4-го кавалерийского корпуса сменила на позиции один полк 130-й пехотной дивизии 31-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 369).
[25] Ранее дивизия входила в 4-й кавалерийский корпус. 1 июня участок 172-й и 177-й пехотных дивизий вошёл в состав 31-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 1. Л. 205).
[26] 21 апреля один полк 177-й пехотной дивизии 31-го армейского корпуса сменил на позициях части 1-й Кубанской казачьей дивизии 4-го кавалерийского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 2. Л. 186). На 25 мая дивизия занимала часть участка 4-го кавалерийского корпуса (Там же. Д. 193. Ч. 1. Л. 123). 1 июня участок 172-й и 177-й пехотных дивизий вошёл в состав 31-го армейского корпуса (Там же. Л. 205).
[27] С 11 июня корпус в составе 7-й армии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 289).
[28] На 14 июня дивизия вошла в состав 16-го армейского корпуса 8-й армии, куда к указанной дате прибыло три полка дивизии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 330).
[29] К 15 мая 57-я пехотная дивизия 44-го армейского корпуса сменила на позиции 104-ю пехотную дивизию 34-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 1. Л. 30).

39-й армейский корпус	53-я пехотная дивизия[31]
	83-я пехотная дивизия[32]
	102-я пехотная дивизия[33]
	125-я пехотная дивизия[34]
	154-я пехотная дивизия[35]
44-й армейский корпус[36]	57-я пехотная дивизия[37]
	111-я пехотная дивизия[38]
	192-я пехотная дивизия[39]
46-й армейский корпус[40]	77-я пехотная дивизия[41]

[30] 22 апреля дивизия заступила на позиции (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 2. Л. 194). 17 мая один полк 111-й пехотной дивизии 44-го армейского корпуса сменил на позиции один полк 153-й пехотной дивизии 34-го армейского корпуса (Там же. Д. 193. Ч. 1. Л. 47). На 24 мая части дивизии находились в армейском резерве (Там же. Л. 107).

[31] На 3 мая одна бригада дивизии находилась на позициях, другая состояла в армейском резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 2. Л. 302). 12 мая бригаду 53-й пехотной дивизии, стоящую на позициях, сменила бригада 125-й пехотной дивизии. Бригада 53-й пехотной дивизии отошла в армейский резерв (Там же. Д. 193. Ч. 1. Л. 1). На 14 июня дивизия состояла в корпусном резерве (Там же. Ч. 2. Л. 323). Впоследствии дивизия вошла в Гвардейский кавалерийский корпус.

[32] Ранее дивизия находилась в армейском резерве. На 11 июня дивизия в составе 39-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 289).

[33] На 14 июня дивизия состояла в армейском резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 323).

[34] На 3 мая три полка данной дивизии находились в армейском резерве, а один полк был придан Гвардейскому кавалерийскому корпусу (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 2. Л. 302). 12 мая бригаду 53-й пехотной дивизии, стоящую на позициях, сменила бригада 125-й пехотной дивизии. Бригада 53-й пехотной дивизии отошла в армейский резерв (Там же. Д. 193. Ч. 1. Л. 1); вторая бригада 125-й пехотной дивизии на 18 мая оставалась в армейском резерве (Там же. Л. 60). 5 июня один полк 46-й пехотной дивизии (184-й пехотный Варшавский полк) и один полк 3-й гренадерской дивизии (9-й гренадерский сибирский полк) 25-го армейского корпуса были сменены частями 125-й и 154-й пехотных дивизий 39-го армейского корпуса (Там же. Л. 222).

[35] 5 июня один полк 46-й пехотной дивизии (184-й пехотный Варшавский полк) и один полк 3-й гренадерской дивизии (9-й гренадерский сибирский полк) 25-го армейского корпуса были сменены частями 125-й и 154-й пехотных дивизий 39-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 1. Л. 222).

[36] Ранее корпус находился в резерве 7-й армии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 2. Л. 304).

[37] 10–11 мая 57-я пехотная дивизия 44-го армейского корпуса была переброшена из 7-й армии в Особую (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 2. Л. 331, 343). К 12 мая один полк 57-й пехотной дивизии (225-й пехотный Ливенский полк) 44-го армейского корпуса встал на позиции на участке 104-й пехотной дивизии 34-го армейского корпуса (Там же. Д. 193. Ч. 1. Л. 1). К 15 мая 57-я пехотная дивизия 44-го армейского корпуса сменила на позиции 104-ю пехотную дивизию 34-го армейского корпуса (Там же. Л. 30).

[38] 17 мая один полк 111-й пехотной дивизии 44-го армейского корпуса сменил на позиции один полк 153-й пехотной дивизии 34-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 1. Л. 47).

[39] 17 мая началась переброска 192-й пехотной дивизии из 7-й армии в Особую, куда в этот день прибыл один полк дивизии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 1. Л. 47). К вечеру 18 мая прибыла ещё одна бригада этой дивизии в Особую армию (Там же. Л. 64). На 8 июня дивизия находилась в армейском резерве (Там же. Ч. 2. Л. 257).

[40] С 10 апреля корпус входил в составе Особой армии (Там же. Ф. 2256. Оп. 1. Д. 183. Л. 321).

[41] Ранее 77-я пехотная дивизия состояла в армейском резерве. 8 июня 77-я пехотная дивизия сменила на позициях 100-ю пехотную дивизию 46-го армейского корпуса, отошедшую в армейский резерв (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 257).

	100-я пехотная дивизия[42]
	173-я пехотная дивизия
	Сводная пограничная пехотная дивизия
	5-я Донская казачья дивизия[43]
	Кубанская бригада 2-й Сводной казачьей дивизии (1-й Линейный казачий полк, 1-й Волгский казачий полк)[44]
1-й Туркестанский армейский корпус[45]	1-я Туркестанская стрелковая дивизия[46]
	2-я Туркестанская стрелковая дивизия[47]
	8-я Туркестанская стрелковая дивизия[48]
Гвардейский кавалерийский корпус	1-я гвардейская кавалерийская дивизия[49]
	2-я гвардейская кавалерийская дивизия[50]
	3-я гвардейская кавалерийская дивизия[51]
4-й кавалерийский корпус[52]	16-я кавалерийская дивизия[53]

[42] 12 апреля части 100-й пехотной дивизии сменили Кубанскую бригаду 2-й Сводной казачьей дивизии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 104). 8 июня 77-я пехотная дивизия сменила на позициях 100-ю пехотную дивизию 46-го армейского корпуса, отошедшую в армейский резерв (Там же. Д. 193. Ч. 2. Л. 257).

[43] На 10 апреля дивизия состояла в корпусном резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 87). На 27 апреля дивизия состояла в армейском резерве (Там же. Ч. 2. Л. 234). 3 мая дивизия продолжала находиться в армейском резерве (Там же. Л. 302); на 18 мая дивизия также находилась в армейском резерве (Там же. Д. 193. Ч. 1. Л. 60). 6 июня дивизия вошла в состав 1-го Туркестанского армейского корпуса 11-й армии (Там же. Ф. 2290. Оп. 1. Д. 612. Л. 20).

[44] На 10 апреля бригада входила в состав корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 87). 12 апреля бригада была сменена частями 100-й пехотной дивизии (Там же. Л. 104). К 3 мая 2-я Сводная казачья дивизия в полном составе находилась в армейском резерве (Там же. Ч. 2. Л. 302). На 14 июня 2-я Сводная казачья дивизия в полном составе, находясь в армейском резерве, входила в 4-й кавалерийский корпус, (Там же. Д. 193. Ч. 2. Л. 324).

[45] 16 апреля корпус выбыл из Особой и «того же числа» вошёл в состав 11-й армии (Там же. Ф. 2290. Оп. 1. Д. 612. Л. 3; Ф. 2256. Оп. 1. Д. 183. Л. 350). «С 24 часов 22 июля корпус вошёл в состав Особой армии» (Там же. Ф. 2290. Оп. 1. Д. 612. Л. 27), в которой находился до 24 часов 8 августа.

[46] 7 апреля дивизия выступила в 11-ю армию (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 68).

[47] 15 апреля 2-я гвардейская кавалерийская дивизия Гвардейского кавалерийского корпуса сменила на позициях части 2-й Туркестанской стрелковой дивизии 1-го Туркестанского армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 134).

[48] 16 апреля 3-я гвардейская кавалерийская дивизия Гвардейского кавалерийского корпуса сменила на позиции части 8-й Туркестанской стрелковой дивизии 1-го Туркестанского армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 142).

[49] На 18 мая дивизия на службе по охране железных дорог (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 1. Л. 60).

[50] 15 апреля 2-я гвардейская кавалерийская дивизия Гвардейского кавалерийского корпуса сменила на позициях части 2-й Туркестанской стрелковой дивизии 1-го Туркестанского армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 134).

[51] 16 апреля 3-я гвардейская кавалерийская дивизия Гвардейского кавалерийского корпуса сменила на позиции части 8-й Туркестанской стрелковой дивизии 1-го Туркестанского армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 142).

[52] С 10 апреля корпус входил в составе Особой армии (Там же. Ф. 2256. Оп. 1. Д. 183. Л. 321). На 14 июня 4-й кавалерийский корпус в составе 1-й Кубанской казачьей и 2-й Сводной казачьей дивизий находился в армейском резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 324).

	1-я Кубанская казачья дивизия[54]
	2-я Сводная казачья дивизия[55]
	Донская бригада 2-й Сводной казачьей дивизии (16-й и 17-й Донские казачьи полки)[56]
	27-я пехотная дивизия[57]
	172-я пехотная дивизия[58]
В армейском резерве[59]	77-я пехотная дивизия[60]
	83-я пехотная дивизия[61]

(12 июля – 8 августа)

Номер корпуса	**Дивизии, входящие в состав корпуса**
31-й армейский корпус	130-я пехотная дивизия[62]
	172-я пехотная дивизия[63]

[53] 13 апреля 172-я пехотная дивизия тремя полками сменила на позициях оставшиеся части 16-й кавалерийской дивизии, 2-й Сводной казачьей дивизии и 27-й пехотной дивизии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 117). Дивизия в армейском резерве на 3 мая (Там же. Ч. 2. Л. 302); на 18 мая (Там же. Д. 193. Ч. 1. Л. 60). 14 июня дивизия прибыла из Особой в 11-ю армию (Там же. Ч. 2. Л. 327).

[54] 21 апреля один полк 177-й пехотной дивизии 31-го армейского корпуса сменил на позициях части 1-й Кубанской казачьей дивизии 4-го кавалерийского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 2. Л. 186). На 18 мая дивизия находилась в армейском резерве (Там же. Д. 193. Ч. 1. Л. 60).

[55] На вечер 22 июня бригада 2-й Сводной казачьей дивизии 4-го кавалерийского корпуса сменила на позиции один полк 130-й пехотной дивизии 31-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 369).

[56] На 10 апреля бригада входила в состав корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 87). 12 апреля бригада была сменена одним полком 172-й пехотной дивизии (Там же. Л. 104). 13 апреля 172-я пехотная дивизия тремя полками сменила на позициях оставшиеся части 16-й кавалерийской дивизии, 2-й Сводной казачьей дивизии и 27-й пехотной дивизии (Там же. Л. 117). К 3 мая 2-я Сводная казачья дивизия в полном составе находилась в армейском резерве (Там же. Ч. 2. Л. 302). На 14 июня 2-я Сводная казачья дивизия в полном составе, находясь в составе 4-го кавалерийского корпуса, состояла в армейском резерве (Там же. Д. 193. Ч. 2. Л. 324).

[57] 13–14 апреля 172-я пехотная дивизия сменила на позициях оставшиеся части 27-й пехотной дивизии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 117, 125).

[58] 12 апреля Донская бригада 2-й Сводной казачьей дивизии была сменена одним полком 172-й пехотной дивизии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 104). 13–14 апреля 172-я пехотная дивизия тремя полками сменила на позициях оставшиеся части 16-й кавалерийской дивизии, 2-й Сводной казачьей дивизии и 27-й пехотной дивизии (Там же. Л. 117, 125). 1 июня участок 172-й и 177-й пехотных дивизий вошёл в состав 31-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 1. Л. 205).

[59] По данным на 10 апреля (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 87). Эти дивизии продолжали оставаться в армейском резерве на 3 мая (Там же. Ч. 2. Л. 302); также на 18 мая (Там же. Д. 193. Ч. 1. Л. 60).

[60] 8 июня 77-я пехотная дивизия сменила на позициях 100-ю пехотную дивизию 46-го армейского корпуса, отошедшую в армейский резерв (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 257).

[61] На 11 июня дивизия в составе 39-го армейского корпуса (Там же. Ф.2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 289).

[62] На вечер 20 июля 130-я пехотная дивизия находилась в составе 4-го кавалерийского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 2. Л. 117). На вечер 23 июля дивизия возвращена в состав 31-го армейского корпуса (Там же. Л. 145).

[63] На вечер 23 июля 172-я пехотная дивизия была передана в состав 46-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 2. Л. 145).

	177-я пехотная дивизия
39-й армейский корпус	83-я пехотная дивизия
	102-я пехотная дивизия[64]
	125-я пехотная дивизия[65]
	154-я пехотная дивизия[66]
44-й армейский корпус	57-я пехотная дивизия
	111-я пехотная дивизия
	192-я пехотная дивизия[67]
46-й армейский корпус	77-я пехотная дивизия
	172-я пехотная дивизия[68]
	173-я пехотная дивизия
	Сводная пограничная пехотная дивизия
1-й Туркестанский армейский корпус[69]	1-я Туркестанская стрелковая дивизия
	2-я Туркестанская стрелковая дивизия
	8-я Туркестанская стрелковая дивизия
	5-я Донская казачья дивизия[70]
	16-я кавалерийская дивизия[71]

[64] На вечер 12 июля бригада 102-й пехотной дивизии сменила части 154-й пехотной дивизии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 63). К вечеру 30 июля 125-я пехотная дивизия протянула части своего правого фланга, сменив на позиции один полк 102-й пехотной дивизии (Там же. Ч. 3. Л. 184).

[65] К вечеру 30 июля 125-я пехотная дивизия протянула части своего правого фланга, сменив на позиции один полк 102-й пехотной дивизии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 3. Л. 184).

[66] На вечер 12 июля бригада 102-й пехотной дивизии сменила части 154-й пехотной дивизии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 63). На 30 июля дивизия состояла в резерве (Там же. Ч. 3. Л. 186).

[67] На 30 июля дивизия находилась в резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 3. Л. 186).

[68] Ранее дивизия входила в 31-й армейский корпус. На вечер 23 июля 172-я пехотная дивизия была передана в состав 46-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 2. Л. 145).

[69] «С 24 часов 22 июля корпус вошёл в состав Особой армии» (Там же. Ф. 2290. Оп. 1. Д. 612. Л. 27) «Приказ 1-му Туркестанскому корпусу № 104. 8 августа. С 24 часов 8 августа 1917 года корпус вошёл в состав 1-й армии. Основание: телеграмма командующего 1-й армией от 8 августа 1917 года за № 06487» (Там же. Л. 36).

[70] Ранее дивизия входила в состав 46-го армейского корпуса Особой армии, затем состояла в резерве Особой армии. Дивизия вошла в состав корпуса 6 июня (Там же. Ф. 2290. Оп. 1. Д. 612. Л. 20). На 14 июня один полк 5-й Донской казачьей дивизии (27-й Донской казачий полк) был придан 8-й Туркестанской стрелковой дивизии; три полка (28-й, 29-й и 33-й Донские казачьи полки) находились в корпусном резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 324). Вышла из состава корпуса 9 июля на основании телеграммы начальника штаба 11-й армии от 9 июля № 4325 (Там же. Ф. 2290. Оп. 1. Д. 612. Л. 26). Вновь вошла в состав корпуса с 22 июля-«основание: телеграмма Командарм 11 от 22 июля 1917 года за № 182» (Там же. Л. 31). На 30 июля дивизия находилась в резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 3. Л. 186). К вечеру 30 июля бригада 5-й Донской казачьей дивизии со стрелковым дивизионом сменила на позиции части 6-й кавалерийской дивизии 7-го кавалерийского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 3. Л. 184). Дивизия вышла из состава 1-го Туркестанского армейского корпуса «с 24 часов 15 августа сего года» (Там же. Ф. 2290. Оп. 1. Д. 612. Л. 39).

Гвардейский кавалерийский корпус[72]	53-я пехотная дивизия[73]
	Отряд полковника Гревса[74]
	1-я гвардейская кавалерийская дивизия
	2-я гвардейская кавалерийская дивизия[75]
	3-я гвардейская кавалерийская дивизия
4-й кавалерийский корпус[76]	130-я пехотная дивизия[77]
	1-я Кубанская казачья дивизия[78]
	2-я Сводная казачья дивизия
7-й кавалерийский корпус[79]	6-я кавалерийская дивизия[80]
	16-я кавалерийская дивизия[81]
В армейском резерве	100-я пехотная дивизия[82]
	122-я пехотная дивизия[83]

[71] Дивизия вошла в состав корпуса 22 июля-«основание: телеграмма Командарм 11 от 22 июля 1917 года за № 182» (Там же. Ф. 2290. Оп. 1. Д. 612. Л. 31). На 30 июля дивизия в составе 7-го кавалерийского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 3. Л. 186). Дивизия вышла из состава 1-го Туркестанского армейского корпуса с 24 часов 15 августа (Там же. Ф. 2290. Оп. 1. Д. 612. Л. 39).

[72] На вечер 3 августа участок Гвардейского кавалерийского корпуса был передан 4-му кавалерийскому корпусу; штаб Гвардейского кавалерийского корпуса перешёл в Кременец (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 3. Л. 208).

[73] Ранее дивизия входила в 39-й армейский корпус. На вечер 16 июля 53-я пехотная дивизия входила в состав Гвардейского кавалерийского корпуса: одна её бригада находилась на позиции, а другая – в корпусном резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 2. Л. 88). На вечер 29 июля дивизия встала на позицию (Там же. Ч. 3. Л. 181).

[74] На вечер 16 июля стрелковые полки Гвардейского кавалерийского корпуса были сведены в отдельный Отряд полковника Гревса. Два полка находились на позиции, один-в отрядном резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 2. Л. 88). На вечер 29 июля стрелковые полки Гвардейского кавалерийского корпуса были сменены на позиции (Там же. Ч. 3. Л. 181).

[75] 30 июля дивизия находилась в резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 3. Л. 186). На вечер 30 июля дивизия выступила в район 11-й армии (Там же. Л. 184).

[76] На вечер 3 августа участок Гвардейского кавалерийского корпуса был передан 4-му кавалерийскому корпусу; штаб Гвардейского кавалерийского корпуса перешёл в Кременец (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 3. Л. 208).

[77] Ранее дивизия действовала в составе 31-го армейского корпуса. На вечер 20 июля 130-я пехотная дивизия находилась в составе 4-го кавалерийского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 2. Л. 117). На вечер 23 июля дивизия возвращена в состав 31-го армейского корпуса (Там же. Л. 145).

[78] На вечер 16 июля дивизия состояла в армейском резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 2. Л. 88).

[79] Ранее корпус находился в составе 11-й армии. На вечер 23 июля 7-й кавалерийский корпус передан в Особую армию (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 2. Л. 145). На 31 июля корпус, в составе 6-й и 13-й кавалерийских дивизий, находился в резерве главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта (Там же. Ч. 3. Л. 190).

[80] К вечеру 30 июля бригада 5-й Донской казачьей дивизии со стрелковым дивизионом сменила на позиции части 6-й кавалерийской дивизии 7-го кавалерийского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 3. Л. 184).

[81] На 30 июля дивизия находилась в составе 7-го кавалерийского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 3. Л. 186).

[82] 8 июня 77-я пехотная дивизия сменила на позициях 100-ю пехотную дивизию 46-го армейского корпуса, отошедшую в армейский резерв (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 257).

(9 августа – 22 сентября)

Номер корпуса	**Дивизии, входящие в состав корпуса**
31-й армейский корпус	83-я пехотная дивизия[84]
	130-я пехотная дивизия[85]
	177-я пехотная дивизия[86]
39-й армейский корпус	53-я пехотная дивизия[87]
	83-я пехотная дивизия[88]
	102-я пехотная дивизия[89]
	122-я пехотная дивизия[90]
	125-я пехотная дивизия[91]
	154-я пехотная дивизия[92]
44-й армейский корпус	57-я пехотная дивизия[93]
	111-я пехотная дивизия[94]

[83] Ранее дивизия находилась в составе 45-го армейского корпуса 11-й армии. На 30 июля 122-я пехотная дивизия передавалась в Особую армию (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 3. Л. 188).

[84] Ранее дивизия входила в 39-й армейский корпус. На 6 сентября, 83-я пехотная дивизия находилась в составе 31-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 2. Л. 79).

[85] В середине августа 177-я пехотная дивизия расформировывалась, её полки побригадно распределялись между 130-й и 122-й пехотной дивизиями.

[86] В середине августа 177-я пехотная дивизия расформировывалась, её полки побригадно распределялись между 130-й и 122-й пехотной дивизиями. На 6 сентября дивизия ещё значилась в составе корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 2. Л. 79). Согласно сводке от 13 сентября, эта дивизия в составе корпуса не значилась (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 1. Л. 50).

[87] Ранее дивизия входила в 4-й кавалерийский корпус. На 19 сентября 53-я пехотная дивизия находилась в составе 39-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 2. Л. 66).

[88] К вечеру 26 августа 83-я пехотная дивизия 39-го армейского корпуса начала передвижение для смены на позиции 172-й пехотной дивизии 46-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 94. Ч. 5. Л. 298). На 6 сентября, 83-я пехотная дивизия находилась в составе 31-го армейского корпуса (Там же. Д. 195. Ч. 2. Л. 79).

[89] На вечер 24 августа одна бригада 154-й пехотной дивизии действовала в составе 102-й пехотной дивизии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 4. Л. 289). На 6 сентября дивизия находилась на позиции (Там же. Д. 195. Ч. 2. Л. 79). На 19 сентября дивизия состояла в армейском резерве (Там же. Л. 66).

[90] В середине августа 177-я пехотная дивизия расформировывалась, её полки побригадно распределялись между 130-й и 122-й пехотной дивизиями. Согласно сводке от 13 сентября, 122-я пехотная дивизия из армейского резерва передавалась в распоряжение командующего 39-м армейским корпусом (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 1. Л. 50).

[91] На вечер 24 августа одна бригада 154-й пехотной дивизии действовала в составе 125-й пехотной дивизии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 4. Л. 289).

[92] В августе 1917 г. дивизия была назначена к расформированию. Однако позже было принято решение, согласно которому полки дивизии распределялись по-бригадно между 102-й и 125-й пехотными дивизиями. На вечер 24 августа одна бригада 154-й пехотной дивизии действовала в составе 102-й, другая бригада-в составе 125-й пехотной дивизии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 4. Л. 289).

[93] На вечер 25 августа вторая бригада 192-й пехотной дивизии вошла в состав 57-й пехотной дивизии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 5. Л. 293).

[94] На вечер 25 августа первая бригада 192-й пехотной дивизии вошла в состав 111-й пехотной дивизии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 5. Л. 293).

	192-я пехотная дивизия[95]
46-й армейский корпус	77-я пехотная дивизия[96]
	172-я пехотная дивизия[97]
	173-я пехотная дивизия[98]
	Сводная пограничная пехотная дивизия[99]
4-й кавалерийский корпус	53-я пехотная дивизия[100]
	1-я Кубанская казачья дивизия[101]
	2-я Сводная казачья дивизия[102]
В армейском резерве	122-я пехотная дивизия[103]

(23 сентября – 13 декабря)

Номер корпуса	**Дивизии, входящие в состав корпуса**
31-й армейский корпус	83-я пехотная дивизия
	130-я пехотная дивизия
39-й армейский корпус	53-я пехотная дивизия
	122-я пехотная дивизия
	125-я пехотная дивизия[104]

[95] На вечер 25 августа первая бригада 192-й пехотной дивизии вошла в состав 111-й пехотной дивизии, вторая бригада-в состав 57-й пехотной дивизии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 5. Л. 293).

[96] В середине августа 173-я пехотная дивизия расформировывалась, а её полки побригадно распределялись между 77-й и Сводной пограничной пехотной дивизиями.

[97] К вечеру 26 августа 83-я пехотная дивизия 39-го армейского корпуса начала передвижение для смены на позиции 172-й пехотной дивизии 46-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 5. Л. 298). В августе 1917 г. в ходе расформирования дивизий 4-й очереди полки 172-й пехотной дивизии были распределены побригадно в 53-ю и 83-ю пехотные дивизии, образовав третью бригаду в дивизиях.

[98] В середине августа дивизия расформировывалась, а её полки побригадно распределялись между 77-й и Сводной пограничной пехотной дивизиями. На 6 августа дивизия ещё значилась в составе корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 2. Л. 79).

[99] В середине августа 173-я пехотная дивизия расформировывалась, а её полки побригадно распределялись между 77-й и Сводной пограничной пехотной дивизиями.

[100] Ранее дивизия входила в Гвардейский кавалерийский корпус. К 2 сентября дивизия находилась в составе 4-го кавалерийского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 1. Л. 14). На 19 сентября 53-я пехотная дивизия находилась в составе 39-го армейского корпуса (Там же. Ч. 2. Л. 66).

[101] В соответствии со сводкой от 31 августа дивизия состояла в армейском резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 5. Л. 311).

[102] В соответствии со сводкой от 31 августа дивизия состояла в армейском резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 5. Л. 311).

[103] В соответствии со сводкой от 31 августа дивизия состояла в армейском резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 5. Л. 311). Согласно сводке от 13 сентября, дивизия из армейского резерва передавалась в распоряжение командующего 39-м армейским корпусом (Там же. Д. 195. Ч. 1. Л. 50).

[104] На 10 октября части 125-й пехотной дивизии отходили в армейский резерв (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 3. Л. 143); так же на 17 октября (Там же. Л. 158). Согласно сводке от 13 декабря, дивизия оставалась в армейском резерве (Там же. Ч. 5. Л. 272).

	194-я пехотная дивизия[105]
44-й армейский корпус	57-я пехотная дивизия
	111-я пехотная дивизия
46-й армейский корпус	77-я пехотная дивизия
	Сводная пограничная пехотная дивизия
1-й Туркестанский армейский корпус[106]	1-я Туркестанская стрелковая дивизия
	2-я Туркестанская стрелковая дивизия
	113-я пехотная дивизия[107]
	Отряд генерала К.Я. Усачёва[108]
4-й кавалерийский корпус[109]	1-я Кубанская казачья дивизия[110]
	2-я Сводная казачья дивизия[111]
7-й кавалерийский корпус[112]	13-й стрелковый полк[113]
	6-я кавалерийская дивизия
	13-я кавалерийская дивизия[114]
В армейском резерве	102-я пехотная дивизия[115]
	126-я пехотная дивизия[116]

[105] Ранее 194-я пехотная дивизия находилась в резерве 11-й армии. На 26 сентября два полка дивизии прибыли в Особую армию (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 2. Л. 110). На 3 октября 194-я пехотная дивизия входила в состав 39-го армейского корпуса (Там же. Л. 126).

[106] Ранее корпус входил в 1-ю армию. После возвращения 1-й армии на Северный фронт в начале третьей декады сентября, корпус вновь вошёл в состав Особой армии.

[107] Ранее дивизия находилась в составе 41-го армейского корпуса 7-й армии. На 26 сентября дивизия перебрасывалась в Особую армию, после чего ей предстояло сменить на позиции Отряд генерала К.Я. Усачёва (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 2. Л. 99). На 3 октября дивизия входила в состав 1-го Туркестанского армейского корпуса и находилась на позиции (Там же. Л. 126).

[108] На 26 сентября Отряд генерала К.Я. Усачёва по-прежнему состоял из 78-го пехотного Навагинского полка (20-й пехотной дивизии), стрелковых полков 6-й и 13-й кавалерийских дивизий, находившихся на позиции, а в резерве имея 5-ю Донскую казачью дивизию (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 2. Л. 67).

[109] На 21 ноября корпус переходил в распоряжение главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 4. Л. 228).

[110] На 31 октября дивизия выбыла в Киев (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 3. Л. 193).

[111] К 3 октября два полка дивизии находились на охране железных дорог (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 2. Л.126); так же и на 10 октября (Там же. Ч. 3. Л. 143).

[112] Согласно сводке от 13 декабря, пять полков корпуса находились в районе Ровно (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 5. Л. 272).

[113] К 3 октября полк находился в составе 7-го кавалерийского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 2. Л. 126).

[114] К 3 октября два полка дивизии находились на охране железных дорог (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 2. Л.126); так же и на 10 октября (Там же. Ч. 3. Л. 143).

[115] Согласно сводке от 13 декабря, дивизия оставалась в армейском резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 5. Л. 272).

[116] Ранее дивизия находилась в резерве 11-й армии. На 26 сентября два полка дивизии прибыли в Особую армию (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 2. Л. 99). На 10 октября дивизия подлежала рас-

Боевое расписание 1-й армии[117]

(11–25 июля)

Номер корпуса	Дивизии, входящие в состав корпуса
11-й армейский корпус[118]	12-я пехотная дивизия
	32-я пехотная дивизия
	79-я пехотная дивизия[119]
	165-я пехотная дивизия[120]
	Бригада 9-й кавалерийской дивизии[121]
18-й армейский корпус[122]	37-я пехотная дивизия
	43-я пехотная дивизия
	79-я пехотная дивизия[123]
	165-я пехотная дивизия[124]
	166-я пехотная дивизия
	Бригада 10-й кавалерийской дивизии[125]
23-й армейский корпус[126]	59-я пехотная дивизия
	Бригада 165-й пехотной дивизии[127]

формированию (Там же. Ч. 3. Л.143); так же на 17 октября (Там же. Л. 158). Согласно сводке от 13 декабря, дивизия оставалась в армейском резерве (Там же. Ч. 5. Л. 272).

[117] В составе Юго-Западного фронта 1-я армия впервые упоминается 8 июля (РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 26).

[118] Ранее корпус входил в 8-ю армию. На 11 июля в 1-й армии (Там же. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 678. Л. 14).

[119] Ранее дивизия входила в состав 23-го армейского корпуса. На 13 июля дивизия находилась в 11-м армейском корпусе (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 68). К утру 15 июля дивизия состояла в резерве (Там же. Л. 76). 17, 18 июля дивизия находилась на марше в Сторожинец (Там же. Ч. 2. Л. 95). На вечер 19 июля 79-я пехотная дивизия находилась в составе 18-го армейского корпуса. Один её полк был передан в распоряжение начальника 37-й пехотной дивизии, остальные три полка состояли в корпусном резерве (Там же. Л. 108).

[120] На 17 июля дивизия находилась в корпусном резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 2. Л. 95). На вечер 23 июля бригада 165-й пехотной дивизии находилась в районе 23-го армейского корпуса, другая бригада-в корпусном резерве (Там же. Л. 146, 149). На вечер 24 июля дивизия действовала на участке 18-го армейского корпуса (Там же. Л. 153).

[121] На вечер 23 июля бригада 9-й кавалерийской дивизии 2-го кавалерийского корпуса находилась в районе 11-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 2. Л. 146).

[122] Ранее корпус входил в 8-ю армию. На 11 июля в 1-й армии (Там же. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 678. Л. 14).

[123] Ранее дивизия входила в 11-й армейский корпус. На вечер 19 июля 79-я пехотная дивизия находилась в составе 18-го армейского корпуса. Один её полк был передан в распоряжение начальника 37-й пехотной дивизии, остальные три полка состояли в корпусном резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 2. Л. 108). На вечер 22 июля бригада дивизии находилась на позиции (Там же. Л. 138).

[124] Ранее дивизия входила в состав 11-го армейского корпуса. На вечер 24 июля дивизия действовала на участке 18-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 2. Л. 153).

[125] Согласно телеграмме от 24 июля, бригада действовала в составе корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 2. Л. 149).

[126] Ранее корпус входил в 8-ю армию. На 11 июля в 1-й армии (Там же. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 678. Л. 14).

	167-я пехотная дивизия
2-й кавалерийский корпус[128]	9-я кавалерийская дивизия[129]
	Сводная кавалерийская дивизия

(9 августа – 22 сентября[130])[131]

32-й армейский корпус	20-я пехотная дивизия
	100-я пехотная дивизия[132]
	101-я пехотная дивизия
	105-я пехотная дивизия[133]
	157-я пехотная дивизия[134]
5-й Сибирский армейский корпус	50-я пехотная дивизия[135]
	6-я Сибирская стрелковая дивизия
	22-я Сибирская стрелковая дивизия[136]
1-й Туркестанский армейский	156-я пехотная дивизия[138]

[127] На вечер 23 июля бригада 165-й пехотной дивизии из 11-го армейского корпуса перешла в районе 23-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 2. Л. 146). На вечер 24 июля две бригады дивизии действовали на участке 18-го армейского корпуса (Там же. Л. 153).

[128] Ранее корпус входил в 8-ю армию. В состав 1-й армии корпус вошёл в ночь с 24 на 25 июля (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 2. Л. 149-150; Ф. 2106. Оп. 1. Д. 678. Л. 50).

[129] На вечер 23 июля бригада этой дивизии находилась в районе 11-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 2. Л. 146).

[130] С 23 сентября 1-й армии не было в составе Юго-Западного фронта (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 2. Л. 91, 92).

[131] Обновлённый состав 1-й армии приводится по: РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 3; Ф. 2106. Оп. 1. Д. 424. Л. 7.

[132] Ранее дивизия состояла в армейском резерве. Согласно сводке от 13 сентября, 100-я пехотная дивизия находилась в составе 32-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 1. Л. 51).

[133] На вечер 1 сентября части 50-й пехотной дивизии 5-го Сибирского армейского корпуса сменили на позиции соседние части 105-й пехотной дивизии 32-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 1. Л. 7). Согласно сводке от 13 сентября, 105-я пехотная дивизия находилась в армейском резерве (Там же. Л. 51); так же на 19 сентября (Там же. Ч. 2. Л. 67).

[134] 20 августа было установлено, что 625-й пехотный Пляшевский и 628-й пехотный Броды-Радзивилловский полки должны были войти в состав 101-й пехотной дивизии. 27 августа было отменено распоряжение о расформировании 626-го пехотного Берестечского и 627-го пехотного Шумского полков, после чего 1-я бригада 157-й пехотной дивизии вошла в состав 101-й пехотной дивизии, а 2-я бригада-в состав 105-й пехотной дивизии.

[135] На вечер 1 сентября части 50-й пехотной дивизии 5-го Сибирского армейского корпуса сменили на позиции соседние части 105-й пехотной дивизии 32-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 1. Л. 7).

[136] Ранее дивизия входила в 6-й армейский корпус 7-й армии. На вечер 12 августа дивизия, находясь в составе 5-го Сибирского армейского корпуса, составляла корпусной резерв (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 4. Л. 237).

[138] Ранее дивизия находилась в армейском резерве. На вечер 13 августа дивизия входила в состав 1-го Туркестанского армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 4. Л. 241). На вечер 25 августа

корпус[137]	1-я Туркестанская стрелковая дивизия
	2-я Туркестанская стрелковая дивизия
	8-я Туркестанская стрелковая дивизия[139]
	5-я Донская казачья дивизия[140]
	16-я кавалерийская дивизия[141]
	Отряд генерала К.Я. Усачёва[142]

1-я бригада 156-й пехотной дивизии выступила в распоряжение генерал-майора К.Я. Усачёва (Там же. Ч. 5. Л. 293), 2-я бригада оставалась в армейском резерве (Там же. Л. 298).

[137] Ранее корпус находился в составе Особой армии. «Приказ 1-му Туркестанскому корпусу № 104. 8 августа. С 24 часов 8 августа 1917 года корпус вошёл в состав 1-й армии. Основание: телеграмма командующего 1-й армией от 8 августа 1917 года за № 06487» (Там же. Ф. 2290. Оп. 1. Д. 612. Л. 36). После возвращения 1-й армии на Северный фронт в начале третьей декады сентября, корпус вновь вошёл в состав Особой армии.

[139] В середине августа 8-я Туркестанская стрелковая дивизия назначена к расформированию; её полки распределены побригадно в 1-ю и 2-ю Туркестанские стрелковые дивизии.

[140] Ранее дивизия входила в состав 46-го армейского корпуса Особой армии, затем состояла в резерве Особой армии. Дивизия вошла в состав корпуса 6 июня (Там же. Ф. 2290. Оп. 1. Д. 612. Л. 20). На 14 июня один полк 5-й Донской казачьей дивизии (27-й Донской казачий полк) был придан 8-й Туркестанской стрелковой дивизии; три полка (28-й, 29-й и 33-й Донские казачьи полки) находились в корпусном резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 324). Вышла из состава корпуса 9 июля на основании телеграммы начальника штаба 11-й армии от 9 июля № 4325 (Там же. Ф. 2290. Оп. 1. Д. 612. Л. 26). Вновь вошла в состав корпуса с 22 июля-«основание: телеграмма Командарм 11 от 22 июля 1917 года за № 182» (Там же. Л. 31). На 30 июля дивизия находилась в резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 3. Л. 186). К вечеру 30 июля бригада 5-й Донской казачьей дивизии со стрелковым дивизионом сменила на позиции части 6-й кавалерийской дивизии 7-го кавалерийского корпуса (Там же. Л. 184). На вечер 12 августа 29-й Туркестанский стрелковый полк, 16-я кавалерийская дивизия и 5-я Донская казачья дивизия составляли Группу генерала Костенко (Там же. Ч. 4. Л. 237). На вечер 19 августа эта же группа именовалась в сводке «Отряд генерала [К.Я.] Усачёва» (Там же. Л. 268). На вечер 27 августа дивизия находилась в резерве Отряда генерала К.Я. Усачёва (Там же. Ч. 5. Л. 302). Дивизия вышла из состава 1-го Туркестанского армейского корпуса «с 24 часов 15 августа сего года» (Там же. Ф. 2290. Оп. 1. Д. 612. Л. 39). На 2 сентября дивизия состояла в резерве 1-го Туркестанского армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 1. Л. 14). На вечер 3 сентября дивизия перешла в армейский резерв (Там же. Л. 20). На 19 сентября дивизия находилась в резерве Отряда генерала К.Я. Усачёва (Там же. Ч. 2. Л. 67).

[141] Дивизия вошла в состав корпуса 22 июля-«основание: телеграмма Командарм 11 от 22 июля 1917 года за № 182» (Там же. Ф. 2290. Оп. 1. Д. 612. Л. 31). На 30 июля дивизия в составе 7-го кавалерийского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 3. Л. 186). На вечер 12 августа 29-й Туркестанский стрелковый полк, 16-я кавалерийская дивизия и 5-я Донская казачья дивизия составляли Группу генерала Костенко (Там же. Ч. 4. Л. 237). На вечер 19 августа эта же группа именовалась в сводке «Отряд генерала [К.Я.] Усачёва» (Там же. Л. 268). На вечер 27 августа дивизия находилась в резерве Отряда генерала К.Я. Усачёва (Там же. Ч. 5. Л. 302). Дивизия вышла из состава 1-го Туркестанского армейского корпуса с 24 часов 15 августа (Там же. Ф. 2290. Оп. 1. Д. 612. Л. 39). На 2 сентября дивизия состояла в резерве 1-го Туркестанского армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 1. Л. 14). На 6 сентября продолжалась отправка дивизии на Северный фронт (Там же. Ч. 2. Л. 80).

[142] На вечер 12 августа 29-й Туркестанский стрелковый полк, 16-я кавалерийская дивизия и 5-я Донская казачья дивизия составляли Группу генерала Костенко (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 4. Л. 237). На вечер 19 августа эта же группа именовалась в сводке «Отряд генерала [К.Я.] Усачёва» (Там же. Л. 268). К.Я. Усачёв (1857–1918) – казак донской станицы Михайловской. Награждён Орденом Св. Владимира 3-й степени (1915 г.). Генерал-майор (1916 г.). В 1917 г. командовал 5-й Донской казачьей дивизией. 17 февраля 1918 г. вместе с атаманом А.М. Назаровым и пятью другими казачьими начальниками был расстрелян в Краснокутской роще. На вечер 25 августа 1-я бригада 156-й пе-

7-й кавалерийский корпус[143]	6-я кавалерийская дивизия
	13-я кавалерийская дивизия
В армейском резерве	100-я пехотная дивизия[144]
	156-я пехотная дивизия[145]

хотной дивизии выступила в распоряжение генерал-майора К.Я. Усачёва (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 5. Л. 293), 2-я бригада оставалась в армейском резерве (Там же. Л. 298). На вечер 27 августа в состав Отряда генерала К.Я. Усачёва входили: 31-й Туркестанский стрелковый полк 8-й Туркестанской стрелковой дивизии, бригада 156-й пехотной дивизии; резерв отряда – 16-я кавалерийская дивизия и 5-я Донская казачья дивизия (Там же. Л. 302). На 2 сентября 16-я кавалерийская и 5-я Донская казачья дивизии состояла в резерве 1-го Туркестанского армейского корпуса (Там же. Д. 195. Ч. 1. Л. 14). На вечер 3 сентября 5-я Донская казачья дивизия перешла в армейский резерв (Там же. Л. 20). На 19 сентября Отряд генерала К.Я. Усачёва состоял из 78-го пехотного Навагинского полка (20-й пехотной дивизии), стрелковых полков 6-й и 13-й кавалерийских дивизий, находившихся на позиции, а в резерве имея 5-ю Донскую казачью дивизию (Там же. Ч. 2. Л. 67).

[143] Ранее корпус входил в 11-ю армию. На 10 августа корпус находился в 1-й армии (Там же. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 678. Л. 57). На вечер 19 августа корпус состоял в резерве главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 4. Л. 268).

[144] Согласно сводке от 13 сентября, 100-я пехотная дивизия находилась в составе 32-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 1. Л. 51).

[145] Ранее дивизия входила в состав 49-го армейского корпуса 11-й армии, затем состояла в резерве 11-й армии. На вечер 12 августа дивизия находилась в резерве 1-й армии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 4. Л. 237). На вечер 13 августа дивизия входила в состав 1-го Туркестанского армейского корпуса (Там же. Л. 241).

Боевое расписание 11-й армии

(1 марта – 9 апреля)

Номер корпуса	**Дивизии, входящие в состав корпуса**
6-й армейский корпус	4-я пехотная дивизия
	16-я пехотная дивизия
	155-я пехотная дивизия[146]
	6-я Финляндская стрелковая дивизия[147]
17-й армейский корпус	3-я пехотная дивизия[148]
	35-я пехотная дивизия
	2-я Финляндская стрелковая дивизия
	4-я Финляндская стрелковая дивизия
32-й армейский корпус	101-я пехотная дивизия
	105-я пехотная дивизия
	157-я пехотная дивизия[149]
5-й Сибирский армейский корпус	50-я пехотная дивизия
	6-я Сибирская стрелковая дивизия
	158-я пехотная дивизия
7-й кавалерийский корпус	20-я пехотная дивизия
	6-я кавалерийская дивизия
	13-я кавалерийская дивизия
В армейском резерве[150]	156-я пехотная дивизия
	1-я Забайкальская казачья дивизия

(10 апреля – 17 июня)

Номер корпуса	**Дивизии, входящие в состав корпуса**
1-й Гвардейский корпус[151]	1-я гвардейская пехотная дивизия

[146] На 1 марта дивизия в корпусном резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 191. Ч. 2. Л. 273).
[147] Вошла в состав корпуса 1 марта (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 191. Ч. 2. Л. 249), находясь на 1 марта в армейском резерве (Там же. Л. 273).
[148] На 1 марта три полка дивизии (кроме 12-го пехотного Великолуцкого полка) находилась в армейском резерве. 12-й пехотный Великолуцкий полк находился в корпусном резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 191. Ч. 2. Л. 273). На 1 апреля три полка дивизии продолжали оставаться в армейском резерве (Там же. Д. 192. Ч. 1. Л. 79).
[149] На 1 марта дивизия находилась в корпусном резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 191. Ч. 2. Л. 272).
[150] На 1 марта (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 191. Ч. 2. Л. 273); 1 апреля (Там же. Д. 192. Ч. 1. Л. 79).

	2-я гвардейская пехотная дивизия
2-й Гвардейский корпус[152]	3-я гвардейская пехотная дивизия
	Гвардейская стрелковая дивизия
5-й армейский корпус[153]	7-я пехотная дивизия[154]
	10-я пехотная дивизия[155]
	151-я пехотная дивизия[156]
6-й армейский корпус	4-я пехотная дивизия
	16-я пехотная дивизия
	155-я пехотная дивизия[157]
	2-я Финляндская стрелковая дивизия[158]
	6-я Финляндская стрелковая дивизия[159]
17-й армейский корпус	3-я пехотная дивизия
	35-я пехотная дивизия
	156-я пехотная дивизия[160]
	2-я Финляндская стрелковая дивизия[161]

[151] С 7 апреля корпус в составе 11-й армии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 68). На 14 июня корпус находился в армейском резерве (Там же. Д. 193. Ч. 2. Л. 327).
[152] С 7 апреля корпус в составе 11-й армии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 68). 9 июня корпус прибыл в 7-ю армию (Там же. Д. 193. Ч. 2. Л. 258).
[153] С 7 апреля корпус в составе 11-й армии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 68).
[154] 30 апреля 10-я пехотная дивизия сменила на позициях 7-ю пехотную дивизию (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 2. Л. 253). На 18 мая дивизия находилась в корпусном резерве (Там же. Д. 193. Ч. 1. Л. 60). На 14 июня три полка дивизии (кроме 28-го пехотного Полоцкого полка) находились в армейском резерве (Там же. Ч. 2. Л. 324-325).
[155] 30 апреля 10-я пехотная дивизия сменила на позициях 7-ю пехотную дивизию (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 2. Л. 253). На 14 июня дивизия с приданным ей 28-м пехотным Полоцким полком 7-й пехотной дивизии находилась на позициях (Там же. Д. 193. Ч. 2. Л. 324). На 17 июня дивизия с занимаемым участком и одним полком 7-й пехотной дивизии передана в 7-й кавалерийский корпус (Там же. Л. 345).
[156] На 20 мая части дивизии находились на позициях (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 1. Л. 79). 25 мая дивизия была выделена из состава корпуса (Там же. Л. 123). На 7 июня дивизия находилась в армейском резерве (Там же. Л. 238). 14 июня дивизия продолжала оставаться в армейском резерве (Там же. Ч. 2. Л. 326).
[157] На 3 мая три полка дивизии находились в армейском резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 2. Л. 303). На 14 июня три полка дивизии состояли в корпусном резерве, один полк дивизии стоял на позиции (Там же. Д. 193. Ч. 2. Л. 326).
[158] Ранее дивизия входила в 49-й армейский корпус. На 14 июня дивизия находилась в составе 6-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 326).
[159] Вошла в состав корпуса 1 марта (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 191. Ч. 2. Л. 249), находясь на 1 марта в армейском резерве (Там же. Л. 273). На 3 мая в составе корпуса находилась одна бригада 6-й Финляндской стрелковой дивизии (Там же. Д. 192. Ч. 2. Л. 303).
[160] На 14 апреля одна бригада дивизии в составе 17-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 125). На 3 мая вышла из состава армейского резерва и входила в 17-й армейский корпус (Там же. Ч. 2. Л. 303).
[161] На 15 апреля дивизия состояла в армейском резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 134).

	4-я Финляндская стрелковая дивизия[162]
25-й армейский корпус[163]	46-я пехотная дивизия
	3-я гренадерская дивизия
	6-я гренадерская дивизия[164]
32-й армейский корпус	20-я пехотная дивизия[165]
	101-я пехотная дивизия
	105-я пехотная дивизия[166]
	Бригада 156-й пехотной дивизии[167]
	157-я пехотная дивизия[168]
49-й армейский корпус[169]	2-я Финляндская стрелковая дивизия[170]
	4-я Финляндская стрелковая дивизия[171]
	6-я Финляндская стрелковая дивизия[172]
	82-я пехотная дивизия[173]
	Чешско-словацкая бригада[174]
5-й Сибирский армейский корпус	50-я пехотная дивизия

[162] На 15 апреля дивизия состояла в армейском резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 134).
[163] На 14 июня корпус находился в резерве главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 324). Началась отправка его частей в 11-ю армию.
[164] 14 июня три полка дивизии прибыли в 11-й армию (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 327).
[165] Дивизия передана в состав 32-го армейского корпуса из 7-го кавалерийского корпуса 25 апреля (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 2. Л. 218).
[166] 5 мая 627-й пехотный Шумский полк 157-й пехотной дивизии встал на позицию на фронте 105-й пехотной дивизии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 2. Л. 292).
[167] На 17 апреля данная бригада состояла в корпусном резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 151). В дальнейшем в состав корпуса она не входила.
[168] 5 мая 627-й пехотный Шумский полк 157-й пехотной дивизии встал на позицию на фронте 105-й пехотной дивизии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 2. Л. 292). На 18 мая одна бригада дивизии занимала позиции совместно со 101-й пехотной дивизией, а другая бригада-со 105-й пехотной дивизией (Там же. Д. 193. Ч. 1. Л. 60). На 14 июня три полка дивизии состояли в корпусном резерве, а один полк (625-й пехотный Пляшевский полк) находился на позициях совместно со 101-й пехотной дивизией (Там же. Ч. 2. Л. 325).
[169] Впервые упомянут в перечне корпусов 11-й армии 3 мая. В это время корпус находился в армейском резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 2. Л. 303). В состав корпуса на 3 мая входили 2-я, 4-я и 6-я Финляндские стрелковые дивизии.
[170] Ранее дивизия входила в 17-й армейский корпус, затем состояла в армейском резерве. На 3 мая дивизия включена в состав 49-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 2. Л. 303). На 14 июня дивизия находилась в составе 6-го армейского корпуса (Там же. Д. 193. Ч. 2. Л. 326).
[171] Ранее дивизия входила в 17-й армейский корпус, затем состояла в армейском резерве.
[172] На 3 мая в составе 6-го армейского корпуса оставалась одна бригада 6-й Финляндской стрелковой дивизии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 2. Л. 303).
[173] Ранее 82-я пехотная дивизия входила в состав 23-го армейского корпуса 8-й армии. На 8 июня заканчивалась отправка дивизии в 11-ю армию (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 257). На 14 июня дивизия вошла в 49-й армейский корпус, находясь в корпусном резерве (Там же. Л. 326).
[174] На 11 июня в составе корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 289).

	6-я Сибирская стрелковая дивизия
	22-я Сибирская стрелковая дивизия[175]
1-й Туркестанский армейский корпус[176]	1-я Туркестанская стрелковая дивизия[177]
	2-я Туркестанская стрелковая дивизия[178]
	8-я Туркестанская стрелковая дивизия[179]
	5-я Донская казачья дивизия[180]
7-й кавалерийский корпус	10-я пехотная дивизия[181]
	20-я пехотная дивизия[182]
	6-я кавалерийская дивизия
	13-я кавалерийская дивизия
	16-я кавалерийская дивизия[183]
В армейском резерве[184]	156-я пехотная дивизия[185]
	1-я Забайкальская казачья дивизия

[175] Это наименование дивизия, согласно документам, получила с 23 апреля (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 2. Л. 203). До этого она именовалась 158-я пехотная дивизия.

[176] 16 апреля корпус выбыл из Особой и «того же числа» вошёл в состав 11-й армии (Там же. Ф. 2290. Оп. 1. Д. 612. Л. 3; Ф. 2256. Оп. 1. Д. 183. Л. 350). На 3 мая корпус находился в резерве 11-й армии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 2. Л. 303). На 18 мая корпус продолжал находиться в армейском резерве (Там же. Д. 193. Ч. 1. Л. 60). 26 мая корпус встал на позиции (Там же. Л. 130). «С 24 часов 22 июля корпус вошёл в состав Особой армии» (Там же. Ф. 2290. Оп. 1. Д. 612. Л. 27). «Приказ 1-му Туркестанскому корпусу № 104. 8 августа. С 24 часов 8 августа 1917 года корпус вошёл в состав 1-й армии. Основание: телеграмма командующего 1-й армией от 8 августа 1917 года за № 06487» (Там же. Ф. 2290. Оп. 1. Д. 612. Л. 36).

[177] С 26 мая дивизия находилась на позиции (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 1. Л. 130).

[178] С 26 мая дивизия находилась на позиции (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 1. Л. 130).

[179] На 26 мая дивизия находилась в корпусном резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 1. Л. 130).

[180] Ранее дивизия входила в состав 46-го армейского корпуса Особой армии, затем состояла в резерве Особой армии. Дивизия вошла в состав корпуса 6 июня (Там же. Ф. 2290. Оп. 1. Д. 612. Л. 20). На 14 июня один полк 5-й Донской казачьей дивизии (27-й Донской казачий полк) был придан 8-й Туркестанской стрелковой дивизии; три полка (28-й, 29-й и 33-й Донские казачьи полки) находились в корпусном резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 324). Вышла из состава корпуса 9 июля на основании телеграммы начальника штаба 11-й армии от 9 июля № 4325 (Там же. Ф. 2290. Оп. 1. Д. 612. Л. 26). Вновь вошла в состав корпуса с 22 июля - «основание: телеграмма Командарм 11 от 22 июля 1917 года за № 182» (Там же. Л. 31). Затем вышла из состава корпуса «с 24 часов 15 августа сего года» (Там же. Л. 39).

[181] Ранее дивизия входила в состав 5-го армейского корпуса. На 17 июня дивизия с занимаемым участком и одним полком 7-й пехотной дивизии передана в 7-й кавалерийский корпус (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 345).

[182] С 25 апреля дивизия вошла в состав 32-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 2. Л. 218).

[183] 14 июня дивизия прибыла из Особой в 11-ю армию (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 327). 16 июня в состав 7-го кавалерийского корпуса вошли два полка этой дивизии (Там же. Л. 345).

[184] На 1 марта (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 191. Ч. 2. Л. 273); 1 апреля (Там же. Д. 192. Ч. 1. Л. 79).

[185] На 3 мая вышла из армейского резерва и входила в 17-й армейский корпус (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 2. Л. 303).

(18 июня – 11 июля)

Номер корпуса	**Дивизии, входящие в состав корпуса**
1-й Гвардейский корпус[186]	1-я гвардейская пехотная дивизия[187]
	2-я гвардейская пехотная дивизия
	151-я пехотная дивизия[188]
5-й армейский корпус[189]	7-я пехотная дивизия[190]
	10-я пехотная дивизия[191]
	16-я пехотная дивизия[192]
	Чешско-словацкая бригада[193]
	151-я пехотная дивизия[194]
6-й армейский корпус[195]	4-я пехотная дивизия[196]
	16-я пехотная дивизия[197]
	151-я пехотная дивизия[198]

[186] К вечеру 18 июня дивизии корпуса находились в армейском резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 351). На вечер 21 июня заканчивалась смена 49-го армейского корпуса частями 1-го Гвардейского корпуса (Там же. Л. 365).

[187] На вечер 7 июля Петровская бригада 1-й гвардейской пехотной дивизии входила в состав Отряда генерала В.З. Май-Маевского (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 25 а). На вечер 11 июля Петровская бригада 1-й гвардейской пехотной дивизии в составе 17-го армейского корпуса (Там же. Л. 57).

[188] Ранее дивизия входила в состав 6-го армейского корпуса. На вечер 26 июня дивизия вошла в состав 1-го Гвардейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 3. Л. 390). На вечер 1 июля дивизия находилась в резерве 5-го армейского корпуса (Там же. Д. 194. Ч. 1. Л. 5).

[189] На 20 июня корпус в армейском резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 357); оставался в армейском резерве и на вечер 22 июня (Там же. Л. 369). К вечеру 26 июня 5-й армейский корпус в составе 7-й и 10-й пехотных дивизий сменил части 49-го армейского корпуса (Там же. Ч. 3. Л. 390).

[190] К вечеру 18 июня дивизия была сменена частями 7-го кавалерийского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 351).

[191] К вечеру 18 июня одна бригада дивизии была сменена частями 7-го кавалерийского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 351). На вечер 21 июня части 10-й пехотной дивизии возвращены из 7-го кавалерийского корпуса в состав 5-го армейского корпуса (Там же. Л. 365).

[192] Ранее была включена в 49-й армейский корпус. На вечер 11 июля дивизия передана в распоряжение командира 5-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 57).

[193] Ранее бригада входила в 49-й армейский корпус. На вечер 11 июля бригада передана в распоряжение командира 5-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 57).

[194] К вечеру 18 июня дивизия находилась в армейском резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 351). На вечер 22 июня в составе 6-го армейского корпуса. Дивизия находилась на позиции (Там же. Л. 369). На вечер 26 июня дивизия вошла в состав 1-го Гвардейского корпуса (Там же. Ч. 3. Л. 390). На вечер 1 июля дивизия находилась в резерве 5-го армейского корпуса (Там же. Д. 194. Ч. 1. Л. 5). На вечер 11 июля дивизия входила в состав 17-го армейского корпуса (Там же. Л. 57).

[195] На 7 июля корпус передан в 7-ю армию (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 29).

[196] На вечер 7 июля три полка дивизии находились в армейском резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 25а).

[197] На вечер 7 июля дивизия входила в состав Отряда генерала В.З. Май-Маевского (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 25а).

	155-я пехотная дивизия[199]
	22-я Сибирская стрелковая дивизия[200]
	2-я Финляндская стрелковая дивизия
	Бригада 11-й кавалерийской дивизии[201]
17-й армейский корпус[202]	3-я пехотная дивизия[203]
	35-я пехотная дивизия[204]
	156-я пехотная дивизия[205]
	4-я Финляндская стрелковая дивизия[206]
	Отряд[207] генерала А.П. Богаевского[208]
	1-я Забайкальская казачья дивизия[209]
	Бригада 11-й кавалерийской дивизии[210]

[198] Ранее дивизия входила в состав 5-го армейского корпуса. На вечер 22 июня в составе 6-го армейского корпуса. Дивизия находилась на позиции (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 369). На вечер 26 июня дивизия вошла в состав 1-го Гвардейского корпуса (Там же. Ч. 3. Л. 390).

[199] На вечер 7 июля дивизия находилась в армейском резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 25а). На вечер 11 июля дивизия входила в состав 17-го армейского корпуса (Там же. Л. 57).

[200] Ранее дивизия входила в 5-й Сибирский армейский корпус. На вечер 30 июня дивизия вошла в состав 6-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 1). На вечер 5 июля дивизия (без одного полка, находящегося в корпусном резерве) встала на позиции (Там же. Л. 20).

[201] Ранее дивизия находилась в составе 5-го кавалерийского корпуса. На вечер 1 июля одна бригада дивизии со стрелковым полком находилась в составе 6-го армейского корпуса, другая бригада-в армейском резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 5). На вечер 6 июля бригада передана в распоряжение командующего 17-м армейским корпусом (Там же. Л. 24). К вечеру 7 июля в составе корпуса оставался только стрелковый полк этой дивизии (Там же. Л. 25а).

[202] В дальнейшем части 17-го и 49-го армейских корпусов входили в состав Отряда генерала В.З. Май-Маевского. Обновлённый состав 17-го армейского корпуса помещён ниже.

[203] На вечер 7 июля дивизия входила в состав Отряда генерала В.З. Май-Маевского (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 25 а).

[204] К вечеру 30 июня дивизия находилась в корпусном резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 1). На вечер 7 июля дивизия в составе Отряда генерала В.З. Май-Маевского (Там же. Л. 25 а).

[205] На вечер 7 июля дивизия входила в состав Отряда генерала В.З. Май-Маевского (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 25 а).

[206] Ранее дивизия находилась в составе 49-го армейского корпуса. На 21 июня дивизия вошла в состав 17-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 362). На 23 июня дивизия находилась в корпусном резерве (Там же. Ч. 3. Л. 375). На вечер 26 июня дивизия находилась в армейском резерве (Там же. Л. 390). На вечер 7 июля дивизия входила в состав Отряда генерала В.З. Май-Маевского (Там же. Д. 194. Ч. 1. Л. 25 а).

[207] На вечер 26 июня в отряд входили один полк 3-й пехотной дивизии 17-го армейского корпуса и стрелковый полк 1-й Забайкальской казачьей дивизии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 3. Л. 390).

[208] А.П. Богаевский (1872–1934) – генерал-майор (с марта 1915 г.). С 4 октября 1915 г. по апрель 1917 г. занимал должность начальника штаба походного атамана всех казачьих войск великого князя Бориса Владимировича. С 7 апреля по 19 августа 1917 г. находился на посту командующего 1-й Забайкальской казачьей дивизией. С 19 августа командующий 1-й гвардейской кавалерийской дивизией. С августа 1917 г. являлся заместителем начальника штаба 4-го кавалерийского корпуса. В декабре 1917 г. прибыл на Дон. Впоследствии стал активным участником белого движения.

[209] Ранее дивизия находилась в армейском резерве. К вечеру 6 июля дивизия передана в распоряжение командира 17-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 24).

	Состав корпуса на вечер 11 июля:
	151-я пехотная дивизия[211]
	155-я пехотная дивизия[212]
	Петровская бригада[213]
	11-я кавалерийская дивизия[214]
	1-я Забайкальская казачья дивизия[215]
25-й армейский корпус[216]	46-я пехотная дивизия[217]
	3-я гренадерская дивизия[218]
	6-я гренадерская дивизия[219]
32-й армейский корпус	20-я пехотная дивизия[220]
	101-я пехотная дивизия
	105-я пехотная дивизия
	157-я пехотная дивизия[221]
49-й армейский корпус[222]	4-я Финляндская стрелковая дивизия[223]

[210] Ранее входила в 6-й армейский корпус. На вечер 6 июля бригада передана в распоряжение командующего 17-м армейским корпусом (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 24).

[211] Ранее дивизия входила в состав 5-го армейского корпуса. На вечер 11 июля дивизия входила в состав 17-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 57).

[212] Ранее дивизия находилась в составе 6-го армейского корпуса, затем, в армейском резерве. На вечер 11 июля дивизия в составе 17-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 57).

[213] На вечер 11 июля Петровская бригада 1-й гвардейской пехотной дивизии входила в состав 17-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 57).

[214] На вечер 11 июля дивизия действовала в районе 17-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 57).

[215] На вечер 11 июля дивизия действовала в районе 17-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 57).

[216] В ночь на 7 июля 5-й Сибирский армейский корпус передал часть своего участка 25-му армейскому корпусу (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 28).

[217] К вечеру 9 июля дивизия находилась в резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 32).

[218] Судя по сведениям, имеющимся в документе, на вечер 6 июля дивизия действовала совместно с частями 5-го Сибирского армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 24).

[219] На 23 июня дивизия находилась в армейском резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 3. Л. 375). Судя по сведениям, имеющимся в документе, на вечер 6 июля дивизия действовала совместно с частями 5-го Сибирского армейского корпуса (Там же. Д. 194. Ч. 1. Л. 24).

[220] К вечеру 26 июня 157-я пехотная дивизия сменила три полка 20-й пехотной дивизии. 20-я пехотная дивизия после смены направлялась в 7-й кавалерийский корпус (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 3. Л. 390).

[221] К вечеру 26 июня 157-я пехотная дивизия сменила три полка 20-й пехотной дивизии. 20-я пехотная дивизия после смены направлялась в 7-й кавалерийский корпус (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 3. Л. 390).

[222] На вечер 21 июня заканчивалась смена 49-го армейского корпуса частями 1-го Гвардейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 365). К вечеру 26 июня 5-й армейский корпус в составе 7-й и 10-й пехотных дивизий сменил части 49-го армейского корпуса (Там же. Ч. 3. Л. 390). На вечер 1 июля корпус находился в армейском резерве (Там же. Д. 194. Ч. 1. Л. 5). В дальнейшем части 17-го и 49-го армейских корпусов входили в состав Отряда генерала В.З. Май-Маевского. Обновлённый состав 49-го армейского корпуса помещён ниже.

	6-я Финляндская стрелковая дивизия[224]
	82-я пехотная дивизия[225]
	Чешско-словацкая бригада[226]
5-й Сибирский армейский корпус[227]	50-я пехотная дивизия
	6-я Сибирская стрелковая дивизия
	22-я Сибирская стрелковая дивизия[228]
	6-я гренадерская дивизия[229]
1-й Туркестанский армейский корпус[230]	1-я Туркестанская стрелковая дивизия
	2-я Туркестанская стрелковая дивизия
	8-я Туркестанская стрелковая дивизия
	5-я Донская казачья дивизия[231]
	16-я кавалерийская дивизия[232]

[223] На 21 июня дивизия в составе 17-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 362).
[224] На вечер 22 июня дивизия в корпусном резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 369). На вечер 9 июля дивизия на позициях (Там же. Д. 194. Ч. 1. Л. 32).
[225] На вечер 22 июня дивизия на позициях (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 369). На вечер 7 июля дивизия входила в состав Отряда генерала В.З. Май-Маевского (Там же. Д. 194. Ч. 1. Л. 25 а).
[226] На 21 июня Чешско-словацкая бригада находилась в корпусном резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 362).
[227] В ночь на 7 июля 5-й Сибирский армейский корпус передал часть своего участка 25-му армейскому корпусу (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 28).
[228] На вечер 30 июня дивизия вошла в состав 6-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 1).
[229] К вечеру 24 июня 6-я гренадерская дивизия находилась в составе 5-го Сибирского армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 3. Л. 381). В дальнейшем дивизия действовала в составе 25-го армейского корпуса.
[230] 16 апреля корпус выбыл из Особой и «того же числа» вошёл в состав 11-й армии (Там же. Ф. 2290. Оп. 1. Д. 612. Л. 3; Ф. 2256. Оп. 1. Д. 183. Л. 350). На 3 мая корпус находился в резерве 11-й армии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 2. Л. 303). На 18 мая корпус продолжал находиться в армейском резерве (Там же. Д. 193. Ч. 1. Л. 60). 26 мая корпус встал на позиции (Там же. Л. 130). «С 24 часов 22 июля корпус вошёл в состав Особой армии» (Там же. Ф. 2290. Оп. 1. Д. 612. Л. 27). «Приказ 1-му Туркестанскому корпусу № 104. 8 августа. С 24 часов 8 августа 1917 года корпус вошёл в состав 1-й армии. Основание: телеграмма командующего 1-й армией от 8 августа 1917 года за № 06487» (Там же. Л. 36).
[231] Ранее дивизия входила в состав 46-го армейского корпуса Особой армии, затем состояла в резерве Особой армии. Дивизия вошла в состав корпуса 6 июня (Там же. Ф. 2290. Оп. 1. Д. 612. Л. 20). На 14 июня один полк 5-й Донской казачьей дивизии (27-й Донской казачий полк) был придан 8-й Туркестанской стрелковой дивизии; три полка (28-й, 29-й и 33-й Донские казачьи полки) находились в корпусном резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 324). Вышла из состава корпуса 9 июля на основании телеграммы начальника штаба 11-й армии от 9 июля № 4325 (Там же. Ф. 2290. Оп. 1. Д. 612. Л. 26). Вновь вошла в состав корпуса с 22 июля-«основание: телеграмма Командарм 11 от 22 июля 1917 года за № 182» (Там же. Л. 31). Затем вышла из состава корпуса «с 24 часов 15 августа сего года» (Там же. Л. 39).
[232] Ранее дивизия входила в состав 7-го кавалерийского корпуса. Дивизия вошла в состав корпуса 22 июля – «основание: телеграмма Командарм 11 от 22 июля 1917 года за № 182» (Там же. Ф. 2290. Оп. 1. Д. 612. Л. 31); вышла из состава корпуса с 24 часов 15 августа (Там же. Л. 39).

5-й кавалерийский корпус[233]	11-я кавалерийская дивизия[234]
	1-я Оренбургская казачья дивизия[235]
7-й кавалерийский корпус[236]	10-я пехотная дивизия[237]
	20-я пехотная дивизия[238]
	6-я кавалерийская дивизия
	13-я кавалерийская дивизия
	16-я кавалерийская дивизия[239]
Отряд[240] генерала В.З. Май-Маевского	Отряд генерала Ф.Ф. Новицкого[241] ***Части 49-го армейского корпуса***: - 4-я пехотная дивизия[242] - 16-я пехотная дивизия[243] - 35-я пехотная дивизия[244] - 156-я пехотная дивизия[245] - 82-я пехотная дивизия - 4-я Финляндская стрелковая дивизия - 6-я Финляндская стрелковая дивизия[246]

[233] На 14 июня корпус в резерве главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 329). Состав корпуса на вечер 22 июня (Там же. Л. 369). На 23 июня корпус находился в армейском резерве (Там же. Ч. 3. Л. 375).

[234] На вечер 1 июля одна бригада дивизии со стрелковым полком находилась в составе 6-го армейского корпуса, другая бригада – в армейском резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 5).

[235] 27 июня дивизия передавалась в 7-ю армию (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 3. Л. 394).

[236] К вечеру 18 июня 7-я и 10-я пехотные дивизии 5-го армейского корпуса были сменены частями 7-го кавалерийского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 351).

[237] На 20 июня в состав 7-го кавалерийского корпуса входила одна бригада 10-й пехотной дивизии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 357). На вечер 21 июня части 10-й пехотной дивизии возвращены из 7-го кавалерийского корпуса в состав 5-го армейского корпуса (Там же. Л. 365).

[238] К вечеру 26 июня 157-я пехотная дивизия 32-го армейского корпуса сменила три полка 20-й пехотной дивизии. 20-я пехотная дивизия после смены направлялась из 32-го армейского в 7-й кавалерийский корпус (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 3. Л. 390). На вечер 1 июля дивизия находилась в корпусном резерве (Там же. Д. 194. Ч. 1. Л. 5).

[239] Дивизия вошла в состав 1-го Туркестанского армейского корпуса 22 июля-«основание: телеграмма Командарм 11 от 22 июля 1917 года за № 182» (Там же. Ф. 2290. Оп. 1. Д. 612. Л. 31).

[240] На 7 июля отряд был составлен из частей 17-го и 49-го армейских корпусов (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 25 а).

[241] Ф.Ф. Новицкий (1870–1944) – генерал-майор (1914 г.). В апреле 1917 г. назначен командующим 82-й пехотной дивизией. В декабре 1917 г. был избран командиром 43-го армейского корпуса. Впоследствии продолжал службу в Красной Армии, генерал-лейтенант авиации (1943 г.).

[242] Ранее дивизия входила в состав 6-го армейского корпуса. На вечер 9 июля дивизия в составе корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 32).

[243] На вечер 9 июля дивизия в составе корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 32).

[244] Ранее дивизия входила в 17-й армейский корпус. На вечер 10 июля дивизия находилась в корпусном резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 54).

[245] Ранее дивизия входила в 17-й армейский корпус. На вечер 9 июля дивизия находилась в резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 32).

[246] На вечер 9 июля дивизия на позициях (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 32).

	Части 17-го армейского корпуса[247]: - 3-я пехотная дивизия - 16-я пехотная дивизия[248] - Петровская бригада[249]
В армейском резерве	1-я Забайкальская казачья дивизия[250]
	Польская стрелковая дивизия[251]

(12 июля – 9 августа)

Номер корпуса	**Дивизии, входящие в состав корпуса**
1-й Гвардейский корпус[252]	1-я гвардейская пехотная дивизия
	2-я гвардейская пехотная дивизия
5-й армейский корпус[253]	3-я пехотная дивизия[254]
	7-я пехотная дивизия[255]
	10-я пехотная дивизия
	16-я пехотная дивизия[256]

[247] Обновлённый состав 17-го армейского корпуса на вечер 11 июля помещён выше.
[248] Ранее дивизия входила в 6-й армейский корпус. На вечер 9 июля дивизия в составе корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 32).
[249] Бригада 1-й гвардейской пехотной дивизии 1-го Гвардейского корпуса, состоящая из Преображенского и Семёновского полков. На вечер 11 июля Петровская бригада входила в состав 17-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 57).
[250] К вечеру 18 июня дивизия оставалась в армейском резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 351); также и на вечер 1 июля (Там же. Д. 194. Ч. 1. Л. 5). К вечеру 6 июля дивизия передана в распоряжение командира 17-го армейского корпуса (Там же. Л. 24).
[251] Ранее дивизия состояла в резерве 7-й армии. К вечеру 18 июня дивизия находилась в резерве 11-й армии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 351). На вечер 22 июня три полка дивизии составляли резерв 41-го армейского корпуса 7-й армии (Там же. Л. 369).
[252] На вечер 13 июля 1-й Гвардейский корпус (без Петровской бригады) и 49-й армейский корпус составляли единую группу (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 67). На вечер 13 июля три полка гвардии в резерве группы, состоящей из 1-го Гвардейского и 49-го армейского корпусов (Там же. Л. 67). На вечер 28 июля корпус находился в армейском резерве (Там же. Ч. 3. Л. 176).
[253] Состав корпуса на вечер 12 июля (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 63). На 13 июля 5-й и 17-й армейские и 5-й кавалерийский корпуса составляли единую группу (Там же. Л. 67).
[254] На вечер 13 июля 3-я пехотная дивизия входила в состав 5-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 67). На вечер 15 июля три полка дивизии находились на позиции, занимая часть фронта 17-го армейского корпуса (Там же. Ч. 2. Л. 82). На вечер 19 июля 3-я пехотная дивизия, входя в состав 5-го армейского корпуса, сменила на позициях Петровскую бригаду 17-го армейского корпуса (Там же. Л. 106). Согласно данным на вечер 20 июля, 3-я пехотная дивизия действовала в составе 45-го армейского корпуса (Там же. Л. 121).
[255] 2 августа 151-я пехотная дивизия сменила на позиции 7-ю пехотную дивизию, отошедшую в корпусной резерв (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 3. Л. 202).

	151-я пехотная дивизия[257]
	155-я пехотная дивизия[258]
	Чешско-словацкая бригада[259]
6-й армейский корпус[260]	4-я пехотная дивизия
	16-я пехотная дивизия
17-й армейский корпус[261]	3-я пехотная дивизия[262]
	151-я пехотная дивизия[263]
	155-я пехотная дивизия
	Петровская бригада[264]
25-й армейский корпус	46-я пехотная дивизия[265]
	3-я гренадерская дивизия
	6-я гренадерская дивизия[266]
32-й армейский корпус[267]	20-я пехотная дивизия[268]

[256] На 13 июля дивизия находилась в резерве группы, состоящей из 5-го и 17-го армейских и 5-го кавалерийского корпусов (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 67). На вечер 28 июля 16-я пехотная дивизия входила в состав 6-го армейского корпуса (Там же. Ч. 3. Л. 176)

[257] На вечер 21 июля дивизия входила в состав корпуса и составляла корпусной резерв (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 2. Л. 132). К вечеру 25 июля дивизия находилась в корпусном резерве (Там же. Ч. 3. Л. 158). 2 августа 151-я пехотная дивизия сменила на позиции 7-ю пехотную дивизию, отошедшую в корпусной резерв (Там же. Л. 202).

[258] На вечер 25 июля дивизия в составе корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 3. Л. 158).

[259] На 13 июля бригада находилась в резерве группы, состоящей из 5-го и 17-го армейских и 5-го кавалерийского корпусов (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 67). На 30 июля бригада находилась в армейском резерве (Там же. Ч. 3. Л. 187).

[260] К вечеру 25 июля штаб 6-го армейского корпуса прибыл в 11-ю армию (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 3. Л. 158). На вечер 28 июля корпус состоял из 4-й и 16-й пехотных дивизий (Там же. Л. 176).

[261] Состав корпуса на вечер 12 июля (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 63). На 13 июля 5-й и 17-й армейские и 5-й кавалерийский корпуса составляли единую группу (Там же. Л. 67). На 30 июля 17-й армейский корпус в составе 3-й и 35-й пехотных дивизий находился в резерве главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта (Там же. Ч. 3. Л. 188).

[262] На вечер 15 июля три полка дивизии находились на позиции, занимая часть фронта 17-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 2. Л. 82). На вечер 25 июля 3-я пехотная дивизия находилась в составе 17-го армейского корпуса (Там же. Ч. 3. Л. 158).

[263] На вечер 14 июля дивизия находилась в резерве группы из 5-го, 17-го армейских и 5-го кавалерийского корпусов (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 73 об.).

[264] На вечер 14 июля бригада состояла в резерве группы из 5-го, 17-го армейских и 5-го кавалерийского корпусов (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 73 об.). На вечер 15 июля бригада находилась на позиции (Там же. Ч. 2. Л. 82). На вечер 19 июля 3-я пехотная дивизия, входя в состав 5-го армейского корпуса, сменила на позициях Петровскую бригаду 17-го армейского корпуса (Там же. Л. 106).

[265] На вечер 20 июля бригада 6-й Финляндской стрелковой дивизии 49-го армейского корпуса была сменена частями 46-й пехотной дивизии 25-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 2. Л. 121).

[266] На 30 июля дивизия находилась в резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 3. Л. 187).

[267] С 24 часов 8 августа корпус в составе 1-й армии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 3. Л. 225).

	101-я пехотная дивизия
	105-я пехотная дивизия
	157-я пехотная дивизия
	Бригада 50-й пехотной дивизии[269]
45-й армейский корпус[270]	3-я пехотная дивизия[271]
	112-я пехотная дивизия[272]
	122-я пехотная дивизия[273]
	126-я пехотная дивизия[274]
	194-я пехотная дивизия[275]
	1-я Забайкальская казачья дивизия[276]
	11-я кавалерийская дивизия[277]
	13-я кавалерийская дивизия[278]

[268] Ранее дивизия входила в 7-й кавалерийский корпус. На вечер 23 июля 20-я пехотная дивизия с занимаемым участком подчинена 32-му армейскому корпусу (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 2. Л. 145).

[269] На вечер 24 июля одна бригада 50-й пехотной дивизии 5-го Сибирского армейского корпуса была передана в резерв 32-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 2. Л. 152); на вечер 25 июля бригада сосредоточилась в корпусном резерве (Там же. Ч. 3. Л. 158). На 30 июля частей 50-й пехотной дивизии в составе корпуса не было (Там же. Л. 186-187).

[270] Ранее корпус входил в 7-ю армию. На вечер 13 июля корпус находился в составе 11-й армии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 67). На вечер 14 июля корпус в составе 126-й и 194-й пехотных дивизий находился в армейском резерве (Там же. Л. 73 об.).

[271] Ранее дивизия входила в 5-й армейский корпус. Согласно данным на вечер 20 июля, 3-я пехотная дивизия действовала в составе 45-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 2. Л. 121). К вечеру 21 июля 3-я пехотная дивизия была сменена на позициях частями 126-й пехотной дивизии (Там же. Л. 132). На вечер 25 июля 3-я пехотная дивизия находилась в составе 17-го армейского корпуса (Там же. Ч. 3. Л. 158).

[272] К вечеру 25 июля в состав 45-го армейского корпуса была включена 112-я пехотная дивизия (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 3. Л. 158). К вечеру 27 июля 112-я пехотная дивизия сменила на позиции части 122-й пехотной дивизии (Там же. Л. 172). На вечер 8 августа два полка дивизии прибыли в район 7-й армии (Там же. Л. 221).

[273] На вечер 14 июля дивизия, оставаясь в составе 45-го армейского корпуса, действовала на участке 5-го кавалерийского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 73 об.). К вечеру 27 июля 112-я пехотная дивизия сменила на позиции части 122-й пехотной дивизии (Там же. Ч. 3. Л. 172). На 30 июля 122-я пехотная дивизия передавалась в Особую армию (Там же. Л. 188).

[274] На 20 июля дивизия в резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 2. Л. 121). К вечеру 21 июля 3-я пехотная дивизия была сменена на позициях частями 126-й пехотной дивизии (Там же. Л. 132).

[275] На 20 июля дивизия в резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 2. Л. 121). На вечер 22 июля бригада дивизии встала на позиции (Там же. Л. 138).

[276] Ранее дивизия входила в состав 5-го кавалерийского корпуса. На 20 июля дивизия действовала на участке 45-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 2. Л. 121). На вечер 24 июля дивизия в составе 5-го кавалерийского корпуса (Там же. Л. 152).

[277] Ранее дивизия входила в состав 5-го кавалерийского корпуса. На 20 июля дивизия действовала на участке 45-го армейского корпуса; три полка дивизии в резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 2. Л. 121). На вечер 24 июля дивизия в составе 5-го кавалерийского корпуса (Там же. Л. 152).

[278] Ранее дивизия входила в состав 5-го кавалерийского корпуса. На 20 июля дивизия действовала на участке 45-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 2. Л. 121). На 30 июля дивизия находилась в армейском резерве (Там же. Ч. 3. Л. 187).

49-й армейский корпус[279]	4-я пехотная дивизия[280]
	35-я пехотная дивизия[281]
	82-я пехотная дивизия[282]
	156-я пехотная дивизия[283]
	4-я Финляндская стрелковая дивизия[284]
	6-я Финляндская стрелковая дивизия[285]
5-й Сибирский армейский корпус[286]	50-я пехотная дивизия[287]
	6-я Сибирская стрелковая дивизия
1-й Туркестанский армейский корпус[288]	1-я Туркестанская стрелковая дивизия
	2-я Туркестанская стрелковая дивизия
	8-я Туркестанская стрелковая дивизия
	5-я Донская казачья дивизия[289]
	16-я кавалерийская дивизия[290]

[279] Состав корпуса на вечер 12 июля (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 63). На вечер 13 июля 1-й Гвардейский корпус (без Петровской бригады) и 49-й армейский корпус составляли единую группу (Там же. Л. 67).

[280] На вечер 14 июля в составе корпуса находилась одна бригада этой дивизии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 73). К вечеру 25 июля 6-я Финляндская стрелковая дивизия сменила на позициях части 4-й и 82-й пехотных дивизий (Там же. Ч. 3. Л. 158). На вечер 28 июля 4-я пехотная дивизия входила в состав 6-го армейского корпуса (Там же. Л. 176)

[281] К вечеру 26 июля 4-я Финляндская стрелковая дивизия сменила на позиции 35-ю пехотную дивизию (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 3. Л. 163).

[282] К вечеру 25 июля 6-я Финляндская стрелковая дивизия сменила на позициях части 4-й и 82-й пехотных дивизий (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 3. Л. 158). На 30 июля дивизия находилась в резерве (Там же. Л. 187).

[283] На вечер 13 июля дивизия в резерве группы, состоящей из 1-го Гвардейского и 49-го армейского корпусов (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 67). На вечер 28 июля дивизия состояла в армейском резерве (Там же. Ч. 3. Л. 176). С 24 часов 8 августа дивизия передана в 1-ю армию (Там же. Л. 225).

[284] К вечеру 26 июля 4-я Финляндская стрелковая дивизия сменила на позиции 35-ю пехотную дивизию (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 3. Л. 163).

[285] На вечер 13 июля бригада этой дивизии в резерве группы, состоящей из 1-го Гвардейского и 49-го армейского корпусов (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 67). На вечер 20 июля бригада 6-й Финляндской стрелковой дивизии 49-го армейского корпуса была сменена частями 46-й пехотной дивизии 25-го армейского корпуса (Там же. Ч. 2. Л. 121). На вечер 24 июля 6-я Финляндская стрелковая дивизия состояла в резерве (Там же. Л. 152). К вечеру 25 июля 6-я Финляндская стрелковая дивизия сменила на позициях части 4-й и 82-й пехотных дивизий (Там же. Ч. 3. Л. 158).

[286] С 24 часов 8 августа корпус перешёл в 1-ю армию (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 3. Л. 225).

[287] На вечер 24 июля одна бригада 50-й пехотной дивизии 5-го Сибирского армейского корпуса была передана в резерв 32-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 2. Л. 152).

[288] «С 24 часов 22 июля корпус вошёл в состав Особой армии» (Там же. Ф. 2290. Оп. 1. Д. 612. Л. 27).

[289] Дивизия вновь вошла в состав корпуса с 22 июля-«основание: телеграмма Командарм 11 от 22 июля 1917 года за № 182» (Там же. Ф. 2290. Оп. 1. Д. 612. Л. 31). Затем вышла из состава корпуса «с 24 часов 15 августа сего года» (Там же. Л. 39).

[290] Дивизия вошла в состав корпуса 22 июля-«основание: телеграмма Командарм 11 от 22 июля 1917 года за № 182» (Там же. Ф. 2290. Оп. 1. Д. 612. Л. 31); вышла из состава корпуса с 24 часов 15 августа (Там же. Л. 39).

Гвардейский кавалерийский корпус[291]	2-я гвардейская кавалерийская дивизия[292]
	3-я гвардейская кавалерийская дивизия
3-й кавалерийский корпус[293]	10-я кавалерийская дивизия[294]
	13-я кавалерийская дивизия[295]
	1-я Донская казачья дивизия
	Уссурийская конная дивизия
5-й кавалерийский корпус[296]	122-я пехотная дивизия[297]
	1-я Забайкальская казачья дивизия[298]
	11-я кавалерийская дивизия[299]
	13-я кавалерийская дивизия[300]
7-й кавалерийский корпус[301]	20-я пехотная дивизия[302]

[291] На вечер 3 августа участок Гвардейского кавалерийского корпуса был передан 4-му кавалерийскому корпусу; штаб Гвардейского кавалерийского корпуса перешёл в Кременец (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 3. Л. 208). На вечер 7 июля корпус в составе 11-й армии (Там же. Л. 218).

[292] 30 июля дивизия находилась в резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 3. Л. 186). На вечер 30 июля дивизия выступила в район 11-й армии (Там же. Л. 184).

[293] На вечер 16 июля корпус сосредоточивался в районе 11-й армии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 2. Л. 84). Состав корпуса дан на вечер 21 июля (Там же. Л. 132). На 30 июля корпус состоял в армейском резерве (Там же. Ч. 3. Л. 187). На вечер 9 августа корпус в составе 1-й Донской казачьей и Уссурийской конной дивизий находился в резерве главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта (Там же. Л. 225).

[294] На вечер 6 августа дивизия в полном составе находилась в 7-й армии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 3. Л. 210).

[295] Ранее дивизия входила в состав 5-го кавалерийского корпуса. На вечер 21 июля дивизия входила в 3-й кавалерийский корпус (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 2. Л. 132). На 30 июля дивизия находилась в армейском резерве (Там же. Ч. 3. Л. 187).

[296] Состав корпуса на вечер 12 июля (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 63). На 13 июля 5-й и 17-й армейские и 5-й кавалерийский корпуса составляли единую группу (Там же. Л. 67). На 20 июля дивизии корпуса действовали на участке 45-го армейского корпуса (Там же. Ч. 2. Л. 121). На вечер 24 июля дивизии в составе 5-го кавалерийского корпуса (Там же. Л. 152). На 30 июля корпус находился в армейском резерве (Там же. Ч. 3. Л. 187).

[297] На вечер 14 июля дивизия, оставаясь в составе 45-го армейского корпуса, действовала на участке 5-го кавалерийского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 73 об.).

[298] Ранее дивизия действовала в районе 17-го армейского корпуса. На 12 июля дивизия входила в состав 5-го кавалерийского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 63).

[299] Ранее дивизия действовала в районе 17-го армейского корпуса. На 12 июля дивизия входила в состав 5-го кавалерийского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 63). На вечер 14 июля стрелковый полк 11-й кавалерийской дивизии 5-го кавалерийского корпуса 11-й армии находился в резерве 6-го армейского корпуса 7-й армии (Там же. Л. 73 об.).

[300] Ранее дивизия входила в 7-й кавалерийский корпус. На 13 июля дивизия находилась в составе 5-го кавалерийского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 67). На вечер 21 июля дивизия входила в 3-й кавалерийский корпус (Там же. Ч. 2. Л. 132). На 30 июля дивизия находилась в армейском резерве (Там же. Ч. 3. Л. 187).

[301] На вечер 23 июля 7-й кавалерийский корпус передан в состав Особой армии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 2. Л. 145). На 31 июля корпус, в составе 6-й и 13-й кавалерийских дивизий, находился в резерве главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта (Там же. Ч. 3. Л. 190). На 10 августа корпус находился в 1-й армии (Там же. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 678. Л. 57).

	6-я кавалерийская дивизия
	13-я кавалерийская дивизия
В армейском резерве	81-я пехотная дивизия[303]
	100-я пехотная дивизия[304]

(10 августа – 22 сентября)

Номер корпуса	**Дивизии, входящие в состав корпуса**
1-й Гвардейский корпус[305]	1-я гвардейская пехотная дивизия
	2-я гвардейская пехотная дивизия
5-й армейский корпус	7-я пехотная дивизия[306]
	10-я пехотная дивизия[307]
	151-я пехотная дивизия[308]
	155-я пехотная дивизия[309]
6-й армейский корпус	4-я пехотная дивизия[310]
	16-я пехотная дивизия
	155-я пехотная дивизия[311]
17-й армейский корпус[312]	3-я пехотная дивизия

[302] На вечер 23 июля 20-я пехотная дивизия с занимаемым участком подчинена 32-му армейскому корпусу (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 2. Л. 145).
[303] На 30 июля дивизия, находясь в резерве главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта, прибывала в район г. Кременец (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 3. Л. 188); к вечеру 31 июля в 11-ю армию прибыло три полка 81-й пехотной дивизии (Там же. Л. 190); к вечеру 2 августа 81-я пехотная дивизия в полном составе находилась в районе 11-й армии (Там же. Л. 202). На вечер 9 августа дивизия находилась в резерве главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта (Там же. Л. 225). К вечеру 4 сентября завершилась отправка дивизии на Северный фронт (Там же. Д. 195. Ч. 1. Л. 22).
[304] На 30 июля дивизия находилась в резерве 11-й армии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 3. Л. 187). С 24 часов 8 августа дивизия передана в 1-ю армию (Там же. Л. 225).
[305] На вечер 11 августа корпус в армейском резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 4. Л. 234).
[306] В середине августа одна бригада 151-й пехотной дивизии, подлежавшей расформированию, должна была войти в состав в 7-й пехотной дивизии.
[307] В середине августа одна бригада 151-й пехотной дивизии, подлежавшей расформированию, должна была войти в состав в 10-й пехотной дивизии. В соответствии со сводкой от 31 августа одна бригада дивизии состояла в армейском резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 5. Л. 311). Ко 2 сентября дивизия находилась на позиции (Там же. Д. 195. Ч. 1. Л. 15).
[308] В середине августа 151-я пехотная дивизия была назначена к расформированию; её полки распределялись побригадно в 7-ю и 10-ю пехотные дивизии.
[309] На вечер 26 августа дивизия прибыла в район 6-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 5. Л. 298).
[310] На 12 октября 617-й пехотный Зборовский полк расформированной 155-й пехотной дивизии входил в состав 4-й пехотной дивизии (Там же. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 985. Л. 385-392).
[311] Ранее дивизия входила в состав 5-го армейского корпуса. На вечер 26 августа дивизия прибыла в район 6-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 5. Л. 298). Впоследствии дивизия была расформирована.

	35-я пехотная дивизия
	194-я пехотная дивизия[313]
25-й армейский корпус	46-я пехотная дивизия[314]
	82-я пехотная дивизия[315]
	3-я гренадерская дивизия[316]
	6-я гренадерская дивизия[317]
45-й армейский корпус[318]	126-я пехотная дивизия[319]
	194-я пехотная дивизия[320]
49-й армейский корпус[321]	82-я пехотная дивизия[322]

[312] Ко 2 сентября корпус продолжал оставаться в резерве главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 1. Л. 15).

[313] На вечер 26 августа 194-я пехотная дивизия 45-го армейского корпуса выступила в район 17-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 5. Л. 298). На вечер 28 августа дивизия, прибывшая в район 17-го армейского корпуса, подлежала расформированию (Там же. Л. 303). Согласно сводке от 13 сентября, 194-я пехотная дивизия оставалась в резерве главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта (Там же. Д. 195. Ч. 1. Л. 53). На 19 сентября дивизия находилась в армейском резерве (Там же. Ч. 2. Л. 68).

[314] На вечер 26 августа дивизия состояла в корпусном резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 5. Л. 298). На вечер 27 августа части 46-й пехотной дивизии сменили части 82-й пехотной дивизии, отошедшей затем в армейский резерв (Там же. Л. 302).

[315] Ранее дивизия входила в 49-й армейский корпус. На вечер 11 августа 82-я пехотная дивизия находилась в составе 25-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 4. Л. 234). На вечер 27 августа части 46-й пехотной дивизии сменили части 82-й пехотной дивизии, отошедшей затем в армейский резерв (Там же. Ч. 5. Л. 302). На вечер 28 августа одна бригада 82-й пехотной дивизии находилась на позиции в составе 49-го армейского корпуса, другая бригада оставалась в армейском резерве (Там же. Л. 303).

[316] На вечер 21 августа 6-я гренадерская дивизия сменила на позиции части 3-й гренадерской дивизии, отошедшей по смене в корпусной резерв (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 4. Л. 279). На вечер 26 августа дивизия находилась на позиции (Там же. Ч. 5. Л. 298).

[317] На вечер 11 августа дивизия находилась в армейском резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 4. Л. 234). На вечер 21 августа 6-я гренадерская дивизия сменила на позиции части 3-й гренадерской дивизии, отошедшей по смене в корпусной резерв (Там же. Л. 279).

[318] Ко 2 сентября корпус в составе армии не значился (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 1. Л. 15).

[319] К вечеру 10 августа части 126-й пехотной дивизии 45-го армейского корпуса сменили на позиции спешенные части 5-го кавалерийского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 4. Л. 230). К вечеру 24 августа 11-я кавалерийская дивизия 5-го кавалерийского корпуса сменила на позиции 126-ю пехотную дивизию 45-го армейского корпуса (Там же. Л. 289). На вечер 26 августа дивизия находилась в армейском резерве (Там же. Ч. 5. Л. 298).

[320] На вечер 26 августа 194-я пехотная дивизия 45-го армейского корпуса выступила в район 17-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 5. Л. 298). На вечер 28 августа дивизия, прибывшая в район 17-го армейского корпуса, подлежала расформированию (Там же. Л. 303).

[321] К 19 сентября 49-й армейский корпус в составе 82-й пехотной дивизии и двух бригад 4-й Финляндской стрелковой дивизии находился в резерве главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 2. Л. 68).

[322] На вечер 11 августа 82-я пехотная дивизия находилась в составе 25-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 4. Л. 234). На вечер 28 августа одна бригада 82-й пехотной дивизии находилась на позиции в составе 49-го армейского корпуса, другая бригада оставалась в армейском резерве (Там же. Ч. 5. Л. 303).

	4-я Финляндская стрелковая дивизия
	6-я Финляндская стрелковая дивизия
Гвардейский кавалерийский корпус[323]	2-я гвардейская кавалерийская дивизия[324]
	3-я гвардейская кавалерийская дивизия[325]
5-й кавалерийский корпус[326]	1-я Забайкальская казачья дивизия
	11-я кавалерийская дивизия[327]
В резерве	Чешско-Словацкая бригада[328]

(23 сентября – 13 декабря)

Номер корпуса	**Дивизии, входящие в состав корпуса**
5-й армейский корпус	7-я пехотная дивизия
	10-я пехотная дивизия
6-й армейский корпус	4-я пехотная дивизия[329]
	5-я Украинская дивизия[330]
	16-я пехотная дивизия
25-й армейский корпус	46-я пехотная дивизия
	3-я гренадерская дивизия
32-й армейский корпус[331]	20-я пехотная дивизия
	100-я пехотная дивизия
	101-я пехотная дивизия[332]
	105-я пехотная дивизия[333]

[323] На вечер 11 августа корпус в армейском резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 4. Л. 234).
[324] В соответствии со сводкой от 31 августа дивизия состояла в армейском резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 5. Л. 311–312).
[325] В соответствии со сводкой от 31 августа дивизия состояла в армейском резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 5. Л. 311–312).
[326] К вечеру 10 августа части 126-й пехотной дивизии 45-го армейского корпуса сменили на позиции спешенные части 5-го кавалерийского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 4. Л. 230). В соответствии со сводкой от 31 августа корпус состоял в армейском резерве (Там же. Ч. 5. Л. 311).
[327] К вечеру 24 августа 11-я кавалерийская дивизия 5-го кавалерийского корпуса сменила на позиции 126-ю пехотную дивизию 45-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 4. Л. 289).
[328] В соответствии со сводкой от 31 августа бригада состояла в резерве главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 5. Л. 312).
[329] Согласно сводке от 13 декабря, четыре полка дивизии находились в армейском резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 5. Л. 273).
[330] Согласно сводке от 13 декабря, дивизия находилась на позиции (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 5. Л. 273). В данной сводке дивизия впервые упоминалась в составе 6-го армейского корпуса.
[331] После возвращения 1-й армии на Северный фронт корпус был включён в состав 11-й армии.
[332] На 21 ноября дивизия находилась в армейском резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 4. Л. 229). Согласно сводке от 13 декабря, дивизия оставалась в армейском резерве (Там же. Ч. 5. Л. 273).

49-й армейский корпус[334]	82-я пехотная дивизия[335]
	4-я Финляндская стрелковая дивизия
5-й Сибирский армейский корпус[336]	50-я пехотная дивизия[337]
	6-я Сибирская стрелковая дивизия[338]
Гвардейский кавалерийский корпус[339]	1-я гвардейская кавалерийская дивизия[340]
	2-я гвардейская кавалерийская дивизия[341]
	3-я гвардейская кавалерийская дивизия[342]
5-й кавалерийский корпус[343]	11-я кавалерийская дивизия[344]

[333] На 26 сентября дивизия продолжала оставаться в армейском резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 2. Л. 111); так же на 31 октября (Там же. Ч. 3. Л. 193). На 21 ноября дивизия находилась на позиции (Там же. Ч. 4. Л. 228).

[334] На 26 сентября корпус находился в резерве главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 2. Л. 100). На 10 октября корпус перевозился на Северный фронт (Там же. Ч. 3. Л. 144).

[335] На 17 октября дивизия состояла в резерве главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 3. Л. 159). На 24 октября в резерве главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта находилась одна бригада 82-й пехотной дивизии, предназначенная к погрузке (Там же. Л. 178).

[336] После возвращения 1-й армии на Северный фронт корпус был включён в состав 11-й армии. На 17 октября стрелковые полки Гвардейского кавалерийского корпуса состояли в корпусном резерве 5-го Сибирского армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 3. Л. 159).

[337] На 31 октября совместно с дивизией действовало два стрелковых полка Гвардейского кавалерийского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 3. Л. 193). На 21 ноября дивизия находилась на позиции совместно с тремя стрелковыми полками Гвардейского кавалерийского корпуса (Там же. Ч. 4. Л. 229). Согласно сводке от 13 декабря, дивизия находилась на позиции совместно с двумя стрелковыми полками Гвардейского кавалерийского корпуса (Там же. Ч. 5. Л. 273).

[338] На 31 октября совместно с дивизией действовал один стрелковый полк Гвардейского кавалерийского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 3. Л. 193).

[339] К 10 октября все части корпуса, кроме трёх полков, расположенных к югу от Изяславля, были разбросаны для охраны тыла по всему району армии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 3. Л. 144). На 17 октября стрелковые полки Гвардейского кавалерийского корпуса состояли в корпусном резерве 5-го Сибирского армейского корпуса (Там же. Л. 159). На 24 октября корпус находился в армейском резерве (Там же. Л. 178). Согласно сводке от 13 декабря, части корпуса находились на охране тыла армии (Там же. Ч. 5. Л. 273).

[340] В период нахождения корпуса в составе 11-й армии 1-я гвардейская кавалерийская дивизия в составе корпуса до 24 октября в сводках штаба фронта не упоминалась. На 24 октября 1-я и 3-я гвардейские кавалерийские дивизии были разбросаны по всему тылу армии для охраны (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 3. Л. 178).

[341] На 26 сентября вторая бригада 2-й гвардейской кавалерийской дивизии Гвардейского кавалерийского корпуса находилась в 1-м Гвардейском корпусе 7-й армии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 2. Л. 100).

[342] На 24 октября 1-я и 3-я гвардейские кавалерийские дивизии были разбросаны по всему тылу армии для охраны (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 3. Л. 178).

[343] На 26 сентября корпус состоял в армейском резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 2. Л. 111). К 10 октября все части корпуса, кроме двух полков, расположенных в районе Проскурова, находились на охране тыла (Там же. Ч. 3. Л. 144). На 24 октября части корпуса были разбросаны по тылу армии для охраны (Там же. Л. 178). На 31 октября штаб корпуса выбыл в 7-ю армию (Там же. Л. 193).

[344] На 26 сентября 1-я бригада дивизии усмиряла беспорядки в 7-й армии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 2. Л. 111); также и на 3 октября (Там же. Л. 127). На 31 октября дивизия выбыла в 7-ю армию (Там же. Ч. 3. Л. 193).

	1-я Забайкальская казачья дивизия[345]
В резерве	104-я пехотная дивизия[346]
	126-я пехотная дивизия[347]
	1-я Чехо-Словацкая стрелковая дивизия[348]
	1-й Славянский ударный полк[349]

[345] На 31 октября дивизия была разбросана по тылу армии для охраны (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 3. Л. 193). На 21 ноября дивизия состояла в армейском резерве (Там же. Ч. 4. Л. 229). На 29 ноября дивизия заканчивала сосредоточение в районе Новоселица для выступления в новый район (Там же. Л. 242).

[346] Ранее дивизия входила в 34-й армейский корпус 7-й армии. На 21 ноября один полк дивизии находился в Киеве, два полка прибыли в 11-ю армию и один полк двигался в 11-ю армию (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 4. Л. 229, 230).

[347] На 26 сентября два полка 126-й пехотной дивизии прибыли в Особую армию (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 2. Л. 99).

[348] 1 августа начальником штаба Юго-Западного фронта Н.Н. Духониным было дано указание, не дожидаясь приказа, развернуть Чешско-Словацкую бригаду в 1-ю Чехо-Словацкую стрелковую дивизию, начав формирование для неё 4-го Чехо-Словацкого стрелкового полка. Эти указания были окончательно утверждены приказом Верховного главнокомандующего Л.Г. Корнилова от 9 августа. Штаб новой дивизии был сформирован 24 августа. На 26 сентября Чехо-Словацкая бригада, исходя из материала сводки, была развёрнута в дивизию и состояла в резерве главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 2. Л. 100, 112). На 21 ноября дивизия находилась в армейском резерве (Там же. Ч. 4. Л. 229). Согласно сводке от 13 декабря, дивизия находилась в резерве главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта (Там же. Ч. 5. Л. 273).

[349] На 24 октября полк состоял в резерве главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 3. Л. 178). На 21 ноября 1-й Славянский ударный полк находился в армейском резерве (Там же. Ч. 4. Л. 229).

Боевое расписание 7-й армии

(1 марта – 17 июня)

Номер корпуса	**Дивизии, входящие в состав корпуса**
12-й армейский корпус	19-я пехотная дивизия[350]
	117-я пехотная дивизия
	164-я пехотная дивизия[351]
16-й армейский корпус[352]	41-я пехотная дивизия
	47-я пехотная дивизия
	160-я пехотная дивизия
22-й армейский корпус[353]	159-я пехотная дивизия[354]
	1-я Финляндская стрелковая дивизия[355]
	3-я Финляндская стрелковая дивизия[356]
	5-я Финляндская стрелковая дивизия[357]
33-й армейский корпус	1-я Заамурская пограничная пехотная дивизия
	2-я Заамурская пограничная пехотная дивизия
	4-я Заамурская пограничная пехотная дивизия[358]
41-й армейский корпус	74-я пехотная дивизия
	108-я пехотная дивизия
	113-я пехотная дивизия[359]
	3-я Заамурская пограничная пехотная дивизия[360]

[350] Дивизия была сменена на передовых позициях 164-й пехотной дивизией 27 марта (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 16).

[351] На 1 марта дивизия находилась в корпусном резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 191. Ч. 2. Л. 274). 27 марта дивизия сменила на позициях 19-ю пехотную дивизию (Там же. Д. 192. Ч. 1. Л. 16).

[352] Состав корпуса по материалам РГВИА. Ф. 2210. Оп. 1. Д. 332.

[353] На 1 апреля 22-й армейский корпус в составе 1-й, 3-й и 5-й Финляндских стрелковых дивизий находился в резерве главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 80).

[354] На 1 марта дивизия находилась в армейском резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 191. Ч. 2. Л. 274). На 1 апреля дивизия в армейском резерве (Там же. Д. 192. Ч. 1. Л. 79).

[355] 11 марта дивизия готовилась сдать занимаемый ею участок передовой позиции 52-й пехотной дивизии 3-го Кавказского армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 191. Ч. 2. Л. 347).

[356] 10 марта дивизия была сменена на передовой позиции 21-й пехотной дивизией 3-го Кавказского армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 191. Ч. 2. Л. 346).

[357] На 1 марта дивизия находилась в корпусном резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 191. Ч. 2. Л. 274).

[358] На 1 марта дивизия находилась в корпусном резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 191. Ч. 2. Л. 274).

[359] 14 марта 113-я пехотная дивизия была сменена на передовых позициях 5-й Заамурской пограничной пехотной дивизией (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 191. Ч. 3. Л. 373).

	5-я Заамурская пограничная пехотная дивизия[361]
3-й Кавказский армейский корпус[362]	21-я пехотная дивизия[363]
	52-я пехотная дивизия[364]
	162-я пехотная дивизия[365]
7-й Сибирский армейский корпус[366]	23-я пехотная дивизия
	12-я Сибирская стрелковая дивизия[367]
	13-я Сибирская стрелковая дивизия
	19-я Сибирская стрелковая дивизия[368]
2-й кавалерийский корпус[369]	163-й пехотный Ленкорано-Нашебургский полк 41-й пехотной дивизии
	9-я кавалерийская дивизия
	Сводная кавалерийская дивизия

Номер корпуса	**Дивизии, входящие в состав корпуса**
2-й Гвардейский корпус[370]	3-я гвардейская пехотная дивизия[371]
	Гвардейская стрелковая дивизия[372]
12-й армейский корпус[373]	19-я пехотная дивизия[374]

[360] На 1 марта дивизия находилась в корпусном резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 191. Ч. 2. Л. 273).
[361] 14 марта 5-я Заамурская пограничная пехотная дивизия сменила 113-ю пехотную дивизию на передовых позициях (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 191. Ч. 3. Л. 373).
[362] На 1 марта корпус находился в резерве главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 191. Ч. 2. Л. 274). К 13 марта корпус закончил смену частей 22-го армейского корпуса (Там же. Ч. 3. Л. 364). Состав на 1 марта (Там же. Ч. 2. Л. 274); на 11 и 12 марта состав тот же (Там же. Д. 288. Ч. 1. Л. 51, 55); на 1 апреля состав тот же (Там же. Д. 192. Ч. 1. Л. 79).
[363] 10 марта дивизия сменила на передовой позиции 3-ю Финляндскую стрелковую дивизию 22-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 191. Ч. 2. Л. 346). 9 апреля дивизия была сменена 162-й пехотной дивизией (Там же. Д. 192. Ч. 1. Л. 79).
[364] 11 марта дивизия готовилась к смене 1-й Финляндской стрелковой дивизии 22-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 191. Ч. 2. Л. 347).
[365] 9 апреля 162-я пехотная дивизия сменила на позициях 21-ю пехотную дивизию (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 79).
[366] Состав корпуса на 1 марта (Там же. Ф. 2210. Оп. 1. Д. 332). Состав на 5 апреля тот же (Там же. Ф. 2202. Оп. 1. Д. 87. Л. 263, 265, 267, 268).
[367] В ночь с 27 на 28 марта дивизия была сменена на передовых позициях 19-й Сибирской стрелковой дивизией (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 24) и перешла в корпусной резерв (Там же. Л. 30).
[368] На 1 марта дивизия находилась в корпусном резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 191. Ч. 2. Л. 273–274). В ночь с 27 на 28 марта дивизия сменила на передовых позициях 12-ю Сибирскую стрелковую дивизию (Там же. Д. 192. Ч. 1. Л. 24).
[369] Состав корпуса на 21 апреля (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 288. Ч. 4. Л. 265).
[370] Ранее корпус находился в составе 11-й армии. 9 июня корпус прибыл в 7-ю армию (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 258).
[371] На 14 июня дивизия находилась в резерве главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 329).
[372] На 14 июня дивизия числилась в армейском резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 329).

	117-я пехотная дивизия[375]
	164-я пехотная дивизия[376]
16-й армейский корпус[377]	41-я пехотная дивизия
	47-я пехотная дивизия
	160-я пехотная дивизия
22-й армейский корпус[378]	159-я пехотная дивизия[379]
	1-я Финляндская стрелковая дивизия[380]
	3-я Финляндская стрелковая дивизия[381]
	5-я Финляндская стрелковая дивизия[382]
33-й армейский корпус	1-я Заамурская пограничная пехотная дивизия[383]
	2-я Заамурская пограничная пехотная дивизия
	4-я Заамурская пограничная пехотная дивизия[384]
34-й армейский корпус[385]	19-я Сибирская стрелковая дивизия[386]
	23-я пехотная дивизия[387]

[373] С 24 часов 4 июня корпус находился в составе 8-й армии (Там же. Ф. 3010. Оп. 1. Д. 77. Л. 110).
[374] 28–29 апреля происходила смена 164-й пехотной дивизии частями 19-й пехотной дивизии. 164-я пехотная дивизия поступила в корпусной резерв (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 2. Л. 238, 241).
[375] 7 мая 117-я пехотная дивизия была сменена на позиции 164-й пехотной дивизией (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 2. Л. 310). На 18 мая 117-я пехотная дивизия находилась в корпусном резерве (Там же. Д. 193. Ч. 1. Л. 61).
[376] 28–29 апреля происходила смена 164-й пехотной дивизии частями 19-й пехотной дивизии. 164-я пехотная дивизия поступила в корпусной резерв (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 2. Л. 238, 241). 7 мая 117-я пехотная дивизия была сменена на позиции 164-й пехотной дивизией (Там же. Л. 310).
[377] Состав корпуса по материалам РГВИА. Ф. 2210. Оп. 1. Д. 332.
[378] 14–15 апреля была закончена смена частей 7-го Сибирского армейского корпуса 22-м армейским корпусом. На позиции встали 159-я пехотная, 1-я и 3-я Финляндские стрелковые дивизии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 125, 134). 5-я Финляндская стрелковая дивизия состояла в корпусном резерве (Там же. Л. 134).
[379] 19 мая 159-я пехотная дивизия была сменена на позиции 5-й Финляндской стрелковой дивизией (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 1. Л. 63). На 14 июня дивизия находилась в корпусном резерве (Там же. Ч. 2. Л. 328).
[380] 26 мая 52-я пехотная дивизия 3-го Кавказского армейского корпуса сменила на позициях части 1-й и 3-й Финляндских стрелковых дивизий 22-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 1. Л. 130).
[381] В ночь с 9 на 10 апреля 3-я Финляндская стрелковая дивизия 22-го армейского корпуса сменила на позициях 13-ю Сибирскую стрелковую дивизию 7-го Сибирского армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 87). 26 мая 52-я пехотная дивизия 3-го Кавказского армейского корпуса сменила на позициях части 1-й и 3-й Финляндских стрелковых дивизий 22-го армейского корпуса (Там же. Д. 193. Ч. 1. Л. 130).
[382] На 15 апреля 5-я Финляндская стрелковая дивизия состояла в корпусном резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 134). На 18 мая дивизия также находилась в корпусном резерве (Там же. Д. 193. Ч. 1. Л. 61). 19 мая 5-я Финляндская стрелковая дивизия сменила на позиции 159-ю пехотную дивизию (Там же. Л. 63).
[383] 11 июня 1-я Заамурская пограничная пехотная дивизия, ранее входившая в состав 33-го армейского корпуса 7-й армии, передана вместе с занимаемым участком фронта в 8-ю армию и вошла в состав 12-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 289).
[384] На 18 мая дивизия состояла в корпусном резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 1. Л. 61).
[385] Ранее корпус входил в Особую армию. С 11 июня в составе 7-й армии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 289). Состав корпуса на состояние в ночь с 17 на 18 июня (Там же. Д. 290. Л. 14 и об.).
[386] Ранее дивизия входила в 7-й Сибирский армейский корпус.

	104-я пехотная дивизия[388]
	153-я пехотная дивизия[389]
41-й армейский корпус	74-я пехотная дивизия[390]
	108-я пехотная дивизия[391]
	113-я пехотная дивизия[392]
	3-я Заамурская пограничная пехотная дивизия[393]
	5-я Заамурская пограничная пехотная дивизия
44-й армейский корпус[394]	57-я пехотная дивизия[395]
	111-я пехотная дивизия[396]
	192-я пехотная дивизия[397]

[387] Ранее дивизия входила в 7-й Сибирский армейский корпус.

[388] К 12 июня дивизия прибыла из Особой армии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 313). На 14 июня дивизия составляла корпусной резерв (Там же. Л. 328).

[389] К 12 июня из Особой армии прибыло 2 ½ полка 153-й пехотной дивизии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 313). С 17 на 18 июня дивизия в полном составе находилась в корпусном резерве (Там же. Д. 290. Л. 14 и об.).

[390] На 21 апреля три полка дивизии находились в корпусном резерве и один полк на фронте 3-й Заамурской пограничной пехотной дивизии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 2. Л. 186). 23 апреля 74-я пехотная дивизия сменила на позициях 3-ю Заамурскую пограничную пехотную дивизию (Там же. Л. 203). 24 мая 74-я пехотная дивизия была сменена на позиции 3-й Заамурской пограничной пехотной дивизией, после чего отошла в корпусной резерв (Там же. Д. 193. Ч. 1. Л. 107).

[391] 22 мая 108-я пехотная дивизия была сменена на позиции 113-й пехотной дивизией. После смены 108-я пехотная дивизия перешла в корпусной резерв (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 1. Л. 101). На 30 мая дивизия в составе 7-го Сибирского армейского корпуса (Там же. Л. 175).

[392] В резерве 7-й армии на 21 апреля (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 288. Ч. 4. Л. 265). На 3 мая дивизия в армейском резерве (Там же. Д. 192. Ч. 2. Л. 304). На 18 мая дивизия оставалась в армейском резерве (Там же. Д. 193. Ч. 1. Л. 61). 2 июня 113-я пехотная дивизия 41-го армейского корпуса была сменена на позиции Сводной сибирской стрелковой дивизией 7-го Сибирского армейского корпуса (Там же. Л. 205). На 18 июня 113-я пехотная дивизия была включена в состав 41-го армейского корпуса (Там же. Д. 290. Л. 22 и об.).

[393] На 21 апреля три полка дивизии находились в корпусном резерве и один полк на фронте 3-й Заамурской пограничной пехотной дивизии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 2. Л. 186). 23 апреля 74-я пехотная дивизия сменила на позициях 3-ю Заамурскую пограничную пехотную дивизию, которая поступила в корпусной резерв (Там же. Л. 203). 24 мая 3-я Заамурская пограничная пехотная дивизия сменила на позиции 74-ю пехотную дивизию (Там же. Д. 193. Ч. 1. Л. 107).

[394] 13 марта корпус планировалось направить в 8 армию (Там же. Ф. 2134. Оп.1. Д. 45. Л. 187 об.); с 23 марта корпус был подчинен командующему 8-й армией «во всех отношениях, кроме оперативного» (Там же. Л. 188); затем, в резерве Верховного главнокомандующего (Там же. Л. 188 об.–189). Приказ о включении корпуса в 7 армию последовал 11 апреля (Там же. Л. 189 об.); 18 апреля появился в списке корпусов, в которые высылались разведывательные сводки (Там же. Ф. 2244. Оп. 1. Д. 395. Л. 41). На 21 апреля корпус (без 192-й пехотной дивизии) находился в армейском резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 2. Л. 186). На 3 мая корпус в полном составе в армейском резерве (Там же. Л. 304). Позднее корпус передан в состав Особой армии.

[395] 10–11 мая 57-я пехотная дивизия 44-го армейского корпуса была переброшена из 7-й армии в Особую (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч.2. Л. 331, 343).

[396] 17 мая один полк 111-й пехотной дивизии 44-го армейского корпуса, переброшенный в Особую армию, сменил на позиции один полк 153-й пехотной дивизии 34-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 1. Л. 47).

3-й Кавказский армейский корпус	21-я пехотная дивизия[398]
	52-я пехотная дивизия[399]
	162-я пехотная дивизия
7-й Сибирский армейский корпус[400]	23-я пехотная дивизия[401]
	12-я Сибирская стрелковая дивизия
	13-я Сибирская стрелковая дивизия[402]
	19-я Сибирская стрелковая дивизия[403]
	Сводная сибирская стрелковая дивизия[404]
	108-я пехотная дивизия[405]
2-й кавалерийский корпус[406]	163-й пехотный Ленкорано-Нашебургский полк 41-й пехотной дивизии[407]
	9-я кавалерийская дивизия[408]

[397] 17 мая началась переброска 192-й пехотной дивизии в Особую армию, куда в этот день прибыл один полк дивизии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 1. Л. 47).

[398] На 21 апреля дивизия находилась в корпусном резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 2. Л. 186). На 18 мая дивизия состояла в корпусном резерве (Там же. Д. 193. Ч. 1. Л. 61). На 19 мая дивизия встала на позиции (Там же. Л. 63).

[399] На 19 мая дивизия находилась в корпусном резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 1. Л. 63). 26 мая 52-я пехотная дивизия 3-го Кавказского армейского корпуса сменила на позициях части 1-й и 3-й Финляндских стрелковых дивизий 22-го армейского корпуса (Там же. Л. 130).

[400] Состав корпуса на 1 марта (Там же. Ф. 2210. Оп. 1. Д. 332). Состав на 5 апреля тот же (Там же. Ф. 2202. Оп. 1. Д. 87. Л. 263, 265, 267, 268). 14-15 апреля была закончена смена частей 7-го Сибирского армейского корпуса 22-м армейским корпусом. На позиции встали 159-я пехотная, 1-я и 3-я Финляндские стрелковые дивизии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 125, 134). На 21 апреля корпус находился в резерве главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта (Там же. Ч. 2. Л. 186). На 3 мая корпус в полном составе находился в армейском резерве (Там же. Л. 304). На 18 мая 7-й Сибирский армейский корпус в составе 12-й, 13-й и 19-й Сибирских стрелковых дивизий находился в армейском резерве (Там же. Д. 193. Ч. 1. Л. 62).

[401] На 18 мая дивизия находилась в армейском резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 1. Л. 61). 4 июня 23-я пехотная дивизия сменила Сводную сибирскую стрелковую дивизию на позициях (Там же. Л. 221). По состоянию на ночь с 17 на 18 июня дивизия находилась в составе 34-го армейского корпуса (Там же. Д. 290. Л. 14 и об.).

[402] В ночь с 9 на 10 апреля 13-я Сибирская стрелковая дивизия 7-го Сибирского армейского корпуса была сменена на позициях 3-й Финляндской стрелковой дивизией 22-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 87).

[403] По состоянию на ночь с 17 на 18 июня дивизия находилась в составе 34-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 290. Л. 14 и об.).

[404] Сводная сибирская стрелковая дивизия была сформирована из частей 12-й и 13-й Сибирских стрелковых дивизий. На 2 июня дивизия появилась в составе корпуса. 2 июня 113-я пехотная дивизия 41-го армейского корпуса была сменена на позиции Сводной сибирской стрелковой дивизией 7-го Сибирского армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 1. Л. 205). 4 июня 23-я пехотная дивизия сменила Сводную сибирскую стрелковую дивизию на позициях (Там же. Л. 221).

[405] Ранее дивизия входила в 41-й армейский корпус. На 30 мая дивизия в составе 7-го Сибирского армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 1. Л. 175). На 14 июня дивизия составляла корпусной резерв 7-го Сибирского армейского корпуса (Там же. Ч. 2. Л. 327).

[406] На 14 июня корпус состоял в армейском резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 329).

[407] На 18 мая полк стоял на позиции (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 1. Л. 61).

	Сводная кавалерийская дивизия[409]
Армейский резерв	113-я пехотная дивизия[410]
	Польская стрелковая дивизия[411]

(18 июня – 11 июля)

Номер корпуса	**Дивизии, входящие в состав корпуса**
2-й Гвардейский корпус[412]	3-я гвардейская пехотная дивизия[413]
	Гвардейская стрелковая дивизия[414]
	104-я пехотная дивизия[415]
	19-я Сибирская стрелковая дивизия[416]
6-й армейский корпус[417]	108-я пехотная дивизия[418]
	2-я Финляндская стрелковая дивизия
	22-я Сибирская стрелковая дивизия
22-й армейский корпус[419]	159-я пехотная дивизия

[408] На 18 мая дивизия (без стрелкового полка) находилась в корпусном резерве. Стрелковый полк дивизии стоял на позициях (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 1. Л. 61).
[409] На 3 мая в армейском резерве, кроме стрелкового полка этой дивизии, остававшегося на позициях (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 2. Л. 304). На 18 мая дивизия (без стрелкового полка) находилась в корпусном резерве. Стрелковый полк дивизии стоял на позициях (Там же. Д. 193. Ч. 1. Л. 61).
[410] В резерве 7-й армии на 21 апреля (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 288. Ч. 4. Л. 265). На 18 июня дивизия была включена в состав 41-го армейского корпуса (Там же. Д. 290. Л. 22 и об.).
[411] В резерве 7-й армии на 14 июня (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 329).
[412] На вечер 21 июня 2-й Гвардейский корпус сменил части 7-го Сибирского армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 365). К вечеру 29 июня 7-й Сибирский армейский корпус сменил 2-й Гвардейский корпус, который, по смене, выступил в 8-ю армию (Там же. Ч. 3. Л. 399). 10 июля 2-й Гвардейский корпус сосредоточивался в районе г. Бучач (Там же. Д. 194. Ч. 1. Л. 55). Далее корпус в составе 7-й армии.
[413] На 21 июня дивизия находилась в резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 362).
[414] 20 июня с наступлением темноты Гвардейская стрелковая дивизия 2-го Гвардейского корпуса приступила к смене на позициях 23-й пехотной дивизии 34-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 357); на 21 июня смена завершилась (Там же. Л. 362).
[415] Ранее дивизия входила в 34-й армейский корпус. На 21 июня дивизия вошла в состав 2-го Гвардейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 362). Затем входила в 22-й армейский корпус. На вечер 30 июня дивизия в составе 34-го армейского корпуса (Там же. Д. 194. Ч. 1. Л. 1).
[416] Ранее дивизия входила в состав 34-го армейского корпуса. На вечер 21 июня дивизия в резерве 2-го Гвардейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 365). На вечер 30 июня дивизия в составе 34-го армейского корпуса (Там же. Д. 194. Ч. 1. Л. 1).
[417] Ранее корпус находился в составе 11-й армии. На 7 июля передан в 7-ю армию (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 29). На вечер 9 июля корпус выводился в армейский резерв (Там же. Л. 33).
[418] Ранее дивизия входила в состав 7-го Сибирского армейского корпуса. На вечер 9 июля дивизия входила в 6-й армейский корпус (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 33).
[419] На вечер 1 июля одна бригада 52-й пехотной дивизии временно занимала позиции на левом фланге 22-го армейского корпуса 7-й армии вследствие отказа частей 22-го армейского корпуса её сменить (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 6). К вечеру 2 июля один полк 5-й Финляндской стрелковой дивизии 22-го армейского корпуса 7-й армии сменил один полк бригады 52-й пехотной дивизии 3-го Кавказского армейского корпуса 8-й армии (Там же. Л. 9). К вечеру 3 июля один полк 52-й пехотной

	1-я Финляндская стрелковая дивизия
	3-я Финляндская стрелковая дивизия[420]
	5-я Финляндская стрелковая дивизия[421]
	104-я пехотная дивизия[422]
33-й армейский корпус[423]	1-я Заамурская пограничная пехотная дивизия
	2-я Заамурская пограничная пехотная дивизия
	4-я Заамурская пограничная пехотная дивизия
34-й армейский корпус	19-я Сибирская стрелковая дивизия[424]
	23-я пехотная дивизия[425]
	104-я пехотная дивизия[426]
	153-я пехотная дивизия[427]
41-й армейский корпус	74-я пехотная дивизия[428]

дивизии 3-го Кавказского армейского корпуса 8-й армии был сменён частями 22-го армейского корпуса 7-й армии (Там же. Л. 16). На вечер 9 июля 7-й Сибирский и 22-й армейский корпуса составляли Отряд генерала Н.А. Обручева (Там же. Л. 33). Н.А. Обручев (1864–1929)-генерал-лейтенант (1915 г.). 31 марта 1917 г. занял пост командующего 20-м армейским корпусом. В июле был зачислен в резерв чинов при штабе Киевского военного округа. Эмигрировал в Королевство Сербов, Хорватов, Словенцев (СХС), заведовал военной библиотекой и архивом в Белграде. Был председателем районного правления Общества русских офицеров Генерального штаба в Королевстве СХС (1921–1923 гг.).

[420] На вечер 30 июня дивизия находилась в корпусном резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 1).

[421] К вечеру 2 июля один полк 5-й Финляндской стрелковой дивизии 22-го армейского корпуса 7-й армии сменил один полк бригады 52-й пехотной дивизии 3-го Кавказского армейского корпуса 8-й армии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 9).

[422] Ранее дивизия находилась в составе 2-го Гвардейского корпуса. Дивизия находилась в составе корпуса с 22 июня (телеграмма № 1473-РГВИА. Ф. 2222. Оп. 1. Д. 433. Л. 943 и об.). К вечеру 24 июня дивизия находилась в корпусном резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 3. Л. 381). Согласно приказу 22-му армейскому корпусу № 23 от 28 июня в 20 ч 15 мин «104-й пех[отной] дивизии-по смене поступить в распоряжение Комкор 34, от которого получить указания о районе сосредоточения» (Там же. Ф. 2222. Оп. 1. Д. 433. Л. 1021–1021 об.). На вечер 30 июня дивизия в составе 34-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 1).

[423] На 27 июня корпус находился в составе 8-й армии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 3. Л. 394).

[424] На вечер 21 июня дивизия в резерве 2-го Гвардейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 365). На вечер 30 июня дивизия в составе 34-го армейского корпуса (Там же. Д. 194. Ч. 1. Л. 1).

[425] 20 июня с наступлением темноты Гвардейская стрелковая дивизия 2-го Гвардейского корпуса приступила к смене на позициях 23-й пехотной дивизии 34-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 357); на 21 июня смена завершилась (Там же. Л. 362). На вечер 28 июня дивизия входила в состав 33-го армейского корпуса 8-й армии (Там же. Ч. 3. Л. 397).

[426] На 21 июня дивизия вошла в состав 2-го Гвардейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 362). С 22 по 28 июня в составе 22-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2222. Оп. 1. Д. 433. Л. 943 и об., 1021-1021 об.). На вечер 30 июня дивизия в составе 34-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 1).

[427] Ранее дивизия входила в состав 7-го Сибирского армейского корпуса. На вечер 22 июня дивизия в составе 34-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 369).

[428] К вечеру 26 июня 113-я пехотная дивизия сменила на позиции части 74-й пехотной и 3-й Заамурской пограничной пехотной дивизии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 3. Л. 390). На вечер 28 июня дивизия продолжала оставаться в корпусном резерве (Там же. Л. 397).

	113-я пехотная дивизия[429]
	3-я Заамурская пограничная пехотная дивизия[430]
	5-я Заамурская пограничная пехотная дивизия
	Польская стрелковая дивизия[431]
45-й армейский корпус[432]	122-я пехотная дивизия
	126-я пехотная дивизия
	194-я пехотная дивизия
3-й Кавказский армейский корпус[433]	21-я пехотная дивизия[434]
	52-я пехотная дивизия
	162-я пехотная дивизия
7-й Сибирский армейский корпус[435]	Сводная сибирская стрелковая дивизия[436]
	12-я Сибирская стрелковая дивизия[437]
	13-я Сибирская стрелковая дивизия[438]
	108-я пехотная дивизия[439]

[429] На 18 июня дивизия была включена в состав 41-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 290. Л. 22 и об.). К вечеру 23 июня Польская стрелковая дивизия сменила на позиции 113-ю пехотную дивизию, отошедшую в корпусной резерв (Там же. Д. 193. Ч. 3. Л. 375). К вечеру 26 июня 113-я пехотная дивизия сменила на позиции части 74-й пехотной и 3-й Заамурской пограничной пехотной дивизии (Там же. Л. 390).

[430] К вечеру 26 июня 113-я пехотная дивизия сменила на позиции части 74-й пехотной и 3-й Заамурской пограничной пехотной дивизии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 3. Л. 390). На вечер 28 июня дивизия продолжала оставаться в корпусном резерве (Там же. Л. 397). К вечеру 29 июня 3-я Заамурская пограничная пехотная дивизия без одного полка и временно с одним полком Польской стрелковой дивизии сменила на позиции Польскую стрелковую дивизию (Там же. Л. 399).

[431] На вечер 22 июня три полка дивизии составляли корпусной резерв (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 369). К вечеру 23 июня Польская стрелковая дивизия сменила на позиции 113-ю пехотную дивизию, отошедшую в корпусной резерв (Там же. Ч. 3. Л. 375). К вечеру 29 июня 3-я Заамурская пограничная пехотная дивизия без одного полка и временно с одним полком Польской стрелковой дивизии сменила на позиции Польскую стрелковую дивизию (Там же. Л. 399).

[432] На вечер 29 июня отмечен в составе армии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 3. Л. 399).

[433] На вечер 1 июля корпус находился в составе 8-й армии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 5–6).

[434] 27 июня 81-й пехотный Апшеронский полк 21-й пехотной дивизии 3-го Кавказского армейского корпуса 7-й армии сменил на позиции правофланговый 5-й Заамурский пограничный пехотный полк 2-й Заамурской пограничной пехотной дивизии 33-го армейского корпуса 8-й армии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 3. Л. 394).

[435] На вечер 21 июня 2-й Гвардейский корпус сменил части 7-го Сибирского армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 365). К вечеру 29 июня 7-й Сибирский армейский корпус сменил 2-й Гвардейский корпус (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 3. Л. 399). На вечер 9 июля 7-й Сибирский и 22-й армейский корпуса составляли Отряд генерала Н.А. Обручева (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 33).

[436] На 21 июня дивизия находилась в корпусном резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 362).

[437] С 29 июня вновь появилась в составе корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 3. Л. 399).

[438] С 29 июня вновь появилась в составе корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 3. Л. 399).

[439] К вечеру 30 июня дивизия находилась в корпусном резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 1). На вечер 9 июля дивизия входила в 6-й армейский корпус (Там же. Л. 33).

	153-я пехотная дивизия[440]
2-й кавалерийский корпус[441]	163-й пехотный Ленкорано-Нашебургский полк 41-й пехотной дивизии
	9-я кавалерийская дивизия[442]
	Сводная кавалерийская дивизия
	1-я Оренбургская казачья дивизия[443]
В составе армии	1-я Оренбургская казачья дивизия[444]
	Кавказская туземная конная дивизия[445]

(12–25 июля)

Номер корпуса	**Дивизии, входящие в состав корпуса**
2-й Гвардейский корпус	3-я гвардейская пехотная дивизия
	Гвардейская стрелковая дивизия
	3-я Финляндская стрелковая дивизия[446]
	Бригада 9-й кавалерийской дивизии[447]
6-й армейский корпус[448]	108-я пехотная дивизия[449]

[440] На 20 июня 153-я пехотная дивизия в составе 7-го Сибирского армейского корпуса. Одна бригада дивизии составляла корпусной резерв (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 357). На вечер 22 июня дивизия в составе 34-го армейского корпуса (Там же. Л. 369).

[441] На 20 июня корпус находился в армейском резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 357). Согласно телеграмме от 3 июля, дополняющей сводку от 2 июля, корпус в составе 8-й армии (Там же. Д. 194. Ч. 1. Л.13). На вечер 12 июля корпус возвращён в состав 7-й армии (Там же. Л. 63). На 25 июля корпус передан в состав 1-й армии (Там же. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 678. Л. 50).

[442] 27 июня 2-я бригада 9-й кавалерийской дивизии 2-го кавалерийского корпуса 7-й армии находилась в пути в район 12-го армейского корпуса 8-й армии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 3. Л. 394).

[443] 27 июня дивизия передавалась из 5-го кавалерийского корпуса 11-й армии в 7-ю армию (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 3. Л. 394). На 29 июня дивизия входила в состав 2-го кавалерийского корпуса (Там же. Л. 399).

[444] После передачи 2-го кавалерийского корпуса в 8-ю армию дивизия оставалась в составе 7-й армии.

[445] Ранее дивизия действовала в 8-й армии. 10 июля дивизия перешла в район г. Бучач (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 55).

[446] Ранее дивизия находилась в 22-и армейском корпусе. На вечер 13 июля дивизия входила в состав 2-го Гвардейского корпуса, составляя корпусной резерв (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 68). На вечер 14 июля дивизия возвращена в состав 22-го армейского корпуса (Там же. Л. 74).

[447] До 19 июля одна бригада 9-й кавалерийской дивизии 2-го кавалерийского корпуса находилась в распоряжении командира 2-го Гвардейского корпуса. 19 июля бригада выступила в район сосредоточения 2-го кавалерийского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 2. Л. 106).

[448] На вечер 14 июля стрелковый полк 11-й кавалерийской дивизии 5-го кавалерийского корпуса 11-й армии находился в резерве 6-го армейского корпуса 7-й армии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 73 об.). К вечеру 25 июля штаб 6-го армейского корпуса прибыл в 11-ю армию. Части 6-го армейского корпуса сменила на позиции 3-я Заамурская пограничная пехотная дивизия 41-го армейского корпуса (Там же. Ч. 3. Л. 158).

[449] На вечер 18 июля дивизия состояла в резерве 7-го Сибирского армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 2. Л. 97).

	1-я Финляндская стрелковая дивизия[450]
	2-я Финляндская стрелковая дивизия[451]
	22-я Сибирская стрелковая дивизия[452]
	1-я Оренбургская казачья дивизия[453]
22-й армейский корпус	159-я пехотная дивизия[454]
	1-я Финляндская стрелковая дивизия[455]
	3-я Финляндская стрелковая дивизия[456]
	5-я Финляндская стрелковая дивизия
	Польская стрелковая дивизия[457]
	12-я Сибирская стрелковая дивизия[458]
34-й армейский корпус	104-я пехотная дивизия[459]

[450] Ранее дивизия находилась в составе 22-го армейского корпуса. На вечер 13 июля дивизия входила в 6-й армейский корпус (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 67). 17–18 июля 1-я Финляндская стрелковая дивизия была сменена на позиции 22-й Сибирской стрелковой дивизией (Там же. Ч. 2. Л. 93, 97). На вечер 18 июля одна бригада дивизии находились в резерве 22-го армейского корпуса (Там же. Л. 97). На вечер 19 июля дивизия состояла в корпусном резерве (Там же. Л. 106).

[451] На вечер 25 июля 2-я Финляндская стрелковая дивизия перемещалась в армейский резерв (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 3. Л. 159).

[452] На вечер 14 июля остатки дивизии состояли в корпусном резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 73 об.). 17-18 июля 1-я Финляндская стрелковая дивизия была сменена на позиции 22-й Сибирской стрелковой дивизией (Там же. Ч. 2. Л. 93, 97).

[453] На вечер 14 июля остатки 1-й Оренбургской казачьей дивизия состояли в корпусном резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 73 об.).

[454] На вечер 21 июля 1-я Финляндская стрелковая дивизия сменила на позиции 159-ю пехотную дивизию, выведенную затем в резерв главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 2. Л. 129).

[455] На вечер 13 июля дивизия входила в 6-й армейский корпус (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 67). На вечер 18 июля одна бригада дивизии находились в резерве 22-го армейского корпуса (Там же. Ч. 2. Л. 97). На вечер 21 июля 1-я Финляндская стрелковая дивизия сменила на позиции 159-ю пехотную дивизию, выведенную затем в резерв главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта (Там же. Л. 129).

[456] На вечер 13 июля дивизия входила в состав 2-го Гвардейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 68). На вечер 14 июля дивизия возвращена в состав 22-го армейского корпуса (Там же. Л. 74). На вечер 16 июля 3-я Финляндская стрелковая дивизия сменила на позиции Польскую стрелковую дивизию (Там же. Ч. 2. Л. 84). На вечер 18 июля три полка дивизии находились в корпусном резерве (Там же. Л. 97).

[457] Ранее дивизия входила в 41-й армейский корпус. На вечер 14 июля дивизия находилась в составе 22-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 74). На вечер 16 июля 3-я Финляндская стрелковая дивизия сменила на позиции Польскую стрелковую дивизию. Польская стрелковая дивизия отошла в корпусной резерв (Там же. Ч. 2. Л. 84).

[458] На вечер 17 июля одна бригада 12-й Сибирской стрелковой дивизии 7-го Сибирского армейского корпуса была направлена в распоряжение командира 22-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 2. Л. 93). На вечер 18 июля дивизия занимала часть фронта 22-го армейского корпуса (Там же. Л. 97). На вечер 23 июля 12-я Сибирская стрелковая дивизия находилась в составе 7-го Сибирского армейского корпуса (Там же. Л. 145).

[459] В ночь с 17 на 18 июля произошла смена 104-й пехотной дивизии 34-го армейского корпуса 5-й Заамурской пограничной пехотной дивизией 41-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 2. Л. 93, 97). К вечеру 19 июля 104-я пехотная дивизия сменила на позиции 153-ю пехотную дивизию, отошедшую в резерв (Там же. Л. 106). На вечер 25 июля 108-я пехотная дивизия 7-го

	153-я пехотная дивизия[460]
41-й армейский корпус	74-я пехотная дивизия[461]
	113-я пехотная дивизия
	3-я Заамурская пограничная пехотная дивизия[462]
	5-я Заамурская пограничная пехотная дивизия[463]
45-й армейский корпус[464]	122-я пехотная дивизия
	126-я пехотная дивизия
	194-я пехотная дивизия
7-й Сибирский армейский корпус[465]	12-я Сибирская стрелковая дивизия[466]
	13-я Сибирская стрелковая дивизия
	19-я Сибирская стрелковая дивизия[467]
	108-я пехотная дивизия[468]
2-й кавалерийский корпус[469]	9-я кавалерийская дивизия[470]
	Сводная кавалерийская дивизия
Армейский резерв[471]	1-я Оренбургская казачья дивизия[472]

Сибирского армейского корпуса сменила на позиции 104-ю пехотную дивизию 34-го армейского корпуса (Там же. Ч. 3. Л. 159).

[460] К вечеру 19 июля 104-я пехотная дивизия сменила на позиции 153-ю пехотную дивизию, отошедшую в резерв (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 2. Л. 106).

[461] На вечер 13 июля дивизия находилась в корпусном резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 67).

[462] На вечер 18 июля дивизия находилась в корпусном резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 2. Л. 97). На вечер 25 июля части 6-го армейского корпуса сменила на позиции 3-я Заамурская пограничная пехотная дивизия 41-го армейского корпуса (Там же. Ч. 3. Л. 158).

[463] В ночь с 17 на 18 июля произошла смена 104-й пехотной дивизии 34-го армейского корпуса 5-й Заамурской пограничной пехотной дивизией 41-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 2. Л. 93, 97).

[464] На вечер 13 июля корпус находился в составе 11-й армии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 67).

[465] На вечер 13 июля корпус находился в армейском резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 68).

[466] На вечер 17 июля одна бригада 12-й Сибирской стрелковой дивизии 7-го Сибирского армейского корпуса была направлена в распоряжение командира 22-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 2. Л. 93). На вечер 23 июля 12-я Сибирская стрелковая дивизия была в составе 7-го Сибирского армейского корпуса, находясь в резерве Отряда генерала Н.А. Обручева (Там же. Л. 145).

[467] Ранее дивизия входила в 34-й армейский корпус. На вечер 14 июля дивизия находилась в составе 7-го Сибирского армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 74).

[468] Ранее дивизия находилась в составе 6-го армейского корпуса. На вечер 18 июля дивизия состояла в резерве 7-го Сибирского армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 2. Л. 97). На вечер 25 июля 108-я пехотная дивизия 7-го Сибирского армейского корпуса сменила на позиции 104-ю пехотную дивизию 34-го армейского корпуса (Там же. Ч. 3. Л. 159).

[469] На вечер 13 июля корпус находился в армейском резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 68). На вечер 19 июля корпус находился в резерве 8-й армии (Там же. Ч. 2. Л. 107).

[470] До 19 июля одна бригада 9-й кавалерийской дивизии 2-го кавалерийского корпуса находилась в распоряжении командира 2-го Гвардейского корпуса. 19 июля бригада выступила в район сосредоточения 2-го кавалерийского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 2. Л. 106).

[471] На вечер 13 июля (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 68).

	Кавказская туземная конная дивизия
	64-я пехотная дивизия[473]

(25 июля – 22 сентября)

Номер корпуса	**Дивизии, входящие в состав корпуса**
2-й Гвардейский корпус[474]	3-я гвардейская пехотная дивизия
	Гвардейская стрелковая дивизия[475]
	2-я Финляндская стрелковая дивизия[476]
12-й армейский корпус[477]	19-я пехотная дивизия[478]
	64-я пехотная дивизия[479]
	164-я пехотная дивизия[480]
22-й армейский корпус	1-я Финляндская стрелковая дивизия[481]
	2-я Финляндская стрелковая дивизия[482]

[472] На вечер 14 июля остатки дивизия состояли в резерве 22-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 73 об.).

[473] На вечер 17 июля одна бригада дивизии находилась в резерве 7-й армии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 2. Л. 93). На вечер 18 июля дивизия в полном составе находились в резерве 7-й армии (Там же. Л. 97). На вечер 20 июля дивизия состояла в резерве 8-й армии (Там же. Л. 118).

[474] На 19 сентября корпус состоял в резерве главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 2. Л. 69).

[475] На вечер 8 августа 5-я Финляндская стрелковая дивизия 22-го армейского корпуса, протянув фланг, сменила часть Гвардейской стрелковой дивизии 2-го Гвардейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 3. Л. 221). К вечеру 9 августа Гвардейская стрелковая дивизия была сменена на позиции 2-й Финляндской стрелковой дивизией, после чего отошла в армейский резерв (Там же. Л. 225). На вечер 30-31 августа дивизия из армейского резерва возвращена в состав 2-го Гвардейского корпуса и встала на позицию (Там же. Ч. 5. Л. 310). Ко 2 сентября дивизия находилась в корпусном резерве (Там же. Д. 195. Ч. 1. Л. 16).

[476] Ранее дивизия состояла в резерве 22-го армейского корпуса. К вечеру 9 августа Гвардейская стрелковая дивизия была сменена на позиции 2-й Финляндской стрелковой дивизией (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 3. Л. 225). По-видимому, дивизия вошла в состав 2-го Гвардейского корпуса. Ко 2 сентября дивизия находилась в составе 2-го Гвардейского корпуса, занимая отведённый ей участок позиции (Там же. Д. 195. Ч. 1. Л. 16). На 19 сентября дивизия находилась в составе 22-го армейского корпуса (Там же. Ч. 2. Л. 69).

[477] Ранее корпус действовал в составе 8-й армии. На вечер 26 июля корпус возвращён в 7-ю армию (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 3. Л. 163).

[478] На вечер 26 июля дивизия находилась в корпусном резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 3. Л. 163). В середине августа 164-я пехотная дивизия была назначена к расформированию; одна её бригада вошла в состав 19-й пехотной дивизии. На 6 сентября одна бригада 19-й пехотной дивизии находилась в корпусном резерве (Там же. Д. 195. Ч. 2. Л. 83).

[479] В середине августа 164-я пехотная дивизия была назначена к расформированию; одна её бригада вошла в состав 64-й пехотной дивизии. На 6 сентября одна бригада 64-й пехотной дивизии находилась в корпусном резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 2. Л. 83).

[480] В середине августа 164-я пехотная дивизия была назначена к расформированию, её полки распределялись побригадно в 19-ю и 64-ю пехотные дивизии. Согласно сводке от 13 сентября дивизия отсутствовала в составе 12-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 1. Л. 53–54).

[481] На 6 сентября одна бригада дивизии находилась в корпусном резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. . Д. 195. Ч. 2. Л. 82).

	3-я Финляндская стрелковая дивизия[483]
	5-я Финляндская стрелковая дивизия[484]
34-й армейский корпус[485]	104-я пехотная дивизия
	153-я пехотная дивизия
41-й армейский корпус	74-я пехотная дивизия[486]
	113-я пехотная дивизия[487]
	3-я Заамурская пограничная пехотная дивизия
	5-я Заамурская пограничная пехотная дивизия
3-й Кавказский армейский корпус[488]	11-я пехотная дивизия
	21-я пехотная дивизия[489]
	52-я пехотная дивизия[490]
	162-я пехотная дивизия[491]

[482] Ранее дивизия находилась в армейском резерве. На 30 июля дивизия входила в состав 22-го армейского корпуса, составляя корпусной резерв (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 3. Л. 188). К вечеру 9 августа Гвардейская стрелковая дивизия была сменена на позиции 2-й Финляндской стрелковой дивизией (Там же. Л. 225). По-видимому, дивизия вошла в состав 2-го Гвардейского корпуса. На 19 сентября дивизия находилась в составе 22-го армейского корпуса (Там же. Д. 195. Ч. 2. Л. 69).

[483] На 30 июля дивизия находилась в корпусном резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 3. Л. 188). На вечер 17 августа 3-я Финляндская стрелковая дивизия сменила на позиции 5-ю Финляндскую стрелковую дивизию, которая отошла в корпусной резерв (Там же. Ч. 4. Л. 258). На 6 сентября одна бригада 3-й Финляндской стрелковой дивизии в корпусном резерве (Там же. Д. 195. Ч. 2. Л. 82).

[484] На вечер 8 августа 5-я Финляндская стрелковая дивизия 22-го армейского корпуса, протянув фланг, сменила часть Гвардейской стрелковой дивизии 2-го Гвардейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 3. Л. 221). На вечер 17 августа 3-я Финляндская стрелковая дивизия сменила на позиции 5-ю Финляндскую стрелковую дивизию, отошедшую в корпусной резерв (Там же. Ч. 4. Л. 258).

[485] На вечер 26 июля корпус находился в армейском резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 3. Л. 163). В соответствии со сводкой от 31 августа корпус состоял в резерве Верховного главнокомандующего (Там же. Ч. 5. Л. 312). На 19 сентября корпус состоял в резерве главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта (Там же. Д. 195. Ч. 2. Л. 69).

[486] На 31 июля дивизия находилась в корпусном резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 3. Л. 190). На вечер 22 августа дивизия находилась на позиции (Там же. Ч. 4. Л. 282).

[487] На вечер 22 августа дивизия состояла в корпусном резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 4. Л. 282); так же на 2 сентября (Там же. Д. 195. Ч. 1. Л. 15); также на 6 сентября (Там же. Ч. 2. Л. 82); так же согласно сводке от 13 сентября (Там же. Ч. 1. Л. 53).

[488] Ранее корпус находился в составе 8-й армии. На вечер 26 июля передан в 7-ю армию (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 3. Л. 163).

[489] В середине августа 162-я пехотная дивизия была назначена к расформированию; одна её бригада вошла в состав 21-й пехотной дивизии. На 6 сентября одна бригада 21-й пехотной дивизии находилась в корпусном резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 2. Л. 83).

[490] В середине августа 162-я пехотная дивизия была назначена к расформированию; одна её бригада вошла в состав 52-й пехотной дивизии.

[491] В середине августа 162-я пехотная дивизия была назначена к расформированию; её полки распределялись побригадно в 52-ю и 21-ю пехотные дивизии. Согласно сводке от 13 сентября, 162-я пехотная дивизия не значилась в составе 3-го Кавказского армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 1. Л. 54).

7-й Сибирский армейский корпус	12-я Сибирская стрелковая дивизия[492]
	13-я Сибирская стрелковая дивизия[493]
	19-я Сибирская стрелковая дивизия[494]
	108-я пехотная дивизия
	1-я Оренбургская казачья дивизия[495]
Армейский резерв	56-я пехотная дивизия[496]
	112-я пехотная дивизия[497]
	2-я Финляндская стрелковая дивизия[498]
	22-я Сибирская стрелковая дивизия[499]
	Польская стрелковая дивизия[500]
	Кавказская туземная конная дивизия[501]
	1-я Оренбургская казачья дивизия[502]
	10-я кавалерийская дивизия[503]

[492] На вечер 26 июля дивизия состояла в корпусном резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 3. Л. 163). На вечер 22 августа 12-я Сибирская стрелковая дивизия сменила на позиции 19-ю Сибирскую стрелковую дивизию, отошедшую в корпусной резерв (Там же. Ч. 4. Л. 282). На 6 сентября одна бригада дивизии находилась в корпусном резерве (Там же. Д. 195. Ч. 2. Л. 82).

[493] На 6 сентября одна бригада дивизии находилась в корпусном резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 2. Л. 82). К 19 сентября дивизия состояла в армейском резерве (Там же. Л. 69).

[494] На вечер 22 августа 12-я Сибирская стрелковая дивизия сменила на позиции 19-ю Сибирскую стрелковую дивизию, отошедшую в корпусной резерв (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 4. Л. 282). На 2 сентября дивизия находилась в корпусном резерве (Там же. Д. 195. Ч. 1. Л. 15).

[495] Ранее дивизия состояла в армейском резерве. Ко 2 сентября дивизия находилась в резерве 7-го Сибирского армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 1. Л. 15). На 6 сентября дивизия роздана в качестве корпусной и дивизионной конницы (Там же. Ч. 2. Л. 83).

[496] Ранее дивизия находилась в резерве 8-й армии. На вечер 26 июля в резерве 7-й армии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 3. Л. 163).

[497] Ранее дивизия входила в состав 45-го армейского корпуса 11-й армии. На вечер 8 августа два полка дивизии прибыли в район 7-й армии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 3. Л. 221). На вечер 10 августа в 7-ю армию прибыл третий полк дивизии (Там же. Ч. 4. Л. 230). На вечер 12 августа дивизия находилась в армейском резерве (Там же. Л. 237). К вечеру 13 августа из 11-й армии были отправлены все части 112-й пехотной дивизии (Там же. Л. 241). На вечер 21 августа дивизия выступила в распоряжение Поглавкорум (Там же. Л. 279).

[498] На вечер 26 июля в резерве 7-й армии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 3. Л. 163). На 30 июля дивизия входила в состав 22-го армейского корпуса (Там же. Л. 188).

[499] На 30 июля дивизия находилась в армейском резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 3. Л. 188). На 1 августа дивизия выбыла из состава 7-й армии и была направлена в 11-ю армию на присоединение к 5-му Сибирскому армейскому корпусу (Там же. Л. 193).

[500] На вечер 6 июля Польская стрелковая дивизия убыла из состава 7-й армии на Западный фронт (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 3. Л. 210).

[501] На вечер 26 июля в резерве 7-й армии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 3. Л. 163).

[502] На вечер 26 июля в резерве 7-й армии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 3. Л. 163). Ко 2 сентября дивизия находилась в резерве 7-го Сибирского армейского корпуса (Там же. Д. 195. Ч. 1. Л. 15).

[503] Ранее дивизия входила в состав 3-го кавалерийского корпуса 11-й армии. На вечер 6 августа дивизия в полном составе находилась в 7-й армии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 3. Л. 210). В соответствии со сводкой от 31 августа три полка дивизии состояли в армейском резерве (Там же. Ч. 5. Л. 312). Ко 2 сентября дивизия находилась в армейском резерве (Там же. Д. 195. Ч. 1. Л. 16).

	Осетинская пешая бригада[504]

(23 сентября – 13 декабря)

Номер корпуса	**Дивизии, входящие в состав корпуса**
1-й Гвардейский корпус[505]	1-я гвардейская пехотная дивизия
	2-я гвардейская пехотная дивизия
	2-я Финляндская стрелковая дивизия[506]
2-й Гвардейский корпус[507]	3-я гвардейская пехотная дивизия
	Гвардейская стрелковая дивизия
12-й армейский корпус	19-я пехотная дивизия
	64-я пехотная дивизия
22-й армейский корпус[508]	1-я Финляндская стрелковая дивизия
	2-я Финляндская стрелковая дивизия[509]
	3-я Финляндская стрелковая дивизия
34-й армейский корпус[510]	104-я пехотная дивизия[511]

[504] Ранее бригада находилась в составе 8-й армии. На 30 июля бригада в резерве 7-й армии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 3. Л. 188).

[505] Ранее 1-й Гвардейский корпус находился в 11-й армии. На 26 сентября корпус входил в состав 7-й армии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 2. Л. 100).

[506] «Вследствие ухода 1-й и 3-й Финляндских [стрелковых] дивизий со штакором, 2-я Финляндская [стрелковая] дивизия с 1-го сего ноября переходит в подчинение комкора 1-го Гвардейского во всех отношениях, кроме оперативного» (Там же. Ф. 2222. Оп. 1. Д. 483. Л. 395, 396). Позднее дивизия вновь указывалась в составе 22-го армейского корпуса.

[507] На 26 сентября корпус состоял в резерве главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 2. Л. 101, 112); так же и на 3 октября (Там же. Л. 128). На 24 октября корпус состоял в армейском резерве (Там же. Ч. 3. Л. 179). На 21 ноября корпус вновь находился в резерве главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта (Там же. Ч. 4. Л. 230). На 29 ноября корпус состоял в армейском резерве (Там же. Л. 243). Согласно сводке от 13 декабря, корпус оставался в армейском резерве (Там же. Ч. 5. Л. 274).

[508] На 17 октября происходила смена частей 22-го армейского корпуса частями 7-го Сибирского армейского корпуса. По смене, 22-й армейский корпус переходил в резерв Верховного главнокомандующего (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 3. Л. 160). На 24 октября корпус состоял в резерве главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта (Там же. Л. 179). На 31 октября корпус оставался в резерве Главкоюз, но в составе 1-й и 2-й Финляндских стрелковых дивизий (Там же. Л. 192).

[509] «Вследствие ухода 1-й и 3-й Финляндских [стрелковых] дивизий со штакором, 2-я Финляндская [стрелковая] дивизия с 1-го сего ноября переходит в подчинение комкора 1-го Гвардейского во всех отношениях, кроме оперативного» (Там же. Ф. 2222. Оп. 1. Д. 483. Л. 395, 396). Позднее дивизия вновь указывалась в составе 22-го армейского корпуса.

[510] На 26 сентября корпус состоял в резерве Верховного главнокомандующего (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 2. Л. 112); так же и на 3 октября (Там же. Л. 128). На 17 октября корпус находился в резерве главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта (Там же. Ч. 3. Л. 160). На 29 ноября не все части корпуса завершили отправку из 7-й армии (Там же. Ч. 4. Л. 243).

[511] На 21 ноября один полк дивизии находился в Киеве, два полка прибыли в 11-ю армию и один полк двигался в 11-ю армию (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 4. Л. 230).

	153-я пехотная дивизия[512]
41-й армейский корпус	74-я пехотная дивизия
	3-я Заамурская пограничная пехотная дивизия[513]
3-й Кавказский армейский корпус	11-я пехотная дивизия[514]
	21-я пехотная дивизия
	52-я пехотная дивизия
	56-я пехотная дивизия[515]
7-й Сибирский армейский корпус[516]	12-я Сибирская стрелковая дивизия
	13-я Сибирская стрелковая дивизия[517]
	108-я пехотная дивизия
5-й кавалерийский корпус[518]	11-я кавалерийская дивизия[519]
	1-я Оренбургская казачья дивизия[520]
Армейский резерв	56-я пехотная дивизия[521]
	10-я кавалерийская дивизия[522]

[512] На 21 ноября дивизия начала перевозку в Киев. Было отправлено шесть эшелонов (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 4. Л. 230).
[513] К 26 сентября одна бригада дивизии состояла в армейском резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 2. Л. 112); так же на 3 октября (Там же. Л. 128); также на 10 октября (Там же. Ч. 3. Л. 144).
[514] На 17 октября происходила или произошла (из документа неясно) смена 11-й пехотной дивизии 56-й пехотной дивизией, состоявшей ранее в армейском резерве. 11-я пехотная дивизия по смене переходила в армейский резерв (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 3. Л. 160).
[515] На 17 октября происходила или произошла (из документа неясно) смена 11-й пехотной дивизии 56-й пехотной дивизией, состоявшей ранее в армейском резерве. 11-я пехотная дивизия по смене переходила в армейский резерв (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 3. Л. 160).
[516] На 17 октября происходила смена частей 22-го армейского корпуса частями 7-го Сибирского армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 3. Л. 160).
[517] На 26 сентября дивизия состояла в армейском резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 2. Л. 101, 112). На 17 октября, в ходе смены частей 22-го армейского корпуса частями 7-го Сибирского армейского корпуса, дивизия занимала отведённый ей участок на передовой позиции (Там же. Ч. 3. Л. 160).
[518] Ранее корпус находился в составе 11-й армии. На 31 октября штаб корпуса выбыл из 11-й армии в 7-ю армию (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 3. Л. 192, 193). Согласно сводке от 13 декабря, части корпуса располагались в тылу армии для охраны (Там же. Ч. 5. Л. 274, 275).
[519] Ранее дивизия находилась в составе 5-го кавалерийского корпуса 11-й армии. На 26 сентября 1-я бригада дивизии усмиряла беспорядки в 7-й армии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 2. Л. 111); также и на 3 октября (Там же. Л. 127). На 31 октября дивизия вошла в состав 7-й армии (Там же. Ч. 3. Л. 192, 193). На 21 ноября дивизия была разбросана в тылу армии для охраны (Там же. Ч. 4. Л. 230).
[520] На 31 октября части дивизии были распределены как для обслуживания тыла армии, так и в качестве корпусной конницы (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 3. Л. 192). На 21 ноября дивизия была разбросана в тылу армии для охраны (Там же. Ч. 4. Л. 230).
[521] На 26 сентября дивизия в армейском резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 2. Л. 101, 112). На 17 октября происходила или произошла (из документа неясно) смена 11-й пехотной дивизии 3-го Кавказского армейского корпуса 56-й пехотной дивизией, состоявшей ранее в армейском резерве. 11-я пехотная дивизия по смене переходила в армейский резерв (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 3. Л. 160).
[522] На 26 сентября дивизия состояла в армейском резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 195. Ч. 2. Л. 101, 112). На 21 ноября дивизия была разбросана в тылу армии для охраны (Там же. Ч. 4. Л. 230).

Боевое расписание 8-й армии

(1 марта – 17 июня)

Номер корпуса	**Дивизии, входящие в состав корпуса**
11-й армейский корпус	11-я пехотная дивизия
	12-я пехотная дивизия
	32-я пехотная дивизия[523]
	165-я пехотная дивизия
	7-я кавалерийская дивизия
	3-я Кавказская казачья дивизия
18-й армейский корпус	37-я пехотная дивизия
	43-я пехотная дивизия[524]
	64-я пехотная дивизия
	166-я пехотная дивизия
23-й армейский корпус	59-я пехотная дивизия[525]
	79-я пехотная дивизия
	82-я пехотная дивизия
	167-я пехотная дивизия[526]
44-й армейский корпус[527]	57-я пехотная дивизия
	111-я пехотная дивизия
	192-я пехотная дивизия

[523] 14 марта 125-й пехотный Курский полк 32-й пехотной дивизии 11-го армейского корпуса был сменён 667-м пехотным Делатынским полком 167-й пехотной дивизии 23-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 191. Ч. 3. Л. 373). 16–17 марта произошла смена частей 32-й пехотной дивизии 11-го армейского корпуса частями 167-й пехотной дивизии 23-го армейского корпуса (Там же. Л. 393, 405).

[524] 11 марта часть участка 59-й пехотной дивизии 23-го армейского корпуса, занимаемая 235-м пехотным Белебеевским полком, была принята 43-й пехотной дивизией 18-го армейского корпуса (172-м пехотным Лидским полком и батальоном 171-го пехотного Кобринского полка). 235-й пехотный Белебеевский полк отошёл в корпусной резерв (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 191. Ч. 2. Л. 347).

[525] 11 марта часть участка 59-й пехотной дивизии 23-го армейского корпуса, занимаемая 235-м пехотным Белебеевским полком, была принята 43-й пехотной дивизией 18-го армейского корпуса (172-м пехотным Лидским полком и батальоном 171-го пехотного Кобринского полка). 235-й пехотный Белебеевский полк отошёл в корпусной резерв (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 191. Ч. 2. Л. 347).

[526] 14 марта 125-й пехотный Курский полк 32-й пехотной дивизии 11-го армейского корпуса был сменён 667-м пехотным Делатынским полком 167-й пехотной дивизии 23-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 191. Ч. 3. Л. 373). 16–17 марта произошла смена частей 32-й пехотной дивизии 11-го армейского корпуса частями 167-й пехотной дивизии 23-го армейского корпуса (Там же. Л. 393, 405).

[527] Корпус находился в резерве главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта в районе Черновиц с 31 марта (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 52).

Номер корпуса	**Дивизии, входящие в состав корпуса**
11-й армейский корпус	11-я пехотная дивизия[528]
	12-я пехотная дивизия[529]
	32-я пехотная дивизия[530]
	165-я пехотная дивизия[531]
	7-я кавалерийская дивизия[532]
	3-я Кавказская казачья дивизия[533]
12-й армейский корпус[534]	11-я пехотная дивизия[535]
	19-я пехотная дивизия
	117-я пехотная дивизия
	164-я пехотная дивизия
	1-я Заамурская пограничная пехотная дивизия[536]
16-й армейский корпус[537]	41-я пехотная дивизия[538]

[528] Один полк 32-й пехотной дивизии (127-й пехотный Путивльский полк) 21 апреля выступил на фронт 11-й пехотной дивизии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 2. Л. 186). 22 апреля части 32-й пехотной дивизии сменили на позициях части 11-й и 12-й пехотных дивизий (Там же. Л. 194). 9 июня 127-й пехотный Путивльский полк 32-й пехотной дивизии сменил на позициях 44-й пехотный Камчатский полк 11-й пехотной дивизии (Там же. Д. 193. Ч. 2. Л. 258). К 11 июня 32-я пехотная дивизия сменила на позиции 11-ю пехотную дивизию (Там же. Л. 289). На 10 июня 11-я пехотная дивизия отмечена в составе 12-го армейского корпуса (Там же. Л. 266). 14 июня дивизия двигалась в район 12-го армейского корпуса (Там же. Л. 330).

[529] 22 апреля части 32-й пехотной дивизии сменили на позициях части 11-й и 12-й пехотных дивизий (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 2. Л. 194).

[530] Один полк 32-й пехотной дивизии (127-й пехотный Путивльский полк) 21 апреля выступил на фронт 11-й пехотной дивизии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 2. Л. 186). 22 апреля части 32-й пехотной дивизии сменили на позициях части 11-й и 12-й пехотных дивизий (Там же. Л. 194). На 18 мая одна бригада 32-й пехотной дивизии занимала участок вместе с 11-й пехотной дивизией, другая бригада занимала участок совместно с 12-й пехотной дивизией (Там же. Д. 193. Ч. 1. Л. 62). На 19 мая 32-я пехотная дивизия занимала участок между 12-й и 11-й пехотными дивизиями (Там же. Л. 63). 9 июня 127-й пехотный Путивльский полк 32-й пехотной дивизии сменил на позициях 44-й пехотный Камчатский полк 11-й пехотной дивизии (Там же. Ч. 2. Л. 258). К 11 июня 32-я пехотная дивизия сменила на позиции 11-ю пехотную дивизию (Там же. Л. 289).

[531] 28 апреля части 165-й пехотной дивизии сменили на позициях 3-ю Кавказскую казачью дивизию (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 2. Л. 238).

[532] На 18 мая дивизия находилась в армейском резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 1. Л. 62). 19 мая дивизия передавалась в состав 18-го армейского корпуса (Там же. Л. 63).

[533] 28 апреля части 165-й пехотной дивизии сменили на позициях 3-ю Кавказскую казачью дивизию (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 2. Л. 238). 3-я Кавказская казачья дивизия составила корпусной резерв (Там же. Л. 253). На 18 мая дивизия находилась в армейском резерве (Там же. Д. 193. Ч. 1. Л. 62), где продолжала оставаться на 14 июня с Текинским конным полком (Там же. Ч. 2. Л. 332).

[534] С 24 часов 4 июня корпус находился в составе 8-й армии (Там же. Ф. 3010. Оп. 1. Д. 77. Л. 110). Ранее корпус входил в 7-ю армию.

[535] Ранее дивизия находилась в составе 11-го армейского корпуса. На 10 июня 11-я пехотная дивизия отмечена в составе 12-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 266). 14 июня дивизия двигалась в район 12-го армейского корпуса (Там же. Л. 330).

[536] Ранее дивизия находилась в составе 33-го армейского корпуса 7-й армии.11 июня 1-я Заамурская пограничная пехотная дивизия передана вместе с занимаемым участком фронта в 8-ю армию и вошла в состав 12-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 289).

	47-я пехотная дивизия
	56-я пехотная дивизия[539]
	160-я пехотная дивизия
18-й армейский корпус	37-я пехотная дивизия[540]
	43-я пехотная дивизия[541]
	64-я пехотная дивизия[542]
	166-я пехотная дивизия
	7-я кавалерийская дивизия[543]
23-й армейский корпус	59-я пехотная дивизия[544]
	79-я пехотная дивизия[545]

[537] Ранее корпус входил в 7-ю армию. На 14 июня находился в составе 8-й армии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 330).

[538] На 14 июня юго-западнее позиций 41-й пехотной дивизии располагался участок, занятый стрелковыми полками 9-й и Сводной кавалерийских дивизий 2-го кавалерийского корпуса. Дивизии 2-го кавалерийского корпуса входили в 7-ю армию (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 330).

[539] Ранее дивизия входила в состав 34-го армейского корпуса Особой армии. На 14 июня в район корпуса прибыло три полка 56-й пехотной дивизии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 330).

[540] К вечеру 18 мая 37-я пехотная дивизия сменила на позиции части 43-й пехотной дивизии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 1. Л. 64). 12 июня спешенные части 7-й кавалерийской дивизии сменены на позиции стрелковым полком этой же дивизии. Вместе с тем, участок, занимаемый частями 7-й кавалерийской дивизии и её стрелковый полк приданы 37-й пехотной дивизии (Там же. Ч. 2. Л. 313).

[541] К вечеру 18 мая части 43-й пехотной дивизии были сменены 37-й пехотной дивизией (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 1. Л. 64). 13 июня части 43-й пехотной дивизии выступили для смены 64-й пехотной дивизии (Там же. Ч. 2. Л. 314). На 14 июня три полка дивизии состояли в корпусном резерве, один полк (172-й пехотный Лидский полк) находился в армейском резерве (Там же. Л. 331–332, 333). 16 июня завершилась смена на позициях частей 64-й пехотной дивизии 43-ей пехотной дивизией (Там же. Л. 345).

[542] 13 июня части 43-й пехотной дивизии выступили для смены 64-й пехотной дивизии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 314). 16 июня завершилась смена на позициях частей 64-й пехотной дивизии 43-ей пехотной дивизией (Там же. Л. 345).

[543] Ранее дивизия входила в 11-й армейский корпус. 19 мая дивизия передавалась в состав 18-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 1. Л. 63). 5 июня один полк 59-й пехотной дивизии (234-й пехотный Богучарский полк) 23-го армейского корпуса был сменён на позиции спешенными частями 7-й кавалерийской дивизии 18-го армейского корпуса (Там же. Л. 222). 12 июня спешенные части 7-й кавалерийской дивизии были сменены на позиции стрелковым полком этой же дивизии. Вместе с тем, участок, занимаемый частями 7-й кавалерийской дивизии и её стрелковый полк приданы 37-й пехотной дивизии (Там же. Ч. 2. Л. 313). 13 июня дивизия (без стрелкового полка) выступила из района 18-го армейского корпуса для следования в Делатынь (Там же. Л. 314).

[544] 17 апреля один полк 82-й пехотной дивизии был сменён на позициях одним полком 59-й пехотной дивизии (234-м пехотным Богучарским полком). Сменённый полк (в документе номер полка не указан) отошёл в армейский резерв (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 151). 3 мая один полк 59-й пехотной дивизии, находившийся в армейском резерве, включён в состав 82-й пехотной дивизии и встал на позицию. На его место в армейский резерв отошёл один полк 82-й пехотной дивизии (Там же. Ч. 2. Л. 276). 4 мая смена 82-й пехотной дивизии частями 59-й пехотной дивизии продолжалась (Там же. Л. 284). К 6 мая смена 82-й пехотной дивизии частями 59-й пехотной дивизии завершилась (Там же. Л. 306). 5 июня один полк 59-й пехотной дивизии (234-й пехотный Богучарский полк) 23-го армейского корпуса был сменён на позиции спешенными частями 7-й кавалерийской дивизии 18-го армейского корпуса (Там же. Д. 193. Ч. 1. Л. 222). 12 июня началась смена 79-й пехотной дивизии частями 59-й и 167-й пехотных дивизий (Там же. Ч. 2. Л. 313).

	82-я пехотная дивизия[546]
	167-я пехотная дивизия[547]
44-й армейский корпус[548]	57-я пехотная дивизия
	111-я пехотная дивизия
	192-я пехотная дивизия
Армейский резерв	Кавказская туземная конная дивизия[549]

(18 июня – 11 июля)

Номер корпуса	**Дивизии, входящие в состав корпуса**
2-й Гвардейский корпус[550]	3-я гвардейская пехотная дивизия[551]
	Гвардейская стрелковая дивизия
11-й армейский корпус[552]	12-я пехотная дивизия
	32-я пехотная дивизия
	165-я пехотная дивизия
12-й армейский корпус	11-я пехотная дивизия[553]
	19-я пехотная дивизия
	56-я пехотная дивизия[554]

[545] 12 июня началась смена 79-й пехотной дивизии частями 59-й и 167-й пехотных дивизий (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 313). На 14 июня один полк дивизии (316-й пехотный Хвалынский полк) находился в армейском резерве (Там же. Л. 332).

[546] 17 апреля один полк 82-й пехотной дивизии сменён на позициях одним полком 59-й пехотной дивизии (234-м пехотным Богучарским полком). Сменённый полк (в документе номер полка не указан) отошёл в армейский резерв (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 151). 3 мая один полк 59-й пехотной дивизии, находившийся в армейском резерве, включён в состав 82-й пехотной дивизии и встал на позицию. На его место в армейский резерв отошёл один полк 82-й пехотной дивизии (Там же. Ч. 2. Л. 276). 4 мая смена 82-й пехотной дивизии частями 59-й пехотной дивизии продолжалась (Там же. Л. 284). К 6 мая смена 82-й пехотной дивизии частями 59-й пехотной дивизии завершилась (Там же. Л. 306). На 8 июня заканчивалась отправка дивизии в 11-ю армию (Там же. Д. 193. Ч. 2. Л. 257).

[547] 12 июня началась смена 79-й пехотной дивизии частями 59-й и 167-й пехотных дивизий (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 313).

[548] Корпус находился в резерве главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта в районе Черновиц с 31 марта (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 52). В дальнейшем корпус был передан в 7-ю армию.

[549] До 27 мая дивизия находилась в резерве главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. С 27 мая перевозилась в 8-ю армию (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 1. Л. 138). 31 мая четыре полка дивизии прибыла в состав 8-й армии (Там же. Л.183).

[550] Ранее корпус входил в состав 7-й армии. С 29 июня передан в 8-ю армию (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 3. Л. 399). 10 июля 2-й Гвардейский корпус сосредоточивался в районе г. Бучач (Там же. Д. 194. Ч. 1. Л. 55). Далее корпус действовал в составе 7-й армии.

[551] Согласно телеграмме от 3 июля, дополняющей сводку от 2 июля, бригада 3-й гвардейской пехотной дивизии 2-го Гвардейского корпуса сменила на позициях 23-ю пехотную дивизию 33-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 13).

[552] На 11 июля корпус передан в состав 1-й армии (Там же. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 678. Л. 14).

[553] На 21 июня дивизия встала на позиции (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 362).

	117-я пехотная дивизия[555]
	164-я пехотная дивизия
	1-я Заамурская пограничная пехотная дивизия[556]
	Кавказская туземная конная дивизия[557]
	3-я Кавказская казачья дивизия[558]
	2-я бригада 9-й кавалерийской дивизии[559]
16-й армейский корпус	41-я пехотная дивизия
	47-я пехотная дивизия[560]
	160-я пехотная дивизия
	Отряд[561] генерала С.Т. Мальсагова[562]
	7-я кавалерийская дивизия[563]
	9-я кавалерийская дивизия[564]
	3-я Кавказская казачья дивизия[565]

[554] На 18 июня дивизия в составе 12-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 2. Л. 352). К вечеру 25 июня дивизия находилась в корпусном резерве (Там же. Ч. 3. Л. 386). На вечер 1 июля три полка дивизии состояли в корпусном резерве (Там же. Д. 194. Ч. 1. Л. 6). На вечер 11 июля дивизия состояла в резерве главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта (Там же. Л. 58).

[555] На вечер 3 июля дивизия в корпусном резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 16).

[556] После вхождения в состав 8-й армии 33-го армейского корпуса (согласно документам, нахождение 33-го армейского корпуса в составе 8-й армии отмечается с 27 июня), дивизия действовала в его составе (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 3. Л. 397).

[557] На 25 июня в составе корпуса указано присутствие одной бригады этой дивизии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 3. Л. 383, 386). Согласно телеграмме от 3 июля, дополняющей сводку от 2 июля, в составе корпуса указывалась вся дивизия (Там же. Д. 194. Ч. 1. Л. 13). На вечер 3 июля дивизия находилась в составе 16-го армейского корпуса (Там же. Л. 16).

[558] На 25 июня дивизия в составе 12-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 3. Л. 383, 386). На вечер 28 июня дивизия в составе 16-го армейского корпуса (Там же. Л. 397). На вечер 3 июля дивизия (без стрелкового дивизиона) в составе 12-го армейского корпуса (Там же. Д. 194. Ч. 1. Л. 16).

[559] 27 июня 2-я бригада 9-й кавалерийской дивизии 2-го кавалерийского корпуса 7-й армии находилась в пути в район 12-го армейского корпуса 8-й армии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 3. Л. 394). Согласно телеграмме от 3 июля, дополняющей сводку от 2 июля, бригада «в распоряжении комкор 12» (Там же. Д. 194. Ч. 1. Л. 13). На вечер 5 июля дивизия находилась в составе 16-го армейского корпуса (Там же. Л. 20).

[560] К вечеру 6 июля 23-я пехотная дивизия 33-го армейского корпуса сменила 47-ю пехотную дивизию 16-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 24).

[561] В состав отряда входили: 1-я бригада 3-й Кавказской казачьей дивизии, три стрелковых полка, Осетинская пешая бригада и артиллерийский дивизион. На 29 июня отряд действовал в составе 16-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 3. Л. 400).

[562] С.Т. Мальсагов (1868–1944) – генерал-майор. В конце 1916 г. командующий 1-й бригады 3-й Кавказской казачьей дивизии. Весной 1917 г. был назначен командиром отряда, называемого в документах «Отряд генерала С.Т. Мальсагова», принявшем участие в Июньском наступлении русской армии. Войну С.Т. Мальсагов завершил на Западном фронте. Участник белого движения. В 1920 г. эмигрировал во Францию.

[563] Ранее дивизия находилась в составе 18-го армейского корпуса. На вечер 28 июня дивизия в составе 16-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 3. Л. 397).

[564] Ранее 1-я бригада дивизии находилась в 33-м армейском корпусе, а 2-я бригада-в 12-м армейском корпусе. На вечер 5 июля дивизия находилась в составе 16-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 20).

	Кавказская туземная конная дивизия[566]
18-й армейский корпус[567]	37-я пехотная дивизия
	43-я пехотная дивизия
	64-я пехотная дивизия
	166-я пехотная дивизия
	7-я кавалерийская дивизия[568]
23-й армейский корпус[569]	59-я пехотная дивизия
	79-я пехотная дивизия
	167-я пехотная дивизия
33-й армейский корпус[570]	23-я пехотная дивизия[571]
	1-я Заамурская пограничная пехотная дивизия[572]
	2-я Заамурская пограничная пехотная дивизия[573]
	4-я Заамурская пограничная пехотная дивизия
	1-я бригада 9-й кавалерийской дивизии[574]
3-й Кавказский армейский	21-я пехотная дивизия

[565] Ранее дивизия входила в состав 12-го армейского корпуса. На вечер 28 июня дивизия в составе 16-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 3. Л. 397). На вечер 3 июля дивизия (без стрелкового дивизиона) в составе 12-го армейского корпуса (Там же. Д. 194. Ч. 1. Л. 16).

[566] Ранее дивизия находилась в составе 12-го армейского корпуса. На вечер 3 июля дивизия находилась в составе 16-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 16).

[567] На 11 июля корпус передан в состав 1-й армии (Там же. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 678. Л. 14).

[568] На вечер 28 июня дивизия находилась в составе 16-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 3. Л. 397).

[569] На 11 июля корпус передан в состав 1-й армии (Там же. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 678. Л. 14).

[570] На 27 июня корпус находился в составе 8-й армии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 3. Л. 394). 27 июня 81-й пехотный Апшеронский полк 21-й пехотной дивизии 3-го Кавказского армейского корпуса 7-й армии сменил на позиции правофланговый 5-й Заамурский пограничный пехотный полк 2-й Заамурской пограничной пехотной дивизии 33-го армейского корпуса 8-й армии (Там же. Л. 394).

[571] Ранее дивизия находилась в 34-м армейском корпусе 7-й армии. На вечер 28 июня дивизия входила в состав 33-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 3. Л. 397). К вечеру 29 июня 23-я пехотная дивизия сменила 2-ю Заамурскую пограничную пехотную дивизию (Там же. Л. 399). Согласно телеграмме от 3 июля, дополняющей сводку от 2 июля, бригада 3-й гвардейской пехотной дивизии 2-го Гвардейского корпуса сменила на позициях 23-ю пехотную дивизию 33-го армейского корпуса (Там же. Д. 194. Ч. 1. Л. 13). К вечеру 6 июля 23-я пехотная дивизия 33-го армейского корпуса сменила 47-ю пехотную дивизию 16-го армейского корпуса (Там же. Л. 24). На вечер 11 июля дивизия находилась в армейском резерве (Там же. Л. 58).

[572] Ранее дивизия действовала в составе 12-го армейского корпуса. После вхождения в 8-ю армию 33-го армейского корпуса (согласно документам, нахождение 33-го армейского корпуса в составе 8-й армии отмечается с 27 июня), дивизия действовала в его составе (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 3. Л. 397). На вечер 1 июля дивизия выводилась в корпусной резерв (Там же. Д. 194. Ч. 1. Л. 6).

[573] К вечеру 29 июня 23-я пехотная дивизия сменила 2-ю Заамурскую пограничную пехотную дивизию (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 3. Л. 399).

[574] Согласно телеграмме от 3 июля, дополняющей сводку от 2 июля, бригада «в распоряжении комкор 33» (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 13). На вечер 5 июля дивизия находилась в составе 16-го армейского корпуса (Там же. Л. 20).

корпус[575]	52-я пехотная дивизия[576]
	162-я пехотная дивизия
2-й кавалерийский корпус[577]	9-я кавалерийская дивизия[578]
	Сводная кавалерийская дивизия
Армейский резерв	Кавказская туземная конная дивизия[579]

(12–26 июля[580])

Номер корпуса	**Дивизии, входящие в состав корпуса**
12-й армейский корпус[581]	11-я пехотная дивизия[582]
	19-я пехотная дивизия[583]
	23-я пехотная дивизия[584]
	56-я пехотная дивизия[585]

[575] На вечер 1 июля корпус в составе 8-й армии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 5–6).

[576] На вечер 1 июля одна бригада 52-й пехотной дивизии временно занимала позиции на левом фланге 22-го армейского корпуса 7-й армии вследствие отказа частей 22-го армейского корпуса её сменить (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 6). К вечеру 2 июля один полк 5-й Финляндской стрелковой дивизии 22-го армейского корпуса 7-й армии сменил один полк бригады 52-й пехотной дивизии 3-го Кавказского армейского корпуса 8-й армии (Там же. Л. 9). К вечеру 3 июля один полк 52-й пехотной дивизии 3-го Кавказского армейского корпуса 8-й армии был сменён частями 22-го армейского корпуса 7-й армии (Там же. Л. 16).

[577] Ранее корпус входил в 7-ю армию. Согласно телеграмме от 3 июля, дополняющей сводку от 2 июля, корпус в составе 8-й армии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л.13). К вечеру 7 июля корпус встал на позицию (Там же. Л. 29). На вечер 12 июля корпус возвращён в состав 7-й армии (Там же. Л. 63). На 25 июля корпус передан в состав 1-й армии (Там же. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 678. Л. 50).

[578] Согласно телеграмме от 3 июля, дополняющей сводку от 2 июля, 1-я и 2-я бригады 9-й кавалерийской дивизии соответственно «в распоряжении комкор 33, бригада в распоряжении комкор 12» (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 13). На вечер 5 июля дивизия находилась в составе 16-го армейского корпуса (Там же. Л. 20).

[579] На 25 июня в составе 12-го армейского корпуса указано присутствие одной бригады этой дивизии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 193. Ч. 3. Л. 383, 386). Согласно телеграмме от 3 июля, в составе 12-го армейского корпуса указывалась вся дивизия (Там же. Д. 194. Ч. 1. Л. 13).

[580] 25–26 июля 8-я армия вошла в состав Румынского фронта. К вечеру 26 июля фиксация расположения её частей и соединений в сводках штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта была прекращена (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 3. Л. 161, 163). Вследствие перехода 8-й армии в состав Румынского фронта в дальнейшем боевое расписание этой армии в настоящем приложении продолжено не будет.

[581] К утру 15 июля корпус в составе 19-й, 117-й, 164-й пехотных дивизий выводился в армейский резерв (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 74 об., Ч. 2. Л. 83). На вечер 18 июля части корпуса находились на позициях (Там же. Ч. 2. Л. 97). На вечер 26 июля 12-й армейский корпус в составе 19-й, 64-й и 164-й пехотных дивизий был передан в 7-ю армию (Там же. Ч. 3. Л. 163).

[582] На вечер 12 июля дивизия находилась в резерве главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 64). На вечер 21 июля 11-я пехотная дивизия входила в состав Сводного кавалерийского корпуса (Там же. Ч. 2. Л. 129).

[583] На вечер 13 июля три полка дивизии составляли корпусной резерв (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 68). На вечер 18 июля дивизия совместно с одним полком 52-й пехотной дивизии 3-го Кавказского армейского корпуса находилась на позиции (Там же. Ч. 2. Л. 97). На 25 июля 64-я пехотная дивизия сменила на позиции 19-ю пехотную дивизию, которая отошла в корпусной резерв (Там же. Ч. 3. Л. 160).

[584] Ранее дивизия находилась в 33-м армейском корпусе. На вечер 14 июля дивизия входила в состав 12-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 74 об.). На утро 15 июля дивизия включалась в состав 16-го армейского корпуса (Там же. Л. 74 об., 75).

	64-я пехотная дивизия[586]
	117-я пехотная дивизия[587]
	164-я пехотная дивизия[588]
16-й армейский корпус	23-я пехотная дивизия[589]
	41-я пехотная дивизия[590]
	47-я пехотная дивизия[591]
	160-я пехотная дивизия[592]
	Отряд генерала С.Т. Мальсагова[593]
	Осетинская пешая бригада[594]

[585] На вечер 13 июля дивизия находилась в армейском резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 68). На вечер 26 июля 56-я пехотная дивизия была передана в 7-ю армию и находилась в её резерве (Там же. Ч. 3. Л. 163).

[586] Ранее дивизия находилась в резерве 7-й армии. На вечер 20 июля дивизия состояла в резерве 8-й армии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 2. Л. 118). На вечер 21 июля дивизия вошла в состав 12-го армейского корпуса (Там же. Л. 129). На 25 июля 64-я пехотная дивизия сменила на позиции 19-ю пехотную дивизию, которая отошла в корпусной резерв (Там же. Ч. 3. Л. 160).

[587] На вечер 13 июля одна бригада 1-й Заамурской пограничной пехотной дивизии состояла в корпусном резерве, другая бригада действовала совместно со 117-й пехотной дивизией 12-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 68). На вечер 14 июля 117-я пехотная дивизия состояла в корпусном резерве (Там же. Л. 74 об.). На вечер 18 июля дивизия из армейского резерва, где она находилась в составе 12-го армейского корпуса, была передана в распоряжение командира 33-го армейского корпуса (Там же. Ч. 2. Л. 98).

[588] На вечер 18 июля дивизия в корпусном резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 2. Л. 97).

[589] Ранее дивизия находилась в 12-м армейском корпусе. На утро 15 июля дивизия включалась в состав 16-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 74 об., 75). На вечер 17 июля 23-я пехотная дивизия занимала позицию совместно с Осетинской пешей бригадой и ударным батальоном 167-й пехотной дивизии (Там же. Ч. 2. Л. 94). На вечер 18 июля 23-я пехотная дивизия занимала позицию совместно с Осетинской пешей бригадой и одним полком 160-й пехотной дивизии (Там же. Л. 98). В телеграмме от 24 июля указано, что планировалась отправка 23-й пехотной дивизии в 1-ю армию (Там же. Л. 149); на 25 июля дивизия в составе 1-й армии (Там же. Ч. 3. Л. 160).

[590] На вечер 17 июля дивизия занимала позиции совместно со стрелковым полком Сводной кавалерийской дивизии 2-го кавалерийского корпуса 7-й армии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 2. Л. 94).

[591] На вечер 17 июля дивизия занимала позицию совместно с одним полком 160-й пехотной дивизии, стрелковым дивизионом 3-й Кавказской казачьей дивизии Сводного кавалерийского корпуса и стрелковым полком 9-й кавалерийской дивизии 2-го кавалерийского корпуса 7-й армии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 2. Л. 94). На 25 июля дивизия действовала с одним полком 160-й пехотной дивизии (Там же. Ч. 3. Л. 160).

[592] На вечер 17 июля три полка дивизии состояли в корпусном резерве, один полк занимал позиции совместно с частями 47-й пехотной дивизии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 2. Л. 94). На вечер 18 июля один полк дивизии занимал позицию совместно с 23-й пехотной дивизией, один полк-совместно с 47-й пехотной дивизией; одна бригада дивизии находилась в корпусном резерве (Там же. Л. 98). На вечер 19 июля три полка дивизии находились в корпусном резерве. В корпусной резерв перешёл полк, действовавЗший совместно с 47-й пехотной дивизией (Там же. Л. 107). На вечер 24 июля 160-я пехотная дивизия в составе трёх полков выступила в распоряжение командующего 1-й армией (Там же. Л. 152–153).

[593] На вечер 14 июля бригада генерала С.Т. Мальсагова находилась в корпусном резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 75).

[594] На вечер 13-го июля бригада находилась в корпусном резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 68). На вечер 16 июля бригада и стрелковый полк 9-й кавалерийской дивизии (входившей во 2-й кавалерийский корпус 7-й армии) выдвинуты в район 23-й и 47-й пехотных дивизий (Там же. Ч. 2. Л. 88). На вечер 17 июля 23-я пехотная дивизия занимала позицию совместно с Осетинской пешей бригадой и ударным батальоном

33-й армейский корпус	23-я пехотная дивизия[595]
	117-я пехотная дивизия[596]
	1-я Заамурская пограничная пехотная дивизия[597]
	2-я Заамурская пограничная пехотная дивизия[598]
	4-я Заамурская пограничная пехотная дивизия
3-й Кавказский армейский корпус[599]	11-я пехотная дивизия[600]
	21-я пехотная дивизия
	52-я пехотная дивизия[601]
	162-я пехотная дивизия
2-й кавалерийский корпус[602]	9-я кавалерийская дивизия
	Сводная кавалерийская дивизия
Сводный кавалерийский корпус[603]	11-я пехотная дивизия[604]
	3-я Кавказская казачья дивизия
	7-я кавалерийская дивизия

167-й пехотной дивизии (Там же. Л. 94). На вечер 18 июля 23-я пехотная дивизия занимала позицию совместно с Осетинской пешей бригадой и одним полком 160-й пехотной дивизии (Там же. Л. 98).

[595] На вечер 14 июля дивизия входила в состав 12-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 74 об.).

[596] Ранее дивизия входила в состав 12-го армейского корпуса. На вечер 18 июля дивизия из армейского резерва, где она находилась в составе 12-го армейского корпуса, была передана в распоряжение командира 33-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 2. Л. 98).

[597] На вечер 13 июля одна бригада 1-й Заамурской пограничной пехотной дивизии состояла в корпусном резерве, другая бригада действовала совместно со 117-й пехотной дивизией 12-го армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 68). На вечер 14 июля дивизия находилась в корпусном резерве (Там же. Л. 74 об.). На вечер 21 июля дивизия состояла в корпусном резерве (Там же. Ч. 2. Л. 129). На 25 июля дивизия находилась на позиции (Там же. Ч. 3. Л. 160).

[598] На вечер 13 июля дивизия составляла корпусной резерв (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 68). На вечер 14 июля дивизия находилась на позициях (Там же. Л. 74 об.). На 25 июля три полка дивизии состояли в корпусном резерве, один полк занимал позицию совместно со 117-й пехотной дивизией (Там же. Ч. 3. Л. 160).

[599] На вечер 26 июля 3-й Кавказский армейский корпус в указанном составе был передан в 7-ю армию (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 3. Л. 163).

[600] Ранее дивизия входила в Сводный кавалерийский корпус. На вечер 24 июля дивизия с занимаемым ею участком вошла в состав 3-го Кавказского армейского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 2. Л. 152).

[601] На вечер 13 июля дивизия состояла в корпусном резерве (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 68). На 17 июля дивизия находилась на позициях (Там же. Ч. 2. Л. 94).

[602] Ранее корпус находился в составе 7-й армии. На вечер 19 июля корпус находился в резерве 8-й армии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 2. Л. 107).

[603] На 13 июля корпус впервые упомянут в сводках штаба Юго-Западного фронта в составе 8-й армии (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 1. Л. 68). На вечер 18 июля корпус находился в армейском резерве (Там же. Ч. 2. Л. 98).

[604] Ранее дивизия входила в 12-й армейский корпус, затем состояла в резерве главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. На вечер 21 июля 11-я пехотная дивизия входила в состав Сводного кавалерийского корпуса (Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 194. Ч. 2. Л. 129). На вечер 24 июля дивизия с занимаемым ею участком вошла в состав 3-го Кавказского армейского корпуса (Там же. Л. 152).

Приложение № 2

Боевое расписание войск Четверного союза, противостоящих армиям русского Юго-Западного фронта (15 февраля – 1 ноября 1917 г.) (по материалам Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) и штабов Юго-Западного фронта, Особой[1] и 7-й армий[2])

Приложение № 4 к разведывательной сводке № 222 от 15 февраля 1917 года.
Подсчёт сил противника, действующих против армий Юго-Западного фронта по данным к вечеру 15 февраля 1917 года[3]; приложение № 4 к разведывательной сводке № 223 от 22 февраля 1917 года[4]; приложение № 3 к разведывательной сводке № 224 от 1 марта 1917 года[5]; приложение № 3 к разведывательной сводке № 225 от 8 марта 1917 года[6].
I. Фронт Рудка-Ситовичская – Мерва (120 вёрст) (участок Особой армии, – С.К.)

Дивизия (бригада)	**Полк (батальон)**	**Народность**
26[-я] австр[ийская]	11[-й] л[ан]дв[ерный]	Чеш[ский]
	12,,	
24[7]	9 ,,	
4[-я] австр[ийская]	99[-й] имп[ерский]	Пол[яки]
	49 ,,	Нем[цы]
	8 ,,	Чеш[ский]
	30[-й] л[анд]в[ерный]	
41[-я] г[о]нв[едная][8]	?[9] 32[-й] г[о]нв[едный]	Рум[ыны]
107[-я] герм[анская]	232[-й] рез[ервный]	Нем[цы]
	227 ,,	Нем[цы]
	52 ,,	Нем[цы]
	37[-й] л[анд]в[ерный] п[олк] 3[-ей] л[анд]в[ерной] д[ивизии]	Нем[цы]
86[-я] герм[анская] ?	341[-й] пех[отный][10]	Нем[цы]

[1] РГВИА. Ф. 2158. Оп. 1. Д. 189. Л. 265–268; 285–288; 324–327 об.; 399–402.
[2] Там же. Ф. 2246. Оп. 1. Д. 162. Л. 107–110; 125–128; 176–179; 204–207; 212–215; 226–229.
[3] Там же. Ф. 2158. Оп. 1. Д. 189. Л. 265–268.
[4] Там же. Л. 285–288.
[5] Там же. Л. 324–327 об.
[6] Там же. Л. 399–402.
[7] Здесь и далее указан номер полевой почтовой конторы дивизии.
[8] К 22 февраля части этой дивизии не обнаружены (Там же. Ф. 2158. Оп. 1. Д. 189. Л. 285).
[9] Предположительно.

	344 ,,	,,
	346 ,,	,,
92[-я] герм[анская]	39[-й] л[анд]в[ерный]	Нем[цы]
	133,, (вероятно, 33-й ланд-верный, – СК)	,,
	432[-й] пех[отный]	,,
29[-я] австр[ийская]	74[-й] имп[ерский]	Чеш[ский]
405	94 ,,	Нем[цы]
	42 ,,	,,
	68[-й] герм[анский полк] 16[-й] г[ерманской] д[ивизии]	,,
16[-я] герм[анская] пол[евая][11]	28[-й] пех[отный]	Нем[цы]
	29 ,,	,,
	92[-й] австр[ийский]	Чеш[ский]
15[-я] герм[анская] пол[евая][12]	160[-й] пех[отный]	Нем[цы]
	69 ,,	,,
	389 ,,	,,
	46[-й] рез[ервный][13] 46[-й] пех[отный] (119[-й германской д[ивизии])[14]	Нем[цы] ,,

[10] «Окончательно устанавливается смена в районе Заячевки 341[-го] полка 86[-й] герм[анской] дивизии частями 349[-го] ландв[ерного] полка 91[-й] герм[анской] дивизии» (Там же. Ф. 2256. Оп. 1. Д. 183. Л. 375 об.; там же. Ф. 2228. Оп. 1. Д. 994. Л. 193 об.).

[11] Согласно разведывательной сводке от 9 мая, дивизия снята с учёта на фронте Особой армии, поскольку были получены показания бежавшего из плена русского солдата и данные войскового наблюдения, в соответствии с которыми дивизия в начале мая была переброшена на Французский фронт (Там же. Ф. 2228. Оп. 1. Д. 996. Л. 46 об.–47).

[12] Согласно показаниям двух перебежчиков (немец и поляк) 28-го германского полка, «6 дней тому назад» дивизия переброшена во Францию (Там же. Ф. 2256. Оп. 1. Д. 225. Л. 16–17). По другим данным, содержавшимся в сводке от 4 апреля, «1 из офицеров видел дня 3 тому назад в Калуше погрузку 15-й герм[анской] дивизии в вагоны, которая со всей своей артиллерией перебрасывается на Французский фронт» (Там же. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 183. Л. 91; Ф. 2244. Оп. 1. Д. 395. Л. 7).

[13] К 13 марта полк зафиксирован на Рогатинском направлении (участок 7-й армии) (Там же. Ф. 2256. Оп. 1. Д. 183. Л. 245 об.).

[14] В апреле у Бржежан, на р. Золотая Липа (фронт 7-й армии) (см. *Норден А.* Между Берлином и Москвой. К истории германо-советских отношений / Пер. с нем. В. Бая, Г. Кычаковой, А. Семёновой, С. Халецкой. М., 1956. С. 88).

2[-я] австр[ийская] 412 ?	Б[а]т[а]л[ьон] 62[-го] имп[ерского] полка	Мад[ьяры] – рум[ыны]
	29[-й] ег[ерский] б[а]т[а]л[ьон]	Мад[ьяры]
	103[-й] имп[ерский]	Рум[ыны] – мад[ьяры] – рус[ины]
	40[-й] имп[ерский]	Пол[яки] – рус[ины]
	4[-й] ег[ерский] б[а]т[а]л[ьон]	Пол[яки] – рус[ины]
Новая див[изия] (герман[ская])[15]	419[-й] п[олк]	
	?	
	?	
10[-я] герм[анская] л[анд]в[ерная]	372[-й] п[олк]	Нем[цы]
	377 ,,	,,
	378 ,,	,,
	? 106 п[олк] 58[-й] див[изии]	,,
13[-я] австр[ийская] л[анд]в[ерная] 291 ?	Сводный (норд) б[а]т[а]л[ьон] № 1	Итал[ьянцы]
	24[-й] л[анд]в[ерный] п[олк]	Нем[цы]
	1 ,, ,,	,,
215[-я] герм[анская] див[изия]	2[-й] зап[асный] рез[ервный] ?	Нем[цы]
	40[-й] зап[асный] п[олк]?	,,
	437[-й] пех[отный]	,,
11[-я] австр[ийская] 80	89[-й] имп[ерский]	Рус[ины]
	90 ,,	Пол[яки]
	95 ,,	Рус[ины]
	58 ,,	,,
224[-я] герм[анская] див[изия]	19[-й] л[ан]дв[ерный]	Нем[цы]
	61[-й] л[анд]в[ерный] герм[анский]	,,
	429[-й] герм[анский] п[олк]	,,
108[-я] герм[анская]	97[-й] пех[отный]	Нем[цы]
	137 ,,	,,
	265[-й] рез[ервный]	,,

[15] Уточнение в скобках дано, согласно РГВИА. Ф. 2158. Оп. 1. Д. 189. Л. 285 об.

	14[-й] ег[ерский] б[а]т[а]л[ьон] 6[-го] ег[ерского] п[олка]	,,
2[-я] бриг[ада] герм[анской] гвард[ейской] кав[алерийской] див[изии]	1[-й] гв[ардейский] ул[анский]	Нем[цы]
	3 ,, ,,	,,
7[-я] австр[ийская][16]	37[-й] имп[ерский]	Мад[ьяры]. Рум[ыны]
	38 ,,	Мад[ьяры]
111	79 ,,	Серб[ы]. Хорв[аты]
	68 ,,	Мад[ьяры]
	21[-й] ег[ерский] б[а]т[а]л[ьон]	Нем[цы]
Части 22[-й] герм[анской] д[ивизии]	82[-й] пех[отный]	Нем[цы]
	83 ,,	,,
	167 ,,	,,

20[-я] г[о]нв[едная] д[ивизия]	? 1[-й] г[о]нв[едный]	Мад[ьяры]
	3 ,,	,,
417	4 ,,	Рум[ыны] Мад[ьяры]
	17 ,,	Мад[ьяры]
45-я ландверная германская дивизия[17]	106-й ландверный полк	Немцы
	107 ,,	,,
	133 ,,	,,
	Ландштурменный батальон Пассау	,,
	Ландштурменный батальон Кёльн	,,
46[-я] л[анд]в[ерная] австр[ийская]	17[-й] ег[ерский] б[а]т[а]л[ьон]	Нем[цы]
287	13[-й] л[анд]шт[урменный] п[олк]	Чеш[ский] Нем[ецкий]

II. Фронт Мерва – Куропатники (100 вёрст) (участок 11-й армии, – С.К.)

46[-я] л[анд]в[ерная]	31[-й] л[анд]в[ерный]	Пол[яки]

[16] К 1 марта на фронте Особой армии было зафиксировано нахождение только 71-й бригады 7-й австрийской пехотной дивизии (в состав бригады не были включены 37-й и 79-й имперские полки) (Там же. Ф. 2158. Оп. 1. Д. 189. Л. 324 об.). А к 8 марта 7-й австрийской пехотной дивизии на данном участке Юго-Западного фронта не обнаружено (Там же. Ф. 2158. Оп. 1. Д. 189. Л. 399 об.).

[17] Присутствие частей этой дивизии зафиксировано на участке Особой армии с 16 апреля (Там же. Ф. 2256. Оп. 1. Д. 183. Л. 349 и об.).

австр[ийская]	32 ,,	,,
	15 ,,	Нем[цы]
	16 ,,	Пол[яки]
	13 ,,	Чеш[ский] – Нем[ецкий]
	31[-й] ег[ерский] б[а]т[а]л[ьон]	Серб[ы] – Хорв[аты]
25[-я] австр[ийская]	10[-й] ег[ерский] б[а]т[а]л[ьон]	Чеш[ско] – нем[ецко] – итал[ьянский]
297	25 ,, ,,	Нем[цы]
	4[-й] имп[ерский]	Серб[ы] – Хорв[аты]
	84 ,,	,, ,,
	Свод[ный] тирол[ьский] ег[ерский] б[а]т[а]л[ьон]	Итал[ьянцы]
106[-я] л[анд]шт[урменная] австр[ийская]	?[18]1[-й] ав[стрийский] л[анд]шт[урменный]	Нем[цы]
	6 ,, ,,	Чеш[ский]
296	25 ,, ,,	,,
	31 ,, ,,	Пол[яки]
	?[19] 19[-й] п[олк] 33[-ей] див[изии]	Нем[ецко] – чеш[ский]
27[-я] австр[ийская]	67[-й] имп[ерский]	Рус[ины]
	25 ,,	Мад[ьяро] – Словац[кий]
107	34 ,,	Мад[ьяры] – Рус[ины]
	85 ,,	Рус[ины]
4[-я] кав[алерийская] австр[ийская]	9[-й] драг[унский]	Рус[ины] – рум[ыны]
	13[-й] ул[анский]	Пол[яки] – рус[ины]
	1 ,,	,, ,,
284	5[-й] драг[унский][20]	Нем[цы]
10[-я] бав[арская]	6[-й] рез[ервный] бав[арский]	Нем[цы]
	8 ,, ,,	
244	16[-й] Бав[арский] п[олк]	
33[-я] австр[ийская]	12[-й] имп[ерский]	Мад[ьяро] – словац[кий]

[18] К 22 февраля нахождение данного полка на этом участке считалось предположительным (Там же. Ф. 2158. Оп. 1. Д. 189. Л. 286).

[19] К 22 февраля нахождение данного полка на этом участке считалось предположительным (Там же. Ф. 2158. Оп. 1. Д. 189. Л. 286).

[20] Нахождение на этом участке фронта 5-го драгунского полка указано в сводке к 22 февраля (Там же. Ф. 2158. Оп. 1. Д. 189. Л. 286). Ранее, в сводке к 15 февраля сообщалось о присутствии 15-го драгунского полка (Там же. Л. 266), что, по-нашему мнению, является неточностью.

77	26 ,,	Словац[кий]
	83 ,,	,,

Лейб-гус[арская] бриг[ада] (герм[анская])[21]	1[-й] лейб-гус[арский]	Нем[цы]
	2 ,, ,,	,,
195[-я] герм[анская]	233[-й] рез[ервный]	Нем[цы]
	8[-й] ег[ерский] п[олк] (24[-й] рез[ервный], 16[-й] рез[ервный], 4[-й] рез[ервный] ег[ерские] б[а]т[а]л[ьоны])	,,
	6[-й] ег[ерский] п[олк] (5[-й] и 6[-й] ег[ерские] б[а]т[а]л[ьоны])	,,
197[-я] герм[анская][22]	273[-й] рез[ервный]	Нем[цы]
	13[-й] ег[ерский] б[а]т[а]л[ьон]	,,
	25[-й] рез[ервный] ,, ,,	,,
	26 ,, ,, ,,	,,
	29[-й] л[анд]в[ерный] ав[стрийский] п[олк] 19[-й] австр[ийской] див[изии][23]	Чеш[ско] – нем[ецкий]
32[-я] австр[ийская]	32[-й] л[анд]в[ерный] герм[анский]	Нем[цы]
105	23[-й] имп[ерский]	Мад[ьяры] – рум[ыны]
	70 ,,	Серб[ы] – хорв[аты]
	6 ,,	Мад[ьяры] – нем[цы]
	86 ,,	Мад[ьяры] – нем[цы] – серб[ы]
19[-я] австр[ийская]	35[-й] имп[ерский]	Чеш[ско] – пол[ьский]
	75 ,,	,, ,,
431	1[-й] Босн[о-] Г[ерцеговинский]	Серб[ы]
	5[-й] ег[ерский] б[а]т[а]л[ьон]	Чеш[ский]
	6 ,, ,,	,,

[21] К 8 марта бригада снята с учёта на фронте 11-й армии (Там же. Ф. 2158. Оп. 1. Д. 189. Л. 400 об.).
[22] Согласно показаниям пленного военнослужащего 273-го резервного германского полка, на 13 апреля состав дивизии был несколько иным: кроме указанного полка в нёё входили 13-й и 26-й егерские батальоны, 29-й австрийский ландверный полк, 70-й имперский полк, 32-й германский ландверный полк (Там же. Ф. 2256. Оп. 1. Д. 183. Л. 334 об.).
[23] Полк на 19 марта был придан 32-й австрийской дивизии (Там же. Ф. 2256. Оп. 1. Д. 183. Л. 254).

38[-я] г[о]нв[едная австро-венгерская][24]	21[-й] г[о]нв[едный]	Рум[ыны]
	22 ,,	,,
23	24 ,,[25]	Мад[ьяры] – рум[ыны]

III. Фронт Куропатники – ур. Буратва (130 вёрст) (участок 7-й армии, – С.К.)

38[-я] г[о]нв[едная австро-венгерская][26]	24[-й] г[о]нв[едный]	Мад[ьяры] – рум[ыны]
	23 ,,	,, ,,
23		
55[-я] австр[ийская][27]	308[-й] г[о]нв[едный]	Рум[ыны]
	309 ,,	Мад[ьяры] – рум[ыны]
350	103[-й] имп[ерский]	Рум[ыны] – мад[ьяры]
	310[-й] г[о]нв[едный] ?	,, ,,
54[-я] австр[ийская][28]	35[-й] л[анд]в[ерный]	Рус[ины] – пол[яки] – рум[ыны]
423	19 ,,	Рус[ины] – пол[яки]
	81[-й] имп[ерский]	Чеш[ско] – нем[ецкий]
	88 ,,	,, ,,
	32[-й] ег[ерский] б[а]т[а]л[ьон]	Рус[ины] – мад[ьяры]

19[-я] турец[кая]	57[-й] пех[отный]	Тур[ки]
	77 ,,	,,
	72 ,,	,,
20[-я] турец[кая]	61[-й] пех[отный]	Тур[ки]
	62 ,,	,,

[24] К 8 марта на участке 11-й армии фиксировалась только 75-я бригада 38-й гонведной австро-венгерской дивизии (21-й и 22-й гонведные полки) (Там же. Ф. 2158. Оп. 1. Д. 189. Л. 400 об.).

[25] К 8 марта 24-й гонведный полк 38-й гонведной австрийской дивизии был снят с учёта на фронте 11-й армии. (Там же. Ф. 2158. Оп. 1. Д. 189. Л. 400 об.).

[26] К 8 марта на участке 7-й армии частей данной дивизии обнаружено не было. (Там же. Ф. 2158. Оп. 1. Д. 189. Л. 400 об.).

[27] Согласно данным на 4 апреля, Украинский стрелковый полк находился в составе данной дивизии (Там же. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 183. Л.91). По сведениям на 19 апреля, Украинский стрелковый полк в составе 54-й австрийской дивизии (Там же. Ф. 2244. Оп. 1. Д. 395. Л. 43–44).

[28] 13 марта сообщалось, что 54-я австрийская дивизия переброшена «… с Рогатинского направления на Злочевское (11-я армия, - С.К.)» (Там же. Ф. 2256. Оп. 1. Д. 183. Л.235 и об.-236; Ф. 2290. Оп. 1. Д. 326. Л. 70–71). «Злочевское направление. Принятые [в] районе Конюхи 9 марта два перебежчика 88[-го имперского] полка 54[-й] австрийской дивизии показали: полк стал на позицию в ночь с 5 на 6 марта, сменив 22[-й] гонведный полк 38[-й] гонв[едной] дивизии, отошедшей в тыл» (Там же. Ф. 2256. Оп. 1. Д. 183. Л. 235 об.; Ф. 2290. Оп. 1. Д. 326. Л. 70 об.).

	63 ,,	,,
36[-я] рез[ервная] герм[анская]	54[-й] пех[отный]	Нем[цы]
	61[-й] рез[ервный]	,,
	5,,	,,
53[-я] рез[ервная] герм[анская]	241[-й] рез[ервный]	Нем[цы]
	242 ,,	,,
	243 ,,	,,
75[-я] рез[ервная] герм[анская]	249[-й] рез[ервный]	Нем[цы]
	250 ,,	,,
	251 ,,	,,
119[-я] герм[анская][29]	244[-й] рез[ервный]	Нем[цы]
	58[-й] пех[отный]	,,
	2[-й] бав[арский] л[анд]шт[урменный]	,,
	3[-й] бав[арский] л[анд]шт[урменный]	,,
76[-я] бр[игада] 38[-й австро-венгерской] див[изии]	23[-й] г[о]нв[едный]	Мад[ьяры] – рум[ыны]
	24[-й] г[о]нв[едный]	,, ,,
	34[-й] л[анд]шт[урменный] герм[анский]	Нем[цы]
48[-я] рез[ервная] герм[анская]	221[-й] рез[ервный]	Нем[цы]
	222 ,,	,,
	223 ,,	,,
	224 ,,[30]	,,
21[-я] л[анд]в[ерная] австр[ийская]	6[-й] л[анд]в[ерный]	Нем[ецко] – чеш[ский]
	7 ,,	Чеш[ский]
	8 ,,	,,
439	28 ,,	Чеш[ский] – нем[ецкий] – пол[ьский]
	Свод[ный] б[осно-]г[ерцеговинский] б[а]т[а]л[ьон] ?	Серб[ы] (боснийские, –С.К.)
Части 15[-й австро-венгерской] д[ивизии] в резерве	5[-й] имп[ерский]	Рум[ыны] – мад[ьяры]
	66 ,,	Мад[ьяры] – рум[ыны]

[29] 30 апреля 119-ю германскую дивизию и 5-й резервный полк 36-й резервной германской дивизии сменила 24-я резервная германская дивизия (Там же. Ф. 2244. Оп. 1. Д. 395. Л. 79–80).

[30] 1–4 апреля 224-й резервный полк придан 215-й германской дивизии (Там же. Ф. 2256. Оп. 1. Д. 183. Л. 329 об., 330 и об.). Таким образом, полк был переброшен на Сокальское направление (Особая армия).

634	65 ,,	,,-рус[ины]
	60 ,,	,,-рум[ыны]
	16 ,,	Серб[ы] – хорв[аты]
	53 ,,	,, ,,
36[-я] австр[ийская]	52,,	Мад[ьяры]
634	78 ,,	Серб[ы] – хорв[аты]
42[-я] г[о]нв[едная]	25[-й] г[о]нв[едный]	Хорв[аты]
	28 ,,	Серб[ы]
	26 ,,	Хорв[аты]
	27 ,,	,,

2[-я] кав[алерийская] ав[стрийская]	3[-й] гус[арский]	Мад[ьяры]
	6 ,,	,,
35	5[-й] ул[анский]	Серб[ы] – хорв[аты]
	16[-й] гус[арский]	Мад[ьяры]
5[-я] австр[ийская]	54[-й] имп[ерский]	Чеш[ский]
	93 ,,	Нем[ецко] – чеш[ский]
286	1 ,,	,, ,,
	13 ,,	Пол[яки]
24[-я] рез[ервная] герм[анская] див[изия][31]	104[-й] рез[ервный] п[олк]	Нем[цы]
	107 ,, ,,	,,
	133 ,, ,,	,,
30[-я] австр[ийская]	14[-й] ег[ерский] б[а]т[а]л[ьон]	Пол[яки] – рус[ины]
187[32]		

IV. Фронт ур. Буратва – Ботошу (135 вёрст) (участок 8-й армии, – С.К.)

30[-я] австр[ийская]	1[-й] ег[ерский] б[а]т[а]л[ьон]	Чеш[ско] – нем[ецкий]

[31] Находится на фронте 7-й армии на 20 апреля (Там же. Ф. 2228. Оп. 1. Д. 996. Л. 5 об.). Согласно показаниям перебежчика 107-го резервного полка, данный полк прибыл на участок 7-й армии 24 апреля. 24-я резервная германская дивизия сменила 119-ю германскую дивизию (Там же. Л. 6).

[32] По данным на 15 апреля номер полевой почтовой конторы у частей 30-й австрийской дивизии, противостоящих 7-й армии, указан иной-281. Вероятно, эти данные впоследствии были уточнены (Там же. Ф. 2158. Оп. 1. Д. 189. Л. 267 об.).

187	13 ,,	Чеш[ско] – пол[ьский]
	16 ,,	Нем[цы]
	18 ,,	Рус[ины] – пол[яки]
	27 ,,	Рус[ины]
	97[-й] пех[отный]	Словен[цы] – итал[ьянцы]
	5[-й] л[анд]в[ерный]	,, ,,
	150[-й] л[анд]шт[урменный] б[а]т[а]л[ьон]	?
34[-я] австр[ийская]	29[-й] имп[ерский]	Мад[ьяры] – сер[бы] – рум[ыны]
	101[-й] имп[ерский] (1[-й], 3[-й] и 4[-й] б[атальоны])	Мад[ьяры]
	33[-й] имп[ерский]	Рум[ыны]
	43[-й] л[анд]щт[урменный] б[а]т[а]л[ьон]	
	157[-й] герм[анский] пех[отный полк] 117[-й германской] див[изии]	
117[-я] герм[анская]	24[-й] ав[стрийский] ег[ерский] б[а]т[а]л[ьон] 24[-й] д[ивизии]	Мад[ьяры]
	11[-й] рез[ервный]	,,
	22 ,,	,,
200[-я] герм[анская]	3[-й] ег[ерский] п[олк]	Нем[цы]
	4 ,, ,,	,,
	5 ,, ,,	,,
	35[-й] герм[анский] л[анд]шт[урменный]	,,
	17[-й] ав[стрийский] л[анд]шт[урменный] б[атальон]	,,
	153 ,, ,, ,,	,,
	28[-й] ав[стрийский] ег[ерский] б[а]т[а]л[ьон] 34[-й австрийской] д[ивизии]	Мад[ьяры] – рум[ыны]
1[-я] герм[анская] пол[евая]	3[-й] авст[рийский] имп[ерский полк] 12[-й] д[ивизии]	Чеш[ский]
	1[-й] грен[адерский] (1[-й] и 2[-й батальоны])	Нем[цы]
	3 ,,	,,

	43[-й] пех[отный]	,,

40[-я] г[о]нв[едная]	6[-й] г[о]нв[едный]	Мад[ьяры] – серб[ы]
	19 ,,	,, ,,
84	29 ,,	Мад[ьяры]
	30 ,,	,,
	20[-й] венг[ерский] л[анд]шт[урменный]	,,
59[-я] австр[ийская]	**6[-я] горн[ая] бриг[ада]**: I [батальон] / 6[-го] имп[ерского полка]	Серб[ы] – хорв[аты]
386 и 396	IV/81 ,,	Чеш[ский]
	III/38 ,,	Мад[ьяры]
	IV/42 ,,	Нем[цы]
	IV/50 ,,	Рум[ыны] – серб[ы]
	18[-я] горн[ая] бриг[ада]: 3[-й] ег[ерский] б[а]т[а]л[ьон]	Серб[ы] – хорв[аты]
	26 ,, ,,	Словен[цы]
	15 ,, ,,	Серб[ы] – хорв[аты]
	III [батальон] / 31[-го] имп[ерского полка]	Мад[ьяры]
	II/33 ,,	,,
	I/60	,,
	Л[анд]шт[урменный] б[а]т[а]л[ьон] Русса	Рум[ыны]
11[-я] г[о]нв[едная] кав[алерийская]	24[-й] ав[стрийский] л[анд]шт[урменный] б[а]т[а]л[ьон]	Нем[цы]
13 ?	2[-й] г[о]нв[едный] гус[арский]	Мад[ьяры]

Всего против армий Юго-Западного фронта: 50 пех[отных] и 3 ¼ кав[алерийских] див[изии]
Начальник Разведывательного Отделения
Штаба Главнокомандующего армиями
Юго-Западного фронта
Генерального Штаба Полковник [Е.Е.] Шишковский.

Приложение № 2 к разведывательной сводке № 247 от 9 августа 1917 года.

Подсчёт сил противника, действующих против армий Юго-Западного фронта по данным к вечеру 9 августа 1917 года[33].

Подсчёт сил противника, действующих против армий Юго-Западного фронта по данным к вечеру 13 сентября 1917 года[34].

I. Участок Припять – Шельвов (205 вёрст) (участок Особой армии, – С.К.)

Дивизия (бригада*)	**Полк (батальон)**	**Народность**	**Время и способ обнаружения**
Арм[ейский] отр[яд] Гронау 5[-я] герм[анская] кав[алерийская] XLI к[орпу]с 908[35]	8[-й] драг[унский]	Нем[цы]	Док[ументами] 13.3.
	4[-й] гус[арский]		*8.7.1916.*
	6[-й] гус[арский]		
	4[-й] драг[унский]		Пок[азаниями] 5.12.[1916]
	10[-й] ул[анский]		Пер[еводом] 10.(*11.*) 7.
	22[-й] рез[ервный] ег[ерский] б[а]т[а]л[ьон]		Пер[еводом] 10.5.
	5[-й] конно-арт[иллерийский] див[изио]н [4 див]		Франц[узские сведения] 16.7.
	275[-го] пол[евого] арт[иллерийского] п[ол]ка (1-я бат[арея])		Фр[анцузские] разв[ед. данные] 16.7.
95[-я] герм[анская] пех[отная] XLI к[орпу]с 148	422[-й] пех[отный]	Нем[цы]	Пок[азаниями] 17.6.
	430[-й] л[анд]в[ерный]		Пок[азаниями] 17.6.
	271[-й] рез[ервный]		Док[ументами] 28.7.
	898[-я] пол[евая] бат[арея]		
	275[-й] пол[евой] арт[иллерийский] п[олк] (2[-я] бат[арея])		
	? тяж[ёлый] арт[иллерийский] п[ол]к		
82[-я] рез[ервная] XLI к[орпу]с	270[-й] рез[ервный]		Пок[азаниями] 17.6.
	272 ,,		Пер[еводом] 3.8.

[33] РГВИА. Ф. 2246. Оп. 1. Д. 162. Л. 107–110.

[34] Там же. Л. 125–128. Курсивом в таблице выделены данные уточнённые к 13 сентября.

[35] Здесь указан номер полевой почтовой конторы.

862	Л[анд]шт[урменный] б[а]т[а]л[ьон] Бург IV/7	Нем[цы]	Пок[азаниями] 3.8.
	Л[анд]шт[урменный] б[а]т[а]л[ьон] Бонн VIII/40		Док[ументами] 25.6.
	69[-й] пол[евой] рез[ервный] арт[иллерийский] п[олк]		Пок[азаниями] 8.6.
	70 „ „ „ „		Пок[азаниями] 4.2.
	275[-й] пол[евой] арт[иллерийский]		*Пок[азаниями] 8.6.*
	879[-я] сакс[онская] пол[евая] бат[арея]		
	7[-й] ул[анский] п[ол]к		
9[-я] герм[анская] кав[алерийская] Группа Гауэра	8[-й] гус[арский]	Нем[цы]	Пер[еводом] 13.6.
	4[-й] кир[асирский]		Фр[анцузскими] док[ументами] 16.6.
	11[-й] гус[арский]		Пок[азаниями] 4.8.
766 (*868*)	5[-й] ул[анский]		Пок[азаниями] 1.5. *Пок[азаниями]13.6.*
	19[-й] драг[унский]		Пок[азаниями] 12.5. *Пок[азаниями]10.12. [1916]*.
	13[-й] ул[анский]		Пер[еводом] 18.4. *Пер[еводом]10.12. [1916]*.
	3[-й] рез[ервный] тяж[ёлый] рейтарск[ий] стрелк[овый] п[олк]		*Пер[еводом] 17.6.*
	10[-й] кон[но-]арт[иллерийский] див[изио]н		
	15[-я] тяж[ёлая] 15 см бат[арея]		
Части Бав[арской] кав[алерийской] Гуппа Гауэра	1[-й] Бав[арский] ул[анский]	Нем[цы]	Пок[азаниями] 5.8. ([19]16 г.)
	2 „ „		Пок[азаниями] 7.8. ([19]16 г.)
766	1[-й] Бав[арский] легк[ий] кон[ный]		Пок[азаниями] 6.4.
	6 „ „ „		
	9[-й] л[анд]шт[урменный] б[а]т[а]л[ьон] Глац		

	6/24		
	5[-й] Бав[арский] кон[но-]арт[иллерийский] див[изио]н		
	Тяжёлая батарея		
	30[-й] стр[елковый] п[олк] 4[-й] ав[стрийской] див[изии]	Чеш[ский]	Пер[еводом] 17.7.
1[-я] герм[анская] л[анд]в[ерная] Группа Гауэра 785	31[-й] л[анд]в[ерный]	Нем[цы]	Пок[азаниями] 13.7.
	84[-й] л[анд]в[ерный]		Пок[азаниями] 13.7.
	4[-й] ег[ерский] б[а]т[а]л[ьон]		*Уб[итыми] 13.5.*
	219[-й] л[анд]в[ерный] арт[иллерийский] ?		
	836[-я] пол[евая] бат[арея]		
	96[-й] пол[евой] арт[иллерийский] п[ол]к		
	90[-й] л[анд]в[ерный] стр[елковый] кав[алерийский] п[ол]к		
9[-я] австр[ийская] кав[алерийская] Группа Гауэра 409	4[-й] драг[унский]	Нем[цы]	Пок[азаниями] 30.7.
	13,,	Нем[ецко] – чеш[ский]	Пок[азаниями] 30.7.
	6[-й] ул[анский]	Пол[яки] – рус[ины]	Пок[азаниями] 30.7.
	1[-й] драг[унский]	Чеш[ско] – нем[ецкий]	Пер[еводом] 30.7.
	9[-й] кон[но-]арт[иллерийский]		
	2[-й] пол[евой] гауб[ичный] п[олк]		
	26[-й] л[анд]в[ерный] тяж[ёлый] арт[иллерийский] п[ол]к (4-я бат[арея])		

53[-я] австр[ийская] л[анд]шт[урменная] див[изия][36] II ав[стрийский] к[орпу]с 227	3[-й] венг[ерский] л[анд]шт[урменный]	Мад[ьяры]	Пл[енными] 6.8.
	6 ,, ,,	Серб[ы] – хорв[аты]	Пер[еводом] 30.6.
	19 ,, ,,	Мад[ьяры] – нем[цы]	Пер[еводом] 6.8.
	44[-й] л[анд]шт[урменный] б[а]т[а]л[ьон]		Пер[еводом] 20.5.
	83[-й] имп[ерский]		Пок[азаниями] 8.8.
	53[-й] рез[ервный] пол[евой] пуш[ечный]		
	53[-й] рез[ервный] пол[евой] гауб[ичный]		Пок[азаниями] 30.6.
	5[-й] тяж[ёлый] арт[иллерийский]		
12[-я] ав[стрийская] кав[алерийская][37] 454	1[-й] конно-стрелк[овый]	Рус[ины]	Пок[азаниями] 18.8.
	2 ,, ,,	Чеш[ско] – нем[ецкий]	Пок[азаниями] 18.8.
	3 ,, ,,	Рус[ины] – пол[яки]	Пок[азаниями] 18.8.
	6 ,, ,,	Чеш[ско] – нем[ецкий]	Пер[еводом] 18.8.
	Арт[иллерийский] ?		
91[-я] герм[анская] II ав[стрийский] к[орпу]с 850	437[-й] п[олк]	Нем[цы]	Пл[енными] 7.8.
	349[-й] л[анд]в[ерный]		Пок[азаниями] 7.8.
	350[-й] л[анд]в[ерный][38]		Англ[ийские] док[ументы] 25.4.
	Л[анд]шт[урменный] б[а]т[а]л[ьон] Цвейбрюккен II/2[39]		Пок[азаниями] 30.1. Док[ументами] 30.11. [1916 г.]
	277[-й] арт[иллерийский]		Пок[азаниями] 7.8.
45[-я] австр[ийская] стр[елковая] II ав[стрийский] к[орпу]с	17[-й] стр[елковый]	Пол[яки]	Пок[азаниями] 16.6.
	18 ,,	Рус[ины] – пол[яки]	Пл[енными] 17.6.
	33 ,,	Рус[ины]	Пер[еводом] 30.6.

[36] К 13 сентября на фронте Особой армии дивизия не обнаружена (Там же. Л. 125 об.).
[37] Данные о входивших в состав дивизии полках в данном документе, по-видимому, неточны. Они были пересмотрены в приложении к сводке от 18 октября (Там же. Ф. 2246. Оп. 1. Д. 162. Л. 212 об.).
[38] К 13 сентября полк на участке Особой армии не обнаружен (Там же. Л. 125 об.).
[39] К 13 сентября батальон на участке Особой армии не обнаружен (Там же. Л. 125 об.).

295	34 ,,	Рус[ины] – пол[яки]	Пл[енными] 22.7.
	3[-й] ул[анский] кон[но-] стр[елковый] п[олк]	Рус[ины] – пол[яки]	Пл[енными] 18.4.
	45[-й] пол[евой] пуш[ечный]		Пер[еводом] 9.5.
	45[-й] ,, гауб[ичный]		Пер[еводом] 21.7.
	45[-й] тяж[ёлый] арт[иллерийский]		
	? герм[анский] тяж[ёлый артиллерий-ский]		Пок[азаниями] 15.3.
	802[-я] пол[евая] бат[арея]		
26[-я] австр[ийская] стр[елковая] XXII ав[стрийский] к[орпу]с	11[-й] стр[елковый]	Чеш[ский]	Пер[еводом] 5.8.
	12 ,,	,,	Пок[азаниями] 15.7.
	9 ,,	Чеш[ско] – нем[ецкий]	Пер[еводом] 14.7. *Пл[енными] 5.9.*
	10 ,,	Чеш[ский]	Пер[еводом] 15.7.
627	26[-й] пол[евой] пуш[ечный]		
	26[-й] ,, гауб[ичный]		Док[ументами] 11.2.
	26[-й] тяж[ёлый] арт[иллерийский]		
	2[-й] конно-стр[елковый] п[ол]к		
4[-я] австр[ийская][40] XXII ав[стрийский] к[орпу]с	99[-й] имп[ерский]	Пол[яки]	Пл[енными] 18.7.
	49 ,,	Нем[цы]	Пок[азаниями] 13.7.
	8 ,,	Чеш[ский]	Пок[азаниями] 27.5. *Пер[еводом] 27.9.*
288	4[-й] пол[евой] пуш[ечный]		
	4[-й] ,, гауб[ичный]		
	4[-й] тяж[ёлый] арт[иллерийский]		Пок[азаниями] 6.7.
	6[-я] мином[ётная] бат[арея]		
	5[-й] конно-стр[елковый] п[ол]к		
107[-я] герм[анская]	232[-й] рез[ервный]	Нем[цы]	Пл[енными] 5.8.
	227,,	Нем[цы]	Пок[азаниями] 18.7.

[40] 15 сентября были подтверждены сведения о переброске этой дивизии на Итальянский фронт (Там же. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 678. Л. 158 об.).

814	52 ,,	Нем[цы]	Пок[азаниями] 3.4.
	37[-й] л[анд]в[ерный] п[олк]	Нем[цы]	Пок[азаниями]13.7. *Док[ументами] 10.7.*
	213[-й] пол[евой] арт[иллерийский] полк		
	5[-я] б[а]т[а]р[ея] 2[-го] див[изио]на 1[-го] тяж[ёлого] арт[иллерийского полка]		
	107[-я] тяж[ёлая] арт[иллерийская] б[а]т[а]р[ея] ?		
	6[-й] кирас[ирский] полк		
	1[-й] ул[анский] полк		
45[-я] герм[анская] л[анд]в[ерная] 975	*350[-й] л[анд]в[ерный]?*	Нем[цы]	*Англ[ийские] док[ументы] 25.4.*
	133[-й] л[анд]в[ерный]	,,	Пок[азаниями] 1.7.
	107 ,,	,,	Пок[азаниями] 1.7.
	Л[анд]шт[урменный] б[а]т[а]л[ьон] 2 Кёльн 15 / VIII	,,	Пок[азаниями] 1.7.
	Арт[иллерийский] – ?		
29[-я] австр[ийская] 405	74[-й] имп[ерский]	Чеш[ский]	Пер[еводом] 15.7. *Пер[еводом]18.8.*
	94 ,,	Нем[цы]	Пер[еводом]10.7. *Пок[азаниями]18.8.*
	42 ,,	,,	Пл[енными] 18.7.
	92 ,,	Чеш[ский]	Пок[азаниями] 10.7. *Пок[азаниями]18.8.*
	29[-й] пол[евой] пуш[ечный]		Пок[азаниями] 15.1.
	29[-й] ,, гауб[ичный]		Пок[азаниями] 15.1.
	29[-й] тяж[ёлый] арт[иллерийский]		Пок[азаниями] 15.1.
	2[-й] конно-стр[елковый] п[ол]к		
7[-я] герм[анская] л[ан]дв[ерная] VIII гер[манский] к[орпу]с *369*	121[й] л[анд]в[ерный]	*Нем[цы]*	Пер[еводом] 8.6. *Уб[итыми] 22.8.*
	126[-й] л[анд]в[ерный]		Пок[азаниями] 8.6.
	122[-й] рез[ервный] п[олк]		Пер[еводом] 8.6.
	14[-й] ег[ерский] б[а]т[а]л[ьон]		Пок[азаниями] 1.6.

	1[-й] л[анд]дв[ерный] арт[иллерийский] п[олк]		Пок[азаниями] 8.6.[41]
	20[-й] ул[анский] п[ол]к		
	Эск[адрон] XII к[орпу]с[ного] округа		

86[-я] герм[анская] VIII гер[манский] к[орпу]с 793	341[-й] п[олк]	Нем[цы]	Пл[енными] 25.6. *Пок[азаниями] 24.8.*
	343 ,,		Пер[еводом] 19.7. *Пер[еводом] 24.8.*
	344 ,,		Пок[азаниями] 19.7. *Пок[азаниями] 24.8.*
	86[-й] пол[евой] арт[иллерийский]		Фр[анцузские] разв[ед. данные] 16.7.
	220 ,, ,,		
	Тяж[ёлый] арт[иллерийский] полк?		Пок[азаниями] 15.6.
	86[-я] пионер[ная] рота		Пок[азаниями] 15.6.
	86[-я] самокат[ная] рота		
	7[-й] ул[анский] п[олк]		
2[-я] австр[ийская] 412	4[-й] ег[ерский] б[а]т[а]л[ьон]	Мад[ьяры]	Пок[азаниями] 15.5. *Пер[еводом] 20.8.*
	29[-й] ег[ерский] б[а]т[а]л[ьон]	Рум[ыны] – мад[ьяры] – рус[ины]	Пер[еводом] 8.7. *Пок[азаниями] 20.8.*
	103[-й] имп[ерский]	Пол[яки] – рус[ины]	Пок[азаниями] 27.6. *Пер[еводом] 11.9.*
	40[-й] имп[ерский]	Пол[яки] – рус[ины]	Пл[енными] 20.4. *Пер[еводом] 12.9.*
	62[-й] имп[ерский]		*Пок[азаниями] 20.8.*
	2[-й] пол[евой] пуш[ечный]		
	10[-й] рез[ервный] пол[евой] пуш[ечный]?		
	2[-й] пол[евой] гауб[ичный]		
	2[-й] тяж[ёлый] арт[иллерийский]		

[41] В приложении к сводке от 13 сентября данное указание отсутствует (Там же. Ф. 2246. Оп. 1. Д. 162. Л. 126).

	3[-й] конно-стр[елковый] п[олк]		
10[-я] герм[анская] л[анд]в[ерная] див[изия] Гр[уппа] Луга 778	372[-й] п[олк]	Нем[цы]	Пер[еводом] 26.6. *Пок[азаниями] 5.9.*
	378[-й] п[олк]		Пл[енными] 9.8. *Пок[азаниями] 5.9.*
	377[-й] п[олк]		Пок[азаниями] 11.6. *Пер[еводом] 7.9.*
	97[-й] пол[евой] арт[иллерийский]		Пок[азаниями] 22.10.
	813[-я] пол[евая] бат[арея]		*Пок[азаниями] 5.9.*
	84[-й] пол[евой] арт[иллерийский] ?		*Пок[азаниями] 5.9.*
	93[-й] пол[евой] арт[иллерийский] ?		*Пок[азаниями] 5.9.*
	50[-я] пионер[ная] рота		

[На 9 августа:] Всего 14 пех[отных] и 3 ½ кав[алерийских] див[изий].

[На 13 сентября:] Всего 14 пех[отных] и 4 ½ кав[алерийских] див[изии].

II. Участок Шельвов – р. Граберка (105 вёрст) (участок 1-й армии, – С.К.)

2[-я] бриг[ада] герм[анской] гвард[ейской] кав[алерийской] див[изии]	1[-й] гв[ардейский] ул[анский]	Нем[цы]	Пок[азаниями] 14.4.
	3 ,, ,,	,,	Пок[азаниями] 14.4.
224[-я] герм[анская] *Гр[уппа] Луга* 1006	19[-й] л[анд]в[ерный]	Нем[цы]	Пок[азаниями] 17.6. *Пок[азаниями] 11.8.*
	61[-й] л[анд]в[ерный]	,,	Пок[азаниями] 4.7. *Пер[еводом] 11.8.*
	429[-й] п[олк]	,,	Пок[азаниями] 20.6. *Пок[азаниями] 11.8.*
	284[-й] пол[евой] арт[иллерийский]		Пок[азаниями] 11.6.
	285 ,, ,,		Фр[анцузскими] док[ументами] 31. 10. [1916 г.]
	11[-й] конно-егерск[ий]		
108[-я] герм[анская] *Гр[уппа] Рачин* 871	97[-й] пех[отный]	Нем[цы]	Пер[еводом] 17.4.
	137 ,,	,,	Пер[еводом] 13.4.
	265[-й] рез[ервный]	,,	Пок[азаниями] 10.7. *Пок[азаниями]11.8.*
	243[-й] пол[евой] арт[иллерийский]		
	11[-й] тяж[ёлый] арт[иллерийский]		

	882[-я] и 888[-я] п[олевая] арт[иллерийская] бат[арея]		Пер[еводом] 4.7.
	204[-й] ав[стрийский] пуш[ечный] полк		
215[-я] герм[анская] *Гр[уппа] Рачин* 996	37[-й] рез[ервный]?	Нем[цы]	Пок[азаниями] 4.6. *Пок[азаниями]13.8.*
	2[-й] рез[ервный] зап[асный]	,,	Пок[азаниями] 5.8. *Пл[енными] 12.8.*
	224[-й] рез[ервный] п[олк]		Пл[енными] 14.6. *Пок[азаниями] 13.8.*
	71[-й] л[анд]в[ерный] п[олк]		Пок[азаниями] 14.6.
	21[-й] рез[ервный] егер[ский] б[а]т[а]л[ьон]		*Док[ументами] 28.2.*
	274[-й] арт[иллерийский]		Док[ументами] 28.2.
	3[-й] эск[адрон] 13[-го] ул[анского] п[ол]ка		
20[-я] г[о]нв[едная] д[ивизия][42] 417	1[-й] г[о]нв[едный]	Мад[ьяры]	Пл[енными] 5.8.
	3 ,,	,,	Пок[азаниями] 31.6.
	4 ,,	Рум[ыны] – мад[ьяры]	Пок[азаниями] 31.6.
	17 ,,	Мад[ьяры]	Пок[азаниями] 31.6.
	Тирол[ьский] ег[ерский] б[а]т[а]л[ьон]		
	20[-й] г[о]нв[едный] пол[евой] гауб[ичный]		
	20[-й] г[о]нв[едный] тяж[ёлый] арт[иллерийский]		Пок[азаниями] 31.6.
32[-я] австр[ийская] див[изия] 632	6[-й] имп[ерский]	Серб[бы]	Пер[еводом] 4.9.
	23 ,,	Серб[ы] – хорв[аты]	Пок[азаниями] 4.9.
	70 ,,	Чеш[ско] – нем[ецкий]	Пер[еводом] 4.9.
	86 ,,	Мад[ьяры] – серб[ы]	Пок[азаниями] 4.9.
	32[-й] п[олевой] п[ушечный] п[олк]		
	32[-й] п[олевой] гауб[ичный]		

[42] К 13 сентября данная дивизия на этом участке фронта не обнаружена (Там же. Л. 126).

	32[-й] тяж[ёлый] арт[иллерийский]		
	39[-й] л[анд]в[ерный полк] (92[-й германской] д[ивизии])	Нем[цы]	Пок[азаниями] 1. 8.
	11[-й] пол[евой] арт[иллерийский] п[ол]к (22[-й германской] д[ивизии])		*Пок[азаниями] 16. 8.*

46[-я] стр[елковая] австр[ийская] 287	13[-й] л[анд]шт[урменный] п[олк]	Чеш[ско] – нем[ецкий]	Пер[еводом] 9.8. *Пер[еводом] 24.8.*
	13[-й] стр[елковый][43]	,, ,,	Пок[азаниями] 9. 8.
	31[-й] стр[елковый]	Пол[яки]	Пок[азаниями] 9.8. *Пок[азаниями] 12. 8.*
	32 ,,	Пол[яки]	Пок[азаниями] 9.8. *Пок[азаниями] 18.8.*
	15 ,,	Нем[цы]	Пок[азаниями] 9. 8.
	16 ,,	Пол[яки]	Пок[азаниями] 9.8. *Пер[еводом] 10. 9.*
	46[-й] пол[евой] пуш[ечный]		
	46[-й] пол[евой] гауб[ичный]		
	46[-й] тяж[ёлый] арт[иллерийский]		
	4[-й] ул[анский] стр[елковый] п[олк]		
25[-я] австр[ийская] 18[-й] ав[стрийский] к[орпу]с 297	6[-й] ег[ерский] б[а]т[а]л[ьон]	Чеш[ско] – пол[ьский]	Пок[азаниями] 3. 8.
	10[-й] ег[ерский] б[а]т[а]л[ьон]	Нем[цы]	Пок[азаниями] 2.8.
	4[-й] имп[ерский][44]	Нем[цы] – итал[ьянцы]	Пер[еводом] 3.8. *Пер[еводом] 2. 9.*
	84 ,,[45]	Нем[цы] – итал[ьянцы]	Пер[еводом] 3.8. *Пер[еводом] 3. 9.*
	25[-й] пол[евой] пуш[ечный] ?		Пок[азаниями] 15. 1.
	25[-й] ,, гауб[ичный] ?		Пок[азаниями] 15. 1.
	25[-й] тяж[ёлый] арт[иллерийский] ?		Пок[азаниями] 15. 1.

[43] К 13 сентября полк не обнаружен (Там же. Л. 126 об.).
[44] 6-й батальон 4-го имперского полка состоял из итальянцев (Там же. Л. 108 об., 126 об.).
[45] 4-й батальон 84-го имперского полка состоял из итальянцев (Там же. Л. 108 об., 126 об.).

	Эскадрон 15го ул[анского] п[олка]		*Пок[азаниями] 20. 8.*
Части 19[-й] австр[ийской][46]	1[-й] Б[осно]-Г[ерцеговинский] п[ол]к	Серб[ы] (боснийские, – С.К.)	Пок[азаниями] 3. 8.
	35 имп	Чеш[ско] – пол[ьский]	Пл[енными] 28. 7.
15[-я] л[анд]в[ерная] герм[анская] 18[-й] ав[стрийский] к[орпу]с	12[-й] л[анд]в[ерный]	Нем[цы]	Пок[азаниями] 23.7.
	52,,?[47]	,,	Фр[анцузские] док[ументы] 12.5.
	53 ,,	,,	Пок[азаниями] 23.7. *Док[ументами]15.8.*
	55 ,,	,,	Пер[еводом] 23.7. *Пл[енными] 22.8.*
	15[-й] л[анд]в[ерный] арт[иллерийский]		Анг[ийские] док[ументы] 1.4.
	1[-й] австр[ийский] пол[евой] гауб[ичный] п[олк]		
	14[-й] герм[анский] кир[асирский] п[олк]		
27[-я] австр[ийская] 5[-й] ав[стрийский] к[орпу]с 244	25[-й] имп[ерский]	Мад[ьяры] – словац[кий]	Пок[азаниями] 2.7. *Пок[азаниями] 18. 8.*
	84 ,,	Мад[ьяры]	Док[ументами] 9.7. *Пер[еводом] 2.8.*
	85 ,,	Рум[ыны] – рус[ины]	Пер[еводом] 4.7. *Пок[азаниями] 22.8.*
	67 ,,	Мад[ьяры]	Пок[азаниями] 27.7.
	27[-й] п[олевой] п[ушечный] п[олк]		
	27[-й] п[олевой] гауб[ичный]		
	27[-й] тяж[ёлый] арт[иллерийский]		
	2[-я] морт[ирная] 305 мм [батарея]		
	714[-я] отд[ельная] 12 см б[а]т[а]р[ея]		
4[-я] кав[алерийская] австр[ийская] 5[-й] ав[стрийский] к[орпу]с	3[-й] ул[анский][48]	Рус[ины] – рум[ыны]	Пок[азаниями] 17. 7.
	9[-й] драг[унский]	*Рум[ыны] – рус[ины]*	Пл[енными] 8.8. *Пок[азаниями] 22. 8.*

[46] К 13 сентября части этой дивизии на данном участке фронта не обнаружены (Там же. Л. 126 об.).
[47] К 13 сентября полк не обнаружен (Там же. Л. 126 об.).
[48] К 13 сентября полк не обнаружен (Там же. Л. 126 об.).

284	13[-й] ул[анский]	Пол[яки] – рус[ины]	Пок[азаниями] 18.6. *Пок[азаниями] 22. 8.*
	1 ,,	*Пол[яки] – рус[ины]*	Пок[азаниями] 3.4. *Пер[еводом] 20.8.*
	5[-й] драг[унский]	*Нем[цы] – словен[цы]*	Пл[енными] 22.5. *Пер[еводом] 26. 8.*
	4[-й] кон[но]-артиллерийский (от[деле]ние)		Пок[азаниями] 11.1. *Пер[еводом] 22. 8.*
	56[-й] имп[ерский] п[олк][49]		
	46[-й] рез[ервный] тяж[ёлый] арт[иллерийский]		*Пок[азаниями] 23.8.*
	33[-й] пол[евой] гауб[ичный]		*Пок[азаниями] 23. 8.*
	27[-й] герм[анский] пеш[ий] арт[иллерийский]		*Пок[азаниями] 22. 8.*
12[-я] л[анд]в[ерная] герм[анская] 5[-й] ав[стрийский] к[орпу]с	56[-й] л[анд]в[ерный]	Нем[цы]	Пок[азаниями] 8.8.
	87 ,,		Пл[енными] 4.8.
	436 ,,		Пл[енными] 27.7.
	30[-й] рез[ервный] арт[иллерийский] ?		Фр[анцузские] разв[ед. данные] 16.7.
	12[-й] л[анд]в[ерный] арт[иллерийский]		Фр[анцузские] разв[ед. данные] 18.7.
	82[-й] или 84[-й] арт[иллерийский] п[олк] ?		
	24[-й] драг[унский] п[олк]		
Части 33[-й] австр[ийской]	*19[-й] имп[ерский]*	*Мад[ьяры]*	*Пл[енными] 8.9.*
	83 ,,	*Нем[цы]*	*Пл[енными] 25.8.*

[На 9 августа]: Всего 9 ½ пех[отных] див[изий], 1 ½ кав[алерийских] див[изии].

[На 13 сентября]: Всего 9 ½ пех[отных] див[изий], 1 ½ кав[алерийских] див[изии].

III. Участок р. Граберка – Ст. Гржималов (80 вёрст) (участок 11-й армии, – С.К.)

33[-я] австр[ийская]	12[-й] имп[ерский]	Мад[ьяро] – словац[кий]	Пл[енными] 30. 7. *Пок[азаниями] 10.9.*
77	26 ,, ?	Мад[ьяро] – словац[кий]	Пок[азаниями] 30. 4. *Пл[енными] 10. 9.*
	19,,	Мад[ьяры] – нем[цы]	Пок[азаниями] 23.4.

[49] К 13 сентября полк не обнаружен (Там же. Л. 126 об.).

	83,,	Мад[ьяро] – словац[кий]	Пл[енными] 23.6.
	33[-й] п[олевой] п[ушечный] п[олк]		
	33[-й] п[олевой] гауб[ичный]		
	33[-й] тяж[ёлый] арт[иллерийский]		
	819[-я], 823[-я], 827[-я] герм[анские] бата-реи и 525[-я] австрийская бат[арея]		Пок[азаниями] 20.4.
	9[-й] австр[ийский] креп[остной] б[а]т[а]л[ьон]		Пл[енными] 24.6.
	1[-й] креп[остной] арт[иллерийский]		
	14[-й] тяж[ёлый] гауб[ичный]		
92[-я] герм[анская] див[изия] 9[-й] австр[ийский] к[орпу]с	33[-й] л[анд]в[ерный]	*Нем[цы]*	Пок[азаниями] 1. 8. *Пер[еводом] 12. 8.*
	432[-й] пех[отный]		Пер[еводом] 1. 8. *Пер[еводом] 17. 8.*
	419[-й] пех[отный]		Пок[азаниями] 1.8. *Пок[азаниями] 17.8.*
	2[-й] пол[евой] арт[иллерийский]		Пок[азаниями] 1.8.
	11[-й] гус[арский] п[олк]		

Части 32[-й] австр[ийской] 9[-й] ав[стрийский] к[орпу]с 632	6[-й] имп[ерский]	Серб[ы]	Пл[енными] 18.6.
	86 ,,	Мад[ьяры] – серб[ы]	
	32[-й] п[олевой] п[ушечный] п[олк]		
	32[-й] п[олевой] гауб[ичный]		
	32[-й] тяж[ёлый] арт[иллерийский]		
11[-я] ав[стрийская] див[изия]	89[-й] имп[ерский]		Пл[енными] 6.8. *Пл[енными] 28.8.*
	90		Пок[азаниями] 22.7. *Пер[еводом] 16.8.*

	95		Пок[азаниями] 6.8. *Пок[азаниями] 16.8.*
	58	Рус[ины]	Пер[еводом] 25.7. *Пок[азаниями] 16.8.*
	11[-й] пол[евой] пуш[ечный]		
	11[-й] пол[евой] гауб[ичный]		
	11[-й] тяж[ёлый] арт[иллерийский]		
	1[-й] л[анд]в[ерный] ул[анский] п[ол]к		
232[-я] герм[анская] 35	445[-й] пех[отный]	Нем[цы]	Пер[еводом] 9.8. *Пок[азаниями] 4.9.*
	446 ,,		Пл[енными] 3.8. *Пер[еводом] 4.9.*
	447 ,,		Пл[енными] 6.8. *Пок[азаниями] 4.9.*
	355[-я] сап[ёрная] рота		Пок[азаниями] 4.8.
	346[-я] пион[ерная] рота		Пл[енными] 4.8.
	37[-й] пол[евой] арт[иллерийский] ?		*Фр[анцузские] разв[ед. данные] 3.7.*
1[-я] герм[анская] гв[ардейская] Гвард[ейского] к[орпу]са[50]	1[-й] гв[ардейский] пех[отный]		Пл[енными] 10.7.
	2[-й] гв[ардейский] пех[отный]		Пок[азаниями] 28.7.
	4[-й] гв[ардейский] пех[отный]		
	1[-й] пол[евой] арт[иллерийский] п[ол]к		Фр[анцузские] разв[ед. данные] 16.7.
2[-я] герм[анская] гв[ардейская] Гвард[ейского] к[орпу]са[51]	1[-й] гв[ардейский] грен[адерский]		Пл[енными] 28.7.
	2[-й] гв[ардейский] грен[адерский]		Пок[азаниями] 15.7.
	4[-й] гв[ардейский] грен[адерский]		Уб[итыми] 28.7.
	2[-й] гвард[ейский] пол[евой] арт[иллерийский] п[ол]к		
6[-я] герм[анская]	24[-й] пех[отный]		Пл[енными] 9.8.

[50] К 13 сентября дивизия не обнаружена (Там же. Л. 127).
[51] К 13 сентября дивизия не обнаружена (Там же. Л. 127).

3[-й] к[орпу]с	64 „		Пок[азаниями] 31.7. *Пок[азаниями] 4.9.*
	396 „		Пл[енными] 19.7.
	3[-й] пол[евой] арт[иллерийский] п[ол]к		Фр[анцузские] разв[ед. данные] 16.7. *Фр[анцузские] разв[ед. данные] 13.7.*
5[-я] герм[анская] пол[евая] 3[-й] к[орпу]с[52]	8[-й] лейб-грен[адерский]		Пл[енными] 6.8. *Уб[итыми] 10.8.*
	12[-й] грен[адерский]		Док[ументами] 6.8.
	52[-й] пех[отный]		Пок[азаниями] 6.8. *Уб[итыми] 24.8.*
	18[-й] пол[евой] арт[иллерийский] п[ол]к		Пл[енными] 17.7.
	3[-й] гус[арский] полк		
22[-я] герм[анская]	167[-й] пех[отный]	Нем[цы]	Пл[енными] 3.8. *Пок[азаниями] 15.8.*
	82[-й] пех[отный]		Пок[азаниями] 3.8. *Пл[енными] 15.8.*
	83 „		Пок[азаниями] 3.8.
	6[-й] кир[асирский] п[олк]		Пер[еводом] 17.4.
	11[-й], 5[-й] и 6[-й] арт[иллерийские][53]		Пок[азаниями] 24.7.
	14[-й] *и 47[-й] арт[иллерийские] ?*		*Пок[азаниями] 16.8.*
	18[-й] тяж[ёлый] арт[иллерийский]		Пок[азаниями] 24.7.
	2[-я] сам[окатная] р[ота] 11[-го] ег[ерского] б[а]т[а]л[ьона]		Пл[енными] 12.7.
197[-я] герм[анская][54]	32[-й] л[анд]в[ерный] п[ол]к	Нем[цы]	Пл[енными] 9.9.
	7[-й] ег[ерский] п[ол]к		Пок[азаниями] 25.8.
42[-я] пол[евая]	17[-й] пех[отный]		Пок[азаниями] 7.8.

[52] Из показаний перебежчика 35-го резервного полка следует, что на 14 сентября «5-я пехотная германская» дивизия сменена 6-й резервной германской дивизией в составе 20-го, 24-го и 35-го резервных полков (Там же. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 678. Л. 155 об.).

[53] К 13 сентября не обнаружены (Там же. Ф. 2246. Оп. 1. Д. 162. Л. 127).

[54] На 9 августа она была зафиксирована на участке фронта 7-й армии и располагалась южнее в полном составе (Там же. Л. 109 об.). К 13 сентября части этой дивизии располагались на южном участке фронта 11-й армии и северном участке фронта 7-й армии (273-й резервный, 261-й артиллерийский и 14-й уланский полки) (Там же. Л. 127).

див[изия][55] 21[-й] к[орпу]с	131 „		Пок[азаниями] 3.8.
	138 „		Пок[азаниями] 3.8.
	15[-й] пол[евой] арт[иллерийский]		Пок[азаниями] 3.8.
	8[-й] пол[евой] арт[иллерийский] п[олк]		Пок[азаниями] 3.8.
	7[-й] драг[унский] полк		

[На 9 августа]: Всего 11 пех[отных дивизий].

[На 13 сентября]: Всего 7 пех[отных дивизий].

IV. Участок Гржималов – Днестр (100 вёрст) (участок 7-й армии, – С.К.)

197[-я] герм[анская][56]	273[-й] рез[ервный]	Нем[цы]	Пер[еводом] 25.8.
	261[-й] арт[иллерийский] п[ол]к		Пок[азаниями] 25.8.
	14[-й] ул[анский]		Пл[енными] 11.7.
241[-я] герм[анская] див[изия]	472[-й]	Нем[цы]	Пл[енными] 4.8. *Док[ументами] 12.9.*
	473		*Уб[итыми] 15.8.*
	474		Пл[енными] 4.8. *Пок[азаниями] 25.8.*
	48[-й] пол[евой] арт[иллерийский] п[ол]к		*Пл[енными] 26.7.*
	346[-я] сап[ёрная] *и 374-я] пион[ерная] роты*		*Пок[азаниями] 26.7.*
	441[-е] мином[ётное] отд[еление]		*Пок[азаниями] 26.7.*
	11[-й] гус[арский] п[ол]к[57]		
	8[-й] драг[унский] п[ол]к		
	18[-й] гус[арский] п[ол]к		
20[-я] пол[евая] герм[анская][58]	79[-й] пех[отный]	Нем[цы]	Пок[азаниями] 7.8.
	77 „		Пл[енными] 20.7.

[55] К 13 сентября дивизия не обнаружена (Там же. Л. 127).

[56] На 9 августа она была зафиксирована на участке фронта 7-й армии и располагалась южнее в полном составе (Там же. Л. 109 об.). К 13 сентября части этой дивизии располагались на южном участке фронта 11-й армии (32-й ландверный и 7-й егерский полки) и северном участке фронта 7-й армии (Там же. Л. 127).

[57] К 13 сентября полк не обнаружен (Там же. Л. 127).

[58] К 13 сентября дивизия не обнаружена (Там же. Л. 127).

	92 „		Пл[енными] 31.7.
	46[-й] пол[евой] арт[иллерийский]		Пл[енными] 31.7.
	17[-й] гус[арский]		

Лейб-гус[арская] бригада[59]	1[-й] лейб-гус[арский] п[ол]к	Нем[цы]	Пл[енными] 24.7. *Уб[итыми] 29.7.*
	2 „ „		Пок[азаниями] 16.7. *Уб[итыми] 29.7.*
	35[-й] конно-арт[иллерийский] п[ол]к		Пл[енными] 19.7. *Уб[итыми] 29.7.*
237[-я] пех[отная] герм[анская]	460[-й] п[олк]	Нем[цы]	Уб[итыми] 26.7.
	461 „		Пок[азаниями] 31.7. *Пл[енными] 21.8.*
	462 „		Пл[енными] 6.8. *Пок[азаниями] 29.8.*
	83[-й] арт[иллерийский] п[ол]к		Пок[азаниями] 21.7. *Пок[азаниями] 29.8.*
	13[-й] ул[анский] п[ол]к [4[-й] эск[адрон]]		*Пл[енными] 11.7.*
	365[-я] сап[ёрная] рота		*Пок[азаниями] 23.8.*
	67[-й] арт[иллерийский] п[ол]к (отдельный)		*Пок[азаниями] 23.8.*
197[-я] герм[анская][60]	32[-й] л[анд]в[ерный]	Нем[цы]	Пок[азаниями] 1.8.
	7[-й] ег[ерский] п[ол]к	„	Уб[итыми] 20.7.
	273[-й] рез[ервный]	„	Пл[енными] 6.8.
	261[-й] арт[иллерийский] п[ол]к		Фр[анцузские] раз[вед. данные] 16.7.
	14[-й] ул[анский]		Пл[енными] 11.7.

[59] К 13 сентября бригада не обнаружена (Там же. Л. 127).

[60] На этом участке фронта 7-й армии она была зафиксирована на 9 августа (Там же. Л. 109 об.). К 13 сентября части этой дивизии располагались на южном участке фронта 11-й армии (32-й ландверный и 7-й егерский полки) и северном участке фронта 7-й армии (273-й резервный, 261-й артиллерийский и 14-й уланский полки) (Там же. Л. 127).

15[-я] рез[ервная] герм[анская] див[изия]	17[-й] рез[ервный]		Пл[енными] 30.7. *Пок[азаниями] 8.9.*
	25[-й] рез[ервный]		Пл[енными] 1.8. *Пер[еводом] 10.9.*
	69[-й] рез[ервный]		Пл[енными] 6.8. *Пок[азаниями] 8.9.*
	15[-й] рез[ервный] арт[иллерийский] п[ол]к		Пл[енными] 18.6.
	8[-я] пион[ерная] бат[арея]		*Пок[азаниями] 30.6.*
	215[-я] ми-ном[ётная] рота		*Пок[азаниями] 30.6.*
	361[-я] пионер[ная] рота		*Пок[азаниями] 30.6.*
96[-я] герм[анская] див[изия]	40[-й] зап[асный]	Нем[цы]	Док[ументами] 23.7. *Уб[итыми] 27.8.*
	244[-й] рез[ервный]	,,	Пл[енными] 22.7. *Уб[итыми] 12.9.*
	102[-й] л[ан]дв[ерный]	,,	Уб[итыми] 1.8. *Пок[азаниями] 8.9.*
	62[-й] пол[евой] арт[иллерийский] п[олк] *?*[61]		Пок[азаниями] 23.6.
	32[-й] арт[иллерийский] п[олк]		*Пок[азаниями] 4.9.*
	22[-я] сап[ёрная] рота		*Пок[азаниями] 4.9.*
Части 19[-й] и 32[-й] австр[ийских дивизий][62]	23[-й] имп[ерский] (32[-я] див[изия])	Серб[ы] – хорв[аты]	Пер[еводом] 20.7.
	70[-й] имп[ерский] (32[-я] див[изия])	Чеш[ско] – нем[ецкий]	Пл[енными] 17.7.
	29[-й] стр[елковый]	Чеш[ский]	Пок[азаниями] 18.7.
	75[-й] имп[ерский]	Чеш[ско] – нем[ецкий]	
	5[-й] ег[ерский] б[а]т[а]л[ьон]		
	19[-й] п[олевой] п[ушечный] п[олк]		
	19[-й] п[олевой] гауб[ичный]		

[61] На 13 сентября присутствие этого полка на данном участке фронта 7-й армии ставилось под сомнение (Там же. Л. 127 об.).

[62] На 13 сентября на данном участке фронта эти части не были обнаружены (Там же. Л. 127 об.)

	19[-й] тяж[ёлый] арт[иллерийский]		
	25 ,, ,,		
	801[-я] герм[анская] батар[ея]		Пок[азаниями] 20.6.
223[-я] герм[анская]	29[-й] зап[асный]	Нем[цы]	Пок[азаниями] 27.7. *Пок[азаниями] 30.8.*
	173[-й] пех[отный]	,,	Пл[енными] 27.7. *Пок[азаниями] 30.8.*
	144[-й] пех[отный]	,,	Пок[азаниями] 27.7. *Пл[енными] 30.8.*
	3[-й] рез[ервный] драг[унский] полк		Пок[азаниями] 20.6.
	280[-й] пол[евой] пуш[ечный] п[олк]		Пок[азаниями] 27.7.
	82[-й] тяж[ёлый] арт[иллерийский] п[олк]		
54[-я] австр[ийская] 25[-й] ав[стрийский] к[орпу]с 423	81[-й] имп[ерский]	Чеш[ский]	Пок[азаниями] 6.8.
	88 ,,	Чеш[ско] – нем[ецкий]	Пл[енными] 6.8. *Пл[енными] 23.8.*
	19[-й] стр[елковый]	Рус[ины] – пол[яки]	Пок[азаниями] 5.8. *Пл[енными] 24.8.*
	Украинский		Пл[енными] 19.6.
	35[-й] стр[елковый]	Рус[ины] – пол[яки]	Пл[енными]. 6.8. *Пл[енными] 21.8.*
	32[-й] ег[ерский] б[а]т[а]л[ьон]	Рус[ины] – мад[ьяры]	Пок[азаниями] 24.7. *Пок[азаниями] 3.9.*
	54[-я] австр[ийская] арт[иллерийская] бригада		Пок[азаниями] 24.7.
55[-я] австр[ийская] 25[-й] ав[стрийский] к[орпу]с 649	308[-й] г[о]нв[едный]	Рум[ыны]	Пок[азаниями] 1.8. *Пл[енными] 17.8.*
	309 ,,	Мад[ьяры] – рум[ыны]	Пок[азаниями] 9.8. *Пл[енными] 18.8.*
	103[-й] имп[ерский]	Рум[ыны] – мад[ьяры]	Пок[азаниями] 3.8. *Пл[енными] 26.8.*
	310[-й] г[о]нв[едный]		Пл[енными] 9.8. *Пок[азаниями] 18.8.*
	55[-й] рез[ервный] п[олевой] п[ушечный] п[олк]		Пер[еводом] 20.6.
	4[-й] пол[евой] гауб[ичный]		
	12-я б[а]т[а]р[ея] (10 см)		
	2[-й] креп[остной] п[олк]		
	2[-я] тяж[ёлая] б[а]т[а]р[ея] (15 см)		

24[-я] герм[анская] рез[ервная]	104[-й] рез[ервный]	Нем[цы]	Док[ументами] 19.7.
	107 „	„	Пок[азаниями] 2.8.
	133 „	„	Пок[азаниями] 2.8.
	2[-й] пион[ерный] эрзац б[а]т[а]л[ьон] № 12		Пер[еводом] 30.4. *Пер[еводом] 30.6.*
	40[-й] рез[ервный] арт[иллерийский полк] (1–9 бат[ареи])		Пок[азаниями] 9.6. *Пок[азаниями] 29.4.*
	17[-й] тяж[ёлый] арт[иллерийский] п[олк] (9[-я] и 11-я бат[арея])		*Пок[азаниями] 30.6.*
	24[-й] рез[ервный] арт[иллерийский] ?		*Пок[азаниями] 30.6.*
	224[-я] ми-ном[ётная] рота		*Пок[азаниями] 30.6.*
4[-я] зап[асная] герм[анская] див[изия]	360[-й]		Пл[енными] 23.7.
	361		Пл[енными] 19.7.
	362		Пл[енными] 26.7.
	65[-й] пол[евой] арт[иллерийский] п[олк] 26[-й] д[ивизии]		Пл[енными] 19.7.
	90[-й] пол[евой] арт[иллерийский] п[ол]к		Пок[азаниями] 20.7.
	10[-й] гус[арский] п[ол]к		Пок[азаниями] 12.7.
	304[-я] и 305[-я] пи-он[ерные] роты		Пок[азаниями] 20.7.

53[-я] рез[ервная] герм[анская]	241[-й] рез[ервный]	Нем[цы]	Док[ументами] 20.7. *Пл[енными] 16.8.*
	242 „	„	Док[ументами] 23.7. *Пок[азаниями] 16.8.*
	243 „	„	Пок[азаниями] 21.7. *Пок[азаниями] 16.8.*
	53[-й] рез[ервный] пол[евой] арт[иллерийский]		Пл[енными] 15.7.
	53[-е] рез[ервное] кав[алерийское] отд[еление]		
	53[-е] пион[ерное] отд[еление]		
Бав[арская] л[анд]шт[урменная]	2[-й] Бав[арский] л[анд]шт[урменный]	Нем[цы]	Пл[енными] 20.7. *Пл[енными] 9.9.*

бриг[ада]	3 ,, ,,		Пл[енными] 8.8. *Пл[енными] 23.8.*
	Гвард[ейский] кир[асирский] п[ол]к	Нем[цы]	Пл[енными] 30.6.
	1[-й] Лейб[-]кир[асирский] п[ол]к	,,	Пл[енными] 16.7.
20[-я] турец[кая]	61[-й] пех[отная]	Тур[ки]	Пок[азаниями] 19.6.
	62 ,,	,,	Пл[енными] 19.7.
	63 ,,	,,	Пок[азаниями] 19.7.
	6[-й] австр[ийский] креп[остной] п[олк]		
38[-я] г[о]нв[едная] 23	21[-й] г[о]нв[едный]	Рум[ыны]	Пер[еводом] 31.7. *Пл[енными] 30.8.*
	23 ,,	Рум[ыны]	Пер[еводом] 30.6.
	22[-й] г[о]нв[едный]	Рум[ыны]	Пл[енными] 5.7. *Пл[енными] 12.9.*
	5[-й] г[о]нв[едный] п[олевой] п[ушечный] п[олк]		Пок[азаниями] 27.7.
	3[-й] (8[-й])? пол[евой] гауб[ичный]		
	38[-й] тяж[ёлый] арт[иллерийский]		Пл[енными] 25.7.
	Учебный б[а]т[а]л[ьон] 38[-й] г[о]нв[едной диви-зии]		

[На 9 августа]: Всего 15 ½ пех[отных] и 1 кав[алерийская] див[изия].
[На 13 сентября]: Всего 13 пех[отных] и ½ кав[алерийской] див[изии].

[На 9 августа]: Всего против Юго-Западного фронта 50 ½ пех[отных] и 6 кав[алерийских] див[изий], 336400 штыков; 18200 сабель; 1330 легких орудий; 658 полевых гаубиц; 357 тяжёлых орудий.

[На 13 сентября]: Всего против Юго=Западного фронта 43 ½ пех[отных] и 6 ½ кав[алерийских] див[изий]; 288500 штыков, 22200 сабель, 1249 лёгких орудий, 658 полевых гаубиц, 208 тяжёлых орудий.

Начальник Разведывательного Отделения Штаба Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта, Генерального Штаба Полковник [Е.Е.] Шишковский.

Приложение № 2 к разведывательной сводке № 255 от 4 октября 1917 года.

Подсчёт сил противника, действующих против армий Юго-Западного фронта по данным к вечеру 4 октября 1917 года[63].

Приложение № 2 к разведывательной сводке № 257 от 18 октября 1917 года.
Подсчёт сил противника, действующих против армий Юго-Западного фронта по данным к вечеру 18 октября 1917 года[64].

I. Участок Припять – Мерва (245 вёрст) (участок Особой армии, – С.К.)

Дивизия (бригада*)	**Полк (батальон)**	**Народность**	**Время и способ обнаружения**
Арм[ейский] отр[яд] Гронау 5[-я] герм[анская] кав[алерийская] 41[-й] к[орпу]с 908	1[-й] л[ейб-] кир[асирский]	Нем[цы]	Пок[азаниями] 28.9.
	8[-й] драг[унский]		Пок[азаниями] 28.9.
	4[-й] драг[унский] ?		Пок[азаниями]5.12. [1916 г.]
	10[-й] стр[елковый] ул[анский]		Пок[азаниями] 28.9.
	430[-й] п[олевой] п[ушечный]		Пл[енными] 28.9.
	22[-й] рез[ервный] ег[ерский] б[а]т[а]л[ьон]		Пок[азаниями] 28.9.
	5[-й] конно-арт[иллерийский] див[изио]н [4 див]		Франц[узские сведения] 16. 7.
	275[-го] пол[евого] арт[иллерийского] п[ол]ка (1-я бат[арея])		Фр[анцузские] разв[ед. данные] 16. 7.
95[-я] герм[анская] пех[отная] 41[-й] к[орпу]с 148	422[-й] пех[отный]	Нем[цы]	Пок[азаниями] 28.9.
	430[-й] л[анд]в[ерный]		Пок[азаниями] 28.9.
	271[-й] рез[ервный]		Пок[азаниями] 28.9.
	52[-й] л[анд]в[ерный]		Пок[азаниями] 28.9.
	898[-я] пол[евая] бат[арея]		
	275[-й] пол[евой] арт[иллерийский] п[олк] 2[-я] бат[арея]		
	? тяж[ёлый] арт[иллерийский] п[ол]к		

[63] РГВИА. Ф. 2246. Оп. 1. Д. 162. Л. 176–179.
[64] Там же. Л. 212–215. Курсивом в таблице выделены данные, уточнённые к 18 октября.

82[-я] рез[ервная] 41[-й] к[орпу]с *862*	270[-й] рез[ервный]	Нем[цы]	Пок[азаниями] 17.6.
	272 ,,		Пер[еводом] 3.8.
	Л[анд]шт[урменный] б[а]т[а]л[ьон] Бург IV / 7		Пок[азаниями] 3.8.
	Л[анд]шт[урменный] б[а]т[а]л[ьон] 4 Бонн VIII / 40		Док[ументами] 25.6.
	69[-й] пол[евой] рез[ервный] арт[иллерийский] п[олк]		Пок[азаниями] 8.6.
	70 ,, ,, ,, ,,		Пок[азаниями] 4.2.
	275[-й] пол[евой] арт[иллерийский]		Пок[азаниями] 8.6.
	879[-я] сакс[онская] пол[евая] бат[арея]		
	7[-й] ул[анский] п[ол]к		
9[-я] герм[анская] кав[алерийская] Группа Гауэра 868	8[-й] гус[арский]	Нем[цы]	Пер[еводом] 13.6.
	4[-й] кир[асирский]		Фр[анцузскими] док[ументами] 16.6.
	11[-й] гус[арский]		Пок[азаниями] 4.8.
	5[-й] ул[анский]		Пок[азаниями]13.6.
	19[-й] драг[унский]		Пок[азаниями]10.12. [1916].
	13[-й] ул[анский]		Пер[еводом]10.12. [1916].
	3[-й] рез[ервный] тяж[ёлый] рей-тарск[ий] стрелк[овый] п[олк]		Пер[еводом] 17.4.
	10[-й] кон[но-]арт[иллерийский] див[изио]н		
	15[-я] тяж[ёлая] 15 см бат[арея]		
Части Бав[арской] кав[алерийской] Гуппа Гауэра 766	1[-й] Бав[арский] ул[анский]	Нем[цы]	Пок[азаниями] 5.8. ([19]16 г.) *Пок[азаниями] 7.10.*
	2 ,, ,,		Пок[азаниями] 7.8. ([19]16 г.) *Пок[азаниями] 7.10.*
	1[-й] Бав[арский] легк[ий] кон[ный]		Пок[азаниями] 6.4.
	6 ,, ,, ,,		
	9[-й] л[анд]шт[урменный] б[а]т[а]л[ьон] Глац 6 / 24		*Пок[азаниями] 7.10.*

	5[-й] Бав[арский] кон[но-]арт[иллерийский] див[изио]н		
	Тяжёлая батарея		
	? 30[-й] стр[елковый] п[олк] 4[-й] ав[стрийской] див[изии] [65]	Чеш[ский]	Пер[еводом] 17.7.
1[-я] герм[анская] л[анд]в[ерная] Группа Гауэра 785	31[-й] л[анд]в[ерный]	Нем[цы]	Пок[азаниями] 13.7.
	84[-й] л[анд]в[ерный]		Пок[азаниями] 13.7.
	4[-й] ег[ерский] б[а]т[а]л[ьон]		Уб[итыми] 13.5.
	219[-й] л[анд]в[ерный] арт[иллерийский] ?		
	836[-я] пол[евая] бат[арея]		
	96[-й] пол[евой] арт[иллерийский] п[ол]к		
	90[-й] л[анд]в[ерный] стр[елковый] кав[алерийский] п[ол]к		
9[-я] австр[ийская] кав[алерийская] Группа Гауэра 409	4[-й] драг[унский]	Нем[цы]	Пок[азаниями] 30.7.
	13,,	Нем[ецко] – чеш[ский]	Пок[азаниями] 30.7.
	6[-й] ул[анский]	Пол[яки] – рус[ины]	Пок[азаниями] 30.7.
	1[-й] драг[унский]	Чеш[ско] – нем[ецкий]	Пер[еводом] 30.7.
	9[-й] кон[но-]арт[иллерийский]		
	2[-й] пол[евой] гауб[ичный]		
	26[-й] л[анд]в[ерный] тяж[ёлый] арт[иллерийский] п[ол]к		

91[-я] герм[анская] II ав[стрийский]	437[-й] п[олк]		Пл[енными] 7.8.
	349[-й]		Пок[азаниями] 7.8.

[65] К 18 октября полк на данном участке не обнаружен (Там же. Л. 212).

к[орпу]с 850	л[анд]в[ерный]	Нем[цы]	
	277[-й] арт[иллерийский]		Пок[азаниями] 7.8.
	? 12[-й] конно-егер[ский] п[олк]		
12[-я] ав[стрийская] кав[алерийская][66] 454	*2[-й] конно-стрелк[овый]*	Рус[ины]	Пок[азаниями] 18.8. *Пок[азаниями] 9.10.*
	4,,	Чеш[ско] – нем[ецкий]	Пок[азаниями] 18.8. *Пок[азаниями] 9.10.*
	5,,	Рус[ины] – пол[яки]	Пок[азаниями] 18.8. *Пл[енными] 9.10.*
	6,,	Чеш[ско] – нем[ецкий]	Пер[еводом] 18.8. *Пок[азаниями] 9.10.*
	Арт[иллерийский] ?		
45[-я] австр[ийская] стр[елковая] II ав[стрийский] к[орпу]с 295	17[-й] стр[елковый]	Пол[яки]	Пок[азаниями] 27.9.
	18 ,,	Рус[ины] – пол[яки]	Пок[азаниями] 27.9. *Пер[еводом] 5.10.*
	33 ,,	Рус[ины]	Пок[азаниями] 27.9.
	34 ,,	Рус[ины] – пол[яки]	Пер[еводом] 27.9.
	3[-й] ул[анский] кон[но-] стр[елковый] п[олк]	Рус[ины] – пол[яки]	Пл[енными] 18.4.
	45[-й] пол[евой] пуш[ечный] п[олк]		Пер[еводом] 9.5.
	45[-й] п[олевой] гауб[ичный]		Пер[еводом] 21.7.
	45[-й] тяж[ёлый] арт[иллерийский]		
	? герм[анский] тяж[ёлый артилле-рийский]		Пок[азаниями] 15.3.
	802[-я] пол[евая] бат[арея]		
26[-я] австр[ийская] стр[елковая] XXII ав[стрийский] к[орпу]с 627	11[-й] стр[елковый]	Чеш[ский]	Пер[еводом] 5.8.
	12 ,,	,,	Пок[азаниями] 15.7.
	9 ,,	Чеш[ско] – нем[ецкий]	Пл[енными] 5.9.
	10 ,,	Чеш[ский]	Пер[еводом] 15.7.
	26[-й] пол[евой] пуш[ечный]		
	26[-й] п[олевой] гауб[ичный]		Док[ументами] 11.2.

[66] Данные о входивших в состав дивизии полках уточнены в приложении к сводке к 18 октября (Там же. Л. 212 об.).

	26[-й] тяж[ёлый] арт[иллерийский]		
	2[-й] конно-стр[елковый] п[ол]к		
? *2[-я]*[67] герм[анская] кав[алерийская]	*5[-й] драг[унский]*	*Нем[цы]*	Пок[азаниями] 12.9. *По сведениям Брит[анского] Ген[ерального] Штаба*
	14[-й] гусар[ский]		
	23[-й] драг[унский]		
	24[-й] драг[унский]		
	4[-й] кав[алерийский] легко-кон[ный]		
	5[-й] бавар[ский] легко-кон[ный]		
? 4[-я] австр[ийская] 22[-й] ав[стрийский] к[орпу]с 288	99[-й] имп[ерский]	Пол[яки]	Пер[еводом] 19.9.
	49 ,,	Нем[цы]	Пок[азаниями] 13.7.
	8 ,,	Чеш[ский]	Пер[еводом] 12.9.
	30[-й] стр[елковый]	*Чеш[ский]*	*Пер[еводом] 17.7.*
	4[-й] пол[евой] пуш[ечный]		
	4[-й] ,, гауб[ичный]		
	4[-й] тяж[ёлый] арт[иллерийский]		Пок[азаниями] 6.7.
	6[-я] мином[ётная] бат[арея]		
	5[-й] конно-стр[елковый] п[ол]к		
107[-я] герм[анская] 814	232[-й] рез[ервный]	Нем[цы]	Пер[еводом] 28.9.
	227,,	,,	Пок[азаниями] 28.9.
	52 ,,	,,	Пок[азаниями] 28.9.
	37[-й] л[анд]в[ерный] п[олк]	,,	Пок[азаниями] 15.9.
	213[-й] пол[евой] арт[иллерийский] полк		Пок[азаниями] 28.9.
	5[-я] б[а]т[а]р[ея] 2[-го] див[изио]на 1[-го] тяж[ёлого] арт[иллерийского полка]		
	107[-я] тяж[ёлая] арт[иллерийская] б[а]т[а]р[ея] ?		
	6[-й] кирас[ирский] полк		

[67] Номер дивизии уточнён в приложении к сводке от 18 октября (Там же. Л. 212 об.).

	1[-й] ул[анский] полк		
45[-я] герм[анская] л[анд]в[ерная] 975	350[-й] л[анд]в[ерный]?	Нем[цы]	Англ[ийские] док[ументы] 25.4.
	133[-й] л[анд]в[ерный]	,,	Пок[азаниями] 1.7.
	107 ,,	,,	Пок[азаниями] 1.7.
	Л[анд]шт[урменный] б[а]т[а]л[ьон] 2 Кёльн 15 / VIII	,,	Пок[азаниями] 1.7.
	Арт[иллерийский] ?		
29[-я] австр[ийская] 405	74[-й] имп[ерский]	Чеш[ский]	Пер[еводом]18.8.
	94 ,,	Нем[цы]	Пок[азаниями]18.8.
	42 ,,	,,	Пл[енными] 18.7.
	92 ,,	Чеш[ский]	Пок[азаниями]18.8.
	29[-й] пол[евой] пуш[ечный]		Пок[азаниями] 15.1.
	29[-й] ,, гауб[ичный]		Пок[азаниями] 15.1.
	29[-й] тяж[ёлый] арт[иллерийский]		Пок[азаниями] 15.1.
	2[-й] конно-стр[елковый] п[ол]к		

7[-я] герм[анская] л[ан]дв[ерная] 369	121[й] л[анд]в[ерный]	*Нем[цы]*	Уб[итыми] 22.8.
	126[-й] л[анд]в[ерный]		Пок[азаниями] 8.6.
	122[-й] рез[ервный] п[олк]		Пер[еводом] 8.6.
	14[-й] ег[ерский] б[а]т[а]л[ьон]		Пок[азаниями] 8.6.
	1[-й] л[анд]дв[ерный] арт[иллерийский] п[олк]		
	20[-й] ул[анский] п[ол]к		
	Эск[адрон] XII к[орпу]с[ного] округа		
86[-я] герм[анская] 8[-й] гер[манский] к[орпу]с 793	341[-й] п[олк]	Нем[цы]	Пок[азаниями] 3.10.
	343 ,,		Пер[еводом] 3.10.
	344 ,,		Пер[еводом] 3.10.
	86[-й] пол[евой] арт[иллерийский]		Фр[анцузские] разв[ед. данные] 16.7.
	220 ,, ,,		

	Тяж[ёлый] арт[иллерийский] полк?		Пок[азаниями] 15.6.
	86[-я] пионер[ная] рота		Пок[азаниями] 15.6.
	86[-я] самокат[ная] рота		
	7[-й] ул[анский] п[олк]		
2[-я] австр[ийская] 412	4[-й] ег[ерский] б[а]т[а]л[ьон]	Мад[ьяры]	Пер[еводом] 20.8.
	29[-й] ег[ерский] б[а]т[а]л[ьон]	Рум[ыны] – мад[ьяры] – рус[ины]	Пок[азаниями] 20.8.
	103[-й] имп[ерский]	Пол[яки] – рус[ины]	Пер[еводом] 11.9.
	40[-й] имп[ерский]	Пол[яки] – рус[ины]	Пер[еводом] 12.9.
	62[-й] имп[ерский]		Пок[азаниями] 20.8.
	2[-й] пол[евой] пуш[ечный]		
	10[-й] рез[ервный] пол[евой] пуш[ечный]?		
	2[-й] пол[евой] гауб[ичный]		
	2[-й] тяж[ёлый] арт[иллерийский]		
	3[-й] конно-стр[елковый] п[олк]		
10[-я] герм[анская] л[анд]в[ерная] див[изия] Гр[уппа] Луга 778	378[-й] п[олк]	Нем[цы]	Пок[азаниями] 5.9.
	377 ,,		Пер[еводом] 7.9.
	372 ,,		Пок[азаниями] 5.9.
	97[-й] пол[евой] арт[иллерийский]		Пок[азаниями] 18.9.
	11[-й] тяж[ёлый] арт[иллерийский]		Пок[азаниями] 18.9.
	813[-я] пол[евая] бат[арея]		Пок[азаниями] 5.9.
	84[-й] пол[евой] арт[иллерийский] ?		Пок[азаниями] 5.9.
	93[-й] пол[евой] арт[иллерийский]		Пок[азаниями] 5.9.
	50[-я] пионер[ная] рота		
2[-я] бриг[ада] герм[анской] гвард[ейской] кав[алерийской] див[изии]	1[-й] гв[ардейский] ул[анский]	Нем[цы]	Пок[азаниями] 14.4.
	3 ,, ,,	,,	Пок[азаниями] 14.4.

224[-я] герм[анская] Гр[уппа] Луга 1006	19[-й] л[анд]в[ерный]	Нем[цы]	Пок[азаниями] 11.8.
	61,,	,,	Пер[еводом] 11.8.
	429[-й] п[олк]	,,	Пер[еводом] 28.9.
	284[-й] пол[евой] арт[иллерийский]		Пок[азаниями] 11.6.
	285 ,, ,,		Фр[анцузскими] док[ументами] 31. 10. [1916 г.]
	11[-й] конно-егерск[ий]		
108[-я] герм[анская] Гр[уппа] Рачин 871	97[-й] пех[отный] ?	Нем[цы]	Пер[еводом] 17.4.
	137 ,,	,,	Пер[еводом] 13.4.
	265[-й] рез[ервный]	,,	Пок[азаниями]11.8.
	243[-й] пол[евой] арт[иллерийский]		
	11[-й] тяж[ёлый] арт[иллерийский]		
	882[-я] и 888[-я] п[олевая] арт[иллерийская] бат[арея]		
	204[-й] ав[стрийский] пуш[ечный] полк		Пер[еводом] 4.7.
215[-я] герм[анская] Гр[уппа] Рачин 996	37[-й] рез[ервный]?	Нем[цы]	Пок[азаниями]13.8.
	224[-й] рез[ервный] п[олк]		Пок[азаниями] 30.9.
	71[-й] л[анд]в[ерный] п[олк]?		Пок[азаниями] 30.9.
	84[-й] л[анд]в[ерный] п[олк]?		Пер[еводом] 30.9.
	2[-й] рез[ервный] зап[асный] п[олк]		Пок[азаниями] 30.9.
	21[-й] рез[ервный] егер[ский] б[а]т[а]л[ьон]		Пок[азаниями] 30.9.
	274[-й] арт[иллерийский]		Пок[азаниями] 15.9.
	813[-я] пол[евая] л[ёгкая] б[ата]рея		Пок[азаниями] 15.9.
	3[-й] эск[адрон] 13[-го] ул[анского] п[ол]ка?		
32[-я] австр[ийская] див[изия]	6[-й] имп[ерский]	Серб[бы]	Пер[еводом] 4.9.
	23 ,,	Серб[ы] – хорв[аты]	Пок[азаниями] 4.9.
	70 ,,	Чешско –	Пер[еводом] 4.9.

632		нем[ецкий]	
	86 „	Мад[ьяры] – серб[ы]	Пок[азаниями] 4.9.
	32[-й] п[олевой] п[ушечный] п[олк]		
	32[-й] п[олевой] гауб[ичный]		
	32[-й] тяж[ёлый] арт[иллерийский]		

	39[-й] л[анд]в[ерный полк] (92[-й германской] д[ивизии])	Нем[цы]	Пок[азаниями] 1. 8.
	11[-й] пол[евой] арт[иллерийский] п[ол]к (22[-й германской] д[ивизии])		Пок[азаниями]16. 8.
Части ? герм[анской] пех[отной] див[изии][68]	*?*		*Пок[азаниями] беж[авших] из плена солдат*
Части 46[-й] стр[елковой] австр[ийской]	13[-й] л[анд]шт[урменный] п[олк]	Чеш[ско] – нем[ецкий]	Пер[еводом] 18.9.
	13[-й] стр[елковый] п[олк]	Чеш[ско] – нем[ецкий]	Пок[азаниями] 18.9.

[На 4 октября]: Всего 18 ½ пех[отных] див[изий], 5 (6) ½ кав[алерийских] див[изий].

[На 18 октября]: Всего 17 ½ - 18 пех[отных] див[изий], 6 ½ кав[алерийских] див[изий].

II. Участок Мерва – Колодзеиовка (125 вёрст) (участок 11-й армии, - С.К.)

46[-я] стр[елковая] австр[ийская] Гр[уппа] Тифенбаха 227	31[-й] стр[елковый]	Пол[яки]	Пок[азаниями] 12. 8.
	32 „	Пол[яки]	Пок[азаниями] 18.8.
	15 „	Нем[цы]	Пок[азаниями] 9. 8.
	16 „	Пол[яки]	Пер[еводом] 10. 9.
	46[-й] пол[евой] пуш[ечный]		
	46[-й] пол[евой] гауб[ичный]		
	46[-й] тяж[ёлый] арт[иллерийский]		
	4[-й] ул[анский] стр[елковый] п[олк]		
25[-я] австр[ийская] 18[-й] ав[стрийский]	6[-й] ег[ерский] б[а]т[а]л[ьон]	Чеш[ско] – пол[ьский]	Пок[азаниями] 3. 8.

[68] Присутствие этой дивизии отмечено в приложении к сводке от 18 октября (Там же. Л. 213 об.).

к[орпу]с 297	10[-й] ег[ерский] б[а]т[а]л[ьон]	Нем[цы]	Пок[азаниями] 2.8.
	4[-й] имп[ерский][69]	Нем[цы] – итал[ьянцы]	Пок[азаниями] 2. 9.
	84 „[70]	Нем[цы] – итал[ьянцы]	Пер[еводом] 3. 9.
	25[-й] пол[евой] пуш[ечный]		Пок[азаниями] 15. 1.
	25[-й] „ гауб[ичный]		Пок[азаниями] 15. 1.
	25[-й] тяж[ёлый] арт[иллерийский]		Пок[азаниями] 15. 1.
	Эскадрон 15го ул[анского] п[олка]		Пок[азаниями] 20. 8.
15[-я] л[анд]в[ерная] герм[анская] 18[-й] ав[стрийский] к[орпу]с	12[-й] л[анд]в[ерный]	Нем[цы]	Пок[азаниями] 23.7.
	53 „	„	Док[ументами]15.8.
	55 „	„	Пл[енными] 22.8.
	15[-й] л[анд]в[ерный] арт[иллерийский]		Анг[ийские] док[ументы] 1.4.
	1[-й] австр[ийский] пол[евой] гауб[ичный] п[олк]		
	14[-й] герм[анский] кир[асирский] п[олк]		
4[-я] кав[алерийская] ав-стр[ийская] 5[-й] ав[стрийский] к[орпу]с 284	1[-й] ул[анский]	Пол[яки] – рус[ины]	Пер[еводом] 16.9.
	5[-й] драг[унский]	Нем[цы] – словен[цы]	Пер[еводом] 26.8.
	9[-й] драг[унский]	Рум[ыны] – рус[ины]	Пер[еводом] 24.9.
	13[-й] ул[анский]	Пол[яки] – рус[ины]	Пер[еводом] 24.9.
	4[-е] кон[но]-артиллерийское от[деле]ние		Пер[еводом] 22.8.
	46[-й] рез[ервный] тяж[ёлый] арт[иллерийский]		Пок[азаниями] 23.8.
	33[-й] пол[евой] гауб[ичный]		Пок[азаниями] 23. 8.
	27[-й] герм[анский] пеш[ий] арт[иллерийский]		Пок[азаниями] 22. 8.
27[-я] австр[ийская] *?*[71]	25[-й] имп[ерский]	Мад[ьяры] – словац[кий]	Пок[азаниями] 18.8. *Пок[азаниями] 13.10.*

[69] 6-й батальон 4-го имперского полка состоял из итальянцев (Там же. Л. 177 об., 213 об.).
[70] 5-й батальон 84-го имперского полка состоял из итальянцев (Там же. Л. 177 об., 213 об.).

5[-й] ав[стрийский] к[орпу]с 244	84 „	Мад[ьяры]	Пер[еводом] 2.8. *Пок[азаниями] 13.10.*
	85 „	Рум[ыны] – рус[ины]	Пок[азаниями] 22.8. *Пок[азаниями] 13.10.*
	67 „	Мад[ьяры]	Пок[азаниями] 27.7. *Пер[еводом] 13.10.*
	27[-й] п[олевой] п[ушечный] п[олк]		
	27[-й] п[олевой] гауб[ичный]		
	27[-й] тяж[ёлый] арт[иллерийский]		
	2[-я] морт[ирная] 305 мм [батарея]		
	714[-я] отд[ельная] 12 см б[а]т[а]р[ея]		
12[-я] л[анд]в[ерная] герм[анская] 5[-й] ав[стрийский] к[орпу]с	56[-й] л[анд]в[ерный]	Нем[цы]	Пок[азаниями] 8.8.
	87 „[72]		Пл[енными] 4.8.
	436 „		Пл[енными] 27.7.
	30[-й] рез[ервный] арт[иллерийский] ?		Фр[анцузские] разв[ед. данные] 16.7.
	12[-й] л[анд]в[ерный] арт[иллерийский]		Фр[анцузские] разв[ед. данные] 18.7.
	82[-й] или 84[-й] арт[иллерийский] п[олк] ?		
	24[-й] драг[унский] п[олк]		
33[-я] австр[ийская] 77	19[-й] имп[ерский]	Мад[ьяры]	Пл[енными] 8.9.
	83 „	Нем[цы]	Пл[енными] 25.8.
	12[-й] имп[ерский]	Мад[ьяро] – словац[кий]	Пок[азаниями] 10.9.
	26 „	Мад[ьяры] – словац[кий]	Пл[енными] 10. 9.
	33[-й] п[олевой] п[ушечный] п[олк]		
	33[-й] п[олевой] гауб[ичный]		
	33[-й] тяж[ёлый] арт[иллерийский]		

[71] К 18 октября нахождение 27-й австрийской дивизии на данном участке фронта ставилось под сомнение (Там же. Л. 213 об.).
[72] В состав 87-го ландверного полка вошёл 4-й батальон 110-го ландверного полка.

	1[-й] креп[остной] арт[иллерийский]		
	14[-й] тяж[ёлый] гауб[ичный]		
	819[-я], 823[-я], 827[-я] герм[анские] бата-реи и 525[-я] ав-стрийская бат[арея]		Пок[азаниями] 20.4.
	9[-й] австр[ийский] креп[остной] б[а]т[а]л[ьон]		Пл[енными] 24.6.

92[-я] герм[анская] див[изия]	33[-й] л[анд]в[ерный]	Нем[цы]	Пер[еводом] 12. 8.
	432[-й] пех[отный]		Пер[еводом] 17. 8.
	419[-й] пех[отный]		Пок[азаниями] 17.8.
	2[-й] пол[евой] арт[иллерийский]		Пок[азаниями] 1.8.
	11[-й] гус[арский] п[олк]		
11[-я] ав[стрийская] див[изия]	89[-й] имп[ерский]		Пл[енными] 28.8.
	90		Пер[еводом] 16.8.
	95		Пер[еводом] 12.9.
408	58	Рус[ины]	Пок[азаниями] 16.8.
	11[-й] пол[евой] пуш[ечный] п[олк]		
	11[-й] пол[евой] гауб[ичный]		
	11[-й] тяж[ёлый] арт[иллерийский]		
	1[-й] ул[анский] л[анд]в[ерный] п[ол]к		
232[-я] герм[анская]	445[-й] пех[отный]	Нем[цы]	Пл[енными] 29.9. *Пер[еводом] 7.10*
35	446 ,,		Пок[азаниями] 29.9. *Пок[азаниями] 7.10.*
	447 ,,		Пок[азаниями] 29.9. *Пок[азаниями] 7.10.*
	355[-я] сап[ёрная] рота		Пок[азаниями] 4.8.
	346[-я] пион[ерная] рота		Пл[енными] 4.8.
	37[-й] пол[евой] арт[иллерийский]		Пок[азаниями] 29.9. *Пок[азаниями] 7.10.*

6[-я] герм[анская][73] 3[-й] к[орпу]с	24[-й] пех[отный]		Пл[енными] 9.8.
	64 ,,		Пок[азаниями] 4.9.
	396 ,,		Пл[енными] 19.7.
	3[-й] пол[евой] арт[иллерийский] п[ол]к		Пок[азаниями] 13.7.
6[-я] герм[анская] рез[ервная]	20[-й] рез[ервный]		Пок[азаниями] 13.9.
	35[-й] рез[ервный]		Пер[еводом] 13.9.
	24[-й] рез[ервный]		Пок[азаниями] 13.9.
	3[-й] рез[ервный] уланск[ий] п[олк]		
	6[-й] рез[ервный] артил[лерийский] п[олк]		
5[-я] герм[анская] пол[евая] 3[-й] к[орпу]с	8[-й] лейб-грен[адерский]		Уб[итыми] 10.8.
	12[-й] грен[адерский]		Док[ументами] 6.8.
	52[-й] пех[отный]		Уб[итыми] 24.8.
	18[-й] пол[евой] арт[иллерийский] п[ол]к		Пл[енными] 17.7.
	3[-й] гус[арский] полк		

[На 4 октября]: Всего 12 ½ пех[отных дивизий].

[На 18 октября]: Всего 10 ½ (12) пех[отных] и 1 кав[алерийская] див[изия].

III. Участок Колодзеиовка – Днестр (115 вёрст) (участок 7-й армии, – С.К.)

22[-я] герм[анская][74]	167[-й] пех[отный]	Нем[цы]	Пок[азаниями] 15.8.
	83 ,,		Пок[азаниями] 3.8.
	82[-й] пех[отный]		Пок[азаниями] 14.9.
	6[-й] кир[асирский] п[олк]		Пер[еводом] 17.4.
	14[-й] (и 47[-й] арт[иллерийские] ?)		Пок[азаниями] 16.8.
	18[-й] тяж[ёлый] арт[иллерийский]		Пок[азаниями] 24.7.
	2[-я] сам[окатная] р[ота] 11[-го] ег[ерского] б[а]т[а]л[ьона]		Пл[енными] 12.7.

[73] К 18 октября вместо этой дивизии на данном участке фронта находилась другая, предположительно Баварская пехотная дивизия (Там же. Л. 214).

[74] Согласно данным за 18 октября, на указанном участке фронта присутствие частей дивизии не отмечено (Там же. Л. 214).

197[-я] герм[анская]	32[-й] л[анд]в[ерный] п[ол]к	Нем[цы]	Пок[азаниями] 14.9.
	7[-й] ег[ерский] п[ол]к		Пок[азаниями] 25.8.
	273[-й] рез[ервный]		Пер[еводом] 25.8.
	261[-й] арт[иллерийский] п[ол]к		Пок[азаниями] 25.8.
	14[-й] ул[анский]		Пл[енными] 14.9.
241[-я] герм[анская] див[изия]	472[-й]	Нем[цы]	Пл[енными] 14.9.
	473		Пок[азаниями] 14.9.
	474		Пок[азаниями] 25.8.
	48[-й] пол[евой] арт[иллерийский] п[ол]к		Пл[енными] 26.7.
	373[-я] сап[ёрная] и 374[-я] пион[ерная] роты		Док[ументами] 12.5.
	441[-е] ми-ном[ётное] отд[еление]		Пок[азаниями] 26.7.
	8[-й] драг[унский] п[ол]к		Пок[азаниями] 26.7.
	18[-й] гус[арский] п[ол]к		

237[-я] пех[отная] герм[анская]	460[-й] п[олк]	Нем[цы]	Уб[итыми] 26.7. *Уб[итыми] 6.5.*
	461 ,,		Пок[азаниями] 14.9.
	462 ,,		Пок[азаниями] 29.8. *Пок[азаниями] 9.10.*
	83[-й] арт[иллерийский] п[ол]к		Пок[азаниями] 29.8.
	13[-й] ул[анский] п[ол]к [4[-й] эск[адрон]]		Пл[енными] 11.7.
	365[-я] сап[ёрная] рота		Пок[азаниями] 23.8.
	67[-й] арт[иллерийский] п[ол]к (отдельный)		Пок[азаниями] 23.8.
96[-я] герм[анская] див[изия] 756 –?	40[-й] зап[асный]	Нем[цы]	Уб[итыми] 27.8. *Пок[азаниями] 9.10.*
	244[-й] рез[ервный]	,,	Пок[азаниями] 18.9. *Пл[енными] 9.10.*
	102[-й] л[ан]дв[ерный]	,,	Пл[енными] 18.9.

	? 62[-й] пол[евой] арт[иллерийский] п[олк]		Пок[азаниями] 23.6.
	32[-й] арт[иллерийский] п[олк]		Пок[азаниями] 18.9.
	22[-я] сап[ёрная] ро-та		Пок[азаниями] 4.9.
15[-я] рез[ервная] герм[анская] див[изия]	17[-й] рез[ервный]		Пер[еводом] 19.9.
	25[-й] рез[ервный]		Пок[азаниями] 18.9.
	69[-й] рез[ервный]		Пок[азаниями] 8.9.
	15[-й] рез[ервный] арт[иллерийский] п[ол]к		Пл[енными] 18.6.
	8[-я] пион[ерная] бат[арея]		Пок[азаниями] 30.6.
	215[-я] мином[ётная] рота		Пок[азаниями] 30.6.
	361[-я] пионер[ная] рота		Пок[азаниями] 30.6.
223[-я] герм[анская]	29[-й] зап[асный]	Нем[цы]	Пок[азаниями] 30.8.
	173[-й] пех[отный]	,,	Пок[азаниями] 30.7.
	144[-й] пех[отный]	,,	Пл[енными] 30.8.
	3[-й] рез[ервный] драг[унский] полк		Пок[азаниями] 20.6.
	280[-й] пол[евой] пуш[ечный] п[олк]		Пок[азаниями] 27.7.
	82[-й] тяж[ёлый] арт[иллерийский] п[олк]		
	343[-я] пион[ерная] рота		
54[-я] австр[ийская] 25[-й] ав[стрийский] к[орпу]с 423	81[-й] имп[ерский]	Чеш[ский]	Пок[азаниями] 6.8.
	88 ,,	Чеш[ско] – нем[ецкий]	Пл[енными] 23.9.
	19[-й] стр[елковый]	Рус[ины] – пол[яки]	Пер[еводом] 1.10.
	Украинский		Пл[енными] 19.6.
	35[-й] стр[елковый]	Рус[ины] – пол[яки]	Пок[азаниями] 1.10.
	32[-й] ег[ерский] б[а]т[а]л[ьон]	Рус[ины]-мад[ьяры]	Пок[азаниями] 3.9.
	54[-я] австр[ийская] арт[иллерийская] бригада		Пок[азаниями] 24.7.
55[-я] австр[ийская] 25[-й] ав[стрий-ский] к[орпу]с	308[-й] г[о]нв[едный]	Рум[ыны]	Пок[азаниями] 28.9.
	309 ,,	Мад[ьяры] – рум[ыны]	Пок[азаниями] 28.9.

649	103[-й] имп[ерский]	Рум[ыны] – мад[ьяры]	Пок[азаниями] 28.9.
	310[-й] г[о]нв[едный]		Пл[енными] 28.9. *Пер[еводом] 8.10.*
	55[-й] рез[ервный] п[олевой] п[ушечный] п[олк]		Пер[еводом] 20.9.
	4[-й] пол[евой] гауб[ичный]		
	12-я б[а]т[а]р[ея] (10 см)		
	2[-й] креп[остной] п[олк]		
	2[-я] тяж[ёлая] б[а]т[а]р[ея] (15 см)		
24[-я] герм[анская] рез[ервная]	104[-й] рез[ервный]	Нем[цы]	Док[ументами] 19.7.
	107 ,,	,,	Пок[азаниями] 2.8.
	133 ,,	,,	Пок[азаниями] 2.8.
	24[-й] рез[ервный] арт[иллерийский] ?		Пок[азаниями] 30.6.
	40[-й] рез[ервный] арт[иллерийский полк] (1–9 бат[ареи])		Пок[азаниями] 29.4.
	17[-й] тяж[ёлый] арт[иллерийский] п[олк] (9[-я] и 11-я бат[арея])		Пок[азаниями] 30.6.
	II пион[ерный] эрзац б[а]т[а]л[ьон] [№] 12		Пок[азаниями] 30.6
	224[-я] мином[ётная] рота		Пок[азаниями] 30.6.
	Гвард[ейский] кир[асирский] п[ол]к	Нем[цы]	Пл[енными] 30.6.
Бав[арская] л[анд]шт[урменная] бриг[ада]	2[-й] Бав[арский] л[анд]шт[урменный]	Нем[цы]	Пл[енными] 9.9.
	3 ,, ,,		Пл[енными] 23.8.
53[-я] рез[ервная] герм[анская] 27[-й] к[орпу]с	241[-й] рез[ервный]	Нем[цы]	Пл[енными] 16.8.
	242 ,,	,,	Пок[азаниями] 16.8. *Пл[енными] 9.10.*
	243 ,,	,,	Пок[азаниями] 16.8.
	53[-й] рез[ервный] пол[евой] арт[иллерийский]		Пл[енными] 15.7.
	53[-е] рез[ервное] кав[алерийское] отд[еление]		
	53[-е] пион[ерное]		

	отд[еление]		

20[-я] турец[кая] ?	61[-й] пех[отная]	Тур[ки]	Пок[азаниями] 19.6.
	62 „	„	Пл[енными] 19.7.
	63 „	„	Пок[азаниями] 19.7.
	6[-й] австр[ийский] креп[остной] п[олк]		
38[-я] г[о]нв[едная]	21[-й] г[о]нв[едный]	Рум[ыны]	Пл[енными] 13.9.
	23 „	Рум[ыны]	Пер[еводом] 30.6.
23	22[-й] г[о]нв[едный]	Рум[ыны]	Пл[енными] 1.10.
	5[-й] г[о]нв[едный] п[олевой] п[ушечный] п[олк]		Пок[азаниями] 27.7.
	3[-й] (8[-й])? пол[евой] гауб[ичный]		
	38[-й] тяж[ёлый] арт[иллерийский]		Пл[енными] 25.7.
	Учебный б[а]т[а]л[ьон] 38[-й] г[о]нв[едной дивизии]		

[На 4 октября]: Всего 13 ½ пех[отных] и ½ кав[алерийских] див[изий].
[На 18 октября]: Всего 12 ½ пех[отных] див[изий].

[На 4 октября]: Всего против Юго-Западного фронта 44 ½ пех[отных] и 6 (7) кав[алерийских] див[изий]. Штыков 295300; сабель 21800; лёгких орудий 1282; полевых гаубиц 620; тяжелых орудий 372.
[На 18 октября]: Всего против Юго-Западного фронта 40 (42) ½ пех[отных] и 7 1/2 кав[алерийских] див[изий]. Штыков 272200; сабель 28600; лёгких орудий 1234; полевых гаубиц 596; тяжелых орудий 348.

Приложение № 2 к разведывательной сводке № 258 от 25 октября 1917 года.
Подсчёт сил противника, действующих против армий Юго-Западного фронта по данным к вечеру 25 октября 1917 года[75].

Приложение № 2 к разведывательной сводке № 259 от 1 ноября 1917 года.
Подсчёт сил противника, действующих против армий Юго-Западного фронта по данным к вечеру 1 ноября 1917 года[76].

I. Участок Припять – Мерва (245 вёрст) (участок Особой армии, – С.К.)

Дивизия (бригада*)	**Полк (батальон)**	**Народность**	**Время и способ обнаружения**

[75] РГВИА. Ф. 2246. Оп. 1. Д. 162. Л. 204-207.
[76] Там же. Л. 226-229. Курсивом в таблице выделены данные уточнённые к 1 ноября.

Арм[ейский] отр[яд] Гронау 5[-я] герм[анская] кав[алерийская] 41[-й] к[орпу]с 908	1[-й] л[ейб-]кир[асирский]	Нем[цы]	Пок[азаниями] 28.9.
	8[-й] драг[унский]		Пок[азаниями] 28.9.
	4[-й] драг[унский] ?		Пок[азаниями] 5.12. [1916 г.]
	10[-й] стр[елковый] (ул[анский])		Пок[азаниями] 28.9.
	430[-й] п[олевой] п[ушечный]		Пл[енными] 28.9.
	22[-й] рез[ервный] ег[ерский] б[а]т[а]л[ьон]		Пок[азаниями] 28.9.
	5[-й] конно-арт[иллерийский] див[изио]н [4-й див]		Франц[узские сведения] 16. 7.
	275[-го] пол[евого] арт[иллерийского] п[ол]ка (1-я бат[арея])		Фр[анцузские] разв[ед. данные] 16. 7.
95[-я] герм[анская] пех[отная] 41[-й] к[орпу]с 148	422[-й] пех[отный]	Нем[цы]	Пок[азаниями] 28.9.
	430[-й] л[анд]в[ерный]		Пок[азаниями] 28.9.
	271[-й] рез[ервный]		Пок[азаниями] 28.9.
	52[-й] л[анд]в[ерный] ?		Пок[азаниями] 28.9.
	898[-я] пол[евая] бат[арея]		
	275[-й] пол[евой] арт[иллерийский] п[олк] 2[-я] бат[арея]		
	? тяж[ёлый] арт[иллерийский] п[ол]к		
82[-я] рез[ервная] [77] 41[-й] к[орпу]с 862	270[-й] рез[ервный]	Нем[цы]	Пок[азаниями] 17.6.
	272 ,,		Пер[еводом] 3.8.
	Л[анд]шт[урменный] б[а]т[а]л[ьон] Бург IV / 7		Пок[азаниями] 3.8.
	Л[анд]шт[урменный] б[а]т[а]л[ьон] 4 Бонн VIII / 40		Док[ументами] 25.6.
	69[-й] пол[евой] рез[ервный] арт[иллерийский] п[олк]		Пок[азаниями] 8.6.
	70 ,, ,, ,, ,,		Пок[азаниями] 4.2.
	275[-й] пол[евой] арт[иллерийский]		Пок[азаниями] 8.6.

[77] Замечена смена дивизии австрийцами 16 августа.

	879[-я] сакс[онская] пол[евая] бат[арея]		
	7[-й] ул[анский] п[ол]к		
9[-я] герм[анская] кав[алерийская] Группа Гауэра 868	8[-й] гус[арский]	Нем[цы]	Пер[еводом] 24.10.
	4[-й] кир[асирский]		Фр[анцузскими] док[ументами] 16.6. *Пок[азаниями] 24.10.*
	11[-й] гус[арский]		Пок[азаниями] 4.8. *Пок[азаниями] 24.10.*
	5[-й] ул[анский]		Пок[азаниями]13.6. *Пок[азаниями] 24.10.*
	19[-й] драг[унский]		Пок[азаниями] 10.12. [1916].
	13[-й] ул[анский]		Пер[еводом] 10.12. [1916].
	3[-й] рез[ервный] тяж[ёлый] рей-тарск[ий] стрелк[овый] п[олк]		Пер[еводом] 17.4. *Пок[азаниями] 24.10.*
	10[-й] кон[но-]арт[иллерийский] див[изио]н		*Пок[азаниями] 24.10.*
	15[-я] тяж[ёлая] 15 см бат[арея]		
Части Бав[арской] кав[алерийской] Гуппа Гауэра 766	1[-й] Бав[арский] ул[анский]	Нем[цы]	Пок[азаниями] 7.10.
	2 ,, ,,		Пок[азаниями] 7.10.
	1[-й] Бав[арский] легк[ий] кон[ный]		Пок[азаниями] 6.4.
	6 ,, ,, ,,		
	9[-й] л[анд]шт[урменный] б[а]т[а]л[ьон] Глац 6/24		Пок[азаниями] 7.10.
	5[-й] кон[но-]арт[иллерийский] див[изио]н		
	Тяжёлая батарея		
1[-я] герм[анская] л[анд]в[ерная] Группа Гауэра 785	31[-й] л[анд]в[ерный]	Нем[цы]	Пок[азаниями] 13.7.
	84[-й] л[анд]в[ерный]		Пок[азаниями] 13.7.
	4[-й] ег[ерский] б[а]т[а]л[ьон]		Уб[итыми] 13.5.
	219[-й] л[анд]в[ерный] арт[иллерийский] ?		
	836[-я] пол[евая] бат[арея]		

	96[-й] пол[евой] арт[иллерийский] п[ол]к		
	90[-й] л[анд]в[ерный] стр[елковый] кав[алерийский] п[ол]к		
9[-я] австр[ийская] кав[алерийская] Группа Гауэра 409	4[-й] драг[унский]	Нем[цы]	Пок[азаниями] 30.7.
	13,,	Нем[ецко] – чеш[ский]	Пок[азаниями] 30.7.
	6[-й] ул[анский]	Пол[яки] – рус[ины]	Пок[азаниями] 30.7.
	1[-й] драг[унский]	Чеш[ско] – нем[ецкий]	Пер[еводом] 30.7.
	9[-й] кон[но-]арт[иллерийский]		
	2[-й] пол[евой] гауб[ичный]		
	26[-й] л[анд]в[ерный] тяж[ёлый] арт[иллерийский] п[ол]к (4-я бат[арея])		

91[-я] герм[анская] 2[-й] ав[стрийский] к[орпу]с Группа Клаузиуса 850	437[-й] п[олк]	Нем[цы]	Пл[енными] 7.8.
	349[-й] л[анд]в[ерный]		Пок[азаниями] 7.8.
	277[-й] арт[иллерийский]		Пок[азаниями] 7.8.
	? 12[-й] конно-егер[ский] п[олк]		
45[-я] ав-стр[ийская] стр[елковая] 2[-й] ав[стрийский] к[орпу]с 295	17[-й] стр[елковый]	Пол[яки]	Пок[азаниями] 27.9.
	18 ,,	Рус[ины] – пол[яки]	Пер[еводом] 5.10.
	33 ,,	Рус[ины]	Пок[азаниями] 27.9.
	34 ,,	Рус[ины] – пол[яки]	Пер[еводом] 27.9.
	3[-й] ул[анский] кон[но-] стр[елковый] п[олк]	Рус[ины] – пол[яки]	Пл[енными] 18.4.
	45[-й] пол[евой] пуш[ечный] п[олк]		Пер[еводом] 9.5.
	45[-й] п[олевой] гауб[ичный]		Пер[еводом] 21.7.
	45[-й] тяж[ёлый] арт[иллерийский]		
	? герм[анский] тяж[ёлый артилле-		Пок[азаниями] 15.3.

	рийский]		
	802[-я] пол[евая] бат[арея]		
26[-я] ав-стр[ийская] стр[елковая] 22[-й] ав[стрийский] к[орпу]с 627	11[-й] стр[елковый]	Чеш[ский]	Пер[еводом] 21.10.
	12 „	„	Пок[азаниями] 15.7.
	9 „	Чеш[ско]-нем[ецкий]	Пл[енными] 5.9.
	10 „	Чеш[ский]	Пер[еводом] 15.7.
	26[-й] пол[евой] пуш[ечный]		
	26[-й] п[олевой] гауб[ичный]		Док[ументами] 11.2.
	26[-й] тяж[ёлый] арт[иллерийский]		
	2[-й] конно-стр[елковый] п[ол]к		
? *2*[-я] герм[анская] кав[алерийская]	5[-й] драг[унский]	*Нем[цы]*	По сведениям Брит[анского] Ген[ерального] Штаба
	14[-й] гусар[ский]		
	23[-й] драг[унский]		
	24[-й] драг[унский]		
	4[-й] кав[алерийский] легко-кон[ный]		
	5[-й] бавар[ский] легко-кон[ный]		
	Самок[атная] рота 3[-го] ег[ерского] б[атальо]на		
	11[-й] конно-арт[иллерийский] див[изион]		
? 4[-я] ав-стр[ийская] 22[-й] ав[стрийский] к[орпу]с 288	99[-й] имп[ерский]	Пол[яки]	Пер[еводом] 19.9.
	49 „	Нем[цы]	Пок[азаниями] 13.7.
	8 „	Чеш[ский]	Пер[еводом] 12.9.
	30[-й] стр[елковый][78]	Чеш[ский]	Пер[еводом] 17.7.
	4[-й] пол[евой] пуш[ечный]		
	4[-й] пол[евой] гауб[ичный]		
	4[-й] тяж[ёлый] арт[иллерийский]		Пок[азаниями] 6.7.
	6[-я] мином[ётная] бат[арея]		
	5[-й] конно-стр[елковый] п[ол]к		
107[-я] герм[анская]	232[-й] рез[ервный]	Нем[цы]	Пер[еводом] 28.9.
	227„	„	Пок[азаниями] 28.9.

[78] На 1 ноября присутствие данного полка зафиксировано не было (Там же. Л. 226 об.).

814	52 „	„	Пок[азаниями] 28.9.
	37[-й] л[анд]в[ерный] п[олк]	„	Пер[еводом] 24.10.
	213[-й] пол[евой] арт[иллерийский] полк		Пок[азаниями] 28.9.
	5[-я] б[а]т[а]р[ея] 2[-го] див[изио]на 1[-го] тяж[ёлого] арт[иллерийского полка]		
	107[-я] тяж[ёлая] арт[иллерийская] б[а]т[а]р[ея] ?		
	6[-й] кирас[ирский] полк		
	1[-й] ул[анский] полк		
45[-я] герм[анская] л[анд]в[ерная] 975	350[-й] л[анд]в[ерный]	Нем[цы]	Пл[енными] 20.10.
	133[-й] л[анд]в[ерный]	„	Пок[азаниями] 1.7.
	107 „	„	Пок[азаниями] 1.7.
	Л[анд]шт[урменный] б[а]т[а]л[ьон] 2 Кёльн 15 / VIII	„	Пок[азаниями] 1.7.
	Арт[иллерийский] ?		
? 22[-я] герм[анская] л[анд]в[ерная][79]	*?*	*?*	*?*
12[-я] ав[стрийская] кав[алерийская] 454	2[-й] конно-стрелк[овый]	Рус[ины]	Пок[азаниями] 9.10. *Пок[азаниями] 28.10.*
	4	Чеш[ско] – нем[ецкий]	Пок[азаниями] 9.10. *Пл[енными] 28.10.*
	5	Рус[ины] – пол[яки]	Пл[енными] 9.10.
	6	Чеш[ско] – нем[ецкий]	Пок[азаниями] 9.10.
	Арт[иллерийский] ?		

7[-я] герм[анская] л[ан]дв[ерная] 8[-й] герм[анский] к[орпу]с	121[й] л[анд]в[ерный]	Нем[цы]	Убит[ыми] 22.8.
	126[-й] л[анд]в[ерный]		Пок[азаниями] 8.6.
	122[-й] рез[ервный] п[олк]		Пер[еводом] 8.6.

[79] Присутствие этой дивизии на данном участке фронта Особой армии предположительно отмечено в приложении к сводке от 1 ноября (Там же. Л. 226 об.).

369	14[-й] егерск[ий] б[а]т[альон]		Пок[азаниями] 8.6.
	1[-й] л[анд]дв[ерный] арт[иллерийский] п[олк]		
	20[-й] ул[анский] п[ол]к		
	Эск[адрон] XII к[орпу]с[ного] окру-га		
86[-я] герм[анская] 8[-й] гер[манский] к[орпу]с 793	341[-й] п[олк]	Нем[цы]	Пер[еводом] 24.10.
	343 ,,		Пер[еводом] 3.10. *Пок[азаниями] 24.10.*
	344 ,,		Пер[еводом] 3.10. *Пок[азаниями] 24.10.*
	86[-й] пол[евой] арт[иллерийский]		Фр[анцузские] разв[ед. данные] 16.7.
	220 ,, ,,		
	Тяж[ёлый] арт[иллерийский] полк?		Пок[азаниями] 15.6.
	86[-я] пионер[ная] рота		Пок[азаниями] 15.6.
	86[-я] самокат[ная] рота		
	7[-й] ул[анский] п[олк]		
2[-я] австр[ийская] 412	4[-й] ег[ерский] б[а]т[а]л[ьон]	Мад[ьяры]	Пер[еводом] 20.8. *Пер[еводом] 30.10.*
	29[-й] ег[ерский] б[а]т[а]л[ьон]	Рум[ыны] – мад[ьяры] – рус[ины]	Пок[азаниями] 20.8. *Пок[азаниями] 24.10.*
	?[80] 103[-й] имп[ерский]	Пол[яки] – рус[ины]	Пер[еводом] 11.9.
	40[-й] имп[ерский]	Пол[яки] – рус[ины]	Пер[еводом] 24. 10.
	62[-й] имп[ерский]		Пок[азаниями] 20.8. *Пок[азаниями] 24.10.*
	2[-й] пол[евой] пуш[ечный]		
	10[-й] рез[ервный] пол[евой] пуш[ечный]?		
	2[-й] пол[евой] гауб[ичный]		
	2[-й] тяж[ёлый] арт[иллерийский]		

[80] К 1 ноября присутствие данного полка ставилось под сомнение (Там же. Л. 227).

	3[-й] конно-стр[елковый] п[олк]		
10[-я] герм[анская] л[анд]в[ерная] див[изия] Гр[уппа] Луга 778	378[-й] п[олк]	Нем[цы]	Пок[азаниями] 5.9.
	377 ,,		Пер[еводом] 7.9.
	372 ,,		Пок[азаниями] 5.9.
	97[-й] пол[евой] арт[иллерийский]		Пок[азаниями] 18.9.
	11[-й] тяж[ёлый] арт[иллерийский]		Пок[азаниями] 18.9.
	813[-я] пол[евая] бат[арея]		Пок[азаниями] 5.9.
	84[-й] пол[евой] арт[иллерийский] ?		Пок[азаниями] 5.9.
	93[-й] пол[евой] арт[иллерийский]		Пок[азаниями] 5.9.
	50[-я] пионер[ная] рота		
2[-я] бриг[ада] герм[анской] гвард[ейской] кав[алерийской] див[изии]	1[-й] гв[ардейский] ул[анский]	Нем[цы]	Пок[азаниями] 14.4.
	3 ,, ,,	,,	Пок[азаниями] 14.4.
224[-я] герм[анская] Гр[уппа] Луга 1006	19[-й] л[анд]в[ерный]	Нем[цы]	Пок[азаниями] 11.8. *Пок[азаниями] 24.10.*
	61,,	,,	Пер[еводом] 11.8. *Пок[азаниями] 24.10.*
	429[-й] п[олк]	,,	Пер[еводом] 24.10.
	284[-й] пол[евой] арт[иллерийский]		Пок[азаниями] 11.6.
	285 ,, ,,		Фр[анцузскими] док[ументами]31. 10. [1916 г.]
	11[-й] конно-егерск[ий]		
108[-я] герм[анская] Гр[уппа] Рачин 871	97[-й] пех[отный] ?	Нем[цы]	Пок[азаниями] 2.10.
	137 ,,	,,	Пок[азаниями] 2.10.
	265[-й] рез[ервный]	,,	Пок[азаниями] 2.10.
	243[-й] пол[евой] арт[иллерийский]		
	11[-й] тяж[ёлый] арт[иллерийский]		
	882[-я] и 888[-я] п[олевая] арт[иллерийская] бат[арея]		
	204[-й] ав[стрийский] пуш[ечный] полк		Пер[еводом] 4.7.
215[-я] герм[анская]	37[-й] рез[ервный]?	Нем[цы]	Пок[азаниями] 13.8.
	224[-й] рез[ервный]		Пок[азаниями] 30.9.

Гр[уппа] Рачин 996	п[олк]		
	71[-й] л[анд]в[ерный] п[олк]?		Пок[азаниями] 30.9.
	84[-й] л[анд]в[ерный] п[олк]?		Пер[еводом] 30.9.
	2[-й] рез[ервный] зап[асный] п[олк]		Пок[азаниями] 30.9.
	21[-й] рез[ервный] егер[ский] б[а]т[а]л[ьон]		Пок[азаниями] 30.9.
	274[-й] арт[иллерийский]		Пок[азаниями] 15.9.
	813[-я] пол[евая] л[ёгкая] б[ата]рея		Пок[азаниями] 15.9.
	3[-й] эск[адрон] 13[-го] ул[анского] п[ол]ка?		
32[-я] ав-стр[ийская] див[изия] 632	6[-й] имп[ерский]	Серб[бы]	Пер[еводом] 4.9.
	23 „	Серб[ы] – хорв[аты]	Пок[азаниями] 4.9.
	70 „	Чешско – нем[ецкий]	Пер[еводом] 4.9.
	86 „	Мад[ьяры] – серб[ы]	Пок[азаниями] 4.9.
	32[-й] п[олевой] п[ушечный] п[олк]		
	32[-й] п[олевой] гауб[ичный]		
	32[-й] тяж[ёлый] арт[иллерийский]		

	39[-й] л[анд]в[ерный полк] (92[-й герман-ской] д[ивизии])	Нем[цы]	Пок[азаниями] 1.8.
	11[-й] пол[евой] арт[иллерийский] п[ол]к (22[-й герман-ской] д[ивизии])		Пок[азаниями] 16. 8.
Части ? герм[анской] пех[отной] див[изии]	?		Пок[азаниями] беж[авших] из плена солдат
Части 46[-й] стр[елковой] ав-стр[ийской]	13[-й] л[анд]шт[урменный] п[олк]	Чеш[ско] – нем[ецкий]	Пер[еводом] 18.9.
	13[-й] стр[елковый] п[олк]	Чеш[ско] – нем[ецкий]	Пок[азаниями] 18.9.

[На 25 октября]: Всего 16 (18 ½) пех[отных] див[изий], 6 ½ кав[алерийских] див[изий].

[На 1 ноября]: Всего 16 (19 ½) пех[отных] див[изий], 6 ½ кав[алерийских] див[изий].

II. Участок Мерва – Колодзеиовка (125 вёрст) (участок 11-й армии, – С.К.)

46[-я] стр[елковая] австр[ийская] Гр[уппа] Тифенба-ха 227	31[-й] стр[елковый]	Пол[яки]	Пок[азаниями] 12.8.
	32 „	Пол[яки]	Пок[азаниями] 18.8.
	15 „	Нем[цы]	Пок[азаниями] 9.8.
	16 „	Пол[яки]	Пер[еводом] 10.9.
	46[-й] пол[евой] пуш[ечный]		
	46[-й] пол[евой] гауб[ичный]		
	46[-й] тяж[ёлый] арт[иллерийский]		
	4[-й] ул[анский] стр[елковый] п[олк]		
? гер[манская] див[изия]	?	?	Пок[азаниями] беж[авших] из плена солдат
25[-я] ав-стр[ийская] 18[-й] ав[стрийский] к[орпу]с 297	6[-й] ег[ерский] б[а]т[а]л[ьон]	Чеш[ско] – пол[ьский]	Пок[азаниями] 3.8.
	10[-й] ег[ерский] б[а]т[а]л[ьон]	Нем[цы]	Пок[азаниями] 2.8.
	4[-й] имп[ерский][81]	Нем[цы] – итал[ьянцы]	Пок[азаниями] 2.9. *Пер[еводом] 25.10.*
	84 „[82]	Нем[цы] – итал[ьянцы]	Пер[еводом] 3.9.
	25[-й] пол[евой] пуш[ечный] п[олк]		Пок[азаниями] 15.1.
	25[-й] „ гауб[ичный]		Пок[азаниями] 15.1.
	25[-й] тяж[ёлый] арт[иллерийский]		Пок[азаниями] 15.1.
	Эскадрон 15го ул[анского] п[олка]		Пок[азаниями] 20.8.
15[-я] л[анд]в[ерная] герм[анская] 18[-й] ав[стрийский] к[орпу]с	12[-й] л[анд]в[ерный]	Нем[цы]	Пок[азаниями] 23.7.
	53 „	„	Док[ументами]15.8.
	55 „	„	Пл[енными] 22.8.
	15[-й] л[анд]в[ерный] арт[иллерийский]		Анг[ийские] док[ументы] 1.4.
	1[-й] австр[ийский] пол[евой] гауб[ичный] п[олк]		
	14[-й] герм[анский] кир[асирский] п[олк]		
4[-я] кав[алерийская]	1[-й] ул[анский]	Пол[яки] – рус[ины]	Пер[еводом] 16.9. *Пер[еводом] 30.10.*

[81] 6-й батальон 4-го имперского полка состоял из итальянцев (Там же. Л. 205 об., 227 об.).
[82] 5-й батальон 84-го имперского полка состоял из итальянцев (Там же. Л. 205 об., 227 об.).

австр[ийская] 5[-й] ав[стрийский] к[орпу]с 284	5[-й] драг[унский]	Нем[цы] – сло-вен[цы]	Пер[еводом] 26.8.
	9[-й] драг[унский]	Рум[ыны] – рус[ины]	Пер[еводом] 24.9.
	13[-й] ул[анский]	Пол[яки] – рус[ины]	Пер[еводом] 24.9.
	4[-е] кон[но]-артиллерийское от[деле]ние		Пер[еводом] 22.8.
	46[-й] рез[ервный] тяж[ёлый] арт[иллерийский]		Пок[азаниями] 23.8.
	33[-й] пол[евой] гауб[ичный]		Пок[азаниями] 23. 8.
	27[-й] гер[манский] пеш[ий] арт[иллерийский]		Пок[азаниями] 22. 8.
27[-я] ав-стр[ийская]? 5[-й] ав[стрийский] к[орпу]с 244	25[-й] имп[ерский]	Мад[ьяры] – словац[кий]	Пок[азаниями] 13.10.
	84 „	Мад[ьяры]	Пок[азаниями] 13.10.
	85 „	Рум[ыны] – рус[ины]	Пок[азаниями] 13.10.
	67 „	Мад[ьяры]	Пер[еводом] 13.10.
	27[-й] п[олевой] п[ушечный] п[олк]		
	27[-й] п[олевой] гауб[ичный]		
	27[-й] тяж[ёлый] арт[иллерийский]		
	2[-я] морт[ирная] 305 мм [батарея]		
	714[-я] отд[ельная] 12 см б[а]т[а]р[ея]		
12[-я] л[анд]в[ерная] герм[анская] 5[-й] ав[стрийский] к[орпу]с	56[-й] л[анд]в[ерный]	Нем[цы]	Пок[азаниями] 8.8. *Пл[енными] 27.10.*
	87 „[83]		Пл[енными] 4.8. *Пок[азаниями] 27.10.*
	436 „		Пл[енными] 27.7. *Пок[азаниями] 27.10.*
	30[-й] рез[ервный] арт[иллерийский] ?		Фр[анцузские] разв[ед. данные] 16.7.
	12[-й] л[анд]в[ерный] арт[иллерийский]		Фр[анцузские] разв[ед. данные] 18.7.

[83] В состав 87-го ландверного полка вошёл 4-й батальон 110-го ландверного полка.

	82[-й] или 84[-й] арт[иллерийский] п[олк] ?		
	24[-й] драг[унский] п[олк]		
33[-я] австр[ийская] 77	19[-й] имп[ерский]	Мад[ьяры]	Пл[енными] 8.9.
	83 ,,	Нем[цы]	Пл[енными] 25.8.
	12[-й] имп[ерский]	Мад[ьяро] – словац[кий]	Пок[азаниями] 10.9.
	26 ,,	Мад[ьяры] – словац[кий]	Пл[енными] 10. 9.
	33[-й] п[олевой] п[ушечный] п[олк]		
	33[-й] пол[евой] гауб[ичный]		
	33[-й] тяж[ёлый] арт[иллерийский]		
	1[-й] креп[остной] арт[иллерийский]		
	14[-й] тяж[ёлый] гауб[ичный]		
	819[-я], 823[-я], 827[-я] герм[анские] батареи и 525[-я] австрийская бат[арея]		Пок[азаниями] 20.4.
	9[-й] австр[ийский] креп[остной] б[а]т[а]л[ьон]		Пл[енными] 24.6.

92[-я] герм[анская] див[изия] *? 2002*	33[-й] л[анд]в[ерный]	Нем[цы]	Пер[еводом] 12.8. *Пок[азаниями] 16.10.*
	432[-й] пех[отный]		Пер[еводом] 17.8. *Пок[азаниями] 16.10.*
	419[-й] пех[отный]		Пок[азаниями] 17.8. *Пер[еводом] 16.10.*
	2[-й] пол[евой] арт[иллерийский]		Пок[азаниями] 1.8.
	11[-й] гус[арский] п[олк]		
	648[-я] герм[анская] тяж[ёлая] б[ата]рея		
11[-я] ав[стрийская] див[изия] 408	89[-й] имп[ерский]		Пл[енными] 28.8.
	90		Пер[еводом] 16.8.
	95		Пер[еводом] 12.9. *Пок[азаниями] 28.10.*
	58	Рус[ины]	Пок[азаниями] 16.8. *Пер[еводом] 28.10.*

	11[-й] пол[евой] пуш[ечный] п[олк]		
	11[-й] пол[евой] гауб[ичный]		
	11[-й] тяж[ёлый] арт[иллерийский]		
	1[-й] ул[анский] л[анд]в[ерный] п[ол]к		
232[-я] герм[анская] 35	445[-й] пех[отный]	Нем[цы]	Пер[еводом] 7.10
	446 ,,		Пок[азаниями] 7.10.
	447 ,,		Пок[азаниями] 7.10.
	355[-я] сап[ёрная] рота		Пок[азаниями] 4.8.
	346[-я] пион[ерная] рота		Пл[енными] 4.8.
	37[-й] пол[евой] арт[иллерийский]		Пок[азаниями] 7.10.
14[-я] Бав[арская] пех[отная] див[изия]	4[-й] бав[арский] пех[отный]	Нем[цы]	Уб[итыми] 10.10.
	8 ,, ,,?		
	25 ,, ,,?		
	23[-й] бав[арский] пол[евой] арт[иллерийский] п[олк]		
	600[-й] пол[евой] арт[иллерийский] п[олк]		
6[-я] герм[анская] рез[ервная]	20[-й] рез[ервный]		Пок[азаниями] 13.9.
	35[-й] рез[ервный]		Пер[еводом] 23.10.
	24[-й] рез[ервный]		Пок[азаниями] 13.9.
	3[-й] рез[ервный] уланск[ий] п[олк]		
	6[-й] рез[ервный] артил[лерийский] п[олк]		

[На 25 октября]: Всего 11 ½ пех[отных] и 1 кав[алерийская] див[изия].

[На 1 ноября]: Всего 11 ½ пех[отных] и 1 кав[алерийская] див[изия].

III. Участок Колодзеиовка – Днестр (115 вёрст) (участок 7-й армии, – С.К.)

Бав[арская] зап[асная] див[изия]	?	?	?
197[-я] герм[анская]	32[-й] л[анд]в[ерный]	Нем[цы]	Пер[еводом] 19.10.

	п[ол]к		
	7[-й] ег[ерский] п[ол]к		Пл[енными] 24.10.
	273[-й] рез[ервный]		Пер[еводом] 25.8.
	261[-й] арт[иллерийский] п[ол]к		Пок[азаниями] 25.8.
	14[-й] ул[анский]	Нем[цы]	Уб[итыми] 24. 10.
241[-я] герм[анская] див[изия]	472[-й]	Нем[цы]	Пл[енными] 14.9.
	473		Пок[азаниями] 14.9.
	474		Пок[азаниями] 25.8.
	48[-й] пол[евой] арт[иллерийский] п[ол]к		Пл[енными] 26.7.
	373[-я] сап[ёрная] и 374-я] пион[ерная] роты		Док[ументами] 12.5.
	441[-е] мином[ётное] отд[еление]		Пок[азаниями] 26.7.
	8[-й] драг[унский] п[ол]к		Пок[азаниями] 26.7.
	18[-й] гус[арский] п[ол]к		

237[-я] пех[отная] герм[анская]	460[-й] п[олк]	Нем[цы]	Уб[итыми] 6.5. *Пл[енными] 30.10.*
	461 ,,		Пок[азаниями] 14.9.
	462 ,,		Пок[азаниями] 9.10.
	83[-й] арт[иллерийский] п[ол]к		Пок[азаниями] 29.8.
	13[-й] ул[анский] п[ол]к		Пл[енными] 11.7.
	365[-я] сап[ёрная] рота		Пок[азаниями] 23.8.
	67[-й] арт[иллерийский] п[ол]к (отдельный)		Пок[азаниями] 23.8.
96[-я] герм[анская] див[изия] 756 –?	40[-й] зап[асный]	Нем[цы]	*Пок[азаниями] 9.10.*
	244[-й] рез[ервный]	,,	Уб[итыми] 19.10.
	102[-й] л[ан]дв[ерный]	,,	Пл[енными] 18.9.
	? 62[-й] пол[евой] арт[иллерийский] п[олк]		Пок[азаниями] 23.6.
	32[-й] арт[иллерийский]		Пок[азаниями] 18.9.

	п[олк]		
	22[-я] сап[ёрная] ро-та		Пок[азаниями] 4.9.
15[-я] рез[ервная] герм[анская] див[изия]	17[-й] рез[ервный]		Пер[еводом] 19.9.
	25[-й] рез[ервный]		Пок[азаниями] 18.9.
	69[-й] рез[ервный]		Пок[азаниями] 24.10. *Пер[еводом] 31.10.*
	15[-й] рез[ервный] арт[иллерийский] п[ол]к		Пл[енными] 18.6.
	8[-я] пион[ерная] бат[арея]		Пок[азаниями] 30.6.
	215[-я] мином[ётная] рота		Пок[азаниями] 30.6.
	361[-я] пионер[ная] рота		Пок[азаниями] 30.6.
223[-я] герм[анская]	29[-й] зап[асный]	Нем[цы]	Пок[азаниями] 24. 10.
	173[-й] пех[отный]	,,	Пер[еводом] 24.10.
	144[-й] пех[отный]	,,	Пок[азаниями] 24.10.
	3[-й] рез[ервный] драг[унский] полк		Пок[азаниями] 20.6.
	(180[-й] ?) 280[-й] пол[евой] пуш[ечный] п[олк]		Пок[азаниями] 27.7.
	82[-й] тяж[ёлый] арт[иллерийский] п[олк]		
	(223[-я] ?) 343[-я] пион[ерная] рота		
54[-я] ав-стр[ийская] 25[-й] ав[стрийский] к[орпу]с 423	*? 30[-й] стр[елковый]*	*Чеш[ский]*	
	?[84] 81[-й] имп[ерский]	Чеш[ский]	Пок[азаниями] 6.8.
	? 88 ,,	Чеш[ско] – нем[ецкий]	Пл[енными] 23.9.
	19[-й] стр[елковый]	Рус[ины] – пол[яки]	Пер[еводом] 1.10.
	Украинский[85]		Пл[енными] 19.6.
	35[-й] стр[елковый]	Рус[ины] – пол[яки]	Пок[азаниями] 1.10.
	32[-й] ег[ерский] б[а]т[а]л[ьон]	Рус[ины] – мад[ьяры]	Пок[азаниями] 3.9.
	54[-я] австр[ийская] арт[иллерийская]		Пок[азаниями] 24.7.

[84] К 1 ноября присутствие этого полка на данном участке фронта ставилось под сомнение.
[85] К 1 ноября полк не был обнаружен на фронте 7-й армии (Там же. Л. 228 об.).

	бригада		
55[-я] ав-стр[ийская] 25[-й] ав[стрийский] к[орпу]с 649	308[-й] г[о]нв[едный]	Рум[ыны]	Пок[азаниями] 28.9.
	309 ,,	Мад[ьяры] – рум[ыны]	Пок[азаниями] 28.9.
	103[-й] имп[ерский]	Рум[ыны] – мад[ьяры]	Пок[азаниями] 28.9.
	310[-й] г[о]нв[едный]		Пер[еводом] 8.10. *Пер[еводом] 25.10.*
	55[-й] рез[ервный] п[олевой] п[ушечный] п[олк]		Пер[еводом] 20.9.
	4[-й] пол[евой] гауб[ичный]		
	12-я б[а]т[а]р[ея] (10 см)		
	2[-й] креп[остной] п[олк]		
	2[-я] тяж[ёлая] б[а]т[а]р[ея] (15 см)		
24[-я] герм[анская] рез[ервная]	104[-й] рез[ервный]	Нем[цы]	Док[ументами] 19.7.
	107 ,,	,,	Пок[азаниями] 2.8.
	133 ,,	,,	Пок[азаниями] 2.8.
	24[-й] рез[ервный] арт[иллерийский] ?		Пок[азаниями] 30.6.
	40[-й] рез[ервный] арт[иллерийский полк] (1–9 бат[ареи])		Пок[азаниями] 29.4.
	17[-й] тяж[ёлый] арт[иллерийский] п[олк] (9[-я] и 11-я бат[арея])		Пок[азаниями] 30.6.
	II пион[ерный] эрзац б[а]т[а]л[ьон] [№] 12		Пок[азаниями] 30.6
	224[-я] мином[ётная] рота		Пок[азаниями] 30.6.
	Гвард[ейский] кир[асирский] п[ол]к	Нем[цы]	Пл[енными] 30.6.
Бав[арская] л[анд]шт[урменная] бриг[ада]	2[-й] Бав[арский] л[анд]шт[урменный]	Нем[цы]	Пл[енными] 9.9.
	3 ,, ,,		Пл[енными] 23.8.
53[-я] рез[ервная] герм[анская] 27[-й] к[орпу]с 867	241[-й] рез[ервный]	Нем[цы]	Пер[еводом] 22.10.
	242 ,,	,,	Пл[енными] 9.10. *Пл[енными] 26.10.*
	243 ,,	,,	Пок[азаниями] 16.8.
	53[-й] рез[ервный]		Пл[енными] 15.7.

	пол[евой] арт[иллерийский]		
	53[-е] рез[ервное] кав[алерийское] отд[еление]		
	53[-е] пион[ерное] отд[еление]		

20[-я] турец[кая] ?	61[-й] пех[отная]	Тур[ки]	Пок[азаниями] 19.6.
	62 „	„	Пл[енными] 19.7.
	63 „	„	Пок[азаниями] 19.7.
	6[-й] австр[ийский] креп[остной] п[олк]		
38[-я] г[о]нв[едная]	21[-й] г[о]нв[едный]	Рум[ыны]	Пл[енными] 13.9.
23	23 „	Рум[ыны]	Пер[еводом] 30.6.
	22[-й] г[о]нв[едный]	Рум[ыны]	Пл[енными] 1.10.
	5[-й] г[о]нв[едный] п[олевой] п[ушечный] п[олк]		Пок[азаниями] 27.7.
	3[-й] (8[-й]?) пол[евой] гауб[ичный]		
	38[-й] тяж[ёлый] арт[иллерийский]		Пл[енными] 25.7.
	Учебный б[а]т[а]л[ьон] 38[-й] г[о]нв[едной диви-зии]		

[На 25 октября]: Всего 12 (13) ½ пех[отных] див[изий].

[На 1 ноября]: Всего 12 (13) ½ пех[отных] див[изий].

[На 25 октября]: Всего против Юго-Западного фронта 40 (43) ½ пех[отных] и 7 ½ кав[алерийских] див[изий]. Штыков 273600; сабель 28400; лёгких орудий 1266; полевых гаубиц 584; тяжелых орудий 348.

[На 1 ноября]: Всего против Юго-Западного фронта 40 (44) ½ пех[отных] и 7 ½ кав[алерийских] див[изий]. Штыков 271900; сабель 26700; лёгких орудий 1266; полевых гаубиц 584; тяжелых орудий 352.

Приложение № 3

Фотодокументы и открытки

Неизвестный художник. Раненым немецкому солдату и казаку явилась Вифлеемская звезда. Рождественская открытка 1914 г.

Сестра милосердия оказывает помощь раненым русским солдатам и немецкому военнослужащему. Открытка. 1915 г.

Пленный немец среди русских солдат. (из фонда РГАКФД).

Братание солдат. Группа солдат и офицеров русской и австрийской армий позируют в поле фотографу. 1914–1916 гг. Личный архив Н. Крузе. (из фонда РГАКФД).

Братание немецких и русских солдат на Западном фронте. 1917 г. (из фонда РГАКФД).

Братание австрийских пленных с русскими солдатами. 1914–1917 гг. (из фонда РГАКФД).

Братание на австрийском фронте. 1917 г. (из фонда РГАКФД).

Солдаты наблюдают за костром – сигналом перемирия. Западный фронт. 1917 г. (из фонда РГАКФД).

И. Владимиров. Братание.

Список сокращений

Армиском – Армейский исполнительный комитет

Арком – Армейский солдатский комитет

Военмин – Военный министр

Военмор – Военный и морской министр

ВрИД – Временно исполняющий должность

ВРК (Ревком) – Военно-революционный комитет

Г. дв. – Господский двор

Гвардкав – Гвардейский кавалерийский корпус

Гвардкор – Гвардейский корпус

Генкварм 1 (7, 8, 11, Особой) – Генерал-квартирмейстер штаба командующего 1-й (7-й, 8-й, 11-й, Особой) армии

Генкварверх – Генерал-квартирмейстер Ставки Верховного главнокомандующего

Генкварзап – Генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего армиями Западного фронта

Генкваррум – Генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего армиями Румынского фронта

Генкварсев – Генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего армиями Северного фронта

Генкварюз – Генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта

Главковерх – Верховный главнокомандующий

Главкозап – Главнокомандующий армиями Западного фронта

Главкорум – Главнокомандующий армиями Румынского фронта

Главкосев – Главнокомандующий армиями Северного фронта

Главкоюз – Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта

Дармия – Действующая армия

Дегенверх – Дежурный генерал Ставки Верховного главнокомандующего

Дегенюз – Дежурный генерал штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта

Дивиском – Дивизионный исполнительный комитет

Дивком – Дивизионный солдатский комитет

Запфронт – Западный фронт

Инаркор – Инспектор артиллерии корпуса

Инспартарм – Инспектор артиллерии армии

Иском – Исполнительный комитет

Кавкор – Кавалерийский корпус

3 Кавккор – 3-й Кавказский армейский корпус

Кол. – Колония

Комкор – Командир корпуса

Командарм – Командующий армией

Комиссарм 1 (7, 8, 11, Особой) – Комиссар Временного правительства при 1-й (7-й, 8-й, 11-й, Особой) армии

Комиссарверх – Комиссар Временного правительства при Ставке Верховного главнокомандующего

Комиссарзап – Комиссар Временного правительства при штабе главнокомандующего армиями Западного фронта

Комиссаррум – Комиссар Временного правительства при штабе главнокомандующего армиями Румынского фронта

Комиссарсев – Комиссар Временного правительства при штабе главнокомандующего армиями Северного фронта

Комиссарюз – Комиссар Временного правительства при штабе главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта

Корком – Корпусной солдатский комитет

Начинарм – Начальник инженеров армии

Начсанот – Начальник санитарного отдела

Наштарм – Начальник штаба армии

Наштаверх – Начальник штаба Верховного главнокомандующего

Наштадив – Начальник штаба дивизии

Наштазап – Начальник штаба главнокомандующего армиями Западного фронта

Наштакор – Начальник штаба корпуса

Наштарум – Начальник штаба главнокомандующего армиями Румынского фронта

Наштасев – Начальник штаба главнокомандующего армиями Северного фронта

Наштаюз – Начальник штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта

НЭХО – Начальник этапно-хозяйственного отдела

Поглавкорум – Помощник главнокомандующего армиями Румынского фронта

Помкомиссара – Помощник комиссара

Снабюз – Начальник снабжений армий Юго-Западного фронта

Севфронт – Северный фронт

СРиСД – Совет рабочих и солдатских депутатов

Топрокарм – Товарищ прокурора армии

Угенкварверх – Управление генерал-квартирмейстера Ставки Верховного главнокомандующего

Угенкварзап – Управление генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями Западного фронта

Угенкваррум – Управление генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями Румынского фронта

Угенкварсев – Управление генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями Северного фронта

Угенкварюз – Управление генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта

ЦИКСОРСОД – Центральный исполнительный комитет Советов рабочих и солдатских депутатов

Штарм – Штаб армии

Штадив – Штаб дивизии

Штакор – Штаб корпуса

Штаюз – Штаб главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта

Юзфронт – Юго-Западный фронт